

СЕРГЕЙ ГЛЕБОВ

ЕВРАЗИЙСТВО

МЕЖДУ

ИМПЕРИЕЙ

И МОДЕРНОМ

СЕРГЕЙ

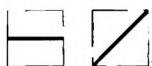
ГЛЕБОВ

ЕВРАЗИЙСТВО

МЕЖДУ ИМПЕРИЕЙ

И МОДЕРНОМ

ИСТОРИЯ В ДОКУМЕНТАХ

НОВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

2010

УДК 39(572)

ББК 63.5(3)

Г53

Серия «НОВЫЕ ГРАНИЦЫ» ИЗДАЕТСЯ С 2004 ГОДА

С 2009 ГОДА — СОВМЕСТНЫЙ ПРОЕКТ

«НОВОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА» И ЖУРНАЛА АВ IMPERIO

Издатель Андрей Курилкин

Дизайн Анатолий Гусев

АВ IMPERIO ИЗДАЕТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ

Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МАКАРТУРОВ

ГЛЕБОВ С.

Г53 Евразийство между империей и модерном: История в документах
М.: Новое издательство, 2010. — 632 с. — (Новые границы)

ISBN 978-5-98379-135-0

Книга Сергея Глебова «Евразийство между империей и модерном» представляет научную публикацию переписки лидеров евразийского движения — писем Николая Трубецкого и Петра Арапова Петру Сувчинскому и писем Петра Савицкого Трубецкому. Переписка проливает свет на возникновение и развитие евразийского движения, его внутренние дебаты, отношение к различным интеллектуальным течениям первой трети XX века, связи с эмигрантскими организациями и Советским Союзом, проникновение секретных служб СССР в эмигрантскую среду и другие сюжеты политической жизни русской эмиграции 1920-х годов. Публикация писем снабжена подробными комментариями и пространное введение — очерком фактической и интеллектуальной истории евразийского движения, рассматривающим его в политическом, идеологическом и научном контексте межвоенной эпохи.

УДК 39(572)

ББК 63.5(3)

ISBN 978-5-98379-135-0

© Ab Imperio, 2010

© Новое издательство, 2010

Предисловие	7
1 ЕВРАЗИЙСТВО МЕЖДУ ИМПЕРИЕЙ И МОДЕРНОМ	
1 Начало	13
2 Действующие лица	20
Николай Сергеевич Трубецкой	23
Петр Петрович Сувчинский	30
Петр Николаевич Савицкий	37
Петр Семенович Арапов	41
3 Пореволюционное поколение: «Обессиливающей рефлексии чужды...»	46
4 Евразийские вариации: в поиске целого	61
5 Границы империи и границы модерна. Антиколониальная риторика и теория культурных типов	76
Критика колониализма и спасение империи	76
Генеалогия ареальной мысли: от универсализма к партикуляризму	85
Культурные ареалы и критика модерна	90
6 Мысля империю «структурно»: евразийская наука в поисках единства в рамках новой парадигмы	95
Империя языка: лингвистика языковых союзов	104
Империя пространства: месторазвитие и системная география	111

СОДЕРЖАНИЕ

7 В ПОИСКАХ ТРЕТЬЕГО ПУТИ: ЕВРАЗИЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МЕЖДУ ФАШИЗМОМ И КОММУНИЗМОМ	121
Деньги и издательства	123
Евразийство и «Трест»	134
Евразийство как организация	141
Раскол	143
ПРИМЕЧАНИЯ	149
II ИЗ ПЕРЕПИСКИ ЕВРАЗИЙЦЕВ, 1921–1928	
1 Из писем Н.С. Трубецкого П.П. Сувчинскому	177
2 Из писем Н.С. Трубецкого П.Н. Савицкому	557
3 Из писем Н.С. Трубецкого П.С. Арапову	562
4 Из писем П.С. Арапова П.П. Сувчинскому	567
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	621

Предисловие

В настоящий том вошли письма Н.С. Трубецкого и П.С. Арапова П.П. Сувчинскому за 1921–1928 годы, сохранившиеся в архиве Сувчинского в Национальной библиотеке Франции в Париже. Кроме того, в сборник включены письма Н.С. Трубецкого П.Н. Савицкому за 1923 год, которые хранятся в той же архивной коллекции и служат важным дополнением к корпусу писем Трубецкого Сувчинскому¹.

Возможно, многие историки поставят под сомнение правомерность публикации под одной обложкой документов, вышедших из-под пера столь разных людей: с одной стороны, всемирно известный ученый, один из основоположников структурализма, с другой — довольно «темная» личность, никому не известный офицер-эмигрант, ставший агентом ОГПУ и исчезнувший в советских лагерях. Тем не менее любая граница, прочерченная в истории евразийского движения между «классическим» евразийством (его научной составляющей) и подпольной политикой, искусственна. Историю евразийства можно рассказать, только если рассматривать политику, искусство и науку как составляющие единой идеологии. В этом смысле тексты Арапова, ключевой фигуры в контактах евразийцев с «Трестом» (фиктивной монархической

¹ Вопрос о том, каким образом письма Н.С. Трубецкого к П.Н. Савицкому оказались в архиве П.П. Сувчинского, остается открытым. Вполне вероятно, что они попали к последнему от самого П.Н. Савицкого — еще до начала периода напряженных отношений между двумя лидерами евразийства.

организацией, созданной ОГПУ для «инфильтрации» в эмигрантскую среду), ничем не хуже и не лучше текстов Трубецкого и являются не менее важными документами для истории евразийского движения. Более того, поскольку Трубецкой переписывался и встречался не только с интеллектуалами, но и с людьми уровня Арапова, публикация писем последнего в одном томе с бумагами Трубецкого не должна выглядеть слишком экстравагантной.

Стили этих двух авторов, качество текстов, их интеллектуальные горизонты, безусловно, были очень различны. Их объединяло одно: оба они, как представляется, были достаточно близки с П.П. Сувчинским, чтобы позволить себе значительную долю откровенности. Для Трубецкого Сувчинский оставался одним из самых близких людей на протяжении практически всех 1920-х годов; Арапов, в свою очередь, являлся верным последователем идей Сувчинского, его духовным учеником. В силу этого публикуемые документы обладают уникальным свойством: они проливают свет на весьма сложные взаимоотношения внутри евразийского движения, демонстрируют, какие проблемы были особенно важны для его участников. Учитывая, что официальные евразийские публикации подвергались весьма серьезной редакции и внутреннему цензурированию, роль этих документов неоценима в деле реконструкции, описания и критики феномена евразийства.

Стоит отдельно остановиться на происхождении публикуемых документов. Все они хранятся в огромной архивной коллекции П.П. Сувчинского в Департаменте музыки Национальной библиотеки Франции в Париже. Напомним, что в конце 1924 года Сувчинский переселился в Париж, где и жил до самой смерти в 1985 году. В 1960-х годах Сувчинский, уже пожилой человек, пытался продать свой архив и вел переговоры на эту тему с Гарвардским университетом (посредником в этих переговорах выступал Роман Якобсон, а оценивать коллекцию приезжал известный историк Ричард Пайпс²), но сделка не состоялась, поскольку Сувчинский не был удовлетворен предложенной ему суммой (10 000 долларов, тогда как он оценивал архив в 30 000). После смерти Сувчинского

² См. переписку Р.О. Якобсона и П.П. Сувчинского за 1951 год: Bibliothèque National de France. Département de Musique [далее — BNF, DdM.]. 0092 (21).

в 1985 году его вдова, Марианна Львовна Сувчинская, передала значительную часть архива известному поэту Вадиму Козовому, а другую — в Департамент музыки Национальной библиотеки Франции. Предполагалось, что Козовой осуществит публикацию материалов архива Сувчинского, но до своей смерти в 1999 году он сумел напечатать лишь малую часть архивной коллекции — переписку Сувчинского и Пастернака. Несмотря на то что в литературе часто встречаются ссылки на копии отдельных писем из архива (в частности, письма Трубецкого к Сувчинскому скопировал с хранившихся у Козового бумаг Владимир Аллой), эти документы так и не были введены в научный оборот. После смерти Козового его вдова передала остававшуюся у нее часть архива Сувчинского в Национальную библиотеку, где он и хранится сейчас.

Эпистолярная часть архива Сувчинского в Национальной библиотеке Франции впечатляет даже не столько количеством единиц хранения, сколько разнообразием корреспондентов. В архиве находится его переписка с И. Ф. Стравинским и С. С. Прокофьевым, Д. П. Святополк-Мирским, Л. П. Карсавиным и Н. С. Трубецким, Б. Л. Пастернаком, Мариной Цветаевой, М. В. Юдиной, Максимом Горьким, советскими музыковедами и итальянскими футуристами; философами Ж. Деррида и Ю. Кристевой, звездой мюзиклов В. Дукельским (Vernon Duke) и художником П. Челищевым. Для истории собственно евразийства коллекция Сувчинского является уникальным источником, поскольку дает представление о развитии этого движения не только с точки зрения ортодоксальных евразийцев, но и с точки зрения его участников с крайне левыми взглядами. Кроме того, сохранившиеся у Сувчинского документы проливают свет на финансирование движения и его контакты с советскими спецслужбами.

При работе над настоящей книгой использовались архивные коллекции Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Центрального исторического архива города Москвы (ЦИАМ), Бахметьевского архива Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), Отдела редких книг и рукописей библиотеки Файерстоун Принстонского университета (Принстон, США). В публикуемых письмах орфография и пунктуация были приведены к современным стандартам; при этом публикатор стремился к сохранению некоторых индивидуальных особенностей пунктуации.

Публикация настоящих документов является частью многолетнего проекта по изучению истории евразийского движения. Во время работы над этим проектом многие люди оказывали мне самое разнообразное содействие. В течение пяти лет работы над диссертацией по истории евразийского движения в Университете Ратгерс (Нью-Джерси, США) профессор Сеймур Беккер был для меня примером интеллектуальной честности — и остается таковым и сейчас. Я хотел бы поблагодарить коллег, с которыми мне довелось обсуждать историю евразийства — как лично, так и на различных конференциях: Давида Схиммельпеннинка ван дер Ойе, Марка Бэссина, Илью Виньковецкого, Марлен Ларюэль, Ольгу Майорову, Штефана Видеркейра, Мартина Байссвенгера, Веру Тольц, Чарльза Хальперина, Харшу Рэма и многих других. Моя особая благодарность — Патрику Серио и ныне покойному Марку Раеву, беседы с которыми были для меня чрезвычайно полезны. Таня Чеботарева из Бахметьевского архива при Колумбийском университете и Габриэль Суперфин из Института Восточной Европы при Университете Бремена оказали мне неоценимую помощь в навигации по архивам «зарубежной России». В Париже г-жа Мари Аврил и г-жа Элизабет Виллатт содействовали мне в работе над архивными коллекциями Национальной библиотеки. Мой самый большой долг — перед моими коллегами по журналу *Ab Imperio*: Ильей Герасимовым, Мариной Могильнер, Александром Семеновым и Александром Каплуновским, с которыми меня объединяют не только взгляды на историю Российской империи, но и дружба длинной в десятилетие. Мое понимание истории евразийства сформировалось под влиянием их идей и работ и наших дискуссий о новой имперской истории России и Евразии. Без участия Ильи Герасимова эта публикация не увидела бы свет, и я глубоко благодарен ему не только за организацию работы и редактуру, которые он вынес на своих плечах, но и за интеллектуальную щедрость, постоянную готовность поделиться своей интерпретацией материала и обсудить мою. Разумеется, все ошибки и недочеты этого издания относятся на мой счет.

Корректурное примечание. Когда работа над настоящим изданием была окончена, нам стало известно о выходе в свет книги: *Трубкавой Н.С. Письма к П.П. Сувчинскому. 1921–1928. М.: Русский путь, 2009*, подготовленной К.Б. Ермишиной на основе копий В.Е. Аллоя.

ЕВРАЗИЙСТВО
МЕЖДУ ИМПЕРИЕЙ
И МОДЕРНОМ

.

г. Начало

Осенью 1920 года многие подданные бывшей Российской империи, рассеянные по различным странам Европы, с тревогой вчитывались в военные сводки из Крыма, публиковавшиеся парижскими «Последними известиями» — самой популярной газетой эмиграции. Положение врангелевских войск становилось все более шатким. Гражданская война в Европейской России подходила к концу. 18 августа того же года в одном номере со знаменитой статьей Б.Э. Нольде о «зарубежной России»¹, среди военных сводок, в кратком и неприметном сообщении «Последних известий» из Болгарии упоминалось, что князь Николай Сергеевич Трубецкой получил место доцента — преподавателя языкознания — в Софийском университете.

По воле судьбы в это время в болгарской столице оказалось несколько недавно эмигрировавших из России молодых людей, которые обнаружили между собой много общего. Кроме Трубецкого, в эту группу входили князь Андрей Александрович Ливен, Петр Петрович Сувчинский и Георгий Васильевич Флоровский. Сувчинский совместно с Н.С. Жекулиным и Р.Г. Молловым основал в Софии Русско-Болгарское книгоиздательство. Одной из первых его публикаций стала книга Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» — манифест антиевропеизма, обвинявший европейскую цивилизацию в колониальной агрессии против всего человечества.

Андрея Ливена связывали дружеские контакты с еще одним молодым ученым — учеником П.Б. Струве по петроградскому Политехническому институту Петром Николаевичем Савицким. В начале осени 1920 года Савицкий находился в Крыму, где работал

в Департаменте внешних сношений правительства генерала Врангеля, а в ноябре эвакуировался в Константинополь. Именно там он получил письмо от Ливена, который сообщал ему о «евразийской» группе в Софии и планах по изданию «евразийской» литературы. Как писал Ливен, «Трубецкому поручено составление евразийского сборника». Очевидно, Ливен и Савицкий обсуждали идеи книги об особом российском мире «Евразии» задолго до описываемых событий.

В Константинополе Савицкий прочитал книгу Трубецкого «Европа и человечество» и откликнулся на нее большой рецензией в «Русской мысли», издание которой незадолго до этого решил восстановить в Софии П.Б. Струве. Постоянно находясь в разъездах, Струве поручил Савицкому представлять его в Софии, а право издания «Русской мысли» было передано Русско-Болгарскому книгоиздательству. В начале 1921 года Савицкий переехал в болгарскую столицу, и в течение года там сложилось ядро той группы людей, которая в разном составе на протяжении всех 1920-х годов будет пропагандировать новое течение российской мысли — евразийство. Летом 1921 года эта группа заявила о себе первым публичным выступлением и в августе выпустила первый сборник статей — «Исход к Востоку»...⁴

История евразийства как движения ограничивается 1920–1930-ми годами. Однако евразийская идеология, которая, казалось, навсегда исчезла с политической и интеллектуальной сцены в середине XX века, сегодня вновь возвращается на страницы книг, газет и журналов. В течение второй половины XX века евразийство жило полуподпольной жизнью, выходя на свет только в работах последователя Савицкого — Льва Николаевича Гумилева и в некоторых книгах историка-эмигранта Георгия Владимировича Вернадского. С крахом советского режима и исчезновением советского метаязыка возрождение евразийства, очевидно, стало попыткой занять на постсоветском пространстве освободившуюся идеологическую нишу, причем попыткой не всегда безуспешной. Фашиствующее движение Александра Дугина, евразийские рассуждения лидеров коммунистов, наконец, евразийская лексика казахстанского президента, открывшего в Астане Евразийский университет имени Льва Гумилева, — все говорит о том, что евразийство, в отличие от других идеологий межвоенной

эмиграции, сделало небезуспешную попытку возвращения или, точнее, проникновения на территорию Евразии. Современное евразийство роднит с евразийством историческим неприятие современной культуры, враждебность к либерализму и попытка найти «третий путь» между капитализмом и государственным вмешательством в жизнь общества и экономическую деятельность, то есть те черты, которые сближали евразийство 1920-х годов с фашизмом межвоенной Европы. В постсоветской, травмированной России, которую социологи называли даже Веймарской Россией, у такого движения, безусловно, есть потенциал³. Немало важен и тот факт, что сегодня, как и девять десятилетий назад, российская публика живет под впечатлением от распада многонационального имперского государства, от утраты этим государством статуса мировой державы. Казалось бы, евразийство, настаивающее на равенстве народов Евразии, провозглашающее участие неславянских народов в общей государственной и политической жизни Евразии, может повернуть Россию на путь чуть ли не современного западного мультикультурализма и сделать возможным сохранение единого постсоветского пространства. Однако «синкретизм» евразийства никогда не приводил к замещению русского национализма некой менее исключительной национальной идентичностью (как можно было бы предположить на основании отдельных положений евразийского учения). Исторически в евразийстве всегда перевешивала та составляющая, которая связана с фашизмом, а переоценка национальной идентичности, даже если в ней и был изначально заложен потенциал преодоления этнической исключительности, является скорее оправданием целостности имперского пространства и апологией территориальной экспансии.

Впрочем, исследование, содержание которого зависит лишь от идеологических забот сегодняшнего дня, — плохое исследование. Существует достаточно аргументов, объясняющих, почему прошлое евразийского движения, каким бы оно ни было, важно для понимания истории России в XX веке. Евразийство возникло в условиях политической эмиграции 1920-х годов, существовало среди эмигрантов и разделяло эмигрантские предрассудки и стиль мышления. Учитывая традиционное внимание, которое политические эмигранты уделяют происходящему на своей роди-

не, их взгляды зачастую необычны, поскольку, как отмечал Георг Зиммель, странник живет как бы в двух измерениях — в реальном мире изгнания и воображаемом мире своего отечества. Унаследованные из прошлого традиции преломляются в ситуации «перемещения» (*displacement*) и конструируют образы будущего. Время, которое с неумолимостью сокращает культурный рынок эмигрантского общества, способствует его все большей ассимиляции в принимающие общества, создавая ощущение распада и надвигающейся катастрофы. Как писал один из эмигрантов 1920-х годов, эмиграция представляет собой «этнографическую пыль». Самоидентификация эмигранта связана с определением места в принимающем обществе и выстраиванием границ «своего» в реальном мире, но это выстраивание зависит от того, как определяется воображаемое отечество. Для эмигрантов 1920-х годов контекстом, в котором воображалось это отечество, была история России имперского периода и факт ее распада, с одной стороны, и глубокий кризис европейской модерности — с другой.

На протяжении всего советского периода история эмиграции не привлекала практически никакого внимания: в СССР этому не способствовали идеологические условия, а на Западе, за исключением единичных работ историков, советская концепция «краха антисоветской белоэмиграции» транслировалась в общее ощущение, что эмигранты из бывшей Российской империи — это представители безвозвратно ушедшего мира, атавизм истории, не имеющий никакой эвристической ценности⁴. Само понятие революции в рамках модернизационной парадигмы, господствовавшей во второй половине XX века, было тесно связано с современностью и неумолимым движением прогресса. Под влиянием марксовской интерпретации Гегеля революция осмыслялась как разрешение, снятие противоречий общественного устройства, как выход на новую, более прогрессивную стадию развития. Контрреволюционные эмигранты вписывались в эту картину лишь как печальный пережиток истории, тупиковая ветвь исторического развития. Парадоксальным образом огромное количество работ было написано об отдельных эмигрантах: таких знаменитостях, как Набоков или Стравинский, но не об эмиграции. Ситуацию не изменила даже возникшая в период крушения колониальных империй мода на исследования миграций и диаспор или традиционный интерес

к теме изгнания, который всегда проявляли интеллектуалы: ни в постсоветской России, ни за рубежом не появилось культурной или социальной истории эмиграции как особой области исследований⁵. Спадением советского режима увидело свет необозримое количество публикаций об эмиграции в России, но, несмотря на большую работу по введению в оборот новых источников, здесь говорить о каких-то концептуальных инновациях пока рано⁶. К сожалению, если эмиграция и возвращалась, то в обличье «подлинной исторической правды», которую искажала советская идеологическая наука; она была, как любили говорить в конце 1980-х — начале 1990-х, средством для уничтожения очередного «белого пятна» на исторической карте. В тех немногих работах западных исследователей, которые посвящены российской эмиграции, речь обычно идет либо об истории культуры в традиционном понимании «высокой культуры», либо о последних годах жизни известных персонажей предреволюционной российской истории, что ограничивает исследования эмиграции областью «классической» культурной и политической истории⁷.

В то же время история эмиграции 1920–1930-х годов представляет собой любопытную модель «альтернативной лаборатории», в которой представители образованных классов бывшей Российской империи конструировали прошлое и будущее России, причем, в отличие от интеллектуалов Советской России, они обладали возможностью напрямую транслировать опыт и ощущения европейской модерности кризисного межвоенного периода в свои тексты о российской истории и политике⁸. Именно в эмиграции сформировался русский фашизм, а культурный фермент модернизма конца XIX — начала XX века остался вне рамок Советского государства и большевистской идеологии.

Несмотря на то что провозглашенная российской пореволюционной эмиграцией («зарубежной Россией», как ее назвал Б.Э. Нольде) задача сохранения и возвращения «национальной» традиции в освобожденную от большевиков Россию так и не была выполнена (в отличие от некоторых постсоветских государств, никакой более или менее значительной инкорпорации эмигрантского наследия в академическую науку в России, за немногими исключениями, не произошло), именно в эмиграции началось осмысление истоков революции, хода Гражданской войны, самой

возможности существования многонациональной империи⁹. Более того, многие российские интеллектуалы в изгнании особенно остро ощущали кризисный характер современности: Россия была выброшена большевистским переворотом на едва ли подходящий для нее путь построения социализма и, как считал, например, Н.С. Трубецкой, «то, что для европейских экономистов является конечным пределом эволюции, в России в данном случае является исходным пунктом интересующей нас эволюции»¹⁰. Согласно такому взгляду, необходим был поиск новых форм социального и государственного устройства, новых подходов к организации научного знания и восприятию европейского наследия.

Одним из ярких примеров такого поиска, в котором отразились самые разнообразные проблемы российской истории, и было евразийское движение, которое в своем стремлении, с одной стороны, сохранить имперскую целостность России, объявив невозможными и бессмысленными национализмы населяющих ее народов, а с другой — исключить ее из сферы европейской модерности провозгласило Россию особой, неевропейской цивилизацией. Представители евразийского движения подчеркивали свое отличие как от традиций дореволюционного периода (таких, как либерализм, народничество или консервативный монархизм), так и от современных им европейских параллелей (например, фашизма). Несмотря на то что евразийское движение развивалось именно в контексте интеграционалистских и фашистских движений в межвоенной Европе и было во многом родственно им по своей тематике, языку и методам, проблематика евразийства выходит за пределы неоромантических идеологий и движений. В отличие от европейских параллелей в евразийстве отразилась не только критика стандартизирующей западной культуры, свойственная консервативным течениям — предтечам фашизма — в период между двумя мировыми войнами, но и антиколониальная риторика¹¹. Испытав влияние теории культурных типов, которую в России разрабатывал Н.Я. Данилевский, а также критики дарвинистской модели эволюции (предпринятой, например, в работах Льва Семёновича Берга), евразийские мыслители разрабатывали ультрасовременный структуралистский метод, оставив значительный (но до сих пор мало исследованный) след в истории эпистемологии XX века. Теория культурных типов, критика колониализма и «ре-

акционный модернизм» были связаны в евразийском дискурсе не только с европейской этнографической традицией и российским консервативным романтизмом, но и с проблемным полем модерна русского национализма, формировавшегося в пределах имперской политики¹². Нормативное знание в гуманитарных и социальных науках в течение XIX века развивалось в контексте национального государства, идеальной модели и смысловой рамки, которые формировали общественное мировоззрение. Империя, многонациональное государство, каковым являлась Россия, была своего рода черной дырой гуманитарного и социального знания: она не породила аналогов нормативному знанию национального государства, а лишь примеряла на себя модели, развившиеся в контексте национального государства. Проблематика имперского государства, соотнесение моделей национализма и реальности Российской империи стали центральной темой евразийского дискурса, объединив эстетику и геополитику, фонологию и историю. Именно поэтому история евразийства — это симптом встречи интеллектуальной элиты многонационального, экономически и политически отсталого государства с современностью. В результате этой встречи евразийцы выработали в различных сферах своей деятельности — в науке и политике, в эстетике и религии — свой язык, ключевыми элементами которого стали концепты «современность», «синтез», «целостность», «идеократия», «третий путь», «автаркия», «колониализм» и т.д.

2. Действующие лица

Евразийство не смогло бы стать столь многообразным движением, затронувшим самые различные аспекты политики и науки, если бы в нем не принимали участия незаурядные личности, сыгравшие значительную роль в развитии таких разных областей, как история музыки, фонология или биогеография. Несмотря на различные профессиональные и общекультурные интересы, эти люди были объединены определенным поколенческим этосом и опытом последних «нормальных» лет Российской империи, Первой мировой войны, двух революций и Гражданской войны. Они разделяли общее ощущение глубокого кризиса — точнее, надвигающейся катастрофы — современной им европейской цивилизации; они верили, что путь к спасению лежит в проведении границ между различными культурами, как выражался Трубецкой, воздвигении «перегородок, доходящих до неба». Они испытывали глубокое презрение к либеральным ценностям и процессуальной демократии и верили в неминуемое пришествие нового, еще невиданного строя. Эти люди, за немногими исключениями, принадлежали к привилегированным слоям бывшей Российской империи. Многие, особенно среди младших евразийцев, воевали в Белой армии, потерпели поражение и пережили изгнание.

Историки неодинаково оценивали участников евразийского движения, и их внимание не всегда напрямую зависело от того, какую роль сыграл тот или иной человек в общей истории движения. Безусловно, больше всего написано о Н.С. Трубецком, что объясняется его научной карьерой и многолетними усилия-

ми Р.О. Якобсона по пропаганде его лингвистических идей¹. Однако биографии Трубецкого, даже если они выходят за рамки чисто лингвистических аспектов его деятельности, остаются односторонними, так как опираются на весьма ограниченное число источников. Отсутствие доступа к архивным материалам² стало причиной идеализации и облагораживания облика Трубецкого: большинство биографий этого выдающегося лингвиста обходят стороной такие черты Трубецкого, как яркий антисемитизм, граничивший с нацистскими убеждениями, и принадлежащее ему авторство фашистской теории государства, которую проповедовали евразийцы. О П.П. Сувчинском биографической литературы до последнего времени практически не существовало, а те фрагментарные биографические данные, которые появлялись по большей части в апологетических сборниках, несмотря на их значение для культурологии или музыковедения, не соответствуют критериям исторической науки³. Д.П. Святополк-Мирский удостоился отдельной биографии, возможно, благодаря тому, что его работы по истории русской литературы, вышедшие на английском языке, получили широкую известность в англосаксонском мире и на них выросло не одно поколение славистов⁴. Если Г.В. Флоровскому и Г.В. Вернадскому повезло больше, чем П.П. Сувчинскому, то биографической литературы о П.Н. Савицком до недавнего времени не существовало вовсе, что кажется необъяснимым, учитывая доступность источников и огромный интерес к евразийству в современной России⁵. О Л.П. Карсавине написано несколько статей, содержащих биографические сведения, а вот евразийцы младшего поколения, такие как П.С. Арапов или П.Н. Малевский-Малевич, разделили судьбу Савицкого и не стали предметом не только монографий, но даже статей биографического характера⁶.

В евразийском предприятии принимали участие десятки, если не сотни, людей самого разного уровня. В орбиту евразийства в разное время были вовлечены такие представители российской культуры, как С.Л. Франк и И.Ф. Стравинский, М.И. Цветаева и А.М. Ремизов, А.В. Кожевников и Р.О. Якобсон. В то же время в нем фигурировали бывшие офицеры, например П.С. Арапов, будущий лидер русских нацистов за рубежом А.В. Меллер-Закомельский или резидент генерала А.П. Кутепова и «Треста»

в Варшаве Ю.А. Артамонов. К движению примыкали и агенты ОГПУ, такие как А.А. Ланговой-«Денисов». Мы ограничимся здесь лишь биографическими данными Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, П.П. Сувчинского и П.С. Арапова. Первые трое являются самыми видными представителями евразийства, его духовными отцами и многолетними руководителями, тогда как последний — автор значительного числа публикуемых здесь писем — был активным организатором евразийского движения и его подпольным «антрепренером» на протяжении почти десяти лет. За рамками книги остались биографии Г.В. Флоровского, более тяготевшего к кругу религиозно-философских мыслителей и рано отошедшего от евразийства, и Л.П. Карсавина, который участвовал в движении лишь на последнем этапе его существования (к тому же Карсавин примкнул к евразийству лишь благодаря протекции Сувчинского, тогда как Трубецкой и Савицкий долго противились его привлечению). Именно эти четыре человека — Трубецкой, Савицкий, Сувчинский и Арапов — составляли «внутренний круг» евразийства, руководили движением, обсуждали между собой его стратегию, редактировали публикации и принимали ключевые решения.

В комментариях к публикуемым письмам будут отражены биографические данные «второстепенных» участников и «попутчиков» движения: Д.П. Святополк-Мирского, Г.В. Вернадского, П.Н. Малевского-Малевича, В.П. Никитина, Н.А. Клепинина, Н.Н. Алексеева, К.А. Чхеидзе и многих других. Здесь следует сказать несколько слов об отношении к евразийству Романа Осиповича Якобсона. Он, безусловно, симпатизировал основателям движения и был очень близок с Н.С. Трубецким, с которым его связывало многолетнее и чрезвычайно плодотворное научное сотрудничество, но особенно он был дружен с П.Н. Савицким, ставшим его крестным отцом. Под влиянием Савицкого Якобсон разрабатывал евразийскую теорию языковых союзов, обсуждал евразийские работы Трубецкого; его принадлежность общетеоретической среде евразийства бесспорна. Он также привлёк к участию в своем восточнославянском отделе журнала *Slavische Rundschau* Савицкого, Трубецкого и Сувчинского. В одном из публикуемых в данном томе писем Трубецкой пишет Сувчинскому, что, по его мнению, Якобсон «совершенно наш» во всем, что каса-

ется оценки быта, современности, науки, восприятия искусства. Смушала Трубецкого лишь религиозность, точнее, отсутствие таковой у Якобсона. После Второй мировой войны именно Якобсон сыграл ключевую роль как в пропаганде работ Трубецкого, так и в трансляции некоторых евразийских идей в западный контекст. И все же Якобсон всегда находился на определенной дистанции от евразийцев: было это результатом его собственного решения или следствием сдержанности евразийцев, на которых мог оказать влияние факт службы Якобсона в советском учреждении или их личный (во всяком случае, Трубецкого) антисемитизм, остается вопросом для исследователей⁷. Также несмотря на публикации работ в евразийских сборниках сложно причислить к евразийцам А.В. Карташева, П.М. Бицилли и многих других — они лишь симпатизировали определенным идеям, но не принимали евразийское учение в целом.

Николай Сергеевич Трубецкой

Николай Сергеевич Трубецкой, в отличие от большинства евразийцев, приобрел широкую известность в немалой степени благодаря неустанной пропаганде его научного наследия Р. Якобсоном. Работам Трубецкого посвящены многочисленные исследования лингвистов и историков языкознания. В публикуемых письмах он предстает в несколько иной ипостаси: здесь мы видим не столько лингвиста, сколько теоретика-обществоведа, даже философа (несмотря на некоторую враждебность самого Трубецкого философии), идеолога, политика и организатора. Более того, облик Трубецкого-евразийца весьма далек от идеализированного облика ученого — основоположника структурной филологии, автора блестящих работ по лингвистике. Он не отказывается от ярлыка «демагог», наслаждается своей ролью идеолога и не испытывает дискомфорта от спекулятивных построений и иррациональных обобщений, несовместимых с научным подходом. Трубецкой-евразиец — это политический консерватор-модернист, сторонник фашистского типа государственного устройства и патологический антисемит. В Трубецком-евразийце эти черты спокойно уживались с искренним неприятием колониализма, верой в равенство

евразийских народов и научным авангардизмом. Он, пожалуй, был самым влиятельным евразийцем, к которому, как к третьей-скому судье, всегда обращались коллеги.

Н.С. Трубецкой родился в 1890 году в семье князя Сергея Николаевича Трубецкого, философа-неославянофила и горячего поклонника Владимира Соловьева⁸. С.Н. Трубецкой был профессором историко-филологического факультета Московского университета, а в 1905 году, во время революционных событий, стал ректором стремительно политизировавшегося после обретения автономии университета, сыграв, по словам биографа его сына, «значительную роль в либерализации русской общественной жизни»⁹. Он возглавлял депутацию либеральных деятелей (по свидетельству консервативных современников, не разделяя кадетского радикализма), принятую Николаем II. Краткосрочное ректорство Трубецкого закончилось с его ранней смертью.

Трубецкой-младший практически никогда не упоминал имя отца ни в своих работах, ни в своей частной переписке, оставив историкам гадать, до какой степени соловьевство и гегельянство Сергея Николаевича стало точкой отсчета для Николая Сергеевича. И хотя мы знаем, что юный Трубецкой после смерти отца был близок к людям, группировавшимся в 1910-х годах вокруг журнала «Путь», отец и сын Трубецкие представляют собой два периода, две страницы позднего русского неоромантизма. Если для Сергея Николаевича метафизические поиски духовной целостности вовсе не означали отказа от свободы в самом либеральном понимании этого слова, Николаю Сергеевичу, с его страстью к организации и классификаторству в научной сфере, с его парадоксальным, на первый взгляд, сочетанием религиозности и романтического интуитивизма с наукообразием и поиском внутренней закономерности явлений, ощущение свободы было фундаментально чуждо. Молчание Н.С. Трубецкого о своем отце, возможно, объясняется стремлением евразийцев прочертить границу между своим поколением и поколением отцов («старых гримз», как они выражались), создать символическую стену между своим миром и миром, где романтическое философствование не означало отказа от стремления к индивидуальной свободе.

Поскольку биография Трубецкого уже достаточно исследована, мы наметим здесь лишь самую общую ее канву. Трубецкой был

известен как вундеркинд, поскольку начал свою научную карьеру необыкновенно рано: к 15 годам появляются его первые публикации по мифологии финно-угорских народов, он вступает в переписку с ведущими специалистами в славянской, финно-угорской и палеоазиатской этнографии и лингвистике¹⁰. В биографической литературе часто упоминается следующий эпизод, рассказанный Тан-Богоразом: получив от Трубецкого письмо с просьбой о совете в области палеоазиатских языков, он приехал в Москву, чтобы встретиться с ученым корреспондентом, и в гневе покинул дом Трубецких, когда в ответ на просьбу провести его к князю Николаю Сергеевичу из комнат выбежал подросток в коротких штанишках¹¹.

Сдав экстерном экзамены в 5-й московской гимназии (образование он получил домашнее), Трубецкой поступил в 1908 году на историко-филологическое отделение Московского университета, где в это время преподавал его дядя, искусствовед и философ Евгений Николаевич (еще один дядя, Григорий Николаевич, был известным кадетом, автором труда о проблемах внешней политики России и участником журнала «Путь»). Как писал в своем представлении на оставление Трубецкого при университете В.К. Поржезинский, первые два года Трубецкой провел сначала на философском, а затем на словесном отделении в группе западноевропейской литературы¹². В университете Трубецкой, изначально планировавший изучать философию и историю, быстро склоняется к лингвистике (заявив, что именно лингвистика — самая научная из всех гуманитарных наук) и этнографии и начинает изучать кавказские и финно-угорские языки и мифологию¹³. В 1910–1911 годах Трубецкой переходит на отделение сравнительного языковедения¹⁴. В то время, когда образованное общество России впервые серьезно задумывается о многонациональности Российской империи, когда ведет свою работу диалектологическая комиссия (она исследовала диалекты русского языка, включая считавшиеся таковыми украинский и белорусский языки) и возникает московский лингвистический кружок, а в стране просыпаются национальные движения, интерес к языковой проблематике вне славистики вполне объясним. В конце XIX — начале XX века российская интеллигенция и российская наука начинают осознавать, что Россия — это не «органическое русское государство», но империя с многонациональным и многоконфессиональным населением.

В 1910–1913 годах Трубецкой слушает лекции В.К. Поржезинского, Р.Г. Виппера, М.М. Покровского и др. На протяжении 1910-х годов он участвует в работе секции этнографии Российского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. В это же время он активно сотрудничает с Всеволодом Федоровичем Миллером, известным иранистом, исследователем русского фольклора и основателем журнала «Этнографическое обозрение», где в 1906–1914 годах печатаются статьи Трубецкого. Летние месяцы Трубецкой проводит на даче Миллера недалеко от Минеральных Вод, занимаясь исследованием кавказского фольклора. Примечательно, что Миллер был директором Лазаревского института восточных языков в Москве, в котором учился Якобсон, сыгравший огромную роль как в жизни Трубецкого, так и в евразийском проекте. Миллер оказал большое научное влияние на увлекавшегося кавказскими языками и культурой Николая Сергеевича. Любопытно, что в своих ранних работах по русскому фольклору Миллер доказывал восточное происхождение русских былин.

Помимо Миллера, Трубецкой находился под влиянием С.К. Кузнецова, выпускника Казанского университета, этнографа и путешественника, исследователя культуры марийцев и удмуртов, первого библиотекаря Томского университета. Выйдя в отставку, Кузнецов в 1903 году поселился в Москве, где участвовал в работе этнографической секции¹⁵. Еще одним этнографическим контактом Трубецкого был народник В.И. Йохельсон, исследователь народов Крайнего Севера. Впоследствии, в переписке с евразийцами, Трубецкой возьмет себе псевдоним Йохельсон, в связи с чем многие исследователи его биографии отметят преданность Трубецкого по отношению к одному из его учителей и коллег (Йохельсону Трубецкой писал еще совсем молодым человеком и просил совета о литературе, касавшейся палеоазиатских языков; Йохельсон ответил предложением составить список известных ему юкагирских слов). Однако, скорее всего, выбор Трубецкого объясняется вовсе не уважением к памяти этого ученого. Евразийцы брали «еврейские» имена для своих псевдонимов в рамках насаждавшейся Трубецким внутри движения антисемитской идеологии. Так, у Сувчинского не было наставника по фамилии Резник, а у Савицкого — по фамилии Элкинд.

Успешно сдав испытательный экзамен историко-филологической комиссии весной 1913 года, Трубецкой был оставлен готовиться к получению профессорского звания по кафедре сравнительного языковедения и санскритского языка. Представление об этом было подписано профессором В.К. Поржезинским¹⁶. В сентябре 1913 года историко-филологический факультет рекомендовал ректору университета удовлетворить прошение Трубецкого о стажировке в Лейпциге. Осень 1913 и весну 1914 года Трубецкой провел в Германии, слушая лекции индоевропеистов. В частности, Трубецкой посещал лекции Линдера по староармянскому, Бругмана — по морфологии и синтаксису латыни, Лескина — по литовскому языку, а также Виндиша — по древнеиндийской литературе. Кроме того, Трубецкой участвовал в работе практических семинаров этих преподавателей, причем у Линдера он оказался единственным студентом¹⁷. С осени 1915 по конец марта 1916 года Трубецкой сдавал магистерский экзамен, состоявший из серии публичных лекций. Получив 30 мая 1916 года должность приват-доцента, уже осенью 1917 года Трубецкой взял отпуск по болезни. В автобиографии, написанной для Софийского университета 22 июня 1920 года, Трубецкой указывал:

...осенью 1917 г. я получил отпуск для лечения и поехал в г. Кисловодск, Терской области, но начавшаяся скоро гражданская война помешала мне вернуться в Москву. Только осенью 1918 мне удалось выбраться из Кисловодска и приехать в число приват-доцентов Донского университета. С весны 1919 я состоял штатным доцентом Донского университета, временно замещающим вакантную кафедру сравнительного языковедения. В то же время состоял преподавателем и на Ростовских Высших женских курсах, а весенним полугодием 1919 и преподавателем Новочеркасского учительского института. 19 декабря (ст. ст.) 1919 г. при эвакуации Ростова-на-Дону я приехал в Ялту, а оттуда 27-го февраля (ст. ст.) 1920 г. выехал в Цариград, где находился до сего времени¹⁸.

Странствия в годы Гражданской не прошли даром для Трубецкого. В письме Роману Якобсону он сообщал: «Во время моих странствий по Кавказу я как-то раз попал в Баку в марте 1918 года, как раз во время „восстания мусульман против советской власти“, точнее — в тот недолгий промежуток времени, когда армяне

резали татар»¹⁹. Межэтнические войны на Кавказе, подобные столкновениям сторонников армянской партии дашнакцутюн и азербайджанской мусават весной 1918 года, которые Трубецкой наблюдал непосредственно, несомненно, повлияли на его восприятие национальных движений в бывшей Российской империи. Однако, как и многие участники и свидетели Гражданской войны на юге России, Трубецкой осознал важность и значение «окраинных» или колониальных народов, их «выхода на мировую сцену».

В Константинополе Трубецкой связался с учеными из Софии, куда он выехал на работу в 20-х числах июня 1920 года. Получив положительные рекомендации болгарских славистов Ст. Младенова и М. Арнаудова, историко-филологический факультет Софийского университета избрал Трубецкого доцентом сравнительного языкознания на два года, которые Трубецкой провел в Болгарии, читая лекции по языкознанию. Один из прочитанных Трубецким курсов отразился в евразийских публикациях: это был курс по истории религий Индии, материал из которого был использован Трубецким в статье «Религии Индии и христианство»; о ее замысле он сообщает Сувчинскому²⁰. В Болгарии были написаны и две работы Трубецкого, касавшиеся колониального характера России и роли европейской культуры в колониализме: это увидевшие свет в 1920 году «Европа и человечество» и предисловие к книге Герберта Уэллса «Россия во мгле». Отметим, что, по утверждению Трубецкого, идеи, высказанные им в первой работе, он обдумывал уже в 1910-х годах²¹.

Как следует из его писем Якобсону и публикуемых здесь писем Сувчинскому, написанных в югославском городе Блде, Трубецкой покинул Болгарию летом 1922 года, ожидая грядущего увольнения в связи с общим ухудшением положения российских эмигрантов. Неприятие национализма «новых» государств, звучащее в текстах Трубецкого, было характерным для представителей «исторического» народа отношением к претензиям народов «неисторических». В то же время эксцессы нацистроительства в Восточной Европе отражались и на положении эмигрантов из России. В работах «Европа и человечество» и «О национализме истинном и ложном» Трубецкой резко отзывается о таком национализме, стремящемся во всем подражать институтам и формам европейского национального государства. Это критическое и ироническое от-

ношение к «малым» национализмам высветилось и в дискуссии Трубецкого и Дорошенко об украинской истории²². Неприятие Трубецким европейской модерности было и неприятием специфической политической формы этой модерности — современного национального государства, которое Трубецкой считал естественным только для «романо-германских» народов. Отсюда следовала и критика русского политического национализма, попытка разрушить конструировавшиеся при его помощи границы между народами Российской империи.

Подав заявку на кафедру университета в Брно, Трубецкой после периода неясности неожиданно для самого себя получил кафедру славянской филологии в Вене (впоследствии Трубецкой писал Якобсону, что получил он ее как князь согласно правилу тульского самовара — в Вене, полной собственных князей²³). Кафедра, которую возглавил Трубецкой, имела давние и славные традиции: в течение многих лет там работал Вратислав (Рудольф) Ягич, преемником которого и стал Трубецкой. Венский период жизни Трубецкого, самый продуктивный в его биографии, продлится до его смерти в 1938 году.

До конца 1920-х годов Трубецкой принимал самое активное участие в евразийском движении, являясь его неформальным лидером. Однако уже с середины 1920-х его начали посещать сомнения в нужности евразийства, появились усталость, разочарование, мысли о том, что ему следовало бы посвятить себя лингвистике, не отвлекаясь на «евразийский кошмар». После раскола движения Трубецкой горько сожалел о своем участии в нем, не отказываясь, впрочем, от своих идей²⁴. В эти годы — примерно с 1926-го по 1935-й — Трубецкой занимается в основном разработкой евразийской политической теории. Любопытно, что в эти же годы он стал более критичным по отношению к СССР. С 1926 года в интеллектуальной биографии Трубецкого появилась еще одна страница: в Праге возник знаменитый лингвистический кружок, одним из ведущих участников которого стал Трубецкой. На работу кружка оказали влияние и евразийские построения, «русские обrazy целого».

Из всех евразийцев именно Трубецкой добился самой широкой известности своими научными работами, его труды пользуются авторитетом среди лингвистов и филологов, он считается одной

из ключевых фигур в истории структурализма (при всей неоднозначности современной трактовки этой роли)²⁵. В то же время именно фигура Трубецкого стала связующим звеном между двумя источниками евразийства: с одной стороны, интересом к разнообразным народам Российской империи, который возник в конце имперского периода и выразился в этнографических и лингвистических исследованиях и в литературных веяниях; с другой стороны — традициями религиозного романтизма, отраженными в религиозной философии начала века, поиске социальной и духовной целостности, которой угрожает модернизация, поиске морального обновления на религиозной основе. Если в связи с первым аспектом возникают имена Миллера, Кузнецова, Йохельсона, то в связи со вторым — Константина Леонтьева, Владимира Соловьева, круга журнала «Путь» и Сергея Николаевича Трубецкого. Унаследовав от первого источника интерес и уважение к культурам неевропейских народов, Трубецкой приобрел от второго апокалиптическое ощущение культурной катастрофы, усредняющего и омертвляющего влияния «бензинно-газовой и машинной» цивилизации модерна. Один из крупнейших лингвистов XX века, он остается неоднозначной фигурой, в которой примитивный антисемитизм уживался с нюансированной критикой современной ему цивилизации, стремление к культурному творчеству — с политиканством и местечковостью, а научный авангардизм и продуктивность — с довольно примитивным восприятием искусства и потрясающим отсутствием эстетического чутья (ср. его оценку Пастернака как «эпигона и звезды десятой величины», критику творчества Марины Цветаевой и плоские рассуждения о футуризме).

Петр Петрович Сувчинский

Петр Петрович Сувчинский — самая малоизвестная личность среди основателей евразийства, сыгравшая тем не менее ключевую роль как в формировании евразийской идеологии, так и в распаде евразийского движения. Сувчинский родился в 1892 году в Петербурге в польско-украинской семье, носившей графский титул Шулега-Сувчинских. Сведения о биографии Сувчинского до революции отрывочны. Известно, что семья Сувчинских принадлежала одно-

временно к чиновной и предпринимательской среде (отец Петра Петровича был чиновником и председателем правления общества «Нефть»), что состояние Сувчинских перед революцией исчислялось сотнями тысяч рублей, что Сувчинским принадлежало имение Тхоровка на Украине, сдававшееся в аренду промышленному предприятию, что Анна Ивановна, мать Петра Петровича, владела новым домом на Петроградской стороне в Петербурге²⁶.

Петр Петрович, судя по этим отрывочным сведениям, учился в Тенишевской гимназии, закончил Петербургский университет и консерваторию. В имении Тхоровка Сувчинский организовал народный хор и вообще рано увлекся музыкой. Более подробные и надежные сведения излагает он сам в ответ на просьбу советского музыковеда Шнеерсона написать свою автобиографию:

...15-ти лет я начал заниматься частным образом ф[орте]-п[иано] с Феликсом Михайловичем Blumenfeldом, как Вы знаете, это был первый русский дирижер, выступивший во время 2-го сезона Дягилева в Париже, дирижуя Бориса Годунова с Шаляпиным... Был также близок с его племянниками К. Шимановским и Г. Нейгаузом... Ф[еликс]М[ихайлович]Блум.[енфельд] познакомил меня с Анд[реем]Ник[олаевичем]Римс.[ким]Корс[аковым]... Имея в то время материальные возможности, издавал вместе с ним Муз[ыкальный] Совр[еменник], сборники статей и хроники... В начале мы кооперировали дружно, но два факта привели меня к решению прекратить мое участие в издании этого журнала. Первым фактом было появление очень интересных статей, подписанных именем Иг. Глебова в моск[овском] муз[ыкальном] журнале В. Держановск[ого] «Музыка». Оказалось, что Иг. Гл[ебов] был Борис Влад[имирович] Асафьев....

Сувчинский ввел Асафьева в число сотрудников «Музыкального современника» против воли Римского-Корсакова. Вторым фактом, вызвавшим расхождение с Римским-Корсаковым, стало появление С.С. Прокофьева. Сувчинский предложил посвятить ему концерты в Петрограде и Москве, на что Римский-Корсаков ответил отказом. Это и стало причиной разрыва²⁷. Характерно, что Сувчинский уже в этом инциденте выступал как «отрицатель старого» — культурная позиция, которой он придерживался всю жизнь. Безусловно, практическая работа по изданию журнала в дореволюционном Петербурге также имела значение

для приобретения опыта создания интеллектуальных кружков и групп, в чем, по общему мнению, Сувчинский был непревзойденный мастер²⁸. В дореволюционные годы он был вхож и в литературные круги Петербурга. О нем с симпатией упоминает в своих дневниках Александр Блок, чья поэзия будет предметом статей Сувчинского в евразийских сборниках (в 1920 году Русско-Болгарское книгоиздательство даже выпустит поэму «Двенадцать» с предисловием Сувчинского)²⁹.

После Октябрьского переворота он пытался включиться в деятельность тех авангардных кругов, которые связывали обновление творчества с новым режимом. В архиве Сувчинского хранится удостоверение, направленное руководителям музыкального отдела ЦИК Украины, в котором Сувчинский назван «уполномоченным музотдела по установлению контактов с Центральным музотделом Республики». Удостоверение подписано Артуром Сергеевичем (Артуром Винсентом) Лурье, известным композитором, близким другом Анны Ахматовой³⁰. Сувчинский пытался организовать издание музыкального журнала «Мелос» и Театра классической оперы в Петрограде. Тот факт, что Сувчинский сотрудничал с Лурье, объясняет распространенное в среде французских интеллектуалов мнение, что Сувчинский был «комиссаром республики»³¹. В 1917–1918 годах Лурье был не только близок с Велимир Хлебниковым (Лурье — один из «председателей земного шара» из известного хлебниковского манифеста), но и работал с Луначарским над организацией управления культурой в революционной России. В 1918 году Сувчинский был вынужден уехать на Украину. В его архиве сохранилось письмо Луначарского в районный совет с требованием уберечь его квартиру от уплотнения: вполне возможно, что разруха революционных лет и стала одной из причин отъезда. У нас мало известий о жизни Сувчинского в годы Гражданской войны, но мы знаем, что в 1918 году он живет в Киеве, общается с музыкальными деятелями, о чем свидетельствует его переписка с оперной певицей Софьей Коханской, женой пианиста Поля Коханского³².

В 1920 году он оказывается в Софии, где становится одним из директоров-распорядителей Русско-Болгарского книгоиздательства, в котором уже в 1921 году под редакцией Сувчинского и Н.С. Жекулина выходит план по изданию исторических докумен-

тов времен революции и Гражданской войны в России (Сувчинский в 1920–1921 годах собирал воспоминания, записки, документы участников революционных событий; часть этих документов сохранилась в архиве Сувчинского и ждет своего исследователя)³³. Можно лишь предполагать, в какой степени этот проект создания документированной истории российской революции оказал влияние на формирование взглядов Сувчинского.

В Софии он знакомится с А.А. Ливеном, Н.С. Трубецким, Г.В. Флоровским и со своим будущим соперником и врагом, а в то время глубоко восхищавшимся им П.Н. Савицким. По определению Трубецкого, в 1920–1921 годах в Софии именно Сувчинский был ему ближе всех, Флоровский — дальше всех, а Савицкого Трубецкой охарактеризовал как колеблющегося, не освободившегося до конца от своего ученичества у Струве³⁴. Уже в 1922 году Сувчинский переезжает из Софии в Берлин, где организует евразийские издания, финансирует авангардный театр и пропагандирует евразийство. В Берлине Сувчинский устанавливает контакт с бароном А.В. Меллером-Закомельским, невидимым партнером евразийцев на протяжении первой половины 1920-х, позднее — лидером русских нацистов, а также с П.С. Араповым, о котором речь пойдет ниже. Когда Арапов оказался вовлечен в проводившуюся ОГПУ операцию «Трест», Сувчинский неоднократно встречался с представителями «Треста» (в частности, с А.А. Якушевым).

К 1924 году, после стабилизации немецкой марки, положение прежде процветавших русских книгоиздательств в Германии заметно ухудшилось. Многие известные деятели эмиграции переехали в Париж. Евразийское же финансовое состояние к концу 1924 года неожиданно поправилось благодаря английскому филантропу Генри Норману Сполдингу. Благодаря этому Сувчинский переезжает в Париж (евразийская касса оплатила как переезд, так и его содержание), отчасти надеясь на продолжение контактов с профессорской средой. В 1925 году он привлекает к евразийству известного философа и медиевиста Л.П. Карсавина, несмотря на видимое сопротивление Трубецкого и Савицкого, считавших его «скомпрометированным» связями с религиозно-философским ренессансом. Дочь Карсавина Марианна впоследствии стала женой Сувчинского (до этого женатого на Вере Александровне Гучковой, впоследствии Трайл, дочери А.И. Гучкова)³⁵.

Парижский период жизни Сувчинского ознаменовался и близкими отношениями с Д.П. Святополк-Мирским, которого он привлек в евразийство еще в 1922 году. Несмотря на то что евразийские взгляды Мирского были по меньшей мере неортодоксальны, его объединяла с Сувчинским общая страсть к литературе и искусству, и к 1926 году у них возникла мысль реализовать давний план евразийцев — создать близкий движению литературный журнал¹⁶. Предприятие получило название «Версты», и в нем приняли участие многие известные литераторы. К этому времени у Сувчинского уже сложились тесные отношения с Мариной Цветаевой, приглашенной к участию в новом издании¹⁷. Однако журнал не пережил своего третьего номера и был закрыт.

Сувчинский был безусловным лидером той группы, которую привлекали в евразийстве новый взгляд на современность, приятие революции, попытка найти общий язык с советским режимом. Вокруг Сувчинского сгруппировались люди, которые в меньшей степени интересовались евразийством с точки зрения истории, географии или этнографии. Для П.С. Арапова, Д.П. Святополк-Мирского и Л.П. Карсавина евразийство было важно как идеология, дававшая им возможность участвовать в политике и выражать свое отношение к происходящему в СССР и в эмиграции, либо просто как средство эстетического эпатажа. В этой группе были литераторы и художники, и они всегда критически относились к «ученому» евразийству Трубецкого и особенно — Савицкого. Левая, или кламарская (по месту резиденции Сувчинского под Парижем), группа конфликтовала с Савицким, была настроена все более и более просоветски и в значительной степени подвержена влиянию советских спецслужб. Большинство представителей этой группы вернулись в Россию после выполнения заданий советских спецслужб (за исключением самого Сувчинского, Карсавина и Мирского, практически все участники этой группы прошли такой путь, став добровольными агентами ОГПУ-НКВД). Напомним, что сам Сувчинский вслед за Араповым не только встретился с представителями «Треста», но и вел переговоры с советскими дипломатическими представителями в 1927 году.

Трубецкой, еще в 1922 году подметивший в Сувчинском страсть к левизне, не ошибался. Сувчинский установил контакт с ведущим сменовеховцем Н.В. Устряловым и предполагал сотруд-

ничество с группой его единомышленников (в этом Трубецкой тоже упрекал Сувчинского³⁸). Левизна эта была скорее эстетическим феноменом: увлеченный экспериментаторским направлением в литературе и искусстве, Сувчинский всегда был склонен видеть в СССР грандиозный эстетический эксперимент (подобно тому, как Якобсон видел в нем эксперимент по организации науки³⁹). Для Сувчинского СССР был воплощением современности, а современность — самым важным элементом искусства и политики. Многие отмечали в Сувчинском парадоксальное сочетание православной религиозности и футуризма, но со временем, особенно к концу 1920-х годов, «футуризм» возобладавал. Сувчинский увлекся марксизмом и попытался трансформировать евразийство в квазимарксистское учение.

Вполне возможно, что эта эволюция Сувчинского произошла под влиянием Святополк-Мирского. Вместе с Мирским, проповедовавшим идею гибели русской литературы в эмиграции, Сувчинский установил контакт с Горьким, посетив его в 1927 году на острове Капри. Именно Сувчинский, несмотря на протесты (яростные — Савицкого и более сдержанные — Трубецкого), содействовал появлению газеты «Евразия», которая начала выходить в Париже в 1928 году. Газета стала откровенным рупором советской пропаганды (возможно, Сувчинский действительно хотел превратить ее в трибуну правой оппозиции, как об этом на допросах в ОГПУ-НКВД говорили Мирский и Карсавин)⁴⁰. Появление «Евразии» с ее шаблонным языком советских газет и своеобразной смесью евразийства, советского марксизма-ленинизма и идей «общего дела» Н. Федорова стало причиной разрыва отношений между Савицким и Сувчинским. Трубецкой покинул ряды евразийской организации, и евразийское движение в своем изначальном составе прекратило свое существование.

После неудачи с изданием журнала «Версты» (над ним работали в основном Мирский и Сувчинский) и раскола евразийства Сувчинский и Мирский еще раз обратились к Горькому с предложением создать эмигрантский просоветский журнал. Заинтересованный Горький сразу потребовал детальные сведения о проекте и сообщил о нем Сталину, подчеркнув, что это люди большого «калибра», чем те, кто до тех пор пытался организовать просоветскую прессу в эмиграции⁴¹. Сложно сказать, почему Сувчинский

не вернулся в СССР, как планировал: в любом случае это спасло ему жизнь. Уехавшие в 1930-м Арапов и в 1934-м Святополк-Мирский погибли.

Парижская жизнь Сувчинского резко разделена на две части: до начала 1930-х годов она связана исключительно с евразийством, в расколе которого Петр Петрович сыграл главную роль, а с 1930-х годов Сувчинский занимается почти исключительно музыкой. Надо отметить, что в 1930-х годах неблагоприятные контакты евразийцев сказались на судьбе Сувчинского: счастливо избежав участи своих друзей и коллег — Святополк-Мирского и Арапова, погибших в СССР, — Сувчинский в 1937 году был обвинен французской газетой *Le Jour* в сотрудничестве с ОГПУ и судился с ее редакцией⁴³. Один из немногих российских эмигрантов, оставшихся в Париже в годы оккупации, он сохранил в своем архиве многочисленные документы и воззвания пронацистских групп, включая письма великого князя Владимира Кирилловича Романова в поддержку «крестового похода канцлера Хитлера».

После войны Сувчинский активно участвовал в музыкальной жизни Франции, переписывался с Жаком Деррида, организовывал стипендию Юлии Кристевой, а также восстановил контакты с Борисом Пастернаком и Марией Юдиной⁴⁴. Многолетняя переписка и сотрудничество Сувчинского с Сергеем Прокофьевым и Игорем Стравинским, включая соавторство с последним в работе над «Музыкальной поэтикой», уже достаточно хорошо исследованы историками музыки⁴⁵. Сувчинский внимательно следил за литературой о евразийстве, в его архиве сохранились библиографические выписки и оттиски статей послевоенного периода, посвященных этой теме.

В истории евразийства Сувчинский сыграл необычную роль: он не участвовал в выработке географического, лингвистического или этнографического понятия «Евразии», на котором, казалось, и строилась евразийская доктрина. Его вклад в общее дело — несколько статей по литературе, в которых была сделана попытка совместить модернистскую эстетику формы с романтической религиозностью, и квазифилософское обсуждение революции. Тем не менее именно Сувчинский — с его музыкальными контактами, увлеченностью Блоком, Пастернаком и Цветаевой, дружбой с художниками-авангардистами и Ильей Эренбургом,

с его финансированием экспериментаторского театра — ключевая фигура для понимания евразийского феномена, его модернистского характера, связей с литературным, музыкальным и художественным контекстом русской культуры.

Петр Николаевич Савицкий

Петр Николаевич Савицкий родился в 1895 году на Украине, в Чернигове, в семье председателя земской управы. Будучи еще совсем молодым человеком, Савицкий активно занимался краеведением, публиковал статьи по истории украинской архитектуры и народного искусства. Среди оказавших влияние на молодого Савицкого — целая плеяда украинских историков-краеведов: Ю.С. Виноградский, А.М. Лазаревский (автор известных работ о крепостном праве на Украине), В.Л. Модзалевский (составитель генеалогического списка малороссийских родов), с которым Савицкий издал книгу о Чернигове, писатель, статистик и народник М.М. Коцюбинский⁴⁵. В годы учебы в Политехническом институте Савицкий публикуется в редактировавшейся П.Б. Струве «Русской мысли», причем его статьи содержат идеи о «диалектическом понятии „первонации“». Украинский народ — одновременно самостоятельная нация и часть «большого национального целого»⁴⁶. Подобные схемы евразийцы будут впоследствии рисовать для Российской империи и ее народов. В 1916 году Савицкий закончил Петроградский политехнический институт, где он изучал политическую экономию под руководством Струве, и получил назначение коммерческим секретарем посланника в русскую миссию в норвежской Христиании. Там он работал под началом известного дипломата Константина Николаевича Гулякевича. После Октябрьского переворота Савицкий был вынужден вернуться на родину. Однако уже в 1918 году он покинул Чернигов. Вот как он описывал свои скитания во время Гражданской войны в письме К.Н. Гулякевичу:

Я видел режим центральной Рады, три месяца — силою слова и оружия, со своими друзьями офицерами, отстаивал черниговский хутор от большевистских банд, был освобожден немцами от осады, семь месяцев видел немецкий

режим, сражался в рядах Русского корпуса (как нижний чин), отстаивавшего Киев от Петлюры, пережил падение Киева и вместе с отцом не то уехал, не то бежал из него, видел и касался французов в Одессе и дождался «славного» конца *l'occupation française*. С марта 1919 г[ода] по август был в Екатеринодаре и с августа по ноябрь барахтался в омутах российской «белой Совдепии», российского Юга, который был в то время освобожден от большевиков в эти месяцы. Несколько недель провел на фронте, жил в деревнях Полтавских и Харьковских, жил в Полтаве и Харькове, потом в Ростове...⁴⁷

Зиму и весну 1920 года Савицкий прослужил помощником представителя Всероссийского земского союза в Константинополе, занимаясь обустройством беженцев. Затем Струве привлек его к работе возглавлявшегося им Департамента внешних сношений Крымского правительства. Савицкий готовил статистические заметки по состоянию экономики занятых врангелевскими войсками областей, участвовал в попытке Струве обеспечить международную поддержку Врангелю летом 1920 года⁴⁸. Любопытно, что уже в июле 1920 года, задолго до софийской встречи евразийцев, находясь в Париже в составе делегации представителей Врангеля, Савицкий писал своим родным:

...Несмотря на очарование климата и элегантески парижан — начинаю снова стремиться на Восток. Хочу видеть вас, мои дорогие, и чувствую также, что сердце мое знает родину только в пределах Евразии, среди лугов и полей черниговщины, степей Кубани, под пальмами Батума и в сутолоке Константинополя! ...Усердно проповедую «евразийство». Но в Париже не найдешь Ливеиа... И добродетельные европейцы с ужасом внимают еретическим предвещаниям...⁴⁹

Будучи предусмотрительным и информированным человеком, за три месяца до эвакуации врангелевских войск из Крыма Савицкий обеспечил для своей семьи (родителей и брата Георгия) аренду имения Нарли близ Константинополя (как любил подчеркивать Савицкий, «на Азиатском берегу Босфора»), где после эвакуации в ноябре сам Савицкий, его отец, мать и брат организовали своего рода эмигрантское сельскохозяйственное товарищество⁵⁰. В начале 1921 года Савицкий уезжает в Софию, где становится представителем П.Б. Струве при Русско-Болгарском книгоизда-

тельстве, которому было поручено издавать журнал «Русская мысль»⁵¹. В конце 1921 года Савицкий (так же, как и Флоровский) перебирается из Софии в Прагу, где благодаря беспрецедентной «русской акции» чехословацкого правительства занимает должность преподавателя Русского юридического факультета.

Трудно переоценить роль Савицкого в евразийском движении и в выработке его идеологических постулатов. Поклонник Д.И. Менделеева, В.И. Вернадского и почвовед В.В. Докучаева, именно Савицкий сформулировал основные географические и этнографические тезисы евразийства в своем отзыве на книгу Трубецкого «Европа и человечество»⁵². Скорее всего, именно Савицкому принадлежит первое использование терминов «Евразия» (для обозначения «российского мира») и «евразийство»: во всяком случае, в 1930 году в письме Якобсону Савицкий пишет, что придумал «Евразию» в 1918 году. Савицкому же принадлежит и теория соответствий, согласно которой мир Евразии обнаруживается в многочисленных совпадениях разнообразных характеристик: климатических, почвенных, географических, культурных. Савицкий был не только геополитиком и автором теории автаркического пространства — он участвовал в работе Пражского лингвистического кружка и был создателем структурной географии, оказавшей, по мнению Якобсона, значительное воздействие на образ мысли «пражан»⁵³.

Пожалуй, не менее важной для евразийства была организаторская работа Савицкого. Аскет в личной жизни, человек невероятной работоспособности, Савицкий на протяжении почти 15 лет жил исключительно евразийством, публикуя статьи и книги, организуя сборники, пропагандируя свою доктрину и вербуя сторонников. Человек трудного характера, Савицкий был тем не менее очень цельной натурой, полностью интериоризировавшей собственный текст и не подвергавшей сомнению его внутреннюю логику. Сконструированный евразийцами образ Евразии оказался для Савицкого реальностью. Он оставался верен ему всю жизнь, несмотря на заключение и ссылки, которым подвергла его «идеократическая Евразия».

Не вызывает сомнений, что Савицкий, как и остальные основатели евразийства, был вовлечен в политику. Он несколько раз тайно бывал в СССР, чтобы встретиться с представителями

созданной ОГПУ евразийской организации. В программе евразийства 1927 года отмечено, что она написана в Москве. Савицкий оставил в своем архиве запись, подтверждающую, что он подготовил эту программу во время своего путешествия в СССР. С.Л. Войцеховский вспоминал, что видел Савицкого в Варшаве, у Ю.А. Артамонова, за несколько часов до отъезда на советскую границу⁵⁴. После распада евразийского движения Савицкий практически стал его единоличным главой. Ему удалось вновь получить небольшое пожертвование от Генри Сполдинга, и он продолжал евразийские публикации, в которых время от времени даже принимал участие Трубецкой.

В годы войны Савицкий, преподававший в немецком университете в Праге, был вынужден оставить службу, несмотря на все попытки предотвратить это увольнение через контакты с нацистами⁵⁵. Некоторое время он работал директором русской пражской гимназии, затем скрывался в Археологическом институте Кондакова, о чем пишет в своих воспоминаниях Н.Е. Андреев. Вместе с Андреевым Савицкий был арестован Смершем: Андрееву удалось чудом выбраться из Праги, тогда как Савицкий был осужден и провел десять лет в мордовских лагерях. Впоследствии Н.Е. Андреев вспоминал, что майор Смерша, допрашивавший Савицкого, не поверил в то, что изъятые у него патриотические стихи принадлежат его перу, посчитав это «маскировкой классового врага». Для проверки майор велел Савицкому сразу же написать стихотворение в честь Кубанской конной дивизии. Савицкий немедленно написал требуемое, а первая строка в стихотворении звучала так: «Нет имени почетнее, чем конник, ведь конник создал Русь и защитил ее...»⁵⁶ Несмотря на столь успешную демонстрацию патриотизма, советские спецслужбы арестовали Савицкого и вывезли в СССР.

Савицкий провел в заключении полных десять лет. Здесь от ленинградских знакомых (в частности, ленинградский историк Мартынов упоминается в письмах Савицкого 1950-х годов) он узнал о работе Л.Н. Гумилева, с которым вступил в переписку (вдохновив его на теорию пассионарности) и которого всячески рекомендовал Г.В. Вернадскому⁵⁷. Когда Савицкий был освобожден из заключения, Андреев писал Вернадскому: «...Забыл написать, что Петр Николаевич Савицкий вернулся в Прагу и, кажется

(Ек. Дм. Кусковой), „восторженно оценивает современную Евразию“. Бедный Петр Николаевич...»⁵⁸ Сам Савицкий в своих письмах друзьям и знакомым не устал подчеркивать, что его убеждения не только не изменились, но и окрепли.

Вернувшись в Прагу (на что ему было дано разрешение), Савицкий вскоре был снова арестован — уже чехословацкими властями. Поводом к аресту, вероятно, послужили его публикации в западных издательствах. Вмешательство ученых с мировыми именами, организованное Н.Е. Андреевым (по иронии судьбы, крупнейший либеральный философ XX века сэр Исайя Берлин принимал участие в освобождении Савицкого от режима, который основатель евразийства интеллектуально поддерживал!), совпало с очередной чисткой в чешском правительстве, и Савицкого выпустили. В обращениях к чешским властям об освобождении Савицкого приняли участие Н.Е. Андреев, И. Берлин, Д. Тредголд, Б. Рассел и Л. Шапиро. Зарабатывавший на жизнь переводами и случайными публикациями, Савицкий уже не вернулся к активной научной деятельности. Его письма конца 1950-х — начала 1960-х годов свидетельствуют о том, что его здоровье и психика были глубоко подорваны годами заключения. В 1968 году Савицкий умер в Праге.

Петр Семенович Арапов

Отъезд основателей евразийства из Софии привел и к пополнению рядов движения: в начале 1922 года к евразийцам присоединяется группа молодых офицеров-монархистов. Малообразованные и энергичные, они стали человеческим материалом не одного правого движения в Европе; эти «новые евразийцы» принесли с собой жажду практической деятельности, связи с правыми кругами эмиграции и готовность вовлечь политизированное евразийство в контакты с «подпольем» в Советской России. Значительный блок публикуемых в этом томе писем принадлежит перу одного из таких «новобранцев» Петра Семеновича Арапова, занявшего видное положение в евразийском движении⁵⁹.

Арапов родился в селе Воскресенская Лашма Наровчатовского уезда Пензенской губернии в 1897 году. Его семья была

в родственных отношениях с Врангелями, генералу П.Н. Врангелю Арапов приходился двоюродным племянником. В отличие от основателей евразийства, так или иначе проявивших себя до революции, Арапов оставался совершенно неизвестен до момента своего знакомства с П.П. Сувчинским и Н.С. Трубецким. П.Н. Савицкий вспоминал, что Арапов учился в Пажеском корпусе, тогда как Л.В. Никулин в своем тенденциозном романе «Мертвая зыбь», основанном на документах ОГПУ-НКВД-КГБ, писал, что Арапов, как и Ю.А. Артамонов, — выпускник Александровского лицея⁶⁰. Известно о его службе в полку конногвардейцев до революции (вероятно, очень краткосрочном) и участии в Белом движении после нее. По свидетельству того же Савицкого, во время Гражданской войны Арапов принимал участие в массовых расстрелах, что отразилось на его психике⁶¹. Мы знаем из его переписки с Сувчинским, что в 1922 году он посещал университет в Кенигсберге, где познакомился с преподававшим там Н.С. Арсеньевым. Возможно, через Арсеньева он вошел в круг интеллектуалов, в котором о евразийстве было более или менее известно.

П.С. Арапов принадлежал к иному типу людей, чем основатели евразийского движения. Он был не очень хорошо образован (хотя Савицкий, испытывавший определенный пиетет по отношению к аристократам, и вспоминал о нем как о «тончайшем снобе», знатоке нескольких языков), в евразийских сборниках нет ни одной его публикации. Скромные попытки Арапова и Малевского-Малевича комментировать статьи интеллектуалов (например, Карсавина) были встречены резким неприятием среди старших евразийцев. Стиль и качество письма Арапова, как демонстрируют публикуемые документы, резко отличаются от стиля и качества письма основателей евразийства. Следует все же отметить, что, несмотря на отсутствие у Арапова каких-либо серьезных публикаций, в архивах сохранились его довольно любопытные заметки (точнее, наброски). Эти бумаги позволяют понять, почему такие люди, как Трубецкой или Сувчинский, считали для себя возможным сотрудничать с Араповым. В частности, он оставил любопытную заметку о взаимоотношениях национализма и имперского государства в России, о которой речь пойдет ниже⁶².

Арапов был классическим представителем молодого поколения межвоенной Европы, сформированного фронтовым и рево-

люционным опытом. Именно Арапов привлек в евразийство целую группу белогвардейских офицеров, таких как П.Н. Малевский-Малевич и А.А. Зайцов. Именно он свел евразийцев с представителями «Треста» и, по некоторым сведениям, начал вербовать участников парижской группы для работы на ОГПУ.

Родственные связи Арапова обеспечивали ему прием в окружении П.Н. Врангеля в Брюсселе, а также в лондонском доме князей Голицыных, где проживала его мать, Д.П. Арапова. Именно благодаря Голицыным Арапов познакомился с Малевским-Малевичем и Генри Норманом Сполдингом, который финансировал евразийство на протяжении нескольких лет. По воспоминаниям Савицкого, Арапов обладал «исключительной внешностью», благодаря чему пользовался огромным успехом у женщин. Савицкий также утверждал, что, будучи глубоко циничным человеком, Арапов использовал этот успех для добычания денег на евразийство⁶³.

Несмотря на отсутствие каких-либо талантов ученого или литератора, Арапов быстро занял положение ведущего члена евразийской организации (впрочем, превращение евразийства в организацию и произошло под его влиянием: в одном из публикуемых в этом томе писем Арапов сообщает Сувчинскому о своей работе над программой, считая, что наличие таковой облегчит переговоры с «Трестом»)⁶⁴. Арапов занимался почти исключительно организационными и политическими делами евразийского движения, координируя работу его представителей, добывая средства на издательство и поездки, встречаясь с «друзьями» — очередными участниками «советского подполья». Несмотря на это, Арапов вряд ли был очень организованным человеком. (Характерна история со статьей П.П. Сувчинского, которую Арапов взялся переводить на французский язык. Не закончив работу, он вернул все материалы автору, прося освободить его от «евразийского слова».) Арапов тем не менее очень близко сошелся с Сувчинским, которому импонировало то, что тот считал себя его учеником.

Остается неясным, до какой степени Арапов был сознательным орудием в руках контрразведывательного органа ОГПУ (по меньшей мере до 1929 года). Сергей Эфрон на допросах в НКВД утверждал, что Арапов выполнял поручение ОГПУ. Однако Сергей

Войцеховский, участник «Треста», считал его искренним евразийцем, ставшим жертвой мистификации «Треста»: во всяком случае, по словам Войцеховского, нет никаких свидетельств перехода Арапова на сторону большевиков⁶⁶. Однако тот факт, что Арапов не был агентом ОГПУ в 1923–1927 годах, вовсе не исключает того, что он мог стать агентом после 1928 года. Письма Святополк-Мирского Сувчинскому за 1929–1930 годы (в особенности обсуждение раскола в движении и планов по перенесению деятельности левой евразийской группы в СССР) свидетельствуют, что Арапов к этому времени получал деньги из Советского Союза⁶⁶. Известно, что в 1922 году он сопровождал агента ОГПУ Якушева в Берлин. Учитывая, что операция «Трест» была направлена против генералов П.Н. Врангеля и А.П. Кутепова и группировавшихся вокруг них офицеров, вполне возможно, что Арапов случайно попал в поле зрения советских спецслужб, а затем уже, поверив в существование антисоветского подполья («подобно княжне Таракановой», по меткому выражению П.Б. Струве⁶⁷), вывел их на евразийцев, с готовностью принявших участие в спектакле советских агентов. Как бы то ни было, именно многократно посещавший СССР Арапов служил передаточным звеном между евразийцами и «Трестом».

Сомнительна роль Арапова и в тех взаимоотношениях между ведущими евразийцами, о которых идет речь в его письмах Сувчинскому. Арапов всячески пытается сравнить Сувчинского с Савицким, все более и более демонстрируя просоветские настроения. После раскола евразийства и прекращения финансирования газеты «Евразия» в 1930 году Арапов уезжает в СССР, после чего его след теряется. По словам Войцеховского, писатель Николай Угрюмов (псевдоним А.И. Плюшкова) упоминал, что встречал Арапова в 1930-х годах в Соловецком лагере, где тот и погиб⁶⁸.

Арапов легко находил общий язык с представителями аристократической эмиграции: даже такие интеллектуалы, как Святополк-Мирский и Трубецкой, не свободные от аристократических предрассудков, были готовы многое простить социально близкому им Арапову. В письме к Сувчинскому Мирский пронизательно писал: «Евразийство Арапова поло, как фашизм...»⁶⁹ В сохранившихся в архивах оценках, данных Савицким различным деятелям евразийства *postfactum*, Арапов описывается как человек, впервые

2. ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

познакомивший евразийцев с А.А. Якушевым (с ним Арапова свел Ю.А. Артамонов — еще один деятель «Треста», резидент генерала Кутепова в Варшаве). Кроме того, Савицкий пишет об Арапове как о подававшем надежды человеку, который тем не менее вел распушенный образ жизни и попадал «в самые невозможные обстоятельства». По мнению Савицкого, именно этот образ жизни и стал причиной того, что Арапов попал в сети ОГПУ и в конце концов погиб в СССР.

•

•

3. Пореволюционное поколение: «обессиливает рефлексии чужды...»

Время — это смена поколений.
П. Сувчинский

В 1930 году Роман Якобсон написал статью о смерти Маяковского и таким образом закрыл для себя возможность возвращения в СССР. В этой статье Якобсон писал о «промотавшемся поколении», впервые в своей работе обратившись к собственному историческому опыту. Социологи давно отвергли вольное использование термина «поколение» историками и литературоведами¹. В социологической литературе под поколением понимается прежде всего нисходящая структура родства, тогда как предложенное Карлом Маннгеймом понимание поколения как группы, объединенной историческим опытом или просто одинаковым периодом жизненного цикла, принято называть когортой². Тем не менее именно о поколении говорил Р.О. Якобсон, описывая людей, родившихся в 1890-х годах, причем их принадлежность к поколению для Якобсона определялась не только возрастом, но и культурным миром и исторической эпохой, их сформировавшими (характерно, что одним из первых слушателей, «ошеломленных» статьей о «поколении, растратившем своих поэтов», был Савицкий)³.

Не вызывает сомнений, что основатели евразийского движения принадлежали к одной «когорте» с точки зрения социологической. Большинство из них родилось в начале 1890-х годов и вступило в университетскую среду в 1910-х. За рамками их исторического опыта осталось всеобщее увлечение марксизмом. Они в большинстве своем не застали голод начала 1890-х годов в Рос-

сии, и в критическое для освободительного движения десятилетие, предшествовавшее революции 1905 года, были в возрасте младших школьников. Большинство евразийцев — поколение 1890-х — вступило в сознательную жизнь накануне Первой мировой войны, когда Российская империя, казалось бы, вошла в свой самый «нормальный», европейский период развития. Политика, как тогда представлялось, стала уделом профессионалов, высокая культура — традиционный инструмент политической активности в России второй половины XIX века — под влиянием модернизма все больше равнялась на принцип «искусство ради искусства». Покидая университеты в 1913–1914 годах, будущие евразийцы уже не были интеллигентами — людьми, которых объединяло мировоззрение, сконцентрированное на радикальной критике существовавшего в России социального и политического порядка. Скорее они были интеллектуалами в общеевропейском смысле слова, для которых мифология радикальной интеллигенции не обладала ни привлекательностью, ни необходимостью. Мир, в который вошли евразийцы, — это мир буржуазной эдвардианской культуры, семейных традиций, гимназического и университетского образования, мир профессиональных карьер или, в крайнем случае, мир бгоемы. Проявившись в полной мере после войны и революции, поколенческая энергия будущих евразийцев была направлена не против существовавших в России остатков самодержавия, но против появлявшейся в ней буржуазной среды и против той культуры, которую они называли «европейской» и «романо-германской». Энергия эта была направлена не на пропаганду социализма: они вступили на путь, который в других европейских странах вел к возникновению правой критики современного общества, к поиску новых форм органического государства и коллективных ценностей. Это поколение мало волновали вопросы, которыми задавались представители старшего поколения, например, о возможности идеализма или об отношении к государству. С началом Первой мировой войны ориентация на «нормальность» существования интеллектуальной элиты в российском обществе (вероятно, впервые со времен Великих реформ) и жизненные сценарии молодых людей, нацеленные на профессиональную самореализацию, были сломаны. Перелом в личных судьбах и распад страны были осмыслены многими из них как кризис буржуазной запад-

ной культуры, в которую они, казалось, столь успешно интегрировались и которой они изначально пытались следовать. В несбыточности надежд юности была обвинена «порочная» культура европейской модерности, которая саморазрушительно ввергла Европу в катастрофу мировой войны. По сути, поколение будущих евразийцев отрицало те ценности, которые еще только начали распространяться в предреволюционной России и которые ожидал неминуемый крах: борьба с индивидуализмом, рационализмом, буржуазной усредненностью — предметом желаний будущих евразийцев — была перенесена ими из России кануна 1914 года в Европу 1920-х годов.

Евразийцы были выходцами из привилегированных социальных слоев: Н.С. Трубецкой и А.А. Ливен принадлежали к московской аристократии, П.П. Сувчинский происходил из семьи высокопоставленного бюрократа-промышленника и миллионера. К военной и чиновной аристократии принадлежал и Арапов. Д.П. Святополк-Мирский, которого Горький назвал в одном из писем «потомком Святополка Окаянного и специалистом по истреблению братьев», как и Трубецкой, являлся потомком титулованной аристократии, причем его отец, известный министр внутренних дел, пытавшийся найти общий язык с общественностью, подобно С.Н. Трубецкому имел репутацию либерала. Семья П.Н. Савицкого, несмотря на наличие родового имени Савищево под Черниговом и земские связи (отец Савицкого, Николай Петрович, был председателем Черниговской земской управы и тоже считался либералом), по образу жизни и пристрастиям была скорее фермерской, нежели дворянской, причем веру в спасительный труд на земле ее члены сохранили и в эмиграции. Характерно, что Савицкий часто чувствовал себя не в своей тарелке среди гвардейцев и аристократов (об этой неуверенности Савицкого писал и Трубецкой в своих письмах Сувчинскому).

Большинство евразийцев едва успело получить образование и начать самостоятельную жизнь до Первой мировой войны. У всех евразийцев начало это было многообещающим, и все они имели основания рассчитывать на успешную карьеру в избранной сфере деятельности. Сувчинский, Трубецкой и Савицкий могли похвалиться участием в культурной, научной и политической жизни страны: Трубецкой — своим успешным вступлением в уни-

верситетский мир Москвы и блестящей академической карьерой, Сувчинский — контактами в богемных кругах, статусом признанного патрона и знатока музыки, Савицкий через П.Б. Струве был частью научно-политического мира, где господствовали либералы и политэкономы. Не вызывает сомнения, что революция, Гражданская война и эмиграция разрушили все их надежды и поместили будущих евразийцев в искусственный и ограниченный мир беженства. Это обстоятельство послужило важным эмоциональным фактором, под воздействием которого основатели евразийства воспринимали элиту «канунной» России. Едва успев войти в активную жизнь предреволюционной России, будущие евразийцы вынуждены были оставить привычный им мир. Все они испытали потрясения революционных лет, в той или иной мере участвуя в Гражданской войне (хотя большинство не принимало участия в военных действиях). Разумеется, их симпатии были на стороне Белого движения, с которым их связывали мириады нитей — родства, знакомства, дружбы.

В то же время евразийство с момента своего появления летом 1921 года объявило себя новой силой. В частных письмах и в опубликованных текстах евразийцев звучало неприятие практически всех политических и интеллектуальных групп эмиграции. Более того, евразийцы видели себя новым поколением, свободным от ошибок и заблуждений старших. Конструируя собственную идентичность, евразийцы, безусловно, использовали традиционный троп в истории культуры: *modernes*, отрицающие *ancienes*, фигурируют в истории идей со времен Платона и Аристотеля. Апелляция к новизне сама по себе уже является капиталом на культурном рынке; подобно тому, как дискурсивное конструирование социальной группы наделяет властью конструирующего, очерчивание временных, поколенческих границ в философской или литературной традиции наделяет их «создателя» властью над этой традицией и способностью легитимировать собственные интерпретации и делегитимировать как целые исторические периоды, так и отдельные проявления *Zeitgeist*'а. В предложенном евразийцами языке поколенческие мотивы имели особое значение, подчеркивая — в традиционном модусе сражений «древних» и «новых» — модерность нового поколения. Они отрицали связь своего поколения с интеллектуалами предреволюционной России,

которые, по мнению евразийцев, не были представителями «национального» возрождения, поскольку следовали представлениям европейской и буржуазной культуры. Новое же поколение, естественно, было судей.

Евразийцы сразу же определили свое отношение к «двум мирам» русского XIX века: к миру радикальной интеллигенции и к миру «национальному» и «религиозному»⁴. В исторической концепции евразийцев радикальная интеллигенция символизировала то, к чему приводят заимствования чуждых Евразии идей и институтов Европы. Тем более парадоксально, что евразийцы не принимали и представителей того поколения, которое являлось идейным вдохновителем сборников «Проблемы идеализма» и «Вехи». Казалось бы, призыв к идеализму и критика утилитарности во взглядах радикальной интеллигенции, высказывавшиеся С.Н. Булгаковым, П.Б. Струве или Н.А. Бердяевым, должны были апеллировать к религиозным взглядам евразийцев. Так же, как и старшие профессора, евразийцы являлись людьми религиозными и считали православие важнейшим фактором культурной жизни России; подобно Струве, они были яркими националистами и сторонниками территориальной экспансии и государственного величия. Однако именно это поколение религиозных философов, прошедших трансформацию от марксизма к той или иной форме идеализма, было евразийцам особенно чуждо. Так, Трубецкой в письме Сувчинскому характеризовал Бердяева «прежде всего как человека легкомысленного». Он с осуждением вспоминал, что однажды Бердяев говорил ему о том, что христианство устарело и в нем чувствуется необходимость в женском божестве⁵. Обсуждая вопрос о возможном участии в движении Карсавина, Трубецкой (этому противившийся) напоминал Сувчинскому «о нашем старом правиле не привлекать никого из старшего поколения»⁶. Оценивая своего дядю, Григория Николаевича, Трубецкой говорил о его боязни определенности, которая «чрезвычайно типична для всего этого поколения»⁷. В свою очередь Сувчинский, сообщая Трубецкому о прибытии в Берлин высланных в 1922 году из России интеллигентов, писал:

Приезд высланных я переживаю как величайшее бедствие. Когда приехала первая группа (Франк, Бердяев, Ильин) — в этом был какой-то индивиду-

альный отбор людей. Теперь же попросту, как кусок дерна с одного кладбища на другое, как кусок мертвой кожи, пересадили окончательно отживший культурный пласт из России в Берлин для чего? — Конечно для того, чтобы возглавить эмиграцию, говорить от ее имени и тем самым не позволить народиться ничему новому, живому и следовательно *опасному* для большевиков.

Ведь если Ленин, говоря и действуя *от имени России*, по существу ничего общего с ней не имеет, то ведь и та интеллигенция, которая конечно с расчетом выслана большевиками, *никого* больше не представляет и будет только компрометировать эмигрантские новые поколения...⁸

В 1924 году евразийцы посчитали нужным объяснить, в чем же они обвиняют поколение религиозно-философского ренессанса. В статье «Идеи и методы», опубликованной в четвертом «Временнике», Сувчинский писал:

«Нигилистический морализм» и воинствующий материализм были осуждены, и вместо них, выражаясь формулами из «Вех», раздались призывы к «конкретному идеализму» и «религиозному гуманизму»... Однако, сколь ни радикальной казалась общая смена направлений, она на деле не смогла повлиять на широкий ход развивавшихся событий, и, несмотря на «обновленные идеалы», вторая революция прорвалась и проходит под фанатическим водительством отживших принципов воинствующего материализма... К несчастью... религиозное и идейно-общественное «возрождение» 90-х и 900-х годов не было обращено на широкую общенациональную работу, не стало заданием эпохи и оказалось значащим лишь в ограниченной среде интеллигенции, переживавшей свой внутренний кризис...⁹

Сувчинский обвинял религиозно-философский ренессанс в связях с «внецерковным богоискательством» и «революционной романтикой». Философский декаданс Серебряного века с его интересом к сектантству, мистическими и символическими «томлениями» и стремлением к *индивидуальному* религиозному и моральному обновлению оказался чужд проповедовавшейся Сувчинским целостной системе мировоззрения, в которой догматически чистая религиозность должна была сочетаться с евразийской исторической философией и политикой.

Отвергая философские искания начала века как недостаточно «национальные» или «церковные», евразийцы критически

относились и к С.Н. Булгакову, восстановившему в эмиграции Братство Св. Софии. Оно замышлялось как православная организация, объединяющая верующих интеллектуалов и поддерживающая церковную иерархию и интеллектуальную деятельность на пользу Церкви. К вступлению в Братство были приглашены и евразийцы. Несмотря на то что они во многом разделяли цели Братства, евразийцы усмотрели в деятельности Булгакова попытку создать прокатолический орден. Экуменические интересы и связи отца Сергия, участника интенсивных контактов протестантов и православных, были еще более неприемлемы для евразийцев, ненавидевших Европу и ассоциировавших ее с латинским христианством. Обсуждая с Булгаковым идею Братства, евразийцы в то же время подготовили к печати сборник «Россия и латинство», во введении к которому Савицкий сравнил католичество с большевизмом. В этой характерной оговорке Савицкого приоткрывается связь между «католичеством», «Европой» и большевизмом, которую видели евразийцы, что проливает свет на семиотическую функцию православной религиозности евразийцев¹⁰. После публикации «России и латинства» Булгаков объяснял свое сотрудничество с евразийцами (в частности, участие в планировавшемся Флоровским журнале «Устои») публичным отказом Савицкого от своего сравнения¹¹.

Характерно, что неприятие евразийцами «стариков» не ограничивалось только лишь философами и «старыми профессорами». Для евразийцев всегда было важным подчеркнуть свое отличие не только от тех, кого правые круги Белого движения, а затем и эмиграции считали соучастниками «национальной катастрофы», — кадетов и эсеров. Объявив себя новой, третьей силой, осознавшей революцию и стремящейся к ее преодолению, евразийцы с одинаковым скепсисом относились и к монархистам, доминировавшим в эмигрантских кругах, и к военным, группировавшимся вокруг Врангеля (в своем письме Сувчинскому Трубецкой замечает, что галлипольцы, прибывшие в Софию, его «раздражают»¹²).

Любопытно и развитие конфликта между евразийцами и П.Б. Струве. Как известно, на протяжении своей интеллектуальной и политической карьеры Струве медленно, но верно двигался слева направо, пройдя всю палитру от марксиста в 1880–1890-х го-

дах до национал-либерала и монархиста — в эмиграции¹³. Автор манифеста российской социал-демократии, вдохновитель Союза освобождения и один из ведущих кадетов, Струве после революции 1905 года практически порывает с революционными и демократическими кругами. Пожалуй, самый последовательный либеральный националист в предреволюционной России, он категорически не принимал революцию и настаивал на продолжении борьбы с большевиками. В эмиграции Струве превратился в своего рода символ консервативного национализма, встав во главе монархистов и правых либералов, направивших свои усилия на объединение эмигрантского сообщества на платформе «непредрешенчества» и борьбы с большевиками. Напомним, что именно Струве был председателем созданного с этой целью в 1926 году Зарубежного съезда. Для Струве разгром Белого движения объяснялся не провалом его политики, а лишь недостатками военной организации¹⁴.

Струве был достаточно тесно связан с евразийцами. Савицкий был его учеником в Политехническом институте в Петрограде и сотрудником в Крымском правительстве. В Софии Савицкий финансово зависел от Струве, который назначил его своим представителем при Русско-Болгарском книгоиздательстве, где должны были печататься книжки журнала «Русская мысль» (чтобы сохранить место, Савицкий на протяжении 1921 года вынужден был избегать объяснения со своим учителем, недовольным евразийскими идеями). По свидетельству Савицкого, летом 1921 года в Софии происходили жаркие дискуссии, в которых он сам и Струве спорили с Н.С. Трубецким¹⁵. Можно предположить, что в ходе этих дискуссий обсуждались неославянофильские идеи Трубецкого об истинном и ложном национализме: сам Трубецкой вспоминал в письме к Сувчинскому, что евразийство родилось из споров вокруг его «Европы и человечества». Струве изначально приветствовал националистическую позицию евразийцев, которая во многом совпадала с его собственной версией патриотизма, пропагандировавшего слияние нации и государства. Один из немногих интеллектуалов предреволюционной поры, кто прекрасно осознавал значение фактора многонациональности в российской истории, Струве предлагал свой проект имперского национализма, предполагавшего различные формы ассимиляции в русскую нацию всех народов при условии «развязывания» стихийных сил

свободного общества. Более того, Струве не отрицал и большевистской энергии. В 1921 году он писал Савицкому, который старательно пытался примирить своего учителя с евразийством:

Я с большим интересом прочел Ваше письмо. Основная его мысль, которую Вы облакаете в формулу «разрыв с традиционализмом», — совершенно верная. Воскресить Россию могут только новые люди, которые будут психологически представлять некое соединение «Вех» с большевизмом¹⁶.

Однако впоследствии Струве с подозрением стал относиться к евразийскому «большевизанству», а в самом евразийстве (в особенности в неославянофильских работах Трубецкого) видел элементы народничества, которое он считал «сифилисом русской мысли»¹⁷. Струве разгромил в печати близкую евразийцам по духу статью К.И. Зайцева, опубликованную, вероятно, при участии Савицкого в первом номере «Русской мысли»¹⁸. Для автора сборника «Patriotica» российский национализм был неотделим от либерализма (пусть даже консервативной его версии), а романтический поиск народного духа и оправдание революции как освобождения этого духа, по мнению Струве, означали морально преступное оправдание самого большевизма. Иногда колкие замечания Струве о евразийстве попадали прямо в цель. Так, например, в 1925 году он сравнил евразийство с княжной Таракановой, так же верившей в существование заговора в ее пользу на территории России¹⁹. Справедливости ради отметим, что и сам Струве не избежал ловушки «Треста», отправившись в 1926 году на переговоры с представителем подпольной организации в Варшаве²⁰.

Евразийцы платили Струве той же монетой. Евразийский «тонус» не оставлял места для струвианского увлечения личной свободой, а сам Струве ассоциировался прежде всего с непониманием старой интеллигенцией нового пореволюционного мира и с ответственностью за проигранную Гражданскую войну. Для большинства евразийцев Струве был лишь представителем «старых гримз», не сумевшим «преодолеть своего интеллигентства» и понять необратимые изменения, происшедшие в России во время революции и Гражданской войны. Евразийцы обвиняли Струве и в том, что его идеи «Великой России», основанные на «идеалистическом гуманизме», были так же чужды народному духу

православия, как и религиозно-философский ренессанс". Струве настаивал на активном продолжении борьбы с большевиками, считал революцию досадной исторической несуразностью, тогда как историческая концепция евразийцев предполагала закономерность крушения старой России. Евразийцы относились с раздражением и непониманием и к идее вооруженной борьбы с большевизмом, поскольку, по их мнению, такая борьба по сути являлась борьбой с новым Российским государством, обещавшим исполнение евразийских национальных и государственных проектов. «Струве нам не нужен», — объявлял Трубецкой, добавляя: «Не знаю вообще, кому он нужен»²². Более того, между Струве и Савицким возник личный конфликт, связанный с тем, что Струве пытался блокировать получение Савицким стипендии чехословацкого правительства, на которую он прочил другого своего ученика, К.И. Зайцева. И хотя впоследствии, несмотря на неоднократные обмены резкими выпадами, доходившими до оскорблений, Савицкий все же принимал участие в подготовке юбилейного сборника для «неистового Петра», в конце 1921 года он с горечью писал своим родным из Софии, накануне отъезда в Чехословакию:

Трубецкой, находясь в Праге и не зная о моем туда приглашении, возбудил в комиссии академического съезда вопрос о предоставлении мне стипендии. Ему возражали (также не зная о состоявшемся приглашении!) — кто бы вы думали... Струве! Поставив четырех кандидатов, в том числе Остроухова, Долинского и Зайцева — он заявил обо мне, что мой отец «арендует большое имение под Конст[антино]-полем и потому может содержать меня на собственный счет в Софии, где к тому же превосходные библиотеки!» Что это: непонимание, глупость или ...? Что бы это ни было, — такой оборот дела, когда Учитель выступает против Ученика, — ясно показывает, что если стоит реализовать пражское приглашение — медлить нечего и нечего ждать решения медлительных болгар. Я вижу, что нужно немедленно же ехать в Прагу. А П.Б.[Струве]: ласкает покорных, топчет еретиков... Воля Господня и Господь укажет, кому вознестись, а кому остаться бесплодным!..²³

Оппозиция евразийцев по отношению к Струве была симптоматичной: евразийцы не принимали все старшее поколение «профессоров». Пожалуй, один только Карташев, чья «галлиполийская мистика» — пропаганда нового национального единства, в центре

которого стояли армия и фронтовое братство, сфокусированные в опыте «галлиполийского сидения», — должна была импонировать евразийцам, оценивался ими неоднозначно⁴⁴. Одним из объяснений такого неприятия служит стремление евразийцев осудить «декадентствующих» деятелей религиозно-философского ренессанса, чей религиозно-философский поиск они связывали с вырождением русской интеллигенции, ее «греховностью», неспособностью почувствовать грядущие изменения накануне революции и оторванностью от «народной толщи». Надо отметить, что подобные ощущения были характерны не только для евразийцев. В своих воспоминаниях 1940-х годов бывший эсер Федор Степун писал:

...хорошо мы жили в старой России, но и грешно. Если правительство и разлагавшиеся вокруг него реакционные слои грешили главным образом «любоначалием», то есть похотью власти, либеральная интеллигенция — «празднословием», то описанные мною... [культурные] круги повинны, говоря словами все той же великопостной молитвы Ефрема Сирина, в двуедином грехе «праздности и уныния».

Дать людям, рожденным после 1914 года, правильное представление об этом грешном духе, об его тончайшем аромате и его растлевающем яде не легко. Дух праздности, о котором я говорю, не был, конечно, духом безделья. Наша праздность заключалась не в том, что мы бездельничали, а в том, что убежденно занимались в известном смысле все же праздным делом: насаждением хоть и очень высокой, но и очень малосвязанной с «толщью» русской жизни культуры... «праздность» культурной элиты «канунной» России заключалась, конечно, лишь в том, что, занимаясь очень серьезным для себя и для культуры делом, она, с социологической точки зрения, занималась все же «баловством»⁴⁵.

Однако если евразийцы обвиняли старшее поколение в непонимании и легкомыслии, то и для старшего поколения нелегко было принять евразийские «предчувствия и утверждения». Как отмечал Н.В. Рязановский, большинство эмигрантов старшего поколения зачастую не могли понять и тем более принять экзальтированные пророчества евразийцев⁴⁶. Критика евразийства раздалась как из либеральных, так и из монархических кругов. Если для либералов неприемлемой была интерпретация России как особой цивилизации и увлечение разными формами квазитоталитар-

ного государственного устройства, то у монархистов и традиционалистов смущение вызывал «азиатизм» нового движения и его двусмысленная позиция по отношению к большевикам. Характерно в этом плане письмо Флоровскому от отца Сергея Четверикова, жившего сначала в Югославии, а затем в Братиславе и сотрудничавшего с бердяевским журналом «Путь». Четвериков был намного старше евразийцев. Не будучи известным интеллектуалом, он обладал определенной популярностью как руководитель РСХД. Вот что писал Четвериков Флоровскому о евразийстве:

...Евразийство расширяет область русской культуры и в этом может быть право. В то же время, е.[вразийство] ничего не оставляет на долю русского народа как такового, он становится «Евразией», т.е. не имеет своей физиономии. ... У славянофилов было как будто иначе: хотя они и не занимались изысканием всех элементов, воздействовавших на русскую культуру, но зато они точно и определенно указывали особенности русской культуры и не придумывали особого термина для ее обозначения. Не мешало б и евразийцам заняться точным установлением того, что нам дали азиаты, что нами заимствовано от Европы, и наконец того, что лежало в нашей собственной культуре... Но меня очень соблазняет готовность Ваша и Сувчинского «принять революцию». Признать ее необходимость. Я знаю, что Вы различаете «принятие революции» от ее нравственного оправдания, но все же я думаю, что вы идете по очень опасному острию. Кто принимает революцию, считает ее необходимой, тот уже неизбежно в некотором смысле ее оправдывает... Признание революции необходимой — даст основания революционерам и коммунистам считать свое выступление и свои действия необходимыми, а следовательно, и не заслуживающими осуждения. Мне кажется, этот пункт у Вас обоих, а следовательно, и в евразийстве, слаб. И не напрасно, следовательно, Вас в некоторой степени упрекают в том, что Вы оправдываете, или по крайней мере не осуждаете, большевизма²⁷.

Подобная реакция лишь убеждала евразийцев в том, что они действительно представляют собой новое поколение, являются людьми нового типа, весьма отличного от старой интеллигенции — как революционной, так и веховской. В известном письме «младшему» евразийцу М.Н. Эндену Савицкий кратко охарактеризовал отношение участников движения к старшему поколению мыслителей религиозного ренессанса:

Они (софийцы) ощущают в нас иную, отличную от «них» волевою природу. Евразийцы по своему духовному состоянию и по своим общественным действиям по сути новые люди, по сравнению с господствующим типом предыдущих поколений; Бердяев... признавал это: «они» разъедены рефлексией; мы (хорошо это или плохо) обессиливающей рефлексии чужды. В этом смысле Г.В. Флоровский, например, принадлежит скорее к «ним», чем к нам. Я это сказал об о. Сергии (Булгакове). То же, в несколько иной форме, можно сказать о Н.А. Бердяеве. Тем не менее, в А.В. Карташеве вышеупомянутая природа уживается с чем-то еще, что делает его ближе к нам, чем к «ним»...²⁸

В этой оценке Савицкого, действительно, звучат новые мотивы. Описывая отличие евразийцев от других поколений, он использует язык многочисленных ультраправых движений межвоенной Европы. Выросшие на почве, удобренной войной, революциями и экономическими кризисами, эти движения отличались антиинтеллектуализмом, настаивали на приоритете «действия» и эстетизировали политику. Объявляя и ощущая себя новым поколением, евразийцы освобождались от идей и концепций XIX века, когда личная свобода могла уживаться с романтическим поиском народного духа. Новый романтизм евразийского поколения, отрицавший поиски индивидуального религиозно-философского обновления, готовился сочетать народный дух и религиозность с обоснованной наукой структурой, создавая сложную картину евразийской тотальности. Неудивительно на этом фоне, что евразийские профессора и эстеты нашли общий язык с бывшими офицерами, такими как Арапов, Малевский, Зайцов или Меллер-Закомельский.

Однако современники часто улавливали только эмоциональную и эстетическую компоненту евразийства, в то время как его системность и структурализм ускользали от внимания традиционных критиков (ср. кизеветтеровское «евразийство — это эмоция, вообразившая себя системой...»). Так, Бердяев в своей снисходительной (и в то же время глубокой) рецензии на евразийские выступления писал:

Евразийство есть прежде всего направление эмоциональное, а не интеллектуальное, и эмоциональность его является реакцией творческих националь-

ных и религиозных инстинктов на происшедшую катастрофу. Такого рода душевная формация может обернуться русским фашизмом¹⁹.

Бердяев признавал, что евразийцы — это новое поколение, выросшее во время войны и революции, которое «не чувствует себя родственным нашему религиозному поколению и не хочет продолжать его заветов. Оно склонно отказаться от всего, что связано с постановкой проблемы нового религиозного сознания. Воля его направлена к упрощению, к элементаризации, к бытовым формам православия, к традиционализму, боязливому и подозрительному ко всякому религиозному творчеству». Верно оценив отношение евразийцев к своему поколению, Бердяев ошибался в одном: евразийский «синтез» предполагал размах и сложность и, отрицая религиозные искания Серебряного века, евразийцы одновременно предложили свое видение системы, в которой религия, государство, наука и эстетика соединяются в тотальную целостность, вооруженную научным аппаратом зарождающегося структурализма. Такая система отражала новый век с его всеохватывающими идеологиями и исчезновением индивидуальной свободы, от которой Бердяев отказаться не мог.

• Отрицая поколение религиозно-философского ренессанса, тесным образом связанного с наследием Владимира Соловьева, и поколение «Вех», объединившее в себе элементы западнического и славянофильского дискурсов, евразийская риторика стремилась к делегитимизации двух самых серьезных своих конкурентов на политико-культурном рынке эмиграции: влиятельного в студенческих кругах софианского движения С.Н. Булгакова, к которому в той или иной степени примыкало большинство мыслителей религиозно-философского ренессанса, и разрабатываемых П.Б. Струве проектов национализма как противовеса большевизму. Эта дискурсивная борьба вовсе не ограничивалась, однако, лишь стремлением нейтрализовать соперников. Отрицая два самых заметных феномена интеллектуальной жизни предреволюционной России как «следование за Европой», Трубецкой, Сувчинский и Савицкий создавали ощущение новизны своей идеологии и провозглашали разрыв с традицией публицистической и философской мысли России конца XIX — начала XX века. Упрекая эту традицию в декадентстве, европеизме и отрыве от народной жизни, евразийцы пы-

тались легитимировать собственную доктрину как аутентичную и отражающую «истинную» суть российской истории, культуры, православия и т.д.

Евразийцы перенесли в Европу 1920-х годов свое разочарование прерванной «нормализацией» России в последние годы ее существования, став русским фашистским движением, которое в силу исторических обстоятельств оказалось за рубежом. Безусловно, критикуя и ненавидя Европу, они критиковали и ненавидели те черты предвоенной России, которые считали «европейскими». В процессе развития поколенческой риторики евразийцев в первой половине 1920-х годов выкристаллизовалась новая идеология, которая претендовала на роль новой основы мировоззрения русских националистов.

4. Евразийские вариации: в поиске целого

Евразийство представляет собой один из немногих случаев, когда классификация интеллектуального и политического движения по принципу аналогии не является методом, с помощью которого можно описать все аспекты этого движения. Евразийство может рассматриваться как консервативная идеология, направленная против либеральных ценностей западноевропейского государства; как модернистское течение, которое реанимировало романтический дискурс, адаптировав его к современным условиям; как фашистская идеология, превратившая политику из процедуры в эстетику; как движение представителей интеллектуальной элиты страны, где модернизация была поздней и неравномерной и где в связи с этим идеи часто опережали социально-экономическое развитие, создавая благоприятный климат для *ressentiment* интеллектуалов — феномен, который можно наблюдать в современных развивающихся странах; как авангардное научное течение, сформировавшееся под влиянием размышлений об истории России и принявшее участие в создании новой научной парадигмы — структурализма; наконец, как вариация на тему русского национализма или империализма. Если провести нити от каждой из этих тем, они, вероятно, пересекутся в проблеме взаимоотношений современного русского национализма — прежде всего, как конструкции интеллектуалов — и исторического факта существования империи. Евразийство с его многочисленными аспектами стало возможно в том зазоре, который возникает между национализмом — продуктом нормативного знания в социальных и политических науках, основанном на историческом опыте

западного национального государства, — и империей, которая, как мираж, появляется на каждом этапе развития современного национализма в России и «путает карты», подменяя собой «нацию». Отсюда и евразийский национализм, который растворяет свой собственный субъект в некоем наднациональном конструкте, и настойчивое отрицание генетических признаков, и стремление соединить, казалось бы, несоединимое — империю и национализм, и попытка подвергнуть критике саму концепцию западного национального государства.

За век до появления евразийства победа Российской империи и ее союзников над Наполеоном и вторжение во Францию вызвали подъем национального самосознания и стали тем культурным ферментом, который вызвал к жизни философские кружки Любоумров и привел к появлению феномена Чаадаева и славянофилов. В немалой степени в этом культурном брожении был заложен механизм конфликта: Российская империя победила носительницу идей Просвещения и свободы; в петербургских и московских салонах французская традиция свободомыслия уступила место традиции романтизма, возникшей отчасти в качестве реакции на Просвещение, принесенное в Германию французскими штыками¹. Наполеоновские войны — грандиозный источник трансформации философской мысли в Европе — вдохновили и Гегеля, увидевшего в наполеоновской империи осуществление телоса истории, пришедшей к своему концу².

Российская революция и Гражданская война были сопоставимы с теми событиями столетней давности, во всяком случае по своим последствиям для интеллектуальной жизни российской эмиграции межвоенной поры — эпохи, когда общеевропейская культура реагировала на кризис, вызванный Первой мировой войной³. Для евразийцев революция стала семантическим узлом, в котором были завязаны история страны, судьбы христианства, колониальные проблемы, религиозная и формалистская эстетика, «упадок Запада» и конец XIX века с его позитивизмом и либерализмом, новые методы научного знания и идеал нового тоталитарного государства. Революция стерла границу между этими понятиями и частными биографиями, превратив 30-летних энергичных людей в профессиональных эмигрантов. Их попытка осмыслить революцию, «прожить и преодолеть» ее породила многоуровне-

вый язык евразийской идеологии, в котором отразились поиск тотального и целого и зарождение новых инструментов романтического дискурса в XX веке.

Прежде всего, революция, по их мнению, продемонстрировала верность славянофильского тезиса о «разрывах» в российском обществе⁴. Евразийцы отказывались считать революцию исключительно социальным феноменом: для них она была революцией культурной. Восстание народных масс против образованных классов означало крах европейского проекта национального, «органического» государства, что лишало легитимности связанный с этим проектом «западнический» дискурс⁵. Являясь «культурным взрывом», революция трансформировала восприятие прошлого, и путь к катастрофе стал выглядеть единственно возможным: если в конце XIX века разрывы в «национальном теле» оставались предметом гипотетических построений, то революция, казалось, наглядно подтвердила их существование⁶. Объяснение этому культурному катаклизму было заимствовано из традиционной славянофильской схемы отчуждения народа от верхов общества. В этом евразийцы, как замечали уже их современники, не были ни новы, ни оригинальны⁷. Подобными объяснениями была полна эмигрантская печать 1920-х годов⁸. Более того, «тоталитарные» философии конца XIX — начала XX века в Европе были связаны с процессами модернизации и национализации общества: сопутствуя друг другу, они часто виделись как противоположности⁹. Модернизация экономических, политических и социальных структур выступала как внешне очевидная угроза целостности национального организма, вызывая к жизни попытки преодолеть ее последствия в поиске метафизических истоков нации¹⁰. Подобным же образом культурное столкновение французского Просвещения с немецким миром провоцировало поиски «абсолютного духа», параллельно которому развивался и «дух народа».

Как и славянофилы, евразийцы отвергали петербургский период российской истории как порождение чуждого «романо-германского» мира, насаждение институтов которого в Московском царстве привело в конечном итоге к революции. Среди евразийцев распространялось написанное в августе 1920 года стихотворение Марины Цветаевой «Петру» (из сборника «Лебединый стан», полностью опубликованного только в 1956 году в Мюнхене) —

Савицкий старательно перепечатал его на своей машинке, а друживший с Цветаевой Сувчинский получил от нее автограф¹:

Вся жизнь твоя — в едином крике:
— На дедов — за сынов!
Нет, Государь Распровеликий,
Распорядитель снов,

Ты под котел кипящий этот —
Сам подложил углей!
Родоначалник — ты — Советов,
Ревнитель Ассамблей!

Не на своих сынов работал, —
Бесам на торжество! —
Царь-плотник, не стирая пота
С обличья своего.

Родоначалник — ты — развалин,
Тобой — скиты горят!
Твоею же рукой провален
Твой баснословный град...

Не ты б — всё по сугробам санки
Тащил бы мужичок.
Не гнил бы там на полустанке
Последний твой внучок*.

Соль высолил, измылил мыльце —
Ты, Государь — кустарь!
Державного однофамильца
Кровь на тебе, бунтарь!

Не ладил бы, лба не подъямля,
Ребятчих кораблѐв —
Вся Русь твоя святая в землю
Не шла бы без гробов.

Но нет! Конец твоим затеям!
У брата есть — сестра...
— На Интернационал — за терем!
За Софью — на Петра!

Август 1920

Образ Петра, насильственно ломающего естественный ход русской истории и таким образом подкладывающего угли под кипящий котел России, — это сжатое изложение того, что думали евразийцы о европеизации как одном из источников ее катастрофы. Это был национально-романтический дискурс, искавший утраченную целостность бытия народа и культуры, в котором переплелись идеи Гердера и Гегеля (веривших в историческое развертывание народного духа), и категорически противостоявший западническому дискурсу общности институтов и элементов российской и европейской истории (впрочем, тоже не свободного от гегелевского влияния).

* В Москве тогда думали, что царь расстрелян на каком-то уральском полустанке. — *Примеч. М. Цветаевой.*

Однако вряд ли можно говорить, что евразийцы лишь повторили этот романтический троп поиска духовной целостности русского народа. Новое поколение, к которому принадлежали евразийцы, выросло не в 1820-х годах, в период наивно-романтических исканий «русской правды» на французском языке, но в первые годы XX века — предпоследнее десятилетие Российской империи. Между славянофилами и евразийцами — историки Н.И. Костомаров и А.П. Щапов, пытавшиеся найти альтернативу сфокусированному на Москве историческому нарративу, российские этнографы и лингвисты — учителя Трубецкого, рост национальных движений в Российской империи и осознание российской интеллигенцией неоднородности состава ее населения, политика русификации и очевидная несостоятельность правого русского национализма, зависимого от монархии и охранительных институтов.

Как мы уже говорили, большинство евразийцев лично наблюдало распад империи по национальным и этническим, а также по социальным линиям в годы Гражданской войны¹⁴. Если славянофилы пытались спасти «русскую» Россию, разделенную на крестьян и дворян, от революционных потрясений стареющего Запада, то евразийцам пришлось создавать образ единого культурного пространства многонационального государства, создавать мысленный образ, в котором единое — империя — уживалось бы со множественным — с ее народами — в синтетическом и устойчивом конструкте. В этом процессе усложнения и модернизации романтического дискурса, вооруженного теперь научными схемами и профессиональным языком, утратилась и угнездившаяся в славянофильстве аристократическая свобода, воплощавшая оппозицию «бюрократическому кошмару» николаевского режима. Кроме того, за пределы националистического дискурса «выплеснулся» и дискурс интегралистский, характерный для европейских фашизмов межвоенной эпохи: в евразийстве звучит более чем современная критика колониализма, в то время как в научную сферу — географию и лингвистику — евразийцы привнесли структуралистский метод.

С осмыслением высвеченной революцией исторической проблемы — целостности Российской империи как многонационального государства — у евразийцев было связано две основные

темы. Первая, проводником которой был Трубецкой, — радикальная критика универсалистской европейской культуры и связанной с ней идеи прогресса, провозглашение возможности существования отдельных самобытных цивилизаций. Вторая тема — это объявление России одной из таких цивилизаций, особым географическим, этнографическим и культурным миром, миром Евразии, отличным от Европы и от Азии, в котором живут не русские, татары, калмыки и т.д., но евразийцы, своеобразный культурный тип, где славянские, тюркские и финские элементы смешиваются в результате исторического взаимодействия. Этот особый мир Евразии в результате войны и революции утратил свое положение великой европейской державы и пополнил ряды колониальных, неевропейских народов, которые должны заявить о себе в полный голос в новую эру, начавшуюся после Первой мировой войны. Евразия должна сыграть ведущую роль в борьбе колониальных народов против европейского господства.

Оба этих смысловых комплекса, тесно связанных с исторической проблемой многонационального государства в век государств национальных, недвусмысленно указывают на трансформацию славянофильского (или, более широко, — романтического) дискурса XIX века. Во многом две эти темы затрагивали проблемы, которые будут активно обсуждаться в 1960-х годах в связи с процессом деколонизации и распадом европейских колониальных империй. Оба эти тематических комплекса интересны не только как узкоисторический феномен, принадлежащий истории российской эмиграции после революции, но и как способ контекстуализировать некоторые фундаментальные положения критики европейской культуры в эру деколонизации через исследование условий возникновения первых антиколониальных идеологий.

В первом смысловом комплексе евразийство провозглашало, вполне в духе Н.Я. Данилевского и О. Шпенглера, существование взаимонепроницаемых культурных блоков, одним из которых была Россия-Евразия. Унаследовав от Леонтьева страх перед исчезновением различия между культурами и социальными группами, евразийцы настаивали на невозможности и опасности как прогресса, так и общечеловеческой истории. Европа в этой конструкции выступала в качестве источника разрушающей различия, уравнивающей и обезличивающей силы современности. Именно

поэтому антиевропейский комплекс приобретает такое большое значение в евразийстве. Однако антиевропейство евразийцев вовсе не ограничивалось теорией культурно-исторических типов и реакцией на возникновение новых социальных и культурных форм. Ненависть Европу как образ современности, евразийцы открыли одно из самых могущественных дискурсивных орудий XX века: критикуя Европу, евразийцы указывали на то, что европейское понимание прогресса и универсальной культуры стало идеологическим оружием колониализма, оправдывавшим мировое господство белой расы. Соответственно, борьба против Европы приобретала не только реакционное измерение охранительства, но и новаторский пафос освобождения. Таким образом, в евразийстве парадоксальным образом переплелись реакция и революция, стремление отгородиться от европейской современности и готовность использовать еще более радикальные социальные и политические силы в своей борьбе с ней.

Второй смысловой комплекс «имперского» евразийства — в таком конструировании Евразии, в котором снимается противоречие между национальными устремлениями народов бывшей Российской империи и единством культурного и этнографического пространства России¹¹. В этом поиске целостности Российской империи евразийцы не только готовы были расстаться с европейским периодом российской истории, но и отрицали само понятие национализма, которое было столь дорого старшему поколению религиозных философов, в особенности П.Б. Струве. Характерна в этом отношении записка П.С. Арапова о национализме, которая обсуждалась участниками евразийского движения в 1925 году. Арапов писал:

Национализм, национальные движения бессмысленны в России — ибо Россия строилась не на национальном принципе, и даже более того, этот принцип ослабил бы Россию и остановил бы ее развитие. Один из признаков разложения Европы есть обостренное развитие национальных движений (в понимании этого наш предшественник — Леонтьев). Интернационализм — не есть исход из создавшегося тупика, ибо он лежит в той же плоскости, что и национализм — и есть его простое отрицание, логическая стадия развития. Выход... в отвержении и национализма и интернационализма, в выдвижении нового принципа... Россия не есть национальное целое, но нечто большее... национа-

лизм гибелен для России. 1) По внутренним причинам, ибо «русский национализм» будет всегда лишь «великорусским» и должен будет привести к распаду России-Евразии, т.к. вызовет развитие местных узких национализмов — украинского, белорусского, грузинского и т.п. 2) По внешним причинам, ибо «национализм» закрывает России всякую возможность экспансии...¹⁴

Евразийцы осознанно стремились к такому конструированию имперского пространства, в котором вызов современных национализмов был бы минимален. Сам принцип национального государства был объявлен специфически европейским, романо-германским феноменом еще Н.С. Трубецким в 1920 году¹⁵. В марте 1921 года, отвечая на критику Якобсона, Трубецкой изложил свои взгляды на национализм:

Национализм хорош, когда он вытекает из самобытной культуры и направлен к этой культуре. Он ложен, когда он не вытекает из такой культуры и направлен к тому, чтобы маленький по существу неевропейский (неромано-германский) народ разыгрывал из себя великую державу, в которой «все как у господ». Он ложен и тогда, когда мешает другим народам быть самими собой и хочет принудить их принять чуждую для них культуру. «Национальное самоопределение», как его понимают бывший президент Вильсон и разные самостийники вроде грузин, эстонцев, латышей и проч., есть типичный пример национализма первого рода. Немецкий шовинизм или англо-американское культуртрегерство — вид ложного национализма второго рода. Наш русский «национализм» дореволюционного периода есть и то и другое. Истинный национализм предстоит создать¹⁶.

Оставляя привычные для романтиков XIX века представления о родственных и органических связях народов, евразийцы предложили свое видение российской идентичности, в котором генетическая модель родства была заменена системной моделью конвергенции, выразившейся в приобретении народами общих признаков в результате длительного опыта исторического общения¹⁷. Объявляя западных славян европейцами (точнее, принадлежащими переходной зоне между Европой и Евразией), евразийцы считали, что российский культурный тип был сформирован многовековым общением славян с «туранским» Востоком, с монгольскими, тюркскими и финно-угорскими народами. Эта тема, впервые под-

нятая Савицким в его небольшом трактате, излагавшем географические и этнографические основы евразийства, впоследствии разрабатывалась Трубецким и Якобсоном, исследовавшими лингвистические и этнопсихологические аспекты евразийского единства¹⁸. Одним из результатов такого подхода стала концепция языкового союза, авторами которой были «пражские» лингвисты. Сам Савицкий основное внимание уделил географии и «природным» аспектам единства Евразии, разрабатывая в новом ключе популярные в начале XX века концепции «тотальных географических регионов»¹⁹.

Сочетаясь с унаследованной от славянофилов идеализацией допетровского периода русской истории и отрицанием усредняющей буржуазности, символом которой была для евразийцев Европа, евразийское стремление к конструированию целостности этнографического и географического пространства породило и достаточно оригинальный исторический дискурс. Московское царство — не просто истинно русский период российской истории, оно еще и наследник степных азиатских империй, защищающий русско-туранский мир от вредоносных контактов с агрессивной Европой. Именно московское царство воплотило в себе для евразийцев их концепцию романтической целостности с восточным оттенком, искусственно сконструированный образ толерантной к разным религиям автаркии, перенесенный из Европы 1920-х годов в XV век²⁰. Надо сказать, что именно исторические воззрения евразийцев вызвали наиболее острую негативную реакцию как в эмиграции, так и среди современных историков.

Однако революция была для евразийцев не только распадом и катастрофой. Глубокая убежденность эмигрантов в том, что режим большевиков не продержится сколько-нибудь долго по меркам исторического времени, что возвращение в Россию — дело не очень отдаленного будущего, была свойственна и им. Как и у других изгнанников, эта убежденность основывалась на психологически понятной и широко распространенной в эмиграции вере в то, что под тонким слоем большевистского режима в России идет некая активная жизнь, которая приведет к изменениям и позволит эмигрантам вернуться на родину. Если либералы и демократы верили, что эта жизнь рано или поздно уничтожит большевистский режим, для евразийцев это не было очевидным. Для того чтобы реализовать евразийскую программу, следовало изменить

идеологию большевистских правителей, не затрагивая при этом основ нового строя.

Отгородившись от всего, что было связано с непосредственным прошлым России, евразийцы объявили себя и свою идеологию радикально новым словом в осмыслении судьбы страны. Согласно этому новому слову, революция не только разрушила старый мир имперской России — она еще и разрешила славянофильскую дилемму XIX века, освободив творческие силы «автохтонного» населения России. На смену старому миру скованной европейскими заимствованиями России пришел новый мир, и евразийцы считали, что они «творят культуру» для этого нового мира. Он характеризовался прежде всего новой политикой, названной Трубецким «идеократией», и новой эстетикой формы, которую проповедовал Сувчинский. В этом сочетании фашистского государственного устройства с новыми веяниями в искусстве звучали мотивы поиска моральной регенерации, распространенные в межвоенной Европе. Эти мотивы не были чужды и самому большевистскому режиму, который, несмотря на определенную эстетическую консервативность большинства своих лидеров, пропагандировал разрушение старого мира и построение новой культуры.

Новый мир должен был противопоставить старому, европейскому миру абсолютную целостность — органичность государства, аутентичный религиозный опыт, синтетическую науку. Поиск тотальной целостности проходит через евразийскую политику и эстетику так же, как он проходит через евразийскую этнографию, лингвистику или географию. Образ идеократического государства, управляемого могущественной идеей и администрируемого непроцессуально «отобранном» слоем, выглядит сегодня проектом осуществившихся тоталитарных режимов XX века. Можно дискутировать о том, в какой степени евразийцы принимали или отвергали специфически большевистские черты Советской России, но не вызывает никаких сомнений, что именно «идеократические» элементы большевистского режима — господство одной идеологии и «волевая» власть — были для них особенно привлекательны²¹. Так, П.Н. Савицкий, определяя по просьбе резидента «Треста» в Варшаве Ю.А. Артамонова свое отношение к фашизму, писал:

Вот мои соображения о фашизме.

1. Фашизм является ответом на большевизм и основан на большевистском примере. Но равен ли тезис антитезису? Приходится признать, что нет.
2. Всякое историческое «деяние» имеет плоть. Плоть современного мира — территориальная, основанная на конфликте континента и океанических форм (колониальные державы). Большевики контролируют континент, тогда как у Италии нет шансов вести европейский мир в его совокупности континентально или охватить океанически, Италия провинциальна. Сейчас эпоха каменноугольная и железная, и тут у Италии тоже нет шансов. «Италия не имеет великодержавной базы, а следовательно и фашизм не может явиться ответом соразмерным тезису большевизма». Большевизм есть идеология «конечная», отрицая религиозные начала абсолютно, он их учитывает. У фашизма есть шанс, если *pazia* сможет объединить религиозные и национальные начала. У фашистов плохое положение — за еретичество католиков они наказаны тем, что в католичестве вселенские и национальные начала враждебны, в отличие от православия²².

В свою очередь П.С. Арапов считал гитлеровскую партию и идеологию достойными для подражания примерами²³. Отметим, что критика Савицким фашизма заключается прежде всего в оценке шансов фашистского режима в мировой борьбе, его внутреннего потенциала и геополитических недостатков. Сама организация фашистского государства в Италии не вызывает у Савицкого серьезных возражений, вполне согласовываясь с евразийской концепцией третьего пути между большевизмом и буржуазной демократией, а также с идеалом идеократической формы правления, предполагавшей господство одной доминирующей идеологии. Фашистское государство неоднократно привлекало внимание евразийцев, и в расчете на пропаганду идей евразийства в Италии Сувчинский вступил в переписку с Джузеппе Унгаретти.

Пореволюционное осмысление «разрывов» российского общества, как мы уже отмечали, было своего рода кульминацией романтического националистического дискурса. В эмиграции «национальный вопрос» — вопрос о том, почему национализм проиграл большевизму, — вызывал особое, болезненное внимание, предпринимались попытки организовать эмигрантское сообщество на надпартийной, национальной основе с целью представить альтернативу большевизму. В Европе в целом послевоенная

реакция прибегала к новым приемам, при помощи которых описывалась и пропагандировалась необходимая гомогенизация общества и выстраивались иерархии врагов национального единства. Так, в Германии консервативные революционеры модифицировали традиционный *völkisch*-дискурс с его интересом к крестьянскому образу жизни и противопоставлением романтической *Kultur* и современной буржуазной *Zivilisation*. В этот буколический и пасторальный образ национального были введены техника и технология, ставшие наряду с фронтовым братством основой ультраправых движений, пропагандировавших новые формы политики. Однако брутализация широких масс в годы войны сделала возможным и массовое же насилие, оправдывавшееся необходимостью достичь чистоты нации⁴⁴.

Евразийство не было чуждо этой форме модернизации романтического понимания нации, соединив в себе славянофильские поиски единства, разрушаемого приходящей с Запада современностью, с ультрасовременной, авангардной и западной наукой. Несмотря на то что евразийство функционировало в замкнутой и социально неоднородной среде эмиграции, эта среда немедленно отреагировала на озвученные евразийцами идеи, предоставив в качестве человеческого материала для их движения молодых офицеров, прошедших войны и революцию. Развиваясь в эру «предательства интеллектуалов» и стремительного роста массовых фашистских идеологий в Европе, в эру возникновения и укрепления новых по форме вождистских государств, евразийство безусловно отразило в себе модернизацию романтизма, связанную с процессами национализации и принимавшую форму фашизма. Вполне объяснимой на этом фоне выглядит и двусмысленность позиции евразийцев по отношению к Советскому Союзу. Несмотря на отрицание марксизма и критику большевиков, евразийцы, вполне в согласии с логикой собственного языка, одобряли тоталитарную (на их языке — идеократическую) природу советской власти, указывая на ее «волевую природу». Советская Россия, наряду с Италией, была для евразийцев одним из прототипов «идеократического государства». Более того, в большевизме евразийцев привлекала и его способность восстановить территориальную целостность Российской империи (пусть и в урезанном виде), и его подчеркнутое уважение к народам Востока. К появившемуся

в эмиграции движению сменовеховцев, или национал-большевиков, евразийцы относились по-разному: если Савицкий и Сувчинский склонны были подчеркивать общее между собой и сторонниками Устрялова, то Трубецкой однозначно не принимал никаких сравнений со сменовеховцами, обвиняя их в отсутствии каких-либо идей, кроме раболепия перед властью²⁵.

Одним из способов преодоления революционного дробления и распада евразийцы считали новое искусство²⁶. Бесспорным авторитетом в этой области был П.П. Сувчинский, который, казалось, находился в центре невидимой сети, связывавшей представителей самых различных областей искусства и литературы. Сувчинский, несмотря на свою православную религиозность, был склонен к экспериментаторству в творчестве и обладал настоящей способностью распознавать и располагать к себе таланты. Эстетический дискурс евразийцев демонстрирует преемственность с российским миром литературы и искусства предреволюционной поры, в котором, как уже отмечали исследователи в работах о возникновении евразийства, также были сильны ориентальные мотивы²⁷. В 1920-х годах сложный и многоплановый процесс взаимодействия политизированного модернизма в искусстве и новых политических режимов можно было наблюдать в самых разных национальных контекстах. Так, в Италии режим Муссолини активно использовал творчество модернистов для своих целей, а в Советском Союзе авангардное искусство стало одним из элементов пропаганды нового мира²⁸.

Модернизм, связанный с поиском духовного и морального обновления, часто обращался к целостности и аутентичности национального или религиозного опыта и содержал имплицитную критику буржуазной современности. Любимый Сувчинским А. Ремизов, например, вдохновлялся собственными образами допетровской Руси, что не могло не импонировать евразийскому эстету. Подобное сочетание современных эстетических форм с романтическим поиском целостности и стало причиной появления определения, которое дал евразийцам Ф.А. Степун, — «славянофилы эпохи футуризма». В этом смысле «футуризм» Сувчинского ограничивался в 1920-х годах поиском таких эстетических формул, которые позволили бы соединить формалистический эксперимент с тотальным видением. Это искусство Сувчинский

называл «религиозным» и предполагал, что наблюдаемое им слияние формы и содержания, упадок дескриптивного сюжетного искусства способны породить новый религиозный опыт²⁹.

Русская революция стала связующим звеном в интерпретациях евразийства, поскольку понималась как высшая точка современности. Воспринимаемая то как осуществление исторической справедливости, способствующей «выпадению России из европейского мира», то как катарсический опыт, открывающий возможности нового искусства, революция стала прежде всего симптомом прерывности, распада общества, нации и культуры. «Преодоление» революции, провозглашенное евразийцами, состояло в построении целостности и непрерывности на разных уровнях — в истории, этнографии, географии или искусстве. У евразийства было несколько источников этой концепции целостности. Во-первых, это национализм XIX века с его стремлением к гомогенизации воображаемого национального сообщества и преодолению «разрывов» в национальном теле. Во-вторых, это распространившийся в Европе после Первой мировой войны модернизированный общеевропейский дискурс национального единства, в котором были сильны романтические мотивы и который часто был связан с модернизмом в литературе и искусстве. Именно этот модернизированный романтический национализм стал источником фашизма и нацизма в разных формах.

Однако евразийское построение если и было родственно неоромантическому дискурсу межвоенной Европы, то выходило за рамки проблематики национализма в модернизирующемся обществе хотя бы в силу того, что отражало общество континентальной империи, с ее множеством народов, языков и культур. Фашистские движения в Европе периода *interbellum* были тесно связаны с концепцией национального государства, в течение XIX века ставшей господствующим способом видения социального мира. Даже в империи Габсбургов процессы нациестроительства ушли гораздо дальше Российской империи, и «Дунайская монархия» распалась в 1918 году, подобно Советскому Союзу, по границам институционализированных образований — прежде всего Богемского и Венгерского королевств, которые возглавляли в империи национальную борьбу. Россия осталась единственной континентальной империей в Европе, поставив под сомнение саму возможность

русского национализма в европейской форме — слишком велика была диверсификация народов и культур, вновь собранных большевиками в единое государство. Евразийская доктрина отражала этот парадокс российской истории, предложив в контексте национального и романтического модернизированного дискурса межвоенной Европы свое видение целостности многонационального, многоязыкового и многоконфессионального пространства.

5. Границы империи и границы модерна. Антиколониальная риторика и теория культурных типов

Критика колониализма и спасение империи

Одним из элементов евразийской доктрины — наиболее оригинальным на фоне европейских параллелей евразийства — является критика колониализма и объявление России колониальной державой, лидером неевропейских народов, вступивших после Первой мировой войны на историческую сцену¹. В российской традиции евразийцы были первыми, кто не просто однозначно считал азиатскую составляющую российской культуры и государственности неотъемлемым элементом истории России, но и полностью ассоциировал себя с миром неевропейских, колониальных народов². Каким же образом и почему произошел такой своеобразный интеллектуальный переворот, позволивший представителям российской культурной элиты в изгнании ассоциировать себя с колониальным миром?

Очевидно, что революция и мировая и Гражданская войны, разрушив имперскую Россию, трансформировали «восточничество» представителей российской культуры в своего рода колониальный комплекс. Известное стихотворение Блока, на которое Трубецкой ссылается в письме Якобсону, перечисляя витающие в воздухе идеи, родственные евразийству, и литературное движение «скифов», вдохновленное блоковскими пророчествами, — это лишь самые известные факты в этом ряду³. Мысли о том, что Россия в результате революции и Гражданской войны станет страной колониальной, видимо, имели определенное распространение уже во время Гражданской войны. Так, Савицкий вспоминал, как

при встрече с Борисом Савинковым в 1918 году обсуждался вопрос о том, вернется ли Россия на мировую арену. По словам Савицкого, Савинков холодно заметил, что Россия и после катаклизма будет участвовать в международной жизни, ведь участвуют в ней Абиссиния или Индия...⁴ Любопытно, что Савинков и в своем призыве к признанию советской власти, написанном в московской тюрьме в 1924 году, утверждал, что Россия видится иностранцам как колония, а эмигрантов причислял к колониальным «невольникам»⁵. Трубецкой считал, что в результате разрухи, принесенной войной и революцией, восстановление хозяйства в России возможно только в том случае, если в нее придет европейский капитал, способный превратить Россию в колониальный придаток Европы, причем вне зависимости от того, какой строй будет в самой России⁶. Пафосом идентификации с колониальным миром проникнуто и любопытное предисловие Трубецкого к опубликованной в 1920 году Русско-Болгарским книгоиздательством книге Герберта Уэллса «Россия во мгле». Здесь Трубецкой связывает пробольшевицкую позицию писателя с надменностью европейского колонизатора, не вникающего в подробности культурной жизни народов, задачей которых является лишь поставка сырья и рабочей силы для Европы⁷. Добавим, что для представителей предреволюционной элиты России одним из индикаторов потери прежнего статуса была невозможность участвовать в решении ее судьбы на международной арене: эмигрантские организации всеми силами пытались воздействовать на правительства западных стран с тем, чтобы те хоть как-то учитывали эмигрантскую точку зрения⁸. Таким образом, эмиграция со свойственной ей неуверенностью в собственном статусе способствовала тому, чтобы часть российских интеллектуалов, оказавшихся в изгнании, идентифицировала себя с объектом европейского колониализма.

Безусловно, этот переворот был генеалогически связан с целым комплексом идей. Существующие интерпретации евразийства указывают, в частности, на своеобразный «восточнический» комплекс в российской культуре конца XIX — начала XX века, вызвавший «необыкновенно раннюю критику» евразийцами европейского колониализма. Стоит все же отметить, что в конце XIX века интерес российского искусства и литературы к Востоку был частью общеевропейского ориенталистского феномена. Российские

интеллектуалы интересовались Востоком, он увлекал и тревожил их воображение, но при этом они проводили четкую границу между «европейской» Россией и ее «азиатскими» владениями. Некоторые исследователи указывали на то, что евразийцы транслировали в своеобразном пореволюционном контексте новые веяния в мировой политике, выразившиеся в доктрине самоопределения национальностей Вудро Вильсона и радикальном антиколониальном дискурсе большевиков⁹. Европейские исследователи отмечали и связь между критикой евразийцами европейского колониализма и их неприятием буржуазной модерности, источником которой они считали Европу¹⁰. Особо отмечалось стремление евразийцев спасти имперское пространство России путем инкорпорации в евразийское сообщество большинства народов империи как субъектов общевразийского национализма, что отражает и более широкое осмысление исторической траектории Российской империи эмигрантами¹¹.

Однако особенно важна была полемика евразийцев с мыслителями и публицистами 1910-х годов, в частности, с теми, кто группировался вокруг сборников «Проблемы идеализма», «Вехи», «Из глубины» и журнала «Путь». Именно эти мыслители пытались создать философское обоснование русского национализма, основанное на сочетании секуляризированной православной философии и либеральных идей, причем такой национализм мыслился прежде всего как вопрос культурный, этический и т.д., но не политический. В евразийстве же была очень сильна поколенческая риторика, которая проводила четкую грань между поколением 1890-х и старшей генерацией «либеральных» профессоров или участников религиозно-философских объединений первой декады XX века¹². В этой поколенческой риторике отразилась, как уже говорилось, реакция на «нормализацию» Российской империи после 1905 года и кризис европейской модерности. Евразийцы смогли объединить два в принципе различных пути критики европейской модерности: отрицание Европы как чуждой и стандартизирующей цивилизации и попытки свести на нет связанные с модерным русским национализмом иерархии народов империи, отражавшиеся в ориенталистском дискурсе.

Отправной точкой для развития евразийства послужило обсуждение идей, изложенных одним из основателей евразийского движения, известным лингвистом Николаем Сергеевичем Трубец-

ким, в опубликованной в 1920 году книге «Европа и человечество»¹³. Немаловажно, что, по словам самого Трубецкого, он задумал эту книгу еще в 1909–1910 годах¹⁴. По свидетельству современников, работа эта произвела впечатление не только на эмигрантов, но и на читателей в Советской России, где незадолго до высылки из страны группа профессоров издала сборник статей о Шпенглере¹⁵. В своей небольшой книжке Трубецкой объявил, что европейская цивилизация является порождением лишь одной группы народов — «романо-германской»; что ее претензии на универсальность суть следствие обычного эгоцентризма европейцев; что культура австралийского дикаря ничем не хуже и не лучше культуры современного европейца; что Первая мировая война в полной мере продемонстрировала «цивилизованность» европейских народов. Культура не может быть общей для всех народов, а заимствования культурных институтов или практик, хотя и возможны, должны быть органичны и не изменять культурной жизни тех, кто заимствует. В письме Р. Якобсону, воспринявшему эту книгу прежде всего как реакцию на революцию и войну, Трубецкой объяснял свою позицию так:

Вы пишете, что не верите в «мир как резервуар мирно сожительствующих культурок». Я в это, конечно, тоже не верю. Если когда-нибудь мои заветные мечты осуществляются, то я представляю себе, что в мире будет несколько больших культур с «диалектическими», так сказать, вариантами. Но отличие от европейского идеала состоит в том, что, во-первых, этих больших культур все-таки будет несколько, а не одна, а во-вторых, их диалектические варианты будут более яркими и свободными¹⁶.

В книге Трубецкого были сформулированы два принципа, которые легли в основание евразийского дискурса. Во-первых, Трубецкой утверждал, что в мире существуют отдельные, взаимонепроницаемые культурные области, причем попытки преодолеть границы между культурами и импортировать или экспортировать институты и практики из одной культуры в другую опасны. Как утверждал Трубецкой в своей статье «Вавилонская башня и смешение языков», такие попытки ведут к общечеловеческой, интернациональной культуре, которая в силу ее универсальности будет примитивной¹⁷. Во-вторых, Трубецкой заявлял, что в мире существует одна культура, которая претендует на универсальность, — культура

европейская, агрессивно проповедующая эту свою универсальность, чтобы обеспечить себе господствующее положение в мире.

Ни антиевропеизм, ни цивилизационная теория культурных типов не были новшеством для русских мыслителей. Радикально новым и оригинальным в подходе Трубецкого было то, что он связал идею всемирного прогресса и универсальности европейской культуры как мерил отсталости с практикой колониального господства европейских народов. Европа, по мнению Трубецкого, — не просто отдельная цивилизация, сформировавшаяся в особых условиях романо-германского мира, это агрессивная и опасная цивилизация, стремящаяся к покорению и эксплуатации всего мира и оправдывающая свою агрессивность теориями универсальной шкалы развития, в которой она занимает ведущее место. Освободиться же от колониального господства Европы можно лишь тогда, когда интеллигенция колониальных народов осознает ложность идеологии европейского превосходства¹⁸. Связав культуру и колониальное господство, Трубецкой предвосхитил возникшие в 1960-х и 1970-х представления постструктуралистов об идеях прогресса и общечеловеческой культуры как о реализации механизмов власти и господства белых европейцев над колониальным миром. Прежде всего, речь идет о работах историка литературы Эдварда Саида¹⁹. По мнению Саида, «ориентализм, включавший в себя науку, литературу, прессу и т.д., идеологически обеспечивал власть европейцев над колониальным миром, создавая в то же время негативные предпосылки для конструирования идентичности „современного“ и „западного“». Саид назвал «ориентализмом» комплекс дискурсов, научных, литературных и политических, при помощи которых европейцы эры «высокого империализма» конструировали образ Востока. При этом Востоку приписывались такие характеристики, как мистицизм (Запад выступал как сфера рациональности), непосредственность (Запад являлся образчиком культуры и цивилизованности), традиционность (Запад, таким образом, был фокусом современности и динамичного развития) и т.д. По мнению Саида, конструируя таким способом образ Востока как Иного, Запад не только обеспечивал поддержку колониального господства при помощи культурных механизмов, но и подчеркивал и укреплял собственную идентичность. Заметим,

что в последнее десятилетие подход Саида применяется и в анализе конструирования западноевропейцами ментальных образов Восточной Европы (и некоторых ее регионов)⁴⁰.

Подобно Саиду, Трубецкой не просто критиковал европейскую цивилизацию за ее колониальные завоевания. Он видел в европейской эволюционистской науке с ее стадийными принципами средство идеологического контроля:

Момент оценки должен быть раз навсегда изгнан из этнологии и истории культуры, как и вообще из всех эволюционных наук, ибо оценка всегда основана на эгоцентризме. Нет высших и низших. Есть только похожие и непохожие. Объявлять похожих на нас высшими, а непохожих — низшими, — произвольно, ненаучно, наивно, наконец, просто глупо. Только вполне преодолев этот глубоко вкоренившийся эгоцентрический предрассудок и изгнав его последствия из самих методов и выводов, до сих пор строившихся на нем, европейские эволюционные науки, в частности этнология, антропология и история культуры, станут настоящими научными дисциплинами. До тех пор они являются в лучшем случае средством морочить людей и оправдывать перед глазами романо-германцев и их приспешников империалистическую колониальную политику и вандалистическое культуртрегерство «великих держав» — Европы и Америки⁴¹.

Можно с большой долей уверенности предположить, что эта критика эволюционистской модели в этнологии была связана у Трубецкого с его интересом к народам Российской империи (в рецензии на книгу Трубецкого Савицкий утверждал, что все приведенные в ней примеры прежде всего относятся к России). Необходимо, вероятно, отдельное исследование для того, чтобы установить, в какой мере комбинация народничества и марксизма, исповедовавшаяся многими этнографами позднеимперской России, могла быть источником такой критики ориентализма⁴². Трубецкой, автор многочисленных статей о кавказских и финно-угорских языках и фольклоре и большой неопубликованной записки о кавказских народах, очевидно стремился к преодолению ориенталистской дистанции между русским и другими народами России, поскольку такая дистанция, возникшая из современных практик, подрывала единство империи.

Порожденная современным русским национализмом, история развития этого современного дистанцирования от «Востока» стала предметом изучения совсем недавно, несмотря на то что

историки и литературоведы уже давно отмечали неоднозначное отношение российских интеллектуалов к Востоку. Хорошо известно, что «желтая угроза» была одним из важнейших лейтмотивов творчества Владимира Соловьева, а Достоевский утверждал, что именно на Востоке лежит историческое призвание России («в Азию мы придем как господа...»)²³. «Восточничество» как комплекс представлений об особой миссии России на Востоке сыграло определенную роль не только в управлении «внутренним Востоком» Российской империи, но и в развязывании Русско-японской войны 1904–1905 годов²⁴. В связи с вторжением постколониальных исследований в историю русской литературы появились новые работы о взглядах русских на Кавказ и Среднюю Азию в XIX веке²⁵.

В последние годы историки также стали активно обсуждать особенности восприятия Востока российскими учеными и бюрократами, применяя теоретические рамки концепции ориентализма Эдварда Саида²⁶ к опыту Российской империи. Несмотря на то что Саид упоминал Россию в ряду тех западных стран, которые участвовали в ориенталистском проекте, взгляды специалистов-историков на ориентализм в России разделились. По мнению одних (Адиб Халид), ориентализм в России мало чем отличался от ориентализма в других европейских странах, тогда как Натаниэль Нэйт, исследуя деятельность В.В. Григорьева в Оренбурге, отмечал, что в России, где границы между Азией и Европой размыты, восприятие азиатских народов русскими интеллектуалами вовсе не было однозначным²⁷. Преодолевая ограниченность дискуссии, не учитывающей специфические отношения между нормативной модерностью и российским историческим опытом, многие исследователи обращали внимание и на тот факт, что Россия была как объектом, так и субъектом ориентализма, причем вестернизированная элита Российской империи воспринимала собственное крестьянство как «внутренний Восток», объект просветительской деятельности и управленческих стратегий²⁸. В контексте этих дискуссий особое значение приобретает феномен евразийской идеологии, которая не просто солидаризировалась от имени «российского мира» с народами Азии и Африки, но и обрушилась с критикой на колониализм Европы. Для Трубецкого и его соратников по евразийству в России существовал не только «внутренний Ориент», который следовало включить в общеимперское пространство, но

и «внутренний Запад» — вестернизированная интеллигенция, которой следовало произвести «революцию в своем сознании» и отказать от ложной западнической идеологии.

Несмотря на схожесть эпистемологических посылок (приверженность релятивизму и отрицание универсалий), между взглядами Саида и подходом евразийцев существует определенная разница²⁹. Если для Саида в частности и для постструктуралистов вообще критика колониализма являлась способом делегитимации колониальных империй (характерно, что такая критика появилась в период их распада)³⁰, то для евразийцев она была, прежде всего, методом конструирования имперского пространства. Исследователи уже отмечали компенсаторную роль евразийской критики колониализма и стремления включить азиатские народы в единое евразийское пространство, спасти империю путем ее отрицания. Активность национальных движений в годы войны и революции и большевистский проект федерализации заставляли многих эмигрантов задумываться о том, каким образом возможно сохранение целостности бывшей Российской империи. Более того, некоторые евразийцы, такие как Савицкий, интересовались проблемами соотношения национализма и империи еще до революции, к чему склоняло как их происхождение (Савицкий, Сувчинский и Флоровский были родом с Украины), так и влияние (в частности, на Савицкого) П.Б. Струве с его проектами имперского национализма³¹. Критикуя ориентализм европейских народов, евразийцы провозглашали отсутствие такового в России, а следовательно, и особый характер российского имперского пространства, в котором различные национальные и этнические группы образуют одну общность.

Поэтому не вызывает удивления тот факт, что в своей рецензии на книгу Трубецкого Савицкий объявил, что «противоположение» Европы и России

питается и в идеологическом, и в милитарном отношении силами не одной этнографической России, но целого круга примыкающих к ней... народов. Силы этих народов частично способствовали созданию Российской мощи и культуры, они действуют и в явлении большевизма... между тем в явлении этом, несмотря на его отвратительное и дикое лицо, — несомненно заложены элементы протеста некоторого неромано-германского мира против романо-германского культурного и иного «ига»³².

Савицкий считал, что «близость [этих народов] России иллюстрирует факт отсутствия определенных естественных границ между Евразией и Азией...»³³.

Очевидно, Савицкий предполагал, что его могут обвинить в непоследовательности и проповеди российского империализма взамен колониализма европейского:

Не будет ли это вовлечение заменой романо-германского ига на российское (для азиатов)? Жизнь жестока; и на слабейших народах Евразии может тяготеть российское иго, однохарактерное игу романо-германскому. Но в отношении народов, имеющих культурную потенцию, — важнейшим фактом, характеризующим национальные условия Евразии, — является факт иного конструирования отношений между российской нацией и другими нациями Евразии, чем то, которое имеет место в областях, вовлеченных в сферу европейской колониальной политики... Евразия есть область некоторого равноправия и некоторого братания наций — не имеющего никаких аналогий в междунациональных соотношениях колониальных империй. И евразийскую культуру можно представить себе в виде культуры, являющейся, в той или иной степени, общим созданием и общим достоянием народов Евразии³⁴.

Таким образом, отвергая колониализм Европы и провозглашая существование особых культурных миров, евразийцы позаботились и о том, чтобы сконструировать пространство бывшей Российской империи без противоречий между населяющими ее народами. Такая попытка сгладить возникающую между империей и модерными национализмами несовместимость, вполне возможно, была связана с общей критикой евразийцами предреволюционной эпохи как европейской и чуждой природе Евразии. Разумеется, сложно говорить о развитом колониальном дискурсе в России начала XX века, но в контексте европейской «нормализации» думского периода предпринимались попытки вычленить «национальное» ядро в Российской империи и четко определить статус владений на Кавказе и в Азии как колоний³⁵. Идеи евразийства полностью перечеркивали возможность выделения «этнографической России» из Российской империи и были призваны утвердить неделимость культурного, политического и экономического пространства всей империи. Однако подобное сохранение единства империи было возможно лишь путем отрицания такой формы

националистического дискурса, которая предполагала деление империи на российскую нацию и ее азиатские колонии, и именно против этого деления и восставали евразийцы, объявляя европейскую науку (сформировавшуюся в контексте национального государства) орудием господства.

Генеалогия ареальной мысли: от универсализма к партикуляризму

Разумеется, Трубецкой не был одинок в своем представлении о существовании культурных ареалов, защите равенства культур и убежденности, что европейские заимствования вредны. Он наследовал значительной традиции, которая конструировала большие культурные сообщества, ареалы, зоны и цивилизации в течение столетий европейской истории. Идея культурно-исторической изолированности, существования цивилизаций, определяющих историческую и культурную судьбу входящих в них народов, появляется в Европе в контексте осознания своего отличия от мира ислама³⁶. Однако это различие концептуализируется не в культурных, а в конфессиональных терминах, присущих домодерным обществам. В Новое время европейцы, благодаря путешествиям и развитию картографии, начинают придавать культурным различиям все большее значение, конструируя цивилизационные особенности тех или иных регионов³⁷. Идея цивилизации как культурно замкнутого пространства получает мощный импульс, когда Просвещение дает европейцам осознание собственного прогресса, вступая, таким образом, в противоречие с заложенными в самом Просвещении принципами универсальности законов человеческих обществ³⁸. В романтическом дискурсе идея особой культуры выходит на первый план, подрывая универсализм рационального европейского гуманизма. Романтики, проповедовавшие, говоря словами Артура Лавджоя, принцип «диверсификационизма», ценили скорее различия между культурами, нежели универсальные категории рационального разума³⁹. Они спорили о специфическом народном духе, об исторических народах, связывая зарождающийся немецкий национализм с историческим нарративом Европы, проходящим от Античности, через Средневековье, к Реформации и Возрождению. Поэтому пангерманизм был

двусмысленным конструктом, объединившим идею *Deutschtum* с представлением о европейской цивилизации и немецкой нации одновременно. В дискурсе немецких романтиков ключевую роль играли темы родства, которые организовывали пространство согласно генетически установленным признакам. В романтических описаниях органическая метафорика, в которой народ, нация или государство виделись прежде всего сквозь призму биологических аналогий, была центральной, а поскольку неизменяемость видов и невозможность скрещивания была аксиоматичной, эти взгляды зачастую переносились и на культуры. Славянофилы в России, следуя примеру немецких романтиков, говорили о национальной особенности славянского мира. Подобно пангерманизму, славянофильство было двусмысленной конструкцией, предполагавшей некое единство славянского мира (культурное прежде всего), которое в то же время подрывало географическую, культурную и языковую целостность Российской империи⁴⁰.

Одним из первых российских авторов, сформулировавших идею культурно-исторического типа и отдельной, изолированной цивилизации, состоящей из группы родственных народов, был Николай Яковлевич Данилевский. Профессиональный биолог и критик Дарвина, Данилевский предполагал существование славянского мира, в котором России предназначалась роль лидера и объединяющей силы⁴¹. Подобный взгляд разделял и В.И. Ламанский — один из вдохновителей евразийца Савицкого, заимствовавшего у него идею особого географического мира России⁴². Однако у Ламанского, как и у Данилевского, особость России была неоднозначной, и их основной пафос состоял, прежде всего, в выделении сообщества славянских народов по генетическому признаку, что подрывало дискурсивное единство пространства самой России. Да и различие между Европой и Россией как у одного ученого, так и у другого не носило четко выраженного характера⁴³.

Романтическое утверждение существования особых национальных культур и распространение расовых идей о множественности источников происхождения человечества поставили вопрос о том, каким образом распространяются культурные признаки. Начиная со второй половины XIX века в Германии развивается артельная этнология, стремившаяся объяснить наличие одинаковых признаков у разделенных расстоянием культур. Благодаря случаю

Трубецкой поселился в Вене, где с 1904 года преподавал Вильгельм Шмидт, ставший одним из самых активных защитников теории *Kulturkreise* (культурных кругов, или ареалов) и проповедовавший включение *Naturvölker* (неисторических народов, не обладавших государственностью и письменностью) в историю⁴⁴. Источником этой теории, в частности, служили работы географа Фридриха Ратцеля, который ввел в научный оборот концепцию этнологических территорий (*ethnografische Länder*), на которых во взаимодействии с природным ландшафтом формируются определенные культуры⁴⁵. Идеи Ратцеля в ареальной этнологии развивали Бернард Анкерман и Фритц Гребнер⁴⁶. Еще один теоретик ареальной этнологии, Лео Фробениус, присоединился к сторонникам теории морфологии культур (*Kulturmorphologie*), опубликовав в 1921 году небольшую книжку в духе Шпенглера, с которым он состоял в переписке и на которого, возможно, оказал влияние⁴⁷. В 1920-х годах этногеография стала одним из источников геополитической мысли в Германии и сыграла определенную роль в подготовке того культурного и интеллектуального климата, в котором стал возможен нацизм⁴⁸.

Разумеется, нельзя поставить знак равенства между теориями культурных ареалов, морфологией культуры и даже геополитикой, с одной стороны, и нацистским режимом — с другой. Однако любопытен тот круг, который прошла идея замкнутого культурного пространства начиная с середины XIX века — от защиты универсальности человеческой культуры и единства человечества до конструирования консервативных автаркических культур, между которыми существуют непреодолимые барьеры. Заметим, что в истории германской этнологии источником теории ареальных кругов стали романтические работы Гумбольдта. Теоретики ареальной этнологии, хотя и были уверены в превосходстве европейской или германской расы, критически относились к эволюционным теориям Дарвина, способствовавшим распространению расизма в Европе. Находясь в некотором противоречии с концепцией ориентализма Эдварда Саида, германская этнология в течение XIX века находилась под воздействием гуманистического наследия романтизма и далеко не всегда однозначно конструировала образ Другого. Так, в известной антропологической полемике между моногенистами, отстаивавшими единое происхождение

человечества, и полигенистами, утверждавшими множественность источников происхождения, и следовавшее из этого неравенство рас влиятельнейший немецкий этнолог Теодор Вайц однозначно поддерживал первых. Наличие культурных различий между народами Вайц объяснял при помощи географического фактора, дав импульс исследованиям диффузии культурных характеристик на обширных территориях и стимулировав развитие ареальной этнологии, которая, в свою очередь, создавала предпосылки для культурной морфологии⁵⁹. Это колебание германской этнологической традиции между универсалистскими принципами Просвещения, верой в существование неких общих для человечества законов развития и развитием романтических идей культурной морфологии не позволяет однозначно провести границу между Просвещением и романтизмом и иллюстрируют глубину взаимопроникновения двух гранд-нарративов Европы современного периода.

Однако и в англо-американской антропологической традиции положение вовсе не было однозначным. Постструктуралистская критика колониальной этнографии обрушилась на работы Бронислава Малиновского, английского исследователя Африки, сделав из него образец этнографа-империалиста, способствовавшего трансформации репрессивного колониального режима в режим «непрямого правления» (*indirect rule*). Традиционно, постструктуралистская критика видела в таких проектах образования туземного населения и контроля над ними работу репрессивных механизмов рационалистического Просвещения, в которое вплетены инструменты европейской власти над миром. Тем не менее Малиновский высказывал детально обоснованные взгляды на колониальную практику и поддерживал, по мере возможности, туземные институты, считая, подобно Трубецкому, что европейские заимствования не способствуют развитию природных способностей африканцев. Так, защищая идеи короля Свазиленда о введении туземных практик в образование, Малиновский утверждал, что «это позволит привести их [африканцев] в мировую цивилизацию именно как истинных африканцев»⁶⁰. В то же время Малиновский критически относился к позиции урбанизированных и вестернизированных африканцев, считая, что их идентичность не позволяет им отражать взгляды народа, что напоминает идеи Трубецкого о европеизированной

интеллигенции. Любопытно, что взгляды Малиновского на культурное сообщество даже связывались с его происхождением — он был родом из габсбургской части Польши⁵¹.

Цивилизационные конструкции получили дополнительный стимул к развитию, когда за дело взялись политики из европейских метрополий: перед Первой мировой войной в дискуссиях европейских социалистов, озабоченных растущим колониальным противостоянием Франции и Германии, возник проект «Еврафрики» — некоего единого геополитического конструкта, в котором объединение Европы происходит в целях более мирного и рационального использования колониальных ресурсов «Черного континента»⁵². Напомним, что основатель панъевропейского движения, один из интеллектуальных отцов Европейского союза граф Рихард Кауденхове-Калерги исключал из своего проекта единой Европы Россию и Англию, в силу того что их интересы направлены вне Европы, но включал в него территории африканских колоний Франции, Германии и Бельгии⁵³. Евразийцы были знакомы с концепциями Калерги, а ученик Трубецкого Михайловский даже присутствовал на конгрессе панъевропейского движения Калерги в Вене и делал об этом доклад на евразийском семинаре.

• Таким образом, идеи Трубецкого появились в определенном контексте: немецкая этнология подробно разрабатывала теории распространения культурных характеристик на определенной территории, а в англо-американской антропологии звучала, пусть и имплицитно, критика европейского универсализма. Европейские политики и идеологи уже обратили внимание на колониальный вопрос — задолго до Версальской конференции — и пытались создавать такие ментальные карты Европы, которые инкорпорировали бы колониальные народы в единое пространство с метрополиями. Трубецкой, унаследовавший концепцию культурно-исторических типов от немецких и российских романтиков и неославянофилов, трансформировал ее, объявив особой цивилизацией прежде всего Европу — «романо-германский мир»⁵⁴. Когда Трубецкой писал свою книгу, речь еще не шла об особой российской цивилизации — Евразии, — которая выйдет из евразийских дискуссий и переписки в публичную сферу лишь через год⁵⁵. Речь шла именно о европейской цивилизации; основным тезисом Трубецкого была особость и агрессивность этой цивилизации.

Традиция культурных типов и ареалов, появившаяся в связи с необходимостью противостоять полигенистским и расистским идеям, была использована Трубецким для воздвижения преград на пути влияния европейской модерности.

Культурные ареалы и критика модерна

Антиколониальная риторика Трубецкого вписалась в нарратив евразийства благодаря «колониальному» комплексу, который начал формироваться у части российской эмиграции. В евразийском нарративе антиколониализм, главным пафосом которого было отрицание Европы, структурно сочетался с другими элементами доктрины евразийцев. Так, неприятие петербургского периода российской истории связывалось с концепцией европейского культурного доминирования России как колониального. Трансформируя идеи славянофилов и народников, в своих интерпретациях русской истории евразийцы, прежде всего, пытались восстановить поправленную евроцентризмом справедливость и обнаружить истинные, евразийские черты, сформировавшиеся во взаимодействии с монголами и тюрками. Причем антиколониальная риторика, казалось бы, должна была быть направлена в первую очередь против петербургского режима, который идентифицировал себя с Европой и «ориентализировал» тюркские и иные народы Российской империи.

Несмотря на прославление неславянских народов и их участия в российской истории (что до сих пор продолжает привлекать к евразийству сторонников и заинтересованных исследователей), для евразийцев русская культура, православие, русский язык всегда оставались центром их доктрины и мироощущения. Как писал Трубецкой Сувчинскому, «центр моего исторического построения в особом понимании отношения московского царства к монгольской монархии. Я формулирую это так: свержения татарского ига на самом деле не было, а было обрусение и оправославление татарщины, состоявшее в том, что ханская ставка переехала в Москву, монгольский хан заменился православным русским царем, а степь из кочевья превратилась в пахотное поле»⁵⁶. Для Трубецкого, таким образом, факт участия татарской государственной или культурной традиции в московском царстве сводил-

ся к «оправославлению» ханской власти. Не татарская составляющая в русской истории была важна в этом историческом построении, не попытка вскрыть истинную роль неславянских народов в истории России, а государственная традиция русского православного царства. Характерно, что среди евразийцев практически не было представителей неславянских народов России⁵⁷. Православие оставалось важнейшим элементом мироощущения евразийцев, причем именно в контексте взаимоотношения с европейской культурой. Именно вследствие этого в 1923 году евразийцы предприняли публикацию сборника «Россия и латинство», направленного против католицизма⁵⁸. Католицизм ассоциировался у евразийцев с европейской культурой, а жизнь в изгнании сделала их особенно ревностными адептами православия.

Культурному миру Европы с его претензиями на универсальность Трубецкой противопоставлял мир народов Азии и Африки. Однако утверждения евразийцев о существовании особых культурных миров очень двусмысленны. Как отмечали многие исследователи, евразийцев не особенно интересовала граница между Евразией и Азией — за исключением географических рассуждений Савицкого. Мы вряд ли найдем среди евразийских работ подробные исследования культуры или быта азиатских народов — все внимание евразийцев, весь пафос их теорий был направлен на конструирование границы именно с Европой, на обличение Европы. В ней евразийцы видели не столько геополитического соперника России, сколько источник стандартизации и унификации, присущих современности. Обсуждая роль современного искусства, Трубецкой писал Сувчинскому:

Когда взбунтовавшийся против красоты футурист рисует или описывает европейскую фабрично-городскую культуру, это безобразное, извращенное создание рук человеческих, эту омерзительную вавилонскую башню, — он в своей сфере, ибо смаковать, наслаждаться уродством и есть бунт против красоты... суть и первопричина футуризма именно в смаковании и воспевании машинно-бетонно-бензинно-и т.д. европейской современности, и что именно *это* привлекает к футуризму его адептов⁵⁹.

Воспринимая Европу как сосуд, содержащий разрушительную силу современности — нивелирующую различия модернность, — евразийцы дискурсивно возводили вокруг этого сосуда непрони-

цаемый культурный барьер. Примечательно, что это стремление сделать Европу непроницаемой извне (в конце концов, внутри Евразии границы между культурами были для евразийцев преодолимыми) совпадало с их глубокой убежденностью в том, что культурные типы сотворены Богом, что различия являются религиозным феноменом. Свою статью о происхождении культур и языков Трубецкой озаглавил «Вавилонская башня и смешение языков». В письме Сувчинскому он объясняет это так:

У меня план доморощенно-богословского обоснования идеи национально-ограниченных культур. Статья будет называться «Вавилонская башня и разделение языков». Тезисы: интернациональная культура *eo ipso* безбожна и ведет только к сооружению Вавилонской башни; множественность языков (и культур) установлена Богом для предотвращения новой Вавилонской башни; всякое стремление к нарушению этого Богом установленного закона — безбожно; истинные культурные ценности может творить только культура национально-ограниченная; христианство выше культур и может освящать любую национальную культуру, преобразуя ее, но не уменьшая ее своеобразие; как только в христианстве начинает веять дух интернационала, оно перестает быть истинным⁶⁰.

В этой статье Трубецкой повторил идеи, впервые озвученные в его работе «Европа и человечество»: единая мировая культура невозможна, так как противоречит Божьему промыслу, создавшему различные культуры. Попытка стереть эти различия — каковой является буржуазная современность — ведет к уничтожению смыслообразующей силы истории. В этом страхе перед современным обществом, в котором исчезают различия и начинает господствовать серая масса, евразийцы следовали за Константином Леонтьевым, и вовсе не случаен тот факт, что в 1923 году проект публикации работ Леонтьева с введением и подробным комментарием занимал одно из важнейших мест в переписке евразийцев⁶¹. Для евразийцев в целом и для Трубецкого в частности главным противником была Европа, которая являлась источником все большей стандартизации жизни и культуры. При этом критика европейской культуры как орудия колониального господства имела в качестве своего источника не столько самоидентификацию с колониальным субъектом — как это было, скажем, у Махатмы

Ганди, — сколько неоромантические представления о буржуазной традиции как главной опасности для диверсифицированной, «цветущей» культуры и динамичной истории. Колониальный мир выступал в этой неоромантической картине как «старая новая сила»: старая — поскольку ее вступление на мировую арену имеет регрессивный характер, направленный против «прогрессивной» Европы, новая — поскольку в ней есть энергия и сила, необходимые для противостояния буржуазной технической цивилизации.

Патрик Серио считает, что русские «пражане» — Трубецкой, Савицкий, Якобсон — были неоплатониками. В их воззрениях феноменальный мир был лишь отражением мира ноуменального — мира идеальных форм, в котором царят гармония и порядок. В мире феноменальном человек видит лишь часть более крупного целого. Тот, кто овладеет правильной техникой познания, будет способен обнаруживать удивительные закономерности, отраженные в ноуменальном мире. Так, правильный взгляд на беспорядочные факты, предоставляемые различными науками («атомистические» факты, если следовать терминологии Савицкого, Якобсона и Трубецкого), позволяет четко и ясно определить границу Евразии (и, соответственно, границу Европы и модерна). Эта граница становится очевидной при наложении друг на друга различных составляющих — данных о климате, почвах, распространении определенных лингвистических (в частности, фонологических) черт. Серио предполагает, что такой подход у евразийцев связан с освоением ими писаний православных отцов церкви⁶². Возможно, что метафизический нарратив евразийства связан и с необычно острым ощущением распада и прерывности, в котором жили евразийцы (сложно найти более «постмодернистскую» ситуацию, чем ситуация эмигрантов, живущих в «рассеянии», в эпоху социальных и политических потрясений). Глубокая вера в высшую предустановленность обнаруживаемых человеком законов и правил — это своего рода конденсат метафизического мышления, ищущего основания человеческого бытия.

Известно, что одна из функций структурированного нарратива — скрепление идентичности, восстановление предположительно утраченной целостности картины мира. Можно допустить, что евразийский нарратив, который соединил в себе практически все аспекты научного знания и идеологического творчества и основывался на глубокой вере в необходимость (даже божественную данность!)

существования Евразии, служил одним из средств выражения находившейся под угрозой идентичности эмигрантов. А комбинацию критики европейского колониализма и стремления ограничить нивелирующую силу современности путем создания заслона из культурных ареалов на пути европейской колониальной агрессии можно охарактеризовать по-разному: как социальную и культурную утопию представителей привилегированных классов рухнувшего старого режима, стремившихся сохранить целостность последней континентальной империи Европы (ср. с корпоративизмом Жозефа де Местра и антиреволюционными писаниями Луи Габриэля де Бональда), как попытку «помыслить империю» в век национальных государств или как знакомую по европейскому контексту критику модерности в эру кризиса капитализма и парламентской демократии.

Евразийская идеология соединила в себе две версии критики европейской модерности. Первая, связанная с концепциями культурных ареалов, воздвигала барьеры на пути «европейской цивилизации» и провозглашала существование отдельных, взаимонепроницаемых культур. Вторая версия критики европейской модерности была связана с комплексом проблем, вытекавших из имперского характера Российского государства. Поскольку возникновение современного русского национализма предполагало применение в России ориенталистских практик, воздвигавших культурные барьеры между национальной метрополией и «азиатскими» колониями, такая версия колониализма подрывала единство империи. Евразийская критика модерности отрицала наличие колониализма в России и, объявив Россию Евразией, синтетической культурой различных народов, пыталась преодолеть связанные с идеей современного национального государства западного типа представления о превосходстве европейской цивилизации. В результате евразийцы оказались очень близки к постструктуралистской критике колониализма, связавшей современное научное знание и культуру с колониальной властью. Контекст эмиграции, предполагавшей утрату статуса и перемену дислокации, заострил антиколониальную и антиевропейскую риторику евразийцев, сделав возможным идентификацию (пусть и поверхностную) представителей российской интеллектуальной элиты с колониальными народами.

6. Мысля империю «структурно»: евразийская наука в поисках единства

В рамках новой парадигмы

Евразийство с самого начала своего существования заявляло о своем научном призвании. Дело было не только в том, что большинство основателей движения являлось профессиональными преподавателями и учеными. Евразийцы утверждали, что доказательства существования Евразии — это результат научных изысканий. Научный авторитет некоторых евразийцев и их «попутчиков» — Трубецкого, Якобсона, Савицкого, Вернадского — остается очень высоким и сегодня, так как их работы оказали заметное влияние на развитие лингвистики, географии и истории. Существует и интригующая связь между идеологией евразийства и структуралистской парадигмой, получившей широкое развитие в ходе XX века.

Для того чтобы описать эту связь, требуется немало усилий: структурализм как научный метод применялся в таких разных дисциплинах, как литературоведение и математика. Работы, в которых затрагиваются вопросы структуралистской методологии, чрезвычайно многочисленны и практически не поддаются анализу в рамках одного исторического исследования. Более того, ни один из видных структуралистов никогда не брал на себя труд специально изложить основы своего метода, и каждый из них подчеркивал какой-то один его аспект.

Можно выделить основные, базовые принципы, на которых основывается структуралистский метод. Это, прежде всего, вопрос о взаимоотношении целого и частей. Структура в структурализме означает не способ аналитического членения универ-

сума эмпирических данных, а по большей части скрытый (и подлежащий открытию и описанию) принцип взаимоотношения частей. Структурализм имманентно холистичен, он антиатомистичен, поскольку работает с целостностью, определяемой тем, что весь опыт социальной деятельности, данный нам в кодах, изначально организован внутренней глубокой структурой. Человек, по сути, обладает имманентной структурирующей способностью, и поэтому все элементы социальной деятельности, от осуществления практик родства до производства литературных текстов, определяются набором внутренних правил, которые придают эмпирически воспринимаемым явлениям определенную структуру.

Структурализм находится в оппозиции к любому каузальному объяснению, поскольку время не является главной константой структуралистского анализа, для него это лишь один из факторов. Для структуралистского анализа важно состояние структуры в каждый момент времени и, соответственно, изменения структуры согласно определенным законам ее трансформации. Для структуралиста не важно, почему структура меняется, для него важен принцип ее изменения. Синхронный анализ, состояние системы в настоящем дает ключ к пониманию диахронии, эволюции системы во времени. Поскольку генеалогически структурализм связан с лингвистикой, вся социальная деятельность воспринимается структуралистами как язык, или, используя термин Ролана Барта, как коды, в которых, соответственно, есть свои языковые правила.

Одним из результатов этого «лингвистического поворота» стало внимание к тому, что Якобсон считал закономерным итогом развития современной науки, — к конструктивизму, то есть к признакам приобретенным, а не генетически переданным¹. Структурализм в XX веке прошел сложный путь от исследования человеческого языка до амбициозного проекта исследования человека и человеческих обществ посредством открытия и описания структур значения в культуре. В процессе своего развития структурализм на время стал доминирующим способом научной мысли, а затем подвергся систематической деконструкции: после Второй мировой войны, сталинизма и нацизма критика диалектики Просвещения, в которой зарождающийся постмодернизм

увидел причину исторических трагедий XX века, коснулась и его основ. В то же время из структуралистского анализа выросла так называемая постструктуралистская теория (прежде всего Мишель Фуко), попытавшаяся реализовать проект по отысканию скрытых структур значения в жизни человеческих обществ вне строгих сциентистских рамок структурализма¹.

В какой степени евразийцы были «структуралистами», вопрос очень сложный. Следует учитывать, с одной стороны, их отношение к идеям общепризнанного основателя структурализма Фердинанда де Соссюра. В опубликованной недавно блестящей работе, посвященной анализу структуралистского метода Трубецкого, Jakobsona и отчасти Савицкого, Патрик Серио убедительно доказал, что этот структурализм отличался от подходов Соссюра своим неоплатоническим характером². Для евразийцев структура была заранее заданной, онтологической сущностью, требовавшей своего раскрытия в различных феноменах, тогда как структура Соссюра — ментальный конструкт, создаваемый с аналитическими целями. С другой стороны, евразийские концепции в лингвистике (в частности, географической лингвистике), географии и истории в целом отвечают тем базовым принципам, под которыми подписывались структуралисты в XX веке. Наконец, как это верно отметил Серио, именно онтологический структурализм евразийцев (в особенности Jakobsona) привел к резкому росту популярности этого метода, стимулировав различные прикладные исследования в антропологии, социологии, истории и т.д. В этом смысле, с исторической точки зрения, значительным оказывается не столько отличие структурализма евразийцев от взглядов Соссюра, сколько их до сих пор недооцененное последующее влияние на послевоенное развитие гуманитарных и социальных наук.

Даже отрешившись от конкретных проблем, разрабатывавшихся в лингвистике или географии евразийцами, можно утверждать, что их влияние на интеллектуальную историю XX века все еще ждет своего исследователя: напомним, что Клод Леви-Стросс, ключевая фигура в структуралистском «лингвистическом повороте» 1950–1970-х годов, познакомился с соссюровской лингвистикой в ее «пражской» интерпретации через Романа Jakobsona³. Именно Jakobson рекомендовал Леви-Строссу написать работу, посвящен-

ную структурам родства. Под влиянием идей Якобсона Леви-Стросс совершил переворот в антропологии, отойдя от биологически ориентированных исследований (изучения «генетических признаков», по терминологии Якобсона) к выявлению структур в культуре. Якобсон же, в свою очередь, сформировался как ученый в процессе интенсивного общения с Трубецким и Савицким, и его перу принадлежит изложение евразийских принципов в языкознании, причем идеи Якобсона о преимуществе признаков приобретенных перед признаками генетическими родились именно в контексте евразийской идеологии, с ее поиском общих характеристик народов бывшей Российской империи, с ее стремлением подтвердить целостность и неделимость «русского мира»⁵. К сожалению, языковые барьеры и специфическое эмигрантское положение евразийцев воспрепятствовали выявлению их роли в формировании структуральной парадигмы и значения евразийской идеологии для истории структурализма. Работы Якобсона широко известны, но, несмотря на его собственные усилия по популяризации идей Трубецкого и Савицкого, западные исследователи практически не проявляют интереса к их наследию, во всяком случае к комплексному изучению этого наследия и его идеологической составляющей. Немаловажную роль здесь сыграло и то, что идеологический контекст деятельности Савицкого и Трубецкого (и, отчасти, Якобсона) — евразийское движение — по большому счету остается абсолютно неизвестным даже тем ученым, которые хорошо знакомы с фонологией Трубецкого. А в случае с Савицким неизвестны не только его интеллектуальная биография, но и основные работы по географии, написанные по-русски⁶.

Даже краткое изложение вопросов, связанных со взаимодействием структуралистского метода и евразийской идеологии, позволяет предположить, что существует прямая связь между российским национализмом и империализмом (во всяком случае, концептуализацией этого национализма и империализма в евразийстве) и генезисом и дальнейшим развитием структуралистского метода. В конечном итоге, центральная проблема структурализма — это взаимоотношения частей и целого, а холистическая концепция единства Евразии как раз стремилась разрешить неразрешимую проблему взаимоотношения нации и империи. Структурализм отличался подчеркнутым модернизмом и отрицанием

старой науки. Евразийцы также считали себя новаторами, провозвестниками будущего, а не консервативными продолжателями традиций прошлого. Это сочетание холизма и страсти к современности, безусловно, роднило два в принципе далеких друг от друга проекта. Наконец, в своем исследовании различных признаков Евразии Якобсон, Трубецкой и Савицкий предполагали наличие скрытой структуры, определяющей систему характеристик «особого российского мира». Исследование этих характеристик, в свою очередь, стимулировало применение методов, создававшихся в контексте евразийского идеологического проекта, в иных областях.

Разумеется, подробное исследование научной составляющей евразийства (или работ евразийцев-ученых, в которых так или иначе отразилась навеянная идеологией проблематика) выходит за рамки нашего исследования. Не входит в нашу задачу и доказательство того, что все евразийские работы соответствуют принципам структуралистского метода. Мы можем лишь попытаться рассмотреть те ключевые идеи, которые сформировались под воздействием евразийской идеологии и вошли в научный дискурс евразийцев в различных дисциплинах, сочетаясь, с разной степенью гармоничности, с теми или иными научными традициями. Таким образом, это исследование фокусируется на связях между источниками евразийской идеологии, прежде всего на попытке переосмыслить историческую траекторию империи, и динамикой евразийской научной мысли. Это не история лингвистики или географии, но история влияния евразийского комплекса на научную проблематику. Очевидно, в силу такой постановки проблемы изучение конкретных форм структурализма евразийцев остается вне поля внимания.

Вопрос о том, что первично: влияние евразийской идеологии на научные изыскания евразийцев или воздействие научных взглядов евразийцев на «открытие» ими Евразии, — не может быть разрешен однозначно. Очевидно, что евразийская идеология развивалась в тесной связи с научной практикой ведущих евразийских деятелей. По сути, и в их публицистических работах, и в научных исследованиях реализовывалось некое видение мира, философское, политическое и эстетическое, которое само по себе было продуктом целого комплекса движущих сил: внутренней динамики

развития истории идей (как в случае со структуральной парадигмой), послереволюционного кризиса (как в случае с имплицитной поддержкой советского режима и критикой ориентализма) или дискурса целостности российского географического и культурного пространства (как в случае с теорией языковых союзов или антропогеографической концепцией).

Евразийцы утверждали, что они являются вестниками новой науки, пришедшей на смену старому подходу. Когда Савицкий опубликовал свою работу о подъеме и депрессии в докапиталистическом мире и она стала объектом критики изнутри евразийства, Трубецкой написал ему:

В своих суждениях о Вашей исторической статье в последнем номере хроники Белецкий и Шеповалов, конечно, не правы. Но, вероятно, эти суждения разделяются большинством историков. Все дело в том, что история до сих пор была наукой глубоко атомистической и привила атомистический подход к фактам всем, даже молодым историкам. Ваша попытка применения структурального подхода к историческим фактам именно потому и остается непонятной «профессиональным историкам». Но я убежден, что это — единственно правильный путь...⁷

В письме Вере Александровне Сувчинской, начавшей слушать в Париже лекции известного лингвиста А. Мейе и осведомлявшейся у Трубецкого о качествах своего преподавателя, Трубецкой писал:

Meillet действительно вполне достоин того уважения, которое Вы ему уделяете. Это — лучший лингвист нашего времени. Конечно, он знаменует определенную эпоху в истории лингвистики, эпоху, которая м{ожет} б{ыть} скоро должна кончиться и смениться другой...⁸

Примечательно, что Трубецкой, как и Якобсон, публично отзывались о Мейе с большим уважением, тогда как в частной переписке зачастую указывали на отсталость ведущего французского лингвиста — ученика де Соссюра и продолжателя младограмматизма — и его неспособность понять новые веяния в науке.

То новое, на которое так любили указывать Трубецкой и Якобсон, евразийские ученые называли по-разному. Так, Якоб-

сон искал альтернативу атомистическому восприятию универсума фактов, которое он считал характерным для науки XIX века, и находил ее в структурном подходе, по его мнению, тесно связанном с «русской наукой» («русская наука» для евразийцев означала отказ от позитивизма и «фактопоклонства» и своеобразный метафизический романтизм)⁹. Петр Савицкий прошел эволюцию от ученика Струве и сторонника «идеалистического» направления в экономике и географии до автора собственной системы, навеянной традицией натурфилософии XIX века и русской критикой дарвинистской модели эволюции. Для Савицкого общим принципом интерпретации фактов была концепция «периодической системы сущего», подсказанная менделеевской системой, строго организованная и структурированная методика выявления повторов и совпадений в истории, географии, экономике и лингвистике. После освобождения из советского лагеря в Мордовии Савицкий переслал Г.В. Вернадскому свои стихи, написанные в заключении, и присовокупил следующее пояснение:

...Последующие стихотворения охватывают мою небезызвестную Вам концепцию периодической системы сущего. Она охватывает и периодическую систему зон и периодическую ритмику истории...¹⁰

В качестве своего учителя Савицкий неоднократно упоминал Д.И. Менделеева, причем не только в его естественно-научных опытах, но и в его анализе положения России в мире. При этом Савицкий также испытал влияние работ почвовед В.В. Докучаева, которого по праву можно назвать неизвестным предшественником структурализма.

Для Трубецкого, самого религиозного из евразийских ученых, Божественное провидение было источником истины; в феноменальном мире факты, которые открываются взору ученого, суть не более чем формы божественных сущностей. Примечательно, что в своем анализе христианских травелогов средневековой Руси Трубецкой практически описал свой собственный научный метод:

...Высшее счастье, которое может выпасть на долю христианина, есть райское блаженство, состоящее в вечном сверхчувственном восприятии Бога. Этого высшего счастья христианин может достичь лишь после смерти при условии

безгрешности своего жизненного пути. Здесь, на земле, возможно только несовершенное приближение к такому счастью в форме видений... Необходимый душевный настрой приобретался лишь в паломничестве — паломник предстал перед внешним миром как перед иконой, «иконизировал» его внутри себя. Во всем, что он видел в пути, он отмечал лишь то, что через сверхчувственное зрение мог связать со своими религиозными мыслями и представлениями о Царстве небесном; мимо всего остального он проходил, не замечая его и никак не реагируя. Страна его паломничества была для него большим храмом с бесчисленными яркими иконами¹¹.

В своем евразийском паломничестве Трубецкой, как и другие евразийские ученые, искал в видимых феноменах отражение целостной картины мира, существование которой принималось им на веру. Остается только предполагать, являлся ли этот неоплатонизм Трубецкого результатом интеллектуального воздействия Трубецкого-старшего: Сергей Николаевич Трубецкой долго занимался античной философией, Сократ был его кумиром. Во всяком случае, вопрос о самопознании как центральной философской проблеме, очевидно, перекочевал в предисловие к первой книге Трубецкого из интеллектуального наследия С.Н. Трубецкого. Очевидно, что неоплатонизм Трубецкого, отмеченный Патриком Серио, был вполне совместим с гегелевской концепцией: так, описывая Сувчинскому взгляды Л.С. Берга, Трубецкой называет их религиозными¹². Для Трубецкого телеологичность и закономерность эволюции, которые защищал Берг, равнялись религиозному взгляду.

При этом можно отметить определенное согласие, которое наблюдалось среди ведущих евразийцев: для них старая наука XIX века характеризовалась, прежде всего, своей атомистичностью и пристрастием к собирательству фактов (очевидная аллюзия на позитивизм), тогда как евразийцы настаивали на том, что определенный метод анализа универсума фактов существует — посредством выявления структуры через анализ эмпирических данных. Для всех евразийцев задачи науки были связаны с осмыслением проблем исторического, культурного или экономического развития России, причем центральным вопросом являлось доказательство единства Евразии. Отсюда следовал тот холистический подход, который был свойственен и структуралистскому направлению в целом. При этом большинство евразийских ученых, судя по всему,

подписывались под проектом Трубецкого по созданию синтетической науки — разнообразного комплекса научных разработок, основанных на евразийских принципах и евразийском мировоззрении. Несмотря на различные источники метанаучного дискурса и терминологических репертуаров, евразийские ученые сходились в отношении как к методу, так и к объекту своих исследований: как отметил Патрик Серио, онтологическое существование Евразии как целого не подвергалось ими сомнению. Задача состояла лишь во все более подробном выявлении доказательств этого существования, для чего и был необходим «структурный» подход. Тем не менее эпистемологический принцип неоплатонизма, который, по мнению Серио, характеризовал научный дискурс евразийцев, — это лишь часть грандиозного проекта по перестройке научного знания, в котором история евразийства составляет очень важный и до сих пор малоизученный аспект.

Согласно Серио, исследовавшему работы Трубецкого, Якобсона и Савицкого, евразийство отразило мучительные колебания между романтической и структуральной парадигмой. Именно евразийцы, с их идеологической ангажированностью и поиском доказательств бытия Евразии, особенно наглядно продемонстрировали, насколько нелинейное и не векторное развитие зачастую принимает гуманитарное знание. Метафизический интерес к целостности — симптом травмы пореволюционного поколения, распада имперского пространства и сопротивления атомизирующему действию современного общества — являлся в евразийстве основным мотивом. В то же время, как и в случае с национализмом, в отношении которого евразийство вышло за рамки знакомого нам по общеевропейскому контексту современного фашизма, евразийские научные построения преодолели антиэволюционистский консерватизм, органическую и биологическую метафоры и географический детерминизм, свойственные, скажем, германской науке второй половины XIX века. Следствием этого преодоления стали научные теории, оперировавшие языком и понятийным аппаратом нарождавшегося структурализма и идеологически предопределяющие открытие все новых и новых законов единства и автаркии Евразии.

Вопрос, который требует самого серьезного рассмотрения — даже если он не может быть разрешен однозначно, — это вопрос о том, в каком отношении находились новые научные

принципы, провозглашавшиеся евразийскими авторами, с комплексом проблем, порожденных историческим опытом Российской империи. Можно ли говорить о том, что евразийство лишь использовало методологию структурализма для подкрепления своих идеологических построений или, напротив, что идеология евразийства, теснейшим образом связанная с проблемой исторической судьбы Российской империи, оказала своеобразное и глубокое влияние на формирование структурализма, ставшего *modus operandi* для нескольких поколений европейских интеллектуалов? Осмысление истории России современного периода поставило перед мыслителями одну центральную проблему — проблему отношения целого и его частей. В тот исторический период, когда национальное государство превратилось из политического лозунга в нормативный контекст социально-политической и исторической мысли, вопрос о взаимоотношении империи и наций стал неразрешимым для российских историков и обществоведов. Структуральная парадигма, позволявшая подходить к этой проблеме взаимоотношения целого и его частей в духе «объективного» сциентизма, с одной стороны, оказала огромное влияние на евразийскую мысль, с другой — сама испытала фундаментальное влияние российского имперского комплекса. Может быть, именно поэтому в структурализме евразийцев, помимо общеевропейского источника — лингвистики де Соссюра, — ощущается мощное влияние российской школы структурных исследований в естествознании, которая сформировалась, прежде всего, под влиянием почвоведения Докучаева. С неменьшей ясностью в нем представлено и воздействие философских обоснований системного и холистского подхода в естественных науках, самым ярким представителем которого был В.И. Вернадский. В свете вышесказанного, история евразийства объясняет один из самых неожиданных пируэтов интеллектуальной истории — влияние исторического опыта Российской империи на генезис структурализма.

Империя языка: лингвистика языковых союзов

В последнее десятилетие обсуждение вопроса о взаимоотношении евразийства как идеологии и тех лингвистических дебатов, которые проходили при участии евразийцев, приобрело особенную ин-

тенсивность. С повышением интереса к евразийской идеологии после распада СССР возник острый интерес к фигуре Трубецкого, а следовательно, и к его лингвистическим работам. Та связь, которая очевидно существовала между идеологической мыслью евразийцев и занявшим особое место в истории лингвистики XX века Пражским лингвистическим кружком, уже стала предметом нескольких интересных работ.

В программных сборниках евразийства языковая проблема занимала на удивление (принимая во внимание профессиональную деятельность Трубецкого) незначительное место. Несмотря на то что участники движения пытались склонить Трубецкого к подготовке развернутого лингвистического манифеста евразийцев уже в 1922 году, а в 1923-м Трубецкой написал статью «Вавилонская башня и смешение языков», подробное изложение фонологических особенностей Евразии — трактат Якобсона «К характеристике евразийского языкового союза» — появилось лишь в 1931 году, когда движение уже распалось. Евразийцы, казалось, были гораздо более заинтересованы в исторических, географических и этнографических описаниях евразийской цивилизации, нежели в исследованиях языков населявших эту цивилизацию народов. Однако двое евразийских мыслителей — Трубецкой и Якобсон — были профессиональными лингвистами, активными участниками инновационного интеллектуального проекта, и именно лингвистика связывала евразийство с миром «большой науки». На пересечении евразийского проекта и нового направления, которое пропагандировали Трубецкой и Якобсон, — фонологии — родилась концепция языкового союза. Благодаря роли Якобсона и Трубецкого, в частности, в создании и развитии Пражского лингвистического кружка, евразийство стало известно за пределами узкого круга российской эмиграции, в особенности среди литературоведов и языковедов. Кроме того, в лингвистических работах Якобсона и в мимолетных замечаниях Трубецкого можно видеть, что идеология евразийства — прежде всего ее консервативный модернизм и российский империализм — составляли единое поле с нарождающимся структурализмом.

Несмотря на то что в целом евразийцы мало интересовались культурой и языками народов Евразии как таковыми, в случае Трубецкого это правило не действовало. Дело было не только

в профессиональном интересе лингвиста. Описывая «структурное сходство» между строем языка туранских народов и их духовным миром, Трубецкой прибег к метафоре, которая позволила ему сформулировать принципы «евразийского духа». По мнению Трубецкого, евразийский — то есть туранский — характер лучше всего отражался в языковом явлении гармонии гласных, свойственном языкам финно-угорской и тюркской групп. Для Трубецкого звуковая гармония туранских языков послужила точкой отсчета для описания туранского характера и мировоззрения — холистского, не склонного к рационализированию, сконцентрированного на достижении гармонии, созерцательного и стремящегося к целостности. Парадоксальным образом сам Трубецкой радикально не соответствовал этому образу: страстный любитель логики и ясности, он даже в религиозных вопросах оставался человеком рассуждающим.

В статье Трубецкого «Вавилонская башня и смешение языков» появляется первое значительное упоминание о языках в евразийской литературе. В самой постановке проблемы уже звучат мотивы более широкие, нежели просто описание евразийского феномена. Трубецкого интересуют возможность общечеловеческой культуры, источники и значение многоязычия и существование неких культурных групп, где различные народы разделяют определенные характеристики. По версии Трубецкого, многоязычие (а следовательно, и множество культур) человечества предустановлено Богом, а попытки людей создать интернациональную культуру «eo ipso безбожны». Очевидно, что концепция Трубецкого связана с его попыткой оградить мир от тлетворного влияния современной, прежде всего западной, культуры, в которой он видел стандартизацию и, следовательно, уничтожение множественности культур. Этот леонтьевский принцип, уходящий корнями в романтическую традицию, представленную в лингвистике Гумбольдтом и Шлейхером, противопоставлял унифицированной культуре современности с ее технологией и одинаковыми институтами некую утопическую версию средневекового «цветения» и невероятной диверсификации языков и обычаев. Многоязычие и невозможность сведения амальгамы языков к одному недиверсифицированному источнику служили для Трубецкого доказательством верности тезиса о существовании множества взаимонепро-

ничаемых культур, а следовательно, и мощным риторическим инструментом, позволявшим остановить унифицирующее влияние современности.

Характерно, что Трубецкой, отрицая лингвистическую традицию XIX века с ее поиском единого индоевропейского праязыка (по мысли Трубецкого, такой поиск означал оправдание безбожной интернациональной культуры), начало которой было положено Шлейхером (он даже написал текст на индоевропейском праязыке), все же отчасти подписывался под идеей Боппа и Шлейхера о том, что развитие языка представляет собой процесс распада: классические идеальные языки древности, такие как санскрит, древнееврейский или древнегреческий, обладали сложной морфологической формой. В процессе исторических изменений языки упростились, подобно цветущим культурам древности, которые были стандартизированы модерновым универсализмом.

Известно, что лингвистика Шлейхера уподобляла классификацию языков классификации видов и была тесно связана с дарвинистской моделью, в которой виды в процессе развития отделяются от единого источника и никогда не скрещиваются. Трубецкой разделял подобный взгляд на наличие границ между языками и культурами: если интернациональная культура безбожна, то границы и различия между культурами приобретают сакральный статус. Вся идеология евразийства была сфокусирована на конструировании и поддержании множественности границ между Европой и Россией-Евразией, причем если за Европой закреплялись такие свойства, как индивидуализм, механицизм, рационализм, безрелигиозность и агрессивность, Россия-Евразия была коллективистской, телеологичной, мистической, органичной и православной.

В лингвистических работах Трубецкого, в частности в его самом важном труде «Основы фонологии», ключевыми стали концепции, связанные с понятием «отграничение». Ведь главный тезис фонологической концепции Трубецкого, впервые в истории лингвистики эксплицитно разделившего фонетику — науку о материальной стороне звука, и фонологию — науку об обозначаемом в языке, в отличие от речи, состоял в утверждении того, что в звуковом строе языка ключевую роль играют именно смысло-различительные единицы. Причем смыслоразличительная функция приобретается фонетической единицей только в том случае,

когда эта единица представляет собой часть оппозиции. В мышлении Трубецкого граница и различие являлись необходимым условием смыслообразования, то есть духовной жизни человека и его культуры вообще. Такое внимание к понятиям границы и различия, унаследованное Трубецким от структурализма Соссюра, у которого смыслообразование в языке есть результат различий элементов внутри системы, в то же время имело своим истоком романтическую традицию XIX века с ее «принципом диверсификационизма». В российской истории идей ближайшим источником этой философии различия были работы Константина Леонтьева, видевшего в стандартизации и универсализации современной жизни смерть культуры.

Тем более парадоксально, что в своей статье Трубецкой признает, что существуют некие языковые группы, в которых языки, генетически не связанные между собой, приобретают общие характеристики в процессе исторического сосуществования. Так, балканские языки, такие как болгарский, греческий, сербский и албанский, не будучи прямыми родственниками, выработали общие признаки в силу своего исторического сосуществования. Причем для Трубецкого было неприемлемо понятие субстрата, которым широко пользовался еще один теоретик языковых союзов — датский ученый Санфельд¹. Таким образом, отрицая возможность скрещивания или слияния культур, Трубецкой утверждал возможность такого их сосуществования, когда некоторые признаки становятся общими. Теория конвергенции, применявшаяся евразийцами для описания ситуации внутри Евразии, была связана у Трубецкого, прежде всего, с немецкой традицией исследования диффузии культурных признаков. С работами Л.С. Берга, посвященными эволюции посредством конвергенции, Трубецкой познакомился относительно поздно, при посредстве П.Н. Савицкого, более внимательно следившего за советскими публикациями.

Разумеется, в центре проблематики языкового союза была Евразия — прототип языковой группы, языковой союз *per se*, Российская империя, необходимость доказать единство которой и вызвала к жизни теории языковых союзов. Под влиянием географических работ Савицкого, о которых речь пойдет ниже, подробно описал евразийский языковой союз Якобсон. По Якобсону, сам подход евразийцев, который сместил фокус с характеристик

генетических и унаследованных к характеристикам приобретенным, был связан с грандиозной сменой научной парадигмы. Якобсон считал, что замена касты классом, а генетически определяемой народности — принципом самоопределения является демонстрацией этой новой парадигмы в социальных науках¹⁴. Используя терминологию современных исследований национализма, можно говорить о противопоставлении Якобсоном примордиалистского и конструктивистского подходов, причем выбор автора был явно в пользу последнего¹⁵. Якобсон с очевидной симпатией говорит о планах немецкого лингвиста Вальтера Порцига написать синтаксис «языка Запада» — *Sprache des Abendlandes*.

Для Якобсона философским основанием такой смены ориентиров, перехода от генетической к «функциональной» модели языкознания являлось понятие цели и целеустремленности. Главным вопросом в науке он считал «куда?» — вопрос, который однозначно сменил извечный вопрос науки XIX века — «откуда?». «Цель, — писал Якобсон, — эта золушка идеологии недавнего прошлого, постепенно и повсеместно реабилитируется»¹⁶. Такая футуристическая наука, замешенная на гегелевском понимании диалектики и развертывания во времени, согласно принципу *Gesetzmässigkeit* (закономерности) должна была с необходимостью быть синтетической. Якобсон утверждал, что для выявления проблематики языковых союзов необходимо прибегнуть к «методу увязки», «уловить сопряженность разноплановых явлений». Такой метод, состоявший в системном сопоставлении данных различных наук с целью выявления границ и характеристик Евразии, был навеян работами Савицкого в области географии. Этот метод в конечном итоге стал фирменным рецептом евразийской школы мысли.

Среди фонологических признаков евразийских языков Якобсон, прежде всего, выделял такие характеристики, как мягкостная корреляция согласных и отсутствие политонии. Вывод Якобсона был однозначен: «Состав фонологических корреляций в языках евразийского союза характеризуется сочетанием двух признаков: 1. монотония, 2. тембровые различия согласных, проявляющиеся, за вычетом кавказской периферии Евразии, в виде мягкостной корреляции». Каковы бы ни были точные границы этих признаков, для автора было очевидно, что на их основании можно выделить особый языковой мир, не знающий политонии,

но использующий мягкость согласных, причем удивительным образом этот мир звуковых закономерностей совпадает с описанным Савицким миром географических закономерностей и с воссозданным усилиями евразийцев историко-культурным миром Евразии. История возникновения этого языкового союза иллюстрировалась Якобсоном очень характерным образом — на примере исчезновения мягких согласных в чешском языке в результате преобладающего влияния немецких говоров. В своей работе Якобсон приводит в качестве примера восклицание Яна Гуса (любимца славянофилов!), упрекающего чехов в онемечивании и утрате мягкого «л»¹⁷. Тем не менее Якобсон признавал текучесть границ языкового союза и отдавал себе отчет в невозможности проведения линий водораздела, которые четко отделили бы «Евразию» от «Европы».

Отметим, что исследование Якобсоном фонологических характеристик евразийских языков было напрямую связано с проблематикой российского многонационального государства. Речь идет в данном случае не только о том, что Якобсон использовал данные о метисации языков национальных меньшинств или адаптации русских говоров в Сибири под влиянием местных языков. Якобсон широко использовал советскую языковедческую литературу, писавшуюся отчасти и теми лингвистами, которые принимали активное участие в процессах нациестроительства в СССР. Так, в частности, Якобсон активно ссылается на исследования финноведа Д. Бубриха, данные которого играли такую важную роль в принятии советскими властями решения о замене финского языка на карельский в учебных заведениях Советской Карелии. Пожалуй, лишь эмигрантское положение Якобсона, закрывшего себе путь в СССР статьей на смерть Маяковского, предотвратило его собственное участие в этих процессах.

Существенное влияние на позицию Якобсона в вопросе о языковом союзе оказали работы такого ученого, как Д.К. Зеленин, который описал систему табу у народов Евразии и обнаружил единообразие словесных запретов среди различных этнических групп. Как замечал Якобсон, Зеленин «устанавливает общеевразийские черты отношения говорящих к слову». Якобсон цитирует А.С. Селищева, А.П. Георгиевского, В.Н. Баушева, а также указывает на работы В. Шмидта, австрийского этнографа и теоретика

антропологии, автора упомянутой выше теории *Kulturkreisen*, как на один из источников «географической фонологии». Впрочем, Якобсон подчеркивал ограниченность работ Шмидта, связывая ее с европоцентризмом австрийского ученого, не сумевшего избежать построения оценочной шкалы: Шмидт объяснял специфические языковые характеристики «бедностью» той или иной культуры.

Империя пространства: месторазвитие и системная география

Самым известным элементом евразийства является его географическая концепция, безусловным автором которой был Петр Николаевич Савицкий¹⁸. Географические идеи Савицкого не только дали название всему движению (Савицкому также принадлежит приоритет в использовании термина «Евразия» в смысле особого «российского мира») и сформировали контекст для развития других элементов евразийства. Савицкий, как никто другой, способствовал применению «структурального» метода в различных дисциплинах, которыми занимались евразийцы, стимулировав мысль Якобсона, недаром вспоминавшего о нем как об «основателе структуральной географии». Его влияние на формирование взглядов Якобсона и Трубецкого до сих пор практически не оценено, как не оценена и его роль в истории структурализма. В силу этого широкой публике остались неизвестны такие источники структуралистской мысли (транслированные Савицким от Якобсона к Леви-Строссу), как работы почвоведов В.В. Докучаева.

Географическая концепция Савицкого впервые появилась в печати в его рецензии на книгу Трубецкого «Европа и человечество»¹⁹. Именно в этой рецензии Савицкий сформулировал основные положения географически детерминированного евразийства. Отвечая на призыв Трубецкого эмансипировать колонизованные европейской культурой страны, Савицкий задался вопросом о том, «не возникли ли условия для эмансипации конкретной культуры». Он считал, что противопоставление Трубецким Европы и человечества «есть звук пустой», но за идеями Трубецкого стоит конкретная реальность, и эта реальность — противопоставление Европы и России. Отметив географические сложности, связанные с «райо-

нированием» Европы и России, Савицкий заявил, что в «чисто географическом смысле Россия в границах 1914 г. (sic! — С.Г.) ...представляет собой своеобразный мир — отличный и от Европы (как совокупности стран, лежащих к Западу от Пулковского меридиана), и от Азии...». По мнению Савицкого, это

наиболее континентальный мир из всех географических миров, того же пространственного масштаба, которые можно было бы выкроить на материках земного шара. Основным топографическим элементом России, как географического целого, являются три равнины: основная российская (ее можно именовать Беломорско-Кавказской), Сибирская и Туркестанская... обремененные, благодаря незначительности пределов, их отделяющих друг от друга... единое, во многих отношениях, равнинное пространство.

Этот мир характеризуется и тем, что в нем господствует «один и тот же климат на всем протяжении, существенно отличный от климата прилегающих стран, типы осадков, амплитуда температур...». Савицкий признавал, что климат некоторых регионов, прилегающих к иным странам, более близок климату этих стран (например, климат Мурманска ближе климату Скандинавии), но считал это исключением, лишь подтверждающим правило. Более того, структура территории Евразии на всем ее протяжении такова, что характеризуется одной «скрепой» — полосой черноземов, идущей от Подолии до минусинских степей. В этой ссылке на характер почв и их расположение очевидно влияние работ Докучаева, которые впоследствии сыграют огромную роль в формировании взглядов Савицкого. Идея Савицкого о широтных зонах Евразии подтолкнула Трубецкого к мысли связать широтную зону — степь — с историческими данными о роли кочевых народов в истории России. По Трубецкому, степная полоса представляла собой единое «шоссе», связавшее евразийское пространство, и господствовавшее над этим «шоссе» государство, соответственно, господствовало над всей Евразией. Таким образом возникла историческая концепция, наделяющая особой ролью кочевые народы Евразии.

Савицкий утверждал, что

Россия, как по своим пространственным масштабам, так и по своей географической природе, единой во многом на всем ее пространстве и в то же время

отличной от природы прилегающих стран, является «континентом в себе». Этому континенту, предельному «Европе» и «Азии», но в то же время не похожему ни на ту, ни на другую, подобает, как нам кажется, имя «Евразия»... Вместо обычных двух — на материке «старого света» мы различаем три континента: Европу, Евразию и Азию...

Однако в характерной для евразийцев манере Савицкий отмечал, что «пределы „Евразии“ не могут быть установлены по какому-либо несомненному признаку, так же как не может быть установлена такая граница в отношении к обычному подразделению Европы и Азии». Поиск таких признаков, их постоянное выявление и наложение одних разделительных линий на другие составляют смысл евразийского исследования.

Как уже было отмечено историками географии, концепция Савицкого не была оригинальной в той ее части, в которой он говорит о материковой природе Евразии, о составляющих ее трех равнинах и об условности деления России на европейскую и азиатскую (сам Савицкий предпочитал термины «Доуральская» и «Зауральская» Россия). Эти тезисы были заимствованы Савицким у панслависта-географа Владимира Ивановича Ламанского (и, отчасти, у Н.Я. Данилевского). Как писал М. Бэссин, Ламанский и Данилевский были первыми в современной российской истории, кто подверг сомнению справедливость проведения континентальной границы Европы по Уральским горам.

Основное новшество географической концепции Савицкого состояло в ее системности. Прежде всего, он не соглашался с произошедшим в начале XIX века разделением географии на собственно географию и статистику (последняя означала в основном описательную науку о государстве; от ит. *statista* — «государственный деятель»). Савицкий следовал скорее традициям немецкой географической науки, в которой территория рассматривалась не сама по себе, но в сочетании с природными физическими данными и антропогенным кругом. Наиболее ярким представителем немецкой географической школы был Фридрих Ратцель, автор фундаментальной работы «Антропогеография». Однако если Ратцеля, прежде всего, интересовало взаимоотношение территории как таковой и живущих на этой территории человеческих обществ с их специфическими формами политического и экономического

устройства, то Савицкий предлагал системное исследование территории, данных физической географии, климатологии, биологии (биогеографии), почвоведения и истории человеческих обществ. Как заявлял Савицкий, «социально-историческая среда и ее территория должны слиться для нас в единое целое, в географический индивидуум или ландшафт»²⁰. Для исследования этого единого целого Савицкий предложил известную категорию «месторазвития», которое он определял как «широкое общежитие живых существ, взаимно приспособленных друг к другу и к окружающей среде и *ее к себе* приспособивших... Необходим синтез. Необходимо умение сразу смотреть на социально-историческую среду и на занятую ей территорию»²¹. Такой синтез, по Савицкому, возможен потому, что поверхность земного шара обладает закономерной организацией: «Геологическое устройство, гидрологические особенности, качества почвы и характер растительности находятся во взаимной связи, а также в связи с климатом и с морфологическими особенностями данного лика земли»²².

Савицкий точно очерчивал уровни возможных месторазвитий: согласно его теории, любая деревня есть «месторазвитие», так же как и евразийская степь в целом. Более высоким уровнем месторазвития является Евразия. Однако, что любопытно, «старый мир» как ограниченная водой поверхность, включающая в себя «Евразию», не признавалась Савицким за «месторазвитие». В шкале месторазвитий сразу за Евразией следует... земной шар! Как сообщал Савицкий, «между понятием земного шара как месторазвития человеческого рода и определением как „месторазвития“ России-Евразии — большая принципиальная разница. Мы знаем другие месторазвития, соразмерные России-Евразии (например, „месторазвитие“ Европы); но мы не знаем иных месторазвитий, кроме земного шара...». Очевидная проблематичность этого тезиса совершенно не смущала Савицкого, несмотря на то что он сам подробно аргументировал, почему старый мир в целом следует называть не Евразией, как это сделал А. фон Гумбольдт, а «Икуменой» — «вселенной, материковым массивом, на котором развевывалась и развевывается русская история, основным континентальным массивом Старого Света...»²³.

Задачу выделения из территориальных массивов континентов и установления границ Савицкий считал одной из самых фундаментальных проблем знания. Районирование было для него

важнейшим методом и в то же время целью географической науки (и, в принципе, науки вообще). Такое внимание к процессу конструирования пространственных единиц можно связать со всеобщим интересом к концепции границы в межвоенной Европе; с другой стороны, как и в фонологии Трубецкого, понятие отграничения служит смыслообразованию, а следовательно, является необходимым условием существования множества культур. Савицкий признавал, что при районировании по нескольким признакам «сетка подразделений по каждому признаку имеет тенденцию лечь на карте по-своему... суть дела заключается вовсе не в установлении точных границ... так как в действительности таких границ нет и быть не может...». Савицкий полагал, что идеальным методом районирования является районирование по отдельно взятому признаку. Однако при наложении друг на друга границ «однопризнаковых» районов возможно совпадение границ и, таким образом, выделение «многопризнаковых районов». «Географические миры» — Европа, Азия и Евразия — как раз и являются такими многопризнаковыми районами, выделенными в процессе наложения исследователем границ, установленных по одному признаку, на границы, установленные по другому.

• Из указанного принципа районирования вытекает необходимость как можно более разностороннего и в то же время сфокусированного описания географического мира. Именно в этом принципе локального описания по множеству отдельных признаков и последующего сведения данных в единую систему и заключался «метод увязки», о котором говорил Якобсон в работе о фонологическом евразийском союзе, считая теорию месторазвития частным случаем этого метода. Очевидно, что при таком теоретическом подходе возникает вопрос о взаимоотношении между различными частями этой системы. Более того, именно эти отношения, конструирующие специфический облик объекта, становятся центральной проблемой исследования.

Этот созданный Савицким любопытный вариант раннего структурализма, где отношения элементов предпочитают самим элементам, является уникальным по целому ряду причин. Во-первых, он в значительной степени лежал в основе того структуралистского подхода, который сформировался у Якобсона, был транслирован им в европейский контекст и вдохновил Леви-Строс-

са и его последователей. Этот метод уделял большое внимание параллелизму структур, связывая системы в различных, казалось бы, независимых друг от друга рядах феноменов. Аналогом такому подходу во французском структурализме можно считать работы Жоржа Дюмезиля, который, сравнивая структуры и функции пантеонов и деления обществ на группы, выяснил, что зависимость между религиозными воззрениями и социальной иерархией древних обществ не случайна. Во-вторых, метод Савицкого, в отличие от его европейских аналогов, уходит корнями не в сосюррианскую лингвистику (что еще можно предположить в случае Якобсона и Трубецкого), но в российскую традицию естественных наук. Принято считать, что структурализм — это продукт независимого развития гуманитарных наук, что он способствовал абстрагированию гуманитарных и социальных наук от комплекса наук о природе. Структуральный метод Савицкого демонстрирует, что, по крайней мере, в той линии развития, которая идет от Савицкого, Якобсона и Трубецкого к Леви-Строссу, одним из важных, но практически полностью забытых источников структурализма является попытка сконструировать целостное и синтетическое знание о природе и человеке, которая была близка многим российским ученым в начале XX века. Сама эта попытка, по-видимому, связана с известной популярностью в России немецкой натурфилософии и с той ролью, которую играет в российской истории идеологий поиск целостности (от славянофилов через Владимира Соловьева к неославянофилам кружка Трубецкого-старшего и, наконец, к Владимиру Вернадскому). Разумеется, рассуждение на тему того, что подобный интерес к целостности был результатом запаздывающего развития и сопротивления атомизирующему воздействию современного общества, будет спекулятивным и бездоказательным, но тот факт, что натурфилософская традиция приобрела особое значение в России и Германии, придает ему больше веса. Однако возможно и такое объяснение, которое принимает во внимание позднее и нелинейное развитие современного русского национализма, что стимулировало философскую мысль в направлении поиска гомогенизирующих и объединяющих концепций.

Взгляды Савицкого на конструирование синтетического и структурального — или, по его собственной формулировке, «системного» — метода географического районирования формирова-

лись под влиянием ключевой для него фигуры — Василия Васильевича Докучаева⁴⁴. Казалось бы, далекий от эпистемологических проблем Докучаев занимался исключительно исследованием российских почв, в частности, черноземов. В аграрной и отсталой стране, безусловно, такие работы имели огромное социальное значение (как и вообще аграрная наука в целом). Однако для российского ученого Докучаев был примечательно аполитичным человеком. Его роль в формировании структурного подхода заключалась в том, что он описал взаимозависимость различных факторов, формирующих почвенный комплекс данного региона, — факторов биологических, географических, климатических, антропогенных и т.д. Кроме того, Докучаев пришел к выводу о том, что расположение различных типов почв, будучи зависимым от климатических условий, подчиняется принципам широтно-долготной зональности, то есть является закономерным. В хаос земной поверхности был внесен порядок структуры.

Савицкий цитирует работу Докучаева «К учению о зонах природы», в которой тот очень близко подошел к формулировке структурного подхода, сконцентрированного на взаимоотношениях элементов внутри системы:

•

Не подлежит сомнению, что познание природы — ее сил, стихий, явлений и тел — сделало в течение XIX столетия такие гигантские шаги, что само столетие нередко называется веком естествознания, веком натуралистов. Но... изучались, главным образом, отдельные тела, — минералы, горные породы, растения и животные, — и явления, отдельные стихии — огонь (вулканизм), вода, земля, воздух. в чем, повторяем, наука и достигла, можно сказать, удивительных результатов, но — не их соотношения, не та генетическая вековечная и всегда закономерная связь, какая существует между силами, телами и явлениями, между мертвой и живой природой, между растительными, животными и минеральными царствами, с одной стороны, человеком, его бытом и, даже, его духовным миром — с другой. А между тем именно эти соотношения, эти закономерные *взаимодействия* (курсив автора. — С.Г.) и составляют сущность познания естества, ядро истинной натурфилософии — лучшую и высшую прелесть естествознания⁴⁵.

Для Савицкого, убежденного евразийца и националиста (в общепотребительном смысле слова), докучаевский подход

к научному познанию стал результатом «месторазвития» русской географической науки. Подобно Якобсону, связавшему структурный подход с российской интеллектуальной традицией, Савицкий считал, что русская география — особая наука, специфичность которой определена самой спецификой объекта исследования. Если в западноевропейской географии присутствует геоморфологический уклон, то в русской географии — уклон ботанически-почвенный. Отсутствие в России значительных горных массивов, которые могли бы изменить действие климатических факторов, а также ее огромные пространства способствовали тому, что именно здесь можно было отчетливо наблюдать зональную структуру почв и растительности (структуру, зависимую от юго-северного направления изменения климата). Именно поэтому в России получило такое развитие лесоведение, именно поэтому в ней родилось почвоведение. Савицкий даже утверждал, что можно говорить об особых мирах русской и европейской географий, поскольку каждый из этих миров обладает своей поэтикой и своим языком: если в русском языке термины, относящиеся к исследованиям геоморфологии, заимствуются из западных языков, то в европейские языки пришли русские термины почвоведения и зонального распределения (тундра, чернозем и т.д.). Савицкий твердо верил, что русская география не только сама является месторазвитием, но и способствует возникновению синтетического подхода к описанию природных и социальных явлений: в уже процитированном отрывке из Докучаева проявляется общая тенденция российских географов не только описывать природный феномен, но и исследовать взаимозависимость всех форм живой и неживой природы, а также человеческих обществ на данной территории²⁶. Можно только поражаться тому, насколько тотален проект Савицкого: речь идет об абсолютном синтезе знания, объект которого имеет единственную границу — пространственную, четко очерченный географический индивидуум.

Подход Савицкого к этому географическому индивидууму отличался своеобразием и оригинальностью. Используя метод Докучаева по выделению почвенных зон, Савицкий предложил метод определения широтно-полосовых зон и призывал учитывать два фактора. Прежде всего, речь шла о факторе климатическом, в первую очередь о температурном изменении по линии

«юг–север». Очевидно, что при прочих равных условиях, при продвижении с юга на север температурный режим меняется в сторону понижения среднегодового значения. Савицкий назвал этот фактор «юго-северной правильностью». Однако этот фактор действует не сам по себе, а с учетом второго фактора — изменения влажности. Опять же, при прочих равных условиях, влажность будет понижаться по мере продвижения к точке наибольшего удаления от морей в центре Евразии. Этот фактор Савицкий именовал «центро-периферической правильностью». Савицкий признавал, что четкое зональное деление невозможно в силу зонообразующего влияния рельефа, обуславливающего как изменения температуры, так и колебания влажности. Однако — и в этом Савицкий видел уникальность своего проекта географической Евразии — низменности-равнины этого «континента» практически полностью свободны от влияния рельефа. Принцип «юго-северного» и «центро-периферического» вектора должен работать на этих равнинах с математической точностью. Учитывая влияние Ледовитого океана, самой большой прибрежной линии России, изменение влажности будет совпадать с изменением температурного режима при продвижении с юга на север (с незначительными исключениями из правил). Разумеется, влажность возрастает при продвижении не только с юга на север, но и с востока на запад, к берегам Атлантического океана. Однако это возрастание, как утверждал Савицкий, на порядок меньше «юго-северного». Результат этого грандиозного климатологического районирования состоял в том, что невозможно разделить территорию России-Евразии на последовательные долготные зоны — при продвижении с востока на запад изменения не носят драматического характера. При движении же «вертикальном», с юга на север, можно выделить резко отличные друг от друга последовательные широтные полосы — «горизонтально-зональные изменения». При приближении к Европе географические особенности Евразии не меняются — такое изменение возникает лишь на «безопасном» направлении к Ледовитому океану⁷. Таким образом, Савицкий смог сконструировать географический мир Евразии «по вертикали», устранив «восточный склон Европы»: тезис о европейской цивилизации, запоздало приходящей на восток Европы, при такой организации пространства не имел смысла. Евразия пе-

реставала быть «отстающей в Европе» — она становилась автаркическим миром, лидером колониальных народов, требующих эмансипации от колонизирующей европейской культуры.

Географическая концепция Савицкого, возникшая под влиянием натурфилософской традиции российского естествознания, оказала формирующее влияние на мышление двух лингвистов, Трубецкого и Якобсона. Якобсон, сыграв ключевую роль в кристаллизации структурального метода в лингвистике и антропологии, транслировал определенные элементы концепции Савицкого, ее эпистемологический ракурс, в европейские социальные и гуманитарные науки. Воспринятый европейскими учеными, этот вариант структурализма выработал свою собственную генеалогию, в которой уже не было места натурфилософским источникам структурализма евразийцев, не говоря уже об идеологическом контексте евразийского движения, которое отражало исторический кризис Российской империи. Тем не менее эта страница в истории структуралистской мысли должна получить свое освещение, вне зависимости от того, каковы были политические и социальные взгляды самих евразийцев.

7. В поисках третьего пути: евразийская организация между фашизмом и коммунизмом

Движение евразийцев объединило в себе элементы интеллектуального кружка и подпольной революционной организации: интеллектуальное движение евразийцев, существовавшее в более или менее организованной форме в течение десятилетия, развернуло активную публикаторскую и лекционную деятельность, трансформировавшись в квазипартию и обратив на себя внимание образованного общества эмиграции и советских спецслужб, которые считали его влиятельной силой. Такая активность вызывает интерес даже на фоне процветавшего издательского дела «зарубежной России», в которой, благодаря присутствию большого количества образованных людей, в межвоенную эпоху сформировался емкий и разнообразный культурный рынок¹. В истории евразийского движения можно выделить несколько основных линий: во-первых, это история поиска и нахождения средств для публикаторской и организационной деятельности; во-вторых, трансформация кружка интеллектуалов в подпольную организацию со своей структурой. Этот процесс преобразования евразийства в квазипартию проходил, с одной стороны, в условиях «инфильтрации» в круги эмигрантов агентов советских спецслужб, с другой — под влиянием группы офицеров-монархистов, близких к генералам А.П. Кутепову и П.Н. Врангелю и присоединившихся к евразийству в 1922–1924 годах. Эти офицеры, став частью широкой сети, созданной боевой организацией монархического Российского обще-воинского союза и «Трестом», связали доморощенных подпольщиков — интеллектуалов Трубецкого, Савицкого и Сувчинского — с боевиками Кутепова и агентами ОГПУ.

Трансформация евразийства из кружка интеллектуалов в подпольную организацию происходила и на фоне формирования политической доктрины движения, которое провозглашало необходимость поиска третьего пути между капитализмом и социализмом. Согласно евразийской теории, революция стала закономерным итогом развития царской России, насаждавшей в Евразии чуждый европейский режим. В то же время революция рассматривалась как высшая точка современности, как событие вселенского масштаба, сделавшее возможным развитие новых принципов в Евразии и стимулировавшее появление нового правящего слоя. Этот новый правящий слой вынужденно исповедовал идеологию большевиков, но в силу своей волевой природы неминуемо должен был воспринять евразийское учение и понять гибельность марксизма.

При этом евразийцы настаивали на том, что новая форма государственного устройства должна в принципе сохранять основные черты советского режима, например демотический строй, при котором группа интеллектуалов, «знающих» принципы верной идеологии, ведет народ к известным ей целям. Такое государство следует принципам «идеи-правительницы» и гарантирует своим гражданам коллективные принципы и национальную самобытность. В таком государстве господствует автаркическое самодостаточное хозяйство, основанное на представлении об «обусловленной собственности», а в национальных отношениях такое государство проповедует «общеевразийский национализм», который составляется из национализмов всех народов Евразии.

Более того, евразийская идеология эстетизировала политику подобно тому, как это происходило с фашистами в Италии, Франции и Германии. Для Сувчинского и Трубецкого политика была производной от «культуры», она являлась результатом эстетического и религиозного опыта, а не рационального отражения взаимодействия социальных сил. Сувчинский был автором евразийской эстетики, которая предполагала поиск новых форм в искусстве и литературе и при этом настаивала на сохранении религиозного, «романтического» основания. Следствием такого подхода была и направленность эстетической теории евразийцев, которые пытались найти третий путь между формализмом и марксизмом¹.

Как писал Трубецкой Сувчинскому, евразийцы принимали советский строй и «три четверти» советской политики. Единственное, с чем они не соглашались, — это сама марксистская идеоло-

гия, которую проповедовали большевики. Не составляет труда заметить, что такое учение было чревато все большим креном в сторону открытой поддержки советского режима. На протяжении всей истории евразийского движения его участники надеялись, что в СССР найдутся силы, которые осознают верность евразийской идеологии и возьмут на себя труд по ее реализации. Когда же организованное евразийство распалось, лидеры движения (Трубецкой в частности), по-видимому, утратили какие-либо иллюзии в отношении СССР, а многие другие участники превратились в верных сталинцев. Арапов стал сотрудником ОГПУ и вернулся в СССР; Сувчинский, попытавшись на последнем этапе истории движения превратить его в орган советского режима, чудом не вернулся в Россию и впоследствии отошел от политики, сохраняя в то же время симпатии к советскому режиму; Савицкий, продолжая верить в евразийскую теорию, все так же неустанно пропагандировал ее, впрочем, не надеясь более на перерождение советского режима.

Безусловно, огромную роль в поддержании евразийской веры в то, что внутри СССР назревают какие-то перемены, сыграла грандиозная провокация «Треста», растянувшаяся с 1922 по 1927 год. На этот же период приходится финансовый и публикатбрский расцвет евразийского движения. Именно в эти годы к евразийству присоединяются и офицеры, принесшие с собой дух фашистских движений межвоенной Европы и стремление к активной подпольной деятельности. Эти три фактора: заложенное в идеологии евразийства преклонение перед новыми антилиберальными формами государственного устройства и перед «волевой природой» советской власти, операция ОГПУ и приход офицеров в движение — определили его динамику в 1922–1928 годах. Они же определили и тот путь — от активной подпольной деятельности против большевистского режима до полного его принятия, который прошли евразийцы и их сторонники.

Деньги и издательства

Обратимся вначале к вопросу о финансировании евразийства. Для успешного функционирования евразийского проекта нужны были средства, и порой немалые. Учитывая, что трое ведущих евразийцев

жили в столицах трех разных стран, поездки и съезды представляли собой проблему не только времени (у занятых в циклическом мире академии Савицкого и Трубецкого в особенности), но и средств. Подобная ситуация складывалась и с пропагандистскими, лекционными и инспекционными поездками по центрам эмиграции. Впечатляющая издательская программа движения тоже требовала вложений. Евразийство функционировало как пропагандистский и научный институт, с постоянными семинарами и лекциями, с собственной издательской программой, включавшей ежегодную публикацию от одной до десяти книг и брошюр, ежегодную «Евразийскую хронику» и выходившую в 1928–1929 годах газету «Евразия»¹.

В первые годы существования движения издательская деятельность евразийцев носила характер если не случайный, то во всяком случае неустойчивый. В 1920–1921 годах евразийцы зависели от Русско-Болгарского книгоиздательства, управлявшегося Русчу Георгиевичем Молловым. Болгарин по происхождению, до революции он сделал успешную карьеру в рядах российской бюрократии, дослужившись до поста губернатора Полтавской губернии. Учредителями этого издательства были Николай Сергеевич Жекулин; редактировавший «Летопись» в дореволюционном Киеве, и Петр Петрович Сувчинский. Вполне возможно, что Сувчинскому удалось вывезти какую-то часть огромного семейного состояния — во всяком случае, многие эмигранты считали его миллионером — и вложить эти средства в издательство (как бы то ни было, в последующие годы материальное положение Сувчинского, по всей видимости, не отличалось от положения его коллег по движению). В этом издательстве вышли книги Герберта Уэллса с предисловием Трубецкого, «Европа и человечество» Трубецкого, а также первый манифест евразийцев — сборник «Исход к Востоку»². Существуют противоречивые данные о том, насколько успешным было сотрудничество Русско-Болгарского книгоиздательства с евразийцами. Так, Трубецкой писал Якобсону о том, что его первые книги разошлись очень быстро и он считается среди издателей выгодным писателем³. Савицкий сообщал своим родным, что первая книга евразийцев продается очень успешно — несмотря на то что эта работа скучна и непригодна для сплошного чтения⁴. В то же время в 1925 году Трубец-

кой пишет Сувчинскому о нераспроданных остатках тиража «Европы и человечества» на складах издательства в Софии⁷.

С отъездом евразийцев из Софии прекратилась и связь с Русско-Болгарским книгоиздательством. Встал вопрос о том, где, каким образом и на какие средства будет осуществляться публикация евразийских сборников. За организацию издательского дела евразийцев, начиная с болгарского периода, отвечал Сувчинский, переехавший в 1922 году в Берлин. В том же году в берлинском издательстве «Геликон» вышел второй сборник евразийцев — «На путях». «Геликон» был характерным для Берлина начала 1920-х издательством, возникшим на перепутье эмиграции. С началом нэпа и установлением отношений между Веймарской республикой и РСФСР в Берлине появилось много приезжих из России. Эмигрантские издательства печатали книги как эмигрантов, так и советских (по месту жительства) авторов (в «Геликоне» опубликованы Цветаева и Ремизов, Пастернак и Эренбург). Более того, часто советское правительство закупало книги для библиотек, школ и других учебных заведений в Берлине или размещало заказы в берлинских русскоязычных издательствах⁸. «Геликон» принадлежал А.Г. Вишняку, учредившему это издательство в Москве в 1918 году (отсюда и «Москва — Берлин» на титульном листе геликоновских книг). Вполне возможно, что Сувчинского познакомил с Вишняком Илья Эренбург, с которым Петр Петрович поддерживал дружеские отношения. Да и эстетический вкус владельца «Геликона» должен был импонировать Сувчинскому: он ценил авторов, печатавшихся в издательстве, а с некоторыми из них его связывала тесная дружба.

Однако не всегда евразийцы были готовы использовать чужие издательства. Периодически в их переписке возникают вопросы о том, насколько политическая ориентация того или иного издательства может «скомпрометировать» движение. Подобное обсуждение проводилось, например, по поводу издания сборника «Россия и латинство», когда Трубецкой в ответ на предложения Сувчинского об использовании издательств настаивает, что брать деньги у церковных организаций нельзя по политическим соображениям. В то же время Трубецкой со свойственным ему антисемитизмом требовал, чтобы евразийцы не пользовались услугами издательств, принадлежавших евреям⁹. В таких случаях в ход шли

личные связи и велись поиски спонсоров и благотворителей, готовых пожертвовать средства на издание евразийских книг. Вопрос был для евразийцев очень важным, и недаром первое задание, поставленное перед присоединившимися к движению в 1922 году молодыми офицерами-монархистами из группы А.В. Меллер-Закомельского, состояло в нахождении средств для печатания «России и латинства».

Деньги были получены евразийцами от Меллера, который, по утверждению П.Н. Савицкого, в свою очередь, получал их от Лесли Уркварта, известного британского промышленника, надеявшегося выкупить права на Кыштымский медеплавильный завод (до революции владельцем завода был отец Меллера); затем Арапов, познакомившись с сестрой Меллера Еленой Владимировной Исаковой, проживавшей в Берлине, сумел найти у нее средства на выпуск книги¹⁰. Савицкий вспоминал, что Арапов, весьма популярный у женщин, часто использовал свои романы для добывания средств на евразийские издания. Затем А.В. Меллер-Закомельский предложил привлечь к финансированию евразийства Генри Клуза-младшего. Клуз был достаточно колоритной фигурой европейской богемы середины 1920-х годов. Сын знаменитого американского миллиардера, составившего себе состояние на финансировании правительства США во время Гражданской войны, Клуз-младший был художником и скульптором. Построив на развалинах средневекового замка под Каннами свой собственный замок, Клуз превратил его в место встречи художников, музыкантов и аристократов. Меллер получил пропуск в этот закрытый клуб благодаря баронскому титулу и музыкальным способностям. Клуз вначале согласился субсидировать евразийцев, но впоследствии, по словам Меллера, изменил свое решение. Он предложил евразийцам издать сборник статей в США, взявшись финансировать это издание. Сложно сказать, почему издание не состоялось: с одной стороны, Клуз мог опять изменить свое решение, с другой — евразийцы практически прекратили отношения с Меллером.

Разумеется, «находки», подобные араповским, не были частыми и не гарантировали того, что евразийцы смогут продолжать свою деятельность. Сувчинский жаловался Трубецкому в 1924 году, что средства евразийцев полностью исчерпаны. К этому приме-

шивался и тот факт, что далеко не все участники движения имели стабильный доход. Трубецкой и Савицкий жили на профессорское жалование и не пользовались общеевразийской кассой, несмотря на частое безденежье. У Сувчинского не было постоянной службы, и, судя по его переписке с Трубецким, к 1924 году у него возникает проблема поиска средств к существованию (если Сувчинский и сумел вывезти какие-то средства из России, к 1924 году они, по всей видимости, были исчерпаны). Вероятно, учрежденное Араповым, Меллером, Савицким и Сувчинским в Берлине издательство под маркой Eurasia-Verlag, выпустившее в 1923 году третий евразийский «Временник», не приносило дохода, достаточного для выплаты жалования его управляющему¹¹. Кроме того, если в начале 1920-х инфляция немецкой марки способствовала издательскому бизнесу, в середине 1920-х марка стабилизировалась, цены выросли, и русскоязычные издательства одно за другим начали сворачивать свою деятельность в немецкой столице. К началу 1924 года Сувчинский заговаривает о своем переезде в Париж, о чем советуется с Трубецким¹².

К этому времени евразийцы уже вступили в контакт с «Трестом», но его представители дали ясно понять, что финансовых вливаний оттуда евразийцы получать не смогут: более того, как мы увидим впоследствии, агенты ОГПУ сами с удовольствием будут получать деньги из бюджета евразийцев. Евразийцам помог случай, сделавший возможным удивительный размах всего евразийского предприятия во второй половине 1920-х годов. П.С. Арапов, который с 1922 года активно включился в евразийскую переписку и стал деятельным участником евразийских собраний, имел связи не только в окружении П.Н. Врангеля в Брюсселе, но и в Англии, в среде великосветской монархической эмиграции. Периодически он ездил в Лондон, где в доме князей Голицыных (Владимира Эммануиловича и Екатерины Георгиевны) проживала его мать, Д.П. Арапова. Там Арапов познакомился с полковником Петром Николаевичем Малевским-Малевиным, который был связан с Генри Норманом Сполдингом, британским филантропом, теологом и основателем кафедры по изучению восточного христианства в Оксфорде¹³. Кто именно был инициатором обращения к Сполдингу за деньгами на евразийские нужды, неизвестно. Мы знаем лишь, что в конце 1924 года Сполдинг выра-

зил готовность передать определенную сумму на нужды нового христианского движения в среде русских эмигрантов. Малевский был дружен с семьей Сполдинга, причем эта дружба явно не зависела от политических взглядов Малевского и продолжалась после распада евразийского движения. Именно в распоряжение Малевского Сполдинг и передал деньги.

Евразийцы были приятно ошеломлены, когда Арапов во время очередной поездки в Англию сообщил из Лондона о размерах взноса: Сполдинг пожертвовал на евразийство 10 тысяч фунтов стерлингов, причем впоследствии он спонсировал отдельные проекты евразийцев сверх этой суммы¹⁴. Можно оценить размеры этого пожертвования, сравнив его, например, как это сделал Дж. Смит, с бюджетом Лондонской школы славянских и восточноевропейских исследований: Бернард Пэрс руководил этой школой, с большим штатом, арендой помещений и прочими расходами, на годовой грант в 7 тысяч фунтов¹⁵. Можно добавить, что в середине 1920-х обменный курс доллара и фунта колебался между 3,6 и 4,5 доллара за фунт. Трубецкой сообщал в 1924 году Сувчинскому, что его семья, состоявшая из четырех человек, а также няня превосходно жили на 60 долларов в месяц (очень «буржуино», как выражался Трубецкой¹⁶). Разумеется, сумма, равная примерно 40 тысячам долларов, была очень внушительной. Отметим, что в 1925–1927 годах Сполдинг выделил на евразийство не менее 12 тысяч фунтов. Он также финансировал издание газеты «Евразия», а после распада движения оплатил долги евразийских издательств и субсидировал (правда, в значительно меньшем масштабе) деятельность группы Савицкого и бельгийских евразийцев, во главе которых стал племянник П.Н. Малевского-Малевица, Святослав Святославович Малевский-Малевич.

Любопытны мотивы Сполдинга, выделившего значительные средства на такое малоизвестное в Великобритании предприятие, как евразийство. Вполне возможно, что свою роль здесь сыграли рекомендации каких-то титулованных русских в Лондоне. Однако из писем самого Сполдинга Сувчинскому возникает впечатление, что он был очень слабо информирован (или неправильно информирован) о евразийстве и его русском контексте и принимал это движение за то, чем оно не являлось. Вот что писал Сполдинг 12 апреля 1928 года:

...Успех евразийства представляется мне фактом чрезвычайной важности не только для России, но и для всего мира. В Индии, в Китае, в Японии, в некоторых исламских государствах поднимается секуляризованная и вестернизированная, фундаментально похожая на российскую интеллигенция: будет ли она следовать матушке России на пути к большевизму или евразийцам в их попытке построить государство на принципах Евангелия? На мой взгляд, это самый важный вопрос нашего столетия, и это привилегия — иметь возможность посодетствовать, неважно в насколько малой степени, осуществлению таких целей...¹⁷

Вероятно, Сполдинг был посвящен в подпольные тайны евразийства, включая контакты последнего с «Трестом». Во всяком случае, в 1928 году Сполдинг упоминает евразийские «неудачи» 1927 года¹⁸. Возможно, Сполдингу, как и многим евразийцам, импонировала романтика «подполья». Он часто называл себя евразийцем (точнее, к огромному раздражению Святополк-Мирского, «европазийцем»), обсуждал с Сувчинским стратегию движения и даже написал небольшую книжку, суммирующую взгляды евразийства¹⁹. Впрочем, сам Сполдинг признавал, что был очень слабо подготовлен к такому предприятию, а книжку написал на основе разговоров с Араповым и Малевичем²⁰. Арапов иронически отзывался о способностях Сполдинга именно в связи с обсуждением этой публикации²¹.

Тем не менее деньги Сполдинга обеспечили стремительный рост числа евразийских публикаций вплоть до раскола 1928 года. С 1925 года, помимо ежегодных «Временников», носивших статус «официальных», начинает выходить «Евразийская хроника», предназначенная в основном для выступлений «младших» евразийцев или тех авторов, от которых евразийцы пытались дистанцироваться. Стремление привлечь как можно более широкие слои эмиграции, превратить евразийство в массовую организацию отразилось в публикации брошюр, рассчитанных на неподготовленного читателя и освещавших отдельные положения евразийской доктрины (например, отношение к Красной армии, коммунизму и т.д.). Брошюра «Комплектование Красной Армии», автором которой был полковник Арсений Александрович Зайцов («Зон» или «Кролинский» в переписке евразийцев), вызвала в рядах евразийства активную полемику: Савицкий критиковал брошюру за ее

просоветскую линию, тогда как Сувчинский стоял за нее горой. В 1925 году была издана целая серия оттисков работ отдельных авторов, публиковавшихся во «Временниках». В 1927 году публикуется первый более или менее профессиональный опыт евразийской истории — «Начертание русской истории» Г. В. Вернадского, вызвавшее неоднозначную реакцию как в эмиграции, так и в СССР²². В этом же году отдельной книжкой вышло переиздание работ Трубецкого. Начиная с осени 1928 года вышло 35 номеров газеты «Евразия», которая была в планах евразийцев уже в 1924 году.

Перед встречей со Сполдингом Арапов просил Трубецкого, Сувчинского и Савицкого предоставить примерный бюджет движения. Савицкий отреагировал на этот запрос подробным письмом, в котором описаны планы евразийцев и стоимость проектов. Савицкий предлагает просить средства, прежде всего, на поддержание контактов с «Трестом» и на продвижение евразийской литературы в Россию, на производство листовок и воззваний. На содержание представителей евразийства в Сибири, на Кавказе, в Туркестане, на Украине, в Ленинграде и двух представителей в Москве Савицкий планировал выделять по 12 фунтов в месяц, округлив их до 1150 фунтов в год. Бюджет включал три поездки в год из-за рубежа в Россию и обратно — 450 фунтов. Организационные расходы представительств евразийства в России оценивались в 1500 фунтов. Савицкий добавлял, что «этот расчет может почитаться достаточным только при условии самого широкого и полного использования аппарата Треста для передвижения и распределения товара». По всей видимости, средства на эти цели были потрачены: во всяком случае, контакты с «Трестом» носили регулярный характер, а Арапов и Савицкий неоднократно ездили в СССР. Ланговой-«Денисов», сотрудник ОГПУ, который якобы руководил «внутренним евразийством» в СССР, получал довольно значительное ежемесячное жалованье от евразийцев на протяжении нескольких лет.

Особый интерес представляет оценка Савицким издательского и организационного бюджета евразийцев в Европе, сделанная им по просьбе Арапова:

Два сборника (Времен. [ник] Кн. 4 и 5) считая по 2000 экземпляров 20 листов каждая книжка при стоимости печатания и оплаты листа вместе с гонорара-

ми для приглашенных посторонних авторов по 10 ф[унтов] за лист, а следовательно на книжку по 200 ф[унтов]. Всего 400.

Издание, если можно так выразиться «неоф[ициальной] энциклопедии», ряда отдельных в нефт.[яном] духе — по догматологии, историософии, теософии и социологии, всего для первого года 3 книги, около 60 листов, считая вместе с гонорами по 10 ф[унтов] за лист, всего 600 ф[унтов].

Издание сборника (или единоличной книги) о нефти на англ[ийск.]{ом}, одном из индусских, франц[узск.]{ом}, нем[ецк.]{ом} и татарском языках из расчета 5000 — 10 000 экз[емпляров] считая по 10—15 листов в книге и беря вместе с гонораром (очень широко) на книгу 300 ф[унтов], всего на пять книжек 1500 ф[унтов]

Издание книги для детей и юношества в особых отделах издательства («Евразийцы — детям», «Евраз.[ийцы] — молодежи»), писанных первоклассными авторами при расчете 5 тыс[яч] экз[емпляров] по 15 ф[унтов] лист до 100 листов — 1500 ф[унтов]

Организационные расходы издательства: содержание заведующего (П[етр]П[етрович] Сувчинский]: 180 ф[унтов] в год) и служащих, его помощников (по 120—150 ф[унтов] в год на человека), наем помещения, создание аппарата по размножению не подлежащих печатанию [текстов], канцелярские почтовые расходы (подробная смета на обороте) 1500 [фунтов] в год.

- Торговые поездки нефтяников для устройства филиалов, чтения лекций, и пр[очего] 500 ф[унтов]

Поездка П[етра]С[еменовича]А[рапова], Т[атьяны]Н[иколаевны]Р[одзянко] и Н[иколая]С[ергеевича]Т[рубецкого] в Америку для получения дальнейших средств — 1000 [фунтов]

Такой поездке я придавал бы огромное значение, важно сочетание именно трех названных лиц; такая поездка могла бы дать еще более крупные средства.

Итого 10 000 [фунтов]

Газета для своего начала требовала бы сверх указанных 10 000 еще приблизительно 20 000. На эту сумму газета могла бы просуществовать 2 года. К этому времени она должна достичь самоокупаемости. Расширение корреспондент.[ской] сети и первоклассное всестороннее осведомление в указанной выше сумме 20 000 ф[унтов] учтены.

Общий принцип дела — никаких личных окладов, все на непосредственную работу. Книгоиздательское дело возглавляет П[етр]П[етрович] Сувчинский], получающий 15 ф[унтов] в месяц. Все прочие кормятся на подножном корму, кто где находится. Основное начало — аскетическое сущест-

ование руководителей, и в то же время — полная финансовая обдуманность и целесообразность в отношении к внешнему миру. Относительно организации филиалов книгоиздательства в 6–7–8 зарубеж[ных] местах имею некоторые мысли — но это уже деталь, которую сообщу потом.

Вся смета в порядке осуществления может, конечно, подвергаться некоторым изменениям. В случае надобности осуществление плана можно будет растянуть на 2 года. Иностранцы и другие наши издания обеспечат возобновления затраченных сумм к концу отчетного периода. Издательский план может быть представлен особо. Организацию сбыта придется реорганизовать заново.

Количество издаваемых экземпляров (2 и 5 тыс[яч]) очень мало, но особенно по детской литературе предвидятся многократные повторные издания удавшихся книг. 50–100 ф[унтов] может быть дано Эндену и Ставр[овскому] для их «листовок»

NB — Поскольку «руководители» имеют «пропитание» — они, как и другие, работают безокладно. Расходы по поездкам и пр.[очему] возмещаются по себестоимости. Еще раз скажу — никаких окладов!!!

[Приписано: «Нужно иметь в виду, что поскольку мы сможем обеспечить людей помещениями для работы, техническими приспособлениями для нее и в надлежащих случаях — проездными — мы можем мобилизовать на дело нашей торговли огромные, бесплатные силы и молодежи, и даже отчасти старшего поколения (к настоящему моменту мы имеем некоторый „моральный авторитет“».)]

...Считаю сугубо правильным осуществить единство кассы. Все полученные средства немедленно переведите мне банковским переводом или чеком — я вступаю в обязанности казначая с твердой рукой²³.

Многие планы, которые предполагал осуществить Савицкий, не были реализованы. Так, не удалась амбициозная программа пропаганды евразийства среди «колониальных» народов; не состоялись евразийские публикации для детей и молодежи, несмотря на то что евразийцы обсуждали их достаточно подробно. На средства Сполдинга в 1928 году начала издаваться газета «Евразия», но именно она и стала поводом к расколу движения и его дискредитации.

В записке Савицкого интересен еще и личностный момент. Она написана тоном человека, ощущающего себя практически единоличным вождем. Вероятно, Сувчинский недаром жаловался

Трубецкому на манию величия Савицкого — тон его письма не предполагает возражений: «единство» кассы должно осуществляться немедленно и именно так, как требует Савицкий. Не следует подзревать скрытую материальную заинтересованность Савицкого. У нас достаточно свидетельств того, что его образ жизни был достаточно скромным и что кассой евразийства для личного содержания он не пользовался (и настаивал на том, чтобы ею не пользовались другие). Однако его частые попытки монополизировать принятие решений, резкий тон, личное и социальное отчуждение от круга Сувчинского и Арапова были одним из источников будущего раскола евразийцев.

Вопрос об использовании полученных средств для выплаты окладов руководителям стал впоследствии одним из острых в отношениях между лидерами. Оклады Сувчинского и Арапова выросли до 25 фунтов в месяц, тогда как Савицкий получал на всю свою пражскую группу 15 фунтов. В результате Савицкий часто нуждался в деньгах, которые «парижане» выплачивали ему с большой неохотой. Трубецкой, в свою очередь, вынужден был неделями добиваться 10 фунтов от Малевского, которые были нужны ему на поездку в Прагу для встречи с коллегой-филологом Б.В. Томашевским.

Начиная со своего первого выступления в Софии летом 1921 года евразийцы вели активную пропаганду. Лекции, собрания, обсуждения и диспуты должны были привлекать эмигрантскую молодежь к новой идеологии. Постоянный евразийский семинар работал с 1924 года в Праге, где им руководил Савицкий. С 1925 года начинает работу и евразийский семинар в Париже во главе со все же присоединившимся к движению Л.П. Карсавиным. В Вене Трубецкой организовал для своих студентов семинар, на котором обсуждались евразийские темы. Участники публиковались в «Евразийской хронике», из них составлялись евразийские кадры. При этом нельзя преувеличивать количество людей, вовлеченных таким образом в евразийство. Согласно сохранившемуся в архиве Сувчинского списку, в 1926 году в евразийском клубе Парижа состояло не более 25 человек⁴. Цифры сочувствующих евразийству в Праге (1000 человек), которые приводит в своем докладе руководству заместитель начальника Контрразведывательного отдела (КРО) ОГПУ В.А. Стырне, явно преувеличены

и, скорее всего, связаны со стремлением сотрудника ОГПУ представить евразийство более влиятельным и опасным движением, чем это было на самом деле²⁵.

Евразийство и «Трест»

В евразийском движении — в его организационной и политической части — отчетливо выделяются три группы людей. Первую группу составляют интеллектуалы: четверка основателей движения и привлекавшиеся ими к сотрудничеству авторы, ученые, литераторы и публицисты. Вторая группа — присоединившиеся к движению в 1922 году офицеры-монархисты, которые привели в евразийство людей из круга Врангеля и Кутепова. Наконец, третью группу составляют вольные или невольные агенты КРО ОГПУ, такие как Денисов (А.А. Ланговой), Ю.А. Артамонов, и эмигранты, которыми те манипулировали (например, С.Я. Эфрон, муж М.И. Цветаевой). Агенты ОГПУ проникают в движение около 1923 года, и под их влиянием евразийство становится не только политической организацией, но и подпольной сектой заговорщиков.

Прежде чем перейти к истории превращения евразийства в политическую подпольную организацию, необходимо коротко сказать о роли «Треста» в эмигрантской политике 1920-х годов²⁶. С начала 1922 и до весны 1927 года, когда Опперпут опубликовал свои разоблачения в рижской газете «Сегодня», «Трест» фигурировал в разговорах и переписке множества эмигрантов, огромное количество людей оказалось вовлечено в его орбиту, и евразийство не стало исключением. История «Треста» во многом остается запутанной: существуют лишь два основных источника, на основании которых можно судить о его деятельности, и оба источника, увы, не могут претендовать на полноту и объективность изложения. Первый источник — апологетический документальный роман Л. Никулина «Мертвая зыбь», изданный на волне хрущевской «оттепели» и ставивший своей целью реабилитацию репрессированных в 1930-х годах сотрудников ОГПУ, таких как Артузов, Ланговой, Пузицкий и т.д. Второй источник — воспоминания участника кутеповской организации, заместителя Артамонова, Сергея Льво-

вича Войцеховского, который выполнял резидентские обязанности в Варшаве и, в свою очередь, пытался объяснить успех «Треста» психологическими условиями эмиграции. Войцеховский стремился также спасти репутацию таких людей, как Артамонов и Арапов, считая их не агентами, а лишь невольными исполнителями воли ОГПУ.

Операция «Трест» началась в конце 1921 года. Вопрос о том, что послужило причиной, вынудившей руководителей большевиков пойти на эту довольно значительную по затраченным ресурсам операцию, остается открытым. Советская Россия вступила весной 1921 года в период нэпа, и, немного отпустив рычаги контроля над страной, большевистские руководители, вероятно, почувствовали неустойчивость своей власти. В эмиграции находилось значительное количество бывших солдат и офицеров, там были руководители практически всех политических течений России, а большевистским лидерам был хорошо известен потенциал этих людей. Очевидно, большевики придавали проблеме эмигрантов гораздо большее значение, чем думают историки. В свою очередь, эмигранты, ожидавшие перерождения большевиков, с восторгом встретили известия о нэпе, посчитав его первым признаком такого перерождения. В большинстве случаев эмигранты слепо верили в то, что большевистский режим обречен, что внутри самой России появятся силы, которые уничтожат коммунистов. Только верой эмигрантов в необходимый характер изменения режима большевиков можно объяснить тот факт, что самые разные круги эмиграции, включая профессиональных разведчиков, раскрыли объятия представителям «Треста».

Все началось с того, что бывший преподаватель Александровского лицея, бывший директор Департамента водного транспорта Министерства внутренних дел и бывший действительный статский советник Александр Александрович Якушев (1876–1937) (фигурировавший под псевдонимом Федоров) отправился в зарубежную командировку в Ревель. Там он встретился со своим бывшим воспитанником Юрием Александровичем Артамоновым, который после окончания Лицея служил в Конногвардейском полку. В Ревеле Артамонов работал переводчиком в английском посольстве. Он был близок к группировке генерала Кутепова и дружил с Всеволодом Федоровичем

Щелгачевым, который служил в разведке Врангеля. Якушев сообщил Артамонову, что в России существует подпольная монархическая организация — Монархическое объединение Центральной России (МОЦР), которое обладает широкими возможностями и связями, в том числе в партийном руководстве и среди командиров РККА. МОЦР, по утверждению Якушева, возглавлялось Андреем Медардовичем Зайончковским, бывшим генералом царской службы. Якушев предлагал Артамонову установить контакт с заинтересованными лицами и организациями в эмиграции (на условиях подчинения МОЦР) и содействовать работе по подготовке переворота в Советской России. Сразу же после этого Артамонов написал о Якушеве письмо в Берлин своему другу и сослуживцу князю К. А. Ширинскому-Шихматову, отец которого был членом ультраконсервативного Высшего монархического совета. Это письмо попало в руки ЧК, и по возвращении в Россию Якушев был арестован и якобы перевербован. Остается загадкой, действительно ли Якушев до ареста был участником монархической организации и существовала ли таковая вообще, или он с самого начала был агентом ЧК. В достаточно циничных воспоминаниях престарелого чекиста Б. И. Гудзя о вербовке Якушева говорится: «...не будем забывать, что у него была семья, и он понимал, что может быть серьезно наказан за свою авантюру... Так что в конце концов он согласился с нашим предложением. С этого дело и завязалось»²⁷. Учитывая развязанный ЧК террор, не представляется невероятным, что Якушев уже перед первым своим выездом за границу был завербован чекистами. Во всяком случае, после возвращения он стал работать на ЧК-ОГПУ и, согласно многим источникам, делал это очень умело.

При посредстве Артамонова, Щелгачева и сослуживца Артамонова по Конногвардейскому полку П. С. Арапова (активного евразийца с 1922 года) Якушев встретился с представителями Высшего монархического совета в Германии, а также установил контакт с близким к великому князю Николаю Николаевичу генералом А. П. Кутеповым, возглавившим боевую организацию РОВСа. Кутепов направил в Советскую Россию своих резидентов — Марию Владиславовну Захарченко (урожденную Лысову, впоследствии Михно) и ее гражданского мужа, ротмистра Георгия Радкевича. Благодаря тому, что в кодировавшейся перепис-

ке «Треста» Родкевич и Захарченко выступали как «племянники», в литературу о «Тресте» проникло неверное утверждение, что Захарченко была родственницей генерала Кутепова. К 1924 году произошло объединение кутеповской боевой организации и «Треста». Переписка, пересылка литературы и секретные поездки в обе стороны велись через перевалочные пункты в Польше и Эстонии. Резидентом Кутепова и «Треста» в Варшаве стал Ю.А. Артамонов. Разведки и Генштабы Польши, Эстонии и Финляндии поддерживали активные контакты с «Трестом», через который руководство Советской России не только контролировало значительную часть белоэмиграции, но и дезинформировало западные спецслужбы.

К 1925–1926 годам «Трест» установил контакты с самыми разными кругами эмиграции. Якушев побывал в Шуаньи у великого князя Николая Николаевича и получил согласие на использование его имени. После Зарубежного съезда 1926 года даже П.Б. Струве — убежденный противник большевиков и сторонник продолжения вооруженной борьбы с ними — встретился с представителем «Треста» в Варшаве и обсудил возможность получения этой организацией крупных финансовых вливаний из зарубежных источников.

«Трест» рухнул весной 1927 года. Кутепов настаивал на террористических акциях, которые «Трест» активно пытался предотвратить. Полученные при помощи «Треста» секретные документы, в частности, мобилизационные планы, вызвали подозрения у поляков. Наконец, весной 1927 года один из главных участников «Треста», Эдуард Оттович Уппелиньш, известный также как Опперпут, Стауниц и Касаткин, бежал из Советской России и опубликовал разоблачительные статьи, в которых раскрыл истинную природу «Треста», и убедил Кутепова в том, что он желает искупить свою вину и привезти в СССР группу боевиков. Отправленная группа не смогла совершить планировавшийся теракт и была уничтожена под Смоленском, а Опперпут-Касаткин был объявлен ОГПУ мертвым. Впрочем, Сергей Войцеховский утверждал, что встречался в 1942 году с Опперпутом в Варшаве. По версии Войцеховского, Опперпут был не перебежчиком, а умелым двойным агентом. Как писал Войцеховский, Опперпут, возглавлявший советское подполье в Киеве, был арестован немцами в 1944 году и расстрелян²⁸.

Каково же было отношение евразийцев к «Тресту»? Прежде всего, сам факт его появления вполне укладывался в идеологические построения евразийцев. Согласно их теории революции, в России должен был появиться новый слой людей, которые захватят власть в ней изнутри. Задача состояла лишь в том, чтобы обратить этих людей в евразийскую веру. Однако появившиеся в Западной Европе посланцы «Треста», вступившие в 1923 году в контакт с Сувчинским при посредстве Арапова, не вызвали восторга у руководителей евразийского движения. Поскольку главной целью «Треста» было проникновение в круги военной эмиграции, которые были в основном настроены монархически, «трестовцы» активно проповедовали монархизм. Для евразийцев монархизм был слишком тесно связан с правыми кругами эмиграции, которых евразийцы обвиняли в непонимании необратимости тех процессов, которые произошли в России. Но самое главное, представители «Треста» сообщили евразийцам, что для большинства населения России религия утратила свою привлекательность, а следовательно, евразийская программа должна быть существенно изменена, чтобы не показаться реакционной гражданам СССР. Для евразийцев, у которых православная религиозность составляла одну из важнейших черт групповой идентичности, такое объяснение было неприемлемым, и интерес к «Тресту», казалось, был навсегда ими утрачен.

Однако в этот момент Арапов встретился в Варшаве с «нефтяником» («нефть» — одно из кодовых названий евразийства) — участником «Треста», выступавшим под псевдонимом Александра Алексеевича Денисова. На самом деле Денисов был сотрудником ОГПУ (с 1935 года — полковником НКВД) Александром Алексеевичем Ланговым (1895–1964). Ланговой принадлежал к известной интеллигентской семье — его отец, Алексей Павлович, знаменитый московский врач, был гласным Московской городской думы, коллекционером живописи и членом попечительского совета Третьяковской галереи, а дядя — профессором Технологического института в Петербурге. Ланговой был, несомненно, культурным человеком, свободно владел несколькими языками, разбирался в современном искусстве, литературе и философии. Для евразийцев он должен был казаться человеком «своего круга». Выступая как один из представителей «Треста», Ланговой убедил евразий-

цев в том, что он полностью обратился в евразийскую веру и готов представлять интересы евразийцев внутри своей организации. Евразийцы с радостью воспользовались этим предложением: на совещании руководителей евразийства с участием Лангового, которое прошло в начале 1925 года в Париже на квартире А.И. Гучкова, было решено обращать «Трест» в евразийство изнутри, а Ланговой-«Денисов стал руководителем «Евразийской партии» в СССР и участвовал в евразийских съездах и совещаниях. Более того, на протяжении нескольких лет Ланговой получал от евразийцев значительное содержание. Объявил себя евразийцем и Ю.А. Артамонов, резидент Кутепова и «Треста» в Варшаве и сослуживец Арапова. В течение полутора лет Ланговому удавалось держать евразийцев в заблуждении, причем размах этого предприятия был весьма значительным: Арапов и Савицкий ездили в СССР и встречались с «внутренними евразийцами» в Москве и других советских городах. В СССР шел поток евразийской литературы (вероятно, она прямоком попадала в хранилища ОГПУ), а из СССР приходили «информационные бюллетени», посвящавшие евразийцев в подробности тех или иных событий советской жизни, сообщавшие о настроениях населения, состоянии хозяйства и т.д.

• Безусловно, проникновение «Треста» в евразийское движение оказало значительное воздействие на развитие евразийства. Так, в 1924 году Арапов требовал у Сувчинского ускорить написание евразийской политической программы, поскольку это могло облегчить переговоры евразийцев с «Трестом»²⁹. Трестовские «бюллетени» о состоянии Советской России во многом формировали представления участников евразийского движения о происходивших в СССР процессах. Очевидно, что контакты с провокационной организацией приобретали все более широкий размах; на съездах руководителей Совета евразийства — главного органа трансформировавшегося в подпольную организацию интеллектуального движения — присутствовали агенты ОГПУ, с которыми обсуждались тактика и стратегия евразийского движения. Как сообщал своему руководству Стырне, проникновение «Треста» в евразийство достигло таких размеров, что отдельные ведущие евразийцы «выполняют любое наше поручение»³⁰, а в руководящие органы евразийства были введены агенты КРО ОГПУ (под видом представителей «Треста»).

Начиная с 1924 года в евразийской переписке появляется шифровка писем. Политический и шпионский жаргон начинает напоминать детективные романы, а наивность евразийских руководителей, игравших в политику, поражает. Даже закодированные, отрывочные письма евразийцев позволяют составить представление о том, какие интересы преследовали агенты ОГПУ, проникшие в евразийство. Арапов просит Сувчинского составить некую программу евразийства для своих московских знакомых в музыкальных кругах, с тем чтобы передать ее по указанным Сувчинским адресам через «Трест». Арапов утверждал, что с такой идеей выступил «Денисов» — чекист Ланговой¹¹. Можно предположить, что судьба адресатов Сувчинского сложилась трагически: связь с евразийством была одним из оснований для ареста и заключения даже таких далеких от политики людей, как известный лингвист Н.Н. Дурново, который вернулся в Советский Союз и стал жертвой «дела славистов». Арестованный в 1932 году Дурново был расстрелян в 1937-м¹².

В Ленинград был отправлен Г.Н. Мукалов, сотрудник Савицкого по пражской группе евразийцев. Как вспоминал Савицкий, Мукалов прервал сношения с евразийцами и остался в Ленинграде, где его и застали события весны 1927 года (раскрытие «Треста»). До поездки в Ленинград Мукалова в Москву в качестве резидента должен был отправиться Л.Е. Копецкий, еще один «молодой» пражский евразиец, но он не смог преодолеть себя и отказался от поездки прямо на границе. Пиком сотрудничества евразийцев с «Трестом» стала поездка Савицкого в Москву по каналам «Треста» для встречи с «московскими евразийцами». По свидетельству Войцеховского, он встретил Савицкого в Варшаве за несколько часов до отъезда на советскую границу¹³. В Москве Савицкий наблюдал искусно поставленный сотрудниками ОГПУ спектакль, который включал не только встречи с членами «евразийских групп», но даже подпольную церковную службу! Именно в Москве он написал евразийскую программу 1927 года. Даже после раскрытия «Треста» евразийцы верили, что организация была подлинной, несмотря на предательство некоторых ее участников, и еще в 1928 году Сувчинский пытался восстановить контакт с Ланговым-«Денисовым», что вполне вписывалось в его программу по переносу деятельности евразийства в СССР и полному признанию советского режима.

Евразийство как организация

Примерно с 1922 года, когда к евразийцам присоединились А.В. Меллер-Закомельский, П.С. Арапов и другие монархисты, евразийство начинает превращаться в политическую организацию. Начало организационной работе евразийцев положили свидания «трех П» — Арапова, Савицкого и Сувчинского, прошедшие в Берлине поздним летом и осенью 1923 года. На этих совещаниях были выработаны принципы организации евразийства, его тактика. Согласно предложениям Сувчинского, евразийцам следовало, вполне в духе их саморепрезентации как нового поколения, отказаться от обращения «евразийствующих профессоров», всячески подчеркивать различия с другими группами эмиграции. Предполагалось, что движение должно развернуть активную работу по привлечению эмигрантской молодежи. Впоследствии, в 1925 году, контакты с «Трестом» решено было использовать для трансформации самого «Треста» в евразийскую организацию, в частности, через «Денисова»-Лангового. В конце ноября — первой половине декабря 1924 года в Вене прошел съезд ведущих руководителей евразийства (Арапов, Савицкий, Сувчинский, Трубецкой), на котором был создан Совет евразийства, или Совет Пяти, в который вошли Трубецкой (председатель), Сувчинский, Савицкий, Арапов и Малевский-Малевич. Последний был приглашен на съезд и введен в состав Совета исключительно благодаря тому, что именно ему Сполдинг передал средства для движения.

На этом совещании евразийцы утвердили смету на первый год в размере 4500 фунтов (деньги Сполдинга было решено использовать в течение двух лет). Были выделены средства для поддержки ячеек евразийской организации в Париже и Праге, а Малевичу было предписано три раза в год отчитываться перед Советом о состоянии кассы. Совет постановил считать центром евразийства парижскую группу, возглавлявшуюся Сувчинским, а наиболее важными ячейками — Париж, Прагу и Варшаву. Было решено отправить в Россию по каналам «Треста» Г.Н. Мукалова. Наконец, Совет Пяти должен был законспирироваться и пользоваться при переписке псевдонимами и кодовыми названиями³⁴. Примечательно, что кодовые имена, которые придумали для

этого евразийцы, совпадали с кодовыми именами, использовавшимися в переписке «Треста» с кутеповской организацией, что говорит о существовании некоей большой сети, в которую евразийцы входили как составная часть. Общий для всей сети код позволял ОГПУ без излишних затрат времени и сил контролировать поток информации.

В 1925–1927 годах параллельно Совету Пяти действовал и Совет Семи: те же пятеро плюс Артамонов и Денисов, представители «Треста». Впоследствии вместо Лангового-«Денисова» в Совет был введен Л.П. Карсавин. По позднейшему свидетельству Савицкого, Совет Семи был создан параллельно Совету евразийства, так как евразийцы не очень доверяли Артамонову и Денисову и не знали, на кого они работают. Однако в 1926 году сам Савицкий жаловался Арапову на Малевича, «навязавшего нам выключение Артамонова и Денисова»³⁵. Вполне возможно, что это было связано с периодом «активизма» Савицкого, когда он пропагандировал усиление подпольной работы в СССР и противостоял влиянию «белогвардейцев» — Малевского-Малевича и Зайцова — на евразийство.

Кроме того, в евразийской организации появились два отдела. Первый отдел, в который входили «идеологи», должен был играть ведущую роль в определении стратегии движения и отвечать за публикации евразийства. Вторым отделом, в котором состояли Арапов и Малевский-Малевич, считался «организационным», занимался финансами и полигической организацией, контактами с «Трестом» и переправкой евразийской литературы в СССР по его каналам. В этот же отдел Малевский ввел и монархиста — близкого к А.П. Кутепову полковника А.А. Зайцова. Примечательно, что Зайцов не только участвовал в евразийском движении, организовывая для него боевые отряды, но и руководил перепиской с «Трестом» в кутеповской организации. Привлечение в движение новых людей, в основном связанных с Кутеповым монархистов, не только способствовало фашизации движения, но и привело к многочисленным конфликтам и трениям среди евразийцев. Так, в 1926 году Савицкий, Сувчинский и Трубецкой при поддержке Арапова вывели из состава движения Зайцова и существенно ограничили полномочия Малевского, который стал активно вмешиваться в «идеологическую» работу. Однако краткосрочный союз

«тройки» не выдержал дальнейших испытаний, и проявлявшаяся уже с 1924 года вражда между Сувчинским и Савицким привела в конце концов к расколу.

Раскол

Попытки установить связь с Советской Россией не ограничивались аферой «Треста». После его раскрытия Сувчинский и Карсавин пытались наладить контакт с советским представительством во Франции. В 1927 году состоялись встречи и переговоры Сувчинского с Г.Л. Пятаковым, о чем Сувчинский сообщал Трубецкому. Сувчинский вынашивал планы превращения евразийства в орган той или иной оппозиционной группы в СССР (например, правой оппозиции), создания из евразийства «лаборатории мысли» для советских оппозиционеров. Не нужно объяснять, что вряд ли советские бонзы, были они оппозиционерами или верными сталинцами, нуждались в такой лаборатории. Даже когда Сувчинский и Святополк-Мирский установили контакт с Горьким и предложили ему издание просоветского журнала в эмиграции, Сталин, которому Горький сообщил об этом проекте, не отреагировал на предложение.

Стремительное полевание парижской группы евразийцев можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, разоблачение «Треста» показало, что наличие антибольшевистского подполья, способного выйти на связь с эмиграцией, — миф. Это стало, несомненно, психологическим ударом для евразийцев, которые верили в скорую возможность трансформации режима в России. Во-вторых, усиление Советского Союза в международных отношениях, его казавшаяся непреодолимой сила развития убеждали евразийцев в том, что большевики сумели распознать национальные основания страны и отразить их в своей политике. Наконец, с усилением Советского Союза борьба против него казалась все более бессмысленной, его успешная история воспринималась как вполне реальная альтернатива все более глубокому кризису западного мира. Большинство левых евразийцев, по выражению Трубецкого, были «заворожены» марксизмом. Умелая работа советских спецслужб, которые продолжали разными способами манипулировать

движением, способствовала тому, что евразийцы стремительно двигались к расколу.

Публикуемые письма Трубецкого Сувчинскому позволяют в достаточной степени проследить динамику развития отношений между тремя лидерами движения. Зародившаяся с осени 1924 года неприязнь Сувчинского к Савицкому не исчезла, добавив личное измерение к идеологическим расхождениям, а все попытки Трубецкого примирить их ни к чему не привели. Возможно, евразийство просуществовало бы еще какое-то время, если бы не газета «Евразия», которую Сувчинский быстро превратил в орган советской пропаганды.

Осенью 1928 года Савицкий, подозревая, что Сувчинский может увести газету влево, направил в Париж группу своих сотрудников-«пражан», в которую входили П.И. Дунаев, К.А. Чхеидзе и А.Г. Романицкий. Задачей этого «десанта» было участие в подготовке издания газеты (Чхеидзе был ее официальным редактором, совместно с «парижанами» С.Я. Эфроном и К.Б. Родзевичем). Помимо этого, они должны были сообщать Савицкому о состоянии дел в парижской организации, что они и делали, еженедельно отправляя Савицкому подробные отчеты. В этих отчетах пражские евразийцы жаловались на то, что в разговорах о газете с представителями парижской группы они не узнают евразийских идей, что парижская группа стала «марксоидной». В ответ Сувчинский жаловался на Дунаева, которого «парижане» обвинили в алкоголизме, на Чхеидзе, которого в письме Трубецкому Сувчинский охарактеризовал как «серость», и на Романицкого, которого он считал «белогвардейцем». В результате обмена резкостями между Савицким и Сувчинским их совместная деятельность стала невозможной. Несмотря на многочисленные просьбы Трубецкого отложить издание газеты до съезда руководителей евразийства, первый номер все же был выпущен в ноябре 1928 года. Трубецкой разослал руководителям евразийства свои предложения по организованному разделению движения, со сменой названия. Тем не менее съезд не состоялся, а Сувчинский продолжал издавать газету, считая свою позицию единственно верной. Его горячо поддерживали Карсавин и Святополк-Мирский, а также — отчасти — Арапов.

В начале 1929 года Савицкий прибыл в Париж и 17 января встретился с Сувчинским и Карсавиным. Вот текст «меморанду-

ма», который Савицкий представил на это совещание и разослал всем сторонникам евразийства:

Направление газеты «Евразия» считаю *отходом от евразийства*. В констатирование того, что это не есть евразийство, мнение мое совпадает с мнением огромного большинства евразийцев. Оно совпадает также с мнением б. [ывше-го] Председателя Евразийского Совета, одного из создателей евразийской системы Н.С. Трубецкого (см. его письмо в н. [омере] 7-ом газ. [еты] Евразия). Значение выхода из газеты Евразия Н.С. Трубецкого, едва ли не крупнейшего автора евразийской системы, не может быть преуменьшаемо. Проведение под заголовком Евразии и от имени, якобы, всего евразийства существенно неевразийских взглядов создает совершенно особое состояние. Оно равнозначно положению, когда отдаются приказы «противные закону и совести».

Единственным выходом из положения считаю:

1. Немедленное преобразование газеты в евразийском духе.

2. Немедленную же передачу средств, выданных казначеем на издание газеты, на совместный текущий счет трех находящихся в Париже и здоровых членов Совета, т.е. Л.П. Карсавина, П.Н. Савицкого, П.П. Сувчинского. Чеки по этом счету должны выписываться за *совместною* же подписью названных трех лиц. Эта мера направлена к предотвращению на будущее недопустимого порядка ведения газеты. Я подразумеваю порядок, который фактически соответствует захвату печатного станка отдельными членами редакционной коллегии, при решительном несогласии других на подобного рода акты.

3. В случае неисполнения этих мероприятий, неевразийский характер газеты Евразия нужно будет считать *утвердившимся*. И отпадение от евразийства лиц, проводящих неевразийскую и антиевразийскую линию газеты Евразия, — на долго ли, на коротко ли, нужно будет считать *состоявшимся*.

Член Евразийского Политбюро и Евразийского Совета П.Н. Савицкий.

В свою очередь, Сувчинский и Карсавин составили протокол этого свидания:

Заседание Евразийского Совета 17 января 1929

Протокол

Присутствовали: Л.П. Карсавин, П.П. Сувчинский, П.Н. Савицкий

1. Постановления этого Совета могут вступить в силу только по утверждении их отсутствующими членами Совета Ю.А. Артамоновым, П.С. Араповым, П.Н. Малевским-Малевичем.

2. П.Н. Савицкий огласил свой меморандум о газете Евразия.

3. Ввиду того, что П[етр] Н[иколаевич] С[авицкий], определяя действия П[етра] П[етровича] С[увчинского] в ноябре и впоследствии, как «недопустимые и противоречащие его пониманию нравственного начала», не пожелал взять эти слова обратно, несмотря на попытки Л[ьва] П[латоновича] К[арсавина] найти пути к примирению и указание его же, Л[ьва] П[латоновича] К[арсавина], на недоказанность и субъективность утверждаемого, дальнейшее общение в Совете Л[ьва] П[латоновича] К[арсавина], П[етра] Н[иколаевича] С[авицкого] и П[етра] П[етровича] С[увчинского] признано всеми тремя невозможным.

4. П.П. Сувчинский заявляет, что высказанные П[етра] Н[иколаевича] С[авицкого] обвинения не доказаны, и что он видит в высказывании их попытку утвердить идеологическое расхождение созданием личного конфликта и опорочиванием его, П[етра] П[етровича] С[увчинского].

5. П[етр] Н[иколаевич] С[авицкий] заявляет, что готов возобновить общение с Л[ьвом] П[латоновичем] К[арсавиным] и П[етром] П[етровичем] С[увчинским] на деловой почве в течение ближайших двух дней на основании представленного меморандума.

6. Л[ев] П[латонович] К[арсавин] заявляет, что считает высказанное П[етром] Н[иколаевичем] С[авицким] личным оскорблением и П[етру] П[етровичу] С[увчинскому] и ему лично, и что до принесения П[етром] Н[иколаевичем] С[авицким] извинения и отказа от своих слов никакого его общения с ним даже на деловой почве невозможно.

7. П[етр] Н[иколаевич] С[авицкий] заявляет, что не имел никакого намерения задеть Л[ьва] П[латоновича] К[арсавина].

Подписано Л[ев] П[латонович] К[арсавин]³⁶

Вернувшись в Париж, Савицкий сообщил Сполдингу о деятельности газеты «Евразия» и о содержании ее статей, и финансирование было прекращено: все, чего группа Сувчинского смогла добиться, — частичное погашение долгов газеты (часть их заплатил из своих средств Святополк-Мирский). В возникшем между руководителями евразийства противостоянии Сполдинг принял сторону Савицкого, который и привлек его внимание к просоветской позиции этой газеты. Савицкий переслал Сполдингу издание, указав самые проблематичные статьи, и Сполдинг заказал перевод этих статей. «Изучив эти переводы самым тщательным образом», Сполдинг сообщил Сувчинскому, что категорически не приемлет

то, каким образом проводится в газете евразийская линия, и выразил недоумение тем, что Сувчинский прославляет в своих статьях СССР, пытается связать евразийство с марксизмом и философией Федорова³⁷. Прекратилось финансирование Сполдингом и парижской группы, о чем помощник Савицкого Чхеидзе сообщал Г.В. Вернадскому:

...Не могу не поделиться с Вами некоторыми новостями. На днях получено из Англии известие, где сообщается о том, что газета «Евразия» и вообще вся акция П.П. Сувчинского лишается материальной поддержки. Можно ожидать, что газета, наконец-то, лопнет! Это сообщение не означает, что приток средств пойдет по нашему руслу, но уже хорошо то, что мерзость клямарская лишается почвы...³⁸

В июне 1929 года Савицкий учредил Распорядительный комитет, в который вошел он сам, Н.Н. Алексеев и Н.А. Клепинин. Евразийское книгоиздательство было восстановлено, Сувчинский и его группа объявлены еретиками. В это время Арапов, судя по некоторым данным, был сильно болен, а Малевский-Малевич находился в США. В 1931 году Савицкий провел евразийский съезд в Брюсселе и продолжил выпуск евразийских сборников и временников. Однако евразийство в том виде, в котором оно существовало в 1920-х годах, на историческую сцену уже не вернулось.

Распад движения в 1928–1929 годах позволил тем из евразийцев, которые пошли по пути признания советского режима и сотрудничества с ним, полностью ассоциировать себя с советской Россией. Клепинины, Эфрон и Родзевич стали агентами ОГПУ и проводили в Европе тайные операции советских спецслужб. После одной из таких операций — убийства советского перебежчика Порецкого-Рейсса — Клепининым и Эфрону пришлось бежать в СССР. Когда туда вернулась Марина Цветаева, две семьи делили одну дачу в Болшеве, где большинство членов этих семей и было арестовано. Родзевич воевал в Испании, участвовал в Сопротивлении, побывал в нацистском концлагере. Святополк-Мирский, державший в своем кабинете в Лондонской школе славянских и восточноевропейских исследований портрет Сталина напротив карты мира так, что «отец народов» взирал на континенты, вступил в компартию Великобритании, а в 1934 году вернулся в СССР, где и погиб в лагерях.

Существует мнение, что «классическое» евразийство, представленное «учеными» — Савицким и Трубецким, — не участвовало или только в малой степени участвовало в политической аванюре евразийцев, ответственность за которую якобы нес Сувчинский и левая парижская группа. Несмотря на то что Трубецкой действительно время от времени поднимал вопрос об излишней политизации движения, нет никаких оснований утверждать, что у евразийцев не было внутреннего консенсуса по поводу политической составляющей их работы. Сохранившиеся в архивах евразийцев в Москве, Праге, Париже и Нью-Йорке документы в полной мере демонстрируют ложность такой посылки и доказывают, что для авторов евразийской концепции ее реализация в политической сфере была значимой и важной частью их деятельности, как бы ни раскаивались они впоследствии в том, что их движение приняло это направление.

•

Примечания

I. Начало

1 Нольде Б.Э. Заграничная Россия // Последние известия. 1920. 27 апреля.

2 В письме родным, датированном 4 июня 1921 г., П.Н. Савицкий писал: «...Вчера евразийцы делали первое публичное свое выступление — под эгидой здешнего религиозно-философского кружка. Было человек 40–50. Я не выступал, говорили Трубецкой и Флоровский, новых adeptов мы, кажется, не приобрели...» (ГАРФ. Ф. Р-5783. Оп. 2. Д. 326. Л. 32–33).

3 О «Веймарской России» см.: *Hanson S.E., Kopstein J.S. The Weimar/Russia Comparison // Post-Soviet Affairs. Vol. 13 (1997). № 2. P. 252–283; Shenfield S. The Weimar/Russia Comparison: Reflections on Hanson and Kopstein // Ibid. Vol. 14 (1998). № 4. P. 355–368; Kopstein J.S., Hanson S.E. Paths to Uncivil Societies and Anti-Liberal States: A Reply to Shenfield // Ibid. P. 369–375. См. также: *Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1996. P. 107–147. О возрождении евразийства см.: Ignatow A. Der "Eurasismus" und die Suche nach einer neuen russischen Kulturidentität. Die Neubelebung des "Evrazijstvo"-Mythos // BIOst (Bundesinstitut für Ostwissenschaftliche und internationale Studien): Berichte. 1992. № 15.**

4 Советский взгляд на историю пореволюционной эмиграции представлен в работах: *Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1981; Комин В.В. Политический и идеологический крах русской мелко-буржуазной контрреволюции за рубежом. Калинин: Калининский гос. ун-т, 1977.*

5 Как показывает название статьи Роберта Вильямса «Политические эмиграции: утраченный сюжет» (*Ab Imperio: Теория и история национализма и империи в постсоветском пространстве. 2003. № 2. С. 21–35*), политические эмиграции были в некотором смысле «утрачены» историей, фокусирувавшейся на «больших структурах»; «история снизу», в свою оче-

редь, мало интересовалась политическими эмиграциями, в которых главными героями были пусть и бывшие, но все же элиты. Исключением можно считать работы по истории политической эмиграции, инкорпорирующие новые методы исследований, например: *L'Emigration Politique en Europe aux XIXe et XXe siècles: Actes du colloque organisé par L'Ecole française de Rome*. Rome: Ecole française de Rome, 1991. Российской эмиграции посвящены некоторые западные работы: *Der Große Exodus: Die Russische Emigration und ihre Zentren, 1917 bis 1941* / Hrsg. von K. Schlögel. München: C.H. Beck, 1994; *Williams R.C. Culture in Exile, Russian Émigrés In Germany, 1881–1941*. Ithaca, N.Y.: Cornell Univ. Press, 1972; *Gorboff M. La Russie fantôme: L'émigration russe de 1920 à 1950*. Lausanne: L'Âge d'homme, 1995; *Johnston R.H. New Mecca, New Babylon: Paris and the Russian Exiles, 1920–1945*. Kingston: McGill-Queen's Univ. Press, 1988. Первые работы по истории российской эмиграции были написаны современниками: *Rimscha H. von. Der russische Bürgerkrieg und die russische Emigration, 1917–1921*. Jena: Frommann, 1924; *Idem. Russland jenseits der Grenzen, 1921–1926: ein Beitrag zur Russischen Nachkriegsgeschichte*. Jena: Frommann, 1927; *Ledré Ch. Les émigrés russes en France: Ce qu'ils sont, ce qu'ils font, ce qu'ils pensent*. Paris: Éditions Spes, 1930.

6 Немаловажно и то, что в России в оборот вводится, прежде всего, некое «православно-национальное» наследие эмиграции, что создает неверное представление о ее однородности.

7 См., в частности: *Liebich A. From the Other Shore: Russian Social Democracy after 1921*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997; *Raeff M. Russia Abroad: Cultural History Of Russian Emigration, 1919–1939*. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1990; *Burbank J. Intelligentsia and Revolution: Russian Views of Bolshevism, 1917–1922*. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1986; *Pipes R. Struve: Liberal on the Right, 1905–1944*. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1980; *Rosenberg W.G. Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional Democratic Party, 1917–1921*. Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 1974.

8 Существует представление о политической эмиграции до 1917 г. как «лаборатории политической мысли» (см.: *Русская эмиграция до 1917 года — лаборатория либеральной и революционной мысли* / Под ред. Б. Ананьича, Ю. Шерпер. СПб., 1997).

9 Об этой цели эмиграции см. подробно: *Raeff M. Op. cit.*; *Struve N. Soixante-dix ans d'émigration russe, 1919–1989*. Paris: Fayard, 1996; *Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970)*. Paris: Librairie Des Cinq Continents, 1971. Впервые об этом написал барон Нольде (см.: *Нольде Б.Э. Указ. соч.*). Он считал, что «небольшевистская Россия не имеет территории (как Бельгия во время Первой мировой)»: «Мы существуем как Россия, потому что в условиях свободного европейского общежития мы сохранили

свободу служить нашей Родине и нести в нашем сознании ее великую идею. Из России ушла не маленькая кучка людей, а весь цвет страны... Это уже не эмиграция русских, а эмиграция России... Мы должны беречь себя от того, что зовут „эмигрантской психологией“... Мы должны жить родной стихией, нести и углублять наше национальное сознание, радуясь тому, что мы — единственная часть России, которой дано свободно думать и свободно высказывать свои мысли. В чем наше дело? ...В той новой России, которую мы готовим, годится не все, что мы несли с собой, когда наступал 1917 г. ...Мы должны суметь извлечь новые программы и новое понимание наших задач... из трезвой и спокойной оценки свершившегося. Нельзя ни на минуту забывать, что мы вернемся только тогда, когда выкуем в нашем сознании будущую Россию. Россия великого исхода должна быть не вчерашней, а завтрашней Россией...» Несмотря на то что «возвращения» эмигрантского наследия в серьезную науку не произошло, можно найти определенное влияние эмиграции на исследования истории России в англоязычном мире. Так, М.М. Карпович представлял «кадетский» взгляд, Ричард Пайпс транслировал консервативный подход П.Б. Струве, а Леопольд Хеймсон — социал-демократические взгляды меньшевиков. Таким образом, в американской историографии России имплицитно учитывались различные идеологические подходы, присутствовавшие в среде российской эмиграции (за исключением ультраправой, монархической ее части). К этому можно добавить, что Г.В. Вернадский отчасти может считаться продолжателем евразийства, впрочем, плохо прижившегося на американской почве.

10 См. публикуемое в настоящем томе письмо Трубецкого Сувчинскому от 28 апреля 1926 г. (№ 78).

11 О евразийстве в контексте правых движений в Германии см.: *Luks L. Die Ideologie der Eurasier im zeitgeschichtlichen Zusammenhang // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 34 (1986). S. 374–395.*

12 Термин «реакционный модернизм» принадлежит американскому исследователю консервативной революции в Германии Херфу (см.: *Herf J. Reactionary Modernism: Technology, Culture, and Politics in Weimar and the Third Reich. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1984*). Он считает, что консервативное движение, развивавшееся в 1920-х гг. в Веймарской Германии, модернизировало романтические идеологии XIX в. за счет апроприации современной науки, техники и технологии.

2. Действующие лица

1 Далеко не полный список работ (в хронологическом порядке), содержащих биографический материал о Н.С. Трубецком: *Чижевский Д.*

Князь Николай Трубецкой // Современные записки. 1939. Кн. 68. С. 445–467; *Kretschmer P. Nikolaus Fürst Trubetzkoy* // Almanach der Akademie der Wissenschaften in Wien für das Jahr 1938. Bd. 88 (1939). S. 335–345; *Riasanovsky N. V. Prince N. S. Trubetskoy's "Europe and Mankind"* // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 12 (1964). H. 2. S. 207–220; *Wytrzens G. Fürst Trubetzkoy als Kulturphilosoph* // Wiener Slavistisches Jahrbuch. Bd. 11 (1964). S. 154–166; N. S. Trubetzkoy's Letters and Notes / Prepared for publication by R. Jakobson, with the assistance of H. Baran, O. Ronen and M. Taylor. The Hague; Paris: Mouton, 1975; *Trubeckoj N. L'Europa e l'umanita: la prima critica all'eurocentrismo* / Prefazione di R. Jakobson. Torino: Einaudi, 1982; *Клейнер Ю. А. Н. С. Трубецкой: Биография и научные взгляды* // Ученые записки высших учебных заведений Литовской ССР [Kalbotyra]. Т. 35 (1985). № 3. С. 98–110; *Топоров В. Н. Николай Сергеевич Трубецкой — ученый, мыслитель, человек: К 100-летию со дня рождения* // Советское славяноведение. 1990. № 6. С. 51–84; 1991. № 1. С. 78–99; *Кондрашов Н. А. Н. С. Трубецкой: К 100-летию со дня рождения* // Русский язык в школе. 1990. № 2. С. 98–103; *Журавлев В. К. Н. С. Трубецкой: К 100-летию со дня рождения* // Русская речь. 1990. № 2. С. 91–96; *Нерозник В. П. Слово о Н. С. Трубецком: К 100-летию со дня рождения* // Известия РАН. Серия «Литература и язык». Т. 49 (1990). № 2. С. 148–151; *Николай Сергеевич Трубецкой: К 100-летию со дня рождения* // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1990. № 3. С. 3–9; *Соболев А. Князь Н. С. Трубецкой и евразийство* // Литературная учеба. 1991. № 6. С. 121–130; *Lieberman A. N. S. Trubetzkoy and His Works on History and Politics [Postscript]* // Trubetzkoy N. S. The Legacy of Genghis Khan and Other Essays on Russia's Identity. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1991. P. 293–375; *Робинсон М. А., Петровский Л. П. Н. Н. Дурново и Н. С. Трубецкой: проблема евразийства в контексте «Дела славистов»* (По материалам ОГПУ–НКВД...) // Славяноведение. 1992. № 4. С. 68–82; *Никишенков А. А. Н. С. Трубецкой и феномен евразийской этнографии* // Этнографическое обозрение. 1992. № 1. С. 89–92; *Толстой Н. И. Н. С. Трубецкой и евразийство* // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 5–28; *Гумилев Л. Н. Историко-философские труды князя Н. С. Трубецкого (Заметки последнего евразийца)* // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 31–54; *Казнина О. А. Н. С. Трубецкой и кризис евразийства* // Славяноведение. 1995. № 4. С. 89–91; *Кочергина В. А. Н. С. Трубецкой-индоевропеист* // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1998. № 5. С. 28–35; *Антощенко А. В. Николай Сергеевич Трубецкой (1890–1938)* // Историки России XVIII–XX веков / Ред.-сост. А. А. Чернобаев. М.: История-Сервис, 1998 (= Прил. к журналу «Исторический архив». Вып. 5). С. 106–121.

2 В частности, публикуемые в настоящей книге письма Трубецкого Сувчинскому.

3 См., например, сборник документов: Петр Сувчинский и его время / Под ред. А. Бретаницкой. М.: Композитор, 1999. Исключение составляет недавнее издание, весьма полезное с точки зрения как биографических данных о П.П. Сувчинском, так и с точки зрения анализа его взглядов: Pierre Souvtchinski, cahiers d'étude / Éd. par E. Humbertclaude. Paris: L'Harmattan, 2006.

4 The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931 / Ed. by G.S. Smith. Birmingham: Univ. of Birmingham, 1995 (= Birmingham Slavonic monographs, 26); Smith G.S. D.S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. N.Y.: Oxford Univ. Press, 2000; см. также богатый биографический материал в книге: *Святополк-Мирский Д.П.* Поэты и Россия: Статьи, рецензии, портреты, некрологи / Сост., подгот. текстов, прим. и вступ. ст. В.В. Перхина. СПб.: Алетейя, 2002.

5 О Флоровском см.: George Florovsky: Russian Intellectual and Orthodox Churchman / Ed. by A. Blane. Crestwood, N.Y.: St Vladimir's Seminary Press, 1993; о Г.В. Вернадском см.: *Андреев Н. Г.В. Вернадский* (20 августа 1887 г. — 12 июня 1973 г.) // Записки русской академической группы в США. Т. IX (1995). С. 182–193. Что касается П.Н. Савицкого, то в основном речь идет о статьях — введениях к повторным публикациям работ Савицкого. Характерно, что, например, в комментариях к недавно изданным дневникам В.И. Вернадского Савицкий назван «историком»; впрочем, основные эпизоды его биографии переданы там верно. См. о Савицком: *Вернадский Г.В.* П.Н. Савицкий, 1895–1968 // Новый журнал. Кн. 92 (1968). С. 273–277; *Дурновцев В.И., Кулешов С.В.* Жизнь и судьба П.Н. Савицкого // Культурное наследие российской эмиграции, 1917–1940 гг. М., 1994. Кн. 1. С. 144–152; *Дурновцев В.И.* Петр Николаевич Савицкий (1895–1968) // Историки России XVIII–XX веков / Ред.-сост. А.А. Чернобаев. Б.м., 1999 (= Прил. к журналу «Исторический архив». Вып. 6). С. 111–123; *Степанов Н.Ю.* Идеологи евразийства: П.Н. Савицкий // Евразия: Исторические взгляды русских эмигрантов: Сб. ст. / Отв. ред. Л.В. Пономарева. М.: ИВИ РАН, 1992. С. 156–163. В последние годы вышло несколько серьезных исследований, посвященных Савицкому, например: *Быстрыков В.Ю.* В поисках Евразии. Самара, 2007; Petr Nikolaevich Savitskii (1895–1968): A Bibliography of His Published Works / Ed. by M. Beisswenger. Prague: Národní knihovna ČR, 2008 (= Bibliografie Slovanské knihovny, 72).

6 О Карсавине см.: *Мажейкис Г.И.* Савкин [Лев Платонович Карсавин] // Новый мир. 1991. № 1. С. 193–194; *Соболев А.В.* Полюса евразийства: Л.П. Карсавин (1882–1952), Г.В. Флоровский (1893–1979) // Новый мир. 1991. № 1. С. 180–182; *Он же.* Своя своих не познаша: Евразийство: Л.П. Карсавин и другие: (конспект исследования) // Начала. 1992. № 4. С. 49–58; *Шидлаускас А.* Биография Л.П. Карсавина // Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М.: Наука, 1992. С. 229–230; *Филонова Л.Г.*

Лев Платонович Карсавин: 1882, Петербург — 1952, Абезь // Русские философы: конец XIX — середина XX века: Антология. М.: Книжная палата, 1993. Вып. 1. С. 243–255; *Хоружий С.С.* Карсавин и де Местр // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 79–92; *Он же.* Карсавин, евразийство и ВКП // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 78–84. Следует добавить, что большая коллекция документов Л.П. Карсавина (писем и автобиографических материалов), хранящаяся в Департаменте музыки Французской национальной библиотеки (фонд П.П. Сувчинского), еще ждет своего исследователя.

7 Автору этих строк представляется, что скорее верно второе. Трубецкой настаивал на том, чтобы держать Р.О. Якобсона в отдалении от евразийства, несмотря на его одаренность и близость его позиции евразийским взглядам. Для евразийцев, весьма озабоченных привлечением новых участников движения, его популярностью, участие Якобсона могло казаться опасным: Якобсон вызвал бы негативную реакцию самых консервативных эмигрантов. Характерно, что активное сотрудничество Р.О. Якобсона в евразийских изданиях началось после 1929 г., когда лидером движения стал П.Н. Савицкий, чуждый антисемитизму, а Н.С. Трубецкой и П.П. Сувчинский уже покинули ряды евразийского движения.

8 Биографию С.Н. Трубецкого см.: *Bohachevsky-Chomiak M. Sergei N. Trubetskoi: an Intellectual Among the Intelligentsia in Prerevolutionary Russia.* Belmont, Mass.: Norland Publishing Company, 1976.

9 *Lieberman A.* Op. cit. P. 295.

10 *Трубецкой Н.С.* Финская песнь Kulto Neito как переживание языческого обычая // Этнографическое обозрение. Т. XVII (1905). № 2–3. С. 231–233; *Он же.* К вопросу о «Золотой Бабе» // Этнографическое обозрение. Т. XVIII (1906). № 1–2. С. 52–62; *Он же.* [Рец. на:] V.J. Mansikka. Das Lied von Ogoi und Hovatitsa. Finnisch-Ugrische Forschungen, VI, 1906 // Этнографическое обозрение. Т. XIX (1907). № 3. С. 124–125; *Он же.* [Рец. на:] Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, Вып. XXXVII, отд. 3, Тифлис, 1907 // Этнографическое обозрение. Т. XX (1908). № 3. С. 146–151. Эти студенческие публикации Трубецкого продолжались до 1914 г., после чего наступил перерыв, завершившийся в 1920 г., когда Трубецкой выпустил «Европу и человечество».

11 *Lieberman A.* Op. cit. P. 295.

12 Центральный исторический архив Москвы [далее — ЦИАМ]. Ф. 418. Оп. 91. Д. 418л. Л. 4–4 об.

13 В частности, Трубецкой опубликовал статьи: *Трубецкой Н.С.* Кавказские параллели фригийскому мифу о рождении из камня (–земли) // Этнографическое обозрение. Т. XX (1908). № 3. С. 88–92 (опубликована в год поступления в университет); *Он же.* Ределя на Кавказе // Этнографическое обозрение. Т. XXIII (1911). № 1–2. С. 229–238; *Он же.* О стихе восточно-финских песен // Известия Общества любителей естествознания,

антропологии и этнографии. 1914. См.: *Топоров В.Н.* Николай Сергеевич Трубецкой — ученый, мыслитель, человек (к столетию со дня рождения) // Н.С. Трубецкой и современная филология. М.: Наука, 1993. С. 116.

14 ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 91. Д. 418л. Л. 4.

15 Трубецкой оставил короткие воспоминания о Кузнецове (см.: *Трубецкой Н.С.* Степан Кирович Кузнецов: Личные впечатления // Этно-графическое обозрение. Т. XXV (1913). № 1–2. С. 325–331).

16 ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 91. Д. 418л. Л. 4 об.

17 Там же. Л. 38–38 об.

18 Чит. по: *Симеонов Б.* Николай Сергеевич Трубецкой в Болгарии // Болгарская русистика. 1976. Вып. 2. С. 43.

19 N.S. Trubetzkoy's Letters and Notes. P. 4.

20 Симеонов Б. Указ. соч. С. 44.

21 N.S. Trubetzkoy's Letters and Notes. P. 12.

22 См.: *Трубецкой Н.С.* К украинской проблеме // Евразийский временник. Париж: Евразийское книгоиздательство, 1927. Кн. V. С. 165–184; Он же. Ответ Д.И. Дорошенку // Евразийская хроника. Париж, 1928. Вып. X. С. 51–59.

23 N.S. Trubetzkoy's Letters and Notes. P. 293.

24 См.: *Казнина О.А.* Указ. соч. С. 89–91.

25 См.: *Sériot P.* Structure et totalité: Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe Centrale et Orientale. Paris: Presses universitaires de France, 1999. Чит. здесь и далее по русскому переводу: *Серпо П.* Структура и целостность: об интеллектуальных истоках структуриализма в Центральной и Восточной Европе, 1920–1930-е гг. / Авториз. пер. с фр. Н.С. Автономовой. М.: Языки славянской культуры, 2001.

26 Личные документы семьи Сувчинских частично сохранились в архиве П.П. Сувчинского. См.: BNF. DdM. Collection Pierre Souvtchinsky. Не описано.

27 См.: Черновик письма П.П. Сувчинского Г.М. Шнеерсону, июль 1980 г. // BNF. DdM. 0092 (13).

28 См. также статью И.В. Нестьева, основанную на сведениях из переписки с П.П. Сувчинским: *Нестьев И.В.* Четыре дружбы: Петр Сувчинский и русские музыканты // Советская музыка. 1987. № 3. Особ. с. 83–86.

29 В этой связи любопытен миф о Блоке как поэте, связующем исторические периоды. Такая трактовка должна была особенно импонировать евразийцам. См.: *Rylkova G.S.* Literature and Revolution: The Case of Aleksandr Blok // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 3 (2002). № 4. P. 611–630.

30 П.П. Сувчинский поддерживал дружеские связи с А.С. Лурье и в эмиграции, привлекая его к евразийским изданиям. Примечательно, что Лурье, как и Сувчинский, был увлечен творчеством Блока и в 1921 г.

писал балет по «Снежной Маске». О Лурье см.: *Myricz K. Shadows of the Past: Akhmatova's Poem Without a Hero and Lourie's Incantations // Twentieth Century Music. Vol. IV (2008). № 1. P. 1–30; Idem. Decadent Truncation: Liberated Eros in Arthur Vincent Lourie's The Blackamoor of Peter the Great. Непубликованная рукопись.*

31 Сам А. С. Лурье жаловался на неприятие консервативной эмиграцией своего творчества, на нападки недругов, обвинявших его в «комиссарстве», в особенности в связи с его авторством «Нашего марша» на стихи Маяковского. Так, В. Ходасевич, критикуя журнал «Версты», в котором участвовал Лурье, говорил о «комиссарах». См.: *Лурье А. Наш марш // Новый журнал. 1969. № 94. С. 127–131.*

32 См.: *Lettres de Sofia Kochanska a Pierre Souvtchinsky // BNF. DdM. 0092 (24). С. Коханская, как и Сувчинский, была дружна с Карлом Шимановским и Игорем Стравинским.*

33 Революция и Гражданская война в России: Собрание исторических материалов: Примерный план издания / Под ред. Н.С. Жекулина и П.П. Сувчинского. София: Русско-Болгарское книгоиздательство, 1921.

34 *N.S. Trubetzkoy's Letters and Notes. P. 21.*

35 Автор биографии Д.П. Святополк-Мирского Дж. Смит называет Сувчинского «своего рода сексуальным хищником, женатым 4 раза». До брака с В.А. Гучковой Сувчинский был женат на Анне Дмитриевне Поповой.

36 О Святополк-Мирском и евразийстве см.: *Казнина О.А. Д.П. Святополк-Мирский и евразийское движение // Начала. 1992. № 4. С. 81–88.*

37 См., в частности, публикацию писем Марины Цветаевой к Сувчинскому, осуществленную при участии В. Козового: *Письма М.И. Цветаевой: Из архива П.П. Сувчинского (публикация и комментарии Ю. Клюкина, В. Козового, Л. Мнухина) // Новый мир. 1993. № 1. С. 197–217.*

38 См. публикуемое в настоящем томе письмо Трубецкого Сувчинскому от 9 августа 1922 г. (№ 5).

39 См. знаменитую вводную статью Р.О. Якобсона в *Slavische Rundschau: Jakobson R. Über die heutigen Voraussetzungen der russischen Slavistik // Slavische Rundschau. Bd. 1 (1929). S. 629–646.* Якобсон приглашал П.П. Сувчинского к сотрудничеству в журнале.

40 См.: Из протокола допроса Л.П. Карсавина 8 августа 1949 г. // *Вопросы философии. 1992. № 2. С. 85–87; Арест, допросы и реабилитация Д.П. Святополк-Мирского // Святополк-Мирский Д.П. Поэты и Россия... С. 288–289.* См. также записку сотрудника НКВД, утверждавшего, что Мирский принимал участие в переговорах евразийцев с Г.Л. Пятаковым в его бытность торгпредом СССР во Франции. Речь якобы шла о блоке правой оппозиции в партии с евразийцами (Там же. С. 277–276).

41 «Жму вашу руку, дорогой товарищ»: Переписка Максима Горького и Иосифа Сталина / Публикация, подготовка текста, вступление

и комментарии Т. Дубинской-Джалиловой и А. Чериева // Новый мир. 1997. № 9. С. 167–213; 1998. № 9. С. 156–171.

42 Документы этого процесса — обращения П.П. Сувчинского в редакцию, письма его адвокатов и судебное решение — сохранились в архиве Сувчинского. См.: BNF. DdM. Collection Pierre Souvtchinsky. Не описано.

43 См., в частности: *Musique russe: Études réunies par Pierre Souvtchinsky*. Paris: Presses universitaires, 1953. Vol. 1–2. См. опубликованную переписку Сувчинского и Б.Л. Пастернака: *Козовой В.* Из переписки Бориса Пастернака и П. Сувчинского / Publication, commentaires et notes par Vadim Kozovoi // *Revue des Études Slaves*. Vol. LVIII (1986). № 4. P. 637–648.

44 См., в частности: *Taruskin R.* Stravinsky and the Russian Traditions: a Biography of the Works Through “Mavra”. Berkeley: Univ. of California Press, 1996. Vol. 1–2.

45 Сам П.Н. Савицкий вспоминал о своей написанной совместно с В.Л. Модзалевским книге в письме Г.В. Вернадскому в 1935 г.: «В 1913–1914 гг. я написал совместно с Вад. Льв. Модзалевским книгу „Старый Чернигов“ — книга была напечатана, но все издание сгорело в 1919 г. в Петербурге — есть экземпляр в Киеве в академии, в бумагах Вадима Львовича Модзалевского...» (см.: Bakhmetev Archive at Columbia University [далее — BAR]. George Vernadsky Papers. Box 8. Folder Petr Nikolaevich Savitsky, 1935).

46 Письмо П.Н. Савицкого Н.Е. Андрееву // Ibid. Folder Savitsky, 1958.

47 Отпуск письма П.Н. Савицкого К.Н. Гулькевичу, 4 февраля 1920 г. // ГАРФ. Ф. Р-5783. Оп. 1. Д. 323. Л. 1–3.

48 См.: Письма П.Н. Савицкого родным из Парижа, май–июнь 1920 г. // Там же. Д. 326.

49 Там же. Л. 2.

50 См.: Письма П.Н. Савицкого П.Б. Струве, осень 1920 г. // ГАРФ. Ф. Р-5783. Оп. 1. Д. 324.

51 Там же. Л. 14–17.

52 *Савицкий П.Н.* Европа и Евразия. (По поводу брошюры кн. Н.С. Трубецкого «Европа и человечество») // Русская мысль. 1921. Кн. 1–2. С. 119–138.

53 О влиянии Савицкого на пражский кружок см.: *Jakobson R., Pomorska K.* Dialogues. Paris: Flammarion, 1980. P. 35; *Сепуо П.* Указ. соч.; *Toman J.* The Magic Of a Common Language: Jakobson, Mathesius, Trubetzkoy, And The Prague Linguistic Circle. Cambridge, M.A.; London: MIT Press, 1995. (= Current studies in linguistics, 26). Особ. см. главу «Russian Images of the Whole».

54 *Войцеховский С.Л.* Трест: Воспоминания и документы. Лондон: Онтарио, 1974. С. 29.

55 Н.Е. Андреев вспоминает о некоем Иосифе Дедио, офицере СС, которого П.Н. Савицкий настойчиво рекомендовал ему в качестве ученика, намекая, что этого требуют общие интересы. По свидетельству Андреева, Дедио занимался вербовкой в среде русских эмигрантов в Центральной Европе и собирал на них материалы. К сожалению, ни установить личность Дедио, ни найти связанные с ним документы до настоящего времени не удалось. См.: *Андреев Н.Е.* То, что вспоминается: Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908–1982) / Сост. и предисл. Е. Андреевой; под ред. Е.Н. и Д.Г. Андреевых. Таллинн: Авенариус, 1996. Т. II. С. 93.

56 Там же.

57 См.: BAR. Vernadsky Papers. Box 8. Folder Savitsky, 1956–1957.

58 Н.Е. Андреев — Г.В. Вернадскому, 13 мая 1956 г. // Ibid. Box 2. Folder Nikolai Efremovich Andreev.

59 См. об Арапове и его родственных связях с Врангелями переписку М.В. Чепинской с М.Д. Врангель: Балтийско-русский сборник. Кн. II: Материалы по истории русской жизни в Риге и Каунасе. Из архива Гуверовского института / Под ред. Б. Равдина и Л. Флейшмана. Stanford: Department of Slavic Languages and Literatures, Stanford University, 2007 (= Stanford Slavic Studies. Vol. 28). С. 290–291, 295–297, 306–312, 323–324, 327.

60 *Никулин Л.В.* Мертвая зыбь: Роман-хроника. М.: Воениздат, 1965. С. 113–114. Это утверждение Никулина, впрочем, ничем не подтверждается.

61 ГАРФ. Р-5783. Оп. 2. Д. 359. Л. 16.

62 Циркулярное письмо П.С. Арапова членам Совета Евразийства, 7 сентября 1925 г. // ГАРФ. Ф. Р-5783. Оп. 2. Д. 410. Л. 45–46.

63 Речь, по-видимому, шла, прежде всего, о Елене Владимировне Исаковой, сестре А.В. Меллер-Закомельского, которая из своих средств оплачивала евразийские издания.

64 См. публикуемое в настоящем томе письмо П.С. Арапова П.П. Сувчинскому от 24 апреля 1924 г. (№ 18).

65 *Войцеховский С.Л.* Указ. соч. С. 55–57.

66 См.: Д.П. Святополк-Мирский — П.П. Сувчинскому, 22 января 1930 г. // The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii... P. 151.

67 *Струве П.Б.* В альбом «евразийцам» // Возрождение. 1925. 28 сентября. № 118.

68 *Войцеховский С.Л.* Указ. соч. С. 57.

69 См.: Д.П. Святополк-Мирский — П.П. Сувчинскому, 27 февраля 1927 г. // The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii... P. 77.

3. Пореволюционное поколение: «обессиливающей рефлексии чужды...»

1 См.: Kertzer D.E. Generation as a Sociological Problem // Annual Review of Sociology. Vol. 9 (1983). P. 125–149.

2 Ibid. P. 126–128.

3 См.: Р.О. Якобсон — Х. МакЛейну, 1 октября 1976 г. // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. М.: РГГУ, 1999. С. 165.

4 Савицкий П.Н. Два мира // На путях: Утверждение евразийцев. Берлин: Геликон, 1922. Кн. 2. С. 9–26.

5 См. публикуемое в настоящем томе письмо Трубецкого Сувчинскому от 1 января 1923 г. (№ 7).

6 См. публикуемое в настоящем томе письмо Трубецкого Сувчинскому от 5 мая 1924 г. (№ 30).

7 См. публикуемое в настоящем томе письмо Трубецкого Сувчинскому от 26 февраля 1924 г. (№ 27).

8 Цит. по: П.П. Сувчинский — Н.С. Трубеckкому, 25/XI–22 г. // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М.: Студия «Тритэ»; РИО «Российский Архив», 1994. Т. V. С. 478 (курсив и выделение П.П. Сувчинского).

9 Сувчинский П.П. Идеи и методы // Евразийский временник. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1925. Кн. IV. С. 50–51.

• 10 Эта фраза Савицкого вызвала эмоциональный обмен мнениями в журнале «Путь». Г.Н. Трубецкой, дядя Н.С. Трубецкого, критически оценил это выступление Савицкого. В ответ евразийцы прислали письмо в редакцию журнала, на которое вновь отреагировал Трубецкой-старший. В этом обмене характерно поколенческое деление: для деятелей религиозно-философского ренессанса антикатоличество евразийцев было признаком мракобесия, тогда как в мировоззрении евразийцев оно занимало особое место, будучи связующим звеном между антизападничеством и агрессивным православием. См.: Трубецкой Г.Н. Католический богослов о русской религиозной психологии // Путь. 1925. Вып. 1. С. 171–175. Ответное письмо евразийцев см.: Письмо в редакцию «Пути» П.П. Сувчинского, Л.П. Карсавина, Г. Флоровского, П. Савицкого, кн. Н.С. Трубецкого, Вл.Н. Ильина // Там же. 1926. Вып. 2. С. 134; ответ Г.Н. Трубецкого см.: Трубецкой Г.Н. Ответ на письмо евразийцев // Там же. С. 135–136.

11 С.Н. Булгаков — Г.В. Флоровскому, 3/16 мая 1923 г. // Princeton University Library. Department of Rare Books and Special Collections. Collection Co586: George Florovsky Papers. Box 55. Folder 8.

12 См. публикуемое в настоящем томе письмо Трубецкого Сувчинскому от 26 февраля 1922 г. (№ 2).

13 Наиболее полная биография Струве — двухтомная работа Ричарда Пайпса: *Pipes R. Struve: Liberal on the Right, 1905–1944*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1980. См. особ. т. 2.

14 Струве П.Б. Историко-политические заметки о современности // Русская мысль. 1921. Кн. 5–7. С. 208–224.

15 П.Н. Савицкий — родным, 26–27 января 1921 г. // ГАРФ. Р-5783. Оп. 2. Д. 326. Л. 17. В частности, Савицкий писал: «Были у княгини Ливен, Софии Алекс.[андровны], урожденной Стахович, которая очень мила. Вчера состоялся вечерний „раут“ у П.[етра] П.[етровича] Сувч.[инского], одного из директоров-распорядителей Рос[сийско]-Бол[арского] книгоиздательства... Были чрезвычайно оживленные споры на „евразийские“ и иные темы — главным образом между П[етром] Б[ернгардовичем] Струве и мной, с одной стороны, и кн.[язем] Н.[иколаем] С.[ергеевичем] Трубецким с другой».

16 Цит. по: Колеров М. Братство Св. Софии: «веховцы» и евразийцы (1921–1925) // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 145.

17 Там же.

18 Зайцев К.И. Буржуазная Европа и Советская Россия // Русская мысль. 1921. Вып. 5–7. С. 116–130. В этой статье Зайцев излагал взгляды, близкие к евразийским, и, в частности, утверждал, что в России под гнетом большевиков нарождается новый слой людей, который и освободит страну.

19 Струве П.Б. В альбом «евразийцам» // Возрождение. 1925. 28 сентября. № 118.

20 См.: Войцеховский С.Л. Трест: Воспоминания и документы. Лондон: Онтарио, 1974. С. 82–92.

21 Сувчинский П.П. Идеи и методы. С. 52.

22 См. публикуемое в настоящем томе письмо Трубецкого Сувчинскому от 12 февраля 1923 г. (№ 9).

23 П.Н. Савицкий — родным, 12 ноября 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5783. Оп. 2. Д. 326. Л. 51 а-б.

24 Об этой протофашистской «мистике», которая делала Карташева «своим» для евразийцев, см.: Самовер Н. Галлиполийская мистика А.В. Карташева // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1998 год / Ред. М.А. Колеров. М.: ОГИ, 1998. С. 334–396.

25 Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. СПб.: Алетейя, 2000. С. 239. Тексты Степуна, как показывает переписка Трубецкого и Сувчинского, привлекли внимание евразийцев.

26 Riasanovsky N.V. The Emergence of Eurasianism // California Slavic Studies. Vol. 4 (1967). P. 39–72.

27 О. Сергий (Четвериков) — Г.В. Флоровскому, 1925 г. // Princeton University Library. Department of Rare Books and Special Collections. Collection Co586: George Florovsky Papers. Box 55. Folder 10.

28 П.Н. Савицкий — М.Н. Эндену, 2/15 августа 1924 г. // ГАРФ. Ф. Р-5783. Оп. 2. Д. 332. Л. 8.

29 Бердяев Н.А. Евразийцы (рец. на: Евразийский временник. Кн. IV. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1925) // Путь. 1925. Вып. 1. С. 135.

4. Евразийские вариации: в поиске целого

1 *Riasanovsky N.* Russia and the West in the Teaching of the Slavophiles: A Study of Romantic Ideology. Gloucester, Mass.: Peter Smith, 1965; *Walicki A.* The Slavophile Controversy: History of a Conservative Utopia in Nineteenth-Century Russian Thought. Oxford: Clarendon Press, 1975.

2 Характерно, что среди эмигрантов возникла аналогичная интерпретация Гегеля, предполагавшая наступление конца истории, осуществленного сталинским режимом. См.: *Kojève A.* Introduction to the Reading of Hegel; Lectures on the Phenomenology of Spirit Assembled by Raymond Queneau / Ed. by A. Bloom. N.Y.: Basic Books, 1969.

3 О взглядах представителей интеллигенции на революцию и большевистский переворот см.: *Burbank J.* Intelligentsia and Revolution: Russian Views of Bolshevism, 1917–1922. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1986.

4 Характерно название работы Г.В. Флоровского, опубликованной в первом сборнике евразийцев: *Флоровский Г.В.* Разрывы и связи // Исход к Востоку: Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София: Русско-Болгарское книгоиздательство, 1921. Кн. 1. С. 9–13.

5 См. работы, в которых излагаются эти неославянофильские взгляды: *Трубецкой Н.С.* Об истинном и ложном национализме // Там же. С. 71–85; *Он же.* Верхи и низы русской культуры: Этническая основа русской культуры // Там же. С. 86–103.

6 О понятии культурного взрыва см.: *Лотман Ю.М.* Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров: Статьи. Исследования. Заметки (1968–1992). СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 12–148.

7 См., например: *Бердяев Н.А.* Евразийцы (рец. на: Евразийский временник. Кн. IV. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1925) // Путь. 1925. Вып. 1. С. 135.

8 Так об этом писал, например, К.И. Зайцев, ученик Струве.

9 См. пример анализа такой идеологии: *Bourdieu P.* Political Ontology of Martin Heidegger. Stanford, Calif.: Stanford Univ. Press, 1991.

10 Так, Г.В. Флоровский в своем письме к П.Б. Струве призывал обратиться к наследию Фихте и романтиков с тем, чтобы победить нигилистическую психологию интеллигенции: «Искренно или нет, после войны и катастрофы немцы распространяли в народе и армии именно

Фихте. Неужели НАМ предпочесть Бокля, Спенсера, Маркса или Каткова?» (Флоровский Г.В. Письмо П.Б. Струве об евразийстве // Русская мысль. 1922. Вып. 1–2. С. 267–274).

11 Перепечатанный вариант хранится в бумагах Савицкого (ГАРФ. Ф. Р-5783. Оп. 1. Д. 323); автограф стихотворения хранится в архиве Сувчинского (BNF. DdM. Collection Pierre Souvitchinsky. Не описано).

12 См., например, выше цитату из письма Н.С. Трубецкого Р.О. Якобсону, в котором он упоминает межэтническую резню на Кавказе.

13 На это значение евразийства указывал уже Н. Рязановский (см.: *Riasanovsky N.V. The Emergence of Eurasianism* // *California Slavic Studies*. Vol. 4 (1967). P. 39–72).

14 Циркулярное письмо П.С. Арапова членам Совета Евразийства, 7 сентября 1925 г. // ГАРФ. Ф. Р-5783. Оп. 2. Д. 410. Л. 45–46.

15 См.: *Трубецкой Н.С. Европа и человечество*. София: Русско-Болгарское книгоиздательство, 1920.

16 *N.S. Trubetzkoy's Letters and Notes*. The Hague; Paris: Mouton, 1975. P. 14.

17 См.: *Сергио П. Структура и целостность: об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе, 1920–1930-е гг.* М.: Языки славянской культуры, 2001.

18 *Савицкий П.Н. Европа и Евразия*. (По поводу брошюры кн. Н.С. Трубецкого «Европа и человечество») // Русская мысль. 1921. Кн. 1–2. С. 119–138.

19 См. об этой работе П.Н. Савицкого: *Bassin M. Russia Between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space* // *Slavic Review*. Vol. 50 (1991). № 1. P. 1–17.

20 См.: *Вернадский Г.В. Два подвига св. Александра Невского* // *Евразийский временник*. Берлин, 1925. Кн. IV. С. 318–337; *Он же. Начертание русской истории*. С приложением «Геополитических заметок по русской истории» П.Н. Савицкого. Прага, 1927. Критику Вернадского и евразийских концепций российской истории в целом см.: *Halperin Ch.J. George Vernadsky, Eurasianism, the Mongols, and Russia* // *Slavic Review*. Vol. 41 (1983). P. 477–483; *Idem. Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism* // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Bd. 36 (1985). S. 55–194. О реакции на евразийскую концепцию истории в эмиграции см.: *Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн»*. М.: Ин-т российской истории РАН, 1997; *Антощенко А.В. Предисловие к публикации [В поисках неевропоцентричного взгляда на прошлое: Отклики эмигрантских историков на евразийскую историю России Г.В. Вернадского]* // *Ab Imperio*. 2002. № 1. С. 373–386.

21 См. публикуемое в настоящем томе письмо Трубецкого Сувчинскому от 4 июня 1928 г. (№ 134).

22 П. Н. Савицкий — Ю. А. Артамонову, конец 1924 г. // ГАРФ. Ф. Р-5783. Д. 333. Л. 45–49.

23 П. С. Арапов — П. П. Сувчинскому // BNF. DdM. Collection Pierre Souvtchinsky. Не описано.

24 Herf J. Reactionary Modernism: Technology, Culture, and Politics in Weimar and the Third Reich. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1984; Mosse G.L. The Crisis of German Ideology: Intellectual Origins of the Third Reich. N.Y., 1981. Сравнение евразийства с консервативной революцией см.: Luks L. Die Ideologie der Eurasier im zeitgeschichtlichen Zusammenhang // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 34 (1986). S. 374–395.

25 О сменовеховстве см.: Hardeman H. Coming to Terms with the Soviet Regime: The "Changing Signposts" Movement among Russian Emigrés in the Early 1920s. DeKalb, Ill.: Northern Illinois Univ. Press, 1994; Азурский М. Идеология национал-большевизма. Париж: YMCA-press, 1980.

26 Сувчинский П. П. Вечный устой // На путях: Утверждение евразийцев. Берлин: Геликон, 1992. Кн. 2. С. 99–133. См. также публикуемое в настоящем томе письмо Трубецкого к Сувчинскому от 9 августа 1922 г. (№ 5).

27 См.: Riasanovsky N.V. Op. cit.; Nivat G. Du "Panmongolisme" au "mouvement eurasien": Histoire d'une thème littéraire // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. VII (1966). № 3. P. 460–478.

28 См., например, теоретическую статью: Adamson W. Modernism and Fascism: The Politics of Culture in Italy, 1903–1922 // American Historical Review. Vol. 95 (1990). № 2. P. 359–390. См. также: Stites R. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1991.

29 Сувчинский. П. П. Указ. соч.

5. Границы империи и границы модерна. Антиколониальная риторика и теория культурных типов

1 См.: Riasanovsky N.V. Prince N.S. Trubetskoi's "Europe and Man-kind" // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 12 (1964). H. 2. S. 207–220; *Idem*. The Emergence of Eurasianism // California Slavic Studies. Vol. 4 (1967). P. 39–72; *Idem*. Asia Through Russian Eyes // Russia and Asia: Essays on Russian Influence Upon Asian Peoples / Ed. by W.S. Vuchinich. Stanford: Hoover Institution Press, 1972. P. 3–29. Взгляд на работы Н. С. Трубецкого с точки

зрения постколониальных исследований изложен в работе: *Chioni Moore D. Colonialism, Eurasianism, Orientalism: N.S. Trubetzkoy's Russian Vision: [Review article on "The Legacy of Genghiz Khan and Other Essays on Russia's Identity" by N.S. Trubetzkoy (1925) / Ed. by A. Liberman. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1991] // Slavic and East European Journal. Vol. 41 (1997). № 2. P. 321–326.*

2 Разумеется, существует огромное количество текстов, в том числе близких к классическим, в которых идентичность России связывается с азиатской составляющей. Об этом писали многие, начиная по меньшей мере с Н.М. Карамзина. Однако никогда идентификация с неевропейскими народами не была столь однозначной и полной.

3 *N.S. Trubetzkoy's Letters and Notes. The Hague; Paris: Mouton, 1975. P. 12–15.*

4 См.: П.Н. Савицкий — родным // ГАРФ. Ф. Р-5783. Оп. 1. Д. 328. Любопытно, что Савинков, как и евразийцы, отдавал себе отчет в той роли, которую сыграли «окраинные» национализмы в русской революции. Однако, в отличие от евразийцев, Б.В. Савинков предполагал возможность отделения окраин от России, тогда как основной пафос евразийства состоял в защите целостности имперского пространства.

5 *Савинков Б. Почему я признал советскую власть // Борис Савинков на Лубянке: Документы. М.: РОССПЭН, 2001. С. 105–106.*

6 *Трубецкой Н.С. Русская проблема // На путях: Утверждение евразийцев. Берлин: Геликон, 1992. Кн. 2. С. 294–303.*

7 *Он же. Предисловие // Уэллс Г. Россия во мгле. София: Русско-Болгарское книгоиздательство, 1920. С. 3–16.*

8 Можно отметить, что делегация на мирную конференцию была сформирована на совещании послов в Париже в декабре 1918 г. или что председатель Русского национального комитета в Париже А.В. Карташев (близкий по взглядам к евразийцам историк церкви и политик) писал в 1919 г. президенту Франции Р. Пуанкаре, что любые решения, касающиеся изменения территориального статуса Бессарабии и принятые без учета мнения «исторической России», не будут признаны ее будущим правительством.

9 См., в частности, цитировавшиеся выше работы Н.В. Рязановского, а также: *Bassin M. Russia Between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space // Slavic Review. Vol. 50 (1991). № 1. P. 1–17. Рязановский назвал книгу Н.С. Трубецкого «выдающимся русским вкладом в дебату о колониальной проблеме» (см.: *Riasanovsky N.V. Op. cit. P. 212).**

10 См., в частности: *Серпио П. Структура и целостность: об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе, 1920–1930-е гг. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 98–102.*

11 См., например, работы Б.Э. Нольде: *Nolde B. La formation de l'empire russe: Etudes, notes et documents*. Paris: Institut d'études slaves, 1952–1953. Vol. 1–2; а также архивную публикацию: Семенов Ю.Ф. Окраинный вопрос // *Ab Imperio*. 2000. № 3–4. С. 209–221.

12 Об этом поколенческом конфликте см., в частности: Голлербах Е.А. Духовные отцы и ужасные дети: Политико-идеологическое творчество московской религиозно-философской группы «Путь» (1910–1919) и евразийство // Записки русской академической группы в США. Vol. XXIX (1998). С. 107–140.

13 Трубецкой Н.С. Европа и человечество. София: Русско-Болгарское книгоиздательство, 1920. Трубецкой утверждал, что вынашивал идеи, изложенные в этой книге, в течение десятилетия и не публиковал их, поскольку не считал, что они будут поняты и оценены. В 1921 г. он писал Р. Якобсону, что видит довольно признаков того, что в мыслях интеллигенции появилось что-то новое. См.: N.S. Trubetzkoy's Letters and Notes... P. 12–15.

14 Ibid. P. 12.

15 См.: Бердяев Н.А., Бушпан Я.М., Степун Ф.А., Франк С.Л. Освальд Шпенглер и Закат Европы. М.: Берег, 1922. Степун упоминает о том, что в Москве книжка Н.С. Трубецкого была известна. См.: Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. СПб.: Алетейя, 2000. С. 512–515.

16 N.S. Trubetzkoy's Letters and Notes... P. 16.

17 Трубецкой Н.С. Вавилонская башня и смешение языков // Евразийский временник. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1923. Кн. III. С. 107–124.

18 Трубецкой Н.С. Европа и человечество. У Трубецкого отчетливо звучит неприятие «малых национализмов» Восточной и Центральной Европы, которые он мог наблюдать непосредственно и которые считал нелепым заимствованием европейских форм.

19 Said E. *Orientalism: Western Conceptions Of the Orient*. N.Y.: Pantheon Books, 1978; см. также форум: *Orientalism: 20 years on* // *American Historical Review*. Vol. 105 (2000). № 4. P. 1204–1249. Русский перевод книги Эдварда Саида: Саид Э. *Ориентализм: Западные концепции Востока* / Пер. с англ. и коммент. А.В. Говорунова с послесл. К.А. Крылова. СПб.: Русский мир, 2006. О причудливости этого перевода и особенностях интеллектуального восприятия идей Э. Саида в России см.: Бобровников В. Почему мы маргиналы? Заметки на полях русского перевода «Ориентализма» Эдварда Саида // *Ab Imperio*. 2008. № 2. С. 325–344.

20 См.: Wolff L. *Inventing Eastern Europe: the Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Stanford, Ca.: Stanford Univ. Press, 1994 (русский перевод: Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. И. Федюкина. М.: Новое ли-

тературное обозрение, 2003); *Todorova M.* Imagining the Balkans. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1997; *Bakic-Hayden M., Hayden R.* Orientalist Variations on the Theme "Balkans" in Symbolic Geography in Recent Yugoslav Cultural Politics // *Slavic Review*. Vol. 51 (1992). № 1. P. 1–15.

21 Трубецкой Н.С. Указ. соч. Цит. по: Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 81–82.

22 В последнее время в связи с интересом к исследованиям проблем национальной идентичности появились новые работы о российских этнографах: *Knight N.* Science, Empire and Nationality: Ethnography in the Russian Geographical Society, 1845–1855 // *Imperial Russia: New Histories for the Empire* / Ed. by J. Burbank, D. Ransel. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1998; *Idem.* V.V. Grigor'ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in Service of Empire? // *Slavic Review*. Vol. 59 (2000). № 1. P. 74–100; тем не менее эти работы не касаются указанной проблемы в последние десятилетия существования империи. Немаловажен и тот факт, что в российской лингвистике «евразийская» составляющая присутствовала начиная с последней трети XIX в. См.: *Гаспаров Б.* Евразийские корни фонологической теории: Бодуэн де Куртене в Казани // Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов / Под ред. Б. Гаспарова, Е. Евтухова, А. Осповата, М. фон Хагена. М.: ОГИ, 1997. С. 302–324. Отметим, что Трубецкой был наследником этой традиции и в научном плане, став основателем структурной фонологии.

23 *Nivat G.* Du "Panmongolisme" au "mouvement eurasien": Histoire d'une thème littéraire // *Cahiers du monde russe et soviétique*. Vol. VII (1966). № 3. P. 460–478.

24 *Schimmelpenninck van der Oye D.* Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan. DeKalb, Ill.: Northern Illinois University Press, 2001.

25 См., например: *Layton S.* Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1994 (Cambridge Studies in Russian Literature).

26 *Becker S.* The Muslim East in Nineteenth-Century Russian Popular Historiography // *Central Asian Survey*. Vol. 5 (1986). № 3/4. P. 25–47; *Idem.* Russia Between East and West: The Intelligentsia, Russian National Identity and the Asian Borderlands // *Central Asian Survey*. Vol. 10 (1991). № 4. P. 47–64.

27 *Khalid A.* Russian History and the Debate over Orientalism // *Kritika*. Vol. 1 (2000). № 4. P. 691–699; *Knight N.* On Russian Orientalism: A Response to Adeeb Khalid // *Ibid.* P. 701–715.

28 См. форум, посвященный ориентализму в контексте российской истории: *Ab Imperio*. 2002. № 1. С. 239–367.

29 Можно, впрочем, отметить и определенное совпадение: оба подхода основаны на романтизации Востока и нормативном «оксидентал-

лизме»: в обоих подходах Запад (у Саида) и Европа (у Трубецкого) выступают как единое, нераздельное целое.

30 Впрочем, делегитимация колониальных империй влечет за собой неоромантическую легитимацию национальных движений.

31 Савицкий вспоминал о своем сотрудничестве в дореволюционной «Русской мысли» и о своих идеях об украинской «перво-нации» (см.: П.Н. Савицкий — Н.Е. Андрееву, б.д. // BAR. Vernadsky Papers. Folder Savitsky, 1958).

32 Савицкий П.Н. Европа и Евразия. (По поводу брошюры кн. Н.С. Трубецкого «Европа и человечество») // Русская мысль. 1921. Кн. 1–2. С. 134.

33 Там же. С. 135.

34 Там же.

35 В частности, речь идет о работе: Нольде Б.Э. Очерки русского государственного права. СПб., 1911. Автор выражает признательность А. Семенову за указание на этот источник.

36 Hay D. Europe: The Emergence of an Idea. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 1968; The Idea of Europe: from Antiquity to the European Union / Ed. by A. Pagden. Washington, D.C.; Cambridge, N.Y.: Woodrow Wilson Center Press; Cambridge University Press, 2002.

37 О возникновении образа Европы в раннее Новое время см.: Wintle M. Renaissance Maps and the Construction of the Idea of Europe // Journal of Historical Geography. Vol. 25 (1999). № 2. P. 137–166.

• 38 См.: Wolff L. Op. cit.

39 Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи / Пер. с англ. В. Софронова-Антони. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 306–307.

40 Разумеется, речь здесь идет не только о начальной стадии славянофильства, но и о панславизме. Ранние «классические» славянофилы, несмотря на контакты со славянскими движениями Центральной Европы, были в гораздо большей степени заинтересованы именно в русском варианте славянства. Тем не менее В.И. Ламанский, сторонник панславистского подхода, сотрудничал в Славянском комитете, учрежденном в 1858 г. при участии К.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина.

41 Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1871. Данилевский был также критиком дарвинистской концепции (см.: Данилевский Н.Я. Дарвинизм. М., 1885).

42 Ламанский В.И. Три мира европейско-азиатского материка. СПб., 1892. Савицкий неявно ссылается на эту работу в первом своем публичном евразийском выступлении (Савицкий П.Н. Указ. соч. С. 130–132).

43 Bassin M. Op. cit. P. 1–17. Особ. см. с. 5.

44 См., например, статьи В. Шмидта в журнале *Anthropos*, который объединил сторонников теории «культурных кругов»: Schmidt W. Die Moderne Ethnologie // *Anthropos*. Bd. 1 (1906). S. 134–163; *Idem*. Die Kulturhis-

torische Methode in der Ethnologie // *Anthropos*. Bd. 6 (1911). S. 1010–1036. См. также: *Schmidt W., Koppers W.* Völker und Kulturen: Gesellschaft und Wirtschaft der Völker. Regensburg: J. Habel Verlag, 1924.

45 Безусловно, работы Ф. Ратцеля оказали влияние и на формирование географической концепции евразийства. См. его главный труд: *Ratzel Fr.* *Anthropo-Geographie oder Grundzuge der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte*: Stuttgart: Engelhorn, 1882–1891. Bd. 1–2.

46 См., например: *Ankerman B.* Kulturkreise und Kulturschichten in Afrika // *Zeitschrift für Ethnologie*. Bd. 37 (1905). S. 54–84; *Graebner Fr.* Kulturkreise und Kulturschichten in Ozeanien // *Ibid.* S. 28–53.

47 *Frobenius L.* *Paideuma: Umrisse einer Kultur- und Seelenlehre*. München: C.H. Beck, 1921.

48 *Murphy D.T.* *The Heroic Earth: Geopolitical Thought in Weimar Germany, 1918–1933*. Kent, Oh.: Kent State University Press, 1997.

49 *Heine-Geldern R.* One Hundred Years of Ethnological Theory in the German-Speaking World: Some Milestones // *Current Anthropology*. Vol. 5 (1964). № 5. P. 407–410.

50 *Cocks P.* The King and I: Bronislaw Malinowski, King Sobhuza II of Swaziland and the Vision of Culture Change in Africa // *History of the Human Sciences*. Vol. 13 (2000). № 4. P. 25–47.

51 По мнению Эрнеста Геллнера, Б. Малиновский был человеком «габсбургской дилеммы», предполагавшей включенность в локальный контекст национальной культуры и одновременно — универсальность. См.: *Gellner E.* *Language and Solitude: Wittgenstein, Malinowski, and the Habsburg Dilemma*. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1998.

52 *Ageron Ch.-R.* L'idée d'Eurafrigue et le débat colonial franco-allemand de l'entre deux guerres // *Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine*. 1975. № 3. Juillet–Septembre. P. 446–475.

53 *Coudenhove-Kalergi R.N.* *Kommen die Vereinigten Staaten von Europa?* Genève; Glarus: Paneuropa-Verl., 1938.

54 Трубецкой нигде не цитирует Данилевского, следуя своей привычке кодировать тексты. Однако «романо-германцы» недвусмысленно указывают именно на этот источник мысли Трубецкого о культурно-исторических типах.

55 Безусловно, Трубецкой знал об идее «Евразии» как особого географического и этнографического мира, автором которой был, скорее всего, Савицкий. В переписке с Сувчинским Трубецкой утверждает, что именно из обсуждения его книги родилось евразийство. И хотя пафос книжки Трубецкого все еще не связан с имперским наследием России и отношением к нерусским народам империи, ее вполне можно интерпретировать как реакцию на предреволюционную «нормализацию», предполагавшую «колониализм».

56 См. публикуемое в настоящем томе письмо Трубецкого Сувчинскому от 7 апреля 1924 г. (№ 28).

57 Несмотря на то что трое из основателей евразийства — П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский и Г.В. Флоровский — были родом с Украины и до конца жизни сохранили интерес к украинскому языку, поэзии, фольклору, они были сторонниками «русского культурного мира» и российскими империалистами (в смысле защиты единства бывшей Российской империи). Этот взгляд также разделяли доктор Эржен Хара-Даван (1883–1942), калмык, написавший несколько работ в евразийском ключе, и Яков Бромберг (1898–1948), проповедовавший «восточническое еврейство». В книге Бромберга о евразийстве и русских евреях звучит неприятие современной западной культуры (прежде всего, эта культура виделась Бромбергу способом разрушения еврейской духовности, уже произошедшего, по его мнению, с евреями Западной Европы и США), в то время как Евразию он считал истинным Иерусалимом. Отметим, что Бромберг оставил евразийство, переехав в США, о чем и сообщил Савицкому.

58 Россия и латинство: Сб. ст. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1923.

59 См. публикуемое в настоящем томе письмо Трубецкого Сувчинскому от 9 августа 1922 г. (№ 5).

60 См. публикуемое в настоящем томе письмо Трубецкого Сувчинскому от 18 июля 1923 г. (№ 12). Вопрос о том, почему евразийцы, современные люди с европейским образованием, обращались именно к православию в его наиболее консервативной версии, достаточно сложен. По всей видимости, отрицая европейскую модерность с ее секулярной культурой, евразийцы обращались к православию не только как к единственному бесспорному с их точки зрения маркеру русскости, но и как к неевропейской традиции, не связанной с позитивизмом и сциентизмом.

61 См. публикуемое в настоящем томе письмо Арапова Сувчинскому от 7 июля 1923 г. (№ 10).

62 См., например: *Сергио П.* Указ. соч. С. 258.

6. Мысля империю «структурно»: евразийская наука в поисках единства

1 *Якобсон Р.О.* К характеристике евразийского языкового союза. Париж: Евразийское книгоиздательство, 1931. С. 3.

2 У М. Фуко, разумеется, речь идет о взаимодействии власти и языка, и социальная жизнь общества определяется реализацией власти в языковых практиках.

3 См.: Серио П. Структура и целостность: об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе, 1920–1930-е гг. М.: Языки славянской культуры, 2001.

4 *Levy-Strauss C. De près et de loin*. Paris: Odile Jacob, 1988. Особ. с. 62–64.

5 Якобсон Р.О. Указ. соч. С. 5.

6 Исключение составляет работа Патрика Серио (см.: Серио П. Указ. соч.), а также коллективная статья с его участием: *Nicolas G., Sériot P., Lavroukhin V., Vullioud V., Wenker L. La Russie-Eurasie d'après Savitsky* // *Cahiers de Géographie du Québec*. Vol. 42 (1998). № 115. Р. 67–91.

7 Трубецкой — Савицкому, 1935 г., б. д. // BAR. Vernadsky Papers. Box 8. Folder Savitsky, 1935. Статья, о которой идет речь: *Савицкий П.Н. «Подъем» и «депрессия» в древнерусской истории* // *Евразийская хроника*. Берлин, 1935. Вып. XI. С. 65–100.

8 Трубецкой — В.А. Сувчинской [жена П.П. Сувчинского, дочь октябриста А.И. Гучкова, впоследствии носила фамилию Трайл] // BNF. DdM. Collection Pierre Souvtchinsky. Не описано.

9 *Toman J. The Magic Of a Common Language: Jakobson, Mathesius, Trubetzkoy, And The Prague Linguistic Circle*. Cambridge, M.A.; London: MIT Press, 1995.

10 Савицкий — Г.В. Вернадскому, 9 декабря 1956 г. // BAR. George Vernadsky Papers. Box 8. Folder Mordovskaia ASSR, 1945–46 gg.

11 Цит. по: *Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык*. М.: Прогресс, 1995. С. 580–581.

12 См. публикуемое в настоящем томе письмо Трубецкого Сувчинскому от 5 марта 1926 г. (№ 69).

13 Понятие субстрата было выработано лингвистами для описания ситуации перемены населением языка, причем ранее использовавшийся язык, безусловно, оставлял свои следы во вновь обретенных говорах.

14 Якобсон Р.О. Указ. соч. С. 2–3.

15 Там же. С. 3–5.

16 Там же. С. 5.

17 Там же.

18 Наиболее важны следующие работы П.Н. Савицкого в области географии: *Савицкий П.Н. Континент-Океан (Россия и мировой рынок)* // *Исход к Востоку*. София, 1921. С. 104–125; *Он же. Россия — особый географический мир*. Прага: Евразийское книгоиздательство, 1927; *Он же. Географические особенности России*. Прага: Евразийское книгоиздательство, 1927. Ч. 1: Растительность и почва; *Он же. Геополитические заметки по русской истории* // *Вернадский Г.В. Начертание русской истории*. Прага: Евразийское книгоиздательство, 1927. Ч. 1. С. 234–260; *Он же. О задачах*

кочевниковедения: Почему скифы и гунны должны быть интересны для русского? // Толль Н.П. Скифы и гунны: Из истории кочевого мира. Прага: Евразийское книгоиздательство, 1928. С. 83–106.

19 См.: *Савицкий П.Н.* Европа и Евразия. (По поводу брошюры кн. Н.С. Трубецкого «Европа и человечество») // Русская мысль. 1921. Кн. 1–2. С. 119–138.

20 *Савицкий П.Н.* Географические особенности России... Ч. 1. С. 30. Неясно, были ли термины «географический индивидуум» и «географический ландшафт» заимствованы у Л.С. Берга, который использовал их в собственных работах. Как следует из публикуемых ниже писем, Савицкий следил за публикациями Берга и рекомендовал их Трубецкому.

21 Там же. С. 29–30.

22 Там же. С. 30.

23 Там же. С. 30–31.

24 О Докучаеве см.: Василий Васильевич Докучаев (1846–1903) / Сост. И.Г. Бебих. 2-е изд. М.: Наука, 1997; *Докучаев В.В.* Учение о зонах природы. М.: Географгиз, 1948.

25 Цит. по: *Савицкий П.Н.* Географические особенности России. Ч. 1. С. 28.

26 Там же. С. 21–28.

27 Там же. С. 9–20.

•

7. В поисках третьего пути: евразийская организация между фашизмом и коммунизмом

1 Краткий обзор оценок количества русских эмигрантов в Европе и их образовательного ценза см.: *Raeff M.* Russia Abroad: Cultural History Of Russian Emigration, 1919–1939. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1990.

2 *Tihanov G.* When Eurasianism Met Formalism: An Episode From the History of Russian Intellectual Life in the 1920s // *Die Welt der Slaven*. Vol. XLVIII (2003). № 2. P. 351–374.

3 В статье, посвященной десятилетию евразийского движения, Савицкий с гордостью объявлял о сотнях тысяч страниц евразийских текстов (см.: *Савицкий П.Н.* В борьбе за евразийство // Тридцатые годы. Париж: Евразийское книгоиздательство, 1931. С. 1–52).

4 Уэллс Г. Россия во мгле. София: Русско-Болгарское книгоиздательство, 1920; *Трубецкой Н.С.* Европа и человечество. София: Русско-Болгарское книгоиздательство, 1920.

5 N.S. Trubetzkoy's Letters and Notes. The Hague; Paris: Mouton, 1975. P. 16.

6 Савицкий — родным, 11 августа 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5783. Д. 326. Л. 46.

7 См. публикуемое в настоящем томе письмо Трубецкого Сувчинскому от 15 января 1925 г. (№ 36).

8 *Dinerstein E.A. "Feindbeobachtung": Russische Verlage in Berlin im Blick der Sowjetmacht // Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941: Leben im Europäischen Bürgerkrieg / Hrsg. von K. Schlögel. Berlin: Akademie-Verlag, 1995. S. 411–438.*

9 См. публикуемое в настоящем томе письмо Трубецкого Сувчинскому от 27 сентября 1922 г. (№ 6).

10 См. публикуемое в настоящем томе письмо Арапова Сувчинскому от 9 июля 1923 г. (№ 11).

11 Директором издательства Eurasia-Verlag стал П.П. Сувчинский.

12 См. публикуемое в настоящем томе письмо Трубецкого Сувчинскому от 17 января 1924 г. (№ 25).

13 Об английских связях евразийцев см.: *The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931; Smith G.S. D.S. Mirsky. A Russian-English Life, 1890–1939. N.Y.: Oxford Univ. Press, 2000; Казнина О. Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX в. М.: Наследие, 1997. С. 119–154.*

14 См. публикуемое в настоящем томе письмо Арапова Сувчинскому от 19 октября 1924 г. (№ 32).

15 *Smith G.S. Op. cit. P. 275.*

16 См. публикуемое в настоящем томе письмо Трубецкого Сувчинскому от октября 1923 г. (№ 18).

17 *Henry N. Spalding to P. Souvtchinsky, 12 April 1928 // BNF. DdM. 0091 (77).*

18 См.: Письма Г.Н. Сполдинга П.П. Сувчинскому: Из переписки евразийцев // *Ab Imperio*. 2003. № 2. С. 305–337. Под «неудачей» подразумевается раскрытие «Треста».

19 [*Spalding H.N.*] *Russia in Resurrection; a Summary of the Views and of the Aims of a New Party in Russia, by an English Europasian. London: G. Routledge & Sons, Ltd., 1928.* Авторство атрибутируется на основании письма: *H.N. Spalding to P. Suvchinsky, 10 February 1928 // BNF. DdM. 0091 (77).*

20 *Ibid.*

21 См. публикуемое в настоящем томе письмо Арапова Сувчинскому от 1 ноября 1924 г. (№ 33).

22 Обсуждение этой книги Г.В. Вернадского среди евразийцев см.: В поисках неевропоцентричного взгляда на прошлое: Отклики эмигрантских историков на евразийскую историю России Г.В. Вернадского // *Ab Imperio*. 2002. № 1. С. 369–412.

- 23 Савицкий — Арапову, 23–24 октября 1924 г. // ГАРФ. Ф. Р-5783. Д. 333. Л. 10–12.
- 24 Список членов евразийского клуба в Париже 1926 г. // BNF. DdM. Collection Pierre Souvtchinsky. Не описано.
- 25 См.: Докладная записка В.А. Стырне А.Х. Артузову // Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы / Под ред. А.Ф. Киселева. М., 1999. С. 251.
- 26 См. также: Флейшман Л. В тисках провокации: Операция «Трест» и русская зарубежная печать. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
- 27 ...И больше века длится жизнь (интервью А. Бондаренко с Борисом Ивановичем Гудзем) // Красная звезда. 2002. 16 августа.
- 28 Войцеховский С.Л. Трест: Воспоминания и документы. Лондон: Онтарио, 1974. С. 158–182.
- 29 Арапов — П.П. Сувчинскому, 15 ноября 1923 г. // BNF. DdM. Collection Pierre Souvtchinsky. Не описано.
- 30 Из докладной записки помощника начальника КРО ОГПУ В.А. Стырне начальнику КРО ОГПУ А.Х. Артузову о контрразведывательных операциях «Ярославец» и «Трест» // Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы. М., 1999. С. 251.
- 31 См. публикуемое в настоящем томе письмо Арапова Сувчинскому от 19 апреля 1924 г. (№ 17).
- 32 Робинсон М.А., Петровский А.П. Н.Н. Дурново и Н.С. Трубецкой: Проблема евразийства в контексте «дела славистов» (по материалам ОГПУ–НКВД) // Славяноведение. 1994. № 4. С. 68–82.
- 33 Войцеховский С.Л. Указ. соч. С. 29.
- 34 Протокол собрания Совета Пяти, 6 декабря 1924 г. // BNF. DdM. Collection Pierre Souvtchinsky. Не описано.
- 35 Арапов — Сувчинскому, март 1926 г. // Ibid. Не описано.
- 36 BAR. Vernadsky Papers. Folder Eurasianism.
- 37 Henry N. Spalding to P. Souvtchinsky, 22 November 1929 // BNF. DdM. 0091 (77).
- 38 К.А. Чхеидзе — Г.В. Вернадскому, б.д. // BAR. Vernadsky Papers, Folder Konstantin Aleksandrovich Chkheidze, 1925–1937.

II

ИЗ ПЕРЕПИСКИ

ЕВРАЗИЙЦЕВ,

1921–1928

Из писем Н.С. Трубецкого П.П. Сувчинскому

I 5 декабря 1921 года

Дорогой Петр Петрович!

Долго не писал Вам, потому что находился в мирмихлюндии¹; в мирмихлюндии нахожусь потому, что бросил курить; курить же бросил потому, что у меня был плеврит: сначала колит, потом плеврит, «за итогом итог», сказал бы Маяковский. — О втором выпуске сборника мы здесь все время помышляем². Сначала выяснились принципиальные расхождения в самом представлении о том, что должен представлять из себя второй сборник. Я находил, что нужна конкретизация и «переходы к очередным делам». Ливен³ считал, что нужно как можно больше богословия. В конце концов, и я и Флоровский⁴ стали отчаиваться вообще во втором сборнике: у меня было такое представление, что ни материала, ни ясного замысла для этого сборника у нас нет, а есть статья Карташева, из-за которой весь сыр-бор и загорелся⁵. Между тем, эта статья мне представлялась весьма спорной, особенно для помещения во *второй* сборник, как я его себе представлял. Если бы можно было записать ту лекцию, которую К[арташев] читал в Софии, это было бы совсем то, что нужно: ярко, конкретно, актуально и совершенно безупречно с точки зрения ортодоксального евразийства. Но «Исполнение Церкви» совсем не то: как ни переделывать, чувствуется, что написано давно, в применении к «моменту» — расплывчато и не связано с нами ясным и наглядным способом. — На все на это приехал Савицкий, полный энергии и задора. Он нас расшевелил. Постепенно стало выясняться,

что наш (мой и Флоровского) пессимизм по отношению к сборнику объяснялся главным образом состоянием нашего здоровья (у обоих колит), тогда как Савицкий с прекрасно действующим желудком находил, что материала для этого сборника вполне достаточно, что материал хорош и однороден. Он проявил столько темперамента здорового человека в доказательство своего оптимизма, что мы в конце концов сдались. Теперь по составу сборник представляется в следующем виде: длинная статья Флоровского, критикующая неправильные взгляды на революцию и на будущее России Струве⁶, Устрялова⁷ и скифов и устанавливающая свой взгляд на этот предмет (написано хорошо, есть длинноты, будут сокращены)⁸; — известная Вам моя статья (по настоянию Савицкого, почти все, что касается эмигрантов, будет вычеркнуто); — статья Карташева, сильно урезанная, с предисловием Флоровского; — статья Бицилли⁹, довольно интересная, изображающая историю всего старого света как борьбу двух географических элементов — береговых областей (Греция, Рим, Аравия, Персия, Индия, Китай), стремящихся к обособлению, и областей центральных (монголы, потом Россия), стремящихся к объединению и к установлению «великих путей» через весь континент¹⁰; — вдохновленная этой исторической схемой статья Савицкого «Степь и оседлость», короткая и в общем мало определенная по своим выводам (колонизация степей как экономическая миссия России)¹¹; — другая маленькая статья Савицкого «Малые решения» о том, что большевизм есть вера, религия, которая может быть преодолена только другой, противопоставленной верой и религией¹²; — Ваша статья (безымянная), в которой, между прочим, по общему мнению надо либо совсем похерить, либо значительно изменить и сократить среднюю часть (об искусстве), дословно повторяющую многое из «Эпохи веры»¹³. Вот что имеется в портфеле. Предполагается же еще по одной статье от Флоровского, Савицкого и от меня (я хочу писать о том, что, призывая к религии и вместе с тем к Востоку, мы вовсе не зовем к «религиям Востока», как это думают некоторые, ибо «мистика Востока» есть прелесть сатанинская, истинная вера только православная, подражать же Востоку нужно лишь в его отношении к религии, а не самой его религии — буддизму, исламу и т.п.)¹⁴. Все сходятся на том, что Ваша статья о Блоке непременно должна войти в сбор-

ник¹⁵. Но в то же время, я Вам уже говорил (и, кажется, даже не только я один), что после вставки, которую Вы написали в связи с посмертной статьей Блока о гуманизме, Ваша статья получила совершенно иной смысл и вес, между тем как вся остальная ее часть так и осталась без изменения, так что в результате внутреннее равновесие и сцепление исчезли. Статью, по-моему, необходимо в корне переработать, сделать «вставку» центром тяжести, а сравнительную характеристику Блока и Пушкина сократить так, чтобы эта «вторая тема» не интерферировала с «первой» (с темой вставки). Мне кажется, что это особенно важно ввиду помещения статьи во втором сборнике. Ведь раз это будет все-таки какой-то «программный» сборник (как первый), а не литературный альманах, то статья с литературным анализом в нем может показаться неуместной. Если же этот литературный анализ окажется в подчиненном положении, то статья будет вполне гармонировать с общим фоном сборника. Я считаю статью о Блоке, переработанную в таком духе, совершенно необходимой для второго сборника. ~~В ней будет~~ Она как раз произведет то отмежевание от родственного нам, но не тождественного с нами направления Блока, то отмежевание, которое необходимо произвести, чтобы не вводить в соблазн и не порождать недоразумений. Что касается до Вашей статьи о Лескове и Чехове¹⁶, то не скрою от Вас, что о ней было много споров и что я был против ее помещения в сборник, т.к., по-моему, она вообще имеет слишком отдаленное отношение к евразийству и скорее подошла бы к альманаху.

Теперь меня уговорили, но я все-таки должен сказать, что идея альманаха (которая была у нас в самом начале, помните? Еще до начала издания «Русской мысли»¹⁷) в общем гораздо более к нам подходит, чем идея программных сборников. Я считаю, что на первом сборнике можно было бы успокоиться, а дальше перейти к альманаху, в котором, наряду с программными статьями, можно было бы печатать и статьи только нашего направления (но не программные) и даже симпатичную нам по духу изящную литературу — прозу и стихи.

Раз уж теперь все признали желательным именно второй сборник, то я умолкаю, но потом, когда он будет издан, я опять подниму вопрос об альманахе или о журнале, ибо, по-моему, именно это сейчас и нужно.

По финансовой части дело обстоит так: Для того, чтобы соблюсти корректность по отношению к издательству, Савицкий предложил Мол[л]ову¹⁸ следующую комбинацию: мы продаем издательству второй сборник с тем, чтобы а) печатался он в Придворной типографии хорошим шрифтом и на хорошей бумаге и б) чтобы деньги — на стол сейчас же (7 000 лев.). Мол[л]ов отказался. Теперь Савицкий будет зондировать почву в Праге, а Вы зондируйте в Берлине.

Особых происшествий в Софии мало. Все нас покидают. Савицкий уже уехал в Прагу, Флоровский уезжает послезавтра¹⁹. Чествование Достоевского у нас прошло, откровенно говоря, скандально. Речь Флоровского была интересна, но утомительна и не рассчитана на публику, а после речи стали петь песни разные запорожцы и воронцы; тут были и «Спите, орлы боевые», и ария Мазепы, и даже дуэт «Ванька Таньку полюбил»... Соколов с Гриммом²⁰ и с «Вестингаузом»²¹ издают газету, в которой Евразайцев²² пишет литературные фельетоны, Шавельский²³ рассуждает о церковности, а Дзуутробкина²⁴ будет писать о финансах. Евразайцев волнуется, хочет ехать в Прагу, но боится, что не удастся²⁵. Большой скандал был в церкви по поводу тезоименитства Марии Федоровны²⁶. Правые заказали молебствие Шавельскому, Петрачев²⁷ просил его не служить, в последнюю минуту стал служить один Рождественский²⁸, скороговоркой и без многолетия, после чего страсти настолько разбушевались, что Богаевского²⁹ насилу выволокли на паперть... Сегодня грустная новость — похоронили проф. Медведкова³⁰, который умер внезапно не то от удара, не то от отравления. Кажется, Вы знали его. Очень хороший был человек.

Скучно здесь жить. Непременно уедем отсюда. Когда читаете Ваши письма, прямо зависть берет. Там у Вас жизнь³¹. А здесь болото. Если здесь долго прожить, то заболеешь и опрощаешься сам. Я это уже чувствую. Особенно же «лидерствовать» отсюда трудно. Что касается до Ваших сомнений относительно Вашей тактики, то мне кажется, что избранная Вами линия поведения самая правильная. Никаких соглашений, объединений и пр. быть не может. Если найдется человек совсем к нам подходящий — милости просим. И то с разбором, напр. жиды — нельзя, старых греховодников, изблудившихся и исписавшихся, но жаждущих обновления — тоже не очень-то. Между прочим, не относится ли А. Бе-

лый именно к этой категории? Ремизова я совершенно не знаю и смутно представляю себе его прежний литературный облик³². Если он действительно наш (вполне наш, вплоть до православия), то нельзя ли от него получить что-нибудь если не для сборника, то будущего журнала или альманаха? С эсерами, особенно из жидов, будьте как можно осторожнее. Отталкивать их и обижать, конечно, нельзя (к сожалению), ибо они могут пригодиться. Но не дай Бог не только связаться с ними, но хотя бы близко подпустить, ибо они народ цепкий, пристанут — не отвяжешься. Думаю, что с ними тактика всего труднее, ибо здесь надо развивать максимум дипломатии и такта. С большевиками или с нововеховцами³³ куда проще!

Что мы имеем успех в литературно-публицистических кругах — это очень приятно, но в общем, этого и следовало ожидать. А как нас расценивают в кругах деловых? Наклевывается ли издатель? Во втором своем письме вы ничего не пишете об этом. Видели ли вы Гессена³⁴? После того, что вы пишете о Ляцком³⁵, я бы предпочел издаваться *не* в Праге, где это может быть использовано эсерами, а в Берлине у кадета-жида Гессена, которого никто в евразийстве, конечно, не заподозрит. Впрочем, если найдется другой нейтральный издатель, то можно и его. Во всяком случае *cherchez l'éditeur!*³⁶

Крепко обнимаю Вас. Все Вас приветствуют. Как здоровье Марии Алексеевны³⁷? Целую ручки Анне Дмитриевне и Анне Ивановне³⁸.

Ваш, кн. Н. Трубецкой.

1 Искаженное написание — очевидно, воспринятое со слуха, — слова «мерлехлюндия», которое ввел в русский язык А.П. Чехов в пьесе «Три сестры» в качестве гибрида «хандры» и «меланхолии».

2 Речь идет о подготовке второго сборника евразийцев «На путях». Сборник вышел в издательстве «Геликон» в Берлине в 1922 г. Ко времени написания письма П.П. Сувчинский переехал в Берлин, тогда как Н.С. Трубецкой еще оставался в Софии.

3 Андрей Александрович Ливен (1884–1949; с 1924 г. — протоиерей Андрей Ливен), князь; сын председателя Государственного банка, один из создателей Русско-Болгарского книгоиздательства в Софии, активный участник евразийских бесед. Роль Ливена в зарождении евразийства не отмечалась исследователями, поскольку он не опубликовал ни од-

ной евразийской работы. О Ливене см.: *Ллойд [Ливен] Е.А.* Предисловие // Ливен А. Лирика. М.: Радикс, 1997. С. 5–8.

4 Георгий Васильевич Флоровский — один из основателей евразийства, с 1923 г. не принимал участия в движении.

5 Антон Владимирович Карташев (1875–1960) — историк церкви, активный участник религиозно-православного общества, министр вероисповеданий Временного правительства. В эмиграции с 1919 г., профессор Свято-Сергиевского богословского института в Париже, участник съездов «Зарубежной России», председатель Русского национального комитета в Париже. Упомянутая Н.С. Трубецким статья: *Карташев А.В.* Реформа, реформация и исполнение Церкви / Пред. П.Н. Савицкого // На путях: Утверждение евразийцев. Берлин: Геликон, 1922. Кн. 2. С. 27–98. Статья была переработана из доклада Карташева 1918 г. Идея привлечь Карташева к своему движению сразу пришла в голову евразийцам. Так, А.А. Ливен спрашивал П.Н. Савицкого, находившегося в Константинополе, о том, где находится Карташев. В ответном письме Савицкий сообщил Ливену адрес Карташева в Финляндии и во Франции (см.: П.Н. Савицкий — А.А. Ливену, 19 ноября 1920 г. // ГАРФ. Ф. Р-5783. Оп. 1. Д. 325. Л. 3).

6 Петр Бернгардович Струве (1870–1944) — экономист, публицист, философ, проповедник либерального национализма, один из ведущих авторов «веховства»; учитель П.Н. Савицкого. Вокруг основанного им журнала «Русская мысль», текущее редактирование которой в Софии в 1921 г. осуществлял Савицкий, и Русско-Болгарского книгоиздательства, в котором печатался журнал, и создавалась евразийская группа. Сам Струве к евразийству относился резко отрицательно, из-за чего практически порвал отношения с П.Н. Савицким. В эмиграции Струве пытался объединить враждующие группировки на надпартийной основе и создать широкий антибольшевистский фронт. Участвовал в работе Русского Национального Комитета в Париже, был в 1926 г. председателем Зарубежного съезда, все более склоняясь к монархическим позициям.

7 Николай Васильевич Устрялов (1890–1937) — историк, член кадетской партии; в эмиграции на Дальнем Востоке. Стал одним из ведущих сменовеховцев, склонял интеллигенцию к поддержке большевиков, воссоздавших сильное Российское государство; стал теоретиком «национал-большевизма». Вернулся в СССР и был репрессирован.

8 Имеется в виду статья: *Флоровский Г.В.* О патриотизме праведном и греховном // На путях. Кн. 2. С. 230–293. Флоровский также критиковал П.Б. Струве за его отрицательное отношение к евразийству в своем открытом письме к Струве, опубликованном в журнале «Русская мысль» (Вып. 1–2. С. 267–274). В этом письме прозвучала редкая для евразийцев критика рациональности, утверждение невозможности критически осмысливать действительность, основываясь на позитивном мировоззре-

нии, а евразийство объявлялось неким братством по духу, «лигой русской культуры».

9 Петр Михайлович Бицилли (1879–1953) — приват-доцент и профессор Новороссийского университета в Одессе. В эмиграции (с 1920 г.) преподавал в университетах в Скопье и Софии; печатался в ранних изданиях евразийцев, а также в журналах «Современные записки» и «Новый град».

10 Бицилли П.М. «Восток» и «Запад» в истории Старого Света // На путях. Кн. 2. С. 317–340.

11 Савицкий П.Н. Степь и оседлость // Там же. С. 341–356.

12 Савицкий П.Н. Два мира // Там же. С. 9–26.

13 Сувчинский П.П. Вечный устой // Там же. С. 99–133.

14 Трубецкой Н.С. Религии Индии и христианство // Там же. С. 177–229. Статья основана на курсе по истории религий Индии, который Трубецкой читал в Софийском университете.

15 Сувчинский П.П. Типы творчества: Памяти А. Блока // Там же. С. 147–176.

16 Сувчинский П.П. «Знамение былого»: О Лескове // Там же. С. 134–146.

17 Воссозданный П.Б. Струве в эмиграции журнал «Русская мысль» начал издаваться Русско-Болгарским книгоиздательством в Софии в 1921 г.

18 Русчу (Гавриил) Георгиевич Моллов (1867–1925), болгарин по происхождению, землевладелец Полтавской губернии; с 1889 г. служил в ведомстве Министерства юстиции; в 1911 г. назначен прокурором Одесской судебной палаты, в 1915 г. — директором Департамента полиции; в 1916 г. — член главного по фабричным и горнозаводским делам присутствия. В эмиграции находился в Софии, где был председателем правления Русско-Болгарского книгоиздательства.

19 П.Н. Савицкий отправился в Прагу в связи с приглашением на работу в Русский Народный Университет. Вслед за Савицким туда отправился Г.В. Флоровский.

20 Эрвин (Александр) Давидович Гримм (1870–1940) — бывший ректор Петербургского университета; находясь в эмиграции в Болгарии, преподавал европейскую историю. Был издателем, участвовал в сменовеховском движении; вернулся в Россию, был репрессирован. Константин Николаевич Соколов (1882–1927) — юрист, приват-доцент Петербургского университета и Института высших коммерческих знаний; кадет, член Петроградского отдела Всероссийского союза городов, журналист (псевдоним — К. Дверницкий). В годы Гражданской войны был министром правосудия правительства Юга России, в эмиграции — профессор права в Болгарии.

21 Вероятно, речь идет о Чарльзе Крейне (1858–1939), открывшем в России до революции отделение компании Westinghouse Electric и сыг-

равшем важную роль в финансировании лидеров демократической оппозиции. После 1917 г. Крейн также помогал эмигрантам.

22 «Евразийцев» — речь идет, скорее всего, о Кирилле Иосифовиче Зайцеве (1887–1975), сотруднике П.Б. Струве, который во многом разделял взгляды евразийцев, но так к ним не присоединился. Характерна статья Зайцева «Буржуазная Европа и Советская Россия» (Русская мысль. 1921. Кн. 5–7. С. 116–130), в которой автор выражает близкие евразийцам взгляды, например, утверждая, что в большевистской России зарождается новый слой людей, и именно поэтому большевизм обречен на перерождение. Впоследствии Зайцев принял сан священника.

23 Георгий Иванович Шавельский (1871–1951) — протопресвитер Российской армии и флота (1911–1917). После революции 1917 г. Шавельский эмигрировал в Болгарию, где стал профессором богословия Софийского университета, законоучителем и директором русской гимназии.

24 Лицо установить не удалось.

25 В связи с начавшейся акцией чехословацкого правительства по поддержке российских ученых в эмиграции были объявлены стипендии для продолжения образования и научной работы в Чехословакии.

П.Н. Савицкий, не зная о приглашении преподавать в Русском Народном Университете, обратился за стипендией, попросив поддержки у П.Б. Струве, который, в свою очередь, рекомендовал для стипендии своего ученика и сотрудника по «Русской мысли» К.И. Зайцева и препятствовал получению стипендии Савицким.

26 Вдовствующая императрица Мария Федоровна (1847–1928), с 1919 г. находилась в эмиграции в Дании.

27 Лицо установить не удалось.

28 Александр Петрович Рождественский (1854–1930) — протоиерей, доктор теологии, преподавал в Софийской духовной академии.

29 Петр Михайлович Богаевский (1866–1929) — этнограф, юрист; профессор государственного права Томского университета, один из создателей Свободного университета в Софии, преподавал международное право.

30 Лицо не установлено.

31 Сувчинский переехал на жительство в Берлин в начале 1922 г.

32 Алексей Ремизов был одним из любимых писателей Сувчинского. «Образы допетровской Руси», вдохновлявшие Ремизова, Сувчинский считал близкими евразийству по духу.

33 Сменовеховцы — приверженцы течения «Смена вех», которое призывало интеллигенцию покаяться и начать сотрудничество с большевиками, восстанавливающими государственную мощь России. Видными

представителями сменовеховства были Н.В. Устрялов и Ю.В. Ключников. О сменовеховстве см.: *Hardemann H. Coming to Terms with the Soviet Regime: the "Changing Signposts" Movement among Russian Emigres in the early 1920s. DeKalb, Ill.: Northern Illinois University Press, 1994; Квакин А.В. Между белыми и красными: Русская интеллигенция 1920–1930-х годов в поисках третьего пути. М.: Центрполиграф, 2006.*

34 Иосиф Владимирович Гессен (1865–1943) — известный юрист, общественный деятель, участник кадетской партии; в эмиграции в Германии основал газету «Руть», редактировал «Архив русской революции».

35 Евгений Александрович Ляцкий (1862–1944) — известный литературовед и писатель, в эмиграции проживал в Праге.

36 Ищите издателя! (фр.)

37 Лицо не установлено.

38 Анна Дмитриевна Попова — вторая жена П.П. Сувчинского (в 1920–1925 гг.). Анна Ивановна Сувчинская — мать П.П. Сувчинского.

2 26 февраля 1922 года

Дорогой Петр Петрович!

Только что начал Вам писать, как пришло от Вас письмо; уничтожив начатое письмо, стал писать Вам ответ, но тут пришло из Праги письмо Флоровского с выдержками из Вашего письма к нему — и опять все надо менять!

Что это Вам вдруг померещилось насчет «Вех»? Какие тут могут быть разговоры о соединении с этими хамами? Вы говорите о предоставлении в наше распоряжение религиозно-культурной стороны. Но что же останется у них? И как можно под одной обложкой соединять наши писания, имеющие все-таки всегда некоторое принципиальное устремление ввысь, и «их» писания, состоящие в цинично-развязном оправдании оппортунизма и беспринципности. Когда у них проскальзывает «принцип» или «идеология», это всегда какая-нибудь судороги вызывающая пошлость самого бульварно-либерального (а ля Лойд Джордж) пошиба. Большею частью даже и этого нет, а есть подобострастное подлаживание под чужой тон, пассивное прислушивание к тому, откуда ветер дует, или, иногда, садическое любование собственным моральным падением. Вот уж, действительно, нашли с кем блокироваться! Вы говорите «не идеологически, а тактически». Но ка-

кая у них тактика? Подольститься к барину в надежде, что кое-что перепадет — вот и вся их тактика. То, что Вы приводите как их преимущества, на самом деле минусы, а не плюсы: не «беспартийность», а «беспринципность», и не «среди них нет жидов», а «даже жидам противно к ним идти».

Последний факт толкуют различно. Некоторые думают, что они нарочно не принимают жидов, чтобы не давать повода всяким инсинуациям. Я думаю, что инсинуаций они вообще не боятся. Мое объяснение подсказано было мне моим другом иудеем, о котором я Вам рассказывал в Белграде: он мне сказал: «евреи имеют верное чутье, и в гиблое дело никогда не вяжутся». Я думаю, вся штука в этом, и отсутствие у них жидов только показывает, что их дело «гиблое». Тот успех, который они имеют в известной части общества — временный и нездоровый. Это признак усталости, деморализации, совбурства — а все это такие качества, с которыми ни к какой творческой работе приступать нельзя. Раз мы хотим культурного творчества, то для нас всякий строящийся по «Вехам» заведомо неподходящ, именно в силу этого. Итак, с вехистами — никаких блоков. Если они будут ухаживать, — пускай. Ключников² меня усиленно зазывал, но я его отшил (а он не только утерся, но даром присылает мне свой журнал). Дело в том, что он, хотя и порядочнее других (впрочем, Устрялов еще порядочнее), но все таки хамоват (Устрялов же наивен и придурковат). Если сейчас он хвалит евразийцев, то это показывает, что мы ему страшно нужны. Очевидно, он надеется получить от нас оригинальную идеологию, которую они сами по своей бездарности создать не могут (как ни стараются, все только и выходит, что «в Каноссу» да «в Каноссу»).

Но на это, разумеется, нельзя соглашаться: это значило бы просто сознательно превращать себя в простое орудие большевистской пропаганды, которое будет отброшено по миновании надобности. — Итак — черт с ними!

Совершенно иную позицию я занимаю по отношению к генералу Г[урко]³. Эпизод с ним мне скорее нравится. Как-никак, это единственный крупный генерал мировой войны, живущий вне России. При том до сих пор ни в чем еще не участвовал: заметьте, — таинственная личность (сказал бы Поснов⁴). Т.к. мы вообще «таинственны», то появление его в наших рядах может произвести со-

вершенно потрясающий эффект и даже панику: «Смотрите, смотрите! Теперь у них даже генерал есть, да еще какой!» — «Вы слышали? Говорят, у них целая армия!» — «Да, да! Армия из всех народов Азии!» — «Да кто они сами, евразийцы? Что это, особая национальность? Сколько их миллионов?» и т.д.

Ландау⁶ залезет под стол. Евреи пришлют депутацию... — Нет, кроме шуток. Я действительно считаю, что, если его статьи не безграмотны, его появление в нашей среде будет нам только выгодно: в смысле рекламы это великолепно, а повредить нам не может, ибо он совершенно не скомпрометирован. Меня интересует только один вопрос. Можно ли установить, какого характера его отношение к А.И. Гучкову⁷? Вообще я должен Вас предупредить, что один мой покойный приятель, специально занимавшийся выслеживанием каменщиков⁸, имел на счет ген. Г[урко] подозрения, причем нити его сходились с нитями А[лександра]И[вановича]Г[учкова], но все это дальше подозрений не идет. Теперь, т.к. А[лександр]И[ванович]Г[учков] сидит в Берлине вряд ли «зря» и, вероятно, имеет при себе какую-нибудь «тайную» организацию (он это очень любит), то интересно знать, не путается ли в ней и ген. Г[урко] и не от нее ли он прислан к нам? Впрочем, все это исключительно только «интересно знать», просто для сведения, на вопрос о приеме или неприеме его это никакого влияния оказывать не должно. Я бы стоял за прием. По-моему, в смысле компрометантности Карташев куда хуже.

Откровенно говоря, из наших сотрудников 2-го сборника не нравится мне и Бицилли. Он мне прислал письмо, из которого следует, что он плохо понимает, в чем у нас дело. И вообще, судя по этому письму, он типичный провинциальный интеллигент из эсеров, совершенно не преодолевший своего интеллигентства (фактически, теоретически-то, может быть, и преодолел). В статье его есть лишние вещи, глупости и бестактности, на которых он принципиально настаивает. По-моему, его участие — какое-то недоразумение. Все отношение к Евразии заключается в том, что в его статье говорится и об Европе, и об Азии.

В Софии за Ваше отсутствие особых происшествий не случилось. Ценимая Вами графиня Клейнмихель⁹ вышла-таки замуж за своего англичанина, который для этого перешел в православие: оказывается, это было ее неперемнное условие, а он пожелал

сначала подробно ознакомиться с православием, для чего и ездил на автомобиле с Серафимом⁹ и вообще беседовал с Серафимом при посредстве своей невесты; любовь оказалась настолько сильной, что, несмотря на эти беседы, он все-таки перешел в православие... В церкви завелись 4 женщины в белых платках во главе с г-жой Шуруповой¹⁰: стоят и «снимают нагар с подсвечников». У Сергия (брата владыки) флирт с двумя из них, и иногда из комнаты его соседи слышат дикие визги. На Карловацкий собор¹¹ Серафим повез Шурупова и некоего Юрченку, мужа одной из женщин в белых косынках. По возвращении их оказалось, что этот Юрченко вовсе не Юрченко, а Сергеев, и вовсе не православный, а молоканин. Тем не менее, он оставался членом «епархиального совета» (есть у нас и такой!) вплоть до прошлого воскресения, когда он скрылся из Софии обокрав своих знакомых на миллион левов: Шурупов один потерял 300.000!...

Р.Г. Моллов производит самое тяжелое впечатление высеченной и поджавшей хвост собаки. Мне его даже жалко. Облик Софии сильно изменился благодаря галлипольцам¹², которых очень много. Признаюсь, они меня раздражают. Ходят бодрые, подтянутые, отдают лихо честь не только своим, но и болгарам и упорно говорят о том, что «этой весной» и т.д....

Андрей Ливен все это время был «в периоде», и я очень виню себя, что мне лень было его оттуда (из «периода») вытаскивать. Теперь, впрочем, он как будто начинает отходить. Я нахожу, что все эти его острые периоды в значительной мере зависят от физического переутомления: положительно, служба в издательстве ему не по здоровью.

У меня в семье все благополучно. Вчера Вера¹³ уехала в Ниццу, куда приехала ее мать. Передайте Челищеву¹⁴, что сестра его будет помещена в самый лучший из здешних санаториев. Целую ручки Анне Дмитриевне, Анне Ивановне и Марии Алексеевне.

Обнимаю Вас, Ваш Н. Трубецкой.

¹ Речь идет о движении «Смена вех» (см. примеч. 33 к письму Н.С. Трубецкого П.П. Сувчинскому от 5 декабря 1921 г. (№ 1)).

² Юрий Вениаминович Ключников (1886–1938) — приват-доцент Московского университета, специалист по вопросам международных отношений; участвовал в мятеже эсеров в Ярославле и в Омской директории.

В эмиграции в Париже состоял членом комитета кадетской партии. Активный участник сменовеховского движения, редактор журнала «Смена вех». В 1923 г. вернулся в Москву, преподавал в Комакадемии; был репрессирован.

3 Скорее всего, речь идет о генерале Василии Иосифовиче Гурко (1864–1937), участнике Первой мировой войны.

4 Вероятно, Михаил Эммануилович Поснов (1871–1930), до революции — профессор истории древней церкви Киевского университета. В эмиграции в Болгарии преподавал в Софийской духовной академии и в Софийском университете.

5 Григорий Адольфович Ландау (1877–1941), преподавал в Петроградском педагогическом институте; в эмиграции в Берлине сотрудничал с газетой «Руль». В 1922 г. опубликовал в «Руле» ряд критических материалов о евразийстве, в связи с чем произошел обмен резкими письмами между редактором газеты Гриммом и Савицким. Ландау впоследствии переехал в Латвию, был арестован во время советской оккупации и погиб в лагере.

6 Александр Иванович Гучков (1862–1936) — известный политик, депутат Государственной Думы (с 1910 г. председатель III Государственной Думы), лидер партии октябристов. В 1915–1917 гг. был председателем Центрального военно-промышленного комитета, в 1917 г. — военным и морским министром Временного правительства; финансировал создание Добровольческой армии; в эмиграции проживал в Берлине. Дочь А.И. Гучкова Вера Александровна была замужем за П.П. Сувчинским с 1925 г.

7 Имеются в виду масоны.

8 Лицо не установлено.

9 Архиепископ Серафим (Соболев) (1881–1950), до революции — ректор Воронежской семинарии. Проживал в Софии, являлся главой Русской православной церкви в Болгарии.

10 Вероятно, жена Н. Шурупова, который в 1921 г. был рекомендован для участия в Русском Зарубежном Церковном Соборе в Сремских Карловцах в Югославии (см. след. примеч.).

11 Собор в городе Сремски Карловцы в Сербии состоялся в 1921 г., как следствие разрешения патриарха Тихона составлять независимые церковные организации, когда отсутствует возможность связи с митрополией. Карловацкий собор создал синод, в котором ведущую роль играл митрополит Антоний (Храповицкий). Собор отличался ультраконсервативными и монархическими настроениями. Уже в 1926 г. митрополит Евлогий (Василий Семенович Георгиевский, 1868–1946; митрополит с 1921 г.), проживавший в Париже, порвал отношения с Карловацким синодом и перешел под юрисдикцию Вселенской патриархии.

12 «Галлипольцы» — солдаты и офицеры врангелевской армии, эвакуированные из Крыма осенью 1920 г. и размещенные временно близ

Галлиполи, на Галлипольском полуострове (совр. Гелиболу, Турция).
Идея о вооруженной борьбе против большевиков категорически отрицалась евразийцами.

13 Вера Петровна Трубецкая (урожд. Базилевская, 1892–1965) — жена Н.С. Трубецкого с 1914 г.

14 Павел Федорович Челищев (1898–1957) — график, сценограф, живописец. В 1918–1919 гг. жил в Киеве, где познакомился с П.П. Сувчинским. Находился под его сильным влиянием. В течение нескольких лет оформлял обложки для евразийских изданий, в первой половине 1920-х гг. готовил декорации для постановок театра «Синяя птица», которые финансировал Сувчинский. Вместе с К. Бераром и братьями Бергман принадлежал к так называемому «неоромантизму».

3 26 апреля 1922 года

Дорогой Петр Петрович,

В.И. Гурко сам мне написал письмо, подробно излагая план перевода «Е[вропы] и Ч[еловечества]»¹. Он нашел араба-египтянина, который берется перевести и издать по-арабски, кроме того, есть на примете и турок, которого можно заинтересовать. Однако, с русского ни араб, ни турок переводить не могут, и потому-то В[ладимир] И[осифович] хотел сначала перевести на французский, с тем, чтобы уже с французского они переводили на арабский и на турецкий. Узнав, что уже существует немецкий перевод, он теперь на французский язык переводить не будет и просит только, чтобы ему доставили немецкий перевод, для передачи вышеупомянутым «восточным людям». Я не знаю, как обстоит дело с немецким переводом. Гонорар за него я уже получил, т.е. получил через Deutsche Bank 600 с чем-то марок от Якобсона² из Берлина, без всяких объяснений. Из этого я заключаю, что договор с книгоиздательством уже заключен. Но вышла ли уже книга или нет — не знаю. Очень прошу Вас выяснить этот вопрос, если это Вам не трудно. Лучше всего Вам повидаться с Сергеем Осиповичем Якобсоном, который перевел «Е[вропу] и Ч[еловечество]» на немецкий язык и заключил договор с книгоиздательством. Если книга уже вышла, то раздобудьте у него 3 экземпляра (в счет обещанных мне авторских экземпляров) и пошлите их сами Гурко; если же книга еще не вышла, то, м[ожет] б[ыть], можно устроить

что-нибудь с корректурами, напр., попросить у издателя лиш-
ний экземпляр корректуры и переслать его Гурко. Мне кажется,
что лучше вообще все это сделать скорее, «ковать пока горячо».
Думаю также, что лучше сделать это через Вас, ибо Якобсону не-
чего знать, кому именно посылается немецкий текст: достаточно
только сказать ему, что это для арабского и турецкого перевода
и что это с моего ведома. Со своей стороны, я и ему напишу сум-
марно то же самое.

Давно от Вас ничего не слышно. Из Праги тоже жалуются
на Ваше молчание. Впрочем, вероятно, Вы теперь все-таки реаги-
ровали хотя бы на свадьбу Флоровского¹. Каков Флоровский! Ли-
вен его невесту видел и говорит, что она *не* дурна собой... Инте-
ресно, похожа ли она на Павлика Ч[елищева]²? — Кстати, скажите
этому последнему, что моя жена совсем было устроила его сестру
в одну из лучших санаторий в Болгарии, но она не захотела туда по-
ступить, а поехала к своему брату, живущему тоже в Болгарии в од-
ной из врангелевских частей: так, по крайней мере, ответили Вере
из того последнего «белого креста», в котором состояла сестра
Челищева.

Новостей у нас в Софии никаких нет. Поселился здесь епис-
коп Вениамин³. Хочет издавать духовный журнал. Впечатление
произвел на меня скорее неприятное: деланно-смиренен, вероят-
но, хитер; умен ли — не знаю; журнал скорее всего прогорит. —
В каком положении второй сборник?

Обнимаю Вас, целую ручки всем Вашим.

Ваш Н. Трубецкой.

P.S. адрес Якобсона: Charlottenburg, Dahlmannstrasse 2, Pension
Ernst.

¹ Книга Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» (София, 1920)
была издана на немецком, японском и итальянском языках.

² Речь идет о Сергее Осиповиче Якобсоне, брате Романа Якобсона.
С.О. Якобсон перевел книгу Трубецкого «Европа и человечество» на не-
мецкий язык и занимался организацией ее издания в Германии. Предисло-
вие к немецкому изданию написал известный немецкий консервативный
историк Отто Хётцш (Otto Hoetzsch). О последнем см.: *Liszkowski U. Osteuro-
paforschung und Politik: Ein Beitrag zum historisch-politischen Denken und
Wirken von Otto Hoetzsch. Berlin, 1986 (= Osteuropa-Forschung, 19). Bd. 1-2.*

3 Г.В. Флоровский женился на сестре жены П.Н. Савицкого Ксении Ивановне Симоновой.

4 Речь идет о художнике П.Ф. Челищеве.

5 Возможно, имеется в виду митрополит Вениамин (Федченков) (1880–1961), епископ Севастопольский и епископ армии и флота на Юге России.

4 20 июля 1922 года

Милый Петр Петрович!

До сих пор еще не видал второго сборника! Писал Ливену, но он, конечно, и пальцем не пошевелил. [Между] тем, я уже получил несколько писем по поводу второго сборника и не могу отвечать, не имея его под руками. Можете ли Вы быстро прислать его мне сюда (S.H.S., Bled, Villa Buria), где я пробуду до 1 сентября? Если сюда думаете не поспеть, то пришлите на мое имя моему дяде, Baden bei Wien, Marchetstrasse 78. И еще: как можно скорее, открыткой Express, сообщите мне сюда адрес Флоровского и Савицкого.

Получили ли Вы мое длинное письмо?

Обнимаю Вас, Н. Трубецкой.

5 9 августа 1922 года

Адрес: Jugoslavien, Bled (Slovenia), villa Buria

А после 1-го сентября: Österreich Baden bei Wien Marchetstr. 78

Милый Петр Петрович!

Ужасно давно я Вам не писал. Признаю, я свинья. В жизни моей много перемен. Из Болгарии я уехал, не дожидаясь, чтобы выгнали. Контракт с университетом министр Омарчевский денонсировал, так что мне там делать нечего, жить же исключительно на заработок Веры и трудно, и как-то глупо, когда сам могу зарабатывать. Поехал искать нового места службы. Конечно — в Чехию. Там мне ничего не обещали, но подали смутные надежды. Подал прошение на кафедру в Брне (Brünn). Говорят, не раньше как через год.

На возвратном пути надолго застрял в Вене, ожидая транзитной визы через Югославию. В Вене мне предложили кафедру славянской филологии, в случае если от нее откажется немец, с которым тогда велись переговоры и который слишком много запрашивал. Я было согласился, но хитрый немец не отказался, пошел на уступки, и мое дело провалилось. В Софию приехал, забрал семью и перевез ее сюда, в курорт Блед (извините за выражение), где мы теперь и живем с Сухотиными¹ и с моей *bellemère*. Курорт — ничего, бывают хуже, оркестра мало слышно, цивилизация в очень умеренной дозе, публики хотя много, но сидит по домам, так что специфически курортного мало, а природа красивая, горы, озеро и все прочее. В общем — мило. И почему этому месту дали такое скверное название — непонятно. Прежде, когда курорт был австрийским, его звали *Veldes*, и это было лучше. А теперь... Самоопределились, нечего сказать! — Мы здесь думаем прожить до 1-го сентября, а тогда переедем в Вену. Из Вены я буду делать набег на Прагу, чтобы добиться для себя кафедры в Брне или в Братиславе. Вот вкратце мой *curriculum vitae* за последнее время.

По части евразийства ничего не пишу и мало думаю. На днях прочел книгу Вашего Эренбурга² «А все-таки она вертится!». Скверная книга, пархатая, сплошная песнь торжествующего жида. Кроме материала для характеристики избранного племени, дает также верное изображение того, к чему неминуемо придут все ориентирующиеся на европейскую культуру. Но и для всех нас, евразийцев, есть в ней кое-что поучительное, именно — предостережения. Вам: смотрите, не перебарщивайте насчет футуризма! Видите, куда дело идет! А Савицкому и Флоровскому: не мечтайте про Америку³! Это та же Европа, только еще сгущенная, конденсированная! Мне интересно знать, как Вы смотрите на это произведение Эренбурга. Для меня ясно, что то, что он понимает под искусством будущего, есть фактически смерть искусства. Ясно также, что европейская культура действительно к этому идет. Эренбург, как настоящий, сознающий свое дело жид, только подталкивает, помогает валиться в бездну. Ибо сейчас они (жиды) все дышат жаждой разрушения. Оттого ли, что, сознавая свою собственную культурную бесплодность, завидуют гоям и не хотят допустить, чтобы у других было искусство, наука, государство, культура, когда у них этого нет. Или оттого, что их мистически предопределенная мис-

сия избранного народа, т.е. главного актера в трагедии земного человечества, сейчас стихийно предписывает им все разрушать, чтобы люди, оказавшись перед бездной, наконец опомнились и обратились. Но во всяком случае, сейчас все они — разрушители. И Эрэнбург, разумеется, тоже. Он прекрасно знает, что делает. Он работает на разрушение, уничтожение искусства, а делает вид, что ратует за какое-то новое искусство. Но если так, если я его верно понимаю, то получается для Вас неприятность. Ведь оказывается, что орудием разрушения искусства служит футуризм. А т.к. все, что ведет к разрушению прекрасного, ведет к хаосу, к духу бездны, к антихристу — то оказывается, что футуризм от дьявола, что он — соблазн. Я знаю, что Вы мне ответите⁵.

Из футуризма может развиваться и то и другое, он может привести либо к религиозному искусству, либо к отрицанию, разрушению искусства? Да, но пока что по первому пути никто не идет, а по второму пошло «все множество их». Чем дальше я думаю, тем больше убеждаюсь, что связь футуризма с большевистствующими жидами (а через них — с сатаной, с антихристом) — не простая случайность. И суть дела, по-моему, в бунте против красоты. Против красоты, скажете Вы? — В том-то и дело, что практически бунт всегда переходит на красоту.

А красота — начало вечное, непреходящее, один из атрибутов божества. Бунт против нее неразрывно связан с бунтом против Бога. Футуризм — форма, в которую можно вложить любое содержание, скажете Вы? Теоретически — да, но практически — нет. Именно потому, что в основе лежит бунт против красоты. Когда взбунтовавшийся против красоты футурист рисует или описывает европейскую фабрично-городскую культуру, это безобразное, извращенное создание рук человеческих, эту омерзительную вавилонскую башню, — он в своей сфере, ибо смаковать, наслаждаться уродством и есть бунт против красоты. В конце концов, такое футуристическое искусство просто реалистично: европейская жизнь безобразна, художник еще подчеркивает это безобразие и, следовательно, подносит голую правду, «режет правду в глаза».

Глубоко ненавидя Европу, я такое искусство даже ценю, т.к. оно с наглядностью изображает всю отвратительность Европы. Что сам художник этой отвратительностью и наслаждается, это —

неважно, и этим можно пренебречь, пока он изображает именно европейскую культуру. Но когда тот же художник совершенно теми же приемами начинает рисовать другое: природу, красивую женщину и проч., т.е. не создание рук человеческих, а создание Божье, тогда разница «подходов» делается ясной, и тогда я это коверкание пропитанного красотой Божьего мира, эти «разложения», «сдвиги», это неугомонное стремление все обезобразить и «обескрасотить» воспринимаю как кощунство. А между тем, ведь в этом — суть. Футуризм непримиримый враг красоты. Именно поэтому он современен, ибо вся современная культура безобразна. Да, в *этой* культуре другого искусства быть не может. Но признать его (футуризм) искусством будущего можно только лишь в том случае, если считать, что культура всегда такой и останется или даже только еще усугубится в своем безобразии. Так верят (или говорят, что верят) разные Эренбурги и прочие социалисты, сделавшие ставку на антихриста. Но я так не могу. Если современная культура безобразна, и настолько безобразна, что в ней не может быть другого искусства, кроме «красотоборческого» футуризма — то для меня из этого только следует, что эту культуру надо разрушить и вместо нее создать новую, но такую, в которой опять было бы место красоте и настоящему искусству, не красотоборческому, а красотославческому. Если Вы в принципе со мной согласны (ведь призываете же Вы к романтизму, а романтизм и «Все-таки она вертится!» — полюсы), то я бы подвел итог так:

Есть в романо-германском и европеизированном мире сейчас два направления искусства — «пассеисты» (*passé*) и футуристы. Ни с теми, ни с другими нам не по пути (вообще с европейцами не по пути). С пассеистами потому, что они топч[у]т[ся] на месте и, игнорируя реальную действительность, живя воспроизведением отживших, ушедших в прошлое форм искусства, они тем самым утверждают обособление искусства от культуры и быта, изгнание искусства (а с ним и красоты) из жизни. А мы хотим, чтобы искусство было не привеском, а органической частью культуры, даже не частью, а как бы одним из определений (свойств) культуры. С футуристами же (*en bloc*, как с направлением) нам не по пути потому, что они прежде всего не футуристы, а «презентисты» (*présent*), дети современности, безобразнейшей из безобразнейших культур, что они все безобразие этой культуры не только

не отвергают, но, наоборот, воспевают и стремятся только к тому, чтобы это безобразие еще усугубилось. А мы в этой культуре отвергаем и не приемлем именно ее безобразие и хотим, чтобы в культуре будущего была красота. Прочтя книгу Эренбурга, я непоколебимо убедился в том, что суть и первопричина футуризма именно в смаковании и воспевании машинно-бетонно-бензинно-и т.д. европейской современности и что именно *это* привлекает к футуризму его адептов.

Итак, спрашивается, кто из художников наши союзники? — По-моему: из направлений — никто, но из отдельных лиц — некоторые. Эти некоторые могут быть и из «пассеистов», но только, и в том и в другом случае, они «наши» лишь постольку, поскольку они нетипичные представители своих направлений, поскольку они «футуристы» или «пассеисты» по недоразумению. Футурист — наш, если он сам страдает от своего красотоборства, но не может не красотоборствовать, живя в безобразной европейской культуре, так что его футуризм для него трагедия. Пассеист — наш, если он мучается разладом между его перепевами старых песен и несоответствующей им реальной действительностью, но не может петь о действительности, сознавая её безобразие. Одним словом, *неудовлетворенные* — вот кто «наши», но «наши» только отрицательно, постольку, поскольку они не удовлетворены, а по-настоящему они станут «нашими» только тогда, когда найдут совсем новые формы искусства и будут творить новую красоту (но непременно красоту) для новой культуры.

Все это я пишу Вам пространно, сумбурно, без всякого «*stile epistolaire*»⁶, но пишу потому, что ужасно боюсь, как бы Вы, общаясь с разным там футурьем, не утратили чувства меры и не сдали Ваших романтических позиций. У Вас есть некоторый соблазн левизны, любовь к «последнему крику» в области искусства. Не забывайте, что левизна ведет к сатане, к антихристу (недаром жида всегда с самыми левыми). Блюдите, како опасно ходите! ...Впрочем, все это, м[ожет] б[ыть], совершенно к Вам не относится. Уж очень давно я с Вами утратил живую связь (и по своей вине, признаю).

Из Ваших знакомых здесь Ракитин⁷. От него-то я и получил Эренбурга (он тоже возмущен). Ливена оставил в Софии в деятельном коммерческом настроении и в большой дружбе с Курындиным и с... Каленским⁸. Мечтает перебраться в Берлин. С Мол[л]овым

у меня напоследок был крупный разговор по поводу гонорара моему двоюродному брату за воспоминания Е.Н. Трубецкого⁹. Я такого разговора никогда ни с кем не имел никогда. Впрочем, это надо рассказывать в лицах. Эпизод сильно комический. Кончился благополучно: заплатил. Ну, пока, до свидания. Обнимаю Вас, целую ручки дамам. Вера и Еленка Вам кланяются. Леля Сухотина¹⁰ — тоже.

Ваш, Н. Трубецкой.

1 Стоян Омарчевски (1885–1941) — философ и юрист, министр народного просвещения Болгарии в правительстве Стамболийского.

2 Вероятно, речь идет о Л.М. Сухотине и его жене Татьяне. См.: The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–31 / Ed. by G.S. Smith. Birmingham: Univ. of Birmingham, 1995 (= Birmingham Slavonic monographs, 26).

3 Илья Григорьевич Эренбург (1891–1967) — писатель и журналист, один из ярких представителей левого модернизма. В 1920-х гг. Эренбург жил за границей; он познакомился с П.П. Сувчинским в Берлине, где печатался в издательстве А. Вишняка «Геликон», в котором в 1922 г. вышел второй сборник евразийцев — «На путях». В том же году это издательство опубликовало книгу Эренбурга «А все-таки она вертится!», в которой Эренбург пытался дать картину современного «производственного» искусства.

4 П.Н. Савицкий считал Америку «параллелью» Евразии, страной будущего.

5 В ряде работ П.П. Сувчинский пытался разработать евразийскую эстетику, в которой эксперимент в форме сочетался бы с религиозными основаниями. См. об этом подробнее во «Введении» к настоящему изданию. Последующие строки являются самым развернутым изложением взглядов Н.С. Трубецкого на современное искусство. Необходимо отметить, что эти взгляды не разделялись безоговорочно большинством евразийцев.

6 «Эпистолярный стиль» (*фр.*).

7 Вероятно, речь идет о Юрии Львовиче Ионине (1882–1952), выступавшем под сценическим псевдонимом Юрий Ракитин, — актере труппы МХТ, театральном режиссере, педагоге; с 1919 г. — в эмиграции, в 1920 г. переехал в Белград, где получил место режиссера Национального театра.

8 Г.Г. Курындин — член Совета Общества единения русских в Болгарии, участник Белого движения; о Каленском данных нет.

9 Евгений Николаевич Трубецкой (1863–1920), князь — дядя Н.С. Трубецкого, родной брат Сергея Николаевича Трубецкого. Философ, правовед, теоретик искусства, автор работ по философии Вл. Соловьева и по русской иконописи. Преподавал в Киевском и Московском универси-

татах, принимал участие в издании журнала «Путь», член Религиозно-философского общества. Воспоминания Е.Н. Трубецкого были опубликованы в Русско-Болгарском книгоиздательстве в 1920 г. под редакцией А.Е. Трубецкого.

10 Вероятно, дочь Л.М. Сухотина.

6 27 сентября 1922 года

Дорогой Петр Петрович!

Со мной вступил в переписку некий барон Меллер-Закомельский¹, живущий в Германии. Идеям обоих сборников вполне сочувствует и от лица нескольких лиц предлагает нам свои услуги. Это, по-видимому, молодые офицеры. Он приложил к своему письму и некоторый циркуляр, который они составили еще до знакомства с нашими сборниками и распространяли среди людей, о которых знали, что они могут им сочувствовать. В циркуляре мысли, в общем, вполне совпадающие с нашими, и изложены эти мысли очень грамотно. По наведенным мною справкам, автор письма очень симпатичный, образованный и вполне культурный человек. Общее впечатление мое было таково, что с ними стоит иметь дело. Один пункт меня смутил: в их циркуляре между прочим говорится, что наилучшей формой правления они считают монархию; тут же наряду с этим имеется осуждение эмигрантского политиканства вообще, шкурно-правого в частности, и заявление о том, что авторы циркуляра не являются политической партией. В своем ответном письме я пространно остановился на вопросе о монархии и монархистах, разъяснил нашу позицию в этом вопросе и заявил, что при сохранении этого пункта в циркуляре мы не можем с ними слиться, т.е. официально, хотя я лично и буду поддерживать с ними связь. На это он мне ответил письмом, из которого выяснилось, что на вопрос о монархии и монархистах они смотрят совершенно так же, как я, но что они включили этот пункт в циркуляр для того, чтобы выудить из монархических кругов приличных людей, одинаково с нами настроенных, и вместе с ними влиять на монархические круги в желательном для нас направлении. Замечу, что и это письмо по своему тону производило приятное впечатление,

и мысли, в нем высказанные, были неглупые. На письмо это я пока еще ничего не ответил, но, размышляя о нем, прихожу к следующим заключениям. Речь идет, в сущности, о создании и поддержании евраз. течения в монархических кругах, притом, главным образом, среди монарх. молодежи. Я считаю, что евразийство должно быть «многогранным», точнее, я мыслю его как соединение нескольких духовно связанных друг с другом «движений», или «направлений», в разных сторонах жизни. Можно быть евразийцем в искусстве, в философии, в политике, в науке и т.д. Важно только, чтобы между всеми этими сосуществующими и параллельно текущими движениями (материально различными, но формально и идейно тождественными) существовала, с одной стороны, внутренняя связь, с другой — и некоторая внешняя согласованность. По существу, между Вами и группой Меллера, конечно, мало общего *с виду*, ибо Вас совершенно не интересуют те политические вопросы, которые интересуют их, а их, в свою очередь, м[ожет] б[ыть], не интересуют те художественные и философские проблемы, которыми занимаетесь Вы. Но внутренняя связь есть, ибо настроение — то же. А раз есть связь, то возможно сосуществование и параллельное согласованное движение. Если эту связь не поддержать, то произойдет разброд, и то движение молодых монархистов, которое могло бы быть симпатичным, пойдет по руслу не симпатичному. Отталкивая их, мы толкаем их в объятия к монархистам карловацкого типа или к кому-нибудь другому в том же роде. Этого не надо делать. Группа Меллера имеет еще то важное для нас качество, что ни на какую самостоятельность не претендует и отдает себя в наше распоряжение². Поэтому я бы считал, что их предложение следует принять. Это сведется к тому, что мы им, т.ск., разрешаем именоваться евразийцами, с тем, однако, чтобы они знали, что они евразийцы и монархисты, но не отождествляли этих двух понятий (как я и Г[еоргий] В[асильевич] Флоровский] не отождествляем евразийства с приват-доцентурой). От них требуется, чтобы они распространяли наши писания среди своих, пропагандировали бы наши идеи, информировали бы нас о сочувствующих, об идейно-близких, наконец, помогали бы нам и в деловом отношении, — идейное же руководство должно принадлежать нам. В качестве опыта я в первом же своем ответном письме сообщил им о проекте

католического сборника и о том, что мы встречаем материальные затруднения при издании одного. В ответ на это М[еллер] позондировал почву в издательстве «Медный Всадник» и ответил мне, что лицо, стоящее во главе этого издательства, в принципе согласен напечатать¹. С Вами по этому вопросу должен был говорить некий П.С. Арапов⁴ из группы М[еллера]. По-видимому, у М[еллера] с главою названного издательства есть личные связи, так что через него издательство вообще могло бы быть использовано нами. Самое издательство Вы, конечно, себе представляете и знаете его личный состав. С руководящими монархическими кругами издательство теперь в размолвке, с руководителями «Детинца», по-видимому, тоже у «Медного Всадника» больше нет интимной близости⁵. Смущает то, что к главе «Медного Всадника» близок (и даже живет у него) автор романа «От двуглавого орла до красного знамени»⁶. Этот автор в другом своем романе, «За чертополохом», пробует евразийствовать, но, насколько могу судить по рассказам (сам не читал), кажется, довольно неудачно. Я подозреваю, что он может пожелать примазаться к евразийству, и в этом смысле предостерегу М[еллера]. Впрочем, прямого отношения к вопросу об использовании «Медного Всадника» для наших целей* пока не имеет. Речь идет пока лишь об католическом сборнике⁷. Флоровский писал мне, что на него можно достать денег от берлинского прихода. Чем больше я об этом думаю, тем больше мне это не нравится. В своих официальных изданиях католики все время подчеркивают, какие они истинные христиане и с какой истинно христианской братской любовью они относятся к страданиям нашей Церкви, как стараются помочь ей, не думая ни о какой выгоде, ни о какой пропаганде и т.д. Если в ответ на это русская церковная организация в лице одного из крупнейших заграничных приходов даст средства на издание книги, направленной против католичества, пастеры не преминут поднять гвалт и всячески подчеркивать разницу между своим истинно христианским братским отношением к нам и фанатической, во всяком случае, не христианской, злобой и неблагодарностью бедных схизматиков. Использовать они это могут очень ловко. С другой стороны, издать сборник на средства какого-ни-

* Вписано сверху: это

будь жидовского издательства, — если бы это оказалось возможным, — я тоже считаю тактически-неудобным. Католики непременно скажут, что вот-де жида субсидируют рознь между христианами, заблудшие схизматики в своем ослеплении дошли до того, что берут деньги у врагов христианства для борьбы с нами, с истинной Церковью и т.д. Таким образом, выходит, что сборник должен быть издан на средства какого-нибудь издателя нежидовского и нецерковного происхождения. При этих условиях «Медный Всадник» *ne pas à dédaigner*⁸. Очень прошу Вас серьезно обдумать этот вопрос и переговорить об этом с Флоровским и с Савицким. Вам виднее, что из себя представляет «Медный Всадник», и, кроме того, ведь разумеется, не на нем одном свет клином сошелся. Между прочим, в Париже живет некий рьяный антикатолик, бывший дипломат Юрий Александрович Калемин, известный тем, что из Испании, где он был секретарем русской миссии до войны, ему пришлось уехать за обращение в православие какого-то гранда и какого-то аббата⁹. Савицкий с ним знаком (адрес 12. Rue Daru¹⁰, через протоиерея Николая Сахарова). Там же, в Париже, некая госпожа Вера Васильевна Неклюдова (79. Rue Marignan) борется с пропагандой патеров и организовала четверговые курсы русского языка, истории и закона Божия специально для* детей, отданных в католические учебные заведения¹¹. М[ожет] б[ыть], они могли бы найти средства. Насчет же группы Меллера тоже подумайте и напишите, как Вы на это смотрите. — Здесь, в Бадене, был Евлогий¹², который очень доволен сборником «На путях» и особенно хвалил меня за то, что я не постеснялся «сказать правду о сатане». Я испросил благословения на католический сборник. Благословение было дано, причем Е[влогий] просил, чтобы в сборнике участвовали одни миряне и чтобы средства были не из церковного источника.

В Баден я переехал только на днях: вышло недоразумение с визами, и пришлось засидеться в Блеме.

Все это было написано до получения Вашего письма от 20/IX. Очень рад, что Арапов лично произвел на Вас симпатичное впечатление. Признаться, я боялся, что Вы его сразу «облаете»

* Вписано сверху: русских

и оттолкнете. По переписке, конечно, труднее судить о людях, чем при личном свидании. Итак, если я Вас верно понял, Вы считаете «их» симпатичными людьми, но подпавшими под дурное влияние. По-моему, из этого следует, что нам необходимо вырвать их из-под этого дурного влияния и подчинить их своему хорошему. А для этого, прежде всего, не надо их отталкивать. Итак, я буду продолжать поддерживать с ними письменную связь с ними. Если позволите, я перепишу им ту часть Вашего письма, где вы говорите о греховности крайне правого поведения (очень хорошо это у Вас сказано). Очень было бы хорошо, если бы и Вы, со своей стороны поддержали знакомство с Араповым. Судя по всему, они на нас смотрят как на авторитет, искренне хотят сами стать евразийцами и нам помочь в нашей работе. Относятся они к делу, по-видимому, со рвением и поэтому могут быть полезными для разных поручений. Постарайтесь внушить ему, во-первых, недоверие к старикам, и во-вторых, стремление направить на правильный путь молодых монархистов. Если удастся из молодых монархистов составить группу, воспитанную в евразийском духе, это будет очень хорошо. Никакого политического оформления евразийства в этом еще заключаться не будет, скорее будет отвлечение молодых и здоровых элементов монархизма из вредного политиканства.

Теперь о «Медном Всаднике». Вам, конечно, виднее, что это за учреждение. Меллер писал мне определенно, что за последнее время герцог¹³ больше не имеет никакого отношения к* монархическому Совету (точно так же, как и Краснов), и что его можно захватить. Но я вполне допускаю, что он искренне ошибается. Однако, раз церковные средства исключены, YMCA¹⁴ — тоже (см. выше), и от жидовских книгоиздательств денег брать тоже не рекомендуется, то подумайте, стоит ли плевать в колодезь? Тем более, что ведь вопрос о евразийском ярлыке на католическом сборнике еще не решен окончательно¹⁵. Подумайте об этом.

Диму Мирского¹⁶ я знаю и всецело приветствую его присоединение к нам. Это ценное приобретение. Напишите мне его лондонский адрес. Шаид Сукраварди¹⁷ — имя, которое мне кажется почему-то знакомым. Не тот ли это бенгалец, личный друг Рабин-

* Вписано сверху: высшему

драната Тагора¹⁸, который в Москве собирался учиться у меня санскритскому языку (sic!) и которого я направил к своему коллеге Петерсону¹⁹? Синдусами сейчас положение щекотливое, особенно с такими. У них масса общего с нами в оценке Европы и т.д., но вместе с тем они пропагандируют теософию и всякую мерзость. Тагор в этом отношении необычайно вреден. Здесь в Вене тоже живет какой-то йог, от которого все русские дамы в восторге, продолжая при этом ходить в церковь.

В Берлин я пока не собираюсь. Книги от Савицкого наконец получил. Общее впечатление от сборника хорошее. Есть ли уже рецензии? Вышел ли немецкий перевод «Европы и Человечества»? Были ли у Вас Савицкий и Флоровский? Я так засиделся в Блеме, что совершенно не знаю, что делается на белом свете. Свою статью для католич[еского] сборника я написал, насколько мне известно, половина предполагавшихся статей еще не написана.

Обнимаю Вас, целую ручки Вашим дамам,

Искренне любящий Вас, Н. Трубецкий.

Адрес: Baden bei Wien, Kaiser Franz Ring 21 (куда переедем 4-го октября).

¹⁸ Александр Владимирович Меллер-Закомельский (1892–1977), барон, сын члена Госсовета и Прогрессивного блока в Государственной Думе. Пианист, концертировал в европейских странах; автор антисемитских публикаций. В 1922 г. вместе с П.С. Араповым вступил в контакт с евразийцами, представляя интересы «группы офицеров-монархистов». В течение 1920-х гг. поддерживал постоянную связь с евразийцами, помогая им в организационных и финансовых вопросах. Меллер написал письма Н.С. Трубецкому и П.П. Сувчинскому, предложив евразийцам услуги своей группы. Хотя сам Меллер (как и другие участники его группы) не привнес ничего нового в идеологию движения и не опубликовал ни одной работы, его сотрудничество придало движению новый оттенок, заставив отчетливее зазвучать монархические и фашистские мотивы. Меллер, чей отец владел в России Кыштымским медеплавильным заводом, по свидетельству П.Н. Савицкого, получал значительные средства от промышленника Лесли Уркварта, надеявшегося выкупить завод после падения большевиков, и имел возможность поддерживать евразийство. Он также занимался поиском средств для евразийских изданий и стал соучредителем Eurasia-Verlag. В 1930-х гг. — один из лидеров русских нацистов в эмиграции. Сотрудничал с власовской армией.

2 В «группу» Меллера-Закомельского входили Петр Семенович Арапов и Татьяна Николаевна Родзянко.

3 Вероятно, речь идет о Сергее Александровиче Кречетове (1876–1936), возглавлявшем издательство «Медный Всадник» с 1922 г.; в 1903–1914 гг. Кречетов издавал в Москве альманах «Гриф», в эмиграции жил в Париже и Берлине.

4 Петр Семенович Арапов (1897–1937?) — участник Гражданской войны, офицер, двоюродный племянник генерала П.Н. Врангеля. В составе группы офицеров-монархистов примкнул к евразийцам в 1922 г. Стал активным участником движения, членом Совета евразийства. Арапов осуществлял контакты евразийства с «Трестом» — фиктивной монархической организацией на территории России, организованной ОГПУ. Вернулся в СССР в начале 1931 г.; погиб в заключении.

5 Издательство «Детинец» выпускало в начале 1920-х гг. в Берлине одноименные литературные сборники, в которых участвовали М. Волошин, П.П. Извольский, Т.В. Локоть, П.Н. Краснов, И. Наживин и др.

6 Речь идет о Петре Николаевиче Краснове (1869–1947), атамане Донского казачьего войска в годы Гражданской войны. С 1919 г. Краснов находился в эмиграции в Германии, участвовал в Высшем Монархическом Совете, вел активную литературную деятельность. Автор романов «От двуглавого орла к красному знамени» (Берлин, 1921–1922), «За чертополохом: Фантастический роман» (Берлин, 1922), «Опавшие листья» (Берлин, 1923), «Понять — простить» (Берлин, 1923) и др. Казнен в СССР за сотрудничество с немцами в годы Второй мировой войны.

7 Одно из первых упоминаний Н.С. Трубецким планировавшегося евразийцами «антикатолического сборника», вызванного, как считали евразийцы, необходимостью защитить православие от набирающего силу прозелитизма католиков. Сборник вышел в свет под названием «Россия и латинство» (Берлин, 1923).

8 Нельзя игнорировать (*фр.*).

9 Ю.А. Калемин (годы жизни не установлены) — автор нескольких апологетических работ по догматике православия.

10 Адрес Александро-Невского собора в Париже.

11 Вера Васильевна Неклюдова (1862–1935) работала в благотворительных и гуманитарных организациях во время Первой мировой войны. Организовала общину сестер при Александро-Невском соборе в Париже.

12 Митрополит Евлогий (Георгиевский).

13 Скорее всего, имеется в виду князь Георгий Николаевич Романовский, герцог Лейхтенбергский (1872–1929) — участник Белого движения, представитель самых реакционных кругов монархической эмиграции; один из основателей антикоммунистического Интернационала,

член Высшего Монархического Совета — органа ультраправой эмиграции. Его сыновья также принадлежали к консервативно-монархическим кругам.

14 YMCA (Young Men Christian Organization, Христианская организация молодых людей) — американская благотворительная и педагогическая организация. YMCA оказывала значительную помощь российским эмигрантам, в том числе финансируя издательскую деятельность.

15 С.Н. Булгаков отказался от участия в совместных проектах, если издания будут выходить под маркой Eurasia-Verlag. В частности, Булгаков отказался от предложения П.П. Сувчинского и Г.В. Флоровского участвовать в «антикатолическом» сборнике, подчеркивав, что одновременно издается «Временник» и поэтому появление статьи Булгакова в евразийском издательстве может быть расценено неправильно. См.: С.Н. Булгаков — Г.В. Флоровскому, 3/16 мая 1923 г. // Princeton University Library. Department of Rare Books and Special Collections. Collection CO586. George Florovsky Papers. Box 55. Folder 8.

16 Первое упоминание Н.С. Трубецким Д.П. Святополк-Мирского. Дмитрий Петрович Святополк-Мирский (1890–1939), князь, сын либерального министра П. Святополк-Мирского — участник Гражданской войны, в эмиграции преподавал в Лондонской школе славянских и восточноевропейских исследований. Историк и литературовед, автор многочисленных работ, некоторые из которых не утратили своей значимости и сегодня. Мирский представлял наиболее левое течение в евразийстве, был очень близок с П.П. Сувчинским, вместе с которым издавал журнал «Версты», газету «Евразия», ездил на свидание с Горьким. В 1932 г. Мирский вступил в Коммунистическую партию Великобритании и в 1934 г. уехал в СССР; в 1937 г. арестован, погиб в лагере. О Мирском см.: The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii...; *Smith G.S.* D.S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. N.Y.: Oxford Univ. Press, 2000; *Святополк-Мирский Д.П.* Поэты и Россия: Статьи, рецензии, портреты, некрологи / Под ред. В.В. Перхина. СПб., 2002.

17 Вероятно, Хусейн Шахид Сухраварди (Huseyn Shaheed Suhrawardy; 1892–1963) — бенгальский политический деятель, организатор партии «Всепакистанская народная лига» (1949).

18 Рабиндранат Тагор (Tagore, 1861–1941) — известный индийский писатель, поэт и философ, лауреат Нобелевской премии по литературе 1913 г. Писал на бенгали.

19 Михаил Николаевич Петерсон (1885–1962) — выдающийся лингвист, специалист по общему и сравнительному индоевропейскому языкознанию, представитель Московской лингвистической школы. Ученик Ф.Ф. Фортунатова, коллега Н.С. Трубецкого по Московскому университету в 1913–1917 гг.

7 1 января 1923 года

Дорогой Петр Петрович!

Савицкий прислал мне на просмотр свое предисловие к сборнику и письмо, в котором просит меня выкинуть некоторые фразы из моей статьи. Не имея под рукой черновика моей статьи (она писалась набело, и копии я не снял), я не могу ответить ему. Однако, насколько могу судить, поправки, которые он предлагает, весьма существенны и касаются самой основы моей статьи. Из предисловия же видно, что дело идет о согласовании моей статьи с карташевской. Этой последней я не читал, но по тому же предисловию¹ Савицкого вижу, что она с моей статьей просто несовместима. Флоровский пишет, что ему статья Карташева не нравится. Он этого суждения никак не мотивирует, но, сопоставляя это с тем, что он мне писал осенью о впечатлении, которое произвел на него Карташев во время своего пребывания в Праге, я прихожу к заключению, что, очевидно, Карташев в примиренческом настроении и что его статья проникнута тем же духом. Косвенное указание на это почерпаю и из того, что Савицкий, между прочим, просит меня выкинуть все пассажи о «перегородках, не доходящих до неба». Я не знаю, предложено ли Карташеву тоже внести какие-нибудь изменения в свою статью, но, во всяком случае, я отвечаю Савицкому, что прежде чем что-либо менять в своей статье, я желаю лично составить себе мнение о том, совместима ли вообще моя статья с Карташевской, или нет. Поэтому я его прошу прислать мне текст моей статьи и Карташевской. Я считаю, что наш сборник должен быть боевой, а не примиренческий. И после того, что пишете Вы о Кузьмине-Караваеве, Бердяеве и проч., я особенно настаиваю на этом². Если Карташев настроен иначе — пускай отдает статью в «Софию» или еще куда. Во всяком случае, я в примиренческом сборнике участвовать не буду. Сборник же, несомненно, окажется примиренческим, если в нем будет хотя бы одна примиренческая статья, принадлежащая такой крупной фигуре, как Карташев: эта статья перевесит все остальное, о чем к тому же постараются и рецензенты, а ргіогі благожелательные ко всякому виду «религиозной терпимости».

Что касается до литургической статьи, то, конечно, она была бы очень желательна, но я не знаю, выйдет ли она у Ар-

сеньева³. Хорошо бы с ним сначала поговорить на эту тему (о богослужении вообще), а потом уже предложить писать. А то напишет что-нибудь неподходящее, а отказать будет трудно. Я вообще не знаю, как он относится к сборнику и к самой идее *борьбы* с латинством.

По-моему, еще нужно было бы в сборнике выдвинуть одну мысль, т.ск., актуально-политического характера. Именно, сейчас очень многие говорят о создании единого фронта против общего врага. Но говорят об этом только русские. Надо разъяснить русской публике, что *сейчас* католики совсем не так уж утеснены этим «общим врагом», чтобы искать против него союзников. После войны положение католиков во всех странах упрочилось и улучшилось. Сейчас даже в Италии они получают такие права и преимущества, о которых раньше и не думали. Во Франции за ними ухаживают, в Бельгии и в Австрии они у власти, образованы два новых католических государства — Польша и Ирландия и т.д., и т.д. Они сами прекрасно сознают это свое положение и упоены победой, о чем свидетельствуют многочисленные статьи и отдельные фразы в католической прессе. При таких условиях речь может идти не об оборонительном союзе, а лишь о протекторате. Мне всё этого в своей статье говорить нельзя было, т.к. она нарочно написана «вне времени и пространства». Но вместе с тем, указать на это следует, чтобы предостеречь от всяких Кузьминых-Караваевых. М[ожет] б[ыть], это надо включить в предисловие?

Конец моей статьи, который Вы мне прислали, я все верчу в руках и не знаю, как его изменить. Пожалуй, оставить без перемен, раз все равно «вне времени и пространства». Только некоторые выражения немного елейные («а-ля поп») я бы заменил — как указано на прилагаемом отрывке.

Получил письмо от Меллера. Он на опыте убедился, что с крайне правыми каши не сварить. Среди «молодых» еще можно вести пропаганду, спасая их от влияния организации, но со стариками ничего не поделаешь. Он пишет: «пожилых монархистов, понявших весь вред деятельности крайне правых, но не могущих переродиться и слиться с нами, желающих работать и имеющих к тому средства, надо направить к чисто религиозной деятельности. Я подал мысль издавать периодические сборники статей, посвященных великим мистикам и светочам Церкви, о которых очень

мало известно нашей читающей публике. Такие светила, как Дмитрий Ростовский, Тихон Задонский, Симеон Новый Богослов и пр. и пр. для очень многих пустой звук. Издание подобных сборников, с одной стороны, даст работу таким людям, как герцог Лейхтенбергский, с другой — хоть в некоторой степени послужит к удовлетворению той духовной жажды, которая несомненно пробудилась в эмиграции с особой силой. Н.С. Арсеньев взялся составить в общих чертах программу первого сборника. Быть может, среди Ваших друзей и соработников найдутся люди, желающие написать статьи на некоторые темы». — По-моему, мысль симпатичная, которую следует поддержать. Если увидите Арсеньева, поговорите с ним об этом.

Все, что Вы пишете о Тихоне, меня удручает¹. По рассказам о нем вообще видно, что переезд в Берлин его погубил. А жалко... — Бердяева я знаю. По-моему, он, главным образом, чрезвычайно легкомысленный человек. В свое время он мне говорил, что христианство устарело, и что в нем недостает женского божества... Ильина Вы судите правильно².

В Берлин мне, к сожалению, съездить не удастся. Я очень не кстати перед самыми праздниками начал основательно лечиться (у меня нашли какие-то «*Magengeschwüre*», — кажется, «язвы в желудке») и теперь это надо проделать до конца. Очень скучно: курить запретили, две недели морили голодом (одно молоко, даже без хлеба), теперь держат впроголодь, и каждый день компресс. Благодаря этому ехать никуда нельзя. Придется отложить до ихней Пасхи.

Пока до свидания. Целую ручки Вашей супруге и Вашей матушке.

Ваш Н. Трубецкой.

¹ О статье Карташева см. выше.

² Речь, возможно, идет о протоиерее Дмитрие Владимировиче Кузьмине-Караваеве (1886–1959) — католике восточного обряда, перешедшем в католичество в 1920 г.; в 1922 г. выслан из России за участие в дискуссиях между православными и католиками. Николай Александрович Бердяев (1874–1948) — известный русский философ, «религиозный экзистенциалист», активный участник религиозно-философского ренессанса начала XX в. В эмиграции симпатизировал евразийцам, в то же время критикуя их взгляды за этатизм.

3 Николай Сергеевич Арсеньев (1888–1977) — историк церкви. Находясь в эмиграции, до Второй мировой войны преподавал в Кенигсбергском и Варшавском университетах, затем (с 1948 г.) — профессор Свято-Владимирской академии в Нью-Йорке. Архив Арсеньева сохранился в библиотеке Толстовского фонда в США. Арсеньев симпатизировал евразийцам, которые в свою очередь считали его духовно чуждым и не принимали в свой круг. Арсеньев писал Флоровскому о евразийстве: «...Что же касается моего отношения к „евразийству“ вообще, то я во многом ему сочувствую, но некоторое мне представляется крайним. Все-таки Истина не может рассматриваться с этнографической точки зрения, к чему „евразийство“, мне кажется, несколько склонно. Я в самой широкой мере признаю роль этнографического элемента, но есть такие элементы Правды всечеловеческой и всеобщей, которые перерастают этнографические рамки. Для христианина прежде всего — личность Христа. Возродившийся в нем должен стать *новой тварью*, где ни Иудей, ни Эллин, ни Скиф, ни раб, ни свободный, но все и во всех Христос» (Н.С. Арсеньев — Г.В. Флоровскому, 29 марта 1922 г. // Princeton University Library. Department of Rare Books and Special Collections. Collection CO586: George Florovsky Papers. Box 55. Folder 7). Впоследствии, оценивая сборник «На путях», Арсеньев стал еще более критичным: «...Книга чрезвычайно интересна и богата содержанием, и я не могу вполне согласиться с несколько резкой и односторонней оценкой ее Петром Бернгардовичем Струве. В книге очень много мне симпатичного, особенно в статье П. Сувчинского о Лескове и в Вашей статье. Идейным основоположником для сборника являются, на мой взгляд, Ваша статья и вступительная статья „Два Мира“. Но с этой последней я резко расхожусь и присоединяюсь здесь к мнению Петра Бернгардовича Струве. В этой статейке П. Савицкого я усматриваю *незаконную идеализацию от-вратительного процесса*, происшедшего в России. Россия действительно выпала из рамок европейского „бытия“ (стр. I.I), но это не плюс, ибо она впа-ла в рамки *сатанинского бытия*. Сатанизм большевиков и русской революции недостаточно, на мой взгляд, отмечен в Вашем сборнике. Не согласен я также с тем крестом, который Вы в Вашей статье ставите на белом движении...» (Н.С. Арсеньев — Г.В. Флоровскому, 28 августа 1922 г. // Ibid.).

4 Скорее всего, речь идет об архиепископе Тихоне (Лященко) (1875–1945); с 1924 г. — епископ Берлинский.

5 Иван Александрович Ильин (1883–1954) — религиозный философ и правый публицист; с 1909 г. — приват-доцент Московского университета; выслан за границу в 1922 г., в 1923–1934 гг. — профессор Русского научного института в Берлине; сотрудничал с евразийцами, но впоследствии между ними и Ильиным произошел конфликт. Как утверждал Савицкий, Ильин «ополчился» на евразийцев за отказ напечатать одну из его работ; в 1920-х гг. Ильин симпатизировал фашизму.

8 11 января 1923 года

Дорогой Петр Петрович!

Прочтя статью Карташева, с удовольствием отмечаю, что опасения мои не оправдались, что статья эта вполне подходит к сборнику и никаких прямых противоречий между нею и моей статьей нет. Таким образом, извинения и смущение по поводу противоречий между этими статьями совершенно излишни, и Савицкий внес их в свое вступление исключительно по своему пристрастию ко всякого рода оговоркам. Теперь и Савицкий сознает это и вычеркивает из своего вступления пассаж на стр. 5–6 со слов «именно в необходимое взаимодополнение» до слов «для того, кто отеческое исповедание»... По-моему, с этой поправкой предисловие вполне удовлетворительно.

Свою статью я перечел еще раз и в общем считаю, что менять ее нечего. Надо выкинуть все, касающееся Соловьева на стр. 15–16 (по-моему, и подстрочного примечания не нужно). Что же касается до других мест, смутивших Савицкого и зачеркнутых им в рукописи (на стр. 15, 18 и 19), то их я считаю существенно важными и настаиваю на их сохранении без изменений. Максимальные уступки, на которые я могу согласиться, сводятся к тому, чтобы на стр. 15 (3-я строка сверху) вместо «стремление к соединению» поставить «стремление к такому соединению», и дальше (5-я строка) слово «человеческого» написать курсивом. На стр. 18 тоже (8-я строка сверху) «человеческими» курсивом. На стр. 15 (строка 7-я снизу) и на стр. 18 (5-я строка сверху) вставленное Савицким слово «одними», по-моему, излишне — но на этом я не настаиваю. — Относительно «перегородок, не достигающих до неба», я предлагаю такое решение. Надо узнать, во-первых, имя того епископа, которому, по словам митрополита Евлогия, принадлежит это изречение, и проверить, достоверно ли само сообщение Евлогия. Если да, то в примечании на стр. 5 надо поставить имя епископа, о котором идет речь (значит: «принадлежит не ему, а (имя епископа)»). Если же почему-либо этого имени узнать не удастся, или, если выяснится, что полной уверенности в непричастности к этой фразе Филарета нет, — то примечание на стр. 5 надо вычеркнуть. В этом случае надо изме-

нить и текст на стр. 5, именно надо вычеркнуть на строках 3, 4 и 5 сверху от слов «этим духом» до «утверждениях» (включительно) и прямо после точки читать «Церковь представляется как какое-то ненужное средостение («перегородка»), центр тяжести»... и т.д. Можно еще между «ненужное» и «средостение» вставить «людьми сооруженное».

Что касается до Вашей статьи, то она чрезвычайно интересна, но проигрывает от композиционных недостатков: перебоя близких, но не связанных друг с другом тем. Самая важная, оригинальная и интересная тема — опасность внутреннего окатоличенья. Но есть другая, совершенно от нее отличная тема — происки Ватикана, попытки окатоличить извне, навязать католичество. Несмотря на все свое различие по существу, обе темы с виду друг на друга похожи и в сознании читателя легко могут смешаться. Необходимо либо точнее их разграничить, либо вторую, как менее важную, просто откинуть. Иначе у читателя возникает невольно недоразумение, будто Вы чуть ли не подозреваете в «Живой церкви» происки Ватикана и считаете живоцерковцев католическими агентами. Самое понятие внутреннего окатоличения следовало бы подробнее раскрыть: из Вашей статьи совершенно неясно, что именно Вы считаете существенным католическим соблазном — об этом Вы говорите только намеками. Когда же Вы на стр. 10 проводите параллель между Живой церковью и католичеством, Вы вдруг совершенно неожиданно указываете наряду со сходством и существенное различие (строка 12–15), нисколько этого не оговаривая, — что способно сбить читателя. Итак, по моему, надо бы тему о духовном, внутреннем окатоличении определеннее раскрыть и, с другой стороны, отмежевать ее от темы о ватиканских завоевательных вожделениях, не останавливаясь при этом отмежевании даже перед умалением и сокращением этой второй темы (напр., на стр. 13). Что касается до других тем и мыслей Вашей статьи, то все они проведены достаточно отчетливо и друг друга не перебивают, а о тех двух я говорю потому, что при недостаточно внимательном чтении они смешиваются, что необходимо изменить.

То, что Вы пишете об Арсеньеве, вполне согласуется с моим представлением о нем, составленным на основании долгого знакомства и близости (мы с ним на «ты»). В нем есть что-то глубоко

нерусское (хотя по происхождению в нем иностранной крови не больше, чем во мне), органически мешающее ему быть православным. Он неисправимо сентиментален и только по ошибке сам принимает свой сентиментализм за романтизм. Подлинной мистике он чужд именно в силу своей сентиментальности. Если бы он жил в конце XVIII или в начале XIX вв., то непременно был бы масоном, иллюминатом и т.д. Для участия в нашем сборнике он, конечно, не подходит. Что же касается до его собственного сборника, то я буду прилагать все усилия к тому, чтобы направлять его в более симпатичную сторону.

У меня носятся в голове разные литературные (и нелитературные) проекты, но боюсь, что они неосуществимы. Один из таких проектов — сборник, посвященный (вписано сверху: русскому православному) обряду и богослужению¹. Другой — хрестоматия из православных отцов Церкви и подвижников. Оба сборника должны быть доступны пониманию самых широких кругов и служить целям популяризации. В сборнике об обряде надо, напр., разъяснить, что такое хорошее церковное пение и почему литургия Чайковского никуда не годится, далее — как надо стоять в церкви и т.д. Все это надо разъяснить просто и удобопонятно. Тут же могут быть и статьи-рассуждения, напр., «обряд и быт», «обряд и искусство», «богослужение и мистическое созерцание» и т.д. — опять-таки все возможно проще и популярнее. Точно так же и в «богословско-мистической хрестоматии» надо подобрать тексты, доступные пониманию среднего читателя, и вместе с тем могущие заинтересовать и привлечь к себе внимание; комментарии должны быть возможно проще: цель книги — заинтересовать, и поэтому за ней должны последовать уже (комментированные?) издания отдельных отцов или подвижников, уже менее общедоступных. Если задачей современной антибольшевистской (или, точнее, антисатанистской) России есть, как Вы говорите в своей статье, «духовное накопление», то надо помогать этому делу именно такими популярными сборниками. Весь вопрос только в том, в какой мере они осуществимы...

Заинтересовало меня Ваше упоминание о знаменном распеве². Собираетесь ли Вы это издать, где и как? Доцента В.Н. Ильина не знаю³. Очень интересно будет прочесть его статью. И.А. Ильину передайте мой сердечный привет.

Пока до свидания. Целую ручки Анне Ивановне и Анне Дмитриевне. Поздравляю с праздниками.

Ваш Н. Трубецкой.

11/I 1923 Kaiser Franz Ring 21

Baden bei Wien.

1 Одно из первых упоминаний Н.С. Трубецким неосуществившегося проекта по изданию сборника «Догмат и творчество».

2 Знаменный распев — основной распев церковной древнерусской монодической музыки XI–XVII вв., заимствованный из византийского канона. В каком контексте упоминал знаменный распев Сувчинский, установить не удалось.

3 Владимир Николаевич Ильин (1891–1974) — философ и публицист. Выпускник Киевского университета и консерватории. В эмиграции находился в основном в Берлине и Париже, где преподавал в Богословском институте. В. Ильин участвовал в евразийских публикациях, но не стал активным деятелем движения.

9 12 февраля 1923 года

Дорогой Петр Петрович!

Статья Ильина по содержанию мне очень понравилась¹. Но по форме она чрезвычайно неудовлетворительна. Наш сборник² предназначается для широких кругов, надо, чтобы даже дамы могли читать и понимать, а Ильина разве только жена Бердяева может прочесть³. Это особенно касается первых глав, в которых как раз высказываются по существу очень важные мысли. Это все надо упростить, изложить пояснее и покороче. Примечания, кроме глав специально литургических, по-моему, просто надо выкинуть, ибо они только отпугнут читателя. Безусловно недопустимо, по-моему, слово «миф», которое Ильин употребляет на продолжении всей статьи в значении, сильно расходящемся с общераспространенным, ни разу не оговорив и не дав определения того, что он под ним понимает. Такое употребление может только породить соблазн. Ведь в обиходе под мифом разумеется либо вымышленный рассказ, либо языческое предание. Если свежему человеку сказать, что евангельское повествование о земной жизни, распятии и воскресении Христа есть миф, то всякий свежий человек поймет это только

в том смысле, что-де все это выдумки и измышления евангелистов. Поэтому в самом начале, первый раз, что слово это произнесено, надо дать ему определение (в тексте, не в примечании), указавши, что слово это в дальнейшем употребляется отнюдь не в общепринятом смысле, а вот в каком, и что выбрано оно только потому, что нет другого, более удобного термина для обозначения данного понятия⁴. Другое слово, употребляемое в каком-то необычном и, признаюсь, для меня неясном смысле, это «снобизм». Лучше его выкинуть или заменить. В остальном пестрят разные общеупотребительные среди философов, но тем не менее простому смертному совершенно непонятные термины. Все эти «имманентно», «трансцендентно»* и т.д. — право, ни к чему. Лучше меньше точности, но больше ясности. Главное, не нужно отпугивающей учености. Вы ему это объясните, укажите, для какого читателя вещь должна быть написана, и посоветуйте ему переработать свое изложение, все время имея в виду воображаемого читателя-«средняка». По моему, в таком виде, как она сейчас, статья не подходяща. Нужна основательная редакционная переработка. А по существу, повторяю, статья прекрасная.

Проект Флоровского⁵, по-моему, есть плод, с одной стороны, его обычной «грымзомании» (пристрастия к старым грымзам), с другой — желания где-нибудь напечатать некоторые задуманные им статьи, не имеющие прямого отношения к евразийству, с третьей — факта (близкого или уже свершившегося) прекращения издания «Русской мысли». В общем я, как Вы помните, всегда сочувствовал именно идее журнала — но, конечно, не такого! Струве нам совсем не нужен (не знаю вообще, кому он нужен), да и без других старцев мы обойдемся. Неудобство журнала только то, что он предполагает серьезную финансовую базу, которой у нас нет. Журнал стоит начинать, если можно его действительно продолжать. А выпустить две книжки, это — не журнал. Сколько таких «журналов» начиналось (вспомните «Русские Сборники») и не кончалось⁶! В проекте Флоровского, по-моему, нехорошо главное то, что он не вызван органической потребностью, а в лучшем случае только частной потребностью

* Вставлено: «Так как я не жена Бердяева, то особенно протестую против слова „ноумен“. В[ера]Т[рубецкая]».

Флоровского. Если есть группа людей одного направления, которые имеют что сказать и не знают только, где это сделать, — тогда журнал имеет смысл. Но у Флоровского выходит так, что он задумал несколько статей, и для того, чтобы их напечатать, изобретает журнал, составляет список сотрудников, заказывает им статьи, которые бы обрамили его собственные статьи. Так дело не делается. Но я спрашиваю себя, есть ли налицо группа людей, подходящих по направлению, которые только и ждут того, чтобы начать выливать в журнал все, что у них накопилось? О себе могу сказать только то, что мне есть о чем написать, но я знаю, что писать не буду, ибо занят по горло. Что же касается других, то, по моему впечатлению, на журнал не хватит, и этим я объясняю то, что Флоровскому приходится, с одной стороны, придумывать для других темы, а с другой — вводить в число сотрудников разных посторонних нам людей вплоть до Зеньковского (почему не Ренненкампа?)⁷.

Что касается до третьего сборника в проекте Савицкого, то об этом надо поговорить основательно⁸. Прежде всего, надо подвести итоги и пересмотреть основной вопрос о целесообразности наших сборников⁹. Мне это очень трудно делать. Я здесь живу в глуши, в стороне от русской умственной жизни, и мне очень трудно судить о том, что надо и чего не надо. Поэтому мои суждения крайне субъективны. Мне кажется, что нужна пропаганда и что пора приняться за «среднячка». Наши сборники были не для них. В проекте Савицкого опять ряд научных, тяжеловесных, профессорских работ. Новый «кирпич». Для кого? Зачем? Нас прочтут «гримзы», такие же ученые, присяжные «мыслители» или «общественные деятели», газетные жида. Выругают или отметят достоинства. И сами будут продолжать писать или говорить свою ерунду. Наши мысли ни в ком не породят ничего нового. В лучшем случае пристанет к нам еще какой-нибудь новый приват-доцент, с тем чтобы попасть в следующий сборник и еще утолстить кирпич.

Все это, по-моему, мало целесообразно. В то же время могли бы мы сделать нечто действительно полезное. Русская эмиграция — стадо без пастыря. Духовная пища этого стада ужасна. Пьется оно поистине подогретыми экскрементами, т.е. тем, что когда-то было пищей, но давно переварено в желудке, извержено

вон из чрева» и теперь, вновь подогретое, подается эмигранту. В такой пище развивается яд, и у вкушающего ее появляются признаки отравления, корчи и духовный столбняк. Врач, увидев такого больного, сказал бы, что ему прежде всего надо перейти на более здоровый стол. И если мы верим, что наши идеи являются именно здоровой духовной пищей, то мы обязаны подавать эту пищу именно тем, кто в ней нуждается, а не тем, кто сам сделал себе профессию из подогревания экскрементов и из отравления своих ближних. Итак, надо писать для «средняка», для «широких масс». Сообразно с этим все меняется. Не толстые сборники, а серии брошюр. Не исследования, а пропаганда. Меняются и темы, т.е. не столько меняются, сколько расширяются. Вместо «эмпирии» — поближе к жизни. Этого мало. «Бросая камни в воду, смотри на круги, ими образуемые». Если пропаганда возымеет действие, не бояться «организовывать» сочувствующих. Стержень, на котором все должно держаться, есть религия и церковь. Но церковная жизнь в эмиграции имеет и бытовую сторону, которая чрезвычайно важна. Приход в эмиграции — единственная форма организации, которая может быть здоровой. Надо стремиться к захвату приходов. Между прочим и к тому, чтобы в приходские советы приходили «наши люди». Все это, конечно, когда и если от брошенных нами камней (но не кирпичей!) образуются круги. Если окажется возможным иметь «своих людей» и в разных нецерковных объединениях, то и от этого не надо отказываться. Но главная цель должна быть — влияние на церковную жизнь эмиграции. Одним словом, в пределах возможности, надо переходить к *действию*. Я уверен, что это возможно сделать, не становясь партией. Партия — грех, и его надо бояться. Но бояться толпы, т.е., в сущности, презирать ближних — тоже грех. «Средняк», во всяком случае, менее заслуживает пренебрежения, чем та академическая, газетная и журналистская сволочь, для которой мы, в сущности, до сих пор писали свои сборники. Грех высокомерия превращается в грех тщеславия, в погоню за газетной шумихой вокруг нашего имени. Вокруг нового кирпича, брошенного опять в трясины эмигрантской журналистики, произойдет шум, но «кругов не образуется», ибо трясина всосет, поглотит и останется такой же, как была. От маленького камня, брошенного в настоящую воду, образуется больше кругов, чем от кирпича в трясине,

хотя шуму будет меньше. А нам нужны круги, а не шум. Таково мое настроение. Повторяю, может быть, я и ошибаюсь. Уж очень я живу в стороне. Но мне так кажется. И потому я не особенно сочувствую идее нового толстого сборника.

Меллеру я написал французское письмо, хотя не особенно представляю себе технику выманивания фунтов у каких-то «дураков»¹⁰. Пробовали ли Вы писать обо всем этом кн. Святополк-Мирскому? Ведь ему к фунтам как будто ближе.

Занимаясь (довольно поверхностно) «по долгу службы» историей польской литературы, я набрел на поразительное сходство польской эмиграции после восстания 1831 г. с современной русской. Та же бессмысленная партийная грызня, те же попытки делать какую-то польскую политику за границей, те же ни на чем не основанные надежды на иностранную (французскую!) интервенцию, те же неудачные опыты организации заговоров из-за границы. Даже до мелочей: напр., остатки польской армии, успевшие бежать за границу, попали во Францию, где жили на нищенский казенный паек от французского правительства... Но в этой эмиграции были Мицкевич, Красинский, Словацкий¹¹. Они не участвовали в партийной грызне, не делали политики. Они занимались своим делом, — работали на польскую культуру. И если «Польша не згинела», то, конечно, не потому, что политиканствовали польские эмигранты, а потому, что Мицкевич, Красинский и Словацкий не дали погаснуть факелу польской литературы и культуры. Это была бы прекрасная и поучительная тема для статьи. Жаль, что некогда над ней поработать.

Пишет ли Вам Ливен? Я не знаю, что с ним происходит. Не только не отвечает даже на деловые письма, но даже посылаемые деньги не передает по назначению.

Пока прощайте. Целую ручки Анне Дмитриевне и Анне Ивановне. Жена и дети кланяются.

Ваш Н. Трубецкой.

12/II/1923. Статью Ильина высылаю заказным.

¹ Речь идет о черновике статьи: Ильин В.Н. К проблеме литургии в православии и католицизме // Россия и латинство: Сб. ст. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1923. С. 177–219.

2 Имеется в виду «антикатолический» сборник «Россия и латинство». См. примеч. 7 к письму Н.С. Трубецкого П.П. Сувчинскому от 27 сентября 1922 г. (№ 6).

3 Жена Н.А. Бердяева — Лидия Юдифовна Бердяева (урожд. Трушева) (1874–1945), принимала участие в работе философских обществ и кружков, автор воспоминаний о Бердяеве. См.: *Бердяева Л.* Профессия: жена философа. М., 2002.

4 В.Н. Ильин принял замечания Трубецкого, оговорив в статье, что под «мифом» он понимает «отмеченный откровением, религиозно-избранный и осознанный исторический факт, лежащий в основе религии» (*Ильин В.Н.* Указ. соч. С. 181).

5 Имеется в виду предложение Г.В. Флоровского, одного из основателей евразийского движения, издавать религиозно-философский журнал «Устои» на средства евразийцев при участии С.Н. Булгакова и В.В. Зеньковского. Проект был отклонен евразийцами: отчасти в силу того, что Булгаков отказывался участвовать в издании под маркой Eurasia-Verlag, отчасти — в силу разделявшейся всеми евразийцами неприязни к «гримзам» — поколению религиозных философов — участников сборника «Вехи».

6 «Русские сборники» выпускались в Софии в 1920–1921 гг. (вышли № 1–2) под редакцией Э.Д. Гримма и К.Н. Соколова.

7 Василий Васильевич Зеньковский (1881–1962) — протоиерей; в 1918 г. — министр вероисповеданий в правительстве Украины гетмана Скоропадского; религиозный философ, автор многочисленных работ по истории русской философии; был близок к С.Н. Булгакову. В эмиграции преподавал в Югославии и Чехословакии, с 1927 г. проживал в Париже, являлся руководителем Русского студенческого христианского движения. Ренненкампф — возможно, речь идет об оставшемся за рубежом сотруднике посольства России во Франции Н.Н. Ренненкампе (1869–1936) (в эмиграции было много представителей известного рода прибалтийских немцев фон Ренненкампф).

8 Речь идет о «Евразийском временнике» (Кн. III), выпущенном учрежденным в Берлине Евразийским книгоиздательством (Eurasia-Verlag) в 1923 г.

9 К этому времени евразийцы уже выпустили сборники «Исход к Востоку» (София, 1921) и «На путях» (Берлин, 1922), сформировавшие первые две книги «Временников».

10 Н.С. Трубецкой имеет в виду, вероятно, очередной проект А.В. Меллер-Закомельского по добыванию средств для евразийства.

11 Адам Мицкевич (Adam Mickiewicz; 1798–1855); Юлиуш Словацкий (Juliusz Slowacki; 1809–1849); Зыгмунт Красиньский (Zygmunt Krasiński; 1812–1859) — польские поэты-романтики, оказавшиеся в изгнании после поражения польского восстания 1831 г.

10 5 июня 1923 года¹

Дорогой Петр Петрович!

Я уже писал Савицкому, что мог съездить в Берлин только с 31-го до 5-го, в крайнем случае до 7-го, причем и для этого надо было предпринять целый ряд шагов². После первой открытки Савицкого о том, что съезд отменяется, я сразу прекратил уже начатые были шаги; после второй открытки, о том, [что] все-таки хорошо бы мне поехать в Берлин, возобновлять шаги было уже поздно, а теперь и вовсе невозможно. Сегодня 4-е, а 9-го я уже непременно должен быть утром в Вене (надо быть и 5-го и 7-го, но в крайнем случае я бы это пропустил): посудите сами, могу ли я в 4 дня обернуться? Итак, к моему прискорбию, мне не придется участвовать в нашем «партейтаге». Семестр кончается в середине июля. В конце июля я — свободен. Очень было бы желательно устроить опять съезд в конце июля. Но прошу тогда предупредить меня заблаговременно и, главное, не менять раз принятого решения. Передайте привет Савицкому, Меллеру и Арапову. Обнимаю Вас и надеюсь, что Ваши переговоры приведут к благим результатам, о которых прошу меня известить.

Ваш Н. Трубецкой.

1 Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

2 Поздним летом и осенью 1923 г. в Берлине прошел ряд совещаний евразийцев, результатом которых стал процесс политизации движения и установление контактов с «Трестом».

11 11 июля 1923 года

Дорогой Петр Петрович!

Постараюсь быть в Берлине 4-го августа. Савицкого уже известил. Не знаю только, где остановиться. Говорят, в Берлине трудно найти комнату. М[ожет] б[ыть], Вы осмотритесь к тому времени и известите меня, чтобы я знал, куда ехать с вокзала.

Присылаю Вам два письма проф. Кейзерлинга¹. Я вляпался в грязную историю. Представитель «Школы мудрости» в Вене, некий жид Schreivogel спросил меня от имени Кейзерлинга,

не соглашусь ли я участвовать на ихнем конгрессе². Я ответил неопределенно и выразил желание сначала ознакомиться с тем, что это за учреждение. Мне немедленно была вручена целая литература и в то же время Шряйфогель, по-видимому, написал Кейзерлингу, что я согласен. Кейзерлинг стал бомбардировать меня письмами и телеграммами. Тем временем литература, врученная мне, произвела на меня впечатление смутное и скорее отрицательное: что-то масонско-теософское и в общем довольно нелепое. Я написал К[айзерлингу], что в нынешнем году так занят наукой, что не желал бы отвлекаться в сторону, и потому ехать не могу. Чтобы проверить свои подозрения насчет масонской подк[л?]адки и раз навсегда «отшить» К[айзерлинга] в случае, если мои подозрения основательны, — я написал ему, что план конгресса очень интересен, но что в нем есть существенный пробел — недостает представителя еврейства как такового; при этом я прибавил, что, будучи антисемитом, я все-таки не могу не признавать значения (по-моему, чисто отрицательного) роли еврейства в современной культуре, почему считал бы необходимым участие представителей еврейства на конгрессе. На это я получил прилагаемое второе письмо (по-русски). Тон письма холодный, о моих рассуждениях по еврейскому вопросу — ни полслова, из чего я заключаю, что попал в точку. Теперь К[айзерлинг] требует, чтобы я достал ему «den Russischen Menschen»³ и переслал бы его письма возможным кандидатам на эту должность. Думаю, что это его требование мне надо исполнить, иначе от него не отвяжешься. Надо найти кого-нибудь, но только не из евразийцев. По-моему, кандидатов нужно подбирать с одной из двух точек зрения: либо такого, который бы ко всему этому отнесся серьезно и плел бы им там всякую ерунду, убежденный, что дело делает; либо такого, который бы на конгрессе наскандалил (И.А. Ильин?). Я никого не знаю, главное, не знаю, кто достаточно владеет немецким языком. Вам там в Берлине легче найти. Будьте добры, выручите! Прочтите прилагаемые два письма Кайзерлинга, подыщите среди Ваших знакомых такого, которого не жалко, или такого, который их не пожалеет, и вручите ему оба письма с объяснением: пускай уже этот кандидат сам снесется с К[айзерлингом], меня же Вы только известите, кто именно этот кандидат (с указанием адреса). Главное, если можно, не задерживайте, а то этот неотвязчивый немчик

опять уже новую телеграмму прислал, а от его венского агента я еле спасаюсь.

Недавно читал в русском национальном студенческом союзе доклад о «культурных задачах русской эмиграции». Ничего особенного. Прения сбились на еврейский вопрос... Начал писать лингвистическую статью для сборника, но боюсь, что выйдет неудачно¹.

Вы спрашиваете про Лоллия Львова². По-моему — нуль с претензиями. Об остальном поговорим в Берлине.

Обнимаю Вас.

Ваш Н. Трубецкой.

P.S.: наконец получил квартиру в Вене и переехал; адрес: Wien I, Dorotheerstrasse 12, III Stock. Н[иколай] Т[рубецкой].

11/VII 1923

¹ Герман фон Кайзерлинг (Hermann von Keiserling; 1880–1946), граф — философ-мистик, руководитель близкой к теософии «Школы мудрости» (Schule der Weisheit), основанной в Дармштадте в 1920 г. по инициативе гессенского герцога; автор многочисленных работ по философии и теософии. По происхождению — прибалтийский немец, свободно владел русским языком. Был женат на внучке Отто Бисмарка и пользовался большим влиянием в философских кругах Германии. Неоднократно пытался установить контакт с евразийцами.

² Данных о представителе «Школы мудрости» в Вене по фамилии Schreivogel найти не удалось.

³ «Русского человека» (нем.).

⁴ Речь идет о статье: *Трубецкой Н.С. Вавилонская батня и смешение языков* // Евразийский временник. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1923. Кн. III. С. 107–124.

⁵ Лоллий Иванович Львов (1888–1970) — публицист, поэт и писатель, до революции участвовал в издании «Иллюстрированной России»; в эмиграции проживал в Париже.

12 18 июля 1923 года

Дорогой Петр Петрович!

Присылаю Вам письмо для Арсеньева. Кайзерлинг запросил у меня адрес Карташева, на которого ему указал Масарик¹. Сегодня опять получил открытку от Кайзерлинга, который просит, ввиду возможности (и, по-моему, — вероятности) отказа Карташева, отнюдь не прекращать поисков «русского человека». Т[аким] о[бразом], письмо Арсеньеву, по-моему, можно передать не смущаясь².

Вы меня пугаете сообщением о разведках и справках насчет моей *Persönlichkeit*³. Взялись за дело масоны! К счастью, до Вены слух о том, что я *Prophet*⁴, еще не дошел, и я живу спокойно, несмотря на то, что этажом ниже меня в том же доме помещается масонская ложа.

Лингвистическую статью я бросил писать: ничего не выходит. Думаю сделать совсем другое. Несмотря на то, что «Европа и человечество» вышла не под фирмой «Евразии» и что даже само евразийство зародилось во время споров и возражений против «Евр[опы] и Чел[овечества]»⁵, все же эту мою книгу считают как бы первой ласточкой евразийства. А в ней есть один соблазн, на который правильно указывает Флоровский: т.к. европейская культура *soi disant*⁶ христианская, то толкуют «Евр[опу] и Чел[овечество]» как выпад против христианства. Я думаю, что излишним будет попытаться это недоразумение устранить. У меня план доморощенно-богословского обоснования идеи национально-ограниченных культур. Статья будет называться «Вавилонская башня и разделение языков». Тезисы: интернациональная культура *eo ipso* безбожна и ведет только к сооружению Вавилонской башни; множественность языков (и культур) установлена Богом для предотвращения новой Вавилонской башни; всякое стремление к нарушению этого Богом установленного закона — безбожно; истинные культурные ценности может творить только культура национально-ограниченная; христианство выше культур и может освящать любую национальную культуру, преобразуя ее, но не уменьшая ее своеобразия; как только в христианстве начинает веять дух интернационала, оно перестает быть истинным⁷. Полагаю, что к сборнику это подойдет.

Пока обнимаю Вас, целую ручки Вашей супруге и матушке.
Ваш Н. Трубецкой.

P.S. Письмо Арсеньеву прочтите: кажется так хорошо.
Н[иколай] Т[рубецкой].

1 Президент Чехословацкой республики Томаш Гарриг Масарик (1850–1937) был автором трудов по истории русской мысли. Неоднократно посещал Россию, после революции стоял у истоков «Русской акции» — беспрецедентной программы помощи, оказанной чехословацким правительством российским эмигрантам.

2 Об участии Н.С. Арсеньева в конгрессе «Школы мудрости» Кайзерлинга см. ниже. В журнале Кайзерлинга *Der Weg zur Vollendung* выходили рецензии на книги Арсеньева.

3 Личности (нем.).

4 Пророк (нем.).

5 Н.С. Трубецкой имеет в виду дискуссии, происходившие в Софии летом и осенью 1920 г. и осенью и зимой 1921 г. В письмах родным Савицкий сообщал о спорах между Трубецким, с одной стороны (Трубецкой защищал свое деление мира на Европу и все остальные народы), и Струве и Савицким — с другой (они настаивали на национальном принципе). Часть возражений Савицкого против подхода Трубецкого легла в основу опубликованной в «Русской мысли» рецензии на книгу «Европа и человечество»: *Савицкий П.Н.* Европа и Евразия. (По поводу брошюры кн. Н.С. Трубецкого «Европа и Человечество») // Русская мысль. 1921. Вып. 2. С. 119–138. Именно в этой статье впервые были изложены географические и этнографические принципы евразийства.

6 Так сказать (фр.).

7 Тем не менее именно в этой статье Н.С. Трубецкой впервые высказывает идею о языковых союзах, впоследствии разрабатывавшуюся Р.О. Якобсоном.

13 29 августа 1923 года

Милый Петр Петрович!

Присылаю Вам свою «политическую» статью. Полагал бы озаглавить ее «У дверей (Реакция? Революция?)»¹. Впрочем, на заглавии не настаиваю.

В Баден-Бадене все, кого я встречал, — старые знакомые и новые, с которыми меня знакомили, люди самых различных сортов, положений, полов и возрастов, — неизменно говорили мне: «Ведь Вы, кажется, были в Берлине на евразийском съезде?»². Вообще, там господствует убеждение, что евразийство есть какая-то, при том несомненно политическая, организация. О сущности евразийского мировоззрения при этом у всех не то что смутные представления, а просто никаких представлений. Мне кажется, что тут результат неправильной «тактики» (если можно так выразиться) Петра Семеновича³. Лучше было бы просто проповедовать известные идеи, не говоря, что это называется евразийством, и только когда заинтересуются — давать читать сборники. А то получается нечто вроде тех фирм, имя которых (одно имя) можно прочесть на каждом столбе, а чем они торгуют — неизвестно. В рекламном деле этот прием часто практикуется, причем предполагается, что публика заинтересуется вопросом о том, чем-де эта фирма торгует, и когда узнает, купит товар, чтобы иметь возможность сказать «jetzt hab' ich es endlich!»⁴. Не знаю как на других, но на меня этот прием никогда не действовал, и мне совершенно безразлично, чем торгуют намозолившие глаза фирмы. Думаю, что и с нами повторяется то же самое: знают, что такие есть, а кто они — не все ли равно!

В Вене я нашел студента⁵, дельного, неглупого и хорошо настроенного, философа по специальности, который берется сократить «Европу и Человечество» для американского сборника⁶. Спрашивает только, к какому сроку, будет ли это оплачено, и в каком размере. Я не мог сказать ему ничего, т.к. не знаю, ни как скоро мы собираемся издавать этот сборник, ни какими суммами на этот предмет располагаем. Пожалуйста, поскорее напишите мне об этом, чтобы можно было приступить к работе. Кроме того, я даже не знаю, куда отправить рукопись, когда она будет готова: Вам или Меллеру? Об этом тоже напишите.

В начале сентября здесь будет Новгородцев⁷. Надеюсь с ним поговорить вплотную, прозондировать его в отношении «Устоев», религиозно-философского студенческого кружка (помните?), а также, весьма дипломатично, насчет его отношения к Георгию Васильевичу⁸.

Дядя Гриша в страшном восторге от идеи «Устоев»⁹. Думаю, что — только не по католическому вопросу — его, может быть,

можно было бы использовать как сотрудника (разумеется, я об этом с ним не говорил). В «Православии и культуре» есть статья Георгиевского о браке¹⁰. Я ее просматривал (очень поверхностно), и мне показалось, что она дельная; я знаю Георгиевского: как спец он недурен. Что вы об этом думаете?

Как обстоит дело с ценами на печатанье в Берлине? Ведь если они перейдут на «Goldmark», там будет еще дороже, чем в других местах. Я просил навести справки о здешних ценах и скоро Вам их сообщу: здесь удобство то, что цены не прыгают. Русских типографий нет, но в четырех имеется русский шрифт, и печатают прилично.

Целую ручки Анне Дмитриевне. Жена кланяется Вам обоим. Обнимаю Вас, Н. Трубецкой.

P.S. Рукопись своей статьи посылаю отдельно заказным. Нашли ли Вы мой портсигар?

Н.Т.

29/VIII 1923 Wien I, Dorotheestrasse 12 III.

* 1 Трубецкой Н.С. У дверей: Реакция? Революция? // Евразийский временник. Берлин, 1923. Кн. III. С. 18–29.

2 Имеется в виду ряд встреч евразийцев летом 1923 г. в Берлине, в частности, встреча «трех П»: Петра Сувчинского, Петра Савицкого и Петра Арапова.

3 Имеется в виду П.С. Арапов.

4 «Теперь наконец-то у меня это есть!» (нем.)

5 Известна лишь фамилия «студента-переписчика» — Михайловский. Он также принимал участие в евразийском семинаре, который вел Н.С. Трубецкой для своих студентов, и даже делал в нем доклад о панъевропейском движении Рихарда Кауденхове-Калерги.

6 Имеется в виду планировавшееся евразийцами в 1923 г. издание на английском языке в США сборника статей о евразийстве. Сборник предполагался как средство для сбора денег, его организацией занимался А.В. Меллер-Закомельский. Средства для сборника предполагалось получить от известного американского художника-модерниста и писателя Генри Клуза (Henry Clews; 1876–1937). Клуз был сыном миллиардера и финансиста Генри Клуза-старшего, скончавшегося в 1923 г. Клуз-младший построил в пригороде Канн замок, превратив его в место сбора художников, поэтов и музыкантов. Меллера связывала с Клузом личная дружба,

и Клуз обещал издать сборник статей евразийцев в США на свои средства. Проект не был осуществлен.

7 Павел Иванович Новгородцев (1866–1924) — теоретик права, философ; был членом Партии народной свободы, депутат I Государственной Думы. Участник сборников «Проблемы идеализма» и «Из глубины». Участник «Правого центра» и «Национального центра». В эмиграции жил в Праге, где был одним из основателей Русского юридического факультета. Евразийцы отмечали, что Новгородцев симпатизировал их идеям, и планировали опубликовать некролог после смерти Новгородцева в 1924 г.

8 Имеется в виду Г. В. Флоровский.

9 «Дядя Гриша» — Григорий Николаевич Трубецкой (1874–1930), князь, брат отца Н. С. Трубецкого — дипломат, работал в основном на Балканах; специалист по вопросам внешней политики России. В эмиграции жил в Вене и в Париже, принимал участие в Братстве Св. Софии С. Н. Булгакова. Об «Устоях» см. примеч. 5 к письму Н. С. Трубецкого П. П. Сувчинскому от 12 февраля 1923 г. (№ 9).

10 Православие и культура: Сб. ст. / Под ред. В. В. Зеньковского. Берлин, 1923. М. А. Георгиевский, участник сборника, впоследствии стал одним из руководителей Национального Союза Нового Поколения — про-тофатистской организации эмигрантской молодежи.

14 14 сентября 1923 года

Дорогой Петр Петрович!

Пересланное письмо Флоровского получил. Не только стиль выглажен, но явно переписано набело с двух-трех чернови-ков! Я только что написал ему письмо следующего содержания: ни в чем мы не изменились, никуда не «ушли» и принципиальных расхождений между нами не больше, чем было раньше, а одно изменилось — Ваши (Г[еоргия] В[асильевича Флоровского]) личные отношения с Савицким; евразийство держалось не на программе, а на взаимной любви, заставлявшей нас всех преодолевать расхож-дения и искать общей равнодействующей между собой, т. к. каж-дый из нас, несмотря на все расхождения, все же ценил каждого другого евразийца больше, чем всякого постороннего; как только это у Вас кончилось, — так Вы и перестали находить общий язык; не ищите сучков в наших глазах, не выдумывайте каких-то якобы принципиальных расхождений, а признайте факт — порчу личных отношений как единственную причину всего происшедшего; ми-

рить вас нельзя, а можно только молиться о восстановлении любви; Бог нас четырех соединил и благословил на дело; теперь он попустил сатане посеять вражду; это — испытание, будем молиться, чтобы оно прошло. Заканчиваю так: «Я понимаю, что при современном Вашем настроении Вам невозможно участвовать в ближайших сборниках не кривя душой. Это очень жалко, но нечего делать: придется на этот раз обойтись без философской статьи. Но давайте молиться, чтобы это поскорее кончилось, и чтобы в следующем сборнике Вы опять были с нами. Обнимаю Вас. Искренне любящий Вас, „демагог“ Н[иколай] Т[рубецкой].» —

С «Устоями», по-моему, прежде всего не надо торопиться. Полагаю, что отдавать это дело в руки Г[еоргия]В[асильевича Флоровского] и его жены при создавшемся положении было бы опасно. Отшить же его совсем тоже нехорошо — выходит вроде наказания. М[ожет] б[ыть], переменить название и выпустить как особый сборник под Вашей редакцией? Во всяком случае, хорошо бы исподволь повести разговор с разными сотрудниками (пока в самом неопределенном тоне) помимо Г[еоргия]В[асильевича Флоровского].

Из бесед с Новгородцевым вынес впечатление, что к Г[еоргию]В[асильевичу Флоровскому] он относится благожелательно, но без излишнего энтузиазма и что, сочувствуя евразийству, он отнюдь не отождествляет евразийство с Г[еоргием]В[асильевичем Флоровским]. К сожалению, сейчас Новгородцев уехал в Прагу, а вести переговоры (при том, в сущности, щекотливые) удобнее устно, чем письменно. Вопрос о философской статье для 1-го № «Евраз[ийского] Временника» очень труден¹. Для Новгородцева трудно придумать тему. Арсеньев, по-моему, по существу неподходящ, точно также и И.А. Ильин. Хорошо бы Карташева — да мало шансов. Пожалуй, придется обойтись совсем без философии.

Брошюры по русской истории, географии и этнографии заполнить не только трудно, но прямо невозможно. Ведь дело тут не столько в фактическом материале (да и тот ведь не весь в голове, так что его надо собрать и освежить в памяти), сколько в освещении, без которого работа теряет смысл, — а значит, надо сосредоточиться, обдумать и т.д. Я и так с ужасом думаю о приближении начала лекций. У меня еще ничего не готово, а семестр на носу. К тому же история — окончательно не моя специальность. Я уже

давно говорю, что нам необходимо иметь историка, но беда в том, что такового нет⁴.

Справился я здесь в типографиях. Цены разные. В одной хорошей типографии, в которой печатаются некоторые русские парижские издания, и печатаются прилично (напр. земледельческий журнал «Хутор») просят 1.175.000 австр. крон (= 16,55 долларов = 3,64 фунта) за набор листа в 40 000 букв и печатание 1 500 экземпляров одного листа; в другой типографии, похуже и поменьше, за то же просят 800 000–900 000 (11,27 долл. или 12,68 долл. = 2,48–2,80 фунтов). Бумаги размера 60х96 здесь нет, но вообще здесь считают невыгодным привозить бумагу из Германии, так что если печатать здесь, то нашу бумагу в Берлине лучше продать.

Если здесь печатать, то необходимо будет нанять корректора-толкача. Я тут уже зондировал с этой точки зрения одного довольно опытного корректора, и он обещал на днях мне дать ответ, сколько он возьмет.

На будущей неделе мой студент обещался доставить выжимку «Европы и Человечества». Я ее проредактирую, а жена хочет попробовать перевести ее по-английски: если у нее пойдет хорошо, то пришлю Вам прямо английский текст. Не знаю, сколько заплатить студенту, и он сам не знает. Как Вы полагаете, считая на доллары?

А как теперь с Флоровским для американского сборника? Ведь строго говоря, уж если бояться демагогии, так... — Впрочем, Бог с ним!

Бланки и портсигар получил и очень Вас благодарю. Целую ручки Анне Дмитриевне.

Обнимаю Вас.

Ваш Н. Трубецкой.

14/IX/1923

P.S. Бумага прибл[изительно] такого же качества, как [в сборнике] Росс[ия] и Лат[инство], стоит 6 400–6 600 крон за кило (= 0,09 долл. = 0,02 фунта стерл.), кило = 2 ½ фунта; на заказ берутся сделать какого угодно формата в течение месяца; готовая имеется 63х95, вес 42 кило (стопа? Не знаю, какая у них единица).

Справьтесь, что будет стоить провоз из Берлина в Вену вместе с пошлинами и сколько времени займет этот провоз (говорят, очень долго). Корректор просит 70 000 (1 доллар) за лист, с тем, чтобы вообще наблюдать за печатанием. Н[иколай] Т[рубецкой].

1 «Евразийский временник» 1923 г. — первый из «Временников» — вышел под номером три, так как ему предшествовали два ежегодных сборника: «Исход к Востоку» и «На путях» (см. примеч. 9 к письму Н.С. Трубецкого П.П. Сувчинскому от 12 февраля 1923 г. (№ 9)).

2 Под влиянием Н.С. Трубецкого П.Н. Савицкий приобщил к евразийству Г.В. Вернадского, который вместе с С.Г. Пушкаревым стал ведущим евразийским историком.

15 18 сентября 1923 года

Дорогой Петр Петрович!

Жена переводит по-английски «Миграции культур» Савицкого¹. Сообщите, не заказан ли перевод кому-нибудь другому, чтобы она не переводила зря.

Обнимаю Вас, Н. Трубецкой.

1 Савицкий П.Н. Миграция культуры // Исход к Востоку: Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София: Русско-Болгарское книгоиздательство, 1921. Кн. 1. С. 40–51.

16 3 октября 1923 года

Дорогой Петр Петрович!

Письмо Г[еоргия] В[асильевича] Флоровского], которое Вы мне переслали, еще более определенно, чем первое. В нем сквозит уже совсем нехороший тон мелочной обидчивости (фраза о выходе на балкон!).

С Булгаковым он несомненно повел интригу¹. «Обработать» Булгакова в противоположном направлении, конечно, невозможно. Я поэтому и не считал нужным ехать в Прагу. К чему? Ну, скажем, я «повлияю» на Булгакова (что почти исключено). Но потом

я уеду, а Г[еоргий] В[асильевич Флоровский] останется и будет продолжать влиять в своем направлении. Булгакова можно было бы уговорить, но мог бы это сделать только Г[еоргий] В[асильевич Флоровский], который был (до своего «падения») естественным мостом от православных гримз к нам. Теперь же я считаю Булгакова для нас потерянным, и не особенно жалею об этом. Та комбинация, которую предлагал нам от имени Булгакова Г[еоргий] В[асильевич Флоровский], по-моему, не только неприемлема, но просто это наглость!

В сущности, к чему дело сводится? Дайте деньги в полное распоряжение Г[еоргия] В[асильевича Флоровского] и Булгакову, а сами спрячьтесь, чтобы никто не знал, что к делу причастны евразийцы. — даже Г[еоргий] В[асильевич Флоровский] своего имени не даст, чтобы не вызывать никаких ассоциаций с евразийством. На полученные деньги они будут издавать журнал «с полной свободой мнения», давая только в случаях своего несогласия с автором «предметные разъяснения». Скажите: с какого боку это будет предприятием евразийским? Если марка «евразийства» для них неприемлема, пускай ищут деньги у кого-нибудь другого — хотя бы у «Имки», которая для людей типа Булгакова обыкновенно оказывается приемлемее национально-русских начинаний².

Я представляю себе «Устои» как предприятие евразийское, руководимое евразийцами и привлекающее посторонних в качестве «спецов». Из письма Г[еоргия] В[асильевича Флоровского] вижу, что сейчас такое предприятие неосуществимо, а потому делаю вывод, что на ближайшее время эту мысль вообще надо оставить. Субсидировать же *чужой* журнал считаю совершенно нецелесообразным.

Я получил от митрополита Антония³ статью, которую он предлагает либо для евраз[ийского] сборника (!), либо для напечатания где угодно, а если она не подойдет, то просит дать ее прочесть тем, кому она может быть интересна, «например Зеньковскому или Карташеву» (sic!), т.к. — де она «имеет интерес минуты (?)», хотя написана уже давно». Статья, по-моему, абсолютно никакого, тем более минутного, интереса не имеет. Пересылаю ее Вам в порядке «Зеньковского или Карташева». Владыке же отвечу, что ближайший сборник уже печатается, а будут ли дальнейшие, пока неизвестно, и что статья по тем или иным соображениям (что-нибудь

придумаю) сейчас напечатана быть не может, а позднее может утратить «интерес минуты» и что поэтому я, пользуясь его разрешением, дал ее на прочтение.

Студент-«конспектатор» куда-то пропал, и я никак не могу его разыскать. Надеюсь, что скоро найду его. Работа, вероятно, у него уже готова. Я дам переводить ее жене. Ужасно обидно, что я не знал о переводе «Миграции культуры», предпринятым г-жой Р.: жена перевела ее почти до конца. Впрочем, это — полезное упражнение, м[ожет] б[ыть], конспект «Европы и Человечества» ей теперь будет легче перевести.

От Арсеньева на днях получил письмо, написанное под свежим впечатлением конгресса в Дармштадте⁵. Он в восторге не только от своего собственного выступления, но и от самого съезда, а главное — от его устроителя. Убеждал меня, что Кейзерлинг вовсе не то, что я о нем думаю, а «ищущий» и верующий христианин, и что в своем заключительном слове о грядущем всемирном христианском объединении он якобы стоит на почве Православия (!). Это Вам лишний раз показывает, насколько Арсеньев глух и слеп вследствие своей восторженности и сентиментальной благожелательности. В сборник его можно пустить только с сугубой осторожностью и подвергнув его «письмо» строгой цензуре.

Г[еоргий]В[асильевич Флоровский] в своем письме упоминал имя Ельчанинова⁶. В 1905 году он был у меня репетитором. Человек талантливый и «с запросами». Отношения у меня с ним были наилучшие. Потом я встретил его еще через несколько лет, тоже очень дружественно, а затем совсем потерял его из виду. Когда я его знал, он по духу был близок к нам, как мы теперь. Но мог с тех пор измениться. Мне бы очень хотелось с ним возобновить отношения. К сожалению, адреса его Г[еоргий]В[асильевич Флоровский] не указывает, а я к тому же забыл и его имя-отчество. Хотелось бы выведать и то и другое. Г[еоргий]В[асильевич Флоровский] на меня, по-видимому, основательно обижен (по-видимому, за «учительный» тон моего письма) и на письмо мое так и не ответил. Не можете ли Вы, не называя меня, написать Г[еоргию]В[асильевичу Флоровскому], что-де в Берлине есть один Ваш знакомый (или даже знакомая, «чтобы труднее было отгадать»), который (или которая) узнав, что в Чехии живет какой-то Ельчанинов, заинтересовался, не тот ли это, которого он знал в Москве,

и просит узнать его имя-отчество и адрес? Я попробую с ним списаться, и — кто знает, — м[может] б[ыть], он подойдет вообще.

Как обстоит дело с печатанием «Временника»? Между прочим, по-видимому, страшно дешево печатать в Польше. По крайней мере, я недавно выписал из Варшавы одну новую польскую книжку в 250 страниц на приличной бумаге и со сложным шрифтом (лингвистич.) и заплатил 42 000 польских марок, т.е. припл. 1/8 доллара.

Пока до свидания, обнимаю Вас,
Ваш Н. Трубецкой.

3/X/1923

P.S. Статья Антония была уже напечатана, по его словам, задолго до революции в уфимских епархиальных ведомостях и затем перепечатана в «Собрании сочинений», которые, по его собственному признанию, «никто не читал». Чем больше я об этом думаю, тем больше недоумеваю, в какой форме его отшить, так, чтобы он не обиделся и чтобы в то же время больше не приставал.

Н[иколай] Т[рубецкой].

1 Сергей Николаевич Булгаков (1871–1944) — русский экономист, религиозный философ, священник. Прошел путь от легального марксизма к православию. Евразийцы относились к Булгакову чрезвычайно подозрительно, в частности, из-за его экуменических контактов. «Интрига», о которой говорит Трубецкой, — план Г.В. Флоровского по изданию журнала с участием Булгакова.

2 О реакции С.Н. Булгакова на предложения Г.В. Флоровского см. выше,

3 Митрополит Антоний (Алексей Павлович Храповицкий, 1863–1936) — бывший митрополит Киевский, основатель Русской православной церкви за границей. Возглавлял в эмиграции Карловацкий синод. Придерживался крайне правых, монархических взглядов.

4 Лицо не установлено.

5 Речь идет о конгрессе «Школы мудрости» Германа фон Кайзерлинга.

6 Александр Викторович Ельчанинов (1881–1934) — первый секретарь Религиозно-философского общества им. Владимира Соловьева, преподавал в различных учебных заведениях; в эмиграции находился во Франции, с 1926 г. — священник. Участвовал в Братстве Св. Софии.

17 14 октября 1923 года

Дорогой Петр Петрович!

Исполняя Вашу просьбу, отсылаю Вам обратно письма Г[еоргия] В[асильевича Флоровского]. Со всеми поправками, внесенными в мою статью, совершенно согласен. Чем больше я об этой статье («Вавил[онской] башне») думаю, тем больше сомневаюсь в ее достоинствах. М[ожет] б[ыть], просто выкинуть ее? Впрочем, авторы плохие судьи, и я предоставляю полную свободу Вам. Во всяком случае, я не обижусь, если вы ее выкинете. — Статью Садовского¹ прочел. Ваша поправка правильна. Но я еще имею некоторые поправки, о чем написал и самому Садовскому.

А) стр. 2 (наверху) по поводу отделения Церкви от государства: во избежание недоразумений (т.к. термин «отделение Ц. от г.» связан с определенными ассоциациями) предлагаю добавить «...выступление ...за отделение Церкви от государства, понимая под этим отделением, однако, только освобождение Церкви от опеки государства, от вмешательства светской власти в церковные дела и от попыток использования Церкви для политических целей».

* Б) стр. 4 (наверху): упрек Рюриковичам совершенно несправедлив (сколько мне известно, только Волконский² олатинился, но у него мать и братья были католиками уже давно); предлагаю так: «И вот некоторые русские люди, особенно представители петроградской знати, уже издавна воспитывавшиеся на иностранный лад и мало связанные с подлинной русской стихией, поддались» и т.д.

В) На стр. 16–17 по поводу возможной «американизации России» необходимо оговорить, что такая американизация может быть желательна только при том условии, если одновременно с этим руководящие круги России будут проникнуты *истинным* национализмом и будут иметь твердый религиозный упор (т.е. если они по своему мировоззрению будут евразийцами); в противном же случае, т.е. если русская интеллигенция будет продолжать быть западнопоклоннической и неправославной, американизация превратится в грозную национальную опасность.

Г) Конец, т.е. 19–23 (до заключения: заключение хорошо) мне не нравится. Это слишком подробная политическая декларация.

похожая на партийную программу, а в то же время как программа это (и мало оригинально) и очень легковесно, т.к. ни один из затронутых вопросов не разработан. По-моему, тут надо сократить и смазать.

Кроме того, еще некоторые мелочи, напр., по-моему, следует прямо назвать Милюкова там, где приводятся его слова, далее «великая революция» надо брать в кавычках и т.д. В общем, — статья хорошая.

Уманского³ я совсем не знаю. Политически он что-то вроде эс-эра. Весьма начитан в русской литературе, увлекается «Серапионовыми братьями» и Ремизовым⁴, которого считает потомком Достоевского по духу и Лескова по форме, о чем собирается прочесть реферат у меня на семинарии. Жидок предприимчивый и с коммерческим нюхом: знает, что стоит перевести с русского и издать по-немецки, умеет найти издателя (переводит, кажется, недурно). Насколько серьезен его план постановки Ремизова в Вене, сказать Вам не могу. Во всяком случае, и я и жена будем страшны рады, если вы вдруг здесь появитесь.

Что скажете о статье Антония? Я чувствую себя ужасной свиньей, но до сих пор никак не могу решиться ему ответить. Посоветуйте, что ему написать?

Какой-то господин Fülöp-Müller⁵, написавший книгу «Russland von heute» с роскошными иллюстрациями и с довольно убогим (сменовеховским) содержанием, привез из России какие-то письма, но хочет передать их мне лично и об чем-то со мной поговорить. Слыхали ли Вы что-нибудь об этом типе?

В Россию писал, но пока без ответа.

Обнимаю Вас, целую ручки Анне Дмитриевне.

Ваш Н. Трубецкой.

14/X/1923

P.S. Только что получил Ваше письмо от 12/X о пражской интриге. Отвечу на него особо, а пока тороплюсь отправить это письмо. План Вашего переезда в Вену горячо приветствую⁶. О визе Вам нужно начать хлопотать из Берлина, и когда австрийское консульство запросит Вену, то сообщить мне число и номер этого запроса, чтобы я с этим мог пойти торопить министерство.

15/X/1923 Н[иколай]Т[рубецкой].

1 Яков Дмитриевич Садовский (1892-1925), евразиец: в 1921 г. проживал в Праге в одной комнате с П.Н. Савицким, который и вовлек его в евразийство. Садовский был болен чахоткой, и евразийцы помогали ему деньгами на лечение. Автор нескольких статей в евразийских изданиях. Здесь речь идет о полемической статье Садовского «Оппонентам евразийства: (письмо в редакцию)» (Евразийский временник. Берлин, 1923.

Кн. III. С. 149–174).

2 Вероятно, Александр Михайлович Волконский (1866–1934), князь, принявший католичество восточного обряда и ставший священником.

3 Имеется в виду Дмитрий Александрович Уманский (1901–1977) — драматург, публицист, переводчик. Родился в Кременчуге, в эмиграции жил в Вене.

4 «Серапионовы братья» — неформальное объединение молодых литераторов, возникшее в 1921 г. А.М. Ремизов, официально не входивший в эту группу, был тем не менее близок к некоторым ее участникам.

5 Речь идет о писателе Рене Фюлёп-Мюллере (René Fülöp-Müller; 1891–1963). Фюлёп-Мюллер был автором многочисленных книг о России и Индии, редактором и автором предисловий к изданиям Ф.М. Достоевского. О какой именно книге Фюлёпа пишет здесь Н.П. Трубецкой, установить не удалось.

6 Переезд П.П. Сувчинского в Вену планировался в связи с ухудшением ситуации в Берлине. Этот план не осуществился, и Сувчинский переехал в Париж.

18 Октябрь 1923 года¹

Дорогой Петр Петрович!

Конспект «Евр[опы] и Чел[овечества]» еще не переведен. Недели через две мог бы Вам прислать его уже переведенным, а сейчас — только русский текст. Что предпочтительнее? — Ответьте экспрессом.

Насчет Антония придумал следующее. Рукопись его послать в Прагу (Зеньковскому, Флоровскому или Булгакову) для напечатания в ихнем будущем журнале, а самого Антония известить, что-де рукопись находится там-то. Если Вы с этим планом согласны, то, м[ожет] б[ыть], Вы отправите рукопись Антония в Прагу и известите меня (на той же открытке-экспресс) кому именно из «редакторов» Вы ее направили, с точным указанием адреса: последнее необходимо, чтобы Антоний мог начать приставать непосредственно к пражанам.

На днях пришлю Вам справку о здешних ценах на жизнь. Пока скажу, что в прошлом году мы в 5-ром (жена, 2 детей, няня и я) тратили 60 долларов в месяц, живя совсем буржуйно (гораздо буржуйнее, чем Вы в Берлине).

Обнимаю Вас, Н. Трубецкой.

1 Датируется по содержанию.

19 6 ноября 1923 года

Дорогой Петр Петрович!

Сегодня мне сообщили в Министерстве иностр[анных] дел, что Министерство внутренних дел нашло какие-то препятствия Вашему въезду, и что поэтому Вам в визе отказано. Это, очевидно, какое-то недоразумение, которое я постараюсь выяснить. Надо будет мне подать в Мин[истерство] внутр[енних] дел ходатайство о разрешении Вашего въезда. Но для этого мне необходимо знать, какую цель поездки в Вену Вы официально объявили в консульстве и на какой срок Вы просили визу, иначе может выйти неувязка Ваших и моих показаний. Пожалуйста, сообщите мне все эти данные как можно скорее, по возможности экспрессом.

Обнимаю Вас, целую ручки Анне Дмитриевне.

Ваш Н. Трубецкой.

6/XI/1923

20 8 ноября 1923 года

Дорогой Петр Петрович!

Посылаю Вам перевод конспекта «Евр[опы] и Человечества». На отдельном листке — примечание, которое, м[ожет] б[ыть], следует (а м[ожет] б[ыть], и не следует) поместить на первой странице, сделав сноску от заглавия. Для сокращения места «теоремы» второй главы, м[ожет] б[ыть], следует набрать более мелким шрифтом. — Если меллеровский американец' заинтере-

суется, то можно бы издать и всю «Евр[опу] и Чел[овечество]» in extenso по-английски отдельной книжкой.

Я обещал студенту-«конспектатору» 5 долларов и авансировал ему уже 1½ доллара.

От Савицкого получил письмо с планом православного сборника². Дело надо еще обдумать и обсудить. Очень удивило меня то, что Савицкий считает возможным включить в этот сборник и статью Г[еоргия]В[асильевича] Флоровского]. Судя по его письму, пражское «антиевразийское» движение не так серьезно, как казалось раньше.

По поводу православного сборника у меня следующая мысль. Главное, что прельщает в католичестве, это — сила дисциплины. Именно этому хотят «учиться» у католиков те, кто не удовлетворен православием. М[ожет] б[ыть] в ответ на этот соблазн следовало бы (в православном сборнике?) написать статью с указанием на то, что дисциплина в Церкви необходима, но что эта дисциплина может быть достигнута двумя путями: организацией и обрядом. Первый путь — путь католичества, второй — путь русского православия. Реформа Никона расшатала обрядовую дисциплину, и недостаток дисциплины в современной русской Церкви есть следствие этого обстоятельства. Но для восстановления дисциплины нечего обращаться к католическому пути, а следует лишь вернуться к пути исконно русскому. Здесь следует указать на опасности, с которыми связаны оба пути (с одной стороны, католическое омирщение, огосударствление Церкви, с другой — староверческое обрядоверие) и на то, что при сознательном отношении к этим опасностям русский путь все-таки менее рискован, чем католический.

В здешних газетах про Берлин рассказываются всякие ужасы, и я очень за Вас беспокоюсь³. По-видимому, австрийское правительство боится наплыва беженцев из Германии и поэтому всячески затрудняет выдачу виз. Все же я надеюсь, что мне удастся выхлопотать для Вас визу.

Обнимаю Вас, целую ручки Анне Дмитриевне.

Ваш Н. Трубецкой.

8/XI/1923

1 То есть Генри Клуз-младший.

2 Имеется в виду планировавшееся издание сборника статей «Догмат и творчество».

3 Речь идет о путче НСДАП в Мюнхене 8 ноября 1923 г. и о политической обстановке в целом, сложившейся после «октябрьского кризиса» 1923 г. в Германии (сепаратистское выступление в Баварии, коммунистическое восстание в Гамбурге, разгон «рабочего правительства» Саксонии).

21 26 ноября 1923 года

Дорогой Петр Петрович!

Получили ли Вы английский перевод конспекта «Европы и Человечества»?

Вышел ли «Временник»? Жду экземпляра.

С Вашей визой все обстоит благополучно. Венская полиция и Министерство внутренних дел разрешили Вам и Вашей супруге переезд в Вену и пребывание в Вене без ограничения срока, а Министерство иностранных дел сделало в этом смысле за № 49484 распоряжение австрийскому посольству в Берлине о выдаче Вам визы: письмо Мин[истерства] ин[остранных] дел пошло в субботу 24 ноября экспрессом.

Если надумаете ехать, то первое время мы можем приютить вас у нас. Квартиру найти довольно трудно, но не невозможно. Я специально не искал, но в газетах каждый день много объявлений: комната с полным пансионом на одного человека 60 000 в день, значит, на вас двоих 3,600 000 (51 доллар) в месяц. Это, конечно, дорого; но, повторяю, это — не ища, а если поискать, то конечно, можно найти и гораздо дешевле.

Пересылаю Вам письмо Флоровского. Поощренный его комплиментами, я постарался ответить ему опять «теплым и тонким» письмом. Начинаю с разбора «предметного расхождения»¹. Констатирую, что расхождение это сводится к тому, что, по его мнению, только прямое религиозное делание и аскетическая работа над самоусовершенствованием является абсолютно ценной, все же прочее нестоящая суета. Не возражая против этого по существу, констатирую, что такой взгляд логически и практически требует от его сторонника фактического ухода из мира

и принятия иночества. Если же оставаться в миру, то по необходимости приходится ограничивать себя работой над относительными ценностями. Европейская культура и европейские идеологии (культурные, политические, научные и т.д.) несовместимы с православием¹. Разрушая эти идеологии и стараясь заменить их другими, более совместимыми, мы творим дело, полезное для Церкви, хотя, конечно, и несоизмеримо менее ценное, чем работа подвижника. Далее, по вопросу о «евразийской страсти», не отрицаю, что есть опасность уклонения в вульгарный национализм и империализм, но замечаю, что пока этого уклонения фактически не произошло, нет оснований свои опасения принимать за совершившийся факт. Таким образом, прихожу к заключению, что принципиальные расхождения очень мало основательны и существенны, и что «конфликт» вызван не ими, а чисто психологическими причинами. Потом перехожу к вопросу о «марке». В этом вопросе я всецело поддерживаю Вашу точку зрения, вскрывая сущность признания нашей марки «одиозной» и заявляю, что, если причиной этой одиозности явилась «Россия и Латинство»², то я очень рад, что это обнаружилось до начала издания «Устоев»: иначе расхождения по католическому вопросу обнаружались бы сейчас же после выхода первых номеров и привели бы к прекращению начатого издания, т.е. к публичному скандалу, которым воспользовались бы латинствующие. Я подчеркиваю, что по католическому вопросу мы ни на какие уступки не идем: максимум был дан в статье Карташева, да и то только при условии помещения этой статьи в общий контекст других статей «Рос[сии] и Лат[инства]».

О передаче Вам письма в открытом конверте через Булгакова пишу так: «если в этом поступке действительно не было никакой задней мысли, то неужели Вы не понимаете, что это было по крайней мере бестактно?», и далее: «Сувчинский не мог понять Вашего поступка иначе, как желания придать дело огласке, открыто отряхнуть прах, уйти, хлопнув дверью, — и не мог не „удивиться“. Я тоже очень „удивился“ и огорчился, когда он мне про это написал». Переходя к вопросу о гримзах, я даю краткую характеристику каждого из них в отдельности и констатирую, что ни один из них к роли руководителя православным возрождением русской интеллигенции не подходит и что ни на одного из

них вполне положиться нельзя. За то, что они разрушили внеконфессиональные происки «Имки», их, разумеется, можно только похвалить. Но это ничего не доказывает. Для православного русского интеллигента протестантские соблазны вообще не страшны. Настоящим пробным камнем для такого интеллигента является латинство; и вот по этой части я за гримз не поручусь. По этому поводу указываю Ф[лоровско]му, что, хотя я верю в то, что он не безгранично подвержен влиянию, тем не менее считаю долгом предостеречь его и особенно предостерегаю от вступления в какие бы то ни было затеянные гримзами «ордена», слухи о которых через Бердяева проникли уже в Берлин. В заключение вкратце советую Ф[лоровскому] не форсировать сближение с Савицким: для разрушения сложившихся в сознании комплексов предубеждений нужно прежде всего время, а частые встречи при искусственном делании вида, что ничего особенного не произошло, только углубляют, а не разрушают подсознательные комплексы⁴. Кончаю так: «Вашу „протянутую руку“ я жму от всего сердца, но тем не менее желаю успеха первому номеру „Временника“ и верю, что это не повредит восстановлению единого евразийского фронта». — По-моему, «теплее» и «тоньше» невозможно... Что касается до оценки письма Г[еоргия]В[асильевича] по существу, то трудно в нем отделить Wahrheit от Dichtung⁵. Минутами, по-моему, чувствуется искренность, а наряду с этим есть места, где он просто старается вывернуться и где прикидывается дурачком (напр., все толкование инцидента с передачей письма через Бердяева). Думаю, что подкладка письма двойная. С одной стороны, попытка издания правосл. журнала без «одиозной марки», по-видимому, прогорела, и в связи с этим план самостоятельной ориентировки на гримз значительно утратил свою прелесть. А с другой, со времени начала инцидента прошло уже довольно много времени, первоначальный пыл значительно охладел, и стало совестно. По-моему, встречать его «мордой об стол» не надо. Сразу принимать его в дружеское общение, как ни в чем не бывало, тоже не следует. Но отвергать попытку примирения нехорошо. Очень хочу знать Ваше мнение по этому вопросу.

Обнимаю Вас.

Ваш Н. Трубецкой.

Р.С. Только что получил Ваше письмо. Держите Арапова за фалды!
Н.Т.

26/XI/1923

1 Вот что писал Г.В. Флоровский Н.П. Трубецкому 10 февраля 1924 г.: «Смысл моего предметного отклонения от „евраз[ийства]“ Вы изображаете *неверно*. Я не утверждаю, что *только* церковные (рел[игиоз-ные]) вопросы актуальны и потому вовсе не считаю себя обязанным „выходить из мира“ и постригаться в монахи. Я говорю совершенно другое: для меня церковные вопросы есть *первые и основные*, если хотите, да — *единственные*, но в том смысле, что они *все и вся* в себя включают. Поэтому с них надо начинать. Боюсь, что Вы лично склонны обособлять слишком многое из „светской“ науки и придавать ему мнимую самостоятельность. Поэтому у Вас выходит, что с европ[ейской] культурой можно бороться *секулярно*. Я не могу себе представить, как возможно закладывать психологическую базу для своей р[усской] культуры помимо церковного самоуглубления, а *потом* уже доводить до „более или менее“ удачного совмещения с православием... Это, простите, совсем романо-германская „психология“. Это на безбожном Западе отвлеченный рассудок строит свои ахинеи, а „потом“ „согласует“ их с „верой“. Это там выдумывают вопрос о том, что совместимо из науки с христианством, а из христианства с наукой. Культура должна *расти из церкви*. Я отвечаю на Ваше письмо, кот[орое] лежит предо мною. Боюсь, что Вы в нем отвергаете рел[игиоз-ную] культуру, — отсюда Ваши недоразумения. Мир для меня вовсе не „безразличная чепуха“, а *религиозная задача*... Запад есть латино-протест[антская] „страна“ и в *этом* качестве подлежит преодолению — *религиозному*. Россия есть *религиозная задача*. Отсюда вовсе не следует, что не надо строить культуру. Но культуру надо строить религиозно. И если я „возражаю“ евразийцам, сам будучи одним из них, то потому, что вижу в них поползновение по превратному примеру старых гримз уйти в мирское делание. Есть, что делать в миру, но пора перестать делать мирские дела. Ничего дельного не возникнет, пока в мир не будут идти из церкви с молитвой на устах и молитвой в сердце. А „Врем[енник]“ написан светским рассудком. Вы впадаете в дурной психологизм. Есть относительные ценности, да! но они не могут быть *внешни* церкви. Говоря кратко, я *считаю очередной (первоочередной) задачу религиозного самоопределения*. Недопустимо оставаться бессознательными, „кустарными“ православными. Нужно пережить, вчувствовать прав[ославное] прошлое — Виз[антийское] и Русское, — почувствовать русскую судьбу, как прав[ославную] судьбу, — иначе неизбежно впадаете в маниловщину или ноздревщину. „Временник“ для меня *скучен*. Он весь не на тему. Все это рассуждения перед открытой

дверью, — а надо просто в нее войти. Было уместно Струве и Бердяеву рассуждать о вере, когда за плечами у них был чуть ли не устав РСДРП. Но нам это ни к чему. Я все вспоминаю гегелевский *w.z.*[?] о преподавании плавания на суше, а надо броситься в воду. „*Временник*“ — *пуст*, как бы ни были содержательны Ваши статьи и статьи Сувч[инского]. Кстати, нельзя же о *русском* рел[игиозном] призвании писать языком „марбургской школы“: „сакрализация быта“, „трансцендентная категоричность образа веры“ и т.д. Все это бесконечно растянутое предисловие прозой, а нужно творить поэму, рел[игиозный] гимн. Режут слух декламации милого П.П. [Сувчинского] о быте — быт строят жизнью, а не рассуждениями. А каким „бытом“ мы живем? Я не хочу спорить. Я хочу только сказать, что *есть* предметное расхождение между нами и что *Вы* ушли от первонач[альных] позиций евраз[ийства]. Я все время мечтаю о „воссоединении“ и с глубокой болью чувствую, что это невозможно, все более становится невозможно» (цит. по: Соболев А. К вопросу о внутренних трениях и противоречиях в евразийстве 1920-х годов // Россия XXI. 2002. № 5. См.: http://www.russia-21.ru/XXI/RUS_21/ARXIV/2002/sobolev_2002_5.htm#_ftnref20 [последнее обращение — 4 апреля 2009 г.]).

2 Это радикальное заявление Н.С. Трубецкого отражает взгляды евразийцев на связь политики и религии. Поскольку основой общественной жизни должно было стать «бытовое исповедничество», то есть религиозные практики должны были доминировать в любой сфере жизни, то «идеократия» — власть одной идеи в государстве — понималась прежде всего как такая государственная организация, где государство стремится к слиянию с церковью (здесь очевидна отсылка к работам В. Соловьева).

3 В предисловии к сборнику «Россия и латинство» П.Н. Савицкий практически поставил знак равенства между католицизмом и большевизмом как основными врагами православия, что вызвало резкую реакцию в среде «православных профессоров».

4 Самый плохой период во взаимоотношениях Г.В. Флоровского и П.Н. Савицкого относится к 1923 г. Флоровский писал Трубецкому о Савицком: «Есть в этом *личная* сторона. Нехорошо ее замалчивать. Не знаю, как Вы смотрите на Сав[ицкого]. Я против него ничего не имею, но прямо скажу — я ему *не верю*. Для него *главное* — *épater le bourgeois*. Главное — внешний эффект, в самом хор[ошем] смысле слова. „Перерождаться“ он вовсе не хочет. „Базы“ у него никакой нет: он мягок, как воск. Я просто боюсь с ним говорить: через два дня вся Прага знает мои мысли под именем мыслей Савицкого и под густым слоем демагогического перца. Сознаюсь, все эти песенки о порывах и „боговозбуждениях“ мне надоели: это — вампука. Вспомните, как Сав[ицкий] замариновал план чисто рел[игиозного] (рел[игиозно]-культ[урного]) сборника; ловко и хитро. Меня он как-то

убеждал, что надо по всей Европе организовать евраз[ийские] „тройки“ ... Все это перезрелая интеллигентщина. И вот почему я не могу не улыбаться, чит[ая] Вашу догадку, что о. С. Булгаков ему не симпатизирует. Ключ в другом: Сав[ицкий] видит, что в союзе с о. С[ергием Булгаковым] ему, П.Н. [Савицкому], нельзя быть на *первом* месте и нельзя пестрого петуха запустить. Это гораздо более простое объяснение. Сав[ицкий] — духовно ленивец и весь уходит в позу. Ну, и пусть себе. Но это скучно. Было бы это полбеда, кабы при этом веру не подменяли „подданством идее“ ... Полная копия с г.г. интеллигентов. Запоздалый натурализм! И *maia grandiosa!* У Сав[ицкого] доходит до того, что даже *наряду* с Церковью „евр[азий]ство“ становится „самостоя[тельной] единицей“. Договориться с ним невозможно, потому что он все расценивает *sub specie* зффективности. У „Врем[енника]“ есть своя публика, и очень многочисленная; боюсь, что все это недорезанные буржуи, которые с охотою „потолкуют“ — у открытых дверей. Помечтают о будущей Вел[икой] России... Худо то, что Сав[ицкий] считает себя „готовым“, что задачи давно для него окаменели в решения, хотя он *сам* решений никаких не знает. Вы думаете, что я तो-роплюсь с обвинением в империализме... А я боюсь, что я с ним опоздал. Надо строить Святую Русь, а для Сав[ицкого] вся суть в победе над Англией на индийском фронте, для Сувч[инского] — в *р[елигиозном] быте*... Это измелъчание „идеи“». Тем не менее, несмотря на, казалось бы, полный разрыв, отношения между Флоровским и Савицким позднее восстановились. Так, в 1927 г. Савицкий писал Флоровскому: «Дорогой Георгий Васильевич. Признателен за письмо, которое принимаю, как знак внимания и дружбы. Можешь быть уверен, что критику евразийства по существу никогда не приму в личной плоскости. Очень хотел бы, чтобы обмен мыслями шел бы в духе мира и любви...» (П.Н. Савицкий — Г.В. Флоровскому, 3 ноября 1927 г. // Princeton University Library. Department of Rare Books and Special Collections. Collection CO586: George Florovsky Papers. Box 55. Folder 12).

5 Истину от поэзии (*нем.*).

22 20 декабря 1923 года

Дорогой Петр Петрович!

Хотел ответить сразу на все Ваши вопросы, но русской статьи Арсеньева еще не получил, а немецкую еще не успел прочесть до конца. Поэтому об Арсеньеве пока говорить не буду, а поговорю только о Флоровском, о «Догмате и Творчестве» и об грымзовском ордене'.

Возвращение Г[еоргия]В[асильевича Флоровского] осложняет дело. Из письма его к Вам совершенно ясно, что внутренне он от нас чрезвычайно далек. «Евразийский Временник» проникнут особым, как вы любите говорить, «пафосом» или «тонусом». Арсеньев в письме ко мне выражает свой восторг от этого сборника и между прочим говорит: «во всей книжке чувствуется духовный огонь и духовная сила. Это, конечно, не ваше личное, но тем лучше! Это — *подданство* идеи...» По-моему, он совершенно прав. В сборнике именно это самое важное. А между тем Г[еоргий]В[асильевич Флоровский] именно в этом «созвучать» не может. В нем *этот* огонь больше не горит, и тот неподдельный и непосредственно ощущаемый подъем, которым веет каждая страница «Временника», им воспринимается как «литературщина» и «демагогия». Самое «подданство идеи» он воспринимает как нечто греховное, он не верит в ту Россию, в которую верим мы, и ищет спасения в отвлеченном от жизни богословии и аскетизме. Это — не наш подход, ибо мы от жизни не бежим. Это у него, конечно, — от Булгакова, который своей собственной неврастенией еще усугубил природные склонности самого Г[еоргия]В[асильевича Флоровского]. А при таких условиях я не вижу, как можно нам с ним совместно работать. Свести его на положение Бицилли, Шахматова² или хотя бы Карташева, т.е. спорадически заказывать ему статьи, не подпуская его к самому редактированию и установлению направления, будет чрезвычайно трудно, т.к. он ищет полного восстановления во всех прежних правах. А впустить его опять на прежних основаниях — значит надеть на ноги пудовые гири. Исхода из этого положения пока не вижу. Но практически с этим придется столкнуться непременно, если издавать не только «Устои» как специальный журнал, но и просто православный сборник. Проект Г[еоргия]В[асильевича Флоровского] мне кажется весьма мало приемлемым. Журнал, в котором редакторами будут только Вы да он, а остальные евразийцы будут только «на правах сочувствия», по-моему, фактически немыслим, во-первых (Вы с ним расплутесь после первого же месяца работы), и нежелателен, во-вторых. Из дальнейшего развития мыслей Г[еоргия]В[асильевича Флоровского] по поводу этого его плана ясно следует, что предприятие это неподходящее. Смотрите, что получится. Савицкий и я от дела устранимся совершенно. Два «спеца», охотно идущие к нам, Ильин³

и Шахматов, — тоже. Привлекается неизвестная нам величина Бездобразов⁴ (знал его, когда он был студентом, — скучнейший homunculus вроде Ольденбурга⁵: даровитости в нем не приметил, хотя одно лето видались с ним очень часто на Кавказе). Арсеньеву заказывается статья на такую тему, на которую как раз ему заказывать нельзя: о типах христианского опыта на Востоке и на Западе (непременно будут расшаркивания на обе стороны). И в качестве единственной уступки предоставится одна статья Вам... Деньги и организация техническая, — понятно, от Eurasia-Verlag⁶. Спрашивается: при чем тут евразийство? Мне кажется, что этот план — *ausgeschlossen*⁷. «*Restitutio in integrum*»⁸, которого требует Г[еоргий]В[асильевич Флоровский], разумеется, недоразумение. Тогда, летом, проект журнала редактируемого, Вами, Г[еоргием]В[асильевичем Флоровским] и Булгаковым, был придуман как компромисс, чтобы предотвратить раскол и получить статьи Г[еоргия]В[асильевича] для «Временника». Раскол все-таки произошел, «Временник» вышел без статей Г[еоргия]В[асильевича Флоровского] и от этого, м[ожет] б[ыть], только выиграл. Следовательно, никаких оснований для возвращения к первоначальному плану нет. Из Вашего письма и из письма Савицкого вижу, что и Вы оба к проекту особого православного журнала относитесь отрицательно.

Но перехожу к вопросу о специальном № «Временника» с подзаголовком «Догмат и Творчество».

Проект, сообщенный мне Савицким, кажется мне и малоудовлетворительным, и трудноисполнимым. Прежде всего, я вполне присоединяюсь к мнению Г[еоргия]В[асильевича] о нежелательности участия иерархов, по крайней мере, Антония и Евлогия (это единственное, в чем Г[еоргий]В[асильевич Флоровский] прав). Далее, не думаю, чтобы мы могли получить «первоклассный материал» по части богословия. Наконец, самый состав предполагаемых статей довольно пестр даже в проекте, а опыт «Росс[ии] и Лат[инства]» показывает, что «спецы» при выполнении заказов довольно свободно трактуют свои задачи и уклоняются от директив, так что на практике получится еще пестрее, и единства содержания не будет. Наконец, спрашиваю себя, отвечает ли проектируемый сборник реальным потребностям читателей и найдет ли он сбыт. Если принять во внимание, что параллельно надо будет думать и об издании «светского» «Временника», то спрашивается, хватит ли у нас

средств, чтобы поднять оба дела. На основании этих соображений высказываюсь против издания специального сборника с подзаголовком «Догм[ат] и Твор[чество]». Мне кажется, гораздо целесообразнее издавать просто очередные номера «Временника» без всяких подзаголовков, помещая в них статьи разного содержания, но в то же время собирать статьи богословского и историко-церковного содержания и печатать их во «Временнике» без предварительного плана, просто по мере накопления. При этом каждый раз примечаниями от редакции или особыми предисловиями вводить эти статьи в общий контекст «евразийских идей», и, если нужно, или если автор этого пожелает, оговаривать, что данный автор не евразиец, а спец. Таким путем нам удастся, кроме всего прочего, обойти щекотливый вопрос о роли и характере участия Г[еоргия] В[асильевича Флоровского], т[ак] к[ак] на полноправную редакторскую роль во «Временнике» он и не претендует, а «Временник» с подзаголовком совершенно правильно сочтет за подтасовку.

Из статей, намечаемых, с одной стороны, Савицким и Вами, а с другой — Г[еоргием] В[асильевичем Флоровским], считаю желательным для «Временника» следующие:

1) Вашу «Догмат и Творчество» — с непременно условием возможно большего упрощения языка: в «Преодолении революции» Вам удалось значительно приблизиться к идеалу (хотя, напр., блестящая мысль о порочном космосе материи и духа в социализме выражена так мудрено, что меня уже с нескольких сторон просили объяснить это «своими словами»), но в «Инобытии русской религиозности» язык сильно мешает.

2) Статья Вернадского⁹ «О Византии как православном царстве» или «О Церкви и государстве в Византии».

3) «Татарщина как религиозная эпоха».

Не знаю только, сумеет ли прилично написать Шахматов, ибо, хотя Г[еоргий] В[асильевич Флоровский] ополчается на него немного зря, все же нельзя не признать, что Ш[ахматов] — человек дурного вкуса; можно поставить ему условия, чтобы без лирики и попредметнее.

4) «Русская церковь под цезарепапизмом» у Карташева может выйти хорошо.

5) «Образ русского подвижничества», если Арсеньев сумеет спрятаться за материалом.

6) О Третьем Риме — тема опасная, но важная, и ее надо иметь в виду.

7) О мистическом богословии восточной церкви (Максим Исповедник, Симеон Нов. Богослов¹⁰ и др.) — тема очень важная. Но необходимо поставить ее в определенную перспективу. Мне кажется, что при обычном изображении разделения церквей, особенно у современных сторонников соединения, центр тяжести переносится на сторону внешнюю, на борьбу за первенство, на столкновение честолюбивых иерархов. Поэтому очень важно всячески подчеркнуть внутреннее различие между духом вост[очной] и запад[ной] Церкви, сложившееся еще до разделения и сделавшее это разделение не только возможным, но и почти неизбежным. Думаю, что Арсеньев мог бы выполнить эту тему по существу, а примечание редакции поставило бы ее в нужную перспективу.

8) Наконец, сотрудничество Г[еоргия]В[асильевича] Флоровского] я тоже считаю желательным, но думаю, что «Трагедия русского империализма»¹¹ у него сейчас выйдет хуже, чем «Православие как путь творчества» или статья о Ниле Сорском (последняя была бы особенно желательна).

Все эти статьи вовсе не обязательно поместить непременно в одном и том же номере. Их можно распределить по нескольким номерам «Временника» наряду с другими статьями. Что касается до моей статьи о «дисциплине организации и дисциплине обряда», то я постараюсь ее изготовить, но боюсь, что выйдет немного подилетантски, т.к. у меня нет нужной богословской и церковно-исторической эрудиции. Впрочем, можно оговорить, что пишу как рядовой мирянин.

Перехожу к «ордену»¹². По личному составу это — возрожденное «религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьева». В Москве это общество заседало за чашкой чаю (с печениями) у купчихи-меценатши Маргариты Морозовой¹³, в Питере однородное общество собиралось на «соловьевских обедах» по инициативе известного Вам бывшего обер-прокурора Алексея Оболенского¹⁴. Изредка устраивали и в Москве, и в Питере публичные заседания с прениями. Думаю, что, несмотря на новые меха, в которые вливается это старое вино, личный состав этого «ордена» недееспособен. В крайнем случае, если раздобудут денег от какой-нибудь «Имки», будут издавать книги и журналы, в которых больше всего будет при-

надлежать перу Бердяева. В этом отношении я вполне схожусь с мнением П.Н. Савицкого. По существу, если дело идет действительно о создании суррогата епископского авторитета и если все основано на «примере Булгакова», — то затея это вредная и нам с ними не по пути. П[етр]Н[иколаевич Савицкий] прав, что надо затребовать устав. Вступать к ним, конечно, нельзя, но ознакомиться с сутью дела следует, ибо, признаюсь, мне все-таки и до сих пор не ясно, в каких конкретных формах они представляют себе свою деятельность¹⁵.

Как только дочитаю немецкую статью Арсеньева и получу его же русскую, напишу Вам о своих впечатлениях. Несмотря на все свои недостатки, Арсеньев все-таки ценен (спецы на улице не валяются), и упускать его не нужно. Для американского сборника его «*Russischer Mensch*», пожалуй, слишком объемист: американцам нужно что-нибудь покороче. Меллер просит меня вкратце изложить русскую историю с точки зрения вреда европеизации. Я начал это писать, но при всем старании выходит все-таки длинновато¹⁶.

Впечатления от «Временника» у меня хорошие. Здешним студентам он очень нравится, и я думаю, что мы попали в правильную точку. Один из немногочисленных здесь легитимистов, прочтя «Временник», с огорчением воскликнул: «Сколько пользы могли бы принести эти люди, если бы примкнули к нам!...» Я только нахожу, что Савицкий испортил свою первую статью вставками, которых раньше не было, от чего она утратила свою целостность и ударность. Вторая статья его очень интересна и вполне на месте. Статья Арсеньева вполне гармонирует с общим тоном.

Пока до свидания. Обнимаю Вас. Целую ручки Анне Дмитриевне.

Ваш Н. Трубецкой.

20/XII/1923

¹ Имеется в виду Братство Св. Софии.

² Мстислав Вячеславович Шахматов (1888–1943) — историк и теоретик права. Окончил юридический факультет Петербургского университета. С 1922 г. жил в Праге; приват-доцент, а с 1927 г. — профессор Русского юридического факультета в Праге. Один из основателей и член Русского исторического общества в Праге; член Славянского института в Праге. Опубликовал несколько евразийских работ, в частности, «Подвиг власти:

Опыт по истории государственных идеалов в России» (Евразийский временник. Берлин, 1923. Кн. III. С. 55–80); «Государство правды: Опыт по истории государственных идеалов в России» (Евразийский временник. Берлин, 1925. Кн. IV. С. 268–304).

3 Имеется в виду В.Н. Ильин.

4 Сергей Сергеевич Безобразов (1892–1965) — бывший библиотекарь Публичной библиотеки, преподавал на Бестужевских курсах и в Туркестанском университете в Ташкенте; выслан из России в 1922 г., в эмиграции проживал в Париже; один из основателей Богословского института. В 1932 г. принял монашество, в дальнейшем известен под именем епископа Кассиана; был активным участником Братства Св. Софии и экуменических контактов православных и англикан.

5 Сергей Сергеевич Ольденбург (1887–1940) — историк, в политике придерживался консервативных взглядов; сын известного востоковеда С.Ф. Ольденбурга. С.С. Ольденбург в эмиграции был близок к П.Б. Струве, Русскому национальному комитету в Париже и газете «Возрождение». Автор апологетической монографии о Николае II.

6 Издательство Eurasia-Verlag было создано в Берлине в 1923 г. Впоследствии в Париже было основано Евразийское книгоиздательство, которым также руководил П.П. Сувчинский.

7 Исключен (нем.).

8 «Восстановление чести» (лат.).

9 Георгий Владимирович Вернадский (1887–1973) — историк, сын академика В.И. Вернадского; как и Трубецкой, закончил 5-ю московскую гимназию, затем слушал в Московском университете лекции Ключевского, Кизеветтера и Виппера. С 1913 по 1917 г. был приват-доцентом Петербургского университета, с 1917 г. — профессором Пермского университета, затем преподавал в Таврическом университете; работал в правительстве П.Н. Врангеля, заведывая отделом печати. С 1922 по 1927 г. — профессор Русского юридического факультета в Праге, в 1927 г. по рекомендации М.И. Ростовцева переехал в США, где преподавал в Йельском университете. Активно участвовал в евразийских публикациях; работы Вернадского не отличались оригинальностью, представляя собой в основном приложение евразийских моделей Н.С. Трубецкого и П.Н. Савицкого к истории России допетровского времени.

10 Максим Исповедник (ок. 580–662) — византийский богослов, противник монофелизма, мистик; Симеон Новый Богослов (ок. 949–1022) — византийский богослов, монах, мистик. Выбор Н.С. Трубецкого объясняется, по всей видимости, тем, что эти византийские богословы подчеркивали роль таинства и мистического знания (а следовательно, молитвы и обряда) в христианстве, критикуя попытки рационализации теологии, что стало отличительной чертой «восточного» богословия.

11 Этот текст Г.В. Флоровского неизвестен: вероятно, он не был написан или же был утрачен.

12 Имеется в виду Братство Св. Софии.

13 Маргарита Кирилловна Морозова (урожд. Мамонтова, 1873–1958) — вдова Михаила Морозова; была известна своей меценатской деятельностью, в частности, поддержкой религиозно-философских кружков.

14 Н.С. Трубецкой ошибся: обер-прокурором Св. Синода (в 1905 г.) был князь Александр Дмитриевич Оболенский (1855–1933).

15 О дискуссиях между евразийцами и «софийцами» см.: Колеров М. Братство св. Софии: «веховцы» и евразийцы (1921–1925) // Вопросы философии. 1994. №10. С. 143–166; Он же. Новые материалы к истории Братства Св. Софии (1918–1925) // Вопросы философии. 1995. №4. С. 127–133; Он же. Братство Святой Софии: документы (1918–1927) // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1997 год. СПб., 1997. С. 99–133; Он же. Несостоявшийся союз (письмо Н.А. Бердяева к П.Н. Савицкому, 1923) // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2000 год. М., 2000. С. 308–311.

16 На основании этого текста Н.С. Трубецкой впоследствии напишет книгу «Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю с Востока» (Берлин, 1925), ставшую ключевым текстом евразийства по истории России.

23 Декабрь 1923 года¹

Дорогой Петр Петрович!

«Новая эра» меня очень радует, и я от всей души приветствую это начинание. С нетерпением жду от Савицкого присылки «внутреннего договора»². Сожалею только о том, что мне лично в ближайшее время, вероятно, придется очень мало принимать участие в общей работе.

Мои впечатления от «России и Латинства» несколько двоятся. Откровенно говоря, нельзя считать сборник вполне удачным. Статья Карташева положительно слаба, статья Бицилли — тоже, а главное, это совсем не то, что требовалось (вообще, по-моему, Бицилли — не приобретение)³. Предисловие Савицкого в печати проигрывает: в нем есть действительно соблазнительные места (напр[имер], рискованное сравнение католиков с большевиками), и хотя по существу все правильно, но выражено так, что может сму-

тить и оттолкнуть⁴. Относительно статей Флоровского, Ильина и Вашей должен сделать одно общее замечание: невразумительно⁵. Я всегда это повторяю и уверен, что это правильно: публика нисколько не обижается, когда с ней говорить удобопонятным языком без «имманентности» и «трансцендентности»; она нисколько не принимает это за нарочитую популярность, за полупрезрительное «применение к уровню читателя»; и даже наоборот, очень радуется, когда ей что-нибудь «разжуют» (конечно, не в обидной форме). Моя статья и статья Вернадского⁶ написаны вовсе без всякого обидного для читателя нарочитого снисхождения, но написаны все же таким языком, чтобы прочесть их мог не только приват-доцент или читатель, искушенный на «Альманахе»⁷, но и рядовой обыватель, даже средняя дама. Между тем Ваши три статьи абсолютно непонятны не только для дам, но и для кого бы то ни было, не воспитавшегося на чтении философских и серьезно-этических статей и журналов. И не только благодаря языку, но и благодаря недостаточно ясно проведенному плану. Между тем, ведь сборник предназначен для всех, в том числе и для дам, и для офицеров, и для людей уровня Эйлера⁸. Давая читать «Россию и Латинство» разным членам здешней русской колонии, я убедился в правильности этого моего мнения. Интерес к вопросу большой, и желание выяснить самим себе суть дела тоже большое; сборник буквально проглатывают, — но усваивают при этом, конечно, только то, что разжевано и удобоваримо: неразжеванным давятся и остаются недовольны. Мне это высказывают откровенно, конечно, потому что всегда прибавляют: «Вот-де ваша статья и статья Вернадского написаны понятно». Но именно поэтому я думаю, что суждения, которые мне сообщают о других статьях, вполне откровенны. По-моему, на эту сторону дела следует обратить серьезное внимание. Можно и нужно найти золотую середину между нарочитой популярностью и «писанием для немногих избранных», тем более, что эти «немногие избранные», способные понять всякое не вполне разжеванное рассуждение, распутать несхематизированный ход мысли, знающие значение слова «имманентный», — в большинстве своем люди типа Бердяева или Зеньковского, т[о] е[сть] такие, для которых не стоит стараться.

С этой стороны меня несколько беспокоит «Догмат и Творчество». Как бы тут не уйти в «эмпирию». Ведь уже тут без имма-

нентности и трансцендентности не обойдешься! По-моему, всем авторам должно быть дано *mot d'ordre*: повразумительнее! Сама по себе тема важна, т[ак] к[ак] действительно уклон к модернизации догматов и к нецерковному догматотворчеству существует. Но сборник будет иметь смысл только в том случае, если будет максимально вразумителен. Кроме людей, пришедших в Церковь с определенным, уже ранее вне церковной ограды сложившимся философским мировоззрением, каковое мировоззрение они так или иначе стараются навязать Церкви путем догматотворчества, есть и такие «новообращенные», которые собственно никакого философского мировоззрения не имеют, в церкви ходят просто молиться, а догматы считают делом неважным и второстепенным. По-моему, такие люди не менее опасны, чем кустарные догматотворцы, и сборник должен обращаться как к тем, так и к другим. Кроме установления рамок и предпосылок догматотворчества (точнее, догматического развития) должна быть установлена с полной ясностью необходимость догмата и обязательность для члена Церкви не только формального, но и внутреннего признания догмата. При этом выражено это должно быть так, чтобы понять это мог и вышеупомянутый человек, не имеющий и не желающий иметь философского мирозерцания.

Я уже писал Флоровскому, что есть, по-моему, теперь одна проблема, выдвигаемая самой жизнью проблема, на которую люди западнического закала закрывают глаза, но мимо которой мы, евразийцы, пройти не можем. Это — пересмотр отношений к старообрядчеству. То, что сейчас происходит с Церковью в России, с одной стороны, есть отдаленное следствие «никоньянства», с другой, — должно привести к воссоединению «не-живой» Церкви со старообрядчеством. Пока в западнических умах носятся идеи о соединении с латинянами и англиканами, не мешало бы вспомнить о нашем домашнем «разделении церквей», разделении в конце концов для России гораздо более пагубном и в то же время практически более легко устранимом. Надо пересмотреть этот вопрос, разрушить предрассудки, создавшиеся вокруг него, выделить в старообрядчестве, в старообрядческом духе то, что в нем является действительно ценным, от того, что вредоносно и греховно. Идеал старообрядчества — материализация догмата в обряде, насыщение быта обрядом и слияние в одно духовно-физическое целое догма-

та, обряда и быта, — в принципе приемлем, причем, конечно, идеал надо отделять от практики. Старообрядчество, очищенное от того, что было внесено греховным озлоблением, упрямством и невежеством его первых вождей и углублено преследованием петербургской полициейщины, есть сила положительная. Словом, тут есть о чем поговорить. К проблеме можно подходить с разных сторон. Укажу, напр[имер], на сторону художественную, на вопросы церковной музыки и живописи, причем это истинно-церковное, православное искусство возможно лишь при предпосылке того конкретного материализирующего мистицизма и того слияния обряда с бытом, которые составляют сущность старообрядчества. Вся проблема, как и все, о чем мы думаем и пишем, должна нами обсуждаться не с точки зрения механической реставрации и возвращения *вспять*, а с точки зрения нахождения в прошлом точки опоры для движения *вперед*. Думаю, что поднять и развить этот вопрос можем только мы. И это будет большое дело, ибо, хотя практически мы ничего совершить не можем, мы можем теоретически подготовить, расчистить путь для будущего воссоединения, — хотя бы только самым фактом постановки вопроса и пробуждения интереса.

Пока — до свидания. Обнимаю Вас.

- Ваш Н. Трубецкой.

P.S. Надеюсь, вы не обидитесь на меня за суждения о *форме* вашей статьи, тем более, что я передаю только откровенные чужие суждения.

1 Датируется по содержанию.

2 Скорее всего, речь идет о принятых евразийцами осенью 1923 г. решениях о расширении евразийской деятельности, начале кампании политической пропаганды и установлении контактов с подпольем в России. «Внутренний договор» — скорее всего, договор о создании издательства Eurasia-Verlag, учрежденного евразийцами при участии А.В. Меллер-Закомельского и П.С. Арапова в Берлине.

3 *Карташев А.В.* Пути единения // Россия и латинство: Сб. ст. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1923. С. 141–151; *Бицилли П.М.* Католичество и римская церковь // Там же. С. 40–79.

4 *Савицкий П.Н.* Россия и латинство // Там же. С. 9–15.

5 *Сувчинский П.П.* Страсти и опасность // Там же. С. 16–39; *Флоровский Г.В.* Два завета // Там же. С. 152–176; *Ильин В.Н.* К проблеме литургии в православии и католицизме // Там же. С. 117–219.

6 Вернадский Г.В. «Соединение церквей» в исторической действительности // Там же. С. 80–120; Трубецкой Н.С. Соблазны единения // Там же. С. 121–140.

7 То есть на евразийских сборниках.

8 Скорее всего, имеется в виду Александр Александрович Эйлер (1884–1934) — выпускник юридического факультета Московского университета; после революции эмигрировал в Болгарию, состоял членом главного комитета Всероссийского Земского Союза.

24 31 декабря 1923 года

Дорогой Петр Петрович!

Статью Савицкого о евразийстве (для Амер[иканского] Сб[орника]) прочел и отсылаю Савицкому со своими замечаниями. По-моему, все прекрасно, за исключением, во-первых, пророчества о будущей судьбе Англии (это безусловно надо вон!) и чрезмерного расшаркивания перед американцами и даже перед «англосаксонской расой вообще». Раз у них валюта хорошая и они нам дают деньги, то, так и быть, можно им не говорить в лицо, что они самые типичные и заядлые из всех романо-германцев. Но не надо впадать и в обратную крайность и чрезмерно льстить их национальному самолюбию. Я так и написал Савицкому.

Немецкую статью Арсеньева я прочел и нахожу, что для иностранного читателя она вполне подходяща. Расшаркивания, о котором Вы писали, я в ней не нашел (м[ожет] б[ыть], Арсеньев это место выкинул?). Цитаты подобраны великолепные, да и сам Арсеньев выступает куда лучше, чем в «искании подлинного бытия». Единственное, что я имею возразить, это — что для американского читателя статья как будто длинновата. Вообще, боюсь, что Амер[иканский] Сб[орник] выйдет слишком объемистым.

Я стараюсь писать заказанный Меллером очерк русской истории, но никак не могу «возгореться», пишу со скукой, выходит длинно и неинтересно. Впрочем, надеюсь по окончании сократить и «оживить».

Об ордене Булгакова начинаю думать, что, пожалуй, действительно, он может принести вред. Но не потому, что за ним пойдут, а потому, что, вследствие его деятельности, утратят спо-

способность куда бы то ни было идти. Булгаков — тип неврастенического богоискателя, «вечного странника», который никогда и ни на чем не может успокоиться. Его пресловутая эволюция «от марксизма к идеализму» далась ему ценой длительной и тяжелой внутренней борьбы, сомнений и самокопаний. И инерция этого душевного состояния в нем осталась, отравляет его собственный душевный покой и, мало того, отравляет всех окружающих, кто с ним соприкасается. Смотрите, — в чем сказалось его влияние на Флоровского? — Прежде всего в том, что, как он пишет, «для него теперь нет никаких ответов, одни только загадки». Он начал утрачивать тот твердый устой, на который опирался. Недавно в «Руле» прочел отчет Изгоева¹ о прочитанном Булгаковым в Праге «Диалоге» (о херсонесском соборе или о херсонесском маяке, — что-то в этом роде). И там результат получился совершенно тот же: Булгаков публично стал высказывать свои неразрешенные сомнения и борения, не предлагая никакого конкретного выхода из положения. Положительного результата это выступление не могло и не хотело иметь, а отрицательный, вероятно, имело: кое в ком из присутствовавших яд сомнений зародился. Прежде Булгаков на каждой своей лекции или речи говорил «на моем трудном пути от марксизма к идеализму» и начинал рассказывать, что он на этом пути испытал. Помню, один московский когенианец, жид Гордон² (теперь он вроде попечителя московского учебного округа у большевиков) страшно возмущался и говорил, что Булгаков публично раздевается, показывает публике свои прыщики, чешет их и приглашает публику этим интересоваться. Я тогда думал, что Булгаков делает все это из педагогики и что, рассказывая о своих сомнениях и внутренних переживаниях, приведших в конце концов к православию, он этим хочет и другим помочь прийти туда же. Но теперь вижу, что, пожалуй, прав был Гордон, ибо если Б[улгаков] сейчас опять в периоде сомнений и на каком-то «трудном пути» (от православия к католицизму?), то до окончания этого пути ему, из педагогических соображений, следовало бы молчать, иначе это действительно какой-то духовный эксгибиционизм. Для роли вождя Б[улгаков] и такие люди, как он, во всяком случае, совершенно не подходят. Вождь должен прежде всего ясно знать, куда он сам идет, а что они этого не знают, это, по-моему, ясно. Таким образом, я продолжаю считать это предприятие по-

ложительно-бесплодным, но начинаю думать, что известные отрицательные плоды оно принести может.

Другой «орден» (Павлова)⁴, о котором Вы пишете, мне совершенно неизвестен. Если во главе — моряк, то не есть ли это нечто килловское⁴. С другой стороны, помню, что в Ростове меня зазывали в какой-то «орден рыцарей белого креста»⁵, но, по наведенным справкам, в деле участвовал кое-кто из масонов, и я не пошел...

Статью дяди Гриши⁶ еще не читал. Он меня вообще очень огорчает. Сидел себе здесь, не рыпался, вреда никому не приносил. Вдруг сорвался с места и поехал в Париж. Перед отъездом говорил, что считает всю эмигрантскую политику вредной детской игрой, и что одной из главных своих задач в Париже ставит удержание Н[иколая]Н[иколаевича]⁷ от участия в этой игре, ибо на Н[иколая]Н[иколаевича] так насаждают со всех сторон, что «старик может поддаться». А теперь узнаю, что он с ушами завяз в политику сам, выписал из Берлина для того же дела еще и двоюродного моего брата Сережу, и что оба они чем-то «состоят» при Н[иколае]Н[иколаевиче]. А тут еще Врангель⁸ издал приказ о том, что он сам уже больше не является вождем «армии», а начальство принял на себя Великий Князь Николай Николаевич... И все это в связи с вступлением дяди Гриши и Карташева в Орден св. Софии... Какая-то слякотная ерунда!

Карташев, пожалуй, для нас погиб. На него можно действовать только при непосредственном общении, а в Париже наших никого нет, и там действуют на него другие, совсем в ином направлении. Впрочем, я уверен, что и сейчас, если его случайно поймать и припереть к стенке, от него можно получить статью для «Временника». Но только где его поймать?

К И.А.⁹ сходите — интересно. На съездах никаких, по-моему, участвовать нечего. Держите Арапова за фалды!

Обнимаю Вас, целую ручки Анне Дмитриевне. Поздравляю с наступающими праздниками

Ваш Н. Трубецкой.

31/XII/1923

P.S. Не думаете ли Вы, что надо послать 1 экз. «Временника» Н[иколаю]Н[иколаевичу]? — Послано ли Антонию, Евлогию и Анастасию¹⁰?

1 Александр Соломонович Изгоев (Ланде) (1872–1935) — либеральный публицист и критик, соратник П.Б. Струве, участник сборников «Проблемы идеализма», «Вехи», «Из глубины». В эмиграции сотрудничал с газетой «Руль».

2 Гавриил Осипович Гордон (1885–1942) — философ-неокантианец; профессор сначала Тамбовского, а затем Московского университета; в 1920 г. был назначен членом Коллегии Наркомпроса РСФСР и заместителем председателя Совета по делам вузов. В 1929–1933 и 1936–1942 гг. находился в заключении, умер от голода в лагере.

3 Лейтенант флота А. Павлов в эмиграции возглавлял Братство белого креста — союз белых офицеров, возникший в 1918 г. как Братство белого креста великой единой России и первоначально возглавлявшийся Дитерихсом. Выступал за обновление руководства РОВС.

4 Кирилл Владимирович (1876–1938), великий князь, член российской императорской фамилии, двоюродный брат Николая II. 31 августа 1924 г. на правах старшего представителя династии провозгласил себя императором Всероссийским под именем Кирилла I; военный моряк, командир Гвардейского экипажа; участник организации Братство белого креста великой единой России в 1918–1919 гг.

5 Речь, возможно, идет об Ордене Св. Креста, создать который на Юге во время гражданской войны планировала военная монархическая организация жандармского генерала А.В. Нечволодова (1864–1938); к участию в Ордене приглашались видные фигуры. Также планировалось создать параллельные ордена по профессионально-сословному принципу: «Рыцари защиты Отечества», «Рыцари милосердия», «Рыцари просвещения», даже «Рыцари золотой лопаты» (для рабочих) и «Рыцари золотого серпа» (для крестьян).

6 Г.Н. Трубецкой.

7 Николай Николаевич (1856–1929), великий князь, считавшийся многими эмигрантами единственным кандидатом на роль «национального вождя».

8 Петр Николаевич Врангель (1878–1928), барон; генерал-майор (с 1917 г.), один из руководителей Добровольческой армии, с апреля 1920 г. — преемник А.И. Деникина на посту главнокомандующего. Пытался провести в Крыму реформы, которые обеспечили бы надежный тыл Белому движению. После разгрома Белой армии в Крыму руководил ее эвакуацией и расселением, затем создал в Брюсселе Общевойсковой союз, объединявший офицеров и солдат Добровольческой армии. В эмиграции уступил роль лидера генералу А.П. Кутепову и великому князю Николаю Николаевичу.

9 Возможно, речь идет об И.А. Ильине.

10 Митрополит Антоний (Храповицкий), митрополит Евлогий (Георгиевский). Анастасий (Грибановский) (1873–1965) — архиепископ, управлявший православными русскими общинами в Константинополе; впоследствии митрополит.

25 17 января 1924 года

Дорогой Петр Петрович!

Трудно что-нибудь советовать Вам относительно перемены местожительства. В Париже сейчас, м[ожет] б[ыть], и дешевле, чем в Берлине, но надолго ли? Ведь там тоже уже началось падение франка и рост цен, а Вы уже знаете по Берлину, к чему это приводит. До сих пор во Франции все «устраивались», но все, кого я знаю, устраиваются на физическом труде или, у кого есть деньги, открывают модные мастерские. Разумеется, если у Вас есть в виду что-нибудь определенное, то переехать стоит, т.к. в Берлине Вы совершенно не устроены и надежд найти заработок мало. Но жить в Париже без заработка будет так же трудно, как в Берлине, если не труднее. О духовной и умственной жизни русских в Париже у меня мало сведений. Кажется, больше политиканствуют. Карташев там совсем увяз, и боюсь, что спасти его можно, только вытащив его из Парижа. М[ожет] б[ыть], имеет смысл влиять на Евлогия, который вообще нам очень сочувствует, но по бесхарактерности поддается влиянию среды, его окружающей? В связи с Вашим переездом встанет вопрос о Eurasia-Verlag. Несомненно, кроме Вас это дело вести некому. Но спрашивается можно ли его вести в Париже? Трудно также с персональной связью. В Берлине Вы имели возможность хотя бы изредка общаться с Савицким, да и мне в Берлин ездить, конечно, легче, чем в Париж. В общем, я Вашему переезду в Париж не сочувствую, но не решаюсь прямо отсоветовать, т.к. это дело должно решаться с точки зрения прямо личных удобств и выгод. С другой стороны, звать Вас в Вену я тоже по совести не могу, хотя мне это, конечно, было бы всего приятнее. Здесь тоже стало очень дорого, квартирный кризис сильный, пригороды гораздо менее удобно связаны с городом, чем в Берлине, а главное, я положительно не знаю, что можно было бы Вам здесь предложить в качестве заработка. Если бы не теперешнее запутанное международное положение, я бы посоветовал Вам целиться на Прагу, но теперь это трудно. Таким образом, если у Вас есть действительно что-нибудь определенное в виду в Париже, то, как это ни жалко, Вам надо переезжать туда. Но без этого, по моему, — рискованно¹.

Жена моя на праздниках была в Белграде и там видела С.С. Безобразова. Он говорил с ней об евразийстве очень сочувственно и, между прочим, одобрял мои «Соблазны единения». О Булгакове высказывался с большой любовью и говорил, что, по его мнению, у Булгакова полоса католических соблазнов временная, и что за последнее время эта полоса как будто стала проходить. Жена говорила с ним очень осторожно, боясь повторения какого-нибудь недоразумения вроде ее разговора с Т.П. Карсавиной¹ (помните?), и потому подробностей его отношения к евразийству выяснить не могла. В Белграде от Безобразова все в восторге, говорят даже, что «от него веет святостью». Т[аким] о[бразом], может быть, я охаял его зря. Ведь я знал его только совсем молодым студентом-первокурсником. Это было летом 1911 г., когда я занимался черкесами и жил на даче у проф[ессора] Миллера², а через шоссе была дача Безобразовых. У Миллера жили его сыновья и их приятели, компания была веселая, и я в часы досуга приятно проводил с ними время, у Безобразовых же царили приличие и высочайше утвержденная скука (отец Безобразова — типичный петроградский чинаш, страшно гордый своим генеральским чином)³, и над ними в нашей компании принято было издеваться. Над молодым Безобразовым смеялись тоже за то, что он был пай-мальчиком. Серьезно я с ним никогда не разговаривал, а только находил удовольствие в том, чтобы его шокировать. Если хотите, можно с ним списаться и предложить ему сотрудничество у нас, но только для этого надо прямо заказать что-нибудь определенное.

О Зеньковском жена рассказывает, что в Белграде с ним очень носятся; он там читает публичные лекции, на которые все валом валят. Особенно он славится тем, что разрушил в Праге внеконфессиональные планы «Имки».

На днях получил письмо от Гурки. Он хвалит «Временник», но недоволен Садовским. При этом высказывает несколько общих мыслей, неглупых, но довольно малооригинальных. Я ответил ему, стараясь внушить ему наши идеи. Думаю, что все-таки надо его держать в орбите евразийства.

Статью для американского сборника закончил. Вышло страшно длинно (46 моих страниц), и много повторений. Теперь надо подчистить и сократить, но на это пока у меня не хватает времени.

В «Руле» как-то прочел статейку С. Горного («По поводу»)¹. Недурно. Кто он такой? Знаете ли Вы его? — Кстати: что, М. Волошин⁶ — жид или русский?

Обнимаю Вас, целую ручки Анне Дмитриевне.

Ваш Н. Трубецкой.

17/I/1924

1 Вопрос об источниках существования П.П. Сувчинского остается открытым. До начала 1925 г., когда поступили деньги от Генри Сполдинга, единственными средствами Сувчинского были, вероятно, разовые выплаты из бюджета издательств, которыми он руководил. С момента получения евразийцами денег от Сполдинга и по начало 1930 г. Сувчинский жил на «евразийское» жалованье, достигавшее 25 фунтов в месяц.

2 Тамара Платоновна Карсавина (1885–1978) — сестра Л.П. Карсавина, известная балерина. Танцевала в дуэте с Вацлавом Нижинским, после революции поселилась в Лондоне (была замужем за английским дипломатом Г. Брюсом). Гастролировала с труппой Дягилева до 1929 г. Какого рода инцидент произошел между Т.П. Карсавиной и В.П. Трубецкой, установить не удалось.

3 Всеволод Федорович Миллер (1846–1913) — этнограф и филолог, иранист; применил сравнительно-исторический метод к изучению русского былинного эпоса. Активно занимался этнографией и лингвистикой кавказских народов, в связи с чем возникли его отношения с Н.С. Трубецким; с 1911 г. — академик, затем директор Лазаревского института восточных языков, который закончил Р.О. Якобсон. См. подробнее часть I настоящего издания.

4 Отец С.С. Безобразова — С.В. Безобразов (1857–?), чиновник Министерства внутренних дел, помощник статс-секретаря, с 1907 г. — статс-секретарь Государственного совета, затем — сенатор. В Гражданскую войну служил управляющим делами Особого совещания при главкоме Добровольческой армии А.И. Деникине. Умер в 1920-х гг. в эмиграции в Югославии.

5 Сергей Горный — псевдоним Александра Авдеевича Оцупа (1882–1948) — поэта, прозаика, критика; брат поэтов Николая и Георгия Оцупов. Находясь в эмиграции, сотрудничал с изданиями «Руль», «Возрождение», руководил Союзом русских инженеров в Германии. В 1930-х гг. жил в Париже, затем в Мадриде.

6 Максимилиан Александрович Волошин (1877–1932) — поэт-символист и критик.

26 2 февраля 1924 года

Дорогой Петр Петрович!

Присылаю Вам письмо Булгакову. Это не копия, а оригинал. Если Вы его одобряете, то отошлите его в Прагу Булгакову или назад мне, но тогда с указанием адреса Булгакова, ибо я его не знаю.

Я сначала написал нечто вроде докладной записки и думал послать именно ее, с тем, чтобы, если понадобится, Булгаков мог огласить ее в совете. Но при официальном тоне все это выходит довольно резко. Самому судить трудно, но когда я прочел свою записку жене, она сказала, что это открытое объявление войны. А ее суждениям о *тоне* я верю. Это меня смутило, ибо становиться сразу в положение нападающего тактически невыгодно. Я и решил смягчить некоторые выражения, выразить то же самое в частном письме и, кажется, вышло лучше. Докладную записку попридержу: может пригодиться. Вообще на эти же темы придется еще много написать.

На днях получил письмо от Арсеньева, который тоже не имел понятия об уставе и так до сих пор устава еще и не видел (упег-hör! Из 12-ти членов учредителей вот уже 5, о которых *мы* знаем, что они не видели устава до его утверждения!)². Спрашивает моего мнения. Я написал ему подробно, как смотрю на дело, и просил его сообщить, как он думает поступить.

Стоит ли писать Евлогию и Антонию? Выйдет похоже на интригу, на донос. Положение Евлогия трудное, ему следовало бы помочь, а присылка ему нашей докладной записки только еще усложнит его положение. Да и может обидеться, что мы его учим распознавать дух латинства и дух православия. В конце концов, вся эта история с утверждением устава есть скандал. А т[ак] к[ак] скандалы с митрополитами именуются соблазнами, то этот скандал следует потушить и замять. Как это сделать, я не знаю, да и не наше дело, пускай выпутывается сам Евлогий. Но присылать ему докладную записку с указанием на то, что он утвердил противуканонический устав, во всяком случае не будет тушением, а скорее раздуванием скандала. — Антоний и без того терпеть не может Булгакова. С ним никогда не знаешь, что он выкинет. Напишешь ему, а он возьмет да закатит проповедь или «послание»... Я право

не знаю, надо ли писать епископам. Может быть, подождать дальнейшего развития событий?

Моя жена просит спросить Вас, не знаете ли Вы каких-нибудь немцев, к которым можно обратиться для получения въездной визы из Советской России в Германию, и вообще, знаете ли Вы, как это делается? Обнимаю Вас, целую ручки Anne Дмитриевне.

Н. Трубецкой.

19/II/1924

1 Неслыханно! (нем.).

2 Имеется в виду проект устава Братства Св. Софии, созданного С.Н. Булгаковым.

27 26 февраля 1924 года

Дорогой Петр Петрович!

Приближение конца зимнего семестра заставляет меня так много работать, что на переписку почти не остается времени. Решил писать Вам отдельные письма по разным вопросам, а то на одно длинное письмо по всем вопросам сразу времени не хватает.

Сегодня — о братстве. С Вашей и П[етра]Н[иколаевича Савицкого] оценкой устава я вполне согласен. С одной стороны, это — явно «орден», в самом одиозном смысле слова. С другой стороны, это сильно напоминает чисто русские кружки почитателей каких-нибудь популярных священников (Илиодора¹ и т.п.): роль «духовного главы» производит прямо такое впечатление. Т[ак] к[ак] «орден» есть нечто католическое, а кружки илиодоровцев и т.п. явление хотя и национально-русское, но глубоко отрицательное, то не подлежит сомнению, что братство Св. Софии ни для нас, ни для кого-либо из других подлинно православных неприемлемо. В то же время, общество, ставящее себе целью помогать иерархии и привлекать верующих к активной работе на пользу Церкви, разумеется, очень желательно, и если братство Св. Софии в таковое общество превратится, его можно будет только привет-

ствовать. Непременным условием возникновения и целесообразного существования такого общества являются конкретно-определенные, ясно сформулированные и прямо поставленные *задачи* реальной работы. Вступление или невступление наше в подобное общество именно и должно зависеть от того, симпатичны ли нам эти его конкретные задачи. У современного братства Св. Софии вместо задач что-то совсем неопределенное, и, мне кажется, что современный «духовный глава» дальше этой неопределенности идти не может. Поэтому полагаю, что мы сами должны формулировать те задачи, которые считали бы желательными для обсуждения даемого общества.

Я прежде всего считаю, что это общество не может ставить себе целью только религиозно-нравственное совершенствование своих членов: это — задача Церкви, а не какого-либо частного общества. Думаю, что эту мысль подробнее развивать не стоит, так как Вы меня понимаете. Первостепенной тактической задачей Русской Церкви является поднятие уровня духовенства, и в этой области вполне мыслимо общество, помогающее иерархии в таком направлении. Но такое общество не может быть эмигрантским, — это тоже ясно, и не нуждается в подробном обосновании. Реально осуществимыми и вполне конкретными, практическими задачами общества, о котором идет речь, я считаю:

I. В области внешней:

а) Активная оборона православия против происков латинства, деятельный отпор всякой католической и униатской пропаганде;

б) Деятельное стремление к воссозданию единства Русской Церкви, к сближению со старообрядцами.

II) В области внутренней:

а) Распространение в кругах верующей интеллигенции православных богословских знаний;

б) Привлечение верующей интеллигенции к строгому исполнению церковных обрядов, внедрив в умы подлинно церковное отношение к обряду, свободное как от вульгарного суеверия, так и от протестантского легкомыслия.

Все эти задачи теснейшим образом связаны между собой. Все они вполне конкретны и определены, и общество, поставив-

шее их себе, сразу получит вполне определенную физиономию, которая помешает ему впасть в расплывчатую бесформенность. О дальнейшем, т.е. о целесообразной конструкции общества, о его связи с иерархией и т.д., можно рассуждать только после того, как будут приняты самые задачи.

Если изложенные выше задачи будут одобрены всеми евразийцами, то я предлагаю следующий дальнейший план действия: облечь эту «программу» в форму, так сказать, «декларативного предложения» евразийцев, присовокупив объяснительно-обосновательную записку, и внести это предложение в совет «братства». В случае, если наша точка зрения будет принята, мы примем участие в обсуждении (исходя из принятых задач) вопроса о желательной конструкции общества, и, если это обсуждение приведет к приемлемым для нас результатам, войдем в общество, не споря о его наименовании (братство, союз и т.д. — все равно). В случае, если предложенная нами программа не будет принята, мы поставим ребром вопрос: какова же конкретная, реальная программа и каково «направление» братства? Если выяснится, что программа скрыто-униональная или антиепископальная (по духу), — мы отрясаем прах от ног. Если же выяснится, что конкретной программы вообще нет, а есть неопределенный туман, — то мы предложим «братству» переименоваться в религиозно-философское общество. Если это общество будет отличаться от других подобных ему религ[иозно]-филос[офских] обществ подчеркиванием православия, то я не вижу оснований не вступить в него, относясь к своему вступлению совершенно так же, как отношусь к своему участию в разных научных кружках и обществах. Только тогда, конечно, — никаких «степеней посвящения», «духовных глав», и т[ому] под[обного], а просто-напросто «президиум», «ревизионная комиссия», «членский взнос» и все как полагается в обыкновенных научных обществах.

Я, конечно, более чем сомневаюсь, чтобы предложенная мною программа могла встретить сочувствие «духовного главы» и большинства совета. И не потому, чтобы они были действительно «унионально» настроены, а просто потому, что все они больше всего боятся определенности и «точек над і». Статья моего дяди в «Рус[ской] мысли» в этом отношении чрезвычайно ти-

пична для всего этого поколения. Но как раз эта статья, написанная, я уверен, с самыми лучшими намерениями, ясно показывает, насколько неопределенность в подобных вопросах практически вредна: ведь латиняне таким статьям могут только аплодировать. Полагаю, что ясно поставленный с нашей стороны вопрос о конкретных практических задачах вскроет многое, и с этой стороны будет очень полезен. Быть может, наше выступление можно еще предварить некоторыми подготовительными шагами. Просматривая список членов-учредителей, полагаю, что за предлагаемую мною программу могут высказаться Арсеньев, Безобразов и Вернадский¹ (Флоровский — под сомнением, т[ак] к[ак] он все-таки несомненно под башмаком у Булгакова, несмотря на то, что в письме ко мне с самомнением утверждает, что не Булгаков на него, а он на Булгакова влияет). М[ожет] б[ыть], целесообразно было бы ознакомить с предлагаемой мной программой Безобразова, Арсеньева и Вернадского и заручиться их согласием (даже подписями?). Тогда в совете оказалось бы, что молодые за, а старье против, т.е. вся «суть проблемы» предстала бы в особенно выпуклом виде. Решительными противниками были бы Булгаков, Струве и дядя Гриша, Новгородцев и Карташев (вероятно, и Бердяев). Новгородцев и Карташев колебались бы и даже, м[ожет] б[ыть], склонялись бы на нашу сторону. Франк² для меня неясен: начало (вся первая половина) его статьи в «Рус[ской] мысли» мне очень понравилось (меня поразили некоторые детальные совпадения с моей статьей для америк. сборника), но конец нехорош, и как раз о православии очень неопределенно и смутно. Т[аким] о[бразом], соотношение сил в совете все-таки таково, что мы (говорю «мы» условно, на тот случай, если бы мой план был одобрен другими евразийцами) почти наверняка будем отвергнуты. Это, конечно, — тем лучше, и я определенно именно на это и рассчитываю: путем такой, если хотите, «провокации» я рассчитываю обнаружить и сделать для всех членов совета ясным, что на реальной, практической работе они объединиться не могут, ибо большинство из них не имеет той определенности волевого устремления, которое необходимо для действия. А из этого им необходимо будет вывести, что единственная возможная для них при данном личном составе форма объединения есть религиозно-философское общество. — Слабая сторона

моего плана состоит, однако, в том, что весь он рассчитан на провал моего предложения в совете. Между тем, все-таки не исключена возможность, что предложение будет принято. В таком случае мы, разумеется, окажемся морально обязанными приступить к совместной работе. И вот тут-то и возникает вопрос — можем ли мы совместно работать с данным личным составом (разумеется, не при современном уставе!)? Поэтому мой план надлежит серьезно обдумать с разных точек зрения, не только со стороны приемлемости по существу предлагаемой мною формулировки задач союза, но и со стороны, так сказать, фактической. Нужно взвесить шансы моего предложения на успех или неуспех в совете, и обдумать вопрос о совместной работе на случай если (паче чаяния) предложение будет принято.

Вот что я думаю по вопросу о братстве. В разбор устава не вдаюсь, т.к. в этой области мы все воспринимаем совершенно одинаково, и я всецело подписываюсь подо всем, что Вы и П[етр] Н[иколаевич Савицкий] мне об этом писали.

Буду с интересом ждать Вашего суждения о моем плане. О проекте «Временника» напишу особо, также и о других вопросах. Пока, обнимаю Вас. Целую ручки Анне Дмитриевне.

Ваш Н. Трубецкой.

P.S. Для ускорения одновременно посылаю копию настоящего письма П[етру] Н[иколаевичу Савицкому]. В случае, если вы одобрите мой план, я напишу об этом и Безобразову, с которым пока еще переписываться не начинал.

26/II/1924

1 Скорее всего, речь идет об иеромонахе Илиодоре (Сергее Труфанове, 1881–1952), авантюристе, близком к семье Романовых. Илиодор был агентом охранки, другом-соперником Распутина; один из основателей Союза русского народа. После революции сотрудничал с ЧК.

2 Г.В. Вернадский.

3 Семен Людвигович Франк (1877–1950) — философ и психолог, близкий сотрудник Н.А. Бердяева, участник сборников «Проблемы идеализма», «Вехи», «Из глубины»; сотрудничал с евразийцами в 1925–1927 гг., публиковался в их изданиях и Евразийском книгоиздательстве.

28 7 апреля 1924 года

Дорогой Петр Петрович!

Пересылаю Вам ответное письмо Булгакова в копии. На нашу критику Булгаков, как и следовало ожидать, ничего ответить не может (ибо ссыла на то, что устав-де утвержден церковной властью — не ответ). Зато он пускается в критику евразийства, причем в этой критике нетрудно узнать мысли, которые от своего имени высказывал Г[еоргий]В[асильевич] Флоровский]. Полагаю, что на письмо Булгакова отвечать не надо. А как Вы смотрите?

Получил письмо от Безобразова. В принципе, он с изложенной мною программой согласен и выражает готовность участвовать во «Временнике». По поводу католичества высказывает несколько общих и довольно туманных мыслей. Он говорит приблизительно следующее. До разделения церковей Запад как бы воплощал в себе волю, а Восток — созерцание. После разделения западная воля, утратив связь с созерцанием, как бы гипертрофировалась и выродилась в папизм, который есть порча Церкви. Но и Восток пострадал от разделения, ибо остался без воли. Недостаток воли болезненно ощущается в православии, и в этом ощущении еще нет латинского соблазна. Нет соблазна и в том, чтобы искать выхода в напряжении воли (примером такого воленапряжения он считает последний Московский Собор и восстановление патриаршества). Соблазн будет только тогда, когда прельстятся гипертрофией волевого начала, характерной для католичества, т.е. папизмом. Уния недопустима именно пока католики не откажутся от папизма, ибо папизм есть порча Церкви. Но все же католичество есть Церковь, обладающая апостольским преемством, и, хотя никаких уступок католикам мы делать не должны, но он (Безобразов) не видит препятствий к тому, чтобы мы (православные) встретились с католиками на Вселенском Соборе, если бы таковой состоялся. Дальше он говорит, что не видит необходимой внутренней связи между папизмом и догматическими особенностями католицизма, не видит, напр., почему папизм мог бы логически вытекать из *Filioque*!. Вводить новые догматы в Православие нельзя, но надо раскрывать «краткие указания Символа Веры ключом от сокровищницы богослужебной, от церковных канонов и премудрости

отцов на камне Писания». Это раскрытие Православия является, по его мнению, «нашим долгом перед напором латинского мира». Он заканчивает этот абзац так: «Таково мое отношение к выдвигаемым Вами вопросам. Настаивая на догматической работе, я понимаю ее как исповедничество правды Православия». — Нельзя сказать, чтобы все это было очень ясно выражено, но у меня все-таки такое впечатление, что он для нас приемлем. Католичество, конечно, пробный камень; по письму Безобразова видно, что папизм он понимает правильно, не пытаюсь его извинить (как это, напр[имер], делает, хотя очень осторожно, дядя Гриша Трубецкой в «Рус[ской] мысли»), — а это уже хорошая страховка от всякого латинского соблазна. Таким образом, я бы считал возможным его привлечь. Но какую тему ему задать для начала, — решительно не знаю.

Теперь поговорим о следующем № «Временника». Присланная Вами программа очень интересна, но в ней есть пробел: есть история, лингвистика, литература, политика, экономика, философия — но нет богословия. Почему это так? Или, м[ожет] б[ыть], пробел заполнит статья Арсеньева, о которой Вы только говорите, что она предполагается? Во всяком случае, нам надо бояться секуляризации евразийства, хотя бы внешней. В программе есть пункты для меня неясные. Что такое «Уроки фашизма» Садовского? Тема — щекотливая. В фашизме есть и положительные и отрицательные стороны, и, в общем, проблема эта сложная, упростить ее опасно, особенно нам, евразийцам. В каком виде и под каким углом зрения собирается трактовать ее Садовский? Затем: что такое статья Бицилли? Я уже писал Вам, что не особенно ценю его писания. Во всяком случае, *ohne weiters*⁴ принимать его нельзя, а критики он не любит и не раз написанное не меняет. Последняя его статья в «России и Латинстве» положительно была неудачна. Затем — о моих статьях. Под «философией леса и степи» П[етр] Н[иколаевич] Савицкий разумеет несколько теоретических соображений по истории «евразийского континента», которые я сообщил ему в одном письме⁵. Но сообщал я их в виде схемы, которую хорошо было разработать *историку*, сам же я себя таковым историком отнюдь не считаю. Когда я по получении от Вас программы № 4 «Временника» попытался развить свои мысли в виде статьи, то сразу и осекся на том, что я — не историк. Не обладая до-

статочным количеством фактического материала и знания специальной литературы, я оказался не в состоянии детально и убедительно иллюстрировать свои мысли и подобрать такие формулы, которые, не расходясь с результатами специальных исторических исследований, в то же время вкладывали бы в исторические факты нужное содержание. Получился дилетантизм и легкомысленное настроение, которое всякому кизеветтеру ничего не стоит разбить одним щелчком. Таким образом, я думаю, что лучше мне в это не пускаться. Центр моего исторического построения в особом понимании отношения московского царства к монгольской монархии. Я формулирую это так: свержения татарского ига на самом деле не было, а было обрусение и оправославление татарщины, состоявшее в том, что ханская ставка переехала в Москву, монгольский хан заменился православным русским царем, а степь из кочевья превратилась в пахотное поле. Детальная разработка этих положений есть дело специалистов-историков⁶. Но есть во всем этом и этнопсихологическая сторона, и ее-то я и мог бы обработать, не притворяясь историком. Тема свелась бы к тому, чтобы определить на основании этнографических данных туранский психологический тип и указать роль этого типа как в русском характере, так и в укладе допетровской русской жизни. Я уже обдумывал эту тему и кое-какие соображения по этому поводу выработал⁷. — Что касается до моей предполагаемой лингвистической статьи, то та, которую я в Берлине передал Савицкому, по-моему, скучна, а главное — длинна. Вообще, статей в этом №⁸ предположено столько, что либо они все должны быть очень короткие, либо №⁸ разрастется до колоссальных размеров⁸.

В общем, в предполагаемом плане сборника не достает, так сказать, «ударности». Не слишком ли академично?

Признаюсь, что я не вполне понимаю смысла разделения номера на две части и выделения историософии. Желательно было бы получить разъяснения по этому вопросу.

Вообще много накопилось вопросов, о которых следовало бы переговорить. В каком положении американские дела? Я своему студенту-сократителю (сократившему Европу и Человечество) авансировал 1½ доллара; всего ему обещано 5; он не напоминает, но все-таки интересно знать, как обстоит дело и заплатим ли мы ему. Как вообще наши финансы? Я не понимаю, что в конце концов

произошло с «Исходом к Востоку»: как будто издание разошлось, а между тем Ливен в прошлом году писал мне, что деньги, которые он мне был должен, он внес в Земсоюз для покрытия моего долга. Из каких средств предполагается издавать №4? Кроме финансовых вопросов, еще более интересуют меня вопросы организационные и пропагандные. Савицкий переслал мне письмо нефтяника к П[етру]С[еменовичу Арапову]⁹. Письмо любопытное, и я думаю, что по существу все там написанное — верно. Листовки, упоминаемые там, очевидно, действительно неудачные. Я всегда говорил, что наше дело — работа среди интеллигенции. Вопрос о легальном проникновении за кордон в принципе был в сущности уже решен в Берлине прошлой осенью. А[лександр]А[лександрович Федоров]¹⁰ обещался его тогда «проветилировать»: чем это кончилось? Вообще ужасно жалко, что обо всем, что касается этого дела и самого А[лександра]А[лександровича Федорова], Вы не считаете возможным писать (м[ожет] б[ыть], в этом Вы и правы). Все-таки постарайтесь при первой же верной оказии меня подробно информировать. У меня тут есть молодой человек (тот же самый «сократитель»), подающий надежды, умный, с хорошим опытом и сметкой в разных кружковых и студенческосоюзных делах и искренно преданный нашим идеям. Но я не знаю, что мне с ним делать. Укажите хотя бы, с кем его связать, и вообще, что с ним или над ним сделать, чтобы он оказался членом чего-то, или частью чего-то: я ведь совершенно не знаю, что вообще по этой части выработано. Вы мне писали только в самых общих чертах. Был у меня на днях еще один юноша, студент из Лейпцига, по специальности китаевед¹¹; живо интересуется, сочувствует, особенно «Европе и Человечеству» и «Русской проблеме», но насчет православия как-то тихо; фамилия может быть и русская, но тип лица подозрительный, возможно, что и жид. Собирается в Лейпциге прочесть в каком-то студенческом кружке доклад об нас. Спрашивал, где можно достать «Исход к Востоку»: я указал Ваш адрес, и он Вам вероятно напишет. Есть ли у Вас кто-нибудь в Лейпциге? Потом еще тут есть один молодой человек, оригинальный тип, совсем из новых; ничему и нигде учиться не хочет: я, говорит, в России научился спекулировать, так что с голоду не умру, а учиться не стоит, науку немцы выдумали. Читает книжки по философии и увлекается иогистическими упражнениями в дыхании, каковыми упражнени-

ями лечится от всяких болезней, даже от ушибов и порезов: говорит — помогает. Европу все время ругает и, услышав, что есть такие евразийцы, попросил дать прочесть евразийские книги, говоря, что он сам «хочет стать евразийцем». Существо довольно нелепое, но вообще неглупый малый и с той характерной приспособленностью к жизни, которая так характерна для молодежи, выросшей в Совдепии. Отец его был генерал: не то умер, не то расстреляли. — Был тут еще один студент, старовер с Урала. Я его так и не видал, но со слов «сократителя» знаю, что он уверовал в наши идеи и даже ночью спал с нашими книгами под подушкой. Теперь он каменщиком (в прямом смысле) в Чехословакии. — Вообще, как видите, хотя здесь по сравнению с Берлином — болото, но кое-что попадаете и здесь. Если Ваш Ставровский¹² (кажется так?) или кто-нибудь в том же роде будет проезжать через Вену, то хорошо бы меня известить заранее, и можно было бы организовать какой-нибудь доклад. Я как профессор не могу с молодежью совсем просто разговаривать.

В «Руле» как-то уже давно была корреспонденция Яблоновского¹³ из Парижа о выступлении Мережковского, Бунина и Карташева. Там в речи Карташева были странные места, вроде того, что большевики остаются врагами, сколько бы патриархов их не благословило, и что если Церковь не борется с большевизмом, то Церковь не нужна. Что это? Изобретения самого Яблоновского (но опровержения не последовало), или действительно выражения Карташева? Есть ли у Вас какие-нибудь сведения об этом?

Представьте себе, какой кошмар меня ожидает: Флоровский хочет недель на 6 или на два месяца переехать в Вену, чтобы в разных здешних библиотеках работать для каких-то своих новых книг! Правда, по наведенным мною справкам, большинства тех книг, которые могут ему понадобиться, в Вене нет. Но он пишет мне, что, даже если не все эти книги есть, он все-таки переедет в Вену, ибо в Праге для занятий очень неблагоприятная атмосфера. С ужасом думаю об этом, но, по-видимому, это неотвратимо!

Ну, кажется, — все. Обнимаю Вас. Целую ручки Анне Дмитриевне.

Ваш, Н. Трубецкой.

7/ IV/ 1924

1 «И от сына» (лат.) — добавление в Символ веры, принятый на Никейском (325) и Константинопольском (381) соборах, сделанное Западной (Римской) церковью в VI в. и утверждавшее снисхождение Святого Духа не только от Бога Отца, но и от Сына. Восточная (а позднее — православная) церковь не согласилась с этим добавлением.

2 Статья Я.Д. Садовского «Уроки фашизма» не была опубликована. Его статья «Из дневника „евразийца“» (в виде дневниковых записей) была опубликована в четвертой книжке «Евразийского временника» (с. 378–404). В этих дневниковых записях Садовский рассуждает о связях между фашизмом и евразийством, подчеркивая свою симпатию к Муссолини, но отмечая, что фашизм — только частичная антитеза большевизму.

3 Статья Бицилли в четвертом выпуске «Временника» опубликована не была.

4 Безоговорочно (нем.).

5 См. письмо Н.С. Трубецкого П.Н. Савицкому от 30 декабря 1923 г. (№ 3), в котором Трубецкой излагает свои соображения о влиянии географии Евразии — коммуникационных широтных полос — на исторические процессы.

6 В четвертом выпуске «Временника» была опубликована статья Г.В. Вернадского «Два подвига св. Александра Невского» (с. 318–337), в которой была сделана первая попытка исторического исследования на основе евразийской теории. Через два года Вернадский опубликовал свое «Начертание русской истории», достаточно полно отразившее географические и этнографические принципы Н.С. Трубецкого и П.Н. Савицкого (см. примеч. 12 к письму Н.С. Трубецкого П.П. Сувчинскому от 28 апреля 1926 г. (№ 78)).

7 Изложение Н.С. Трубецким положений его статьи см.: *Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Евразийский временник*. Берлин, 1925. Кн. IV. С. 351–377.

8 Хотя не все статьи вошли в сборник, четвертый выпуск «Временника» был очень толстым — состоял из более чем 440 страниц.

9 Очевидно, речь идет об одном из первых контактов евразийцев с А.А. Ланговым, выступавшим под псевдонимом Денисов. Ланговой-«Денисов» появился в орбите евразийцев как представитель «Треста» (см. об этом «Введение» к настоящему изданию), был «обращен» в евразийство и стал якобы возглавлять «внутреннее» евразийское движение в СССР. «Нефтяник» — евразиец в коде переписки. Александр Алексеевич Ланговой (1895–1964) — сын известного московского врача, гласного городской думы Алексея Петровича Лангового; с 1935 г. — полковник НКВД СССР; один из участников операции «Трест» в 1922–1927 гг.

10 Александр Александрович Якушев (псевдоним — Федоров, 1876–1937) — одна из центральных фигур в подпольной монархической

организации «Трест» (официальное название — Монархическое Объединение России), созданной ОГПУ для проникновения в эмиграцию. Якушев был преподавателем Александровского лицея, служил в департаменте водного транспорта Министерства внутренних дел, имел чин действительного статского советника. В 1922–1927 гг. совершил несколько поездок за границу по легенде «Треста».

11 Лицо установить не удалось.

12 Алексей Владимирович Ставровский (1905–1972) — активист Русского студенческого христианского движения, основатель и с 1925 по 1931 г. — руководитель Братства Св. Фотия. После войны перешел в католичество.

13 Вероятно, Александр Александрович Яблоновский (1870–1934), известный фельетонист; в эмиграции жил в Берлине и в Париже, сотрудничал с газетой «Руль», был председателем Зарубежного союза русских писателей и журналистов.

29 29 апреля 1924 года

Христос Воскресе, дорогой Петр Петрович!

Простите, что задержался с ответом на Ваши письма. Ваш план привлечения Карсавина мне очень не нравится¹. Верю, что он ученее, умнее, и м[ожет] б[ыть], талантливее многих. Но нравственно он подмочен и скомпрометирован. Вы пишете, что он — единственный, отнесшийся отрицательно к Братству. Но, ведь и Братство к нему отнеслось отрицательно, — и с полным правом. «Старшие братья» все поголовно нравственно выше его, хотя умственно м[ожет] б[ыть] и не могут с ним равняться. Если мы отказались от участия в Братстве, почуввав еретический дух, а после этого примем к себе Карсавина, то навлечем на себя совершенно правильное порицание: ведь у Карсавина дух много похуже! Тактически мы проиграем, по существу же ничего не выиграем от его участия. Если он искренно очистился от розановщины и «идеологии Федора Карамазова», то пусть сначала основательно реабилитируется *вне* наших сборников: тогда можно будет подумать. А пока, что бы он нам не дал, все равно остается его вполне заслуженная репутация и ярлык, метко приклеенный к его имени И.А. Ильиным. Историк Средних веков, знаток схоластики и средневековых мистиков нам сейчас вовсе не так уж необходим, что-

бы ради его приобретения закрывать глаза на его репутацию и нравственные качества*.

Арсеньев был у меня при проезде через Вену и произвел на меня очень хорошее впечатление. Он прекрасно настроен, и с ним можно делать дело. В Югославии он будет выступать и будет нас рекламировать.

Очень интересно, что Вы пишете о Степуне⁴. Я согласен с Вами, что нам необходимо леветь. Но с[оциалисты]-р[еволюционеры] все-таки не то, что нам нужно. И не только религиозно, но и политически, и культурно: они в конце концов глубокие западники. Разговаривать, конечно, следует, и стараться влиять, — но ни на какие соглашения не идти. — Конечно, жалко, что П[етр]Н[иколаевич Савицкий] и я живем «в стороне», но я нахожу, что Вы — идеальный «представитель» и очень искусно выполняете свою дипломатическую роль.

Карташева, по-моему, больше никуда звать не следует.

Я слышал, что в Праге в начале июня будет съезд славянских этнографов, и что чехи обсуждали вопрос о том, считать ли славянами русских, преподающих в немецких университетах. Если они решат этот вопрос утвердительно и меня пригласят, то я непременно поеду и т[аким] о[бразом] встречу с пражской группой евразийцев. М[ожет] б[ыть], можно будет тут же скомбинировать малый съезд. Впрочем, времени в моем распоряжении будет мало, т[ак] к[ак] это будет происходить уже во время семестра и я смогу отлучиться только на неделю, из коей несколько дней уйдет на «славянских этнографов». Так или иначе, я не теряю надежды на то, чтобы опять устроить съезд евразийцев: это необходимо.

Относительно моих статей для «Временника» замечу следующее. В этнопсихологической статье основные мысли о «историсофии степи», конечно, найдут место, но именно только в виде положений еще подлежащих детальной разработке. Статью о социальном значении обряда я считаю очень полезной, но смущает меня при этом моя богословская необразованность: боюсь

* Вписано сверху: «Тема же о двух традициях русского богословия будет использована Карсавиным лишь как способ сведения личных счетов с Булгаковым и К^о; нам первым публично нападать на Братство не следует».

высказать что-нибудь еретическое. Напр[имер], мне кажется, что по существу миряне, стоящие в храме во время богослужения, призваны участвовать в богослужении: то, что поет хор, что поют и читают дьячки и псаломщики, должны бы петь и говорить миряне, а в древнейшие времена, кажется, даже прошения ектиньи возглашались мирянами. Передача этих функций мирян специалистам певчим и дьячкам повела к тому, что миряне стали неправильно относиться к себе как к зрителям и слушателям. Но это неправильно, и они должны вновь начать смотреть на себя как на активных участников богослужения. Если же это так, то мысли и ~~действия~~ движения мирян во время богослужения не могут быть Privatsache³ каждого, а должны подчиняться известному уставу. Анархия в этой области, наблюдаемая сейчас, когда каждый молится в церкви по-своему, все крестятся, становятся на колени и т.д. когда и как кому вздумается, — недопустима. Недопустимо и чтобы мысленно каждый молился в Храме по-своему и о своем, не соображаясь с планом и ходом богослужения. Если у священника все слова, движения и мысли во время богослужения строго предписаны, то то же должно быть и у всех других участников богослужения, в том числе и у мирян. Разумеется, всякий священник параллельно с установленными молитвами и мыслями имеет и свои чисто личные переживания, но эти переживания подчинены уставным молитвам и представляют из себя скорее индивидуальную окраску молитв. То же должно быть и у мирян. Надо отделять чисто личную молитву вне богослужения, молитву, не регулируемую никакими общеобязательными уставами, от строго определенной уставной молитвы во время богослужения. Но даже чисто личная внебогослужебная молитва тяготеет к известной богослужебной определенности (правило), хотя эта определенность индивидуальна. Не знаю, нет ли в этом ереси? Т[о] е[сть] не еретично ли представление о мирянине как активном участнике богослужения? По богословской своей необразованности не знаю, где об этом справиться.

Только что получил письмо от П[етра]Н[иколаевича Савицкого]. Между прочим, он пишет, что по его мнению нам следует так или иначе реагировать на смерть Новгородцева. Эта мысль совпала с моей мыслью: насколько это было возможно для человека его поколения и его идейного пути, Новгородцев, действительно, искренно льнул к нам и стоял к нам ближе всех других людей

того же возраста и того же биографического типа. Из всех «старших братьев» булгаковского Братства он был наиболее доброкачественным в смысле религиозном. Не думаете ли Вы, что во «Временнике» следует поместить краткий некролог? Если да, то, по-моему, это лучше всего мог бы сделать Вернадский, причем напечатать этот некролог можно было бы и без подписи, от имени редакции.

Савицкий склоняется к привлечению Карсавина. Аргументы его — что, во-первых, «не нам судить его нравственные качества», а во-вторых, что и со стороны тактической он (П[етр] Н[иколаевич Савицкий]) весьма полагается на Ваше чутье. Вашему чутью я тоже верю, но все же в данном случае не могу отделаться от отталкивающего впечатления, которое на меня производит Карсавин. Арсеньев, с которым мы обсудили этот вопрос, пишет мне из Сербии, что на тот кружок молодежи, во главе которого стоит Безобразов и который очень сочувственно относится к нам, привлечение Карсавина произвело бы самое дурное впечатление.

Обнимаю Вас, целую ручки Анне Дмитриевне.

Ваш Н[иколай] Т[рубецкой].

29/IV/1924

1 Первое упоминание о намерении П.П. Сувчинского привлечь в евразийство Льва Платоновича Карсавина (1882–1952), медиевиста и философа. Карсавин был специалистом по истории средневековой Италии и Возрождению, много занимался историей религии. В 1922 г. был избран ректором Петербургского университета, но выслан из страны в составе большой группы интеллектуалов по приказу Ленина. Первая реакция Карсавина на евразийство была сдержанно-негативной, тем не менее впоследствии Карсавин стал одним из ведущих евразийцев, причем вопреки тому, что Н.С. Трубецкой и П.Н. Савицкий выступали против его участия в движении. Основной вклад Карсавина в евразийство — теория революции и адаптация философии всеединства к евразийским догматам. В 1927 г. Карсавин переехал из Парижа в Каунас, где стал преподавать в университете. Дочь Карсавина Марианна стала женой П.П. Сувчинского. В 1948 г. Карсавин был арестован и осужден на десять лет лагерей; скончался в лагере в поселке Абезь Коми АССР.

2 Федор Августович Степун (1884–1965) — философ, социолог и литератор; учился в Гейдельберге у В. Виндельбанда, защитил диссертацию

цию о Вл. Соловьеве, участвовал в издании журнала «Логос». Был близок к эсерам, избирался во Всероссийский Совет, работал в военном министерстве Временного правительства. Сотрудничал с Н.А. Бердяевым в Вольной академии духовной культуры. С 1926 г. занимал кафедру социологии Высшего технического училища в Дрездене; в 1937 г. лишен права преподавать, после войны стал профессором Мюнхенского университета. В оценках революции и предреволюционной ситуации во многом сходил-ся с евразийцами.

3 Частное дело (нем.).

30 5 мая 1924 года

Дорогой Петр Петрович!

Вчера у меня провел день Арсеньев, которого Вы, м[ожет] б[ыть] тоже видели при проезде его через Берлин. Он совершенно обалдел оттого, что нашел в Белграде кружок молодежи, сочувствующий нам. Арсеньев у меня весь день только об этом и говорил. Он жаждет активности, рвется куда-то, но в общем сам не знает куда. Я насколько мог старался окатить его холодной водой, чтобы он очухался. Конечно, очень хорошо, что в Белграде есть кружок, нам сочувствующий. Очень правильно, что там решили пока не расширяться и иметь кроме основного кружка еще кружок периферический. Но на этом пока и надо кончить. Вы совершенно правильно писали в одном из Ваших писем, что «обращать» сейчас можно тысячами, но что потом эти тысячи садятся на шею. В Югославии же особенно опасно быстро расширяться, ибо там масса неизжитого «галлиполизма», который может жадно броситься к нам и затопить собой все подлинно-ценные кружки, одним из которых (весьма возможно) является и кружок, очаровавший Арсеньева. Меня прямо испугало, что Н.Н. Львов¹ выражал Арсеньеву свое горячее сочувствие. Арсеньев, хотя и сын дипломата, но сам отнюдь не дипломат и совсем не умеет разговаривать с внешними. Ваша тактика, состоящая в том, чтобы прежде всего подчеркивать различия и, сохраняя отношения и контакт, никаких надежд на формальный союз не давать, — единственная правильная. Арсеньев же сразу восторженно умиляется и открывает объятия. Время для образования «широкого фронта» еще не наступило. Желательно, чтобы к тому времени, когда такой единый фронт понадобится, мы

были настолько сильны, чтобы просто безапелляционно диктовать свои условия другим. А для этого нам пока нужно держаться замкнуто и принимать к себе только вполне «своих». За количеством пока гнаться нечего. Итак, пока максимум, что нужно, это — ячеек в разных местах, но ячейки из безусловно верных людей.

Пишу Вам все это, во-первых, потому, что Вы, м[ожет] б[ыть], уже виделись и говорили с Арсеньевым, и Вам, м[ожет] б[ыть], интересно мое отношение к его рассказам. А во-вторых, я и по поводу Карсавина замечу то же самое: в союзниках мы пока не нуждаемся, нуждаемся только в совсем «своих», а Карс[авин] в лучшем случае союзник (попутчик), но никак не «свой». К тому же и по поколению он — грымза. Наше правило, не пускать к себе людей старшего поколения, было мудро, и его надо продолжать держаться. Опыт с Карташевым показал, что даже, казалось бы, незначительная разница в поколениях мешает подлинному объединению. Ваше последнее письмо произвело на меня впечатление, что Вы как-то если не втянулись, то рискуете втянуться в местно-берлинские эмигрантские дразги. Вся эта история с супругой Бердяева, помимо своего вопиющего безвкусия, отдает и каким-то провинциальным душком. Что Вас это безвкусие покорило, это естественно. Но что Карсавин во всем этом принял, как Вы пишете, «нашу сторону», этого я никак не могу считать доказательством ни в пользу, ни против его доброкачественности. Никакой «нашей» стороны здесь не было. Случайно «наш» (Ставровский) проявил мальчишеский задор и совершил бестактность. Торжественная дура Мме Бердяева поступила так, как от подобной дуры и следовало ожидать. Обращать все это в какое-то событие в жизни русских религиозно-мыслящих кругов — значит низводить евразийство до степени одной из борющихся провинциальных партий чисто личного характера. Как бы ни был высок средний уровень эмиграции каждого данного города, она всегда тяготеет превратиться в провинциальное общество. А в провинции по существу нет партий или идейных направлений, а есть Иван Иванович и Иван Никифорович. Остерегайтесь опасности втянуться в это настроение. Боюсь, что Ваше изменившееся с осени отношение к Карсавину навеяно тем, что в пределах местного берлинского эмигрантского болота он случайно оказался в одной (личной) группировке с Вами.

Относительно «Временника» у меня такое впечатление, что набралось материалу по крайней мере на два номера. Быть может, не следует валить все это в один номер. Главный вопрос все-таки остается: деньги. Необходимо, так или иначе, достать побольше, но как это сделать — не знаю. Пробовал подъезжать с этим к староверу Рябушинскому¹, живущему здесь. О евразийстве говорит очень сочувственно, но, когда заходит речь о деньгах, переводит разговор.

Пока обнимаю Вас, целую ручки Анне Дмитриевне.
Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

5/V/1924

¹ Николай Николаевич Львов (1867–1944), политический деятель, активный участник земского движения и Союза Освобождения, член Партии народной свободы, затем лидер Партии мирного обновления и «прогрессистов»; в эмиграции проживал в Югославии.

² Возможно, речь идет о Степане Павловиче Рябушинском (1874–1942), который проживал в эмиграции в Милане, но часто бывал в Вене.

•
31 7 июня 1924 года

Дорогой Петр Петрович!

Не знаю, говорил ли Вам П[етр]С[еменович Арапов] о моей с ним переписке по поводу отзывов А[лександра]А[лександровича Федорова] и его спутницы о нашей «грамоте» (как этот документ называет П[етр]Н[иколаевич Савицкий)¹). Узнав из письма П[етра]С[еменовича Арапова], как эти господа восприняли нашу декларацию, что им в ней понравилось, и что не понравилось, — я инстинктивно почувствовал, очевидно, совершенно то же, что Вы почувствовали при непосредственном свидании с А[лександром]А.[Федоровым]: это совершенно не то, что нам нужно, и если все они таковы, то ну их совсем². В таком смысле я и написал П[етру]С[еменовичу Арапову]. Я написал ему, что, судя по его разговору с А[лександром]А[лександровичем Федоровым] у нас с А[лександром]А[лександровичем Федоровым] общего языка быть не может, и разговаривать нам с ним не об чем, и что, т[ак] к[ак]

А[лександр]А[лександрович Федоров] утверждает, будто «в России все так смотрят», то, очевидно, та Россия, с которой он имеет дело, совсем для нас неподходяща и неинтересна. Мы (а особенно П[етр]С[еменович Арапов]) как-то успокоились на том, что нашли адресата в лице «Треста»; а между тем, выяснившееся (по-моему, да кажется, и по-Вашему) совершенное непонимание А[лександром]А[лександровичем Федоровым] в вопросах, наиболее для нас важных, заставляет задуматься над тем, действительно ли стоит иметь дело с «Трестом». Во всяком случае, мы должны понимать, что свет на них клином не сошелся, и что мы с ними имеем дело только постольку, поскольку они для нас подходящи. Нам следует взять твердый курс и строго определить наши взаимоотношения. А[лександр]А[лександрович Федоров] для нас неподходящ. Возможно, что все прочие — тоже неподходящи, но возможно, что есть среди них и подходящие¹. Определить это можно только одним способом: познакомив их с нашими взглядами в чистом, незамаскированном виде. Если «клянут» — хорошо, если нет — черт с ними. Никакой тактической маскировки наших взглядов не нужно. Такая маскировка будет только вредить делу, ибо затруднит распознавание подходящих и неподходящих. Если нужна известная тактика в формулировке взглядов, то только тактика «педагогическая», т.е. надо избегать такой формы изложения, при которой соотношение отдельных частей нашего мировоззрения могло бы быть неверно понято. С этой точки зрения, напр[имер], опасно было бы слишком настаивать на монархии или слишком мало настаивать на религии⁴. Так смотрю на дело я. Между тем, П[етр]С[еменович Арапов], хотя, по-видимому, и был тоже несколько покоро́блен беседой с А[лександром]А[лександровичем Федоровым], но все-таки как-то чувствует себя морально связанным с ним, находит нужным прислушиваться к его мнениям и даже примеряться к этим мнениям, ценою уступок якобы «тактических». Аргументы его, в общем, сводились к тому, что т[ак] к[ак]-де, судя по А[лександру]А[лександровичу Федорову], наша декларация способна отпугнуть от нас значительную часть людей этого типа, то следует изменить ее в направлении, указанном А[лександром]А[лександровичем Федоровым] и его спутницей, т[о] е[сть] выдвинув монархию и спрятав церковный вопрос. Таковую тактику я решительно отвергаю. Что она нам даст? Только то, что множе-

ство людей типа А[лександра]А[лександровича Федорова] начнут именовать себя евразийцами, не имея на самом деле ничего общего с нами. Поэтому я очень рад, что Вы тоже не считаете возможным идти на какие бы то ни было уступки.

Ваш проект двух деклараций имеет многое за себя. Но, может быть, и двух мало. Арсеньев написал мне во многом весьма неглупое письмо с подробным обсуждением нашей «грамоты». Он критикует *безвкусьность* соединения в одном документе столь существенно различных (по своему предмету) мыслей, и кроме того высказывается за составление двух деклараций, одной — периферической, другой — «для избранных». По-моему, многие недостатки нашей декларации объясняются тем, что мы не имели ясного представления о том, для какой публики и с какой целью она предназначается. При составлении окончательного текста (или текстов) надо яснее это определить самим себе.

То, что Вы пишете о Карташеве, меня все-таки не заставляет переменить мое мнение о нем. Он человек ненадежный и легко поддающийся влиянию собеседника. С Вами он говорил так, а с другим будет говорить иначе (притом в обоих случаях совершенно искренно). Если бы он действительно «в самой глубине» всецело был наш, то не мог бы принимать участия во всем том, в чем он сейчас участвует. П[етр]С[еменович Арапов] подозревает, что он вступил в якобы антибольшевистскую масонскую ложу⁵. Во всяком случае, он участвует в организованном Auber'ом⁶ и находящемся под сильным непосредственным влиянием масонства «Белом интернационале».

Что касается до Карсавина, то свои возражения против его привлечения я теперь готов взять обратно. Только, разумеется, нечего его подпускать слишком близко, в самую кухню, в «идеологическую лабораторию».

Вы ничего не пишете о своей личной судьбе. Удалось ли Вам в Париже сделать что-нибудь для себя, и как Вы решили: переезжать или нет?

Мой летний адрес: Schaftal 24 bei Hans Hiedl, Post Maria Frost bei Graz. — Перееду 15 июля.

Ваш Н. Трубецкой.

7/VI/1924

1 «Спутница» (псевдоним — «племянница») — Мария Владиславовна Захарченко (урожд. Лысова, затем Михно) (1893–1927); в начале 1920-х гг. была замужем за Г.Н. Радковичем (1898–1928); агент генерала А.П. Кутепова и его резидент в России, приезжала вместе с Якушевым для докладов Кутепову.

2 В частности, представители «Треста» говорили о том, что религия не играет какой-либо значительной роли и что большинство населения России к ней безразлично.

3 Советские спецслужбы быстро разгадали этот ход мыслей, предоставив евразийцам партнера в лице «Денисова»-Лангового, изображавшего «евразийца» в «Тресте».

4 Поскольку «Трест» выступал как монархическая организация, вопрос о монархии приобретал особое значение.

5 См. публикуемое в настоящем томе письмо П.С. Арапова П.П. Сувчинскому от 28 июня 1924 г. (№ 23).

6 Правильно: Aubert; швейцарский политик Теодор Обер (Théodore Aubert, 1878–1963) — адвокат, антикоммунист, защитник Конради и Полунина — убийц советского представителя Воровского в Лозанне. В июне 1924 г. в Женеве основал «Международную лигу борьбы против III Интернационала» (L'Entente internationale contre la 3e Internationale de Théodore Aubert), известную также как «Лига Обера». В лиге участвовали представители Белого движения, а также гитлеровская НСДАП.

32 11 декабря 1924 года

Дорогой Петр Петрович!

По-видимому, Вы нечаянно увезли мою туранскую статью. Больше ей быть негде. Я всюду искал. Если она у Вас, пожалуйста, пришлите поскорей.

В статье «Мы и другие» нужна поправка¹. В конце абзаца о нашем отношении к реакционерам говорится: «...и признает свою только такую монархию, которая...». Выходит, как будто мы в принципе республиканцы и только в крайнем случае, при соблюдении таких-то условий и оговорок, так и быть, согласны на монархию. Чтобы избежать этого впечатления, предлагаю (в согласии с П[етром]Н[иколаевичем Савицким]) после слов «признает свою» добавить в скобках «(своим идеалом)».

На П[етра]Н[иколаевича Савицкого] должен Вам пожаловаться. После Вашего отъезда он оставался еще два дня и за это время ни одной строчки не написал, так что статья его так и не начата. Все 2 дня он посвятил исключительно осмотру венских музеев и архитектурных памятников, а в свободное время спал. Я его бранил, но он относился к этому стоически легкомысленно.

Целую ручки Анне Дмитриевне. Обнимаю Вас. Вера и дети кланяются.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

1 *Трубецкой Н.С. Мы и другие // Евразийский временник. Берлин, 1925. Кн. IV. С. 66–81.*

33 21 декабря 1924 года

Дорогой Петр Петрович!

Арсеньев ко мне тоже эйльботит¹. На днях прислал мне письмо, в котором ставит вопрос, как мы к нему относимся, считаем ли его своим и проч. Письмо слегка обиженное и очень слезливое: он-де всей душой, а мы его — вот как! Письмо это было предварено открыткой-эйльботом, отправленной, по-видимому, после письма, но пришедшей за день до письма. В открытке умоляет не принимать всерьез письма, в котором-де отразилось уязвленное авторское самолюбие. Я тем не менее решил ответить на письмо и написал ему в бережных, но твердых выражениях почти всю правду, во всяком случае, суть дела. Написал, что вполне своим мы его считать не можем, ибо он все-таки не вполне «отрес прах от ног» и гораздо менее нас отталкивается от духа старшего поколения, почему мы и не можем поручать ему разговоры с «молодежью» там, где эта молодежь рискует подпасть под влияние софианцев²; указал на пример его прошлогодней поездки; вновь раскритиковал его статью о славянофилах; несколько раз подчеркнул, что мы должны думать прежде всего об интересах дела, а не о том, как бы его не обидеть; закончил так: «Ты можешь быть уверен, что все мы тебя ценим, ценим именно таким, каким ты есть, и что, поэтому, всюду, где ты действительно можешь быть полезен для нашего дела, мы будем обращаться к тебе; но не требуй от нас,

чтобы мы принимали без разбору все, что ты нам предлагаешь, и пойми, что если мы тебе в чем-нибудь отказываем, то делаем это не из недоброжелательности или из пренебрежения, а исключительно по соображениям интереса общего дела». — Надеюсь, что это на него подействует: он или окончательно обидится, или уgomонится. Относительно второй статьи я написал ему, что она принята с моими поправками, которые перечислил, и что Вы ее уже начали печатать, т.к. со сборником надо торопиться¹. Если он будет очень приставать, пошлите ему корректуру: Бог с ним! А впрочем, — как знаете, Вам виднее. Я, кроме Ваших поправок, еще вместе «Павел» tout court⁴ поставил «апостол Павел»: по-моему, «Павел» — даже не дурной тон, а просто германизм, по-русски так не говорят. Насчет того, что «дух требует проявления», я не решил вносить изменения: по-моему, сойдет и так. Все равно образцового стилиста из него не сделать.

Рукопись с поправками при сем препровождаю.

Статья лингвистическая для украинского сборника готова и отправлена П[етру]Н[иколаевичу Савицкому] для отзыва (между прочим, я не знал, как ее озаглавить)⁵. У него же находится и первая статья для той же брошюры, неоконченная: он должен ее окончить.

Относительно «Церковь одна» надо бы прежде всего получить согласие родственников автора (сын его в Югославии)⁶. Вопрос об орфографии следует тоже разрешить в согласии с ними. А то как бы ни вышло скандала или даже судебного дела.

Обнимаю Вас. Целую ручки Анне Дмитриевны. Вера Вам кланяется.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

21/XII/1924

1 Эйльботить, эйльбот — от нем. «Eilbote» — курьер; имеется в виду открытка-экспресс.

2 То есть интеллектуалов старшего поколения, участников Братства Св. Софии.

3 Статья Н.С. Арсеньева не была напечатана.

4 Просто (фр.).

5 Вопрос об «украинском сборнике» остается открытым. Н.С. Трубецкой действительно опубликовал статью «К украинской проблеме»

(Евразийский временник. Париж, 1927. Кн. V. С. 165–184), но маловероятно, чтобы в 1924 г. обсуждалась именно эта статья, увидевшая свет лишь в 1927 г.

6 Речь идет о планировавшемся евразийцами издании работ А. С. Хомякова. Такое издание состоялось: *Хомяков А. С. О церкви*. Берлин, 1926. Автором предисловия и примечаний к тому был Л. П. Карсавин.

34 22 декабря 1924 года

Дорогой Петр Петрович!

Присылаю Вам частушки.

Против предлагаемого Вами изменения заглавия моей статьи не возражаю.

Только что получил из Праги дальнейшую информацию о шашнях К[ирилла]В[ладимировича] с латинянами¹. Не думаете ли Вы, что эту нашу информацию следовало бы так или иначе придать гласности, пустив ее в прессу (разумеется, не от нашего имени)?

- Обнимаю Вас.
Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

22/XII/1924

¹ Имеется в виду великий князь Кирилл Владимирович.

35 31 декабря 1924 года

Дорогой Петр Петрович!

Статья о Требнике очень бесцветна и бездарна, но ничего вредного ни в тоне, ни в содержании не заключает, а т.к. кое-кому из читателей «Временника» полезно просто заинтересоваться Требником и обратить более сознательное внимание на те молитвы, которые они много раз «ушами слышали, но не разумели сердцем», то статья может быть полезной, — просто как напоми-

нение того, что есть такая книга, Требник, которую стоит внимательно прочитать. Итак, я стою за ее напечатанье. На напечатаньи маленькой статьи того же автора я, конечно, не настаиваю: стоял я за нее, только чтобы не обижать его. Думаю, что напечатанье статьи о Требнике его удовлетворит. Относительно же напечатанья его маленькой статьи объясните ему, что хотя она вполне подходит по содержанию и духу, но по своим размерам не гармонирует с другими статьями сборника, так что ее некуда вставить, по крайней мере в № 4¹.

На письмо мне (о котором я Вам сообщал) Арс[сеньев] ответил смиренно, но огорченно. Он, безусловно, обижен, но не слишком. Думаю, что очень обижаться он вообще не способен. И.А. Ильин очень хорошо про него сказал: «Суждению Арсеньева о людях верить нельзя, ибо для него все люди делятся только на две категории: на чрезвычайно талантливых и на очень симпатичных».

Приезжал сюда Степун. Был у меня. Разговаривал. От эсерства в нем мало что осталось. Но я думаю, что он в этом отношении мало типичен. Безусловно, нам надо приналечь на их молодежь. Мы должны отбить молодежь и у них, и у правых, и слить эти две разновидности воедино. Только тогда у нас и получится ценное новое вещество, соединение двух разных химических элементов. А то, если мы будем черпать адептов только от правых, то получится все-таки однобокое существо.

То, что Вы пишете об Академии², в сущности, для нас не ново, ибо мы этого и ожидали. Я думаю, что все это в достаточной мере безвредно, ибо мертворожденно, как все, что затевает Булгаков. Не понимаю, о чем я должен писать Осоргину³? От П[етра]С[еменовича Арапова] получил письмо, но в нем никакой информации об Академии нет и даже нет указания на то, виделся ли он с Осоргиным и о чем с ним говорил. То, что Осоргин не ответил мне на мое письмо, показывает, что он на меня обиделся (не за себя, а за «дело»).

С Хомяковым мы снесемся⁴.

Даша⁵, от которой я имел записи частушек, теперь приехала из России. Между прочим сообщила еще новую частушку, городскую:

*Я стояла в череду,
Получать картошку;
Рядом баба родила
Мальчика Антошку.*

Много рассказывает интересного бытового. Надо сказать, что по рассказам обывателя, живущего на месте, получается совсем другая картина, чем по рассказам наблюдателя-гастролера.

Обнимаю Вас. Целую ручки Анне Дмитриевне.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

31/XII/1924

1 Вероятно, речь идет о статьях Н.С. Арсеньева. В четвертом номере «Временника» эти статьи опубликованы не были.

2 Речь идет об основании в Париже Православной академии — Богословского института на Сергиевском подворье, на что П.С. Арапов предложил выделить евразийские средства. См. письмо П.С. Арапова П.П. Сувчинскому от 14 ноября 1924 г. (№ 35).

3 Михаил Михайлович Осоргин (1887–1950) — ученый-богослов и общественный деятель, один из основателей и преподавателей Свято-Сергиевского богословского института; был управляющим Свято-Сергиевским подворьем в Париже.

4 См. выше о проекте публикации работ А.С. Хомякова.

5 Лицо установить не удалось.

36 15 января 1925 года

Дорогой Петр Петрович!

Обстановка у нас в доме сейчас такая, что уехать мне положительно невозможно. У Дашки¹ — корь. У няни — затяжная инфлюэнца. Сегодня слегла и Еленка² (корь у нее уже была, так что это, вероятно, просто инфлюэнца, — но, во всяком случае, жар, простуда и проч[ее]). Я тоже эти дни был болен и только сегодня чувствую себя лучше. Вы понимаете, что при таких условиях ехать невозможно. Постарайтесь обойтись без меня.

Читал статью Кизеветтера¹ в «Руле» и настолько возмутился, что написал прилагаемое при сем письмо. Посылаю его сначала Вам, а не П[етру]Н[иколаевичу Савицкому], ибо в данном случае надо быть сугубо осторожным. П[етр]Н[иколаевич] может в пылу задора рекомендовать мне это письмо действительно отправить, а мне хотелось бы сначала знать Ваше совершенно спокойное суждение по этому вопросу. Надо тщательно взвесить все. Поднимать скандал имеет смысл только в том случае, если это может принести нам пользу. Надо обдумать и то, кого нам избрать своим представителем в третейский суд, если К[изеветтер] примет мой вызов, и что предпринимать, если К[изеветтер] вызова не примет. М[ожет] б[ыть], и самая редакция письма должна быть изменена. Возможно далее, что вообще надо предпринимать что-то другое, напр[имер] попытаться напечатать опровержение в «Руле». Наконец, возможно, что вообще ничего не надо делать и гордо пройти мимо (как поступали до сих пор). М[ожет] б[ыть], Вам следует поговорить с Гессеном, о котором Вы, помнится, говорили, что он проявляет к нам интерес.

В статье К[изеветтера], по-моему, есть одно хорошее место, это — о призрачности связи евразийства со славянофильством. Это, собственно, вполне правильно, и, сам того не подозревая, К[изеветтер] тут говорит именно то, что рано или поздно скажем и мы. В будущей статье о славянофилах, которую напишет кто-нибудь из нас, надо будет прямо, ради издевательства, сослаться на это место в статье К[изеветтера]².

В других местах его статьи нетрудно узнать кривое зеркало разных наших идей, еще не появившихся в печати. Очевидно, К[изеветтер] почерпнул это из речей студентов, конечно, он совершенно сознательно извратил эти суждения, но в то же время вполне возможно, что студенческая передача наших идей давала повод для такого извращения. Это надо, во всяком случае, иметь в виду на случай процесса в третейском суде: надо настаивать на том, что печатные суждения о евразийстве могут делаться только на основании печатной евразийской литературы, устные же суждения тех или иных евразийцев могут привлекаться только постольку, поскольку они являются развитием печатных и не противоречат им.

Писание «Нации-Личности» пока подвигается туго. Писать особую статью для немецкого сборника мне очень не хочется, ибо

это перебьет писание брошюры о Чингис-хане⁵, которую хотелось бы написать получше. Я вообще ужасно не люблю самого себя переписывать. Нельзя ли с немецким сборником вообще не то-ропиться⁶?

Обнимаю Вас. Целую ручки Анне Дмитриевне. Поздравляю с прошедшими праздниками и с Новым годом.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

P.S. П[етр]Н[иколаевич]М[алеvский]-М[алеvич]⁷ спрашивает, куда прислать «Европу и Человечество», когда все, оставшееся на складе в Софии, будет нами куплено; в Вену или в Лондон? Я не совсем понимаю технику дела. Он пишет, что русская книготорговля Латкина в Лондоне взялась написать в Софию о том, что она желает приобрести все, что в издательстве осталось от «Европы и Человечества»; с нас Латкин возьмет 10% с цены ему поставленной⁸ + расходы по перевозке. Я не совсем помню, что мы вообще решили делать с «Евр[опой] и Чел[овечеством]». Поскорее напишите мне об этом, ибо мне надо ответить П[етру]Н[иколаевичу]М[алеvскому]-М[алеvичу].

Михайловский⁹ начал переписку, но пока ответов еще не получал. Состоялось первое собеседование мое со студентами. Впечатление недурное. М[ожет] б[ыть], что-нибудь и выйдет¹⁰.

Н[иколай]Т[рубецкой].

P.S. 2 А м[ожет] б[ыть], статья К[изеветтера] есть вообще провокация с целью вызвать нас на какое-нибудь неосторожное выступление?

15/I/1925

1 Дарья Николаевна, дочь Н.С. Трубецкого.

2 Елена Николаевна, в замужестве — Исаченко, дочь Н.С. Трубецкого.

3 Александр Александрович Кизеветтер (1866–1933) — историк и публицист; ученик В.О. Ключевского; сотрудничал с «Русской мыслью», участвовал в Союзе Освобождения и Партии народной свободы. В эмиграции находился в Праге, преподавал в Карловом университете, руководил Пражским историческим архивом. Ярый противник евразийства.

4 В своей статье А.А. Кизеветтер отмечал, что, во-первых, славяно-филы противопоставляли романо-германскому миру Россию и славянство,

а не Азию, а во-вторых, в отличие от евразийцев, славянофилы были гегельянцами и верили в единство исторического процесса, тогда как евразийцы защищают автаркию культурных типов и непроницаемость границ между ними.

5 Скорее всего, речь идет о статье Н.С. Трубецкого «Общевразийский национализм» (Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. IX. С. 24–31). Брошюра о Чингисхане — вышедшая под псевдонимом И.Р. брошюра «Наследие Чингисхана: Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока» (Берлин, 1925). Существуют различные интерпретации этого псевдонима: как вторые буквы имени и фамилии Н[И]колай Т[Р]убецкой и как аббревиатура слов «Из России». Тот факт, что П.С. Арапов впоследствии тоже пытался пользоваться этим псевдонимом, говорит в пользу второй версии.

6 Несмотря на неоднократные попытки выпустить сборник статей евразийцев на немецком языке, это издание так и не увидело свет.

7 Петр Николаевич Малевский-Малевиц (1891–1974) — гвардейский офицер, монархист; участник евразийского движения с конца 1924 г.; поддерживал контакт с А.П. Кутеповым. Благодаря средствам Генри Сполдинга, принесенным в евразийское движение, Малевиц занял в нем значительное положение; был казначеем евразийцев; в переписке фигурировал под кличками Пенни, Озеров и Катц. Жил в Англии и США, скончался в Нью-Йорке. Отец Малевского-Малевица был послом России в Японии; двоюродный брат — Святослав Святославович Малевский-Малевиц (1905–1973) — руководил в конце 1920-х — начале 1930-х гг. евразийской группой в Бельгии.

8 Очевидно, речь идет о 10% наценки, то есть о 110% от цены поставки.

9 Студент Н.С. Трубецкого, привлеченный им в евразийство. Более подробных данных о нем нет.

10 Речь идет о семинаре Н.С. Трубецкого.

37 17 января 1925 года

Дорогой Петр Петрович!

Присылаю Вам конспект Евр[опы] и Чел[овечества]. Когда Вера его переводила на англ[ийский] яз[ык], то обратила внимание на то, что некоторые места конспекта формулированы неудачно. Я тогда же внес поправки, но внес их устно, так что в русский текст они не попали, и попали только в английский перевод. Этот перевод сейчас у П[етра]Н[иколаевича]М[алевского]

М[алевица]. Попросите его прислать копию этого перевода (но без его купюр, ибо он внес одну купюру, с моего разрешения, чтобы ослабить антианглийский тон, — что для немецкого перевода неважно), и пускай тот, кто займется немецким переводом, сличает русский текст с английским переводом.

Обнимаю Вас,

Ваш Н[иколай] Т[рубецкой]

17/1 1925

38 Январь–февраль 1925 года¹

Дорогой Петр Петрович!

У нас в Вене произошло несчастье: умер наш священник, с которым Вы познакомились у нас в доме. Теперь перед венцами встал вопрос о замещении настоятельского поста, освободившегося со смертью священника. Я сначала думал заполучить того протоиерея Четверикова², о бедственном положении коего в Чехословакии рассказывал Савицкий. Но этот протоиерей приехал к нам, командированный епископом Сергием³ для отпевания нашего священника, и из разговоров с ним я выяснил, что у него в Братиславе уже образовался приход и что он своим положением там доволен. Теперь вспоминаю, что, по Вашим словам, сколько помню, без места находится и тот священник, который совместно с Карсавиным [неразборчиво] и будет просить Евлогия назначить его к нам. Бессемейность является для нас неперенным условием, т[ак]к[ак] нам придется содержать семью нашего покойного настоятеля. Пожалуйста, поскорее ответьте на этот вопрос (через неделю мы уже должны предложить Евлогию какого-нибудь кандидата, на этом настаивает весь приходской совет). Если у Вас кроме Колпинского⁴ имеется в виду какой-нибудь хороший кандидат — напишите и об нем. Очень хотелось бы получить хорошего батюшку. Из моего «семинара» со здешней молодежью я убеждаюсь, что из них можно кое-что сделать, но при наличии союзника в лице хорошего священника.

О ходе своих работ (литературных и устно-пропагандных) напишу Вам в другой раз.

Обнимаю Вас, целую ручки Анне Дмитриевне, передайте поклон П[етру]С[еменовичу Арапову] и Гучковым.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

1 Датируется по содержанию.

2 Сергей Иванович Четвериков (1867–1947, с 1896 г. — протоиерей Сергей) — настоятель прихода в Брно, активный участник, духовник и настоятель храма Русского студенческого христианского движения.

3 Скорее всего, архиепископ Пражский Сергей (А.Д. Королев; 1881–1952).

4 Вероятно, имеется в виду протоиерей Диодор Колпинский (1892–1932), в 1911 г. перешедший в католичество; окончил курс папского Григорианского университета в Риме и получил степень доктора философии; в 1917 г. перешел в греко-католический обряд. Эмигрировал в Польшу; на некоторое время вернулся в православие и в начале 1920-х гг. был назначен настоятелем единоверческого прихода в г. Воинове (Восточная Пруссия, Германия), а затем служил в православном храме в Тегеле (Берлин, Германия). Позднее стал настоятелем православного храма в Вене, а затем снова перешел в католичество. В 1929 г. был назначен настоятелем русского католического прихода в Харбине (Китай). Очевидно, «бессемейность» бывшего католического священника перевесила в глазах Трубецкого его «латинство».

•

39 6 февраля 1925 года

Дорогой Петр Петрович!

Не вижу причины, почему Вам не принять участие в журнале Б[ердяева]'. Ведь в «Софии» Вы участвовали. Мы им обещали благожелательное отношение к их благим начинаниям. К тому же сейчас они, по-видимому, хорошо настроены, и в ближайшее время постараются быть пристойными. Поэтому я считаю, что нам *сейчас* в открыто враждебную позу становиться не стоит, а Ваш отказ имел бы вид именно такой враждебной позы. Конечно, согласие вовсе еще не обязывает Вас прислать им статью для первого же номера, а имя Ваше пускай красуется в списке сотрудников: беды в этом нет, и это уgomонит распускаемые про нас слухи о нашей предвзятой враждебности к «ним». — Я сильно занят всякими срочными обязательствами.

Тем не менее, стараюсь писать. «Чинг[исхан]» подвигается, но «Нац[ия] и Лич[ность]» идет туго. Пожалуйста, на обложке сборника № 4 не пишите «готовятся к печати «Чинг[ис-хан]», «Нац[ия] и Лич[ность]» и т[ак] д[алее]. По разным соображениям, о которых я Вам напишу подробнее, я хочу выпустить «Чинг[ис-хана]», а м[ожет] б[ыть], и «Нац[ию] и Лич[ность]» анонимно или под псевдонимом. От Хомякова получено восторженное письмо, предоставляющее нам полнейшую свободу действий. Относительно орфографии говорит только, что если это действительно необходимо, — то пускай, но если этого можно избежать, то лучше не по новой орфографии, ибо эта последняя «вымажет книгу дегтем». Впрочем, и в этом вопросе предоставляет полную свободу нам.

Обнимаю Вас, целую ручки Анне Дмитриевне.

Ваш Н[иколай] Т[рубецкой].

6/II/1925

1 Речь идет о начале издания журнала «Путь», редактором которого был Н.А. Бердяев.

40 23 февраля 1925 года

Дорогой Петр Петрович!

Очень благодарю Вас за справки о Колпинском. По всей вероятности, он попадет к нам. Во всяком случае, мы просили Евлогия о его назначении.

Былу меня о. Абрикосов¹. Приходил три раза, и каждый раз сидел подолгу. Что ему нужно было — не знаю. Что-то хотел выведать, подходил с разных концов, расспрашивал, и все поддакивал. Поддакивал даже глупо. Напр[имер], ругал латинян, смеялся на «Верой и Родиной»², вообще над кириллизмом и легитимизмом. Произвел на меня впечатление человека неумного и нетонкого. Просил меня рассказать ему существо нашего учения, в частности, наши взгляды на форму правления, — что я и сделал. М[ожет] б[ыть] ему это нужно было, чтобы использовать кое-какие идеи для какой-нибудь кириллической декларации, как это в свое вре-

мя было сделано с нашей прошлогодней декларацией... Не знаю, вообще — впечатление смутное.

Мои студенты медленно, но верно обрабатываются. Самый способный из них (не М[ихайловский]) пока ерепенится и сопротивляется, но, по-моему, он сам не знает, чего хочет, и по духу он подходящий, и я надеюсь, что рано или поздно его «возьму». Другие даже не сопротивляются, но я не считаю нужным прежде времени ставить точки над і, и сначала хочу впитать в них как можно больше наших идей, не говоря, как они называются, а потом уже поставить их перед совершившимся фактом и предложить именоваться «нами». Рассчитывать можно персон на 6. — На днях по их просьбе читал им доклад о Петре Великом. Схема: Петр и большевики; и тот и другие любят не историческую Россию, а Россию как материал для построения здания на основе чуждого исторической России идеала; поэтому и тут, и там соединение империализма и национального тщеславия с оскорблением национального чувства и религиозных основ русской жизни; народ оценивает и Петра и большевиков одинаково, с одной стороны прельщается демагогией (царь-плотник и проч.), с другой ясно чувствует и тут и там дух Антихриста; различие между П[етром] и б[ольшевиками] в том, что П[етр] задался идеалом близким и реальным, — современным состоянием европейских стран, а б[ольшевики] задалась идеалом совершенно фантастическим и неосуществимым — европейской мечтой о «лучшем» будущем; поэтому Петру кое-что удалось, и его, как победителя, не судят, а большевикам не может удалиться, и их судят; — заключительная формула: Петра нельзя чествовать, за него можно только молиться. Прения были оживленные. Один из участников высказал, что благодаря Петру мы узнали Европу, отвратились от ее цивилизации, и стали теперь искать новые пути в лице евразийства, так что хотя бы за евразийство надо благодарить Петра. Если это была не грубая лесть по моему адресу (а говоривший, вообще, человек прямой и льстивостью не отличается), то это можно считать показателем успешности обработки.

По возвращении из Б¹ засел писать Чинг[исхана]. Пишу по новой орфографии и при писании все время имею в виду тех новой формации офицеров, о которых рассказывал Кас[аткин]⁴. Имени своего этому произведению я давать не хочу, Во-первых, думаю, что с научной точки зрения мое построение можно сильно пощи-

пать. Во-вторых думаю, что в диаспоре это произведение вообще нужно показывать поменьше, только доверительно, из рук в руки, для внутреннего употребления ячеек; главным же образом предназначается оно для тех кругов, о которых говорил Кас[аткин], а им мое имя может повредить. М[ожет б[ыть], до напечатания даже отправить один экземпляр Кас[аткину].

Нацию-личность⁵ пока отложил, чтобы не перебивать работы. Надеюсь, что Чинг[исхана] скоро кончу, хотя он немножко затянулся.

О перемене кандидата в нефтяные представители думаю, что это к лучшему⁶. Уже в поезде по дороге из Б⁷ я стал собирать свои впечатления и размышления, и у меня возникли сомнения в том, что правилен ли наш выбор? Очень славный мальчик, но — душа нараспашку, может вляпаться или поддаться обработке. А какие Ваши окончательные впечатления от Кас[аткина]?⁸ Я признаюсь, что все-таки совершенно не знаю, наш он или не наш. Строго говоря, он ничего нам не сообщил такого, что бы мы не знали из газет, а от нас узнал многое, чего в газетах нет; так что, если к нему применять гипотезу № 1, то он — мастер своего дела. Сохраняете ли Вы с ним связь?

• То, что Вы пишете о П[етре]Н[иколаевиче]С[авицком] очень печально, но этого следовало ожидать. По-видимому, нам на некоторое время придется не рассчитывать на него как на писателя. Только бы не было хуже!..

На что Вам моя фотография в шапке? Та, которая у меня на паспорте, к сожалению, единственный экземпляр. Снялся еще раз, и при сем прилагаю, но, по-моему, менее удачно вышло. На днях пришлю лично Вам другую большую фотографию, без шапки, по-моему, очень удачную.

В статье Ильина (Две заповеди)⁹ много талантливых мест, наряду с местами бесцветными. Общее содержание ничего особенно оригинального не представляет. Вобщем, не представляю себе, что из нее можно сделать.

Обнимаю Вас, целую ручки Анне Дмитриевне.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой]

P.S.: Из Софии приехала одна дама. Рассказывает ужасы про атмосферу, создавшуюся там вокруг церкви. Серафим говорит пропове-

ди о своем здоровье и необходимости молиться за его здоровье. Перед мытьем пола у Зазыкиной¹⁰ служится молебствие и на мытье это посылаются «сестры» в порядке подвига. Собаку, мешавшую спать Серафиму, этот последний велел застрелить. Ливен весь ушел в эту атмосферу и не допускает критики. Н[иколай] Т[рубецкой].

1 Абрикосов Владимир Владимирович (1880–1966) происходил из семьи известных русских промышленников. В 1909 г. принял католичество, вступил в орден доминиканцев. Впоследствии стал священником Греко-католической церкви (рукоположен митрополитом Андреем Шептицким). Участвовал в контактах с православным духовенством, в эмиграции жил сначала в Риме, затем, встретив затруднения в своей деятельности, в Париже. Сотрудничал с партией легитимистов (сторонники великого князя Кирилла Владимировича Романова).

2 «Вера и Родина» (*Foi et Patrie*) — газета для русских католиков, издававшаяся сначала в Лионе, а затем, с 1925 г., в Париже.

3 Брюсселя, то есть Праги.

4 Касаткин, он же Опперпут, он же Стауниц — настоящее имя, судя по всему, Эдуард Оттович Уппелиныш (1894–1927?). Опперпут принимал участие в операции «Трест», являясь одной из ключевых фигур «подполья» в Москве. В 1927 г. Опперпут выехал из СССР и опубликовал признание, что «Трест» являлся инсценировкой ГПУ, после чего он в составе группы боевиков (куда также входили М.В. Захарченко и ее муж Радкевич) вернулся в СССР для взрыва общежития работников ГПУ в Москве. Операция не удалась, и при попытке уйти из СССР группа якобы была уничтожена под Смоленском. В романе Л. Никулина «Мертвая зыбь» утверждается, что Опперпут был провокатором, работая на монархическое подполье. Эта же версия проводилась в ряде советских сообщений в прессе о раскрытии террористической белоэмигрантской группы. По версии советских источников, Опперпут-Касаткин погиб под Смоленском. По утверждению участника событий эмигранта С.Л. Войцеховского, Опперпут-Касаткин-Стауниц был кадровым работником ЧК-ГПУ — именно он внедрил в савинковскую организацию, что привело к аресту Савинкова в СССР. Согласно версии Войцеховского, в 1942 г. он встречался с Опперпутом в Варшаве, куда тот приехал из оккупированного Киева. Войцеховский утверждает, что под именем Коваленко Опперпут был резидентом ГПУ в Киеве, где и был арестован нацистами и расстрелян. Какова была версия Савицкого, установить не удалось. Речь идет о распространявшемся агентами Треста информации, что в Красной армии существует «национальная» оппозиция большевикам.

5 Речь идет о работе Н.С. Трубецкого «Общевразийский национализм» (Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. IX. С. 24–31).

6 Речь идет о выборе кандидата на поездку в СССР в качестве представителя евразийцев по каналам «Треста».

7 Праги.

8 Опперпута.

9 О какой именно статье В.Н. Ильина идет речь, установить не удалось.

10 Данных нет.

41 15 марта 1925 года

Дорогой Петр Петрович!

Я более всего склоняюсь к тому, чтобы на обложке Временника ни о той, ни о другой моей готовящейся к печати брошюре не упоминать¹. Тут не только известный суеверный страх перед подобного рода обещаниями, но и соображения по существу. О «Наследии Чингисхана» я могу уже судить, потому что оно почти уже готово: если эта брошюра вообще будет одобрена Вами и П(етром)Н(иколаевичем Савицким), то еще большой вопрос, не нужно ли будет ее вообще скрыть от широкой публики. Так, как она у меня до сих пор выходит, она может иметь известный агитационный успех, но может и сильно повредить нам. Обращение с историей в ней намеренно бесцеремонное и тенденциозное, так что для серьезной исторической критики она представляет весьма удобное поле и может послужить легко уязвимым местом. Можно было бы застраховаться с этой стороны, заявив в предисловии, что написана она не-историком по специальности и представляет из себя только мысли, подлежащие еще разработке специалистов. Но это сильно ослабило бы ее агитационное значение. Далее, хотя в ней есть критика большевизма, но, вобщем, отношение к советской власти скорее доброжелательное, а это в эмиграции будет использовано против нас. Писалась она совершенно не для эмигрантской публики. Я бы здесь, за рубежом, пустил бы ее только по ячейкам, т[ак] сказ[ать] «на правах рукописи». Что касается до «Нация-личность», то я еще не начал ее писать, боюсь, что очень с ней задержусь, и положительно не знаю, что из нее выйдет: м[ожет] б[ыть] выйдет так плохо, что будет отвергнуто, или тот же материал будет переработан иначе и под другим заглавием,

м[ожет] б[ыть] выйдет только сравнительно небольшая статья, которая пойдет в очередном № Временника. Поэтому, обещать и брать на себя обязательства, положительно, опасно. Я стою за то, чтобы ни та, ни другая брошюра не упоминалась до их окончательного изготовления. — А вот при объявлении о «Европе и человечестве», м[ожет] б[ыть], следовало бы указать на то, что предлагается второе издание. Ведь, по-видимому, первое либо распродано либо прочно зажато, а книга нам нужна. Насколько я помню, в контракте мне предоставлено было право приступить ко второму изданию, когда первое будет распродано. Это и надо сделать.

«Наследие Чингисхана» сильно разрослось (уже 60 страниц моего почерка), и я все никак не могу его закончить. Есть там одно место, которое все никак не вытанцовывается: это поношение старого режима, которое надо сделать так, чтобы ясно было, что большевизм (в смысле официального курса комму[нистическо-го] правительства) есть продолжение недостатков старого режима и потому является недостаточно революционным, а подлинно революционным является только наше дело. Тут должна быть демагогия. Очень трудно.

Выпеславцев² прислал мне брошюры В.Н. Ильина («Серрафим Саров[ский]») и Б. Зайцева («Серг[ий] Радон[ежский]») и письмо на бланке УМСА. Письмо краткое и кончается так: «Мне было бы чрезвычайно ценно лично с Вами повидаться и переговорить. Я с большой симпатией отношусь к деятельности евразийцев; мне кажется, что наши небольшие расхождения совершенно не принципиальны, и нам следовало бы координировать нашу деятельность, и вообще объединиться. Об этом я мечтаю, и из разговоров с Сувчинским и Ильиным выношу впечатление, что это вполне возможно. Конечно, следовало бы об этом переговорить лично. Не будете ли Вы в Париже?» — Что это означает? С кем это он предлагает нам объединиться? С ним лично или с «Имкой»? Что мне ему отвечать? Напишите спешно Ваше мнение, а то я не знаю, как и о чем Вы с ним говорили, и могу что-нибудь напутать. Вообще я его совершенно не знаю, но имел об нем всегда скорее отрицательное представление и впечатление, что он прежде всего — карьерист. Как-то в моем сознании он неразрывно ассоциируется с Н.Н. Алексеевым.

Обнимаю Вас. Целую ручки Анне Дмитриевне. Вера Вам кланяется.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой]

P.S.: Я определенно прошу, не делать объявления о моих готовящихся к печати брошюрах. Н[иколай]Т[рубецкой]

P. S. II: Евлогий упорно навязывает нашему приходу настоятелем какого-то проживающего в Париже архимандрита Харитона Дроботова¹, бывшего ректора какой-то семинарии, 64-х лет. Боимся, что это — дряхлый старик, которого некуда девать, и которого присылают нам как бы в богадельню. Для нас это ужасно, ибо нам нужен сейчас энергичный человек и организатор. Пожалуйста, наведите справки: не знает ли кто-нибудь этого архимандрита, и что он из себя представляет? Н[иколай]Т[рубецкой]

15/III 1925

1 Речь идет о работах Трубецкого «Наследие Чингисхана: Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока» (Берлин, 1925) и «К проблеме русского самопознания» (Париж, 1927).

2 Борис Петрович Вышеславцев (1877–1954), философ, специалист по этике и теории права. Закончил Московский университет, учился в Марбурге у Наторпа и Когена. В эмиграции сотрудничал с Н.А. Бердяевым (Берлинская академия, Богословский институт в Париже, основатель журнала «Путь»). Был редактором YMCA-Press. Насколько можно судить, ни одной работы Вышеславцева евразийское издательство не опубликовало, хотя в 1925–1927 гг. он симпатизировал евразийству и состоял в переписке с П.П. Сувчинским.

3 Архимандрит Харитон (Дроботов), бывший ректор Волынской духовной семинарии. Некоторое время был настоятелем Венского прихода. Митрополит Евлогий так описывал историю венских приходов: «По увольнении А. Дьякова я назначил архимандрита Харитона, бывшего ректора Волынской семинарии. В Польше митрополит Дионисий назначил его в сельский приход. Я пожалел его, выписал в Вену. Он вел приход плохо и в конце концов ушел к „карловчанам“. Я заменил его сначала священником Д. Колпинским, перешедшим ко мне из католичества; через некоторое время он заболел нервным недомоганием, опять вернулся в католичество и скоро умер. Я заменил его хорошим батюшкой старого типа протоиереем Ванчаковым. Приход в Вене маленький, слабенький, едва

влачит существование. „Карловчане“ открыли параллельный приход, который возглавляется приехавшим из России епископом Серафимом Ляде, немцем по происхождению; но и ему не удалось создать сильный приход. Недалеко от Вены, в Baden hei Wien, также организовалась, главным образом трудами князя Г. Н. Трубецкого, приходская община, настоятелем которой я назначил протоиерея Д. Барсова, но он вскоре умер; община была приписана к Венскому приходу, а потом совсем закрылась» (*Евлогий (Георгиевский)*. Путь моей жизни. Гл. 21. Цит. по <http://www.pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=741> [последнее обращение — 10 января 2009 г.]).

42 23 марта 1925 года

Дорогой Петр Петрович!

Только что получил eilbot от В[ладимира]Н[иколаевича] Ильина без указания адреса, так что отвечаю не ему, а Вам. Ильин пишет, что немецкая статья для «Gaal'я»¹ должна быть прислана не позднее 25 марта. Сегодня 22-е. Статья еще не начата. Ее не будет. Я прошу Вас вспомнить, что этой статьи я *не обещал*. Я только сказал, что «подумаю», и несколько раз подчеркивал, что мне очень не хочется ее писать. К тому же мне никто и не говорил, что она так спешно нужна. — Вы прямо не можете представить себе, до какой степени я опять завален работой: одновременно пишу пять больших статей и готовлю 2 курса лекций...

Обнимаю Вас.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

23/III/1925

¹ Журнал Der Gral, в котором планировалось издание работ евразийцев, но опубликована была лишь статья Л. П. Карсавина «Die Russische Idee» (Der Gral. Bd. 8 [1925]. S. 351–360).

43 28 марта 1925 года

Дорогой Петр Петрович!

Посылаю Вам, наконец, законченного мною «Чингисхана». Не торопитесь печатать: сначала прочитайте, обдумайте. Покажите кому-нибудь, (напр[имер], Карсавину). Пошлите копию П[етру] Н[иколаевичу Савицкому]; м[ожет] б[ыть], следовало бы также запросить мнение Касаткина?¹

Первые три страницы по старой, остальные по новой орфографии: при переписке и печатании переправьте все по новой.

Псевдонимов два на выбор: либо Н.Т., либо «С.А. Пиентисатов» (*sapienti sat*²). Знающие меня, разумеется, догадаются. Но я бы все-таки не хотел ставить своего имени под этим произведением, которое явно демагогично и с научной точки зрения легкомысленно.

Читайте внимательно и строго: Вы имеете склонность быть чрезмерно снисходительным к моим произведениям подобного рода.

Обнимаю Вас. Целую ручки Анне Дмитриевне.

Ваш Н[иколай] Т[рубецкой]

•
Вена 28/III 1925

¹ Опперпута.

² Знающему довольно (*лат.*).

44 2 апреля 1925 года

Дорогой Петр Петрович!

Т[атищев]¹ рассказал мне о Ваших проектах. Я согласен, но только срок для меня неудобный: раньше начала августа я никуда выезжать не могу. Если можно устроить съезд новой секции в августе, то я согласен принять в нем участие на какой угодно роли. Очень печально все, что Вы пишете о П[етре] Н[иколаевиче Савицком]. Надо принять все меры к тому, чтобы пресечь зло в корне. Неужели придется нам внутри тройки вести какую-то дипломатию и секретничать друг от друга? — М[ожет] б[ыть] надо

извлечь П[етра]Н[иколаевича Савицкого] из Праги? Это трудно сделать, но если так будет продолжаться, то надо будет на это решиться. На всякий случай подумайте об этом, и, когда будете в Париже, исподволь подыскивайте возможность пристроить П[етра]Н[иколаевича Савицкого] либо там, либо где-нибудь еще, подальше от пражской атмосферы.

Соломон¹ мне очень нравится. Обсуждали с ним вопрос о том, как и о чем ему говорить с Сергеевым. По-моему, до сих пор наши отношения с Сергеевым и Ко были идеальные и менять их не следует. Нам неудобно, чтобы они были против нас, и еще неудобнее, чтобы они были за нас. Так, как было до сих пор, — всего лучше: они считают что мы — профессора, чудачки, говорящие что-то не совсем понятное, но, в общем, безвредные люди, и на этом основании нам не мешали. Так пускай и останется. Раздувать свое значение, импонировать своей силой имело бы смысл только в том случае, если бы мы желали обратить Сергеева и Ко. Но, т[ак] к[ак] мы этого совсем не желаем, и, даже наоборот, должны этого избегать, то пускай лучше они недооценивают наше значение, чем переоценивают его. При переоценке они не смогут относиться к нам безразлично, а либо испугаются и официально запретят нас слушать, либо наоборот примут с распростертыми объятиями и своею санкцией нас скомпрометируют. Для нас нужно только, чтобы они относились к нам совершенно безразлично, не помогали, но и не мешали нам. А для этого надо, чтобы они смотрели на нас, как на вобщем скорее симпатичных, но, в общем, не очень серьезных людей. Соломон говорит, что он тоже держится такого мнения, но что Вы смотрите иначе.

Какой Ваш отзыв о моей рукописи?

Временник получил, но еще не прочел тех частей, которые в нем для меня новы.

Обнимаю Вас. Целую ручки Анне Дмитриевне.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой]

2/IV 1925

¹ Николай Дмитриевич Татищев (1902–1980), граф. Служивец Арапова, литератор, публиковался в евразийских изданиях. В 1925 г. Проживал в Югославии, состоял в переписке с П.П. Сувчинским, Н.С. Трубец-

ким и П.С. Араповым. Письма Н.Д. Татищева сохранились в архиве П.П. Сувчинского.

2 Н.Д. Татищев.

3 П.Н. Врангель.

45 11 апреля 1925 года

Дорогой Петр Петрович!

Вы так до сих пор мне ничего и не написали о моем «Чингисхане». А между тем, это мое детище меня очень беспокоит. Карсавин написал мне несколько своих соображений, по-моему, очень веских. Хорошо бы внести в брошюру несколько соответствующих примечаний. Поговорите с ним. Я предоставляю Вам право менять мой текст как угодно. Я на эту брошюру смотрю не как на свою собственность. В ней и без того — плагиат на плагиате, и при написании я много кривил душой в угоду «ударности». А потому, если это нужно и целесообразно, то ее менять не только можно, но и должно. Все равно, она пойдет не под моим именем. По вопросу о псевдониме вы тоже мне ничего не написали. «Н.Т.» слишком ясно и лучше что-нибудь другое. На «С.А. Пиентисатов» я не настаиваю. Если придумаете что-нибудь получше, — валяйте. Только, пожалуйста, чтобы «не так легко было отгадать», как говорится в армянских загадках.

Я Карсавину написал письмо с изложением своей точки зрения на мою брошюру. Попросите его Вам показать.

Соломон¹ мне очень понравился. Идеологическая установка у него вполне наша. По-моему, он и литературно талантлив и его переводы сербских песен совсем не плохие. Не понимаю, почему П[етр]Н[иколаевич Савицкий] настроен по отношению к нему с такой подозрительностью. В теории опасения П[етра]Н[иколаевича Савицкого], конечно, основательны, и надо принимать все меры к тому, чтобы новая секция с самого начала встала на верный путь и не уклонилась в ту сторону, которой так боится П[етр]Н[иколаевич Савицкий].² Но заранее каркать нечего. А между тем, П[етр]Н[иколаевич Савицкий] уже договаривается до того, что «Деникинщина встала перед нами во весь рост». По-моему, более всего следует опасаться не Соломона, который идеологически вполне

наш, и с которым у нас прочные личные связи через Шмидта,³ — а Твердова.⁴ Последнего я, конечно, совсем не знаю, но, по-видимому, в идеологической стороне дела он разбирается мало, а личные связи у него только с Корневым,⁵ который все-таки находится у него в отношении подчинения. При том авторитете, который имеет Твердов в глазах многих, его относительная самостоятельность и малая связанность с нами может стать опасной. Он может начать самостоятельную политику. Надо принять все меры к тому, чтобы его потеснее связать с нами. Как это сделать, — не знаю, ибо я с ним даже не знаком.

Временником я вообще доволен. В нем есть строительство. И «Хозяинодержавие»,⁶ несмотря на все свои недостатки, все-таки ценная статья.

Мне нужно, по крайней мере, два даровых экземпляра Временника для пропаганды. М[ожет] б[ыть], бухгалтерски удобнее занести их на счет венской ячейки.

На последнем моем собеседовании со здешними студентами я вкратце излагал Европу и Человечество. Тот студент техник, о котором я, кажется, писал Вам, что он все ерепенится и не сдается, наконец, сдался. Это очень приятно, ибо он — способный малый. Надеюсь, что после еще нескольких собеседований «взять» их всех, и тогда у нас будет настоящая ячейка.

Пишу лежа в постели. У меня инфлюэнца. Это очень скучно, а главное весьма неудобно, ибо со дня на день ждем прибавления семейства.

Обнимаю Вас

Ваш Н[иколай] Т[рубецкой]

11/IV 1925 А по-моему, «Хозяин и т.д.» совсем никуда, и хорошие по существу мысли преподнесены так, что навеки от хозяинодержавия могут отвратить! В[ера] Т[рубецкая]

1 Н.Д. Татишев.

2 П.Н. Савицкий опасался, что новая (военная) секция движения приведет к консервативному и монархическому уклону, «белогвардейщине».

3 П.С. Арапова.

4 Псевдонимом Твердов, согласно коду переписки, действовавший в 1925 году, обозначался некто Скоблев. Подробных данных нет.

5 Л.В. Копецкий.

6 Савицкий П.Н. Хозяин и хозяйство // Евразийский временник.
Берлин, 1925. Кн. IV. С. 406–445.

46 14 апреля 1925 года

Дорогой Петр Петрович!

Не зная адреса М[алевского-]М[алевича], прошу Вас прилагемое при сем письмо переслать ему.

Получил Ваше письмо с возражениями на мои взгляды о тактике по отношению к Сергееву¹. У меня такое впечатление, что вам всем вскружил голову факт обращения к нам Твердова². Факт этот, конечно, любопытен, но пока — не более. Если же мы от него будем приходить в восторг и начнем рыпаться, то действительно, рискуем впасть в ту опасность, которой опасается П[етр] Н[иколаевич Савицкий]. Прежде всего, факт обращения Твердова показывает, что отношение к нам как к профессорами ничуть не мешает тем, кто может быть для нас интересен, идти к нам. Перемена же точки зрения на нас в кругах Сергеева скорее помешает этому, ибо тогда к нам пойдут и те, кто для нас вовсе не интересен. Совершенно не понимаю, зачем нам перед всякими торговыми фирмами, давно обанкротившимися, заниматься авторекламой. Члены правления этих фирм все равно безнадежны и для нас бесполезны. Если среди их рядовых акционеров есть здоровые люди, могущие нам пригодиться, то надо их знакомить с нашими идеями; и если они, несмотря на убеждение верхов в нашей никчемности, все-таки почувствуют, что мы говорим дело, то тем ценнее они окажутся для нас. Разговор с Сергеевым в том тоне, который предлагаете Вы, нас ни к чему хорошему привести не может. В самом деле, поставьте себя в положение Сергеева и подумайте, как он может ответить на этот разговор. Ему говорят: имеются новые мысли, на которых могут сговориться люди оттуда и отсюда, а ваши старые мысли никуда не годятся, на них и здешних-то нельзя удержаться, а к тамошним и подходить с ними нельзя; новые мысли называются так-то и заведуют ими такие-то. Ответить на это он может только следующее: либо «грешневая каша сама себя хвалит» (кто из торговых фирм не уверяет, что обладает единственным

патентованным средством, долженствующим всех удовлетворить!); либо — «в таком случае, я тоже становлюсь акционером новой фирмы»; либо — «никаких конкурентов не допущу!» Единственный из этих трех ответов, который может быть нам не вреден, это — ответ первый. Но для получения его совершенно не стоит заводить разговоры, ибо и так к нам до сих пор проявляется нейтралитет, и мы пользовались, как говорится в дипломатии, всеми правами наиболее благоприятствующей державы. Вы пишете о дурном впечатлении, которое может произвести «двойная игра». Но никакой двойной игры я и не предлагаю. Я предлагаю только не лезть самим показывать посторонним людям, «посмотрите-де, какие у нас хорошие карты». Мы нисколько не прикидываемся. Дела наши со словами не расходятся. Кто понимает наши слова, тот понимает, что должны быть и дела. Удивляться тому, что у нас кроме слов есть и дела, может только тот, кто слов-то наших не понимает. А в его непонимании мы не виноваты. Я враг разговоров, не имеющих практического смысла. А практического смысла в предлагаемом Вами разговоре я не вижу. Вы говорите: «пусть на нас закроют глаза и на всю нашу деятельность смотрят сквозь пальцы, но при этом пусть знают и всю правду о нас!» Но неужели Вы думаете, что это возможно? Сергеев практически не может обойтись без известной официальной идеологии, которой руководствуется во всей административной жизни и которую выявляет во всех своих публичных выступлениях; для поддержания этой идеологии он даже тратит деньги, субсидируя соответствующую прессу и издавая соответствующие произведения. Допустить рядом с этой официальной идеологией другую, неофициальную, он может только в том случае, если обе идеологии не будут слишком друг другу противоречить: неофициальная идеология может быть только детализацией официальной и должна непременно укладываться в рамки официальной. Раз в данном случае этого нет, то перед Сергеевым, как перед практическим человеком, не могущим тратить деньги зря, непременно встает вопрос о пересмотре его прежней идеологии в смысле ее приспособления к тому, чтобы обнимать *и нашу*. Если он вступит на этот путь, то мы окажемся в весьма невыгодном положении признанных союзников окончательно скомпрометированного «движения». Уже и так Репников³ предлагает нам «прос-то называться нововременцами». Если же Сергеев от указанного

пути откажется, то ему останется только стать против нас, что нам тоже невыгодно. Итак, я продолжаю считать, что всего выгоднее для нас, чтобы он нас недооценивал. Сейчас это фактически так и есть, и менять это нечего. Весьма возможно, что со временем положение изменится. М[ожет]б[ыть], после предполагаемого съезда новой секции образуется такое положение, при котором недооценка будет уже невозможной. Тогда и увидим, что делать. А сейчас никаких оснований поднимать разговоры с Сергеевым нет. Если он нас недооценивает, то не будем и мы сами себя переоценивать. Правда, Петр Петрович, я все время чувствую, что и Вы, и П[етр] Н[иколаевич Савицкий], и П[етр] С[еменович Арапов] начинаете впадать в какую-то манию величия. Весь проект разговора с Сергеевым, по-моему, основан не на соображениях деловых, но только на ложном самолюбии: уж очень обидно, что нас кто-то считает чужаками, когда мы на самом деле сплошные гении и имеем колоссальнейшее значение! Я в этом не усматриваю ни голубиной кротости, ни змеиной мудрости. Во всяком случае, Вы должны признать, что над нами не каплет, и что мы можем еще подождать. Подождем до съезда секции. Посмотрим, что из этого всего выйдет. М[ожет]б[ыть], окажется ерунда. А, в таком случае, чем меньше до этого разговаривать с посторонними людьми, тем лучше.

Твердова сугубо изучайте и относитесь к нему с принципиально-максимальным недоверием. М[ожет]б[ыть] он просто авантюрист и хочет при нашей помощи отодвинуться от Сергеева и играть самостоятельную роль. К съезду секции он должен быть изучен досконально и либо вполне нами обработан и взят на цугундер, либо отшит.

Пожалуйста, не забудьте ответить мне на мое последнее письмо о моей брошюре.

Обнимаю Вас

Ваш Н[иколай] Т[рубецкой]

14/IV/1925

1 П.Н. Врангелю.

2 Скоблева.

3 Данных нет.

47 Апрель 1925 года¹

Дорогой Петр Петрович!

Присылаю Вам «туранскую статью», с которой сильно задержался, т[ак] к[ак] долго не мог найти рукописи². Туранские слова и звуки я все транскрибирую русскими буквами и ввел только ä, ö, ü из немецкой латиницы.

На стр. 15 и 16 все, что ниже горизонтальной черты, должно идти в подстрочное примечание. На стр. 17 тоже несколько строк надо вынести в примечание (как это указано в рукописи), а последние 2 строчки опять текст.

Глава V мне стоила много труда. Выработал две редакции «А» и «В». Посылаю Вам обе на выбор. Кажется, «В» лучше.

Редакция «А» в комментарии не нуждается. Только надо иметь в виду, что стр. 21 прямо должна примыкать к 20а.

При редакции «В» глава VI начинается со стр. 21, т[о] е[сть] в случае, если Вы выберете именно эту редакцию (к чему склоняюсь и я), то надо в начале стр. 21 поставить «V». Кроме того, если Вы выберете эту редакцию «В», надо к стр. 25 сделать подстрочное примечание (приложенное на отдельном листке): место в тексте, где должна быть сноска, указано красным карандашом.

Наконец, независимо от редакций, надо на стр. 24 в примечании, там, где стоит знак V (четвертая строчка снизу), вставить несколько имен православных богословов — уроженцев Малороссии: попросите Ильина сделать это.

Обнимаю Вас.

Ваш Н[иколай] Г[рубецкой].

¹ Датируется по содержанию.

² *Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Евразийский временник. Берлин, 1925. Кн. IV. С. 351–377.*

48 17 апреля 1925 года

Христос Воскресе, дорогой Петр Петрович!

16 апреля, в день моего рождения, у нас родилась третья дочка. Назовем, вероятно, Анной. Псевдоним мой для брошюры — NN.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

17/IV/1925

49 16 мая 1925 года

Дорогой Петр Петрович!

Мне очень трудно ответить Вам на тот вопрос, который Вы ставите мне в Вашем письме от 12/V. Я слишком мало осведомлен о происходящем, и происшедшем. Знаю в общих чертах, что И[ван] А[лександрович]И[льин] приезжал в Прагу и пытался отвлечь от нас известные расположенные к нам круги, прибегая к инсинуациям и демагогии. Допускаю, что он ездил не сам, а по чьему-то вызову: в известных кругах он славится как неотразимый оратор. Значит, кто-то нами обеспокоен и хочет принять против нас меры. Вероятно, этот кто-то есть П[етр]Б[ернгардович]Стр[уве]. Больше я ничего не знаю. Есть ли основания нам беспокоиться, что-то предпринимать? Решить мне трудно, за отсутствием материала. Думаю, что все это явилось следствием шумного поведения Праги. Шум и задорная ретивость, проявляемые тамошними молодцами, по-моему, вообще излишни. Надо их утихомирить. В Париже, во всяком случае, прежних ошибок повторять не стоит: поменьше шуму. Мне кажется, там главным образом надо завязать сложную интригу, а не идти в атаку с криком «ура», как это делается в Праге. Вопрос о том, насколько выступление И[вана]А[лександровича]И[льина] и настроение П[етра]Б[ернгардовича]С[труве] связаны с Сергеевым¹ оставляю открытым за недостатком сведений. От этого зависит политика Соломона.² Вообще, Вам следует работать в контакте с Соломоном, координировать действия, и давать ему указания, как и о чем говорить. Возможно, что Ваша тактика открытого забрала пра-

вильна: судить не берусь по неосведомленности, все зависит от того, каковы сейчас отношения между П[етром]Б[ернгардовичем] С[труве] и Сергеевым, между ими обоими и Бородиным,³ и т.д., и т.д. Вам обо всем этом лучше судить, и конечно *Вы* должны устанавливать тактику Соломона. Сложность положения в Париже особенно велика потому, что там сразу несколько фронтов: фронт Юнкерса,⁴ фронт Софианцев, фронт Ундервуда,⁵ и т.д. Надо установить задачи, которые мы должны выполнить на каждом из этих фронтов, и сообразно с этим выработать линию поведения. Я сейчас случайно получил некоторую информацию только о положении на софианском фронте. Здесь у нас есть, оказывается, довольно много случайных попутчиков и союзников. Есть, по-видимому, и кое-какой «человеческий материал», который можно вырвать из рук Буддяевых⁶ и втянуть в нашу сферу влияния. Вообще, есть сведения, что в Париже довольно много людей, готовых пойти к нам и выражающих сожаление о том, что до сих пор мы там еще ничего не делаем. Т[аким] о[бразом], жатва там может быть обильная. Полагаю, что нам надо попытаться прибрать к себе сливки отовсюду, т[о]е[сть] всех живых и подающих надежды людей, которые до сих пор находятся под тем или иным влиянием, безразлично, ориентируются ли они сейчас на Юнкерса, на Ундервуда, на Сергеева или на софианцев. Надо иметь в виду, что у большинства все эти ориентировки происходят только от того, что на безрыбье и рак рыба. Надо им дать настоящую рыбу. И сделать это можем только мы. Что же касается до тех вождей, за которыми до сих пор (*faute de mieux*?) идут все эти кандидаты на наше обращение, то отношения наши с этими вождями должны определяться именно основной нашей зарубежной задачей — обращения всех живых и подходящих. Мы должны установить с правлениями Ундервуда, Юнкерса, Сергеева, Буддяева и т.д. такие отношения, чтобы эти правления не могли помешать нам оттянуть у них втихомолку сливки их человеческого материала. В каждом отдельном случае отношения эти придется вырабатывать применительно к данной индивидуальности. В одних случаях может оказаться целесообразной тактика открытой враждебности; в других — тактика поддакивания и т.д. Общего правила здесь установить нельзя. Надо только установить твердо, что сами по себе все эти правления и их вожди нам неинтересны, а инте-

ресны только идущие за ними толпы, среди которых можно выделить подходящих людей. Конечная цель нашей зарубежной работы должна состоять в том, чтобы собрать вокруг себя и подчинить своему влиянию все лучшие и жизнеспособные экземпляры известных зарубежных поколений.

Относительно съезда должен сказать следующее. Место съезда, указываемое Пенни,⁸ выбрано, по-моему, очень удачно, и я всецело присоединяюсь к тому, чтобы съезд происходил именно там. Но срок для меня чрезвычайно неудобен. Я уже писал (когда шла речь о созыве съезда Торг[овой] Сек[ции]), что до августа никуда выехать не могу. В крайнем случае, мог бы выехать во второй половине июля. Но сейчас, в мае, уезжать для меня настолько неудобно, что я мог бы выехать только в случае катастрофической необходимости. Такой необходимости я пока не вижу. Все вопросы, намечаемые для съезда, только выиграют, если съезд состоится попозже. Вопрос о Торг[овой] Сек[ции]⁹ надо решать поближе к сроку самого созыва этой Сек[ции]. Вопрос о финансовой поездке окончательно можно будет решить только после конструкции Торг[овой] Сек[ции], предварительное же обсуждение этого вопроса тоже следует по сроку возможно больше приблизить к созыву Торг[овой] Сек[ции]. Наконец, желательно, чтобы ко времени съезда С[овета] П[яти] Вы уже успели осмотреться на новом месте. Т[аким] о[бразом], я стою за то, чтобы отложить съезд до второй половины июля, но, разумеется, поеду и раньше, если это будет сочтено необходимым.

Антоний прислал мне свой катехизис. Прислал ли он его Вам? Я еще его не читал. Предвижу, что с Антонием нам придется еще скрестить мечи. В Париже непременно познакомьтесь с М.М. Осоргиным (который, помнится, писал мне, прося достать денег для Академии). Не знаю, как он вообще к нам относится, но он — рьяный антисофианец и может быть полезен. Он славный малый и большой ревнитель церковного благочестия. К числу рьяных антисофианцев относится и мой beau frère¹⁰ А.К. Бутенев¹¹, который состоит членом какой-то комиссии в администрации подворья. Он определенно «не наш». Но все-таки хорошо и с ним познакомиться, ибо в известный момент может понадобиться образовать общий антисофианский фронт. Живет он в Кламаре. Там же в церкви околачиваются какие-то юнцы

(кажется, братья Ковалевские), втянутые в сферу Булдяевского влияния, но судя по рассказам, могущие быть подходящими. М[ожет] б[ыть] к Вам приедет некая графиня О.Ф. Капнист¹², моя родственница. Она истеричка, но, тем не менее, может оказать некоторую пользу по распространению литературы среди своих знакомых: она писала мне, прося прислать литературу. Я ей дал Ваш адрес. Среди русского бывшего хайлайфа¹³ околачивается вреднейший тип — граф Д.А. Олсуфьев¹⁴. Ведет пропаганду против нас, проповедует преклонение перед Западом, хвалит католиков; пользуется успехами (хотя в известных поколениях вызывает возмущение). Я его знаю: сволочь. Его надо утихомирить и обезвредить.

Ваши открытки нас очень развеселили. Сделаны они были так искусно, что мы и вправду поверили, что вы были выпимши. — Дочь в конце концов назвали Натальей.

Обнимаю Вас. Целую ручки Анне Дмитриевне.

Ваш Н[иколай] Т[рубецкой]

16/V 1925

1 П.Н. Врангелем.

2 Н.Д. Татищева.

3 А.П. Кутеповым.

4 Великого князя Николая Николаевича.

5 YMCA.

6 То есть С. Булгакова и Н.А. Бердяева.

7 За неимением лучшего (*фр.*).

8 П.Н. Малевский-Малевич.

9 Военной секции.

10 Beau-frère — зять (*фр.*).

11 Аполлинарий Константинович Хрептович-Бутенев (1879–1946), граф, муж сестры Н.С. Трубецкого М.С. Трубецкой. Состоял на дипломатической службе, в эмиграции проживал в Париже.

12 Возможно, вдова графа А.П. Капниста, контр-адмирала, погибшего в 1918 г. А.П. Капнист приходился двоюродным братом отцу Н.С. Трубецкого, С.Н. Трубецкому.

13 Хайлайф (от *англ.* high life) — высший свет.

14 Олсуфьев, Дмитрий Адамович (1862–1937), граф. Активный деятель земского движения, октябрист, член Государственного совета по выборам, член Постоянного совета объединенного дворянства,

член Поместного собора 1917–1918 гг. по приглашению. Уполномоченный Земгора в годы Первой мировой войны. В эмиграции жил в Париже и Ницце.

50 25 апреля 1925 года

Дорогой Петр Петрович!

Только что узнал, что брошюра ИР¹ выпущена на мануфактурный рынок. Это черт знает что! Я несколько раз самым решительным образом требовал, чтобы этого не было, и, тем не менее, это все-таки сделали. Удар я считаю непоправимым. Заметка в «Хронике» делу не поможет, ибо Хроника создается только для внутреннего употребления, а посторонние люди брошюру прочтут, а заметки в Хронике не прочтут. Я заявляю, что последний раз попался на удочку. Больше я ничего писать не буду. Уже и прежние мои писания были испорчены и рассиролены разными оговорочными вставками, часто без моего ведома, и теперь с моим писанием распорядились не только помимо моего ведения, но и против моей ясно и определенно выраженной воли. Я не хотел давать эту брошюру, и согласился дать ее только после того, как ряд поставленных мной условий был принят. Я не мог предположить, что это была ловушка (ибо одно из двух: или это — ловушка, или непростительно легкомысленное отношение к делу). Чтобы впредь подобные случаи не повторялись, я просто больше ни одной строчки для печати не даю. Обходитесь без меня.

Ваш Н[иколай] Т[рубецкой]

25/VI 1925

P.S.: Копию прошу переслать другим (Пенни, Шмидту, Элкинд²). Для ослабления того тяжелого удара, который нанесен нам фактом появления брошюры ИР на книжном рынке, считаю необходимым: срочно принять меры к изъятию книги из продажи (скупить ее всюду, где она имеется); 2) пустить слух, что она написана человеком, живущим в России, и, вследствие этого, «по понятным соображениям вынужденным скрывать свое имя»; 3) намек на это

(а м[ожет] б[ыть] и прямо соответствующую фразу об авторе брошюры) включить и в предполагаемую заметку Хроники.

Н[иколай] Т[рубецкой]

1 И.Р. Наследие Чингисхана: Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Берлин, 1925.

2 П.Н. Малевскому-Малевичу, П.С. Арапову, П.Н. Савицкому.

51 4 июля 1925 года

Дорогой Петр Петрович!

Посылаю Вам копию письма Иохельсона¹ Соломону⁴. Письмо это — препровожденное к статье Гримма и к вырезке из № 1588 П[оследних] Н[овостей] (от 28 июня: статья «Зачем?»). Если Вы одобряете изложенный в этом письме ход мыслей, то усвойте его в разговорах с теми, с кем нужно. Копию или выдержки из копии сообщите другим для согласования действий. Не имея машинки, Иохельсон не может рассылать копии сам.

Я продолжаю сердиться, но Вы, по-видимому, не поняли, на что именно я сержусь. Сержусь я не на то, что брошюра вообще вышла, а на то, что ее пустили в мануфактуру,¹ несмотря на то, что я просил этого не делать и пустить ее только в Аргентину⁴. Авторство скрыть будет очень трудно. Уже гр[афиня] Капнист писала моей жене, что все много говорят о какой-то брошюре ИР, и что думают, что она подписана не первыми, а вторыми буквами имени и фамилии автора. Жена написала ей мою версию, но самый факт показателен. Компания, затеянная Сукинским,¹ имеет для нас и свои положительные стороны. Ведь главное, что нам инкриминируется, это — стремление к новому (упреки в конкурентизме⁶ в статье Гр[имма] уже отсутствуют: м[ожет] б[ыть], решили больше этих упреков не делать, поняв, что это слишком грубая и белыми нитками сшитая клевета). Т[аким] о[бразом], они сами на себя наклеивают ярлык реставраторов и охранителей, а за нами признают новаторство, и весь спор оказывается столкновением людей бывших с людьми настоящими и будущими. Не следует ли демонстративно поманить со спекулянтами?

Надеюсь скоро Вас увидеть. От Элкина⁷ ни слуху, ни духу. Писал ему о необходимости нам с ним повидаться до моего отъезда, но ответа от него так и не получил.

Обнимаю Вас

Ваш Н[иколай] Т[рубецкой]

4/VII 1925

P.S.: Только что получил письмо от Элкина. Оказывается, он в Ковне, и пробудет там до 20-го. Значит, так и не удастся повидать его до моего отъезда. Жалко...

Н[иколай] Т[рубецкой]

1 Н.С. Трубецкого.

2 Н.Д. Татищеву.

3 Эмиграцию.

4 Россию.

5 П.Б. Струве.

6 Большевизме.

7 П.Н. Савицкого.

52 11 июля 1925 года

Дорогой Петр Петрович!

По просьбе П[етра] Н[иколаевича] С[авицкого] я перед отъездом в Париж заеду к нему, пробуду у него 15, 16 и 17. В Париж выеду 18-го и прибуду 19-го около 6 ч[асов] вечера. Для точности перед отъездом буду телеграфировать. Очень прошу Вас меня встретить (родственникам своим я дня своего приезда не сообщаю) и научить, как проехать в Кламар. По пути стоворимся о дальнейших свиданиях.

Обнимаю Вас

Ваш Н[иколай] Т[рубецкой]

11/7 1925

53 12 августа 1925 года

Дорогой Петр Петрович!

Возвращаю Вам газету. Два-три номера я уже имел в Вене. Впечатление смутное. Особенно меня удивляет самая техника постановки газетного дела: напр[имер] хотя бы то, что на присланном Вами номере стоит «Август 1925 №6, 2-ой год издания» (как будто журнал единственный!). Имена редакторов ничего не говорят. В Бадене (бей Вин)¹ этой зимой околачивался какой-то бывший начальник штаба атамана Григорьева,² прославившийся, как известно, тем, что вырезал яйца у жидов на Юге России. Этот начальник штаба много разглагольствовал о существующей будто бы у него зеленой организации и просил у одного знакомого рекомендательного письма к дяде Грише, т[ак] к[ак] хотел поехать «по-видаться с Юнкерсом³». М[ожет] б[ыть], это — один из членов «Редакционного бюро». Сейчас существует несколько подобных странных организаций, каждая из которых говорит от имени всего крестьянства, бряцает оружием, и проч. Напр[имер], есть некий Акацатов⁴, издавший «Книгу скорби» (рецензия, при том одобрительная, была в Посл[едних] Нов[остях]): идеи в этой книге прибр[лизительно] те же, но, по-видимому, это не то же самое (судя по статье «мутная струя в голове русского крестьянства» на стр. 3, 4 присланного Вами №9); далее, Алексинский⁵ — еще третье, хотя на вид опять тоже самое. Разобраться здесь очень трудно. Ясно одно, что все эти господа сильно преувеличивают свое значение. Не подлежит сомнению, далее, что среди них большую роль играют аферисты, которые втирают иностранцам очки и получают от них деньги якобы на «дело», а в действительности — на жизнь в разных Баденах. Но, как всегда в подобных случаях, очевидно, есть и здесь люди искренние и нам следует ими заняться. До сих пор они, по-моему, запаха нефти⁶ и не нюхали. Новая династия настолько самоочевидная вещь, что ее могли придумать и самостоятельно. Лестный отзыв о «Руле» в упомянутой выше статье и одно место в статье «Пляска покойников», подчеркнутое мною, указывает на какие-то связи с какими-то жидами (кстати, Акацатов в своей «Книге скорби» тоже очень дружелюбен к евреям). Вообще, в идеологическом отношении — такой полный сумбур, что ничего и разглядеть нельзя. Согласен с Вами, что просто напрос-

то отвернуться от них нельзя. Надо сначала пощупать. Напишу в этом смысле Михайловскому. А как Вы думаете, — не послать ли им в редакцию брошюру И.Р. (со вложением списка опечаток, разумеется)? Если Вам эта мысль нравится, — приведите ее в исполнение.

Всякие сношения с Шнельфалем,⁷ по-моему, следует прекратить — ну его совсем!

Скоро надеюсь опять Вас увидеть.

Обнимаю Вас

Ваш Н[иколай] Т[рубецкой]

12/VIII 1925

1 Baden bei Wien — курортный городок рядом с Веной.

2 Н.А. Григорьев (1888–1919), атаман, действовал в Гражданскую войну на территории Украины, представитель так называемых «зеленых» крестьянских отрядов.

3 Великим князем Николаем Николаевичем.

4 М.Е. Акацатов (1902–1933), псевдоним М. Антонов, председатель Всероссийского крестьянского союза.

5 Г.А. Алексинский (1879–1967), эмигрант, журналист, общественный деятель.

6 Евразийства.

7 Данных нет. Возможно, игра слов в переводе и Schnellfal указывает на фамилию П.П. Скоропадского (1873–1945), гетмана Украины в 1918 г.

54 31 августа 1925 года

Дорогой Петр Петрович!

Присылаю Вам мое произведение. Не знаю, как его озаглавить (придумайте сами; м[ожет] б[ыть], «По поводу газетной травли») и как подписать (моим именем или тремя основоположниками). Как Вы думаете: печатать или литографировать? На всякий случай прилагаю еще копию, которую можно послать в Брюссель,¹ с тем, чтобы и там ее размножили: это ускорило бы дело.

Соломон² пишет (из своего местопребывания, в Танж[ере] еще не был): «Средние читатели газет, с которыми здесь приходится толковать, читая об идиотском венском совещании, безна-

дежно машут рукой и выражают свое разочарование во всех без исключения промышленных группировках. Я думаю, что подобное настроение царит всюду. Вот идеальный момент для того, чтобы захватывать более широкие круги». Конечно, он неправ в том отношении, что захватывать широкие круги нам вовсе не нужно. Но, во всяком случае, это еще раз показывает, что в мануфактурной промышленности¹ все разочаровались, и что мы должны особенно настаивать на своей «не-промышленности». Это сходится с моей мыслью о том, что обры,⁴ приходящие к нам как к промышленникам,⁵ качественно слабы. Нам нужно остерегаться опромышления.

Михайловский навел справки об интересовавшей нас газете. Дело, по-видимому, очень темное. «Популярная династия» оказывается почему-то баварская (Вительсбахи!)! Формировка «армий» почему-то в Бразилии (sic!). Редактор живет в одном доме с жидом — известным конкурентским агентом. Центр всего, по-видимому, — регистрация офицеров, желающих вступить в ряды. Вообще, полагаю, что это надо бросать. Если Вы им еще не послали И.Р.,⁶ то и не посылайте.

Пожалуйста, купите нам черной копировальной бумаги для машинки и пришлите поскорее. Кроме того, не можете ли Вы (или Ваш юноша) оказать нам большую услугу: узнать какие прямые (беспересадочные) поезда ходят в Вену, сколько времени идут и в какие часы отходят, и не переменится ли расписание до 20-го сентября? (Узнать можно либо в агентстве Кука, либо, лучше всего, на gare de l'Est⁷). Мне Вера это поручила, но я совершенно забыл.

Обнимаю Вас

Ваш Н[иколай] Т[рубецкой]

31/VIII 1925

¹ Прагу.

² Н.Д. Татищев.

³ Эмигрантской политике.

⁴ Обр — общественный работник, активист.

⁵ Политикам.

⁶ Брошюру Н.С. Трубецкого «Наследие Чингисхаана».

⁷ Восточный вокзал в Париже.

55 2 сентября 1925 года

Дорогой Петр Петрович!

Отсылаю Вам обратно «бумажный кошмар». Между прочим, скажите Кролинскому,¹ что тот Д. М. Бибиков,² с которым он пробовал говорить, и который с первых же слов объявил нефть³ конкурентизмом,⁴ по моим вполне достоверным сведениям — винодел.⁵

Обнимаю Вас

Ваш Н[иколай] Т[рубецкой]

2/IX 1925

1 А. А. Зайцеву.

2 О каком именно Бибикове идет речь, установить не удалось.

3 Евразийство.

4 Большевизмом.

5 Масон.

56 3 сентября 1925 года

• Дорогой Петр Петрович!

Со всеми Вашими предложениями касательно моей брошюры согласен. Только исправления вносите осторожно. Ответом на «предписания» Шмидта¹ согласен тоже. Написал Пенни² свои впечатления от пребывания у Вас. Напишу и Шмидту. Обнимаю Вас

Н[иколай] Т[рубецкой]

3/IX 1925

P.S.: Считал бы все таки желательным (но не настаиваю), отправить копию (м[ожет] б[ыть], с Вашими поправками) Элкину,³ для того, чтобы ускорить распространение по рукам еще до напечатания. Впрочем, — как знаете.

Н[иколай] Т[рубецкой]

1 П. С. Арапова.

2 П. Н. Малевскому-Малевичу.

3 П. Н. Савицкому.

57 6 октября 1925 года

Дорогой Петр Петрович!

Ответ Карсавина хорош.¹ Считаю только выражение «боимся, что он в ней наблудит» (стр[аница] 6) слишком резким: речь явно идет о самом Бердяеве, а зачем обижать человека, который с нами любезничает. Далее на стр[анице] 8 есть фраза «ереси, хоть и искажающие свои особые ...задания», — синтаксически и стилистически неуклюжая и малопонятная. В остальном, возражений не имею. Переправил рукопись П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому]. Последний до сих пор еще ни слова не ответил мне на мое приглашение приехать, хотя приглашение было составлено в панических выражениях, с упоминанием возможности моего выхода из С[овета]П[яти]. Возможно, что П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] поглощен впечатлениями от смерти Я[кова]Д[митриевича]С[адовского]. Последнему надо посвятить некролог во Временнике.² — Автор книги «Мы»³ лично известен Михайловскому, который говорит, что он прекрасно владеет пером и словом, пользовался в Сибири популярностью и остро ненавидит Устрялова. Конспект книги интересен. Последнее СП⁴ Пенни⁵ в части, касающейся мануфактуры,⁶ производит весьма благоприятное впечатление. В части, касающейся Денисова,⁷ усматриваю некую трескотню. По отношению к Кореневу⁸ позиция Пенни вряд ли правильна: продолжать настаивать на поезде в Аргентину,⁹ по-моему, невозможно.

Обнимаю Вас

Ваш Н[иколай] Т[рубецкой]

6 окт[ября] 1925

1 Речь идет об ответе евразийцев на статью Н.А. Бердяева «Евразийство» (Путь. 1925. № 1), который был опубликован в 1927 году в журнале и подписан Л.П. Карсавиным.

2 Некролог был опубликован в VII выпуске «Евразийской хроники».

3 Всеволод Никанорович Иванов (1888–1971), писатель, публицист. В эмиграции в Харбине. Сочувствовал евразийству и переписывался с его лидерами. После окончания Второй мировой войны вернулся в СССР.

4 Циркуляр Совету Пяти.

- 5 П.Н. Малевского-Малевича.
- 6 Эмиграции.
- 7 А.А. Лангового.
- 8 Л.В. Копецкому.
- 9 Россию.

58 9 октября 1925 года

Дорогой Петр Петрович!

П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] у меня. Берез[овский] оказался просто Гончаровым.¹ По личному своему впечатлению от Гончарова могу сказать, что характеристика, данная ему Липским,² несправедлива. Конечно, это не орел и в кредитном³ отношении ниже Коренева.⁴ Но, в то же время, с Михайловым⁵ сравнить его невозможно. Он, безусловно, очень неглуп, энергичен, и, как показала его работа в Брюсселе,⁶ имеет несомненный организационный талант. Кроме того, он прекрасно дисциплинирован (как говорится, «beaucoup de⁷ здоровья желаю»). Я высказываюсь за его посылку. — Что касается до Овсянникова,⁸ то это есть действительно то лицо, которое мы с Вами предполагали. Я его не знаю, но раз у Вас и у Липского, его знающих, есть сомнение в его пригодности, то лучше, по-моему, пока повременить с его посылкой. Липский, оказывается, уже послал в Трест запрос о посылке как Березовского, так и Овсянникова. Поэтому, дабы у Липского не возникло опять колебаний, напишите Липскому (express), что и Вы, и я согласны с СС⁹ Шмидта — Элкина¹⁰ от 10-11 IX. В то же время, Шмидту напишите в частном порядке (*не СС и не СП*¹¹) Ваши соображения против посылки Овсянникова и просите его задержать эту посылку, Березовского же отправить при первой возможности. Я со своей стороны напишу Шмидту то же самое, но с несколько другой точки зрения (тоже частным письмом). П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] просит, во всяком случае, ускорить решение вопроса о Березовском, т[ак] к[ак] этому последнему (Гончарову) уже сказано, что он поедет, и, если неопределенность положения затянется, то это может подействовать на его нервы. Хотя он не производит впечатления нервного человека, но, все же, урок инцидента с Корневым надо помнить.¹² Кроме того, П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] просит, чтобы Вы одновременно с express'ом

Липскому, известили бы и его (П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого]) по брюссельскому¹³ адресу и меня о том, что таковой express отправлен.

П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] пробудет у меня до конца недели, а потом поедет домой, а я поеду в Аугсбург до 17-го. Много разговариваем. Надеюсь, что дело удастся поправить и направить по надлежащему руслу. Что наш бумажный парламентаризм есть не организация, а бардак, (как сказал бы немец, «eine Bordelle mit Coitus auf Distanz»¹⁴), с этим П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] вполне согласен. С отсрочкой съезда до возвращения Пенни¹⁵ — тоже, с новой статьей Карсавина (вместо иконоборчества) — тоже.

Обнимаю Вас

Ваш Н[иколай] Т[рубецкой]

9/X 1925

1 А.Г. Гриневич. Данных о нем нет.

2 Ю.А. Артамоновым.

3 Идеологическом.

4 Л.В. Копецкого.

5 Г.Н. Мукаловым.

6 Праге.

7 Много (фр.).

8 Данных нет.

9 Циркуляром Совету Семи.

10 П.С. Арапова и П.Н. Савицкого.

11 Не Совету Семи и не Совету Пяти.

12 Л.В. Копецкий, согласно записи П.Н. Савицкого, отказался ехать в СССР в самый последний момент и вернулся в Варшаву.

13 Пражскому.

14 Бордель с совокуплением на расстоянии (нем.).

15 П.Н. Малевский-Малевич.

59 9 октября 1925 года (2)

Дорогой Петр Петрович!

Во исполнение нашего летнего решения П[етр] Н[иколаевич] С[авицкий] заказал Флоровскому написать для «Пути» статью с обличением направленной против нас полемики.¹ Статья написана и только что нами почитана. По содержанию и по форме она очень хороша, написана с подъемом, вместе с тем, без специфически полемического духа. Хорошо было бы, чтобы она попала в очередной № «Пути». Она теперь будет переписываться на машинке и на днях будет послана Флоровским Бердяеву, а копия — Вам. В случае, если по каким-либо новым обстоятельствам напечатание этой статьи Вы сочтете нежелательным, то попросите Бердяева задержать ее появление. Но, если ничего нового, о чем мы здесь не знаем, не произошло, то имейте ввиду, что и П[етр] Н[иколаевич] С[авицкий] и я статью эту одобряем и считаем желательным ее появление. [далее вписано сверху] что и можно, если найдете нужным, подтвердить Бердяеву.

Флоровский за последнее время весьма верноподдан. В бытность свою в Праге, Сукинский² просил Флоровского написать для его газеты статью о Соловьеве. Фл[оровский] не дал определенного ответа. Но через несколько дней отправил Сукинскому краткое письмо: «дорогой NN! Как евразиец, я не считаю возможным участвовать в Вашей газете» (sic! И больше ничего, — вообразите состояние Сукинского!).

Еще из пражских анекдотов. В экономическом журнальчике Прокоповича³ еще в начале лета должна была появиться статья Кизеветтера⁴ о нас. Переписывала ее на машинке барышня, от которой стало известно, что эта статья была написана очень резко. После появления статьи Шахматова в «Возр[ождении]», Кизеветтер затребовал свою статью обратно и сильно ее смягчил; после появления статей Гримма и Шульгина,⁵ — затребовал статью еще раз обратно и опять смягчил ее, но на этот раз уже так, что от резкости не осталось и следа. Теперь она вышла в свет: — в самых мягких и почти ласковых тонах!..

Почему до сих пор еще нет «Нашего Ответа»? Пожалуйста, пришлите несколько экземпляров, как только он выйдет.

Обнимаю Вас
Ваш Н[иколай]Т[рубецкой]

9/X 1925

P.S. 10/X 1925 (после бессонной ночи): До поздней ночи разговаривал с П[етром] Н[иколаевичем] С[авицким] о наших взаимоотношениях. Если эти чисто личные взаимоотношения не исправить (именно исправить, а не замазать) то все дело развалится. Надеюсь, что путем еще таких разговоров и переписки удастся все это преодолеть. Самая сильная трещина — между П[етром] Н[иколаевичем] С[авицким] и Вами. В связи с этим всякий пустяк воспринимается как злонамеренность. Мне прямо смешно было слышать, как истолковывал П[етр] Н[иколаевич] С[авицкий] наши с Вами шаги и поступки этого лета (напр неписылку «нашего ответа»); а с другой стороны я понял совершенно явственно, что целый ряд мелочей в поступках П[етра] Н[иколаевича] С[авицкого] за тот же период совершенно напрасно были истолкованы нами *in malum partem*⁶. Впредь надо избегать подобных недоразумений, ибо они создают комплексы, которые трудно разрушить, и которые со временем, разрастаясь, могут привести к полной катастрофе. Первое средство для этого — полная искренность. Надо вскрывать все это, а не затаивать. С П[етром] Н[иколаевичем] С[авицким] дело, по-моему, можно еще поправить. Мне кажется, что он теперь остро почувствовал необходимость восстановить полную спайку «тройки», и со своей стороны постарается сделать все, что может для этого. Но нужно, чтобы и Вы, П[етр] П[етрович], пошли навстречу. В частности, психологически необходимо, чтобы Вы аккуратно отвечали на письма П[етра] Н[иколаевича] С[авицкого], т[ак] к[ак] всякий неответ он начинает (даже помимо своей воли, просто в силу сложившегося комплекса) перетолковывать, и всегда в направлении, разрушающем нашу связь. Я сказал ему, что подпись «нефтьпред Бр.»⁷ и все тому подобное Вас раздражает. Он это понял, и будет писать Вам частные письма. Но уж на эти частные письма Вы, ради Бога, отвечайте и отвечайте аккуратно.

Обнимаю Вас Ваш Н[иколай] Т[рубецкой]

P.S.: Отнеситесь благожелательно к статье Флоровского. У меня такое впечатление, что П[етр] Н[иколаевич] С[авицкий] беспокоится, как бы Вы в пику ему (П[етру] Н[иколаевичу] С[авицкому]) не помешали напечатанию этой статьи, которой он, вероятно, гордится, как продуктом своего влияния. Но статья, действительно, хорошая. Прочтите ее без предубеждения. Н[иколай] Т[рубецкой]

1 Скорее всего, речь идет о статье Г.В. Флоровского «Окаменелое бесчувствие» (Путь. 1926. № 2. С. 100–104). Статья датирована Флоровским 29 сентября 1925 г., а место написания указано как «Прага Чешская». Примечательно, что в этом же номере «Пути» было опубликовано письмо евразийцев (П.П. Сувчинского, Л.П. Карсавина, Г.В. Флоровского, П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого и В.Н. Ильина) с реакцией на критику Г.Н. Трубецким сборника евразийцев «Россия и латинство», в котором проводилась аналогия между большевизмом и католицизмом как интернациональными и антиправославными силами. В номере также был опубликован ответ Г.Н. Трубецкого.

2 П.Б. Струве.

3 Прокопович, Сергей Николаевич (1871–1955) — экономист, политик, министр Временного правительства. В эмиграции жил в Европе (после войны в США). Редактировал «Экономический вестник» и «Русский экономический сборник».

4 Кизеветтер А.А. Евразийство // Русский экономический сборник. Прага, 1925. Кн. III. С. 50–65.

5 Гримм Э.Д. Евразийцы и белое движение // Возрождение. 1925. № 25; Шульгин В.В. Евразийство // Там же. № 9.

6 В дурную сторону (лат.).

7 Нефтиред Бр[юсселя] — представитель евразийства в Праге.

60 14 октября 1925 года

Дорогой Петр Петрович!

П[етр] Н[иколаевич] С[авицкий] уехал. Он пробыл у меня 4 дня, в течение которых мы много разговаривали и, наконец, достигли полной откровенности и ясности.

Еще до приезда П[етра] Н[иколаевича] С[авицкого] я, размышляя над смыслом того, что с нами произошло, пришел к следующим выводам. — Мы недаром ставим во главу угла наших построений идею личности и соборной личности. Практически все

наше дело основано на соборности личностей, и, для того, чтобы дело шло, мы должны ясно отдать себе отчет именно в этой сущности и основании дела. Помнится, именно Вы впервые указали мне на то, что мы строимся по принципу концентрических хоро-вых личностей. Юридически существует одна хоровая личность С[овета] С[еми]. Внутри ее теснее спаянная личность С[овета] П[яти], полу-юридическая, полу-психологически-фактическая. Наконец, имеется еще более тесно спаянная личность — тройка, совершенно не юридическая. В ней вся суть дела. Она должна представлять из себя известное триединство. Это триединство должно выражаться и в идеологии, и в личной привязанности, и в биографической сопряженности. Но, как всегда, единство это мыслимо лишь при определенной повернутости друг к другу составляющих это единство личностей. Т[о] е[сть] каждая из этих личностей от природы многолика, и только в том случае, если каждая из них спрячет, подавит в себе одни, и, наоборот, выявит и выставит другие свои лики, повернув эти лики к каким-то соответствующим ликам двух других личностей, — только в этом случае все три члена тройки образуют одну единую хоровую личность. Единство тройки основано на специальном способе повернутости каждого их трех основоположников. Но стоит одному из них повернуться иначе, как триединство нарушается. Получается уже не одна триединная хоровая личность, а как бы две: одна — ущербленная двуединная «полуличность» и одна совсем отдельная частночеловеческая индивидуальная личность. А как только тройка, как теснейшая, и, следовательно, полнейшая, индивидуальнейшая и сильнейшая личность перестает существовать, так вступает в силу следующая по порядку концентрическая хоровая личность — С[овет] П[яти]. Но спаянность этого С[овета] П[яти] при этих условиях не может удержаться. Ведь оба неосновоположнические члены С[овета] П[яти] первоначально притягивались не только к каждому из основоположников в отдельности, но и ко всей триединой хоровой личности тройки в ее целом, причем это притяжение к тройке (хотя и не осознанное как таковое) фактически было сильнее притяжения к каждому отдельному основоположнику, и уж конечно неизмеримо сильнее притяжения обоих неосновоположных членов С[овета] П[яти] друг к другу. После распада тройки и связанного с ним перенесения центра тяжести в С[овет] П[яти] начина-

ется инстинктивное стремление создать какое-то суррогатное единство. Но это стремление ни к чему хорошему привести не может. Неосновоположные члены С[вета] П[яти] пробуют заменить притяжение к тройке притяжением либо к ущербленной полухоровой личности «двух», либо к тоже ущербленной (по отношению к прежней тройке) частночеловеческой личности «одного». В зависимости от случайных встреч, от того, кто с кем видится, возникает та или иная комбинация притяжения. Но ни одна из этих комбинаций не способна заменить прежней, естественной. Поэтому С[вет] П[яти], утратив «центральное увенчание», перестает быть постоянной хоровой личностью, единством в многоликости, а становится чистой многоликостью, без единства. Распадение С[вета] П[яти], порожденное распадением тройки, ведет к распадению С[вета] С[еми] и т[ак] д[алее], вплоть до полного распада всех ячеек. При этом, т[ак] к[ак] С[вет] С[еми] оформлено юридически, а С[вет] П[яти] — наполовину оформлено юридически, то, за исключением психологического (точнее, м[ожет] б[ыть], метапсихологического) единства С[вета] П[яти] и С[вета] С[еми] как хоровых личностей (к чему и сводится разложение — превращение единства в чистую многоликость), остается одна лишь их юридическая сторона. А т[ак] к[ак] эта сторона формально не признает и не предусматривает никакой иерархии личностей (фактически создающейся при нормальном концентризме хоровых личностей), то получается полная анархия, тем более ужасная, что она формально, юридически санкционирована: не только никто не признает ничьего авторитета, не только все друг друга подозревают и контролируют, но все даже формально обязаны так поступать; и не только никто не может на это обидеться, но все даже формально обязаны добиваться, чтобы их обижали и им мешали работать (к чему сводится обязательное испрашивание согласия С[вета] П[яти] или С[вета] С[еми]).

Установив таким образом диагноз болезни, я решил искать способа ее рационального решения. При этом для меня стало ясным, что лечить надо самую болезнь, а не ее симптомы. Никаким юридическим актом, никаким исправлением или изменением внешней организации дела болезни вылечить нельзя, ибо ее причины лежат вовсе не в характере организации. Можно декретировать предоставление каждому члену С[вета] П[яти] больше

личной свободы действия, декретировать принцип единоличного решения, бесконтрольности, строгого разделения функций, — но все это ни к какому существенному изменению не приведет, и способно даже еще увеличить неразбериху и анархический разброд. Регулировать работу невозможно, когда нет самой работы. А работы нет потому, что, как это ни странно, но скажем прямо, — нет самого носителя работы, нет нефти.¹ Ее нет и не только как организации, но и как потенциально развивающейся, самораскрывающейся идеологической системы. Мы не можем формально запретить Пенни² или Шмидту³ выдумать какую-нибудь отсебятину и выдавать ее за нефть, ибо автор такой отсебятини всегда может пустить свою теорию на обсуждение С[овета] П[яти] или С[овета] С[еми] и собрать в пользу нее случайное большинство голосов, формально свидетельствующее о том, что эта теория — нефтяная. Если Шмидт полемизирует с Вами и со мной о государстве, то это потому, что наш авторитет в его глазах подорван. А подорван он потому, что престиж каждого из нас в отдельности неизмеримо ниже престижа хоровой личности тройки, и, сам по себе, без усиления престижем тройки, престиж каждого из нас в отдельности недостаточен для не только организационного, но прежде всего идеологического дисциплинирования не только Шмидта, но и какого-бы то ни было члена С[овета] П[яти], С[овета] С[еми] и даже какого-нибудь Петровского,⁴ позволяющего себе критиковать письма Иохельсона⁵ и находить, что в этих письмах «сквозят» какие-то опасные уклоны. Поскольку орган, накладывающий нефтяной ярлык на ту или иную мысль и тем вводящий ее в определенную систему нефти, юридически оформлен быть не может, не может существовать и сама система нефти, если к делу подходить исключительно организационно, юридически. Т[аким] о[бразом], если искать организационного выхода из создавшегося положения, то выход такой немислим, да и не нужен, ибо самый факт такого организационно-юридического подхода показывает, что нефти больше нет, и что, следовательно, и организовывать-то больше нечего.

Нефть существовала тогда, когда существовала хоровая личность тройки, т[о] е[сть] людей, ни в чем основном друг с другом не спорящих (помните, — ведь это мы считали одной из самых отличительных наших черт). Этой хоровой личности боль-

ше нет, а потому больше нет и нефти. Если мы хотим, чтобы нефть была, мы должны вновь восстановить тройку, как хоровую личность. Сделать же это можно только изменив и уничтожив то, что привело к распаду тройки. Для этого надо ясно осознать, т[ак] ск[а-зать], «технику тройки», состоящую в том, что каждая личность, входящая в состав тройки, повернута к двум другим определенным образом, определенными своими силами. Тройка распалась потому, что кто-то из трех повернулся к двум другим не тем ликом, а те два другие в свою очередь ответили также неправильными поворотами ликов. Значит, надо точно определить, кто именно и каким повернулся, а, определив это, всем вновь повернуться правильными, надлежащими ликами и запомнить впредь, какими ликами не следует поворачиваться.

Таковы были выводы из моих размышлений еще до приезда П[етра] Н[иколаевича] С[авицкого]. При этом я твердо решил, что в случае, если тройку восстановить не удастся, я официально заявлю о своем выходе из нефти, отстранюсь от всякого участия в деле, и, если буду печатать статьи по духу нефтяные, то не у «нас», а у частных издателей: ибо, по моему убеждению, без тройки нет и нефти, а раз нефти нет, то нечего притворяться, буд-то она существует.

В таком настроении я и приступил к разговорам с П[етром] Н[иколаевичем] С[авицким]. Прежде всего я изложил ему всю мою вышеприведенную концепцию, с истинностью которой П[етр] Н[иколаевич] С[авицкий] согласился. Затем мы приступили к разыскиванию первопричин в духе этой концепции. Разговор был не из легких, ибо приходилось копать в тайниках души, вскрывать подавленные и загнанные внутрь комплексы, причем П[етр] Н[иколаевич] С[авицкий] иногда начинал страстно обороняться, забывая, что дело идет не об обвинениях, не об искании виноватого, а о чисто объективном исследовании первопричин психологического разлада. В конце концов, нам удалось достигнуть тона такой полной искренности и взаимопонимания, при которых можно высказывать друг другу самые жестокие истины, не озлобляя и не оскорбляя друг друга.

Теперь я хочу сказать, что «картина нашей болезни» для меня более или менее ясна. Все началось тогда, когда П[етр] Н[иколаевич] С[авицкий] обратился к нам ликом своего «активизма».

Некоторую гипертрофию этого активизма мы восприняли как истерику (с основанием или без основания — это все равно, факт тот, что мы так восприняли), и уже это одно нарушило гладкость и простоту наших отношений к нему. Появилась подозрительность: как бы он чего не выкинул в таком состоянии! А наряду с подозрительностью и некоторая ридикюлизация, насмешка. П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] почувствовал и то, и другое, и воспринял это как третирование, как укол самолюбия. Дальше все это шло, нарастая, причем комплекс, оставаясь невскрытым, затвердевал и обрастал все новыми и новыми слоями. Взаимное понимание начинало утрачиваться. При этом, т[ак] к[ак] видался П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] в этот период с Вами, а не со мной, то отталкивающие комплексы развивались именно между вами двумя. По-видимому, Вы недостаточно бережно отнеслись к П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому]. Сильно подействовало на Ваше отношение ковенское выступление П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого]. П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] находился в нервно-приподнятом настроении и был убежден (он и сейчас в этом убежден), что выступление его было чрезвычайно удачным. Вы же облили его холодным душем и показали ему, что, наоборот, считаете выступление неудачным. Полагаю, что в прежнее время такое расхождение в оценке происшедшего не могло бы иметь никаких последствий: поспорили бы, и либо он Вас убедил, либо Вы его. Во всяком случае, каждый смотрел бы на утверждение другого, как на утверждение вполне искреннее. Но полной искренности в отношениях уже не было. Поэтому П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] воспринял Ваше отношение к его выступлению как проявление зависти к его успеху. Т[аким] о[бразом], появился новый момент — подозрение недоброжелательности к нему. В тоже время подозрительность появилась и у Вас: Вы стали подозревать его в том, что он собирается доминировать. Кульминационный пункт был достигнут во время эпизода с основанием оргсекции.⁶ Здесь подозрительность обеих сторон возросла до гигантских размеров, и обе стороны, думая, что работают в интересах дела, старались друг друга «обезвредить». К тому же все ни с того, ни с сего потеряли голову, придали преувеличенное значение совершенно не стоящим того фактам и наделали массу глупостей. Тут Вы опять фруассировали П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] небрежным, по его ощущению

злобно-пренебрежительным к нему отношением, показав его интимное, лично Вам адресованное письмо (где говорилось о беложилице — я даже не помню этой подробности) посторонним лицам и тем, что иронизировали над ним. Своими неявными действиями он породил впечатление тайного брюссельского центра, Вы же породили в нем впечатление лично против него направленной вражды и интриги, основанной на зависти к его успехам. И опять-таки все эти травмы были усилены тем, что загнались внутрь, и что ни тот, ни другой никому своих личных переживаний не открывали. Вы изображали дело так, будто бы центр тяжести лежит в отношениях между П[етром]Н[иколаевичем]С[авицким] и Шмидтом, а П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] в свою очередь тоже никому (даже, по его словам, родителям) не открыл того, что переживал по отношению к Вам, и что конечно было гораздо сильнее и для него существеннее его трений со Шмидтом. В Риме⁸ П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] почувствовал себя совершенно изолированным. Но отношения с Вами были уже настолько исковерканы, что он не мог просто по душам поговорить с Вами и излить все накопившееся, — что могло бы привести к разрежению атмосферы. При сильном каценъяммере⁹ нужно засунуть два пальца в горло и сплевнуть. Вместо этого П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] все затаил в себе. После этого началась уже полная разножилица, длившаяся до сего момента. П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] решил подчиниться постановлению, формально связывающим всех членов С[овета]П[яти] по рукам и ногам и доводить эти постановления (которые он воспринял как направленные лично против него) до абсурда. В тоже время, дабы не остаться и впредь изолированным как в Риме, он решил «восстановить свои добрые отношения со Шмидтом и Пенни». Разумеется, при таких условиях это «восстановление отношений» приняло характер интриги против нас с Вами. Это и не могло быть иначе. Благодаря письменно-парламентарной системе дело не сдвигалось с мертвой точки. Каждому естественно хотелось приписать вину в этом кому-нибудь другому. Если мы усматривали причину в том, что пишутся лишние бумаги, то у Пенни и Шмидта сложилось впечатление, что причина в том, что на бумаги неаккуратно и недостаточно быстро отвечают. А т[ак] к[ак] не отвечали главным образом Вы, то к Вам у них и без П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] слагалось уже предубеждение.

П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] естественно усилил это предубеждение, вольно или невольно — это в данном случае безразлично: допускаю даже, что невольно, просто в силу накопившегося у него самого против Вас чувства обиды. Заодно с Вами попал в ту же орбиту и я, т[ак] к[ак] из переписки чувствовалось, что мы с Вами сохраняем солидарность.

Теперь пора выйти из этого дурацкого положения. П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] признает, что дело совершенно развалилось, что вместе с водой выплеснули ребенка из ванны, что нефти больше не стало. Правда, он пробовал защищаться и отрицать свою вину, но, в конце концов, понял, что дело идет не об искании виновного. Я думаю, что, если вопрос будет ставиться в плоскости виновности и невиновности, то мы с места не сдвинемся. Пусть моральную сторону дела каждый из нас решает за себя, руководствуясь голосом своей собственной совести. Вместе мы должны решить вопрос в иной плоскости, в плоскости целесообразности, и с этой точки зрения речь должна идти не о грехах, а об ошибках. Так, тот факт, что П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] вольно или невольно подзуживал Шмидта и Пенни против Вас есть прежде всего ошибка, совершенно независимо от того, грех ли это или нет, и что он может сказать в свое оправдание. Точно также и тот факт, что в Чессингтоне до приезда П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] я, обсуждая его деятельность с теми же Шмидтом и Пенни, ронял его авторитет, ридикюлизировал его и создал у них против него отрицательное настроение, был ошибкой. Такие же ошибки совершали и Вы. Что все это были ошибки, — это ясно по результатам: роняя по очереди авторитет отдельных основоположников в глазах двух других членов С[овета]П[яти], мы подрубили сук, на котором сидели и уничтожили ту иерархию личностей, без которой работать невозможно. При этом надо заметить, что подрыв авторитета никогда не может ограничиваться стороной практической деятельности и всегда невольно переносится и на чисто идеологическую работу. С Пенни и Шмидтом мы (и Вы и я) критиковали не только тактику П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого], но и его экономическую статью в 4-м Врем[еннике], при том критиковали совершенно в тех же тонах, с ридикюлизацией. Точно также и П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] уронил мой престиж как идеолога, бестактно критикуя в «СС»¹⁰ по поводу меморандума мои

построения, защищая в другом письме («СП»)" теорию Шмидта, которую мы с Вами только что обозначили как государствовпоклонство, и т[ак] д[алее]. Итак, независимо от моральной оценки всех этих фактов, можно просто совершенно объективно признать, что они были ошибками. В будущем надо исходить из того положения, что тройка есть единое целое, не три лица, а одна триединая хоровая личность, и что поэтому всякий удар, направленный на одно из лиц тройки, причиняет ущерб всей тройке в целом. Если твердо усвоить, впитать в себя эту точку зрения, то невозможно будет повторение подобных случаев, т[о] е[сть] случая, когда один или два члена тройки натравливают на другого члена тройки двух неосновоположных членов С[овета]П[яти]. В самом деле, если я не доволен поведением своей ноги, которая, допустим, спотыкается, я не стану заставлять кого-нибудь эту мою ногу ударить или уколоть булавкой, ибо знаю, что от этого больно будет мне самому. Это возможно было бы только спяну, когда покажется, что нога эта вовсе не моя, а какая-то чужая. Ведь этого чувства чуждости, отчужденности одного из членов тройки не должно быть. То, что оно есть, есть опять-таки *ошибка*, ошибка восприятия, обман зрения, который необходимо исправить. Если правильно мое изложенное выше понимание «хода болезни», распад тройки начался с того момента, когда П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] обратился к нам своим ликом активизма (для меня самого решительным моментом был ковенский съезд С[овета]С[еми], когда этот лик меня поразил и отшатнул). Вы понимаете, что мне особенно трудно было разъяснить П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому] именно это обстоятельство, тем более, что он все никак не хотел понять, что дело идет об ошибке, а не о грехе или вине. В конце концов, он все-таки понял мою точку зрения: как только у него появилась гипертрофия патетического активизма, так у нас автоматически возникла неуверенность в том, что он не натворит глупостей, — а отсюда и невозможность вполне искренних и гладких отношений к нему; и это не только было, но и непременно будет повторяться всякий раз, как он опять начнет проявлять ту же гипертрофию патетического активизма; будет это помимо нашей воли, в глубине сознания, и сделать мы против этого ничего не можем, т[ак] к[ак] мы просто так устроены, что не можем иначе воспринимать эту его черту. Кроме того, гипертрофия патетического активизма несом-

ненно ослабляет и чисто идеологическую писательскую работоспособность П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого]: он сам признал, что та единственная статья, которую он написал в этот период своей жизни (хозяин и хозяйство) самая неудачная из всех его статей (неудачность происходит, по-моему, от того, что она сентиментальна, а это стоит в связи с его состоянием в этот период: весь его пафос был направлен на суетливое метание патетического активизма, а на статью подлинного пафоса не хватило, и пришлось заменить его ложным пафосом — т[о] е[сть] сентиментальностью). Значит, эта гипертрофия патетического активизма черта вообще вредная для дела, и ее с чисто деловой точки зрения следует подавить; но подавить ее должен сам П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий], а не мы путем каких-либо ограничительных постановлений С[овета]П[яти] или С[овета]С[еми]. Конечно, П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому] особенно трудно согласиться именно с этим, ибо в глубине души он очень любит свою «пафичность» и считает свой активизм не недостатком, а преимуществом. Сначала он заявил, что без патетического активизма он перестал бы быть самим собой, что от этого он отказаться не может. Тогда я заявил, что, в таком случае, дело непоправимо, что мы не можем составить триединства, ибо и Вы, и я всегда будем опасаться, что его активизм не привел к какому-нибудь нелепому шагу, а следовательно, будем вмешиваться в его деятельность, подозрительно следить за ним, причем нельзя поручиться за то, чтобы эта подозрительность нехватила через край, и чтобы мы не заподозрили чего-нибудь, чего на самом деле нет, — словом, что при этих условиях не может быть полной близости и искренности, без близости и искренности нет тройки, без тройки же нет нефти, а раз нет нефти, то активизм беспредметен, ибо не имеет поля для приложения своей энергии. После долгой и упорной борьбы П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий], наконец, признал правильность моего диагноза и обещался во-первых подавить в себе гипертрофию патетического активизма, а во-вторых не обижаться, если я (но только я!) буду в случае надобности напоминать ему об этом. Однако на этом дело не кончено. Чтобы вновь восстановить разрушенное триединство тройки, необходимо разрушить все травмы и комплексы, которые образовались в трех членах тройки. И здесь позвольте, Петр Петрович, и Вам наговорить кучу неприятностей. Между Вами и мной ника-

ких травм и комплексов нет, да, я полагаю, с Божьей помощью и не будет. Но между Вами и П[етром]Н[иколаевичем]С[авицким] черная кошка пробежала. Ясно, что у Вас с ним отношения не так-то просто и естественно налаживаются, как, скажем, со мной. И причина тут не только в нем, но и в Вас. По его рассказам ясно видно, что Вы его несколько раз (вольно или невольно, это все равно, во всяком случае — *ошибочно*) глубоко оскорбили и фруассировали. При всей Вашей тонкости Вы иногда бываете недостаточно чутки и бережны к людям. П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] самолюбив; достоинство это или недостаток — в данном случае безразлично: это его *свойство* и с этим свойством надо считаться, точно также, как если Вы знаете, что у человека болит палец, Вы при рукопожатии не будете сильно сжимать его руку. Ведь когда в душе уже образовался хотя бы маленький комплекс, то всякий малейший укол самолюбия осаживается на этом комплексе, который таким образом начинает расти, как снежный ком, и, в конце концов, становится серьезной помехой для всех душевной жизни. Я не стану передавать Вам всех мелких подробностей, которые П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] рассказывал мне по моему настоящему требованию в порядке самоанализа и психоанализа. Не стану передавать этого, ибо это носило бы характер сплетни. Полагаю, что самый процесс припоминания и рассказывания всех этих мелочей самому П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому] принес пользу, ибо, как это всегда бывает, всякая такая мелочь бережит душевную жизнь только тогда, когда она загнана глубоко внутрь, когда же ее вытащишь и расскажешь словами, то самому становится ясно, что это — пустяк. Но все же должен Вам сказать, что таких пустяков набралось много, и что произошло это конечно потому, что Вы за собой не следили и недостаточно бережно относились к П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому]. У Вас есть известная черствость и несомерное пренебрежение к людям (говорю не в порядке осуждения, а в порядке констатирования). И вот, этим своим ликом Вы к П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому] поворачиваться не должны. Поворачиваться этим ликом было бы *ошибочно*, точно так же, как ошибочно бывает, когда П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] поворачивается к нам ликом патетического активизма. Наконец, — еще одно. Надо перестать друг друга в чем-то личном подозревать. Завидует ли мне П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] или не завидует, —

я, честное слово, не знаю, и знать не хочу, ибо «это к делу не относится». Методологически я, во всяком случае, обязан думать, что он мне не завидует, и, честное слово, так и думаю. Так, по-моему, должны поступать и все члены тройки (только вполне искренно, а не только на словах). Но не только в вопросе о зависти, но и во всех других, и прежде всего в вопросе о первенствовании. В этом последнем вопросе признаю, что и я поддался соблазну и подозревал П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] в том, что он желает первенствовать. Оставляя совершенно в стороне вопрос о том, имели ли мы с Вами основания к такому подозрению; но по существу мы должны были просто искренне не интересоваться этим вопросом и методологически исходить из убеждения, что он первенствовать не желает. Допустив подозрение, мы уже не могли удержаться от преувеличений (таков закон самой эмоции подозрения: она всегда имеет естественную тенденцию к преувеличению), и получился опять нарастающий снежный ком, сделавший работу невозможной.

Итак, — вот мой рецепт лечения... Хочу добавить еще, что не надо ничего затаивать и скрывать, дабы не давать образовываться комплексам: чуть что — два пальца в рот и *Friederich heraus!*¹² Т[ак] к[ак] между Вами и мной трения не предвидятся, да и между П[етром]Н[иколаевичем]С[авицким] и мной тоже пока маловероятны трения, то можно ожидать трений только между Вами и П[етром]Н[иколаевичем]С[авицким]. И, пожалуйста, если таковые возникнут и если Вам трудно будет поладить непосредственно с ним, — пишите мне, но только без утайки, с полной откровенностью и с самоанализом, а не с самозащитой. П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] тоже обещал мне писать в случае, если в нем возобновятся комплексобразовательные процессы.

Теперь — практически. П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] с моими доводами согласился и обещался стараться. Думаю, что это искренно, ибо у нас дошло дело до высокого напряжения. Мы ночей не спали. Т[аким] о[бразом], П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] будет теперь работать над восстановлением тройки и отношений с Вами. М[ожет] б[ыть], будет писать Вам. Если плохо напишет — не смущайтесь, и помните, что Вы тоже должны стараться. Меня П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] просил написать Вам основную концепцию «техники тройки» и резолютивную часть в общих

чертах, но не писать подробно диагностики и хода болезни и описания процесса анализа, а также не перечислять его обид на Вас и даже не упоминать о них. Я это сделал, тем не менее, чтобы достигнуть полной искренности и с Вами, но Вы ему не говорите, что я это сделал.

Полагаю, что нам лучше всего прямо перейти к очередным делам и приступить к практической работе по составлению очередного номера Временника. По этому поводу завяжется переписка, в которой Вы *непременно должны* принять активное участие. Поймите, что при создавшихся комплексах Ваше молчание и неотчет на письма толкуется как пренебрежение и личное недоброжелательство! *Сейчас* необходимо разрушить это впечатление. Поэтому непременно отвечайте. — Мы с П[етром]Н[иколаевичем]С[авицким] уже начали обсуждать соответствующий № Временника. Оказалось, что есть несколько вопросов, могущих вызвать спор. Если этот спор будет по существу, то в этом ничего дурного нет, и даже очень полезно. Все же, я заметил, что П[етру]Н[иколаевичу]С[авицком]-у очень не хочется самому заводить с Вами разговор, могущий вызвать спор, и, чтобы его не насиловать и облегчить ему задачу исправления отношений с Вами, я решил, что об этих вопросах напишу Вам я, а П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] напишет о вопросах, вряд ли способных вызвать спор. Для начала такой образ действий, по-моему, самый правильный.

Напишу Вам о Временнике в следующем письме, дня через два, ибо настоящее письмо уже и так слишком разрослось, а кроме того, мне сейчас некогда: я через два часа еду в Аугсбург читать лекцию. — П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] согласился с тем, что Временник должны редактировать по-прежнему мы вдвоем, и считает, что мы никакими постановлениями не связаны и вовсе не обязаны кому бы то ни было давать на просмотр статьи. В заключение умоляю Вас отнестись ко всему настоящему письму серьезно и без раздражения и усвоить ту деловую, техническую точку зрения, которую я привожу. Надо постараться починить тройку. Если это не удастся, то все пропало. Но я надеюсь, что с Божьей помощью удастся.

Обнимаю Вас

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой]

14 окт[ября] 1925

- 1 Евразийства.
- 2 П.Н. Малевскому-Малевичу.
- 3 П.С. Арапову.
- 4 Данных нет.
- 5 Н.С. Трубецкого.
- 6 Военной секции.
- 7 Пражского.
- 8 Лондоне.
- 9 Похмелье, алкогольное отравление (нем.).
- 10 Циркуляр Совету Семи.
- 11 Циркуляр Совету Пяти.
- 12 Фридрих, вон! (нем.)

61 19 октября 1925 года

Дорогой Петр Петрович!

Давайте приступим к составлению «Временника»¹.

Из вопросов, которые мы обсуждали с П[етром] Н[иколаевичем] С[авицким], два я взял на себя выяснить с Вами.

Во-первых — вопрос о Франке. П[етр] Н[иколаевич] С[авицкий] приводит очень веские доводы *против* напечатания у нас главы из его будущей книги. Доводы *по существу*. Социологическая концепция Франка совершенно богословски необоснованна и мало имеет общего с нашими идеями. В частности, Франк исходит из общества, а личность считает производным из общества. Т[аким]о[бразом], для существа нашей идеологической работы, для стройки нашей идеологической системы глава из будущей книги Франка никакой непосредственной пользы принести не может, а (добавляю от себя) может принести и вред, если между этой статьей и какими-нибудь нашими тезисами окажутся противоречия, которые потом придется разъяснять и распутывать. Мог бы иметь значение только самый факт появления этой главы во «Временнике»: вот, дескать, и Франк с нами. Но это ослабляется и тем, что статья эта не специально для нас написана, а представляет из себя главу будущей книги, и тем, что она будет снабжена ограничительным примечанием. Связь Франка с нами явствует и без того из факта появления его брошюр в нашем издательстве². П[етр]

Н[иколаевич]С[авицкий] недавно случайно видел список ученых трудов Франка, присланный им (Франком) для какого-то справочного издания. В этом списке за длинным перечнем журнальных статей идет короткий перечень работ, вышедших отдельными изданиями: таких работ у Франка, оказывается, всего 7, и из них 2 («Религия и наука», «Основы марксизма») вышли у нас. Т[аким] о[бразом], 2/7 Франка уже несут на себе нашу печать. Т[ак] к[ак] на последней странице Временника будет помещен перечень наших изданий, включающий в себя и 2 брошюры Франка, то цель закрепления за собой имени Франка уже этим достигнута. Во всяком случае, для одной этой цели положительно не стоит обременять «Временник» по существу лишней статьей. Вот если бы Франк написал специально для нас статью (П[етр] Н[иколаевич] С[авицкий] предлагал тему «Что есть истинная собственность»), то ее следовало бы напечатать, — но, конечно, без ограничительных примечаний¹.

Эти рассуждения П[етра] Н[иколаевича] С[авицкого] мне кажутся весьма убедительными. От себя добавлю еще следующее. Во-первых, мне кажется, что одним из главных моментов, побуждавших нас во что бы то ни стало получить хоть какую-нибудь статью от Франка для «Временника», было желание подпустить шпильку Струве⁴. Но бедный рыжебородый рамо⁵ уже достаточно весь истыкан шпильками, и нашими, и чужими. Последнее его антреша («В альбом евразийцев») производит жалкое впечатление ребенка, который дергает за рукав взрослого, смотрящего в другую сторону, плоско острит и кривляется, чтобы заставить этого взрослого хотя бы с пренебрежительно-снисходительной улыбкой обернуться в его сторону и заняться им: когда этот маневр не удается, дети обыкновенно начинают жалобно реветь, — и Струве близок к этому⁶. Во всяком случае, положительно не стоит из одного удовольствия подразнить Струве включать во «Временник» ту или иную статью. Эпизод со съездом ясно показал, что за Струве никого нет и что со всей этой компанией нечего считаться⁷. — Другое мое соображение вот какое. Еще до свидания с П[етром] Н[иколаевичем] С[авицким] я как-то размышлял над Франком и Карсавиным и пришел к заключению, что Франк все-таки «бывший человек», человек прошлого, тогда как Карсавин — человек современный. Карсавин может идти с нами до конца, тогда как Франк может пройти с нами только несколько шагов. Франк все-

таки гордится и рисуется своим прошлым, чего совершенно нет у Карсавина. Карсавин делает на нас серьезную ставку, мы ему не обходимы, и он за нас будет крепко держаться. Франку же мы не нужны, он самоуверен и связью с нами особенно не дорожит. Поэтому опасно слишком связываться с ним. Он всегда может вдруг сделать *volte-face*⁸ и начать нас ругать в печати, что может быть неприятно: все-таки Франк — не Бицилли.

Итак, я тоже высказываюсь против напечатания главы из будущей книги Франка у нас во «Временнике». Если он может написать специально для нас такую статью, которая по своему содержанию органически входила бы к нам и способствовала бы стройке нашей идеологической системы, то такую статью мы можем принять, но опять-таки, не потому, что ее написал Франк, а потому, что она подходит по содержанию.

Второй вопрос — о Пушкареве⁹. П[етр]Н[иколаевич]С[а-вицкий] очень настаивает на том, чтобы пустить его во «Временник». По словам П[етра]Н[иколаевича]С[а-вицкого], он очень вырос, окреп, очень нам предан и в то же время научно усовершенствовался. В частности, П[етр]Н[иколаевич]С[а-вицкий] клянется, что статья Пушкарева в «Хронике» была написана Пушкаревым совершенно самостоятельно, без всякой его (П[етра]Н[иколаевича]С[а-вицкого]) помощи, и что основная схема этой статьи всецело придумана Пушкаревым¹⁰. Статья эта — неплохая, так что П[ушкарев], по-видимому, действительно может писать хорошо. П[етр]Н[иколаевич]С[а-вицкий] считает, что его следует поощрить принятием во «Временник», и предлагает на выбор две возможных статьи. Либо — развить статью, помещенную в «Хронике», уложив в нее несколько больше фактического материала (только, по-моему, не слишком много этого материала, чтобы не загромождать и не затемнять основной схемы, которая очень хороша и должна сохранить свою ясность и выпуклость). Либо — статью о политических идеалах Аксакова, которую Пушкарев уже излагал П[етру]Н[иколаевичу]С[а-вицкому]: статья любопытна тем, что устанавливает у Аксакова предчувствие советской системы, что, в всяком случае, не банально (хотя нам здорово накладывают за такую штуку! — но пускай!)¹¹. Я против Пушкарева ничего не имею. Прошлогодняя его статья была из рук вон плоха. Но он еще молод, так что вполне допустимо, что он теперь усовершенствовал-

ся. Т[ак]к[ак] П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий], по-видимому, лично им очень дорожит и очень на нем настаивает, то я предлагал бы согласиться.

Об остальных вопросах, обсуждавшихся нами (о некрологе Садовскому, о статье Флоровского, которую желательно поместить ввиду полного отсутствия богословия в спроектированном первоначально номере) напишет Вам П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий]. Он же изложит Вам и те статьи, которые напишем мы сами. А Вы, Петр Петрович, что напишете? Ведь одно из двух — или все трое должны написать, или никто из трех. А между тем, Вы, кажется, даже и не начали думать о своей будущей статье.

Прилагаю при сем письмо Соломона¹.

Отвечайте на письма!

Обнимаю Вас

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой]

19/X/1925

P.S.: Брошюру Франка прочел, и, вобщем, остался ею доволен. Имейте только ввиду, что переписана она скверно: есть такие опечатки, что местами трудно понять смысл. Поэтому, первую корректуру непременно пошлите автору. Н[иколай]Т[рубецкой]

1 Речь идет о сборнике: Евразийский временник. Париж, 1927. Кн. V.

2 Франк С.Л. Религия и наука. Берлин, 1925; Он же. Основы марксизма. Берлин, 1926.

3 См.: Франк С.Л. Собственность и социализм // Евразийский временник. Париж, 1927. Вып. V. С. 262–284.

4 П.Б. Струве.

5 Рамо́л (рамо́ли, рамо́лик, от фр. ramolli — расслабленный; слабый, ослабевший) — впавший в слабоумие человек.

6 Речь идет о критической заметке Струве, в которой он сравнивал евразийцев с княжной Таракановой, поскольку она надеялась, что в России существуют ее сторонники. См.: Струве П.Б. В альбом «евразийцам» // Возрождение. 1925. № 118. 28 сентября.

7 Речь идет о Зарубежном съезде 1926 г. См. об этом подробнее: Глебов С. «Съезды Зарубежной России» 1920-х годов и политика эмигрантского национализма: спасение либералов // Ab Imperio. 2000. № 3–4. Р. 159–185.

8 Полная перемена позиции, разворот (фр.).

9 Сергей Германович Пушкарев (1888–1984), историк, окончил Харьковский университет, где готовился к магистерским экзаменам. Участвовал в Гражданской войне, эвакуирован в 1920 г. С 1921 г. в Праге, сотрудничал в различных академических учреждениях. После Второй мировой войны переехал в США, преподавал русский язык в Йельском университете. Автор воспоминаний: *Пушкарев С.Г.* Воспоминания историка, 1905–1945. М., 1999.

10 Возможно, речь идет о статье С.Г. Пушкарева «О парламентаризме» (Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. VIII. С. 45–49), которая была послана редакторам задолго до опубликования. Во всяком случае, в 1925 г. «Евразийская хроника» статей Пушкарева не публиковала.

11 В итоге во «Временник» была включена статья: *Пушкарев С.Г.* Россия и Европа в их историческом прошлом // Евразийский временник. Париж, 1927. Вып. V. С. 121–152.

12 Н.Д. Татищева.

62 29 октября 1925 года

Дорогой Петр Петрович!

Искренно радуюсь, что все так хорошо уладилось. Надеюсь, что впредь повторения таких несчастных случаев удастся избежать. Против помещения брошюры Франка во Временнике не возражаю, однако считаю, что формулу надо подобрать такую, чтобы и Франка слегка скомпрометировать, и нас удовлетворить, — а не наоборот. Одного я не понимаю: зачем Временник печатать непременно в Берлине? Ведь во всяком другом месте это можно сделать дешевле, а обложку и бумагу можно воспроизвести точно, не переезжая в Берлин. Уж признайтесь: просто Вам лично хочется уехать из Парижа!

На какой теме Вы остановились для своей статьи? Будет ли писать Кролинский?¹ Будет ли статья Стравинского?² Со смешением орфографии согласен, и, пожалуй, одну из своих статей напишу по новой орфографии.

Иохельсон³ просит изменить имя начальника Кролинского⁴, ибо в городе Иохельсона имеется лицо, действительно носящее это имя и ныне арестованное по подозрению в промышленном⁵ злоупотреблении. Подозрения, по-видимому, необоснованные, и все дело похоже на провокацию, но в связи с этим местное общество следит за всеми соплеменниками Иохельсона и, если

в письмах к последнему будет упоминаться это имя, то могут произойти неприятности. Если разрешите, я сообщу Иохельсону, что отныне начальником Кролинского назначается Усов. Пожалуйста, сообщите об этом всем прочим, потому что я набело переписывать не умею.

Выпадов Струве против моей брошюры я не читал, ибо вообще его газеты не читаю. Заметил только, что с некоторого времени эта газета перестала называть себя «консервативно-либеральной»... — Не следовало бы довести до сведения Юнкера,⁶ что вопреки его обещанию травля против нас не прекратилась: практических результатов такой шаг, конечно, иметь не может, но может поставить точку над і, что м[ожет] б[ыть] полезно?

Как дела с Бердяевым?

Раз Вы теперь в Кламаре, познакомьтесь с Аваловым (Зураб Давидович)⁷. Адреса его не помню, но можно узнать у Саводника⁸.

Обнимаю Вас

Ваш Н[иколай]. Т[рубецкой]

1 А.А. Зайцев.

2 Несмотря на близкие и доверительные отношения Игоря Стравинского и Сувчинского, никаких работ композитора в евразийских изданиях не появилось.

3 Н.С. Трубецкой.

4 По всей видимости, речь идет о кодовом имени генерала Кутепова (Бородин), которому в РОВС подчинялся Зайцев.

5 Связанном с ГПУ.

6 Великого князя Николая Николаевича.

7 Авалов (Авалишвили), Зураб Давидович (?–1944), князь, историк права, преподавал в Петербургском университете, автор работ по истории Грузии и Закавказья.

8 О каком именно Саводнике идет речь, установить не удалось.

63 Ноябрь 1925 года¹

Дорогие Петр Николаевич и Петр Петрович!

Я заматался в обязательных работах, связанных со службой и с литературно-научными обязательствами. На переписку остается мало времени. Затрудняется дело еще и тем, что Вера страш-

но занята кухней, детьми и уроками, так, что не может уделить достаточно времени пишущей машинке.

Петров¹ вообще произвел на меня благоприятное впечатление. С оценкой Петра Николаевича я вполне согласен. Скажу только, что у Петрова есть некоторые опасные идеологические уклоны в сторону некоторого монофизитства. Его теория о «культуре» и «цивилизации», причем под культурой разумеется стремление к Богу, а под цивилизацией — стремление к земным благам, мне кажется и терминологически несостоятельной и теоретически (методологически) *undurchführbar*² (целый ряд сфер человеческой деятельности окажется вне культуры и вне цивилизации при таком понимании). А главное, эта теория практически может привести к отрицанию плоти и разным другим опасностям в том же роде. Но Петров за свою теорию крепко держится. Боюсь, что попытка устройства токийского⁴ семинара с привлечением Бицилли и Кл[авдии] Вас[ильевны] Флоровской,⁵ усугубит монофизитский уклон и создаст почву для особой японской⁶ ереси. Во всяком случае, Вам, Петр Николаевич, надо будет зорко следить за работой токийской группы в этом отношении. Думаю, что Петров вообще будет послушен. Все сказанное о его «опасном уклоне» ничуть не уменьшает его общей доброкачественности.

Другим возможным ересиархом я продолжаю считать Петра Семеновича [Арапова]. Последний упорно придерживается того взгляда, что наша идеология еще находится в совершенно зачаточном состоянии, что ничего систематического еще не сделано, и что евразийство есть некая *tabula rasa*, белый лист бумаги, в который можно вписать все что угодно. Исходя из этого совершенно превратного и крайне опасного убеждения, Петр Семенович высказывает в качестве евразийского положения всякую мысль, которая взбредет ему в голову, нисколько не заботясь о том, согласуется ли эта его мысль с уже ранее высказанными нами положениями и может ли она войти с ними вместе в общую систему. Нисколько не преуменьшая идеологической одаренности П[етра] С[еменови] - ча, отдельные мысли которого очень блестящи и ценны, я все же должен констатировать, что системности и стройности в его мышлении мало. Он редко продумывает мысли до конца и совершенно не умеет, — да, по-видимому, и не хочет, — прикреплять свои мысли к определенной системе. Все эти мысли оказы-

ваются висящими в воздухе, неприкрепленными, а отчасти и неприкрепимыми, к общей системе. Несмотря на то, что теоретически он все время настаивает на «конструктивизме», он практически этими своими идеологическими импровизациями разрушает всякую стройность и конструктивность нашей идеологической работы. Эти импровизации врываются в готовую уже систему извне, как посторонние тела, будоражат и опрокидывают все уже ранее сделанное и положительно мешают дальнейшей стройке. Летом он (по-видимому, под влиянием Леонтьева) выдумал какую-то сенсационную теорию государства, совершенно не связанную с общим контекстом евразийства, и требовал изгнания самого термина «национализм» из нашего обихода. Я вступил с ним в переписку по этому предмету, причем сразу обнаружилось, что со всем, ранее нами высказанным, он просто не желает считаться, рассматривая всю нашу идеологию как простой «первый опыт», который можно еще сто раз переделать. После моего разговора с П[етром] Н[иколаевичем] С[авицким] я попытался ввести теорию Петра Семеновича в общий контекст нашей идеологии и согласовал ее с общей системой. Я напряг для этого все свои диалектические способности и получил некоторую приемлемую формулу, причем для этого, конечно, пришлось несколько обкорнать и видоизменить теорию Петра Семеновича. Но П[етра] С[еменови]-ча эта моя формула, по-видимому, не удовлетворила, т[ак]к[ак] в ответном письме он продолжал поддерживать свою теорию в неизмененном виде, в котором, повторяю, ее уложить в общий контекст нашей идеологической системы положительно невозможно. Теперь («СН»⁷ от 11/XI) Петр Семенович придумал еще что-то новое, какой-то «формальный метод», «формальную» и «материальную» стороны евразийства, и опять подчеркивает, что идеологической системы у нас по его мнению вовсе и не существует. Эта новая импровизация носит совершенно безответственно-дилетантский характер, ибо как только мысль о «формальном методе» в таком понимании продумаешь до конца, так упираешься в тупик. Здесь сплошная игра слов и quaternio terminorum. А между тем, я уверен, что мой ответ П[етра] С[еменови]-ча не удовлетворит, и что он будет продолжать настаивать на этой, по-моему, бесплодной мысли. Было бы еще полбеда, если бы дело сводилось просто к внутренней переписке на эти темы. Но беда в том, что все эти свои

импровизации П[етр] С[еменови]-ч сообщает и отдельным работникам в качестве евразийских тезисов. Так, Петров объявил мне, что по вопросу о государстве он примыкает к точке зрения П[етра] С[еменови]-ча, *а не к моей* (значит, даже факт нашего спора ему был известен). Я был поставлен в неловкое положение, т[ак]к[ак] не желал разрушать авторитета П[етра] С[еменови]-ча. Но, все же, на эту тему мы поговорили, причем, конечно, обнаружилось, что как только теорию П[етра] С[еменови]-ча начать проводить последовательно, так возникает ряд вопиющих противоречий с нашими писаниями, так что половину нам уже написанного надо просто выбросить за борт. Теперь в отчете Михайлова уже фигурируют «формальная» и «материальная» стороны евразийства и весь отчет настолько явно подчинен влиянию П[етра]С[еменови]-ча, что я, читая его, сначала думал что он написан П[етром] С[еменови]-чем, и подпись Михайлова на последней странице была для меня неожиданностью. Полагаю, что Петра Семеновича необходимо идеологически дисциплинировать. Иначе он станет форменным ересиархом и наплодит вокруг себя массу еретиков среди ответственных работников.

Эпизод с декабристами весьма неясен. Я воспринимаю его как (будем надеяться, последнюю) отрывку летнего способа ведения дел. Письмо П[етра]Н[иколаевича]М[алеvского-]М[алеvича] к своему приятелю носило практический характер. Практическое решение вопроса, данное в этом письме, совершенно правильно: контекст, в котором будет проходить повсеместно чествование памяти декабристов, таков, что нам в этом чествовании участвовать нельзя. Аргументация П[етра]Н[иколаевича]М[алеvского-]М[алеvича] была несколько упрощенная, военная. Но, в общем, дело было настолько бесспорно, что П[етр]Н[иколаевич]М[алеvский-]М[алеvич] совершенно свободно мог решать вопрос единолично и никого об этом запрашивать не был обязан. По летней привычке он разослал копию своего письма. А Вы, Петр Петрович, вопреки летней привычке, ответили на это письмо, и ответили слишком по существу. Вопрос, положительно, не стоил того.

Сочувствующая нам дама, живущая в Кламаре (гр[афиня] К[аппи]-ст: Петр Петрович, Вы ее знаете), беседовала с дядей Гришей⁶ о его статье в Пути. Он сказал ей, что мы на него обиделись, что в следующем номере появится по этому вопросу наше письмо

в редакцию, и что это письмо «очень корректно». Из этого заключаю, что и примечание дяди Гриши будет тоже «очень корректно». Все же, Петр Петрович, последите за этим делом и, смотрите, нас не подведите. Рекомендую Вам также все-таки познакомиться с самим дядей Гришей.

Писать статьи для Временника я еще не начал. Но писание пойдет быстро, ибо в сущности обе статьи, хотя и в несколько другом виде, мною уже раз были написаны. Моя лекция в Аугсбурге прошла с большим успехом: народу было много, а слушали с интересом, несмотря на то, что я говорил два часа. Все-таки интерес к России в Германии огромный...

При сем прилагаю ответ на СН⁹ от II/XI П[етру] С[еменови]-чу и соображения по поводу отчета Михайлова¹⁰.

Обнимаю Вас обоих

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой]

Дорогой Петр Петрович! Приложения к этому письму посылаю Вам в двух экземплярах: один оставьте себе, а другой перешлите Пенни, адреса коего я не знаю. Очень рад новому фазису Ваших отношений с Ал[ександром]Ив[ановичем]Г[учковым]. Напишите, подвигается ли это дело и когда же наконец Вы женитесь.

Обнимаю Вас. Привет В[ере]А[лександровне Гучковой]¹¹.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой]

¹ Датируется по содержанию.

² О ком именно идет речь из софийских евразийцев установить не удалось.

³ Невыполнимый (нем.).

⁴ Белградского.

⁵ Клавдия Васильевна Флоровская (1880–1965), преподаватель и переводчица, сестра Г.В. Флоровского. Разделяла евразийские взгляды, опубликовала несколько статей в евразийских изданиях. В эмиграции проживала в Софии, в 1950-х гг. вернулась в СССР, работала переводчицей в Московской патриархии.

⁶ Югославской.

⁷ Циркуляр Совету нефти (евразийства).

⁸ Г.Н. Трубецкой.

⁹ Циркуляр Совету нефти (евразийства).

¹⁰ Г.Н. Мукалова.

¹¹ Первое упоминание в переписке Трубецкого и Сувчинского Веры Александровны Гучковой (1906–1987) в качестве жены П.П. Сувчин-

ского, на которой он женился в 1925 г., разведясь с Анной Дмитриевной Поповой. Вера Александровна была дочерью известного политика А.И. Гучкова, бывшего лидера октябристов в Государственной Думе. В 1932 г. вступила во Французскую компартию (ФКП), одновременно начала работать на ИНО ОГПУ. После развода с Сувчинским В.А. Гучкова вышла замуж в 1935 г. за испанского коммуниста шотландского происхождения Роберта Трайла. В.А. Гучкова была агентом советских спецслужб, по данным, приведенным в воспоминаниях Сеземанна, была «любимицей Ежова». Около года провела в СССР, в 1937 г. ей удалось выехать из страны, тогда как остальные участники завербованной ячейки — Клепинины, С.Я. Эфрон — были арестованы и осуждены. Благодаря шотландскому происхождению Трайла В.А. Гучкова сумела получить британское гражданство и после освобождения из нацистского концлагеря поселиться в Англии, где она долгие годы работала в ВВС. После Второй мировой войны Гучкова-Трайл поддерживала контакт с Сувчинским и его женой Марианной (Карсавиной).

64 30 ноября 1925 года

Дорогой Петр Петрович!

Поздравляю Вас с бракосочетанием!. Радуюсь, что все обошлось благополучно, и молюсь за вас обоих.

У нас в доме — неприятность. Вера попыталась вскочить в едущий трамвай, свалилась и была помята вагоном. К счастью, никаких поломов и внутренних повреждений, вообще ничего опасного нет, но ушибы сильные и очень больно. Она теперь дома (начала ее отвезли в больницу в карете скорой помощи прямо с места происшествия), но все еще лежит и, вероятно, пролежит еще довольно долго. О переписке на машинке в ближайшее время, конечно, «не может быть и речи».

Записка Карсавина меня совсем не удовлетворяет. Кроме нескольких более мелких lapsus'ов есть и просто вещи, с которыми принципиально трудно согласится.

Lapsus'ами я считаю напр[имер]:

Стр. I: «...всегда можно сказать, где Церковь, хотя *нельзя сказать, где ее нет*». Неужели нельзя напр[имер] сказать, что в 3-м интернационале или в масонской ложе определено Церкви нет?

Стр. III: «совершенное иерархическое единство множества совершенных личностей — поместных Церквей, культур, народов,

индивидуумов». Культура, во всяком случае, не есть личность, а плод творчества личности: точно также полное собрание сочинений Пушкина не есть личность, а Пушкин, написавший эти сочинения, — личность.

Стр. IV-V весь пассаж об отрицательности советов даваемых Церковью противоречит Св. Писанию. В Евангелии сказано: «и путь весте», «Аз есмь путь» и т.д. Церковь не только предостерегает от неправильного пути, но и указывает истинный путь.

Стр. VI: «отпадение государства (мира) от Церкви». Слово «мир» очевидно следует понимать в значении «совокупность мирян»; но лучше прямо так и сказать, а то могут возникнуть недо-разумения.

Главные мои возражения, конечно, не эти мелочи, а принципиальные. В построении Карсавина не могу принять его понимания отношения Церкви к войне и его определения государства.

В военном вопросе Карсавин, по-видимому, отталкивается от И.А. Ильина, но благодаря этому впался в обратную крайность. Провозглашать, как это делает И.А. Ильин, какой-то новый догмат «священного меча» есть отсебятина самого дурного тона: такого догмата никогда не было, да и быть не могло. Но отвергать молитву за христолубивое воинство — тоже отсебятина, притом, отзывающаяся толстовством, т. е. ересью. Церковь всегда молилась за христолубивое воинство, не только в императорский период, но и при Сергии Радонежском, а, вероятно, даже и много раньше. Молитва эта не только освящена церковным преданием, но и по существу нисколько не противоречит христианскому духу, а, наоборот, проникнута этим духом. Идя по пути отвержения этой молитвы, мы придем к осуждению Сергия Радонежского и к анафеме Александру Невскому; непонятен и соблазнителен окажется и крест с надписью «есмы победиши», явившийся Константину Великому накануне сражения. «Война», «войско», «воин», «сражение», «победа» — все это понятия социологически, психологически и этически чрезвычайно сложные и требующие детального анализа, после которого только и можно приступать к рассмотрению самой богословской проблемы отношения Церкви к этим явлениям. Понимание всех этих явлений просто как организованное человекоубийство — слишком упрощенно и приближается к толстовству, т.е. к элементаризации христианства, связанной с отрица-

нием церковных традиций и церковного предания. Молитва о христоролюбивом воинстве не только ничего безнравственного в себе не заключает, но является и прямо необходимой. Каждый христианин, вступивший в ряды войска (а вступает он б[ольшей] ч[астью] не совсем по доброй воле, а по принуждению), оказывается подверженным специальным соблазнам и легко может совершить ряд грехов, которых он при других условиях не совершил бы. Поэтому, непременно надо молиться за него, т[о]е[сть] за то, чтобы Бог помог ему не поддаться этим специальным соблазнам и не совершить этих специальных грехов, и о том, чтобы, если он уже поддался соблазнам, Бог его простил и вновь направил на путь истинный. И не только об отдельном воине следует так молиться, но и о всей совокупности христиан-воинов, о всем христоролюбивом воинстве, ибо есть грех и соблазны, в которые может впасть вся совокупность воинства как таковая. Это вовсе не значит благословлять человекоубийство. Психология воина, идущего в сражение, не есть психология преступника, отправляющегося на разбой или на убийство. В конце концов, исход сражения зависит не столько от того, какая сторона больше убьет, сколько от того, какая сторона скорее испугается. И в психологии воина этот момент ощущается живее всего. Сражение есть прежде всего состязание в храбрости и стойкости двух армий. Когда перед сражением солдаты молятся, то каждый из них, и все они в совокупности, молятся не о том, чтобы как можно больше убить, а о том, чтобы самому остаться живу и невредиму, чтобы не струсить и, если уж доведется умереть, то умереть с честью; а если при этом они молятся еще и за победу, то эту победу мыслят именно в том смысле, что враг испугается и отступит, а они сами не испугаются.

Может ли Церковь отказать им в этой молитве? А ведь по Карсавину выходит, что должна отказать. Думаю, что если бы Церковь во время войны не молилась за христоролюбивое воинство, она не исполняла бы своего долга. Совершенно ясно, что Церковь не может участвовать в акте объявления войны, особенно войны наступательной или междоусобной. Но, скажем, война — оборонительная. Мир во зле лежит и бывают такие обстоятельства, при которых монарху или правительству действительно по-человечески неизбежно приходится объявить войну, напр[имер], вторгшемуся в страну неприятелю. Должна ли Церковь осудить объявившего

эту войну? Допустим, он (объявивший) самым этим объявлением войны совершил грех перед Богом и ближними; но перед государством своим он исполнил свой долг. В грехе он будет каяться. Но должна ли Церковь условием принятия его покаяния поставить немедленное прекращение войны? ...

Я не говорю, чтобы роль Церкви в вопросе о войне до сих пор была всегда единственно-правильной. Но то, что предлагает Карсавин, совершенно неосуществимо и по существу неправильно. Это было бы равносильно либо анархически-толстовскому подрыву основ государства, с чем никакое государство мириться не может, — либо полному выходу Церкви из жизни, отворачиванию Церкви от государства и от народа как раз в тот момент, когда ее моральная помощь особенно нужна.

Другую, при том основную, неправильность построения Карсавина я считаю самое определение государства. Государство не есть личность и не есть творение Божие, а есть земное благо, созданное руками человеческими. И этот взгляд есть взгляд Св. Писания. В Св. Писании личностями считаются народы, а не государства (царства). Только с народами, а не с царствами, у Бога есть личные отношения. Бог карает народы, а не царства. И кара часто заключается в том, что народ лишается своего царства, в порядке лишения земных благ. Разрушение царства в Писании совершенно адекватно разрушению городов (которые уже несомненно не личности), насланию голода, мора, неурожая, и т[ак]д[алее]: все это — отнятие земных благ у народа за его грехи. Вместе с разрушаемым царством может погибнуть и народ, точно так же, как вместе со сгоревшим домом может сгореть и его хозяин. Но это, конечно, необязательный частный случай, а, как правило, народ продолжает существовать и после разрушения царства. Поэтому совершенно неправильно утверждение Карсавина, будто бы «вне государственной организации коллективная личность бытием еще не обладает» (стр. VI). Еврейский народ обладал и обладает личным бытием, являлся избранным народом Божиим и до и после возникновения и разрушения еврейского царства, и, даже более того, в период своего государственного существования он удалялся от своей личной сущности больше, чем в период пленения и рассеяния. Личное бытие народа вовсе не связано с существованием государства. Это мы знаем и помимо Св. Писания: поляки были

поляками и после разрушения польского государства, а немцы были одним народом, одной личностью даже тогда, когда в государственном отношении распадалась на несколько самостоятельных государственных единиц, порою враждовавших и воевавших друг с другом. Во всяком случае, точка зрения Св. Писания в этом вопросе совершенно определена и не оставляет никаких сомнений в том, что Церковь обращается как к личности, как к личному субъекту, не к государству, а к народу.

Социологически государство есть территория, все жители которой подчиняются определенным законам и повелениям исходящим от одного волевого центра, т.е. правительства. Подчинение это у одних сознательно-добровольное, у других вынужденное или бессознательно-механическое. Во всяком случае, государство есть, так сказ[ать], категория «географически-волевая». Понятие государства предполагает обращенность воли на устройство земли, материальной жизни на определенном клочке земли. Кроме того, понятие государства непременно и существенно связано с понятием волевого насилия. Источником, очагом этого жизнеустроительного волевого насилия является «государственная власть», которая в свою очередь [есть] конденсация волевой стихии, состоящей из активных волевых стремлений и из элементов инертного непротивления; как противовес этому центральному волевому очагу существуют всегда центробежные индивидуальные стремления, противящиеся насилию активных волевых стремлений центрального очага и направленные к преодолению элементов инертного непротивления. Между центростремительными и центробежными волевыми стремлениями устанавливается известное равновесие, причем направление равновесящей зависит от относительной силы и центростремительных и центробежных стремлений и определяет собой силу и мощь данного государства. Таким образом, сущность государства определяется суммированием и механической комбинацией определенных волевых стремлений, действующих на данной географической территории. Т[ак]к[ак] самые эти волевые стремления б[ольшей]ч[астью] не захватывают существенных сторон индивидуальных личностей (ведь громадное большинство обывателей соучаствуют во всей этой волевой комбинации, именуемой государством, только тем, что не сопротивляются установленному государствен-

ной властью жизнеустроению, — т[о] е[сть] как раз очень мало-существенной и чисто отрицательной чертой своей душевной жизни), и т[ак]к[ак] объединение людей по географическому признаку тоже несущественно и условно (поскольку границы государства в принципе не совпадают с границами этнографическими, т[о]е[сть] проходят зачастую внутри цельной личности отдельного народа), — государство и не может быть настоящей хоровой личностью: ибо для хоровой личности необходимо прежде всего объединение по существенным признакам данных индивидуальных личностей. Не может государство быть настоящей личностью и потому, что оно психически односторонне, обладая только волей (притом волей только определенного свойства), а разумом только в связи с этой волей. И, в самом деле, государство и не обладает теми конкретными психофизическими признаками, которыми обладает всякая личность, будь то отдельный человек, семья, или народ. Если государство обладает некоторыми индивидуальными чертами, то черты эти всегда заимствованы им от определенного народа и присущи, в конце концов, не государству как таковому, а народу, создавшему данное государство. Поэтому, государство не имеет такого настоящего самобытного личного бытия, какое имеет народ, а имеет лишь бытие вторичное и личные признаки, так сказ[ать], «отраженные». Не будучи личностью, государство не имеет души и не обладает бессмертием. Оно — исключительно земное, и как все специфически земное, оно преходяще. Бытие государства определяется с одной стороны существованием того очага или центра конденсации специфически-государственной энергии (жизнеустроительной воли в вышеописанном смысле), которое можно называть «властью» (правительством, правящим классом, и т[ак]д[алее]), с другой — географическими пределами радиации, сферой притяжения этого центра. В пределах одной и той же территории этот очаг может перемещаться, переходить от одного народа к другому, от одного класса к другому. Могут меняться и границы радиации очага. Наконец, могут возникнуть новые очаги в разных пунктах той же территории, притом, каждый со своей специальной сферой притяжения, — т[о]е[сть] одно государство может распасться на несколько самостоятельных государств, или утратить отдельные «окраины», становящиеся в таком случае отдельными государствами. Может происходить и обратное явле-

ние, — слияние двух или нескольких первоначально самостоятельных очагов воедино с суммированием всех их географических сфер притяжения и радиации. Все это — явления, процессы, а не *сущест-ства*. Существом же, субстанцией, на которой происходят все эти процессы, и притом субстанцией одушевленной, являются *народы*. Процессы преходящи, субстанция вечна. Процессы не гипостазизируемы и не имеют своей особой души. Народная же субстанция есть настоящая личность и как таковая имеет свою особую душу.

Всем этим определяется отношение к государству с одной стороны частночеловеческих личностей и народов, с другой Церкви. Народы порождают очаги государственности, порождают так же, как и цивилизацию и культуру, т[о]е[сть] порождают для того, чтобы удовлетворить известные свои потребности. Поэтому, государство есть такая же ценность, такое же земное благо, как всякое произведение культуры и цивилизации. Как всякая часть ~~произве-~~дение культуры или цивилизации, государственность может быть повернута на пользу и на вред народу. Наконец, опять-таки, как разные части культуры или цивилизации, государственность может быть обращена в самоцель, так что вместо того, чтобы служить народу, она поработщает народ, и т[ак]д[алее]. Таким образом, между народом и государством, между отдельным человеком и государством устанавливаются многообразные отношения. Церковь непосредственно интересуется только личностями, т[о]е[сть] отдельными людьми или народами; государством же Церковь интересуется только постольку, поскольку оно создается этими личностями, поскольку между личностями и государством существуют определенные отношения и поскольку личности внешне подчинены государству. Церковь должна спасать души личностей, — людей и народов; души же государства спасти нельзя, ибо ее нет, и потому что государство не бессмертно, а преходяще, как все земное. Такой же характер носят отношения Церкви ко всем частям культуры и цивилизации, которые тоже не бессмертны, а преходящи, будучи земными (выражение «бессмертное произведение» может прилагаться к отдельным продуктам культуры только метафорически). Стремиться к полному оцерковлению государства, т[о]е[сть] к тому, чтобы государство стало Церковью, совпало с Церковью, — невозможно, точно также, как нельзя превратить в Церковь союз художников, научное общество, торговую контору или

калошную фабрику. Государство имеет свои совершенно определенные, жизненно необходимые и чисто земные цели и задачи и вне осуществления этих целей и задач вообще не существуют. Из всего этого, однако, конечно еще не следует, чтобы Церковь совершенно не должна была интересоваться государством, и чтобы для Церкви было безразлично, то, что происходит в государстве и с государством. Обращаясь к личности и стремясь к ее полному оцерковлению, Церковь не может не обращать своего внимания и своей оцерковляющей, преображающей работы и на те стороны личности, которые пассивно или активно участвуют в создании, развитии или поддержании существования государства. Волевые флюиды, активные и пассивные, центростремительные и центробежные, игрой своих столкновений, притяжений, отталкиваний и соотношений образуют на данной государственной территории очаг государственной жизнеустроительной энергии; эта энергия, конденсируясь, как бы отделяется от породивших ее личностей и как бы приобретает независимое от них существование (но только «как бы», ибо на деле она продолжает питаться упомянутыми волевыми флюидами и вне их действия не существует); сфера действия этого волевого очага и есть государство. Но флюиды, порождающие этот волевой очаг, исходят из личностей, и каждый из них несет на себе отпечаток той личности, из которой он исходит. УчERVковляя и преображая всю личность, Церковь изменяет в определенном направлении и печать этой личности на исходящем из этой личности волевом флюиде, а следовательно влияет и на характер того государственно-волевого очага, который создается в результате взаимодействия всех этих флюидов. При полном и подлинном учERVковлении всех личностей (или наиболее сильных в государственно-волевом отношении личностей) данной государственной территории, волевые флюиды этих личностей примут такой характер, что порожденный этими флюидами государственно-волевой очаг «власти» в своей деятельности не будет уклоняться от христианских принципов, во всяком случае, будет от них уклоняться только ровно настолько, насколько это вообще при данных условиях по человечеству «неизбежно» (на земле ведь живешь, не на небе!). И наоборот, если государственная власть грубо и явно уклоняется от христианских принципов и проявляет антицерковное направление в своей деятельности, то это указы-

вает на то, что уцерковление личностей в этом государстве недостаточно полно и сильно. Ответственность за это лежит на личностях (частночеловеческих и народных), а не на государстве, которое, как не-личность, безответственно. Божья кара за это постигнет именно личностей, и если кара эта выразится в крушении или гибели государства, то пострадают от этой кары именно личности (отдельные люди и народы), которые лишаются государства, т[о] е[сть] определенного земного блага (а в земном плане кара есть всегда лишение какого-нибудь земного блага). При таких условиях ясно, что Церковь не может призывать к активному сопротивлению против власти или к неисполнению законов и распоряжений, исходящих от власти. Такое сопротивление было бы паллиативом, борьбой с симптомами, а не с болезнью. Ибо самый тот факт, что данная безнравственная и богопротивная по направлению своей деятельности власть существует, самый этот факт свидетельствует о недостаточном оцерковлении значительных в государственном отношении частночеловеческих и народных личностей данного государства. А следовательно, борьба с этим злом должна и может заключаться только в усилении уцерковления личностей.

Таково, по-моему, отношение Церкви к государству. Церковь не может ставить себе задачи уцерковления государства (в смысле превращения государства в Церковь), ибо эта задача невыполнима. Церковь не должна поставлять себе целью и максимальное приближение направления политики власти к христианским принципам, ибо это приближение не может быть целью, а есть только признак осуществления настоящей цели Церкви (по крайней мере, ее земной цели) — уцерковления личностей. Но, в то же время, Церковь знает, что государственная власть направлением своей деятельности оказывает влияние на все личности данного государства, и что при известном направлении этого влияния основная задача оцерковления личностей может быть значительно затруднена. Поэтому, Церковь заинтересована в том, чтобы направление государственной власти не было антицерковным, и должна обращать особое внимание на оцерковление тех личностей (правителей, представителей правящего «отбора», правящих народов), которые в государственно-волевом отношении особенно значительны и своими флюидами «сильнее», чем другие, оп-

ределяют характер и направление деятельности государственно-волевого очага. Здесь, конечно, нужно хранить меру. Для Церкви всякая личность имеет абсолютную ценность, независимо от ее земной роли в жизни государства. Церковь не должна сопрягаться с той или иной государственно-значительной личностью или социальной группой. Не должна, — чтобы не превратиться в земное орудие династической, классовой, или националистически-ассимиляторской политики. К тому же земная власть брэнна, государственно-волевые очаги преходящи и перемещаются от династии к династии, от класса к классу, от народа к народу. А Церковь вечна, непреходяща и не должна привязываться к преходящему. Но, в то же время, особое внимание к оцерковлению значительных в государственно-волевом отношении и близко к очагу стоящих личностей практически необходимо и вполне законно. Тут все зависит от меры, от верного чутья. Это — единственная область допустимой для Церкви политики. Но политика эта не обычная, человеческая. Она никогда не должна обращаться в самоцель и не должна мешать выполнению прямых задач Церкви. Внимание к сильным не должно препятствовать обличению их, хотя бы это обличение могло привести к размолвке.

• Что касается до отношения государства к Церкви, то все зависит от того, считает ли государство оцерковление личностей для себя вредным или полезным. Та государственность, к которой стремимся мы, оцерковление личностей считает полезным. В мыслимой нами государственности государственно-волевой очаг власти определяется преимущественно «флюидами», исходящими от вполне оцерковленных или находящихся на пути к оцерковлению личностей. Поэтому власть в «нашем» государстве должна дать Церкви фактическую возможность оцерковлять людей и народы и должна предоставить Церкви свободу обличения с тем, чтобы обличение это было в указанных выше естественных для Церкви рамках, т[о] е[сть] не переходило в призыв к неповиновению или восстанию. В общем, программа Карсавина (стр[аница] X-XI) вся приемлема и является самой удачной частью всей записки.

Выше я сказал, что границы государства фактически могут не совпадать с этнографическими границами. Мы знаем народы, распределенные по нескольким государствам (немцы, в прежнее время — поляки), знаем государства, обнимающие несколько

совершенно различных национальных личностей (Великобритания, прежняя Австрия, прежняя Турция) или объединяющие части нескольких различных народов (Швейцария). Но, конечно, наиболее естественным и идеальным является тип такого государства, которое включает в себя полностью одну этнографическую личность. Россию-Евразию мы мыслим именно так, ибо исходим из убеждения, что между разными народами, ее населяющими, существует внутреннее духовное родство, позволяющее им объединиться в одну хоровую личность. Далее, в идеальном, с нашей точки зрения, государстве вся хоровая личность населения в то же время составляет и персональный состав Церкви (поместной, а следовательно, по Карсавину, вселенской), т[о]е[сть] в отношении «человеческого материала» (лучше — человеческой субстанции) государство и Церковь совпадают. При такой идеальной комбинации (т[о]е[сть] когда государство и Церковь «персонально» совпадают и сфера радиации государственного очага обнимает цельную хоровую личность) возможна особая полнота жизни личности и особенно совершенное культурное творчество. Такое идеальное государство имеет живой личный субстрат, и отношения между Церковью и государством в этом случае будут подобны отношению между совестью и практической волей хоровой личности. Россия-Евразия должна стремиться к этому идеалу. Но пока он не достигнут, надо считаться с тем, что не все народы, входящие в состав России-Евразии принадлежат к Православной Церкви. Иноверные евразийские народы не имеют (в силу своего неправославия) полного и полного выражения своей совести, ибо всякая неистинная религия (а нет истинной религии, кроме Православия) способна выразить совесть национальной личности только неполно, ущербленно. Тем не менее надо считаться с фактами, т[о]е[сть] с тем, что другого выражения их совести кроме неполного, даваемого их религией, эти иноверные евразийские народы не имеют. И, как с волей (волевыми флюидами этих народов) Россия-Евразия считаться должна, так должна она считаться и с их совестью, пусть неполно выраженной, но все же выражаемой только их религиями. Поэтому, кроме своего отношения к Православной Церкви, евразийская государственность должна определить и свои отношения к нехристианским религиям, существующим на территории Евразии, и при определении этих отношений надо исходить из то-

го положения, что религии эти интересуют евразийскую государственность именно как (хотя бы неполные, но пока единственные) выражения совести соответствующих национальных личностей.

Как видите, критика записки Карсавина разрослась у меня в целый трактат. Конечно, этот трактат не заменяет собой записки Карсавина. Но если Вы и П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] с моими доводами согласны, то надо соответственно переработать записку Карсавина. Думаю, что записка, носящая официально декларативный характер, должна быть анонимна (т[о]е[сть] носить подпись С[овета]Н[ефти]²). Во всяком случае, надо считаться с тем, что подпись Карсавина может оказать на многих нежелательное впечатление, в силу того предубеждения, которое создалось против Карсавина после его выступления на чествовании памяти патриарха Тихона, и которое, по свидетельству П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого], очень сильно, даже в расположенных к нам кругах, напр[имер], Брюсселя³.

Что касается до вопроса об издании специального православно-го журнала, то ответ П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] и мой оба сводились к тому, что дело только в деньгах, а в принципе мы согласны и на толстый журнал, и на тоненький. По-моему, ответ этот вполне определенный.

К сожалению, в силу болезни Веры, я не имею возможности размножить это письмо. Поэтому, если вы считаете нужным его разослать кому-нибудь (целиком или в выдержках), то уж размножьте его сами. Если размножите, то одну копию пришлите и мне.

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.

30 ноября 1925

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой]

P.S.: Что такое Урусов?⁴

1 Речь идет о бракосочетании Сувчинского с В.А. Гучковой.

2 Евразийства.

3 Праги.

4 Возможно, речь идет о князе Л.В. Урусове (1877–1933), дипломате, в эмиграции проживавшем в Париже.

65 11 декабря 1925 года

Дорогой Петр Петрович!

Пересылаю Вам «СН»¹ в ответ на ваш запрос об урусовском журнале², — опять с просьбой размножить, если Вы сочтете нужным.

Добавить могу еще, что Акацатова (псевд[оним] «Антонов») хорошо знает еп[ископ] Вениамин. О том, каким способом с ним войти в контакт, можно вывести в кругах близких к Посл[едним] Нов[остям] и Дням.

Записка о народном просвещении в общем хороша (кто ее составил? Не узнаю слога). Я бы внес только две поправки. Во-первых, — математику не надо обижать: наука хорошая. Это место надо мягче выразить. Во-вторых, — очень опасная фраза, что плоха в школе только большевистская политика, а евразийская будет хороша. По существу это верно, но может подать повод ко всяким пересудам, — даже в замкнутой евразийской среде, не говоря уже о том, что отдельные экземпляры Хроники могут попасть и в посторонние руки. Опять-таки, надо смягчить редакцию.

В каком положении печатание книги Хомякова? Пора бы ей и выйти.

Вера все еще лежит, хотя уже может немножко ходить. Выздоровление идет нормально, но не так быстро, как это предполагали сначала. По-видимому, легкое повреждение спинного позвонка все-таки было. Когда она начнет выходить, ей придется проделать курс лечения и электризации. Скучная история...

Событие дня у нас — неожиданное исчезновение о. Диодора Колпинского. Все время он был в сравнительно хорошем виде. У нас давал уроки, после уроков оставался ужинать и сидел до поздней ночи, ведя евразийские и лингвистические разговоры. Но последний раз, что он у нас был (2-го декабря) он отказался остаться на ужин, ссылаясь на то, что плохо себя чувствует. В этот же день Вера просила его прийти ее поисповедовать и причастить, т[ак]к[ак] хотела воспользоваться своим вынужденным бездельем, чтобы поговорить. Он отказался, сказав, что у него не осталось Святых Даров, — что нас несколько удивило. На Введение он отменил обедню по случаю болезни. В субботу и воскресенье (6-го) службы тоже не было, — по той же причине. Во вторник (8-го) я по-

шел к нему утром, чтобы справиться о его здравии, и тут узнал от его квартирохозяев (русских), что он вчера (7-го) неожиданно *навсегда* уехал из Вены, неизвестно куда. Он оставил все в порядке и массу детальных распоряжений по приходским делам. Оставил и книги, свои и взятые на прочтение, причем опять-таки с достаточными указаниями, кому что передать. Словом, все обдумал и тщательно приготовил. Оставил он также письма. Одно письмо — всем прихожанам, помечено 2-м декабря, в котором просит простить его за причиненное огорчение, но заявляет, что иначе поступить не мог, ибо в жизни его неожиданно произошел полный перелом и какое-то такое событие, которое он не может не рассматривать как перст Божий; просит не гневаться на него и не осуждать, а лучше просто считать сумасшедшим. Куда он едет и зачем, — не пишет, говорит только, что не может не ехать, что исполняет волю Божию и свой христианский долг. Другое письмо, на имя Михайловского, столь же туманно и неопределенно и представляет сумбурную смесь поручений и указаний практического характера с какими-то религиозными поучениями. Ходят слухи, что он вновь перешел в католичество под влиянием какого-то видения, которое явилось ему при молитве перед образом Мадонны в одном из венских костелов. Но слухи эти не проверены и, вобщем, неизвестно, откуда они взялись. Во всяком случае, в его письмах все время говорится о христианах и христианстве, но ни разу не упоминается Православие. О Богоматери тоже какие-то невразумительные слова. Возможно, что он действительно впал опять в латинскую преlestь, но, одновременно, очень похоже и на то, что он спятил с ума. Ведь еще за неделю до написания им письма прихожанам мы с ним разговаривали о противокатолическом журнале...

Как бы то ни было, приход наш опять без настоятеля, и это — перед самыми праздниками. В письме к прихожанам Колпинский упоминает, что написал митрополиту Евлогию, прося его назначить на его место достойного пастыря. На днях будет общее собрание прихода, которое, надеюсь, вынесет аналогичное постановление (существует тенденция в пользу закрытия прихода, но мы ведем контр-агитацию и почти наверняка одержим верх). *Очень прошу Вас поговорить с Евлогием и просить его назначить нам хорошего настоятеля. Всецело полагаюсь на архипастырскую мудрость Евлогия. Ведь теперь нам*

стало ясно, насколько он был прав, когда не хотел назначать к нам Колпинского.

Обнимаю Вас

Целую ручки Вере Александровне

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой]

¹ Циркуляр Совету нефти (евразийства).

² Возможно, речь идет о журнале «Борьба за Россию», в редакционном совете которого участвовал Л.В. Урусов.

66 31 декабря 1925 года

Дорогой Петр Петрович!

Только что вернулся из Праги. О ходе наших совещаний подробно расскажет Вам Кролинский¹. Я со своей стороны хочу только поделиться впечатлениями.

Общее впечатление — благоприятное. Я съездом доволен. Трудно предугадать, что выйдет из новых отношений с Трестом. Будущее покажет, имеем ли мы дело с шантажем или с чем-то другим. Но нельзя не признать, что наши отношения с трестом после принятых решений приняли более нормальную и определенную форму. Если же все пойдет благоприятно, то окажется, что достигнут большой результат — образование самостоятельной нефтяной организации в Аргентине². Что ни думать о Тресте, — Денисов,³ во всяком случае производит впечатление человека искреннего. Мне он за этот приезд очень понравился. Расспросите о нем Кролинского: они больше всего общались друг с другом. Очень хорошее впечатление произвел на этот раз и Липский⁴. Он предан Тресту, но, в то же время, очень предан и нам, проявляет некоторое искреннее преклонение перед основоположниками, и мне кажется, что наш авторитет способен перевесить авторитет Треста в его глазах. Шмидт⁵ слегка разложен бездельем: балагурит и похабит с неприятным оттенком какого-то нервного тика. На кредитные⁶ темы все же удалось с ним поговорить. Конечно, очень сильно влияние Леонтьева, но есть у него и ценные мысли. Элкин⁷ находился все время в состоянии пафоса активизма, но, в связи со всеми нашими прежними разговорами, явно старался этот пафос в себе

подавить, так что пафос у него скорее изредка выскакивал, а не носил того характера доминирующего состояния, который проявлялся прежде. Он написал, по-моему, очень интересную статью о современной русской литературе с исторической и географической точки зрения (подход оригинальный и, по-моему, очень ценный; я бы только считал, что четкость и оригинальность еще выиграла бы, если бы очистить статью от всякого эстетического подхода, сделав ее таким образом чисто спецкой⁸), и работает над чисто географической статьей, к которой составил чрезвычайно интересные таблицы. Семинар его в Праге привлекает всеобщее внимание и носит характер серьезного центра научной работы. Удалось привлечь широкие академические круги, и по своему значению в умственной жизни Праги этот семинар действительно оставил далеко за собой прежний экономический семинар Струве. Ознакомившись со статьями П[етра] Н[иколаевича] и с деятельностью его семинара, я прямо сказал ему: «вот — результаты основания второго отдела» и П[етр] Н[иколаевич], кажется, со мною согласился. У меня впечатление, что он искренно старается подавить в себе пафос гипертрофированного активизма, хотя это для него и трудно. Срывы в этом отношении, повторяю, только эпизодические. Так например он нет-нет да высказывает намерение непременно ехать в Аргентину,⁹ чтобы кого-то чем-то заразить; но очень быстро соглашается, когда ему доказываешь всю нецелесообразность этого акта, особенно в данный момент.

В функционировании хоровой личности мною замечены опять некоторые нежелательные симптомы, подлежащие устранению. После того, как в начале лета все были настроены против Элкина, а в конце лета — все против Вас, теперь намечается поворот всех против Пенни.¹⁰ Это, конечно, легче исправить, т[ак]к[ак] объект недовольства не принадлежит к тройке, но все же исправить необходимо и притом в срочном порядке. Недовольство проявляют Шмидт, Элкин (в слабой степени) и Липский; Денисов не высказывался, но, вероятно, чувствует то же самое. Я постарался реабилитировать Пенни насколько мог и, кажется, кое-чего в этом направлении достиг. В крайней форме оценка Пенни, даваемая Липским, сводилась к тому, что Пенни вообще совсем не нефтяник,¹¹ кредита¹² никак не воспринимает и примазался к нефти¹³ только из личных карьерных соображений, а между тем фактически заправляет

всем и проявляет тенденцию к личной диктатуре. Шмидт не только не возражал, но скорее поддакивал. Я выставил в противовес такую характеристику. Пенни — человек устава, и в этом отношении очень приближается к тому типу туранского менталитета, который я обрисовал в своих «туранских элементах». Он по своей природе всегда будет строго-ортодоксален. Устав ему органически необходим. Старый устав, по которому он жил до встречи с нами, его больше не удовлетворяет, и он искренно хочет принять наш устав. Но требует он, чтобы устав этот был готовый и предусматривал все, так же, как тот старый устав, по которому он жил до сих пор, предусматривал каждую пуговицу. Неудобства, которые он (Пенни) испытывает в новом уставе, состоят именно в том, что целый ряд пуговиц не предусмотрен, а сам Пенни предусматривать их не желает и не может (по-турански). По мере того, как наш устав детализируется, уменьшается и число этих неудобств, и Пенни все плотнее входит в рамки нефтяного устава. Когда поднимается дискуссия, Пенни всегда становится на крайне правый фланг и защищает либо то положение, которое менее всего отличается от ходячего общепринятого, либо то, которое уже ранее было высказано кем-либо из нас (в этом — радикальное отличие от Шмидта). Но как только дискуссия кончена, и он увидит, что мы приняли какое-нибудь новое положение, так он сейчас же вписывает это положение в устав и держится за него с непоколебимой ортодоксальностью. О том, чтобы он фактически заправлял всем, говорить не приходится, ибо именно он наиболее легко поддается влиянию всех нас (не только ~~тройки~~ основоположников, но и Шмидта). Кролинский,¹⁴ которого считают креатурой Пенни, фактически втянут в орбиту Вашего влияния. — Кажется, мне удалось внедрить все это в сознание Липского и Шмидта. Но, как всегда бывает в таких случаях, следует признать, что нет дыма без огня, и что поведение Пенни действительно дало повод к нареканиям. У него есть тенденция распоряжаться и командовать. С Элкиным он положительно нахален. Просьба Элкина об увеличении ассигновки на Прагу была совершенно закономерна, а Пенни ее не удовлетворил, и в результате Элкину приходится тратить на дело собственные деньги, что совершенно недопустимо, т[ак]к[ак] он получает очень мало и живет по-беженски, гораздо беднее, чем все другие члены не только С[вета]П[яти], но и С[вета]С[еми]. Не удовлетворил

Пенни также и другой совершенно законной просьбы Элкина — об уплате расходов на путешествие и на пребывание в Праге Ухтомского.¹⁵ Я вообще буду писать Пенни и постараюсь в мягкой форме привести его в порядок.

Было у нас и совещание о проекте православного журнала, совещание в составе П[етра] Н[иколаевича Савицкого], Флоровского, Бенедиксена¹⁶ и меня. Обсудили наши возможности применительно к обоим проектам (толстому и тонкому журналу). Выяснилось, что толстый журнал нам вполне под силу; тонкий же издавать мы можем, но с гораздо большим трудом (финансовая сторона не обсуждалась, но с финансовой стороны точки зрения дело, несомненно, обстоит так же: толстый журнал обойдется дешевле, чем тонкий). Бенедиксен и Флор[овский] настаивали на толстом журнале и по всему видно было, что тонкому они не сочувствуют. Но в разговоре с П[етром] Н[иколаевичем Савицким] (после этого совещания) мы пришли к убеждению, что толстый журнал был бы роскошью. Собственно, он доставил бы удовольствие только нам, а пользы от него было бы сравнительно очень мало. Ведь нельзя закрывать глаза на то, что специально богословские и церковные статьи Временника менее всего читаются. Для читателей по ту сторону рубежа нужны брошюры типа «Науки и Религии», а углубление богословских и церковных тем для них, по-видимому, еще преждевременно. Что же касается до тонкого журнала, то он насущно необходим. Т[аким] о[бразом], рисуется такая картина: толстый журнал, хотя бы и был бы нам очень приятен и легко выполним, является роскошью в данный момент излишней, тонкий же необходим, но сопряжен с большими трудностями. Спрашивается только, действительно ли эти трудности непреодолимы? Думаю, что нет. Но, во всяком случае, после памятного совещания ясно, что на пражан рассчитывать нечего. Есть ли у Вас подходящие люди в Париже? Мы с П[етром] Н[иколаевичем Савицким] представляем себе постановку дела так: 6N^oN^o в год; каждый N^o — в 3 листа из коих 1½ листа статей и 1½ листа — информация. Информация конденсированная, но не в сыром виде (как было в Вестнике Православия), а в образованном и оживленном. Статьи тоже максимально-сжатые и максимально-оживленные. Учености поменьше, но, в то же время, отнюдь без дилетантизма.

Все это требует массу редакционной работы, и нужен человек (а м[ожет]б[ыть], и несколько), занимающийся специально только этой работой. Напишите, что Вы обо всем этом думаете.

Самое сильное и интересное впечатление от пребывания в Праге это — Шубин.¹⁷ Важно тут прежде всего реальное ощущение соприкосновения с особенным миром, с нарождающимся новым человеком. Во-вторых, для нас интересно, что, будучи чрезвычайно мало знаком с нашими произведениями, Шубин сам, своими совсем особыми и оригинальными путями пришел приблизительно к тем же выводам, что и мы. Но всего интереснее сам Шубин. Физиономия слегка женоподобная. Растерянная улыбка. Вид, что называется, придурковатый. Говорит потрясающие наивности. Напр[имер], в таком роде: «...Да! Вот я совсем было забыл Вас спросить еще об одном: как по-Вашему надо создавать культуру?...» или еще другой раз: «...спросить, чтобы не забыть: как надо управлять народом?» Или: «очень часто бывает, что научным путем придешь к такому выводу, который, как потом оказывается, давно уже существовал в религиозной литературе: это, конечно, показывает, что религия вобщем шла правильным путем...» Такие изречения у него на каждом шагу. Временами он поражает свои необразованием: никогда не слышал про инквизицию, не знал, что арабы — семиты. Читал поразительно мало и без плана. До всего «дошел сам». Но замечательно, что действительно «дошел». Быстрота схватывания и понимания у него прямо поразительны: мысли почти не приходится развивать, ибо он понимает с полуслова даже самые новые для него мысли и сразу сам доказывает. Но и его собственные мысли порою просто почти гениальны. Я одно время думал: не сумасшедший ли он? У него странный взгляд; описать трудно, но какой-то странный. А ведь бывают сумасшедшие с отдельными гениальными мыслями. Но у него замечательна при этом общая стройность построения, ясность, четкость и строгость в развитии каждой отдельной мысли и всей системы. По-видимому, это действительно — самородок и притом крупного масштаба. Его записки (настоящей: летняя была не его) я не читал: она очень длинная и мелко исписана. П[етр] Н[иколаевич Савицкий] ее читал и говорит, что она потрясающая. Отдельные места он мне читал: действительно здорово. Вместе с этим гениальность там вперемежку с наивностью. П[етр] Н[ико-

лаевич Савицкий] хочет очистить ее от наивностей и в таком очищенном виде перестукать на машинке. Тогда и я ее прочту. Вам же будет прислан самый оригинал, неочищенный от наивности, чтобы Вы могли создать себе о Шубине личное впечатление. М[ожет] б[ыть], из его записки (вся она очень длинная — 500 мелко исписанных почтовых листков прибол[изительно] такого формата, как это мое письмо) можно будет выкроить статью для Временника. — Особенности идеологического пути Шубина состоят в том, что он отправляется не от богословия или философии, а от биологии. Конечно, тут есть некоторые соблазны и уклоны, но в общем замечательно все-таки то, что получаются выводы не вульгарно-биологического, а идеалистического типа (основой общественной жизни не только людей, но и животных оказывается, напр[имер], не эгоизм, а самопожертвование, и т[ак] д[алее]). В религиозном отношении он (как и другие члены его группы) стоит еще на низших ступенях. Он говорит, что прежде был совсем атеистом, теперь же признал существование Бога, но «еще не принял канона» (его выражение). Видимо стремится принять и «канон», но пока просто мало знает. Очень оригинальны его суждения о евразийстве. Он считает, что евразийство не есть философская, научная или политическая система, а *религия*. «Атеисту трудно сразу стать православным, а евразийцем он стать может; первое время евразийство заменяет ему религию, а потом постепенно введет и в православие». К большевизму отношение тоже оригинальное: он резко отталкивается от марксистской идеологии, но к организационной части относится положительно сочувственно. Я заметил это с первого же разговора. А потом Денисов,¹⁸ которому я этого моего наблюдения не сообщил, сам обратил мое внимание на это обстоятельство и сказал, что такое отношение к большевизму вообще характерно для всей молодежи, имеющей вкус и волю к строительству. Думаю, что это хорошо объясняется по схеме феноменальной революции Л[ьва] П[латоновича] К[арсавина], и свидетельствует о том, что мы здесь имеем дело именно с последней стадией, — с образованием настоящего правящего отбора. Ведь революционеры и либералы прежней формации (Керенский, кн[язь] Львов) относились к самодержавию совсем по-другому: отрицали огулом все, не только идеологию, но и самую технику строительства, т[о]е[сть] в конце концов самый принцип

всякого властвования. Что проистекало от того, что у них не было вкуса к власти и к положительному строительству. Теперь же зарождающийся новый правящий отбор отталкивается лишь от идеологии фанатиков-утопистов и от этической установки уголовников, стоящих у власти, но не от элементов строительства, присущих этой власти. Выражаясь терминами Шмидта,¹⁹ эту молодежь в большевизме привлекают элементы конструктивизма (я не говорил этого Шмидту, чтобы он не зарывался, он склонен к гипертрофии конструктивизма). Характерно, что Шубину не нравятся некоторые лозунги Элкина,²⁰ напр[имер] «собственность — всем». Он говорит, что такими лозунгами серьезных людей теперь не привлечешь: будут считать, что это — завлекательство. Если сказать «буду держать вас в ежовых рукавицах», то это скорее привлекает, — конечно, если только при этом будут чувствовать, что этими ежовыми рукавицами «наладят дело». — Для меня теперь ясно, что между нами и революционерами есть принципиальное формальное различие, и что именно это делает нас возможными идеологами нового правящего отбора. Различие именно в отношении к той власти, которую собираешься свергнуть: мы должны к ней относиться иначе, чем революционеры и либералы относились к старому режиму. Это — наш плюс, ибо другие относятся к советской власти совершенно так, как прежние революционеры к старому режиму.

Вообще, общение с Шубиным дало мне массу нового и ценного. Очень жалко, что Вы не могли получить того же.

Лингвистическая статья вышла у меня такая громадная, что придется ее сокращать чуть ли не вдвое. По поводу вышеупомянутой статьи П[етра]Н[иколаевича Савицкого] хочу еще сделать следующее замечание: П[етр]Н[иколаевич] вводит интересное понятие литературной колонизации России. Проследивая по карте географическую локализацию отдельных литературных произведений, он устанавливает, что одни области литературно-колонизованы густо, другие — плохо, и что это направление колонизации в разные эпохи различно: напр[имер] одно время усиленно «колонизовали» Кавказ, а за последнее время — Поволжье; Туркестан почти совсем не колонизован. Интересно было бы проделать то же самое относительно музыки. Мне кажется, что «музыкальная колонизация» до сих пор охватывала Крым, Кавказ

и отчасти Туркестан, но Поволжье (иностранческое) совсем не тронуту, и Украина тоже колонизована плохо. Подумайте над этим и подберите материал. М[ожет]б[ыть], следовало бы сделать соответствующее примечание к статье П[етра]Н[иколаевича]. Потом, в той же статье есть еще интересная мысль о смене искусства во главе угла русской культуры: в допетровскую эпоху и вплоть до начала XIX-го века во главе угла стоят — живопись и архитектура, а литература плетется в хвосте; с 40-х годов XIX-го века во главе угла стоит литература, а архитектура и особенно живопись отступают на задний план; начало XIX-го века — переходная эпоха в этом отношении. Я бы к этому добавил еще и то, что прежде литература находилась под влиянием живописи (жития — иконы в словах), а в XIX-м веке наоборот (передвижники, жанристы, Репин, Васнецов, и т[ак]д[алее]). Интересно и это все сопоставить с историей музыки.

Будет ли статья Стравинского? Добейтесь, чтобы была!

Когда же выйдет Хомяков?

Почему Вы ничего не пишете? Пишите о делах и о себе!

Обнимаю Вас

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой]

•
31/XII 1925

1 А.А. Зайцев.

2 Евразийской организации в России.

3 А.А. Ланговой.

4 Ю.А. Артамонов.

5 П.С. Арапов.

6 Идеологические.

7 П.Н. Савицкий.

8 Прилагательное от слова «спец».

9 Россию.

10 П.Н. Малевского-Малевича.

11 Евразиец.

12 Идеологии.

13 Евразийству.

14 А.А. Зайцев.

15 Н.П. Ухтомский (1881–1960), после 1926 г. протоиерей Николай (Ухтомский). В эмиграции в Софии, сотрудничал с евразийцами, в частности с П.Н. Савицким, с которым поддерживал переписку.

16 Г.В. Вернадского.

17 Шубин — кодовое имя Николая Евгеньевича Козелкова, «талантливое молодое философа», который сошелся с евразийцами через «Трест». Савицкий оставил весьма интригующие записи о Шубине: «Шубин — весьма примечательный юноша... приезжал в конце 1925 г. в Прагу из Москвы с Ланговым» (ГАРФ. Ф. Р-5783. Д. 359. Оп. 1. Л. 136); «Шубин — очень самобытный и большой мыслитель, о котором и сейчас не считаю себя вправе сообщать дальнейшие сведения. П[етр]Н[иколаевич] С[авицкий]. 17/1/1937» (Там же. Д. 363. Оп. 1. Л. 73). В основанном на подборке архивных документов романе советский писатель Лев Никулин сообщает: «По пути в Прагу к Ланговому присоединился некто Козелков-Шубин, молодой человек с „философским уклоном“». «Это был, — говорил Ланговой, — психопат или просто путаник. В Праге я рекомендовал его профессору Савицкому, видному деятелю эмиграции, для философских бесед, уверенный, что он разберется в „идеях“ Козелкова. И услышал такой отзыв Савицкого: „По-видимому, в нем есть состав гениальности“» (Никулин Л.В. Мертвая зыбь. Петрозаводск: Карелия, 1987. С. 65). Трактат Козелкова «Соображения о жизни» сохранился в архиве П.Н. Савицкого.

В 1926 г. Козелкин был привлечен В.И. Вернадским к работе в Отделе живого вещества Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС); увлекался философией, написал трактат «Учение о жизни», который В.И. Вернадский нашел небезынтересным. По имеющимся данным, Козелкин был арестован весной 1927 г., обвинен в контрреволюционной деятельности и после закрытого суда расстрелян 6 сентября 1927 г. В дневнике В.И. Вернадского есть такая запись за 1928 г.: «О Козелкине — если можно верить — он сл(нрзб) пантеистическое [настроение — но связан с христианскими] кружками. Этим путем многие приходят. Как будто сослан в Соловки. Не знаю, насколько верно» (<http://www.srcc.msu.su/uni-persona/site/authors/vernadsky/1928.htm> [последнее обращение — 4 апреля 2009 г.]). Комментатор благодарен М. Байсвенгеру за содействие в идентификации архивных материалов о Н.Е. Козелкине.

18 А.А. Ланговой.

19 П.С. Арапова.

20 П.Н. Савицкого.

67 3 января 1926 года

Дорогой Петр Петрович!

Получил присланный Вами ответ Л[ьва]П[латоновича] К[арсавина] на мои замечания по поводу его записки. Судя по тону, он на меня обиделся. Это очень глупо.

Тем более, что в целом ряде пунктов я критиковал не его мысли, а его записку, т.е. неудачное, по моему мнению, словесное выражение его мыслей.

Но все равно — теперь надо решить, что делать дальше. Полемизировать на эти темы можно и дальше до бесконечности, но вряд ли это целесообразно. Все зависит от того, для какого конкретно употребления предназначается записка Л[ьва]П[латоновича] К[арсавина]. Из Вашего препроводительного письма я так и не понял, что Вы собирались с этой запиской делать, и за чью подписью она пойдет (и куда?). От этого зависит все. Если эта записка — наш официальный манифест, то ее нужно в корне переработать, выбросив из нее все спорное и разъяснить все, что выражено двусмысленно и неясно. Надо различать «доксу» и «догму». У Л[ьва]П[латоновича]К[арсавина] есть свои частные мнения (доксы), которые вполне могут ужиться с такими же доксами других евразийцев, не создавая противоречий, но не могут быть возведены в догму. В частности, мы не можем солидаризироваться с его пантеизмом и с характерной для него эквилибристикой над краем преисподней (особенно характерен его ответ на первый пункт моих возражений: выходит, что утверждать сатанинскую сущность масонства есть диаволопоклонство, а считать Дзержинского церковным — подлинно православная точка зрения; как согласовать все это с фактом анафематствования, отлучения от Церкви, со словами Христа, что князь мира «во мне не имеет ничего» и т.д.?). Уверяю Вас, что если мы подпишемся подо всем этим, то отпугнем от себя не только еще не примкнувших к нам, но и уже примкнувших. Итак, если эта записка должна быть нашим манифестом, ее надо основательно переработать. Я бы взялся это сделать, приняв во внимание ответы Л[ьва]П[латоновича]К[арсавина], показывающие, что во многих случаях наш спор основан на недоразумении. Но для такой переработки мне прежде всего нужно иметь в руках самый текст (а я его Вам отослал), и, во-вторых,

знать, для какого читателя эта записка предназначена, и в какой форме будет этому читателю поднесена. Если же записка будет носить характер частного мнения Л[ьва]П[латоновича]К[арсавина] и будет снабжена его подписью, то конечно перерабатывать ее нам невозможно, а можем мы только добиться от самого Л[ьва]П[латоновича]К[арсавина], чтобы он в ней кое-что вычеркнул и кое-что разъяснил; но добиться этого можете только Вы путем Вашего дипломатического искусства, у меня же, вероятно, ничего не выйдет, как показывает факт обиженного тона ответов Л[ьва]П[латоновича]К[арсавина].

В общем, ответ Л[ьва]П[латоновича]К[арсавина] навеял на меня довольно мрачные мысли. Выходит, что П[етр]С[еменович]А[рапов] был прав, когда говорил, что у нас разработана только диагностика, а систематическая догматика совсем еще и не начиналась. Ведь в самом деле, в области историософии все идет замечательно гладко, установилось сразу полное единомыслие и каждое суждение о философии русской истории, географии, культуры принимается всеми без возражений. Но как только выскажешь что-нибудь по общей социологии или о желательном будущем строе жизни, — так обнаруживается полный разброд и разномыслие, кто в лес, кто по дрова¹. Не знаешь, из чего исходить. В Церкви догматы выковались в борьбе с ересями. М[ожет] б[ыть], и нам следует ждать, чтобы появились ереси? Парадоксально, но похоже на правду...

Жду Вашего ответа. Ответьте прежде всего на все конкретные вопросы, поставленные в этом (и в предыдущем) письме, а кроме того, выскажитесь также и по существу тех теоретических вопросов, которые связаны с запиской Л[ьва]П[латоновича]К[арсавина].

Поздравляю Вас с наступающими праздниками и желаю всякого благополучия на новый год. Целую ручки Вере Александровне.

Обнимаю Вас.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

3/1/1926

¹ Одно из первых указаний Н.С. Трубецкого на необходимость разработки социологической и политико-правовой доктрины евразийства. В дальнейшем Трубецкой будет настаивать на привлечении специалистов в этих областях, а сам напишет несколько статей об «идеократии».

68 15 февраля 1926 года

Дорогой Петр Петрович!

С Вашими суждениями о «Хронике» вполне согласен¹. Написал П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому] письмо, в котором подробно развил все эти мысли притом в очень решительной, местами даже резкой форме. Думаю, что *на меня* он не обидится. Кроме указанных Вами пунктов я остановился еще на некоторых: особенно напер на то, что словесное выражение всего отдела о нац[иональной] орг[анизации] дает основание предполагать, что таковая фактически уже существует и что это и есть тот существующий факт, на который мы опираемся; у читателя это должно породить странное впечатление, ибо, когда такие организации создают, о них не говорят, а раз говорят, то либо это несерьезно, либо это провокация; далее указал на неудачность самого заглавия (после «столпа злобы богопротивной» со словосочетанием «что делать» связаны дурные ассоциации), на неудачность фраз, касающихся духовенства, создающих впечатление, будто мы хотим сделать духовенство каким-то политическим орудием и т.д. ... Словом, повторяю, наговорил кучу неприятностей. Письмо закончил так: «Все это пишу Вам. П[етру]П[етрови]чу написал только, что по тактическим соображениям советую ему последнего № „Хроники“ не распространять, а сегодня напишу ему кратко в конспективной форме, какие именно места помянутой статьи меня смущают, и почему, а также укажу на то, что в появлении этой статьи отчасти виновен и я, т[ак] к[ак], имея формальную возможность ознакомиться с нею до ее появления, этой возможностью не воспользовался^{*}. Остальным писать ничего не буду, дабы не вызывать опять впечатления разлада внутри тройки.

^{*} «Дело в том, что в Брюсселе П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] предлагал мне прочесть первые листы Хроники, которые тогда были уже отпечатаны. Я отказался, ссылаясь на то, что здесь некогда. При этом я почему-то полагал, что там будет только развита идея правящего отбора, но, разумеется, без упоминания нац.[иональной] орг.[анизации] и без разсуждений о форме правления. Отчасти мы все повинны, ибо о своем намерении напечатать в переработанном виде свой проект мемор[андума] в Хронике П[етр] Н[иколаевич]С[авицкий] сообщил нам давно». — *Примеч. Н.С. Трубецкого.*

Но вместе с тем что-то предпринять, по-моему, следует, ибо опасность вполне реальна. Зная Шмидта², полагаю, что он отнесется к этой статье так же, как и я, а м[ожет] б[ыть], еще более отрицательно. Что же касается до Пенни³, то, будучи предоставлен самому себе, он может уклониться в сторону именно того превратного толкования этой статьи в духе вульгарного монархизма, которого я особенно опасаясь, и в союзе со своим попутчиком⁴ и с ухаживающим за ним лидером тамошних зингерианцев⁵ натворит всяких ужасов. Необходим какой-то разъяснительный комментарий, но исходить он должен не от меня и не от П[етра]П[етровича]С[увчинского], а либо от нас трех, либо от Вас лично. Такие же комментирующие указания должны быть преподаны и ответственным работникам. Надеюсь, что Вы не обидитесь на меня за это письмо, но я счел своим долгом высказать Вам лично все, что думаю, и именно с тою резкостью, с какою эти мысли в моем сознании существуют». — Из этого окончания моего письма П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому] извлеките указания и для Вашей линии поведения. Ради Бога, не роняйте опять престижа П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] в глазах Шмидта, Кролинского⁶, Пенни и т.д.!

Вся эта история, конечно, очень неприятна. Тем более, что за последнее время непрошенные ласки справа опять усилились. У Вас — Урусов⁷, у Пенни — какой-то местный лидер зингерианцев, чуть ли не объявляющий себя нашим сторонником, а в Югославии — Антоний, выступающий в нашу защиту и выдающий нам непрошенный аттестат политической благонадежности. Я посылаю Вам № белградской газеты со статьей Антония об нас. Прочтите там также передовицу, особенно последнюю фразу. При этом скверно то, что с Югославией связь порвана. Я просил Пенни связать меня с Гондалевичем⁸, но он этого не сделал, и я не могу осуществлять своего «мандата» на эту страну⁹.

Проект нового журнала мне очень нравится¹⁰. С приглашением Якобсона я бы пока повременил, т.к. он все-таки имеет определенную репутацию, и появление его имени в первых №№ журнала могло бы создать сразу определенную презумпцию¹¹. Но со временем его надо пригласить: он очень талантлив. Вообще же по возможности поменьше жидов. За Пастернаком особенно гнаться нечего: по-моему, он сильно преувеличен¹². Что касается до ме-

ня, то я бы с удовольствием принял участие, но не знаю, что мне писать. Готового у меня ничего нет, а времени для писания мало. Вообще же мог бы писать по народной словесности (напр. метрика частушки, метрика былин), или по древней русской литературе. В этой последней области я все это время довольно много работал (в связи со своим курсом, который против ожиданий вышел интересным) и, кажется, имею кое-что сказать.

Конечно, не знаю, насколько в новом журнале будут допустимы специальные и «сухие» исследования. Я мог бы дать таковое, напр[имер], о «Хождении Афанасия Никитина за три моря», которое хорошо проработал. Этот памятник до сих пор изучали только с точки зрения исторической, историко-географической и т.д. Между тем, он, по-моему, интересен и с точки зрения литературной и психологической (особенно, религиозно-психологической). Я подверг его формальному анализу, причем обнаружил массу интересного (между прочим, любопытно, что, кроме леоновского «Туатамура»¹³ это произведение есть единственный пример приема вплетения в русский текст татарских, персидских и арабских фраз для достижения акустического эффекта экзотики). При этом замечательно, что этот формалистический анализ помогает вскрыть эстетическое достоинство произведения, которое без такого анализа лишено для современного читателя всякой эстетической привлекательности. На этом примере можно показать, каким способом следует подходить к древнерусским памятникам, чтобы ценить их эстетически. Дело в том, что литературная эстетика др[евнего] русского читателя была совершенно другая, чем у нас теперь, и потому мы непосредственно можем эстетически «чувствовать» др[евний] русский памятник лишь в очень редких случаях. При внимательном же формалистическом анализе обнаруживаются литературные приемы автора, его конструктивное мастерство и, когда отдашь себе отчет в цели этих приемов, появляется сначала только восхищение техникой («здорово сделано!»), а затем и прямое эстетическое ценение самого памятника. Статья о «Хождении Афанасия Никитина» заняла бы страниц 20. Если бы она, как слишком специальная, не подошла, то я мог бы дать другую, более общего содержания, вообще о подходе к древнерусской литературе¹⁴.

Из сотрудников, которых можно было бы привлечь к журналу, приходит мне в голову С[ергей]О[сипович] Карцевский¹⁵, хороший лингвист с «статическим» подходом к языку и человек со вкусом. Неудобно только то, что он приятель Яковсона, и что пригласить его можно, только пригласив и Яковсона.

Не знаете ли Вы, что из себя представляет Н. Бахтин¹⁶? Его рецензия на карсавинское «О началах» в «Звене» довольно ругательная, и, вероятно, несправедливая. Но в ней, особенно в начале, есть интересные и близкие к нам мысли.

Никак до сих пор не могу выдумать темы для своей второй статьи во «Временнике». М[ожет]б[ыть], просто ограничиться одной лингвистической?..¹⁷

Очень меня интригует Ваша дружба с дядей Гришей¹⁸.

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

P.S. Только что получил открытку от П[етра]Н[иколаевича] С[авицкого], написанную еще до получения им моего письма. П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] извещает, что в воскресенье 21-го будет читать публ[ичную] лекцию (от «Народн[ого] Универс[итета]») в пограничном городке своей страны, находящемся в 1½ часах езды, и приглашает меня приехать туда для краткого свидания с ним. Это очень кстати. Непременно поеду!

Н[иколай]Т[рубецкой].

15/II/1926.

1 Записка П.Н. Савицкого под названием «Что делать» была опубликована в третьем выпуске «Евразийской хроники» за 1925 г. В связи с тем, что выпуски «Хроники» за 1925 г. стали исключительной библиографической редкостью, установить выходные данные статьи не удалось. По свидетельству участников «Треста», таких как Ю.А. Артамонов, Савицкий был наиболее радикально настроен среди всех евразийцев, пытался форсировать активную деятельность в СССР. В связи с этим возникли трения между ним и остальными лидерами евразийства.

2 То есть П.С. Арапова.

3 То есть П.Н. Малевского-Малевича.

4 «Попутчик» — вероятнее всего, Арсений Александрович Зайцов (1889–1954), полковник Генерального штаба, близкий сотрудник А.П. Ку-

тепова. В кутеповской боевой организации он заведовал сношениями с «Трестом», через него (под кодовым именем Кох) шла вся корреспонденция от резидента «Треста» в Варшаве Ю.А. Артамонова. В евразийство Зайцова привлек сослуживец по отряду Бредова П.Н. Малевский-Малевич. А.А. Зайцов написал брошюру «Комплектование Красной Армии» (Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1926) и занимался организацией «боевых дружин» евразийцев в Париже.

5 Сторонники великого князя Кирилла Владимировича. Зингер — кодовое имя великого князя Кирилла Владимировича.

6 То есть Арсения Александровича Зайцова.

7 О каком именно Урусове-монархисте идет речь, установить не удалось.

8 Лицо не установлено. Возможно, кодовое имя одного из югославских евразийцев.

9 Согласно решениям Венского конгресса — съезда евразийцев поздней осенью 1924 г., — Н.С. Трубецкой курировал евразийские контакты на Балканах вместо П.Н. Малевского-Малевича.

10 Первое упоминание о литературном и художественном журнале «Версты», который П.П. Сувчинский издавал совместно с Д.П. Святополк-Мирским в 1926–1927 гг. Вышло всего три номера. Трубецкой опубликовал в «Верстах» несколько статей.

11 Речь идет о Р.О. Якобсоне, которого П.П. Сувчинский пригласил участвовать в газете «Евразия». Якобсон принял приглашение, но предпочел печататься под псевдонимом. В свою очередь, Сувчинский участвовал в редактировавшемся Якобсоном научном журнале *Slavische Rundschau*. Многие эмигранты считали Якобсона (официально — сотрудника советского торгпредства) большевиком.

12 В другой раз, в письме к Р.О. Якобсону, Н.С. Трубецкой назвал Пастернака «эпигоном и звездой десятой величины».

13 Леонид Максимович Леонов (1899–1994) — поэт и писатель, сын поэта Максима Леонова. Повесть (фактически поэма в прозе) «Туатамур» — одно из первых произведений Леонова.

14 Статья Н.С. Трубецкого «„Хождение за три моря“ Афанасия Никитина как литературный памятник» вышла в «Верстах» (1926. Вып. 1. С. 164–186). Часть работ Трубецкого о древнерусской литературе была опубликована Р.О. Якобсоном на немецком языке: *Troubetzkoy N.S. Vorlesungen über die altrussische Literatur. Mit einem Nachwort von R.O. Jakobson*. Firenze, 1973 (= *Studia historica et philologica. Sectio Slavica*. 1).

15 Сергей Иосифович Карцевский (1884–1955) — лингвист, последователь де Соссюра, Сеше и Балли. В 1920-х гг. жил в Праге, где стал одним из видных участников пражского кружка. Вместе с Якобсоном и Трубецким подписал в 1928 г. знаменитый манифест, опубликованный в Актах

I Международного конгресса лингвистов. С 1938 г. Карцевский жил в Женеве, где занимал пост профессора Женевского университета.

16 Николай Михайлович Бахтин (1894–1950) — критик и философ, старший брат М.М. Бахтина. Н.М. Бахтин был участником Гражданской войны; находясь в эмиграции, поступил в Инстранный легион во Франции. С середины 1920-х гг. активно печатался в эмигрантской прессе, в основном с рецензиями. С 1932 г. Бахтин жил в Англии, где посвятил себя исследовательской и преподавательской работе в области античной философии.

17 В 1926 г. Евразийское книгоиздательство не выпускало «Временник», но в 1927 г. вышел сборник статей Н.С. Трубецкого, в который вошла статья «Общеславянский элемент в русской культуре» (см.: *Трубецкой Н.С. К проблеме русского самопознания*. Париж, 1927. С. 54–94). В этой статье рассматривался вопрос о взаимоотношении славянских языков, и, скорее всего, именно эту статью Трубецкой назвал «лингвистической».

18 Г.Н. Трубецким.

69 5 марта 1926 года

Дорогой Петр Петрович!

21-го февр[аля] П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] читал лекцию в Братиславе (по приглашению Рус[ского]народн[ого] унив[ерситета]). Т[ак] к[ак] город этот очень близок от Вены и даже соединен трамваем, то П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] пригласил меня туда съездить повидаться с ним, что я и исполнил. В общем, виделись 6 часов. П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] в хорошем виде. На письмо мое нисколько не обиделся. «Что делать» признает ошибкой, и разослал всем ответственным распространителям «Хроники» то разъяснительное сообщение, которое, впрочем, получили и Вы. Спрашивает, что делать дальше: отпечатать ли это разъяснение в таком количестве экземпляров, чтобы его можно было раздать всем, имеющим «Хронику», или пока ограничиться только оповещением «ответственных», а в следующем № «Хроники» напечатать это разъяснение от редакции. Я посоветовал ему сделать именно последнее, т.к. злополучный № III теперь уже роздан по рукам, очевидно несколько раз уже перешел из рук в руки, и «догнать» разъяснительным письмом практически почти невозможно. Усиленно работая над запиской Шубина для

приведения ее в удобочитаемый вид, П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] оказался вынужденным заняться биологией и прочел уже несколько книг по этой науке. У него явилось несколько интересных мыслей, и он со свойственной ему поспешностью и легко-воспламеняемостью непременно хочет писать статью на тему «биология и нефть». Я уговаривал его этого не делать, ибо как-никак это есть дилетантизм. Тема сама по себе важная и интересная, но именно поэтому не надо торопиться и делать самому то, что по существу должен сделать спец: если такого спеца еще не найдено, — надо искать, время есть. Сам я считаю новую постановку естественных наук одной из наших задач (помните, мы говорили об этом в Париже, если не ошибаюсь, при участии Ильина). Это — одна из важнейших частей более широкой задачи: создания системы наук. Кажется, мне удалось уговорить П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого]. Если он даже напишет вышеуказанную статью о биологии, то пока только именно напишет, а печатать не будет. Между прочим, в связи с этим он сообщил мне о двух интересных книгах, вышедших в России: «Номогенез» Берга (Ленинград, 1922, Госиздат)⁴ и какая-то книга по физике (не помню названия) Хвольсона. И Берг, и Хвольсон — евреи, а вместе с тем, подход их к науке религиозный⁵. Книга Берга, посвященная основным вопросам биологии, особенно интересна, т[ак] к[ак] Берг признает себя последователем Данилевского⁶ и в своих положениях развивает много мыслей, близких к нашим (особенно к моим в «Евр[опе] и Чел[овечестве]» и «Вавил[онской] баш[не]»): эта книга, по-видимому, и навела НПС⁷ [так в тексте] на мысль написать помянутую статью. К сожалению, книги Берга достать почти невозможно. В России спохватились уже, что она не материалистическая, и изъяли ее из библиотек, а вероятно также и из продажи. В Праге имеется только один экземпляр в университетской библиотеке. Попробуйте найти ее в Париже. Напишу также в Берлин, чтобы ее там поискали.

Флоровский уже успел опять разложиться и науськивает жену против нас. Для «Временника» писать не будет. Да и ну его к свиньям, откровенно говоря! — О статье П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого]⁸ по новой русской литературе Вы напрасно беспокоитесь. Я читал ее в Праге. В ней были отдельные эстетические суждения, но я посоветовал П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому]

их вычеркнуть, независимо от того, хороши ли они или плохи, просто потому, что они нарушали цельность самого построения. Он согласился со мной, и я думаю, что без этих эстетических суждений, статья выйдет очень интересной, оригинальной и ценной. В этой статье просто взяты произведения разных современных прозаиков с двух точек зрения — «связи времен» и географической локализации, и устанавливаются два интересных факта: описывая современность, новые русские прозаики ощущают потребность связать эту современность с далеким прошлым (ряд примеров, наиболее яркий — «Петушихинский пролом» Леонова, где в начале рассказывается о Пафнутии Боровском), а во-вторых, место действия современных рассказов очень часто находится в наиболее «евразийских» частях России (Поволжье стало таким же модным местом литературного действия, каким в первой половине XIX в. был Кавказ). К этому примыкают некоторые интересные общие соображения. — Статья Никитина⁷ сейчас у П[етра]Н[иколаевича] С[авицкого]. Он перешлет ее Вам по прочтении со своими и моими замечаниями. Я написал к ней целый комментарий. Должен сказать откровенно, что статья мне не особенно нравится. По-моему, Никитин не умеет писать. Вместо популяризации получается поверхностность. А кроме того, — ужасно длинно. — П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] сообщил мне интересные сведения из письма Петрова (токийского)⁸, сведения, которые просил меня передать и Вам, т.к. почтовые сношения наших с Вами городов в некоторых отношениях, по-видимому, более удобны. Петров сообщает выписку из письма своего приятеля, живущего в Америке. Приятель этот пишет: «Недавно у меня был секретарь по иностранным делам YMCA. Он семь лет занимается русскими делами и ведает помощью русским ученым и учащимся. Организация YMCA — еврейская, носящая христианскую личину. Цель их — под видом насаждения и поддержания христианства вносить в него идеи разложения и порчи. Этот господин принял меня за еврея, т[ак] к[ак] местные евреи считают меня за бывшего раввина за длинную бороду (здесь теперь лишь раввины носят бороды) и большевиком (ибо я хорошо обращаюсь с простым народом, — какое верное понятие о большевиках!). Поэтому он был со мной довольно откровенен. Он сказал, что Бердяев, Карсавин, Франк „нами куплены, на нашей службе“. Он говорил довольно пренебре-

жительно. Я не знаю этих господ. Какое отношение имеют они к близкому Вашему сердцу евразийству?»... Конечно, имкисты, как и виноделы⁹, прежде всего рекламисты и всегда распространяют слухи, что все у них в руках. Но, разумеется, нет дыма без огня. В Карсавине я не сомневаюсь. Но от Бердяева можно ждать многого. А Франк... шут его знает! Словом, — сообщение это следует принять к сведению.

Ваш взгляд на использование японских нефтяников, имеющих прибыть на мануфактурную говорильню, я вполне одобряю¹⁰. На говорильне им выступать открыто не следует, и лучше, если чтобы там даже и не знали, что они наши. — Л[ев]П[латонович]К[арсавин] пишет мне, что согласен со всеми моими поправками к его записке и что переслал эти поправки Вам для окончательной переработки текста. Копию этих поправок я передам и П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому], от которого пока еще не получил отзыва о них. Эти поправки касаются содержания. Но, кроме того, у меня есть и ряд стилистических поправок. Прилагаю их при сем и прошу Вас при окончательном исправлении и переписке текста внести их. Если у Вас, как мне почему-то кажется, текста записки Л[ьва]П[латоновича]К[арсавина] не имеется, то окончательную переписку в переработанном виде могу взять на себя я (точнее — Вера¹¹). Только напишите определенно, есть ли у Вас этот текст или нет, и кому надо его окончательно переписать. — От кн[язя] Шаховского¹² пока письма не получил, а получил от кого-то № I его журнала. Прочел отдельные стихотворения, статью Мирского и предисловие редактора. Стихотворения — неважно. Статья Мирского — хорошая и умная¹³ (Ваши слова цитируются просто как изречения мудреца). Предисловие в достаточной мере туманное. Я так и не понял, в чем собственно там дело и что такое «благонамеренность»¹⁴. Объясните мне вкратце, простыми словами. Не совсем вижу, в чем может заключаться мое участие в этом журнале. Разве попробовать написать стихотворение... — Для «Верст» пишу об Афанасии Никитине. Скоро будет готово. Не знаю, подойдет ли: немножко длинно и суховато. Как писать: по старой или по новой орфографии? — Что касается до частушек, то эти частушки где-то в России уже были напечатаны, так что в сыром виде их вновь печатать нельзя. Но если позволите, я для одного из следующих номеров напишу статейку о форме частушки

и в виде примеров приведу большинство наиболее интересных частушек этой записи¹⁵. — Из Белграда получил письмо от редактора «Военного вестника»¹⁶ (того самого, где была напечатана статья митр[ополита] Антония в защиту «Нашего ответа»): приглашает сотрудничать, обещая не платить гонорара. Прилагаю при сем копию этого письма. Срочно сообщите, как, по-вашему, на это реагировать. Наведите справки об этом журнале у Кролинского¹⁷.

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

P.S. Письмо это пролежало у меня несколько дней. С тех пор успел еще немного просмотреть «Благонамеренного». Общее впечатление довольно тяжелое. В общем, это какой-то шабаш кривляк. Неясно, чем объединяются все эти авторы: разве только тем, что каждый из них убежден в собственном глубокомыслии и гениальности. Афоризмы Шаховского кошмарны: претенциозная пошлость, самолюбование. Соглашаюсь с Вами, что нам надо захватывать как можно больше журналов, расширять свой плацдарм. Но при этом не следует забывать основного принципа нашей пропаганды: не количество, а качество. — Напишите пожалуйста, в Париже ли еще Н[иколай]С[ергеевич] Арсеньев и если да, какой его адрес: он (т[о] е[сть]) не адрес, а сам Арсеньев) мне нужен для одного дела.

Н[иколай]Т[рубецкой].

5/III/1926

1 Русский народный университет существовал в Праге с 1923 по 1933 г. Университет был организован Земгором (Российским земско-городским комитетом помощи российским гражданам за границей) и предоставлял всем желающим возможность слушать курсы и лекции по двум уровням: первый соответствовал начальному, а второй — среднему образованию. Кроме того, при университете были организованы научные общества, университет выступал спонсором циклов лекций, которые читали ученые в самых различных областях. В 1925 г. преобразован в независимое учебное заведение. Среди руководителей университета были М.М. Новиков, Е.А. Ляцкий, А.А. Кизеветтер и др.

2 Речь идет о работе Льва Семеновича Берга (1876–1950) «Номогенез, или Эволюция на основе закономерностей» (Труды Географическо-

го Института. Пб., 1922. Т. 1). В 1926 г. вышло анлийское издание книги Берга: *Berg L.S. Nomogenesis or evolution determined by law. London, 1926.* Берг, человек энциклопедических знаний, был близок евразийцам не только своей теорией зволюции посредством конвергенции видов (евразийцы сами использовали концепцию конвергенции для описания возникновения евразийского сообщества народов, особенно по языковому признаку). Теория эволюции Берга была «идеалистической» и телеологической, что роднило ее с идеями евразийцев. Наконец, Берг — географ, геоботаник, ихтиолог и зоолог — был близок П.Н. Савицкому своим интересом к истории российской географии и своим проектом зонального районирования территории СССР. Почему Савицкий счел особенно интересными работы Ореста Даниловича Хвольсона (1852–1934), неясно. В 1923 г. была закончена публикация пятитомного курса физики — одного из самых авторитетных учебных курсов, написанных Хвольсоном.

3 Главный тезис Берга — критика основных положений эволюционной теории Дарвина: борьбы за существование и естественного отбора. По мысли Берга, «целесообразность» есть основное свойство живого» (*Берг Л.С. Номогенез, или Эволюция на основе закономерностей // Берг Л.С. Труды по теории революции, 1922–1930. Л., 1977. С. 99*). Разумеется, бросается в глаза родство этого положения с идеями Р.О. Якобсона («цель — золушка идеологии прежнего времени»), Н.С. Трубецкого и П.Н. Савицкого.

4 В предисловии к английскому изданию Л.С. Берг действительно говорит о том, что его взгляды близки к взглядам Н.Я. Данилевского (см.: *Berg L. Nomogenesis...*; издание на русском языке: *Берг Л.С. Номогенез, или Эволюция на основе закономерностей (Предисловие) // Берг Л.С. Труды по теории революции... С. 95*).

5 Имеется в виду Петр Николаевич Савицкий.

6 Речь идет о статье П.Н. Савицкого «О евразийской литературе» (Славянская книга. 1926. Май–июнь. С. 202–206). К этому времени между П.Н. Савицким и П.П. Сувчинским стали возникать частые разногласия, в результате которых некоторые работы Савицкого или не печатались, или печатались вне евразийского издательства. Рукопись этой статьи Савицкого хранится в его архиве (Местодействие в русской литературе // ГАРФ. Ф. Р-5783. Оп. 2. Д. 71). Стоит отметить, что в 1937 г. Савицкий сделал следующую небезынтересную запись, сохранившуюся в его архиве: «В статье литературной можно было бы изобразить развитие новейшей русской литературы, как явление циклическое. Литература эта начинается одой — в Ломоносове и Державине; продолжается элегией и поэмой в Батюшкове и раннем Пушкине (называю только крупнейших); идет к повести в позднем Пушкине и раннем Гоголе; кульминирует в „романе“ — Толстой; а дальше переживает точно те же явления, только в обратном порядке: цикл

как бы возвращается к истоку: Чехов соответствует периоду „повести“; Блок в своей лирике дает аналогии времени Батюшкова и раннего Пушкина; в Маяковском намечаются явственно начала оды, но ода эта еще не настоящая; следует ожидать появления подлинной религиозной оды; на этом поставить нужное ударение... Это — краткая формулировка моих воззрений на историю русской литературы, найденная в бумагах Трубецкого. Нигде мной использована не была. П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] 5/18 I 1937» (Там же. Оп. I. Д. 445. Л. 191–192). Приведенный выше отрывок свидетельствует не только о взглядах Савицкого на литературу, но и о том, что по крайней мере часть архива Трубецкого после его смерти была передана В.П. Трубецкой П.Н. Савицкому и оказалась среди его бумаг как в Пражском архиве, так и в других архивных хранилищах.

7 Скорее всего, речь идет о статье В.П. Никитина «Персия в проблеме Среднего Востока» (Евразийская хроника. Париж: Евразийское книгоиздательство, 1926. Вып. V. С. 1–15). В 1926 г. вышли еще несколько его статей: *Никитин В.П.* Библиография: Что читать об Азии // Там же. С. 56–65; *Он же.* Переписка с «азиатом» Вс. Ивановым (автором «Мы») // Евразийская хроника. Париж, 1926. Вып. VI. С. 6–12.

8 Возможно, учитывая кодовый язык переписки Трубецкого («токийский» означает «из Белграда»), имеется в виду Василий Петрович Петров (1869–1929), генерал-майор Генерального штаба. В конце 1918 г. — дежурный генерал в Добровольческой армии генерала Врангеля, а с мая 1919 г. — на той же должности в Кавказской Добровольческой армии, затем последовательно в Кавказской и Кубанской армиях до начала 1920 г. Проживал в эмиграции в Югославии, скончался в Белграде в 1929 г.

9 То есть масоны.

10 «Нефтяники» — евразийцы, «Япония» — Югославия, «мануфактура» — эмиграция. «Мануфактурная говорильня» — Зарубежный съезд 1926 г., на котором доминировали монархисты и правые либералы.

11 Вера Петровна Трубецкая, жена Н.С. Трубецкого.

12 Дмитрий Алексеевич Шаховской (1902–1989), с 1927 г. — о. Иоанн, впоследствии архиепископ. Учился в Католическом университете в Лувене (Бельгия), издавал в Брюсселе литературный журнал «Благонамеренный».

13 *Святополк-Мирский Д.* О нынешнем состоянии Русской литературы // *Благонамеренный: Журнал русской литературной культуры.* 1926. Кн. I (январь–февраль). С. 90–97. В этом же номере опубликовано еще несколько рецензий, написанных Святополк-Мирским.

14 Речь идет о вступительной статье, написанной Шаховским к первому номеру журнала: *Шаховской Д.А.* Философическое обоснование благонамеренности (От редакции) // Там же. С. 3–10.

15 См.: *Трубецкой Н.С. О метрике частушки* // Версты. 1927. Вып. 2. С. 205–223.

16 «Русский военный вестник» — газета ультраправой монархической эмиграции в Югославии, официально субсидировалась Российским Общевоинским Союзом. Главным редактором был Николай Павлович Рклицкий (1892–1976, впоследствии — архиепископ Никон), симпатизировавший евразийцам. Евразийцы начали финансировать «Русский военный вестник», который обязался печатать евразийские материалы, что вызывало неоднократные конфликты между Рклицким и евразийцами.

17 Арсений Александрович Зайцов.

70 23 марта 1926 года

Дорогой Петр Петрович!

Посылаю Вам исправленную записку Карсавина. Не распространяйте ее, не показав предварительно Евлогию и не получив его благословения. Перечтите и сами еще раз внимательно, становясь на точку зрения непредубежденного читателя.

В последний момент у меня явилась мысль: христиан-военный находится в том же положении, как христиан-хозяин. Ведь последний знает, что собственность и имущественное неравенство в конечном счете коренятся в первородном грехе и что в Царстве Божием ни богатых, ни бедных, ни собственности не будет. И однако, он социалистом не становится, а даже борется с социализмом, притом не как собственник, а как христианин. Точно так же и христиан-военный, вполне сознавая, что война, а следовательно, и военное дело, коренится в грехе, отнюдь не должен стать пасифистом и антимилитаристом. Ибо пасифизм и антимилитаризм, точно так же, как социализм, являются человеческими решениями, и решениями, не только не устраняющими первородного греха, но даже исключаящими элемент личного нравственного подвига — этого единственного предоставленного человеку возможного орудия для борьбы с грехом.

Поэтому такие человеческие решения, как социализм и антимилитаризм, практически не устраняют зла, а лишь заменяют одно зло другим (притом, обычно, меньшее зло большим), и принципиально не приемлемы для христианина. Но не приемля этих

решений, христианин все же не может закрывать глаза на то, что имущественное неравенство (а след[овательно] и вообще частная собственность) и война (а следовательно и военное дело) есть зло; не может и не должен представлять это зло как добро, изобретая всякие догматы «святого меча» и «святой собственности». Вульгарные прогрессисты видят зло, но не хотят видеть его связи с первородным грехом, и потому пытаются устранить зло законодательством, организацией и проч. исключительно человеческими средствами, — секуляризуют проблему. Но вульгарные реакционеры отрицают самое зло, представляя его в виде добра и выдумывают ему религиозное освящение, т[о] е[сть] фальсифицируют религиозную сторону проблемы.

И то, и другое есть религиозное извращение.

Обнимаю Вас

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

23/III/1926

71 24 марта 1926 года

Дорогой Петр Петрович!

Посылаю Вам своего Афанасия Никитина. Если не подойдет, не стесняйтесь и пришлите обратно.

Рукопись в ужасном виде: начало — по старой орфографии, конец — по новой, масса помарок и т[ак] д[алее].

Но я не хотел ее переписывать, чтобы не задерживать еще. Сокращать тоже не хотелось. Особенно не хочется выбрасывать цитаты, ибо в них вся соль.

Некоторые места нуждаются в помощи ориенталиста. Так, на стр. 16 в примечании приведена молитва на татарском языке (на полях в этом месте я поставил крестик карандашом); перевод этой молитвы дан на стр. 24 в примечании. Молитва эта кончается словами *расте кам дарет* (так в рукописи Аф[анасия] Ник[итина]), которых я так и не понял и не включил в перевод. Спросите у Никитина¹ или у Минорского², м[ожет] б[ыть], они догадаются, что это может значить (урус йери абадан болсун расте кам дарет)?

Среди примечаний на стр. 24 есть весьма похабные: м[ожет] б[ыть], лучше просто оставить татарский текст без перевода. Предлагаю решение Вам.

Если когда-нибудь решат вновь издать «Хождение за три моря» Афанасия Никитина для широкого круга читателей, то согласно всему, что я постарался показать в своем исследовании, надо издать этот памятник так, чтобы его формальная структура была непосредственно ясна читателю. Достигнуть этого можно комбинацией шрифтов. Надо иметь три шрифта: один — для «динамически-повествовательных» мест, другой — для «статистически-описательных» и третий — для «религиозно-лирических отступлений» (причем этот третий шрифт должен отличаться от двух других сильнее, чем первый от второго), а все экзотические имена, слова и фразы печатать в разрядку; главы разделять не следует, но на полях при начале каждого «отрезка» давать краткий заголовок.

Вообще, при издании древнерусских памятников такая игра шрифтов, по-моему, необходима: формальные приемы этих памятников при непосредственном чтении слабо воспринимаются, и надо подчеркивать их игрою шрифтов, чтобы оживить их восприятие, т.к. без живого восприятия формы не может быть настоящего эстетического ценения. Древнерусская литература очень конструктивна. На композицию древнерусские писатели обращали гораздо больше внимания, чем писатели позднейшие (вероятно потому, что были воспитаны на строгих композиционных схемах церковных песнопений — акафистов, канонов и т[ому] под[обного]).

Обнимаю Вас, целую ручки Вере Александровне.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

24/III/1926

1 Василий Петрович Никитин (1885–1960), дипломат, профессиональный иранист-востоковед; в эмиграции находился в Париже; участник евразийства.

2 Владимир Федорович Минорский (1877–1966) — профессиональный востоковед, как и В.П. Никитин, служил в российских дипломатических миссиях в Турции и Иране; в эмиграции жил в Париже, с 1937 г. — профессор Лондонского университета.

72 31 марта 1926 года

Дорогой Петр Петрович!

Продолжаю высылать Вам рукописи.

Прилагаемое при сем произведение принадлежит перу некоего Евгения Евгеньевича Драшусова¹, двоюродного брата моей жены. Человек весьма неглупый, но в молодости плохо учившийся (вследствие слишком рано пробудившихся философских интересов) и потому кончивший только морской корпус. Во флоте служил недолго, потом жил в деревне и занимался хозяйством. Сейчас ему 39–40 лет. В настоящее время живет в Бельгии (настоящей). Наши книги я ему всегда посылал, и он ими интересовался, а жене моей в бытность ее в Бельгии говорил, что кое-чему сочувствует. Свое прилагаемое при сем сочинение он прислал мне, прося меня написать мое мнение. По своему обыкновению я ответил ему весьма пространном письмом, копию коего при сем прилагаю. В общем, несмотря на некоторый дилетантизм, сочинение мне нравится. Глава III-я прямо совсем хороша. Прочтите это сочинение и мою критику на него и напишите, что Вы об этом думаете. По-моему, с Драшусовым стоит завязать сношения. Не знаю, кто у нас есть в Бельгии; Кролинский² говорит, что кто-то есть. Предпришлите этому «кому-то» вступить в общение с Драшусовым. Пошлите также самому Драшусову брошюры Франка («Науку и Рел[игию]» и «Осн[овы] Маркс[изма]»)³, а м[ожет]б[ыть], и записку Карсавина (эту последнюю — по Вашему усмотрению).

Напишите мне, как Вам (и Мирскому?) нравится мой Афанасий Никитин?

С Вашими доводами в пользу отсрочки «Временника» и курултая вполне согласен (о чем написал и П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому]). Что касается до места съезда, то считаю, что надо съехаться у П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого]; Вам и Пенни⁴ необходимо лично познакомиться с тамошней обстановкой и самих себя показать тамошней публике.

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

31/III/1926

Адрес Драшусова: 34 Boulevard de l'Escaut. Gand⁵. Belgique.

1 Евгений Евгеньевич Драшусов (1885–1969) — поручик по Адмиралтейству, с 1914 г. — в запасе; в эмиграции проживал в Бельгии.

2 А.А. Зайцов.

3 Франк С.Л. Религия и наука. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1925; Он же. Основы марксизма. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1926.

4 П.Н. Малевскому-Малевичу.

5 Французское название бельгийского города Гента.

73 3 апреля 1926 года

Дорогой Петр Петрович!

Перевод, предлагаемый Никитиным, меня не удовлетворяет, т[ак] к[ак] все-таки не дает смысла. Очевидно, в самой рукописи Аф[анасия] Ник[итина] какая-то путаница. Поэтому лучше мой перевод оставить без изменений. Пожалуйста, пришлите мне хотя бы одну корректуру: честное слово, не задержу!

Обнимаю Вас,

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

•
3/IV/1926

Р.С. Колпинский — в Польше; поступил на какие-то миссионерские курсы; пишет своим бывшим квартирохозяевам в Вене восторженные письма о том, что весь ушел в повиновение, послушание и дисциплину, и как это приятно... Очевидно, подготавливается к униатской пропаганде в кресах...

Н[иколай]Т[рубецкой].

74 13 апреля 1926 года

Дорогой Петр Петрович!

Пересылаю Вам рукопись В[асилия]П[етровича] Никитина с приложениями: а) предисловия к этой статье «от редакции», составленного П[етром]Н[иколаевичем]С[авицким] по поводу статьи Никитина; б) «замечаний и просьб» П[етра]Н[иколаевича]

ча]С[авицкого] по поводу статьи Никитина; в) моих замечаний по той же статье. П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] снабдил мои замечания к статье В[асилия]П[етровича]Н[икитина] своими карандашными заметками (комментарий к комментарию). Со всеми этими замечаниями я вполне согласен. В самой рукописи П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] тоже сделал карандашом поправки, приняв во внимание и мои и свои собственные соображения. Эти карандашные поправки я все просмотрел и со всем согласен (были две-три сомнительные, я их стер резинкой). Поправки (П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] и мои) необходимы, ибо надо ввести статью В[асилия]П[етровича]Н[икитина] в общую систему и согласовать ее (особенно в отношении терминологическом) с другими статьями наших сборников (как уже вышедших, так и имеющих появиться)¹. Относительно связи хашишинов с масонами я (в своих примечаниях) сообщаю, конечно, только для личного сведения В[асилия]П[етровича]Н[икитина]: в текст статьи этого, конечно, отнюдь включать не следует. — П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] не пишет, послал ли он Вам копию своих «замечаний и просьб», поэтому посылаю их Вам; если же копия у Вас имеется, то пришлите эти замечания мне обратно. Покажите В[асилию]П[етровичу]Н[икитину] всю эту литературу, вызванную его статьей.

Давно от Вас нет писем. Я совсем за Вами соскучился, как говорит генерал Шкуро².

Обнимаю Вас.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

13/IV/1926

¹ Речь идет о статье: *Никитин В.П.* Иран, Туран и Россия // Евразийский временник. Париж, 1927. Кн. V. С. 79–120. Н.С. Трубецкой и П.Н. Савицкий написали введение к этой статье: Редакционное примечание к статье В.П. Никитина «Иран, Туран и Россия» // Там же. С. 75–78.

² Андрей Григорьевич Шкуро (1887–1947) — участник Первой мировой и Гражданской войн, казачий офицер, произведен Деникиным в чин генерал-лейтенанта; командовал казачьими соединениями, отстранен от командования Врангелем. Во время Второй мировой войны сотрудничал с нацистами, был выдан союзниками СССР и повешен. В эмиграции проживал в Париже, зарабатывая на жизнь цирковыми выступлениями.

75 15 апреля 1926 года

Дорогой Петр Петрович!

Очень удивляюсь тому, что Пенни', не спросив моего разрешения, показал Вам и П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому] письмо, адресованное лично ему, но еще больше удивляюсь тому, что Вы из этого письма вывели, будто я Вас в чем-то осуждаю. Если кто-нибудь в этом письме осуждается, то только сам Пенни, и никак не за «богатую» жизнь, а за то, что систематически не удовлетворяет просьбы П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] о присылке денег на нужды *дела* (а не на содержание П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого]) и этим вынудил П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] тратить на *дело* собственные, и без того скудные, средства. Не знаю, прочел ли Вам Пенни все это письмо полностью. В письме этом о необходимости положить П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому] определенное личное содержание, насколько помню, вовсе и не говорилось. На это меня П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] и не уполномочивал. Речь шла вовсе не об этом, а о том, что средств, отпускаемых П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому] на дело (Брюссельская и другие бельгийские ячейки', «Хроника», эконом[ическая] секция), не хватает. П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] несколько раз просил Пенни прислать ему дополнительно деньги для покрытия уже произведенных им расходов, точно указывая, почему и на что именно эти расходы были произведены. Но Пенни отвечал отказом, становясь на формальную точку зрения, ссылаясь на смету и т[ак] д[алее]. Чем при этом Пенни руководился, — не знаю.

Вероятно, играли роль отголоски прошлогоднего недоверчивого отношения к Брюсселю, а м[ожет] б[ыть], были и какие-то педагогические соображения (П[етр]С[еменович]А[рапов] говорил мне, что Пенни однажды выразился о П[етре]Н[иколаевиче]С[авицком] так: «если он не будет слушаться, я его заставлю — просто не буду посылать ему денег»...). Во всяком случае, П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] перестал к нему обращаться и, не желая сокращать темпа и размаха работы, стал «изворачиваться», т[о] е[сть] покрывать расходы из собственного кармана, а т[ак] к[ак] карман этот набит отнюдь не туго, то стал делать долги. Зная характер П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого], его исключительную пре-

данность делу и почти мазохическую потребность полагать живот на алтарь Отечества, все это можно было бы предвидеть. А потому отказывать ему в покрытии деловых расходов равносильно было тому, чтобы вынуждать его тратить на дело собственные деньги, т[о] е[сть] эксплуатировать его. Я считаю это совершенно недопустимым. Узнав об этом совершенно случайно, я заявил П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому], что если он сам больше не хочет просить у Пенни, то возьмусь за это дело я. В письме к Пенни я и указал на недопустимость принимать от П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] денежные жертвы. Если бы П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] материально был вполне обеспечен и имел бы излишек, было бы еще ничего. Но он получает от своей службы ровно столько, сколько нужно, чтобы прокормить себя и свою мать, и живет бедно, — другого выражения не придумаешь. «Бедно» значит «не выше экзистенциминимума». Говоря, что он живет беднее нас всех, я этим вовсе не высказывал, будто кто-нибудь из нас (особенно Вы) живет «богато»¹. Я констатировал только объективный факт. П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] живет бедно даже и с брюссельской² точки зрения, — напр[имер], беднее чем Г[еоргий]В[асильевич] Флоровский, у которого и жена и свояченица зарабатывают. Вся эта злополучная фраза о бедности П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] была не более как придаточным предложением. Центр тяжести вовсе не в ней, а в недопустимости того положения, при котором П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] вынужден тратить на дело свои личные деньги и делать долги. — Однако письмо мое не возымело желаемого действия на Пенни. Он заартачился и, переложив центр тяжести на вышеупомянутое придаточное предложение, ответил мне, что, если П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] бедствует, то ему надо положить содержание, но на дело никаких средств, кроме предвиденных в смете, он (Пенни) ему отпускать не согласен. Когда я передал это П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому], он решительно отказался от такой постановки вопроса. Аргументы его были следующие: содержание можно выплачивать только таким членам С[овета] н[ефти]³, которые не имеют постоянного заработка, могущего их прокормить; мы же (П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] и я) таковой заработок имеем, причем времени он у нас отнимает не настолько много, чтобы нельзя было совмещать его с нефт[яной]⁴ работой; следовательно, содержание для нас прин-

ципиально недопустимо. При этом П[етр] Н[иколаевич] С[авицкий] настаивал на том, что жалования, получаемого им, вполне хватало бы на скромное существование его и его матери, и, что, если в настоящее время он вынужден делать долги и отказывать себе во многом, то не потому, чтобы размер жалованья не соответствовал ценам на жизнь, а только потому, что он вынужден тратить свои личные деньги на нефтеработу⁷. Все его аргументы и рассуждения я считаю вполне правильными. Но в то же время, видя, что Пенни заупрямился, я предложил П[етру] Н[иколаевичу] С[авицкому] следующий выход: формально согласиться на предложение Пенни, а фактически рассматривать то содержание, которое ему будет положено, как дополнительную ассигновку на работу в Брюсселе. П[етр] Н[иколаевич] С[авицкий] сначала не хотел согласиться и с таким решением, считая его «близким к подлогу». На это я возразил, что безнравственным был бы противоположный подлог, т[о] е[сть] если бы он тратил на себя лично деньги, ассигнованные на дело, а та комбинация, которую предлагаю я, если и заключает в себе элемент подлога, то подлога во всяком случае не предосудительного. В конце концов мне удалось убедить П[етра] Н[иколаевича] С[авицкого], и я написал Пенни, что ПНС согласен получать содержание⁸. — Вот как обстоит дело. Деньги, ассигнуемые П[етру] Н[иколаевичу] С[авицкому], предназначаются на возмещение расходов, понесенных П[етром] Н[иколаевичем] С[авицким] для дела. Но, ввиду нежелания Пенни признать эти расходы, ассигновку приходится проводить под видом содержания П[етру] Н[иколаевичу] С[авицкому] (в общей сложности долги П[етра] Н[иколаевича] С[авицкого] сейчас выражаются в сумме около 30 фунтов с небольшим). Вы понимаете, что при таких условиях ни П[етр] Н[иколаевич] С[авицкий], ни я не можем согласиться с той формой, которую это ассигнование приняло у Вас в Париже. Ведь П[етр] Н[иколаевич] С[авицкий] никакого содержания получать не желает, ибо считает, что, получая жалованье от своей службы, не имеет права получать содержание от С[овета] н[ефти]; если он согласился, чтобы ассигновка на работу именовалась личным содержанием, то только потому, что провести ее под другим видом при противодействии Пенни фактически невозможно. Теперь же выходит, что из Вашего содержания и содержания П[етра] С[еменовича] А[рапова] делается какой то вычет, т[о] е[сть] что

вы оба, имеющие, с точки зрения П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого], полное право на содержание, жертвуете частью своего содержания в пользу П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого], не имеющего нравственного права на получение содержания. П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий], конечно, этого не примет. Но не могу допустить этого и я, ибо все это построено на совершенно превратном толковании моего письма. При таких условиях я, зарабатывающий в месяц прибл[изительно] 29 фунтов, чтобы сравняться с вами двумя в жертвенном порыве, должен жертвовать ежемесячно не менее 6 фунтов.

О том, что стоит свобода передвижения и общения в Париже, я имею вполне ясное представление и прекрасно знаю, что по той работе, которую Вы ведете, отпускаемые Вам денежные суммы минимальны. Знаю, что и П[етру]С[еменовичу]А[рапову] в силу отчасти особых свойств его натуры (которую ведь не переделаешь!) отпускаемых сумм едва хватает. Ни в каком «богатстве» жизни я ни Вас, ни даже П[етра]С[еменовича]А[рапова], не подозреваю. Единственный из нас всех, кто действительно живет буржуем и работает более чем с прохладцей, — это я сам. И если мое письмо к Пенни толковать так, как это сделали Вы, то надо было бы мне самому выплачивать П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому] по крайней мере 10 ф[унтов] ежемесячно. — Словом, я решительно протестую против той постановки, которую получил этот вопрос у вас в Париже. Никому содержание сокращено не должно быть. А П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому] надо возместить те деньги, которые он израсходовал на дело. Вот и все. — Я сильно подозреваю, что все это дело есть сознательный маневр Пенни: он понял, что содержание П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] есть замаскированное дополнительное ассигнование на работу в Брюсселе⁹, и, желая (почему-то) во что бы то ни стало воспрепятствовать этому ассигнованию, придал вопросу такой характер, при котором П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] несомненно от этих денег откажется. Это тем более вероятно, что в письме своем я прямо указал на ту статью сметы, из которой, по моему мнению, можно было бы покрыть расходы П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого], именно, на статью о Соломоне¹⁰, которому ничего отпускать нечего, т.к. он ничего не делает. Несмотря на все свои достоинства, Пенни очень упрямый человек. По тону его

письма я понял, что для него упорство в отказе покрыть расходы П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] является вопросом самолюбия; мне показалось, что, предлагая назначить П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому] содержание, он указывает формально приемлемый для него выход из положения. Именно поэтому я и ухватился за эту мысль и предложил П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому] вышеупомянутую комбинацию. Но раз дело приняло теперь такой оборот, я от этой комбинации отказываюсь и поставлю перед С[оветом] н[ефти] вопрос открыто, без маскирования содержания: вношу предложение увеличить ассигнование на брюссельскую¹¹ работу и возместить П[етру]Н[иколаевичу] С[авицком]-у личные издержки, понесенные им в связи с этой работой. Надо наконец покончить с созданием препятствий для брюссельской¹² работы! В Брюсселе¹³ уже сделано и продолжает делаться большое дело. Правда, в силу личных свойств П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого], Брюссель продолжает быть нашим правым флангом¹⁴. Некоторая односторонность и даже гипертрофия пафоса в области историософии сочетается там с, м[ожет] б[ыть], слишком умеренностью, осторожностью и боязнью радикализма в области политики и вообще практических, прикладных решений¹⁵. Как автор «Наследия Чингисхана», я, конечно, отнюдь не являюсь партизаном¹⁶ этого уклона. Однако я все-таки признаю его вполне закономерным оттенком нефти¹⁷ и считаю, что наличие этого уклона нисколько не уменьшает ценности брюссельской¹⁸ работы. Темпа и размера этой работы суживать нельзя. И раз П[етр] Н[иколаевич]С[авицкий] заявляет, что на поддержание этого темпа и размаха ему нужны деньги, то эти деньги мы должны ему дать. В прошлом году у нас к брюссельской¹⁹ работе создалось предубеждение. Теперь, к счастью, это предубеждение рассеялось. Надо упразднить и практические последствия этого предубеждения, т[о] е[сть] перестать вставлять брюссельской²⁰ работе палки в колеса. Для этого и надо увеличить ассигновки на Брюссель и, прежде всего, возместить П[етру]Н[иколаевичу]С[авицком]-у понесенные им расходы. Надеюсь, что в этом вопросе Вы меня поддержите. Вопрос же о содержании П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] совершенно отпадает, т[ак] к[ак] это была только замаскированная форма увеличить ассигновку на брюссельскую²¹ работу.

Простите за многословность. Абсолютно не умею писать короткие письма. Жду от Вас интересных сообщений. Как прошел диспут Мирского, устроенный «Верстами»³? Вообще, что новенького? Какого Вы мнения о Драшусове? О моем «Афанасии Никитине»?

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

15/IV/1926

P.S. Перечитав еще раз Ваше письмо, возмущаюсь, как Вы могли заподозрить меня в том, что я считаю Вас дармоедом или жуиrom, роскошествующим на нефтяные⁴ деньги. Кажется, мы с Вами знаем друг друга не со вчерашнего дня.

Н[иколай]Т[рубецкой].

1 П.Н. Малевский-Малевич.

2 В коде евразийской переписки Брюссель — Прага, Бельгия — Чехословакия.

3 Согласно сложившейся практике, Н.С. Трубецкой и П.Н. Савицкий, имевшие преподавательское жалованье, не получали содержание из евразийских средств. Стоит отметить, что в 1926 г. П.П. Сувчинский получал содержание в 25 фунтов в месяц, тогда как на всю пражскую организацию выделялось 15 фунтов в месяц.

4 То есть пражской.

5 Совет нефти — Совет евразийства, состоявший в 1926 г. из Н.С. Трубецкого, П.П. Сувчинского, П.Н. Савицкого, П.Н. Малевского-Малевича и П.С. Арапова.

6 То есть евразийской.

7 То есть евразийскую деятельность.

8 С этого момента Савицкий стал получать содержание в размере 15 фунтов в месяц.

9 То есть в Праге.

10 Соломон — Н.Д. Татищев, сослуживец Арапова, офицер, проживавший в Югославии.

11 То есть пражскую.

12 То есть пражской.

13 То есть в Праге.

14 П.Н. Савицкий действительно отрицал возможность любого примирения с существующей в СССР властью. В отличие от П.П. Сувчинского,

считавшего СССР любопытным экспериментом, Савицкий всегда резко критиковал большевиков, даже признавая некоторые их заслуги с точки зрения евразийства (например, сохранение единого пространства Евразии).

15 Тем не менее в 1925 г. Н.С. Трубецкой и П.П. Сувчинский критиковали П.Н. Савицкого за излишний «активизм», выразившийся в попытках интенсифицировать контакты с «Трестом».

16 От *фр. partisan* — защитник, сторонник, участник.

17 То есть евразийства.

18 То есть пражской.

19 То есть пражской.

20 То есть пражской.

21 То есть пражскую.

22 Вероятно, П.П. Сувчинский заранее сообщил Н.С. Трубецкому о готовящемся вечере с участием Д.П. Святополк-Мирского. Этот вечер, посвященный первому выпуску «Верст», состоялся 5 апреля 1926 г. под председательством П.П. Сувчинского по адресу Avenue Denfert-Rochereau, 79; здесь Мирский сделал свой известный доклад «Вехи смерти в дореволюционной русской литературе» (см.: Д.П. Святополк-Мирский — П.П. Сувчинскому, 16 марта 1926 г. // The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931/ Ed. by G.S. Smith. Birmingham: Univ. of Birmingham, 1995. P. 53).

23 То есть евразийские.

76 25 апреля 1926 года

Дорогой Петр Петрович!

Сидим в Добриховицах и разговариваем¹. Принятые в Париже решения во всей своей практической части не вызывают никаких возражений. Возражаем (и Эсдерс² и я) против формальной стороны. Скверная привычка при каждом новом свидании создавать новую конституцию. Старое надо менять только тогда, когда это практически необходимо. Когда же этой необходимости нет, *status quo* всегда лучше нового эксперимента, и кодифицировать *status quo* совершенно излишне. В отдельных случаях это даже вредно. Фактически С[овет] С[еми]³ давно перестал существовать. Денисов⁴, как человек умный, давно уже это понял. Липский⁵, м[ожет] б[ыть], и не понял еще, но т[ак] к[ак] он мыслит С[овет] С[еми] как орган связи между нефтью⁶ и Аргентиной⁷ через «Трест», то, в сущности, для него С[овет] С[еми] продолжает

существовать и сейчас. Что выигрывается от того, что мы объявим Липскому официально о нашем решении? Поставьте себя на место Липского и представьте себе реально обстановку. Он считает себя членом С[овета] С[еми], т[о] е[сть] органа связи между нефтью и Арг[ентиной], причем думает что связь эта идет только через «Трест», а следов[ательно], проходит через его руки. Теперь ему говорят: никакого С[овета] С[еми] нет, а есть С[овет] н[ефти]⁸, который между прочим сносится и с «Трестом»; ты (Липский) назначаешься агентом этого С[овета] н[ефти] специально по связи с «Трестом». Единственный вывод, который он из этого сделает, это то, что, значит, теперь С[овет] н[ефти] нашел какие-то другие пути связи с Арг[ентиной], которыми и будет пользоваться наряду с путями «Треста». Об этом, конечно, ~~будет сообщен~~ Липский не преминет сообщить «Тресту»: смотрите, дескать, в оба, нефть⁹ связалась с Зарубиным!¹⁰ Это есть логическое последствие, на которое надо идти, если сообщать Липскому о нашем решении. Спрашивается, с какой точки зрения это может быть для нас выгодно? Почему это лучше, чем теперешний status quo? Допустим, «Трест» и Липский и сейчас подозревают, что мы имеем или стараемся иметь связи с Зарубиным; почему нам выгодно превращать это подозрение в уверенность? Допустим, что от «Треста» мы пока реальной пользы не видим (Шубин¹¹ все-таки — кое-что, не скажу чтобы много, но все же кое-что!); почему нам может быть выгодно это отсутствие пользы превращать в наличие вреда? Я высказываюсь за то, чтобы Липскому ничего не объявлять, а оставить дело так, как оно есть сейчас. То же самое — с составом С[овета] н[ефти]. Решительно не вижу, зачем этот состав менять. Дифференциацию по отделам приветствую. ~~Считаю желательным, чтобы~~ Однако считаю, что Личный состав этих отделов — тоже. Однако считаю, что С[овет] Е[вразийства] не есть только совокупность этих отделов, и что поэтому состав С[овета] Е[вразийства] не должен совпадать с суммой личных составов отделов. Привлечение всех членов отделов к работам С[овета] Е[вразийства] желательно, и фактически он уже и осуществляется. Но во включении их в состав самого С[овета] Е[вразийства] не вижу никакой практической необходимости. Необходимость эта была бы, если бы Кролинский¹² или Кошиц¹³ поставили бы свое вступление в состав С[овета] Е[вразийства]

непременным условием (*condition sine qua non*) своей дальнейшей работы, или вообще требовали бы этого. Но, сколько мне известно, этого пока нет. Тогда зачем же менять *status quo*? Мы все (С[овет]П[яти]¹⁴) друг к другу притерлись, спаялись друг с другом: это — факт бытовой, и потому регламентации не поддающийся, но тем не менее чрезвычайно важный. Кролинский и Кошиц столь же тесно спаяны только с некоторыми из нас, но каждый из них с каждым из нас спаян слишком мало¹⁵. С[овет]Е[вразийства], состоящий из С[овета] П[яти] + Кролинский + Кошиц, конечно, менее внутренне спаян, чем С[овет]Е[вразийства] = С[овету] П[яти]. А сила внутренней спайки — самое главное. Поэтому Эсдерс, Катц¹⁶ и я предлагаем оставить С[овет]Е[вразийства] в прежнем составе (С[овет] П[яти]) и считать, что этот С[овет]Е[вразийства] не *распадается* на такие-то отделы, а *имеет своими органами* эти отделы¹⁷.

Вот, собственно, все возражения, которые у нас возникли. Как видите, существа ваших решений эти возражения не касаются, а касаются только формы.

Курултай¹⁸ надо будет устроить во второй половине года. Очень жалко, что не удалось его устроить теперь. Все-таки частичные съезды не заменят самого главного — непосредственного коллективного общения. По той же причине непременно надо съехать редакционному комитету¹⁹. Предлагаю этот редакционный съезд устроить во второй половине июня.

О разных других вопросах и о своих впечатлениях напишу Вам уже из Вены.

А пока обнимаю Вас и целую ручки Вере Александровне.
Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

25/IV/1926

¹ В Добриховицах состоялась встреча П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого и П.Н. Малевского-Малевича, которая последовала за встречей П.П. Сувчинского, П.С. Арапова и Малевского-Малевича в Париже.

² П.Н. Савицкий.

³ СС — Совет Семи — был создан евразийцами в начале 1925 г. на основе Совета Пяти (П.С. Арапов, П.Н. Малевский-Малевич, П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский, Н.С. Трубецкой), к которому прибавились Ю.А. Артамонов и «Денисов» (А.А. Ланговой). Впоследствии евразийцы утверж-

дали, что сохранился и Совет Пяти, так как они не доверяли Артамонову и Денисову, но особое отношение к представителям «Треста» сформировалось не столько из-за недоверия, сколько из-за их позиции по религиозному вопросу, противоречившей мнению евразийцев.

4 А.А. Ланговой.

5 Липский — псевдоним Юрия Александровича Артамонова, резидента А.П. Кутепова и «Треста» в Варшаве, вошедшего вместе с «Денисовым»-Ланговым в состав руководящих органов евразийства.

6 То есть евразийством.

7 То есть Россией.

8 То есть Совет евразийства.

9 То есть евразийцы.

10 Зарубин — еще одна загадочная фигура, которая возникла при контактах евразийцев с «Трестом». Не будучи удовлетворены взглядами представителей «Треста» на религию и национализм, евразийцы продолжали поиск партнеров в СССР. Одним из таких партнеров стал некто Зарубин, высокопоставленный военачальник, в 1926 г. служивший в Ленинграде. Возможно, это был Василий Михайлович Зарубин (1894–1972), с 1920 г. состоявший на службе в ВЧК. В 1925 г. он стал сотрудником внешней разведки, в декабре того же года — резидентом ИНО ОГПУ в Хельсинки под прикрытием должности атташе полномочного представителя СССР в Финляндии. Прямых писем Зарубина П.Н. Малевскому-Малевичу, через которого поддерживался контакт, пока не обнаружено.

11 Шубин — молодой человек, прибывший в самом конце 1925 г. вместе с «Денисовым»-Ланговым из Москвы на встречи с евразийцами.

12 А.А. Зайцов.

13 Л.П. Карсавин.

14 Совет Пяти учрежден на Венском конгрессе — съезде евразийцев в Вене в ноябре–декабре 1924 г. — в составе Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, П.П. Сувчинского, П.С. Арапова и П.Н. Малевского-Малевича.

15 Одним из предложений совещания в Париже было введение в руководящие органы евразийства Л.П. Карсавина и А.А. Зайцова, чему противились Н.С. Трубецкой и П.Н. Савицкий.

16 П.Н. Савицкий и П.Н. Малевский-Малевич.

17 В октябре 1925 г. были учреждены следующие отделы: первый — издательский и редакционный отдел в составе Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, П.П. Сувчинского и Л.П. Карсавина; второй — организационный отдел в составе П.С. Арапова, П.Н. Малевского-Малевича и А.А. Зайцова; третий — финансовый отдел в составе П.Н. Малевского-Малевича и П.Н. Савицкого; пятый отдел — казначей Малевский-Малевич. Ответственным за связь с «Трестом» был Арапов. Тогда же, в октябре 1925 г., было решено ограничить контакты с «Трестом» и не отправлять копии писем и докладов «Денисову»-Ланговому и Ю.А. Артамонову. По сло-

вам П.Н. Савицкого, это было вызвано «стремлением Лангового контролировать евразийскую работу» (ГАРФ. Р-5783. Оп. 1. Д. 445. Л. 130–136).

18 Съезд руководителей евразийства.

19 Редакционный комитет — «интеллектуалы» Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский и Л.П. Карсавин.

77 26 апреля 1926 года

Дорогой Петр Петрович!

Только что вернулся из Праги. Впечатления мои настолько разнообразны, что изложу их не в одном, а в двух письмах. При этом то письмо, которое я написал Вам из Праги, — не в счет: я написал его по постановлению собравшихся, выразив в нем то, к чему мы (П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий], П[етр]Н[иколаевич]М[алевский-Малевич] и я) пришли. Теперь же хочу Вам написать, к чему я лично пришел. И это выражу в двух письмах.

В сегодняшнем письме я собираюсь наговорить Вам кучу неприятностей. Вы пишете, что нет больше сил пребывать в атмосфере интриг и частных соглашений. Но кто же эту атмосферу создает? Начнем по порядку:

П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] предложил устроить курултай в ближайшее время по возвращении Катца¹ и высказался за то, чтобы съехаться в ФФ². Я присоединился. Вы высказали мнение, что курултай сейчас несвоевременен, и представили убедительные доводы, с которыми и я согласился. Т[аким] о[бразом], решили курултая не созывать. Однако немедленно по прибытии Катца Шайкинд³ оказался в ВВ⁴, и там в моем и П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] отсутствии был устроен самый форменный курултай⁵. Внесены были предложения, о которых до этого ни мне, ни [Петру]Н[иколаевичу]С[авицкому] ничего не было известно, и вынесены были важнейшие решения. Катц, приехав в ФФ, поставил нас перед совершившимся фактом. — Так не делают. Если Вы не хотели уезжать из ВВ, — так и надо было сказать: мы бы приехали к Вам (ведь ФФ было предложено как место курултая только предположительно). Но раз решено было курултая не устраивать, этого и надо было придерживаться, а не обходить нас.

На собрании в ВВ участвовал in сопроге 2-й отдел, и потому решения по этому отделу принимать, конечно, можно было. Но приняты были решения не только по 2-му, но и по 1-му отделу, представленному только Вами.

Обсуждался и вырабатывался план издательства и план «Временника». Все это — без нашего участия. Катц привез эти решения нам в готовом виде, и положение получилось совершенно дурацкое: приходилось либо обсуждать с ним все это по существу и вдаваться в кредитные⁶ детали, либо принять en bloc⁷ все без изменения. Нелепость положения ярко выступила, напр[имер], когда выяснилось, что Вы уже написали какую-то статью для «Временника» и прочли ее вслух Шайкинду и Катцу, причем мы даже о существовании этой статьи ничего не знали, а Катц на все наши расспросы ничего ответить не мог (забыл даже, *об чем* статья)⁸.

Всего этого нелепого положения Вы, конечно, могли бы не допустить. Но Вы не только ничего этого не сделали, но даже усугубили все это тем, что пустились критиковать одну совсем не-написанную и одну написанную, но Вами не прочитанную статью П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] и вообще все направление его научных работ⁹.

Получив от меня исправленную рукопись Никитина, Вы почему-то изволили прогневаться, притом почему-то не на меня, а на П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого]. По существу этого дела скажу ниже. Но важно то, что гнев свой Вы обнаружили при Катце и поручили ему отвезти рукопись П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому] и сделать П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому] выговор.

Катц ко всему относится добросовестно. У него было записано все, о чем с нами надо говорить, и все это он нам сообщил с бесстрастной добросовестностью. Но все же наедине он меня спросил, не знаю ли я, что, собственно, произошло между Вами и П[етром]Н[иколаевичем]С[авицким] и почему Вы так против П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] раздражены.

Подводя итоги, можно сказать, что Вы все время ~~поступали именно так~~ делали именно то, что мы (тройка¹⁰) в свое время решили не делать. При этих условиях жаловаться на какую-то атмосферу Вам не приходится, ибо Вы сами эту атмосферу создали. Если в прошлом году П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] подал повод к недоразумениям своим активизмом и нервностью, то теперь он ни-

какого повода не подавал¹¹. Держал себя он все время совершенно спокойно, весь ушел в научную работу, от активизма совершенно отказался и все время твердо помнил и соблюдал ту линию поведения, которой мы решили держаться во избежание повторения прошлогодней атмосферы. Вы же забыли эту линию и дали волю каким-то совершенно иррациональным и во всех отношениях вредным настроениям. Теперь действительно может возродиться прошлогодний бардак. П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] за это короткое время наполучал от Вас столько щелчков, что я не знаю, удастся ли мне опять разрушить все эти новые травмы.

При таких условиях работа делается почти невозможной. Чуть ли не каждый вопрос грозит превратиться в конфликт. Самые обыкновенные вещи и слова порождают недоразумения. Из моего письма к Катцу об увеличении ассигновки П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому] (кому, как не казначею, я должен был писать об этом?) Вы сделали какой-то вопрос личной обиды. Я очень рад, что вопрос этот уладился и что мои подозрения не подтвердились. Но ведь чуть-чуть не вышло целой истории!

Эпизод с рукописью Никитина тоже чрезвычайно характерен. Вы прислали мне эту рукопись, написанную скверным почерком, и просили меня высказаться о ней. Не без труда (ввиду моего зрения) я прочел ее и написал Вам, что она ~~написана на~~ в общем интересна, но нуждается в основательной проработке. Вы просили меня заняться этим. Я поработал над ней еще дней 10 и выписал на отдельном листе все свои замечания. Т[ак] к[ак] кое-что смущало меня и с точки зрения географической, и т[ак] к[ак] в это же время у нас шла переписка с П[етром]Н[иколаевичем]С[авицким] по вопросу о выработке единой географической и историософской терминологии, то я счел нужным отправить рукопись и свои к ней замечания П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому], прося его просмотреть рукопись с точки зрения своей специальности. П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] проделал эту работу, причем нашел еще ряд несообразностей, мною раньше не замеченных. Когда он известил меня об этом, я попросил его внести в текст все поправки, вытекающие из его и из моих замечаний, и внести их карандашом, предоставив мне право при окончательном просмотре стереть резинкой все поправки, которые я сочту лишними. Так и было сделано. Стереть пришлось мне очень немного, всего

две-три поправки. *Все остальные* необходимы и с моей точки зрения (пересылая рукопись Вам, я прямо на это и указал). Лишних стилистических поправок там нет ни одной. Все вызваны существом дела. В частности, напр[имер], сюда относится и та замена слова «низвергаются» словом «хлещут», которая Вас возмутила: речь идет о степных кочевниках, периодически нападавших на Персию; если Вы взглянете на физическую карту, то увидите, что те степи, из которых эти кочевники приходили, представляют из себя низменности, лежащие частью ниже уровня моря, между тем как Иран есть плоскогорье; согласитесь, что переселение из низменности на плоскогорье никак нельзя обозначить термином «низвергаются»; т[ак] к[ак] Никитин при этом сравнивает кочевников с волнами, и менять это значило бы исправлять не суть дела, а стиль, то никакого другого слова, как только именно «хлещут» (о волнах) в данном случае употребить было невозможно; сохранить же слово «низвергаются» было нельзя, ибо всякого читателя, полюбопытствовавшего взглянуть на карту, эта несообразность поразила бы. Все поправки носят такой же характер. Зря мы ничего не исправляли. Каждый из нас двух перечел всю рукопись по два раза. Каждую поправку обдумывали и взвешивали. В общей сложности положили на эту статью несколько недель работы. Я нарочно просил Вас показать Никитину все «дело» о его статье, чтобы он увидел, что исправляли не зря, не «здорово живешь», а потрудились над его статьей. Прислал Вам рукопись я. Тем не менее, рассердились Вы на П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого]. Сделали ему выговор (письменно и на словах через Катца), а в наказание еще потребовали, чтобы он же еще и озаботился о переписке этой статьи на машинке. Все-таки всему есть мера! Если Вы думаете, что очень весело и легко корпеть над исправлением скверно написанных статей, Вы ошибаетесь. Во всяком случае, полагаю, что обязанность следить за презентабельным видом рукописи лежит на авторе или на заведующем книгоиздательством, а никак не на том, кому поручена научная экспертиза статьи. Я положительно отказываюсь впредь от редакционного просмотра статей, если это связано с таким условием.

Все эти инциденты порождены предвзятым отношением к П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому], недоброжелательством, которое Вы не пытаетесь ни подавить, ни даже хотя бы скрыть. При

таких условиях работать совершенно невозможно. Теперь П[етр] Н[иколаевич] С[авицкий] дал мне на переработку свою статью «историко-географические заметки к современной русской литературе»; об этой статье мы с ним много говорили, и я считаю, что при известной переработке (главным образом, при условии исключения историко-литературных экскурсов, мешающих цельности впечатления) статья эта может выйти интересной. Но я прямо содрогаюсь при мысли о том, сколько крови придется испортить и сколько ненужных усилий придется потратить на искание компромиссных формул при обсуждении этой статьи в «плenumе» редакции «Временника».

Всего хуже то, что эти мешающие работе «психологизмы» абсолютно бессмысленны. Это какая-то ссора Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем. Мне ужасно надоело лавировать между вами двумя, искать компромиссов, уговаривать, иметь то с тем, то с другим неприятные разговоры. А главное, я начинаю думать, что это абсолютно ни к чему, ибо Вы просто не хотите взять себя в руки, подавить свою недоброжелательность и постараться иметь с П[етром] Н[иколаевичем] С[авицким] хорошие отношения. Ведь это просто *laisser aller*, больше ничего. Свои взгляды на то, чем является тройка, и как она должна функционировать я Вам уже раз излагал в длинном письме. Тогда Вы со мной согласились. М[ожет] б[ыть], Вы теперь изменили свой взгляд на этот предмет. Но я продолжаю смотреть на дело так же, как смотрел тогда. Я не верю в возможность успешной работы при отсутствии дружественной спайки внутри тройки, ~~а в деле~~ и при таких условиях не могу участвовать в деле. Этим летом мы должны встретиться втроем, и от этой встречи будет зависеть все дальнейшее. Если я увижу, что ваши отношения непоправимы, я уйду. Это не угроза, а вывод из силлогизма.

Все это печально особенно потому, что общее положение сейчас довольно благоприятное. Насколько я могу судить о деятельности Вашей, Катца и П[етра] Н[иколаевича] С[авицкого] (только вы трое, собственно, и имели деятельность за это время²⁾, каждый из вас работает на 5+ и каждый в своей области достиг прекрасных результатов. Правда, в отношении связи с А[ргентиной]³⁾ мы практически еще стоим на точке замерзания, но, судя по сообщению Катца, Зону⁴⁾ удалось подготовить хороший материал

и наметить новые пути, так что и в этом отношении наши потенции сейчас стали неизмеримо больше.

Громадным плюсом является уже и то обстоятельство, что дело это теперь находится в верных руках и что Зон, по-видимому, вполне втянулся в нашу работу, стал на 100% нашим, что еще прошлой осенью нельзя было сказать¹⁵. Словом, общая конъюнктура сейчас, можно сказать, блестящая. Неужели же все это рухнет вследствие бессмысленного внутреннего разлада? Ведь поймите, что опасность эта вполне реальна. Разлад в среде тройки неизбежно порождает общую атмосферу интриги во всем С[овете] Е[вразийства] и влечение к ~~непрерывному~~ перманентному изменению конституции, превращающему С[овет] Е[вразийства] в аморфную, безобразную и вечно меняющуюся массу. Этот же разлад роняет авторитет тройки, порождает впечатление неспособности тройки стать во главе дела, словом, разрушает то юридически невыраженное, но фактически молчаливо признававшееся до сих пор положение тройки, при котором только и возможно единство С[овета] Е[вразийства]. В тоне Катца и прямо в выражении его лица при разговоре я это совершенно ясно почувствовал. Без «центрального увенчания», без возглавления никакой коллектив работать не может. У нас все возглавлялось хоровой личностью тройки, и, поскольку это была хоровая личность, а не аморфный многоликий коллектив, задача была разрешена.

Но, как только тройка перестает быть хоровой личностью, С[овет] Е[вразийства] оказывается невозглавленным коллективом, т[о] е[сть] коллективом недееспособным. Отсюда — инстинктивное ~~стремление~~ ощущение неправильности конструкции и стремление эту конструкцию исправить. Стремление это направляется либо в сторону перемены конституции, причем эта перемена неизбежно принимает характер перманентный (при каждой встрече изобретается новый проект конституции); либо — в сторону создания единоличного возглавления, диктатуры, причем, естественно, возникает идея диктатуры тайной, и возникает у каждого члена С[овета] Е[вразийства], так что С[овет] Е[вразийства] становится ареной борьбы личных честолюбий, и создается атмосфера перманентной ссоры и взаимного недоверия. При этих условиях всякое расширение базы личного состава С[овета] Е[вразийства] в виде привлечения к нему наиболее выдвинув-

шихся сотрудников, будучи в принципе желательно, неизбежно превращается в зло, ибо только увеличивает амплитуду трений. При других (нормальных) психологических отношениях введение Кошица и Зона¹⁶ в С[овет] Е[вразийства] было бы и естественно, и целесообразно. Но при теперешнем положении это означает дублировать Вас Кошицом, дублировать Катца¹⁷ Зоном и увековечить изолированное положение П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого]. Т[о] е[сть] — тех же щей да *погуше* влей. Даже такое само по себе совершенно непререкаемое и целесообразное мероприятие как учреждение второго отдела при современных условиях таит в себе опасности. Ведь этот второй отдел сконструирован по тому же принципу, как наша тройка: два полюса (у нас — Вы и П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий], у них — Шайкинд¹⁸ и Зон) и один объединитель, одинаково прочно связанный с обоими полюсами (у нас — я, у них — Катц). Имея т[аким] о[бразом] все шансы стать хоровой личностью (что по существу прямо и желательно), этот второй отдел при теперешнем условии угрожающего разложения хоровой личности нашей тройки может стать естественным возглавителем С[овета] Е[вразийства], управляя по принципу *divide et impera*¹⁹. Для существа дела это было бы пагубно, ибо, естественно, дел^о должно возглавляться кредитниками²⁰, а не торговцами²¹.

Итак, я считаю, что единственным правильным решением является восстановление хорового единства тройки. Для этого Вам нужно сделать усилие над собой. Сделайте это усилие. Не ищите виновных вне себя. Если они даже и были бы, методологически правильно искать вину только в себе самом.

Ну, вот. Излил Вам свою душу, наговорил неприятностей. Не сердитесь на меня: это — любя. То, что я вижу Ваши грехи, не мешает мне любить Вас и восхищаться Вами. Теперь начну писать второе письмо, Вам же, но совсем о другом. И, чтобы не смешивать впечатлений, вложу его в другой конверт.

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

1 П.Н. Малевского-Малевича.

2 То есть в Праге.

3 П.С. Арапов.

4 То есть в Париже.

5 Речь идет о встрече П.С. Арапова, П.Н. Малевского-Малевича и П.П. Сувчинского в Париже, на которой, в частности, были приняты решения о расширении Совета евразийства (кооптации А.А. Зайцова и Л.П. Карсавина).

6 Кредитные — то есть идеологические. Предполагалось, что идеологией заведуют «основатели» — участники первого отдела: П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский и Н.С. Трубецкой.

7 Целиком, не входя в подробности (*фр.*).

8 Скорее всего, речь идет о статье: *Сувчинский П.П. К познанию современности* // Евразийский временник. Париж, 1927. Кн. V. С. 7–27.

9 К 1926 г. разногласия между П.Н. Савицким и П.П. Сувчинским достигли своего пика. Время от времени вмешательство Н.С. Трубецкого снимало напряжение, но конфликт продолжался. Сувчинский считал Савицкого экзальтированным и патетическим консерватором, часто Сувчинский — вместе со Д.П. Святополк-Мирским и П.С. Араповым — за глаза критиковал работы Савицкого. Несмотря на большую степень корректности, Савицкий отвечал Сувчинскому тем же: обвинял его в непоследовательности, в склонности к оправданию большевизма, в заигрываниях с марксизмом. Как Савицкий, так и Сувчинский видели себя вождями евразийства.

10 То есть П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский и Н.С. Трубецкой — трое оставшихся в движении основателей.

11 Трения между П.П. Сувчинским и П.Н. Савицким возникли уже в начале 1925 г. В частности, речь шла о создании военизированной организации евразийцев — дейкома (действующего комитета). Инициаторами создания этой организации выступили бывшие военные и монархисты — П.С. Арапов и П.Н. Малевский-Малевич. Савицкий требовал, чтобы руководство такой организацией взял на себя один из «основателей» движения, тогда как Сувчинский настаивал на том, что организации надо предоставить автономию, и упрекал Савицкого в нервозности, «диктаторских замашках» и суетливости. Благодаря вмешательству Трубецкого отношения между Савицким и Сувчинским на некоторое время восстановились.

12 Начиная с 1925 г. П.С. Арапов периодически не участвовал в деятельности евразийцев в связи с заболеванием крови.

13 То есть с Россией.

14 Зон — Арсений Александрович Зайцов. Как уже отмечалось, в боевой организации А.П. Кутепова именно Зайцов ведал перепиской с «Трестом».

15 Вполне возможно, что «втягивание» А.А. Зайцова в евразийство было выполнением задания А.П. Кутепова, узнавшего, что у евразийцев появились контакты с «Трестом» помимо каналов, контролировавшихся кутеповской организацией (то есть через Ю.А. Артамонова и С.Л. Войцеховского в Варшаве).

16 То есть Л.П. Карсавина и А.А. Зайцова.

17 То есть П.Н. Малевского-Малевича.

18 П.С. Арапов.

19 Разделяй и властвуй (*лат.*).

20 То есть идеологам.

21 То есть военными.

78 28 апреля 1926 года

Дорогой Петр Петрович!

Основное впечатление, которое сложилось у меня, сводится к тому, что определенный период нашей работы завершен. Впечатление это сложилось у меня еще до поездки в ФФ¹. Там оно окрепло. А из рассказов Катца я заключил, что и в ВВ² все (сознательно или бессознательно) пришли к тому же самому.

• Завершенный период нашей работы характеризовался выборкой самых общих теоретических положений с преимущественным напором на историсофию. Шайкинд³ уже давно считал, что эта часть (диагностика, по его выражению) уже вполне закончена и что надо перейти к чему-то другому. Это нетерпение выражали (менее ярко, чем Шайкинд) и некоторые другие наши единомышленники, особенно из торговцев⁴. Но я полагаю, что до последнего времени это было неправильно и что мы совершенно правы были продолжать работу в прежнем направлении. Только теперь можно действительно говорить о известной завершенности этой части нашей работы. Отчеканились вполне четкие, ясные и определенные формулы. Отчеканились настолько, что их, с одной стороны, можно превратить в шпаргалку, а с другой — в фундамент для серьезной специальной научной работы. Стало возможным создавать школы «наших» ученых по ряду специальностей.

Одним из наиболее интересных и отродных впечатлений в ФФ был Г.В. Бенедиксен⁵ (по старому товару⁶). Он работает всецело по нашим схемам, но сохраняет при этом всю основательность

хорошего спеца и свою способность к оригинальному самостоятельному творчеству. Это последнее свойство в нем даже возрастает. Направление внимания на изучение русской истории «с востока, а не с запада» (между прочим, он теперь берет уроки монгольского языка у одного образованного калмыка) открыло ему новые горизонты, и он в этой области стал творить так, как, вероятно, не мог бы творить, идя по старой, проторенной дорожке. В прошлом году мы сомневались, показывать ли ему «Наследие Чингисхана». А в нынешнем году я только что прочел его статью о монгольском иге (для «Временника»⁷⁾) и вижу в ней углубленную серьезным и добросовестным спецом схему «Наследия Чингисхана» с присокуплением совершенно замечательных новых, мне доселе неизвестных фактов, открывающих совершенно новые перспективы*. Конечно, Бенедиксен — в некотором роде исключительно благоприятный случай, ибо он вполне сформировавшийся и талантливый ученый⁸. Но вот, нап[ример], другой историк — Пушкарев⁹. Этот звезд с неба не хватает. Одаренность, можно сказать, средняя. Но — добросовестный, серьезный спец. И вот и он научился работать по нашим схемам, хорошо укладывая в них исторические факты и делает это в нынешнем году уже вполне самостоятельно и не по заказу, а сам собой. Вы помните какой ужас была его первая статья, читавшаяся нами в Вене. В нынешнем году — никакого сравнения: новая его статья (для «Временника») совсем прилична¹⁰. Познакомился я с некоторыми совсем юнцами, учениками Бенедиксена. При беглом знакомстве степень одаренности определить не мог. Но работают все в нашем направлении. Историю мусульманского Востока и Монголии знают все, это прямо вошло в обиход.

Все это показывает известное достижение. Помните, какая корявая была статья Бицилли в «На путях»¹¹. Теперь — совсем иное. Наши географическо-историософские схемы настолько отшлифованы, что историку стоит только усесться на них и он авто-

* Не могу удержаться, чтобы не сообщить Вам. До принятия ислама татары колебались — не принять ли христианство. Сын Батыя, хан Сартак, принял христианство. Для христиан Золотой Орды в Сарая была учреждена архиепископская кафедра. Последний сарайский епископ Вассиан переселился в XV в. в Москву, где для него была учреждена осо... [здесь фраза обрывается]

матически покатыся как по рельсам именно туда, куда нам нужно. Настало время писать учебники. Разговор мой на эту тему с Бенедиксеном меня очень удовлетворил: думаю, что заказанную ему книжку он напишет хорошо¹⁴.

Те географическо-историософские схемы, о которых я говорю, не исчерпывают, однако, всего нашего теоретического багажа в области науки. Схемы эти представлены были в статьях «Верхи и низы русской культуры», «Континент-Океан», «Туранские элементы»; опыты сводки даны в «Наследии Чингисхана» и в «Евразийство» (в № 4)¹⁵. Но это — только одна сторона (т[ак] ск[азать], диагностика бытия России и диагностика прошлого). Есть и другая сторона — диагностика современного исторического момента. Эту сторону Вы и я разрабатывали в ряде публицистических статей (наиболее значительные, пожалуй — «Идеи и методы» и «У дверей»)¹⁶. Но вполне четкой историософской формулы до сих пор не было. Впервые такая формула найдена Кошицем в его проектированной и устно изложенной нам в Париже статье «Феноменология революции»¹⁷. Эта формула Кошица так великолепна, что я теперь без нее обходиться не могу. Я уже много раз утилизировал ее в разговорах (конечно, указывая, кому она принадлежит), и каждый раз — с большим успехом. Я чувствую, что, внедрив ее в свое сознание, можно на ней ездить так же свободно, как теперь наши историки разъезжают на наших формулах бытия России и прошлого России.

Совокупность наших диагностических формул бытия, прошлого и настоящего России я и считаю вполне завершенным, законченным достижением истекшего периода нашей деятельности. В этой области можно (и должно) только детализировать, но ничего существенно нового создать нельзя. А потому центр нашего внимания должен быть перенесен в другую сферу. Нам предстоит теперь заняться прикладничеством, созданием идеологии строительства во всех областях жизни.

Здесь нам понадобятся новые спецы, прежде всего юристы и экономисты. Тем, что таковых среди нас нет, смущаться не следует. Я — лингвист и этнограф, П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] — антропогеограф, и как таковые мы до сих пор остаемся в одиночестве: ни одного нового лингвиста, этнографа или географа к нам не прибавилось; но зато мы привили свои мысли историкам. Теперь надлежит сделать то же с экономистами и юристами.

М[ожет] б[ыть], историков больше всего привлекло к нам то, что мы переворачивали привычные перспективы: «взгляд на русскую историю не с запада, а с востока» — вот, что привлекательно, ибо это дает возможность открывать совершенно новые соотношения фактов. С экономистами предлагаю сделать нечто подобное. Для ходячей политической экономии социализм есть идеал будущего, предел экономического развития: одни этот идеал обособывают, другие опровергают, но, во всяком случае, все рассматривают его как нечто еще неосуществленное и нечто, дальше чего идти невозможно.

Мы должны поставить вопрос иначе. Согласно общему принципу признания фактов, мы рассматриваем социализм как нечто, в России уже осуществленное и подлежащее изменению. То, что для европейских экономистов является конечным пределом эволюции, в России в данном случае является исходным пунктом интересующей нас эволюции. Факт осуществления в России социализма ставит Россию в исключительное положение: это такая же специфическая особенность России-Евразии, как, скажем, континентальный климат или отсутствие выхода к незамерзающему открытому морю и т[ак] д[алее]. И эта специфическая особенность ставит перед экономистом и особую задачу. Нам нужно рассуждать не о том, осуществим или неосуществим социализм, и как к нему придти, а о том, как из него выйти и какие формы экономической жизни возможны и необходимы *после* социализма. История назад не возвращается. Поэтому говорить о простом возвращении к буржуазно-капиталистическому строю просто нелепо. Задача состоит в поисках тех форм, которые могут и должны развиться на развалинах социализма. Они будут не похожи на социализм, но будут предполагать пройденную стадию социализма — в чем и будет их специфическое своеобразие. В частном случае рабочего вопроса сходную мысль высказал П[етр] Н[иколаевич] С[авицкий] (в проекте меморандума и в статье «Что делать», где эта мысль есть одна из немногих удачных мест). Но надо поставить эту проблему в общем виде. Полагаю, что такой постановкой вопроса кое-кого из экономистов (притом, хороших) увлечь можно, ибо проторенная дорожка избличения «советских экспериментов» и восхваления капитализма всем надоела. П[етр] Н[иколаевич] С[авицкий], которому я высказал свою мысль, ее одобрил, но в то же время признал, что он сам, будучи по призванию не

экономистом, а антропогеографом, вряд ли сможет дать в этой области именно то, что требуется. Мы решили сейчас же испробовать мой план на местных экономистах. К сожалению, почти все эти местные экономисты либо ученики Сучкова¹⁶, либо его научные приверженцы. Единственный из них, кто проявил симпатию к нашим писаниям, — некий Иванцов (племянник богослова Иванцова-Платонова)¹⁷. Он довольно часто посещал семинар П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] и даже раз прочел там реферат, но не на экономическую, а социально-психическую тему, реферат по словам П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого], интересный, но не вполне подходящий для нас¹⁸. Мы отправились к нему и долго с ним разговаривали. Он мне понравился. Конечно, в нем есть закваска прежней экономической школы (ему 40 лет и он много писал в разных журналах). Но в то же время он чувствует в нас правду, и мы его привлекаем. Все, что он говорил, было, во всяком случае, не банально. Понравилось мне, что он не боится слов и не прячет голову под крыло. Признает, что конкурентизм¹⁹ имеет целый ряд достижений. Мысли, которые мы высказывали в разговоре, ему, по-видимому, понравились, во всяком случае, он моей постановкой проблемы заинтересовался. Понравилась ему и мысль П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] о коопартнершипе²⁰ (в той форме, как она высказана в «Что делать»), но он сделал к ней ряд поправок спецовского характера. Думаю, что с ним можно иметь дело. Для опыта мы заказали ему брошюру по рабочему вопросу. Посмотрим, что выйдет. Конечно, успокаиваться на нем одном нельзя. Надо искать еще других. В районе П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] задача затруднена господством влияния Сучкова. Нет ли кого-нибудь находящегося в Вашей местности?

С юристами, особенно государствоведами, дело по-прежнему обстоит очень скверно. Они поголовно и безнадежно твердят зады. Критика парламентаризма, которая во всех европейских странах находит отклик в среде ученых, в русской среде является достоянием одних дилетантов: все спецы либо парламентаристы, либо черносотенники. Характерно, что об итальянских работах и о фашистском законодательстве ни один русский государствовед ничего не пишет. Вместе с тем, мы не можем довольствоваться кустарщиной. Наше дело — поставить проблему, подать мысль, а разрабатывать должны настоящие спецы. Когда от нас требуют про-

грамм и деклараций, упускают из вида это обстоятельство. Вопрос этот, наконец, надо сдвинуть с мертвой точки. Без юриста мы погибнем. И нужен он именно сейчас¹¹. Надо предпринимать героические меры, чтобы заразить какого-нибудь юриста. Пускай ищут все: рассчитываю на Вас и на Кошица, у П[етра] Н[иколаевича] С[авицкого] в этом отношении ничего не выходит, ибо юристы в его районе все являются нашими злейшими врагами.

Кроме экономистов и юристов нужны, конечно, и другие спецы, ибо нужно разрабатывать сразу все стороны жизни. Педагогическая записка Кошица есть только первая ласточка, за которой должны последовать и другие, чтобы сделать весну.

В лице Зона²² мы, кажется, приобрели хорошего спеца, но важно, чтобы он привлек и других: я думаю, что в его области это будет легче, чем с экономистами или юристами.

Лозунгом момента я считаю: «Максимальная стройка при минимальном разрушении». Подлежит уничтожению все то, что неотделимо от марксизма; все прочее мы не разрушаем, а только усовершенствуем. Менять надо содержание, а форму только постольку, поскольку это требуется новым содержанием. Всякого вновь привлекаемого спеца надо пропитывать именно этими идеями. —

Для нашего внутреннего употребления считаю существенно важными следующие положения:

1. Признав, что историософская идеология наша вылилась во вполне четкие формулы, перенести центр внимания с диагностики на идеологию стройки, и в этой области ставить себе целью выработку столь же четких формул.

2. Поддерживать стандарт научной доброкачественности, не допускать кустарности, стремиться к тому, чтобы наши мысли разрабатывались спецами.

3. Все идеи строительства должны быть связаны не только с лозунгами момента, но и с нашими историософскими положениями (притом, не только с формулой современного исторического момента, но и с формулами бытия России и прошлого России).

Вот, собственно, главные мои выводы. Это — развитая в связи с моими впечатлениями от поездки в ФФ речь, которую я произнес бы,

если бы присутствовал на курултае в ВВ (как Кузьма Прутков: «Древнегреческой старухе, если бы таковая домогалась моей любви»).

Практически в связи с этим возникает ряд вопросов относительно Временника.

В портфеле имеется целый ряд статей (Бенедиксена, Пушкирева, Никитина, моя, П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого]), посвященных развитию и детализации формулы бытия России-Евразии и формулы прошлого. Что с ними делать? Не являются ли они уже по самой своей теме известным анахронизмом? А с другой стороны, нельзя же отбрасывать хорошие статьи, вполне наши по духу и по идее. Зато по части стройки нет ни одной специальной статьи. Статья Зона и та выпала из «Временника» в отдельную брошюру²¹.

Обо всем этом необходимо подумать и переговорить. Нам троим надо съехаться. Всего удобнее — в середине июля. У меня к тому времени дети и теща переедут на дачу. Жена могла бы остаться в Вене, и тогда я мог бы принять вас у себя. С другой стороны П[етр] Н[иколаевич]С[авицкий] очень хотел бы побывать в Париже, и м[ожет] б[ыть], по существу это было бы вообще лучше. За съезд у меня говорит только дешевизна: путевые расходы были бы почти вдвое дешевле, чем при съезде в Париже, а пребывание при указанной выше комбинации ничего не стоило бы. Во всяком случае, тут или там, но съехаться надо. М[ожет] б[ыть], пригласить и Кошица. Только я стоял бы за то, чтобы мы троим собрались за несколько дней до приезда Кошица (это — в связи с моим предыдущим письмом).

Кончаю это письмо и отправляю его, хотя чувствую, что оно уже устарело, в том смысле, что сейчас есть вопросы более актуальные, которыми, вероятно, заняты и Вы: вчера получил экспресс из ФФ²⁴ с копией письма Давыдова²⁵ к Эсдерсу²⁶ и с сообщением Катца²⁷ о том, что Зон срочно выезжает в ВВ²⁸. М[ожет] б[ыть], нам придется увидаться раньше, чем я предполагал. Но это свидание будет кратковременным и редакционного съезда отнюдь не отменяет.

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

P.S. Дядю Гришу²⁹ Вы, по-видимому, обработали здорово: статья его прямо хоть в «Хронику»! Остальцов³⁰ упорен и самоуверен: судя по его возражениям, из него трудно сделать что-нибудь пут-

ное. По-моему, его надо снабжать нашей литературой. Вступать же с ним в полемическую переписку как будто не стоит.

Обращался ли к Вам Н.М. Зернов (студент Академии)"? Он был у меня и произвел неплохое впечатление. — На семинаре Бенедиксена один калмык (тот самый, который дает уроки Бенедиксену) читал перевод калмыцкой поэмы. Я присутствовал. Поэма очень хороша. Недурно бы ее издать.

Н[иколай]Т[рубецкой].

28/IV/1926

1 В Прагу.

2 В Париже.

3 П.С. Арапов.

4 То есть военных.

5 Г.В. Вернадский.

6 То есть истории.

7 *Вернадский Г.В.* Монгольское иго в русской истории // Евразийский временник. Париж, 1927. Кн. V. С. 153–164.

8 П.П. Сувчинский и его круг не разделяли этого отношения к Г.В. Вернадскому. Так, Д.П. Святополк-Мирский писал Сувчинскому по поводу «Начертания русской истории» Вернадского: «Прочел Вернадского. Слабо. Я думаю, он просто довольно глуп. Единственное достоинство книги — что она вносит некоторое количество любопытного и малоизвестного материала...» (Д.П. Святополк-Мирский — П.П. Сувчинскому, 11 октября 1927 г. // The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. Birmingham, 1995. P. 90).

9 Сергей Германович Пушкирев (1888–1984) — историк; закончил Харьковский университет, где готовился к магистерским экзаменам; участвовал в Гражданской войне, эвакуировался из России в 1920 г. С 1921 г. проживал в Праге, сотрудничал в различных академических учреждениях. После Второй мировой войны переехал в США, преподавал русский язык в Йельском университете. Автор воспоминаний: *Пушкирев С.Г.* Воспоминания историка, 1905–1945. М., 1999.

10 *Пушкирев С.Г.* Россия и Европа в их историческом прошлом // Евразийский временник. Париж, 1925. Кн. V. С. 121–152.

11 *Биццлли П.М.* «Восток» и «Запад» в истории Старого Света // На путях. Берлин, 1922. С. 317–340.

12 Заказанная книжка: *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. С приложением «Геополитических заметок по русской истории» П.Н. Савицкого. Прага: Евразийское книгоиздательство, 1927. Ч. I. Эта книга стала первой евразийской монографией по истории России.

13 *Трубецкой Н.С.* Верхи и низы русской культуры: Этническая основа русской культуры // Исход к Востоку. София, 1921. С. 86–103; *Савицкий П.Н.* Континент-Океан (Россия и мировой рынок) // Там же. С. 104–125; *Трубецкой Н.С.* О туранском элементе в русской культуре // Евразийский временник. Берлин, 1925. Кн. IV. С. 351–377; Евразийство // Там же. С. 5–23 (автор основной части текста — П.Н. Савицкий. — С. Г.).

14 *Сувчинский П.П.* Идеи и методы // Там же. С. 24–65; *Трубецкой Н.С.* У дверей: Реакция? Революция? // Евразийский временник. Берлин, 1923. Кн. III. С. 18–29.

15 Кошиц — кодовое имя Л.П. Карсавина. См.: *Карсавин Л.П.* Феноменология революции // Евразийский временник. Париж, 1927. Кн. V. С. 28–74.

16 Сучков — одно из кодовых имен П.Б. Струве.

17 Экономист Д.Н. Иванцов, племянник А.М. Иванцова-Платонова (1835–1894), преподававшего, в частности, в Московском университете. Д.Н. Иванцов преподавал в русских учебных заведениях в Праге.

18 Д.Н. Иванцов делал доклад в семинаре П.П. Савицкого весной 1926 г. Доклад был посвящен состоянию промышленности в СССР и в целом пессимистично оценивал советскую экономическую систему (см.: Евразийская хроника. Париж, 1926. Вып. V. С. 82).

19 То есть большевизм.

20 Копартнершип (англ. copartnership — партнерство) — идея о социальном партнерстве работодателей и работников во имя достижения каких-то общенациональных целей. Идея такого партнерства была популярна в особенности в социал-демократических и фашистских кругах Западной Европы.

21 Ведущим правоведом в евразийстве стал Николай Николаевич Алексеев (1879–1964), создавший антилиберальную теорию государства и права в духе Карла Шмидта. Привлек Алексеева к сотрудничеству именно П.Н. Савицкий. Алексеев закончил юридический факультет Московского университета, где занимался под руководством П.И. Новгородцева (см. выше). С 1916 г. — профессор Московского университета. Преподавал в Таврическом университете, с 1922 по 1931 г. был профессором Русского юридического факультета в Праге; некоторое время преподавал в Сорбонне, затем в Белградском университете. После Второй мировой войны жил в Женеве. Во время раскола в евразийстве Алексеев стал членом руководящего комитета «нового» евразийства, вместе с Савицким и Н.А. Клепининым.

22 То есть А.А. Зайцова.

23 Имеется в виду: *Зайцов А.А.* Комплектование Красной Армии. (см. примеч. 4 к письму Н.С. Трубецкого П.П. Сувчинскому от 15 февраля 1926 г. (№ 68)). Этот текст вызвал резкие возражения П.Н. Савицкого, и П.П. Сувчинский напечатал его вне «Временника», отдельной брошюрой.

24 Из Праги.

25 Давыдов — еще один псевдоним «Денисова»-Лангового.

26 То есть к П.Н. Савицкому.

27 То есть П.Н. Малевского-Малевича.

28 В Париж.

29 Г.Н. Трубецкого.

30 Лицо установить не удалось.

31 Николай Михайлович Зернов (1898–1980) — участник русского студенческого христианского движения в 1920-х гг.; в 1930-х гг. проживал в Великобритании, учился и преподавал в Оксфорде. Видный историк христианства. Академия — Богословский институт в Свято-Сергиевском подворье в Париже.

79 18 мая 1926 года

Дорогой Петр Петрович!

Ужасно рад, что недоразумения между Вами и мной кончились, и атмосфера расчистилась.

Теперь, наконец, можно разговаривать по существу. Вы напрасно думаете, что мною руководит упрямый консерватизм и нежелание выпускать власть из рук. Последнее как раз у меня никакой роли не играет, ибо в наше дело я вкладываю минимальную долю честолюбия. Точка зрения моя сводится к следующему. Предлагаемое Вами расширение С[овета] Е[вразийства] путем кооптации выдающихся работников теоретически очень желательно, но оно не устранит главного недостатка конструкции С[овета] Е[вразийства] и потому практически может только ухудшить, а не улучшить положение.

Основным недостатком конструкции С[овета] Е[вразийства], делающим его неработоспособным, является отсутствие возглавления. Если этот недостаток сохранить, то предлагаемая Вами реформа ухудшит положение, если же этот недостаток устранить, то реформа Ваша улучшит положение. Современный С[овет] Е[вразийства] вследствие отсутствия возглавления *почти* неработоспособен, но всякий другой С[овет] Е[вразийства] при том же условии будет еще менее работоспособен. Это ясно: когда нет возглавления, работать трудно, но все же небольшое число хорошо друг с другом знакомых и так или иначе друг к другу «притер-

шихся» людей при этом условии будут работать лучше, чем большее число людей, биографически слабее друг с другом связанных. При возглавлении соотношение меняется: если бы удалось С[овет] Е[вразийства] возглавить, то он в нынешнем своем составе оказался бы более работоспособным, а при введении в него еще нескольких качественных работников стал бы и совсем работоспособным. Т[аким] о[бразом], расширение С[овета] Е[вразийства] путем кооптации при отсутствии возглавления является минусом, при наличии же возглавления — плюсом. Для того, чтобы провести ту реформу, которую Вы предлагаете, нужно начать с того, что добиться возглавления С[овета] Е[вразийства], — иначе вся эта реформа не только бесполезна, но прямо вредна. Но даже и независимо от реформы ввести возглавление необходимо, ибо так дальше работать нельзя. В самом деле, что у нас происходит? Встречаются друг с другом *a*, *b* и *c*, обсуждают какой-нибудь вопрос и выносят решение; потом *c* встречается с *d* и *e*, опять обсуждают тот же вопрос и перерешают; потом *e* встречается с *a* и *b* ... и т.д., и т.д. Раз нет возглавления, то нет и причины, чтобы это все остановилось. Получается *perpetuum mobile* и дурная бесконечность. Другое дело — при наличии возглавления. Тогда вся эта игра в индюшки пресекается в тот момент, как очередь доходит до возглавителей: они выносят окончательное решение. В сущности, последний эпизод нашей неразберихи закончился тем, что спорные вопросы решено было передать на рассмотрение съезда редакционного комитета: это показывает, насколько потребность в возглавлении насущна.

Итак, необходимо возглавление. Без этого нельзя сдвинуться с места. Это самый главный вопрос, и не только главный, но первоочередной. Все прочие реформы и реорганизационные планы надо пока отложить. Наиболее естественным решением я продолжаю считать возглавление тройкой¹. Почва для такого решения подготовлена: о том свидетельствует вышеупомянутый факт передачи вопроса о реформе на обсуждение редакционного комитета; Зон² прямо высказал, что С[овет] Е[вразийства] должен возглавляться тройкой (вероятно, Вы с ним говорили); для Шайкинда³ эта мысль, по-моему, не непривычна и не неприемлема; что касается до Катца⁴, то он по своей социальности не станет этому противиться. Дело стало только... за самой тройкой. Дело в том, что для того, чтобы возглавлять С[овет] Е[вразийства], тройка должна быть

внутренне максимально спаяна. А потому необходимым условием является полная и окончательная ликвидация всех психологизмов и всех их причин.

Я считаю это главной задачей нашего предстоящего свидания. Думаю, что именно при личном свидании, при непосредственном общении эта задача осуществима, особенно если все трое будут исполнены искреннего желания осуществить эту задачу. Если выяснится, что единство тройки восстановилось, то тройка явится единственным возглавителем, и главный вопрос, т[аким] о[бразом], окажется разрешенным. При этом я считаю, что «возглавление тройкой» надо будет прямо кодифицировать и ввести в официальную конституцию. Если хотите, это — «захват власти», но — и пусть! Нечего бояться слов!

Мы говорим, что революция явилась плодом утраты воли к власти, а сами только и делаем, что стараемся обойтись без власти. Полагаю, что кодификация «возглавления тройкой» пройдет без затруднений.

Повторяю, для возглавления тройкой необходимо восстановление единства тройки. Я верю, что это восстановление состоится. Но надо быть готовым ко всему. Поэтому надо предвидеть и тот случай, что единство тройки окажется физически (точнее: психологически) невозможным. Разумеется, это будет трагично. Однако, м[ожет] б[ыть], все-таки и из этого положения можно выпутаться. Т[ак] к[ак] без возглавления вообще дальше существовать нельзя, то останется только один выход, именно, прибегнуть к единоличному возглавлению. Это будет, конечно, гораздо хуже, чем возглавление тройкой, но придется помириться и на этом. Мне лично такое решение было бы особенно неприятно, ибо я не вижу другого кандидата на роль единоличного возглавителя, кроме самого себя, а роль эта во многих отношениях тяжелая и неприятная. Но в крайнем случае я пойду и на это. Для меня, во всяком случае, ясно, что если С[овет] Е[вразийства] так или иначе не будет возглавлен, то никакая реформа его работоспособным сделать не может.

Разрешив так или иначе вопрос о возглавлении, можно будет приступить к вопросу о расширении С[овета] Е[вразийства] путем кооптации. Как я уже сказал, для *возглавленного* С[овета] Е[вразийства] я такое расширение считаю желательным. Это — в принципе. Но конкретно вопрос сводится пока к кандидатуре Ко-

шица⁷ (кооптацию Зона мы все считаем состоявшейся, о чем ему и заявили, как он, вероятно, Вам рассказывал). И вот туту меня все-таки возникают известные сомнения, о которых хотелось бы с Вами побеседовать. Конечно, недостатки есть у всякого; но есть недостатки, мешающие лидерствовать, — а ведь Кошицу придется лидерствовать, если он будет членом С[овета] Е[вразийства]. Если уже и Шайкинд своим озорством принес некоторый вред делу (вспомните письмо Климовичу⁶), то Кошиц может тем же своим качеством принести вред неизмеримо больший. Ведь Шайкинду многое прощается и по молодости лет, и потому, что у него нет определенной *position sociale*⁷. Кошиц же имеет авторитет и возраста, и положения, и потому всякое его антреша неизмеримо чреватее последствиями, чем выходка Шайкинда. Правда, можно предполагать, что сознание своей сопричастности к С[овету] Е[вразийства] породит в Кошице чувство ответственности, которого у него до сих пор не было. Но все-таки странно именно то, что раньше-то этого чувства ответственности у него не было. Ведь нормальные люди его возраста и положения не выкидывают таких фортелей, какие выкидывал он (прошлогодня речь, диалоги, *noctes petropolitanae* и т[ак] д[алее])⁸, хотя и не состоят членами С[овета] Е[вразийства]. В этой области у него есть какой-то дефект, и у меня нет уверенности, что этот дефект исчезнет у него после кооптации. Скажу даже более: у меня нет полной уверенности и в самой силе убежденности Кошица. Для всего его мирозерцания характерна известная пантеистическая расплывчатость и принципиальная неопределенность. Он стремится не разрешать противоречия, а становиться на такую точку зрения, при которой неразрешенные противоречия мирно сожительствуют друг с другом. Ведь есть всегда какая-то степень отвлеченности, при которой любое конкретное утверждение оказывается равным своей противоположности. Кошиц находит особое удовольствие в такой игре ума. Но это значительно ослабляет силу и убедительность его построений, снимая с него ответственность за каждое конкретное утверждение. Он может высказать любое утверждение, а вслед за тем — утверждение прямо противоположное, и всегда докажет при этом собеседнику путем тонкого диалектического фокуса, что тут никакого противоречия нет. При этом противоречие, конечно, все-таки останется в плане конкретном, а упраздняется только в пла-

не отвлеченном. Поскольку наши идеи возвращаются именно в конкретном плане, в конце концов и остается неясным, что же Кошиц принимает: только данную нашу идею, или одновременно и идею, ей прямо противоположную. Эта постоянная возможность одновременного высказывания двух друг другу противоположных конкретных суждений при общении с Кошицом всегда чувствуется и создает впечатление двусмысленности и «задней мысли». Это затрудняет общение, т[ак] к[ак] объект общения оказывается неуловимым и почва ускользает из-под ног. Я это испытывал лично, и из разговоров о Кошице с другими лицами убедился, что то же испытывают многие другие. Наконец, Кошиц — несомненный неврастеник. Конечно, от неврастения в той или иной мере никто из нас не свободен (пожалуй, один только Катц свободен). Но я не знаю, не достигает ли неврастения у Кошица той степени, при которой практическая деятельность (а ведь член С[овета] Е[вразийства] — практический деятель) становится невозможной.

Все это я Вам говорю в порядке обсуждения. Мне Кошиц лично симпатичен, и я его очень ценю. Но когда речь идет о его полной кооптации, то у меня возникают все вышеизложенные сомнения. Вы его лучше знаете. Мне хотелось бы выслушать Ваше мнение. Вопрос слишком серьезный. Ведь кооптировать легко, но потом «вышибать» уже гораздо труднее, а потому необходима сугубая осмотрительность при кооптации.

Надеюсь получить от Вас обстоятельный ответ на это письмо. Очень желательно, чтобы мы взаимно выяснили свои взгляды по всем этим вопросам еще до нашего съезда.

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

P.S. Катц прислал мне проект резолюции по поводу решений, принятых в П[раге]. Я ответил ему, что такую резолюцию считаю несвоевременной. По существу, самые важные решения принципиального характера мы отложили до редакционного съезда. Я надеюсь и уверен, что на этом съезде мы и предложим гораздо более определенную резолюцию, которую и можно будет фиксировать, кодифицировать.

Сейчас же момент неопределенный, момент передышки, который не представляется необходимым фиксировать. Един-

ственное, что вполне определенно решено, это — кооптация Зона. Можно это выразить письменно, но нужно ли? Выходит похоже на диплом, выдаваемый члену С[овета] Е[вразийства]. П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] не сговорившись со мной, ответил, по-видимому, совершенно в том же духе.

Н[иколай]Т[рубецкой].

P.P.S. Второго номера «Благонамеренного» мне почему-то не прислали. Если будете писать редактору или увидите его, попросите присылать. Все-таки интересно следить.

Н[иколай]Т[рубецкой].

18/V/1926

1 То есть П.Н. Савицким, П.П. Сувчинским и Н.С. Трубецким.

2 А.А. Зайцов.

3 То есть для П.С. Арапова.

4 То есть П.Н. Малевского-Малевича.

5 То есть Л.П. Карсавина.

6 Скорее всего, речь идет о Евгении Константиновиче Климовиче (1871–1930), генерал-лейтенанте, участнике Первой мировой войны, руководителе военной разведки П.Н. Врангеля; в эмиграции — сторонник монархических групп; с 1920 г. проживал в Югославии, в Белграде.

7 Положения в обществе (*фр.*).

8 Л.П. Карсавин принадлежал к той плеяде мыслителей Серебряного века, для которых сексуальность человека имела практически религиозное значение. Именно поэтому Трубецкой говорит о «розовощине» Карсавина. В книге «Noctes Petropolitanae» (изданной в Берлине в 1922 г.) проповедуется возможность раскрытия божественной истины через любовь плотскую. Трубецкой, человек более чем консервативных взглядов в религиозной сфере, безусловно, считал подобные тексты скандальными.

80 24 мая 1926 года

Дорогой Петр Петрович!

У моего сотрудника М[ихайловского]¹ имеется сестра и двоюродные братья, живущие в АО². Все они учатся, и для этого должны были поступить в конкурентские конторы³. Один

такой же конкурент⁴ поневоле находится сейчас в УУ⁵. Он тоже знаком с моим сотрудником еще по АО, и мой сотрудник за него ручается. Этот молодой человек рассказывает, что таких, как он, много (не только в АО, но и в других местах). Сейчас предписано всем конторам учащихся изучать антиконкурентский кредит⁶, и ему лично велено привезти с собой для этой цели все интересное, что ему попадется за границей. Т[аким] о[бразом] он может совершенно открыто привезти кредитный⁷ материал и доставить его в несколько контор учащихся, особенно в АО. Говорит, что люди, подобные ему, во всех этих конторах многочисленны и жадно набрасываются на такой кредитный материал, обсуждение же этого материала в конторах, хотя и предписано с целью приучить к борьбе с враждебным конкурентам кредитом, но постоянно приводят к результатам прямо обратным, т[о] е[сть] к увеличению числа людей подобных ему. Подвергать его самого здесь кредитной обработке не представляется возможным, но он во всяком случае сочувственно относится ко всякому антиконкурентскому кредиту и берется доставить материал в известные ему конторы. По-моему, мы ничем не рискуем, если дадим ему материал. Я бы дал брошюры (Кошица, обе франковские, ИР и Хомякова)⁸, мою «Евр[опу] и Чел[овечество]» и некоторые оттиски из «Временников». Каждой вещи он просит по 10 экземпляров. Самые «Временники» слишком громоздки. Если Вы согласны (попытка не пытка), то *поскорее* пришлите по 10 экз.[емпляров] всего вышеперечисленного. Сверх того пришлите еще штук 5 Хомякова для распространения здесь.

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

24/V/1926

¹ Речь идет о студенте Михайловском, выполнявшем поручения Н.С. Трубецкого.

² В Ленинграде.

³ То есть в партию и комсомол.

⁴ Большевик.

⁵ В Вене.

⁶ Антибольшевистскую идеологию.

7 Идеологический.

8 То есть Л.П. Карсавина, С.Л. Франка и переизданного евразийцами А.С. Хомякова. ИР — псевдоним Н.С. Трубецкого, которым подписана брошюра «Наследие Чингисхана».

81 27 мая 1926 года

Дорогой Петр Петрович!

С Вашим предложением отложить вопрос о кооптации Кошица¹ на полгода и тем временем переселить Кошица в Париж я в принципе согласен и готов это предложение поддерживать. Однако я считаю, что, прежде чем ставить этот вопрос на обсуждение С[овета] н[ефти] надо заручиться согласием П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого]. Иначе может выйти, что все согласятся, а П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] не согласится, т[о] е[сть] опять будет продемонстрирован раскол в тройке. Думаю, что П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] с Вашим предложением согласится, но на всякий случай хорошо бы сначала заручиться его согласием. Если позволите, я перешлю ему Ваш проект обращения к С[овету] н[ефти] и [выписку из] Вашего препроводительного письма ко мне, снабдив все это своим комментарием и прося его срочно ответить одновременно и Вам и мне. Если хотите, напишите сами ему непосредственно. Чтобы не задерживать дела, немедленно по получении сего письма, телеграфируйте мне либо «écrivez»² (тогда я напишу П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому]), либо «moi même»³ (тогда буду знать, что Вы сами напишите), либо «inutile»⁴ (если Вы считаете, что мои опасения основаны на чрезмерной мнительности, и что запрашивать П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] излишне).

Если приезд Кошица будет решен, то я внес бы только еще одну поправку, т[ак] ск[азать], к финансовой части: считаю, что Кошицу необходимо совершенно эмансипироваться от «Имки» в материальном отношении. Правда, учреждение это глубоко втерлось в эмигрантскую жизнь, в частности, в церковную, так что через посредство [Свято-]Серг[иевского] Подворья все равно деньги из «Имки» перекачиваются в карманы отдельных наших сотрудников. Но непосредственно от Имки содержания ни-

кто из ответственных сотрудников, а особенно из членов С[овета] Н[ефти] (фактических или потенциальных) получать, по-моему, не должен.

Относительно возглавления совершенно согласен с Вами, что наилучший путь состоял бы в том, чтобы нас провозгласили. О самопровозглашении я упомянул только в том смысле, что-де в крайнем случае нам и перед этим не надо останавливаться. Но если инициативу возьмут другие, тем лучше.

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.

Ваш Н[иколай] Т[рубецкой].

Итак, — жду Вашей телеграммы.

27/V/1926

1 То есть Л.П. Карсавина.

2 «Пишите» (фр.).

3 «Я сам» (фр.).

4 «Не [представляется] полезным» (фр.).

•

82 4 июня 1926 года

Дорогой Петр Петрович!

Только что получил от П[етра] Н[иколаевича] С[авицкого] ответ на мой запрос о его отношении к Вашему проекту перевода Кошица¹ в Париж. П[етр] Н[иколаевич] С[авицкий] с Вашим проектом вполне согласен. Но только подчеркивает, что необходимо избежать всего, что могло бы предрешить включение Кошица в С[овет] Е[вразийства] и связать свободу нашего будущего решения по этому вопросу, поэтому Кошицу ни в коем случае не надо говорить о том, что его кандидатура ставилась или будет поставлена. С этим я совершенно согласен и очень прошу Вас, Петр Петрович, это наше пожелание уважить. Кроме того, П[етр] Н[иколаевич] С[авицкий] сообразно своим свойствам характера, конечно, усмотрел в тексте Вашего обращения к членам С[овета] Е[вразийства] несколько мною незамеченных мест, его очень бес-

покоящих. Места эти следующие: А) Стран[ица] I, строки 12–10 снизу: «Считаю, что перед этой насущной потребностью должны отойти на второй план все и без того неосновательные аргументы против ближайшего вовлечения Кошица в сферу нашей работы» — я при первом чтении на это место не обратил внимания, но действительно выходит не совсем хорошо. Лучше слова «и без того неосновательные» вычеркнуть.

Б) Там же, строка 10-я снизу: «отложить включение Кошица» и т.д. Эта формулировка неправильно передает Вашу мысль: ведь откладывается не включение, а «решение вопроса о включении». Так и надо сказать. В связи с Вашим препроводительным письмом я Ваше предложение понял именно так и потому не обратил внимания на самую формулировку предложения в тексте обращения к С[овету] Е[вразийства]. Полагаю, что место это действительно надо исправить в вышеуказанном смысле.

В) В заключительном абзаце П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] усматривает «condition sine qua non», и указывает на то, что таких «синекванонов» в переписке С[овета] Е[вразийства] следует избегать. В принципе я с ним согласен, тем более, что сознаю некоторую свою вину в том, что ввел в употребление этот обычай («выход из игры»). В данном случае, однако, я не усматриваю в Вашей фразе («мне придется в каком-то отношении снять с себя ответственность за дальнейший ход нашего дела») оттенка ультимативности. Все же, дабы избежать и тени «синекванонства», создающего действительно очень нежелательную атмосферу, лучше этот абзац опустить или смягчить. В общем, теперь, учитывая, что П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий], Зон' и я выразили согласие, дело можно считать уже решенным в положительном смысле, и настойчивая педаль на заключительном аккорде обращения к членам С[овета] Е[вразийства] имеет уже только чисто стилистическое, а не деловое значение.

Надеюсь, что Все эти поправки Вам не покажутся неприемлемыми.

Что касается до моих добавлений к Вашему предложению (именно: признать желательным финансовую эмансипацию Кошица от «Имки» и скрыть от Кошица, что его кандидатура в члены С[овета] Е[вразийства] ставилась и будет ставиться), то как хотите, — написать ли мне их «официально» в виде ответа на Ваше об-

ращение с рассылкой копий членам С[овета] Е[вразийства], или считать, что я Вам уже это сообщил?

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.

Ваш Н[иколай] Т[рубецкой].

4/VI/1926

1 То есть Л.П. Карсавина.

2 А.А. Зайцов.

83 4 июня 1926 года (2)

Дорогой Петр Петрович!

В ответ на Ваше письмо (без даты) с жалобами на П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] и на то, что я «непрестанно стою на его защите», я написал Вам письмо, в котором подробно излагал свой взгляд на этот предмет и давал психологический анализ поведения П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] (не в вопросе о брошюре Кролинского¹, а вообще) и обоснование своей позиции. Письмо вышло длинное; 6 страниц, (коротких писем я, как Вам известно, писать не умею). Перечитав его, я усомнился, стоит ли его посылать. Мне кажется, что такие «психоаналитические» письма (особенно длинные) Вас раздражают и поэтому достигают как раз обратного действия. Поэтому письмо я пока задержу; имейте только в виду, что оно существует: если оно Вас интересует и если Вы можете прочесть его без раздражения, то по Вашему требованию я его Вам пошлю (как видите, я теперь стал опаслив не только с П[етром]Н[иколаевичем]С[авицким], но и с Вами, — пуганая ворона и куста боится: тоже — «симптоматично»). Пока же изложу только вкратце свой ход мысли: то, что Вы приписываете «мании величия», на самом деле происходит от «мании преследования»; психологической подоплекой этой «мании» является (у П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого]) сознание своей изолированности; только при общении со мной у него этого чувства нет, ибо во мне (и, пока, только во мне) он чувствует ту искреннюю к нему дружбу и доброжелательность, которую в других не чувствует; но, конечно, это ощущение связи со мной не способно разрушить обще-

го ощущения изолированности; единственным выходом считаю восстановление психологического единства тройки, что практически сводится к тому, чтобы Вы при личном свидании и общении с П[етром]Н[иколаевичем]С[авицким] дали бы ему почувствовать по отношению к Вам то же, что он чувствует по отношению ко мне; тогда исчезнет ощущение изолированности, а с ним вместе и та «мания преследования», которая заставляет П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] относиться ко всему подозрительно и придирчиво и делать судорожные, часто бестактные жесты, препятствующие совместной работе. Вот как дело представляется мне. Вы в своем письме жалуетесь, но не указываете никакого практического выхода. Если Вы имеете в виду какой-нибудь выход, не совпадающий с тем, который предлагаю я, то напишите мне: давайте, обсудим. Я другого выхода себе не представляю.

Как я уже Вам писал, воссоздание психологического единства тройки я считаю главной задачей предстоящего редакционного съезда. Чем больше я об этом думаю, тем больше прихожу к убеждению, что съехаться надо непременно у меня. У Вас или у П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] нас все время будут отвлекать: ни Вы, ни П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] не можете, оставаясь у себя дома, прекратить текущей нефтерработы; между тем у меня таковой совсем нет, а служебная работа кончается 15 июня. Семья моя к тому времени уже переедет на дачу; Вера приедет только для того, чтобы нас питать, а днем будет ходить играть в теннис, о чем давно мечтает; т[аким] о[бразом], мы будем совершенно одни в моей громадной квартире. В Ваших краях у меня такая уйма родственников, что приехать к Вам и не видеть никого из них прямо невозможно, а времени это отнимает много. Наконец, в финансовом отношении съезд у меня обойдется всего дешевле, и в смысле путевых издержек, и в смысле всех прочих расходов. Т[аким] о[бразом], во всех отношениях лучше всего съехаться именно у меня. Ответьте, согласны ли Вы с этим.

Пишу трактат на тему «Примат культуры»¹.

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

4/VI/1926

1 Имеется в виду брошюра: *Зайцов А.А.* Комплектование Красной Армии. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1926.

2 Евразийской деятельности.

3 Очевидно, только малая часть этого трактата, вокруг которого у Н.С. Трубецкого едва не разгорелся конфликт с П.П. Сувчинским, была опубликована: *Трубецкой Н.С.* О государственном строе и форме правления // Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. VIII. С. 3–9. Кроме того, в газете «Евразия» появились несколько статей Трубецкого об идеократии, а в 1935 г. в «Евразийской хронике» вышла статья «Об идее-правительнице идеократического государства».

84 12 июня 1926 года

Дорогой Петр Петрович!

Статьи Шеповалова¹ я не читал, но автора знаю. Не знаю, что такое «мужицкое напряжение», но что-то мужицкое в нем есть (он — сын портного в большом селе на Дону). Говорит он совсем по-мужицки («на дилаекте», как сказала бы моя Дарья). Впечатление производит очень симпатичное, но серое. Охотно верю, что статья его плоха. Я с П[етром]Н[иколаевичем]С[авицким] вообще много говорил о нашем «молодняке» и его писаниях. По-моему, молодняк в писательском отношении настолько плох, что для него одного «Хронику» держать положительно не стоит: все эти молодцы — премилые ребята, очень нам преданны, но сами мозгами шевелить частью неспособны, частью — ленивы, предпочитают брать наши готовые мысли и повторять их, притом даже не своими словами. П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] со мной вообще соглашался и тоже высказывался за то, чтобы «Хронику» питать статьями не молодняка, а преимущественно взрослых (т[о] е[сть] в конце концов, сотрудников «Временника»). Но все же он считает, что педагогически необходимо допускать и «молодцов» в умеренной дозе, скажем, по одной статейке в номер.

Посылаю Вам свое неоконченное и неотправленное письмо (психоаналитическое)². Вы мне все-таки напишите определенно, как Вы смотрите на мой проект. Я так и не понимаю, верите ли Вы в возможность восстановления вполне простых и искренних отношений между Вами и П[етром]Н[иколаевичем]С[авицким], или нет? И если Вы в осуществление моего проекта не верите, то считаете ли Вы, что с П[ет-

ром]Н[иколаевичем]С[авицким] вообще работать невозможно, или же, что при известных условиях можно? И тогда, — при каких именно условиях? Словом, одного констатирования, что положение дела ненормально, недостаточно, и жалобы или выражения сожаления об этой ненормальности неплототворны. Надо искать положительно-го выхода, исходя при этом из реальных психологических данных, из личных свойств участвующих в деле людей. А этого я в Ваших письмах не нахожу. Вопрос слишком серьезен, чтобы тут что-то замалчивать, чего-то не договаривать. Мы с Вами можем и должны высказать друг другу *все*, что думаем по этому предмету.

О брошюре Кролинского³ я до сих пор знаю только из Ваших писем. Поэтому не могу судить, правильно ли Вы поступили, отдав ее в набор. На будущее время надо установить такой порядок, чтобы в случае, если между двумя редакторами существует несогласие по вопросу об издании какого-нибудь произведения, обязательно привлекался к обсуждению и третий редактор, и вопрос решался бы большинством голосов⁴.

Я сейчас занят писанием трактата на тему о примате культуры⁵. Из принципа примата культуры дедуцирую всю нашу полит[ическую] идеологию. Хотелось бы дать не доксу, а догму. Для этого предполагаю по написании разослать всем членам С[овета] Е[вразийства] для обсуждения (с привлечением и наиболее качественных сотрудников). Сначала я думал, что выйдет не длинно и что Вера отпечатает на машинке. Но теперь произведение все разрастается (уже 48 больших страниц, и будет еще страниц 15), а у Веры свободного времени мало, так что переписка может сильно затянуться. Не можете ли Вы организовать переписку у себя? Переписать надо по крайней мере в 6-ти экземплярах.

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

12/VI/1926

P.S. Что же «Версты»? — Книжку Ковалевского о Лескове⁶ приобретаю для своего института. Ковалевский написал мне письмо с указанием цены, но без указания своего адреса. Поэтому переведу деньги Вам: если получите на днях деньги от моего института, знайте, что это для Ковалевского.

Р.Р.С. Недзельский⁷ (автор статьи о похоронных причитаниях) написал мне письмо, в котором сообщает, что имеет большую работу о причитаниях у славян, и спрашивает совета, где ее напечатать. Если Вы выдаете Мазона⁸, спросите его, нельзя ли издать эту работу в серии «Travaux publiés par l'Institut d'Études Slaves»?

Н[иколай]Т[рубецкой].

1 Александр Антонович Шеповалов (данных нет) — «младший» евразиец, привлеченный П.Н. Савицким. О какой именно статье Шеповалова идет речь, установить не удалось.

2 Текст письма «в защиту П.Н. Савицкого» приводится сразу же за текстом данного письма (№ 85, без даты).

3 Имеется в виду брошюра: Зайцов А.А. Комплектование Красной Армии.

4 19 мая и 2 июня 1926 г. П.Н. Савицкий послал А.А. Зайцову два длинных письма, в которых излагал свой критический взгляд на брошюру «Комплектование Красной Армии». П.П. Сувчинский и П.С. Арапов сочли эту критику мелочной придирчивостью и проявлением «белогвардейства» Савицкого, и брошюра была опубликована без одобрения Савицкого и Трубецкого. См.: П.Н. Савицкий — А.А. Зайцову, 19 мая и 2 июня 1926 г. // ГАРФ. Ф. Р-5783. Оп. 1. Д. 352. Л. 64–70.

5 См. примеч. 3 к письму Н.С. Трубецкого П.П. Сувчинскому от 4 июня 1926 г. (№ 83).

6 Петр Евграфович Ковалевский (1901–1978) — литератор, педагог и общественный деятель. Защитил в 1926 г. докторскую диссертацию на тему «Н.С. Лесков как неизвестный бытописатель русской жизни». Диссертация была опубликована по-французски (Paris, 1926).

7 Евгений Леопольдович Недзельский (1894–1961) — фольклорист и литератор, исследователь литературы и культуры Карпатской Руси, издатель газеты в Закарпатье. См. о нем: Письма Сергея Эфрона Евгению Недзельскому / Под ред. Е.И. Лубянской. Або, Турку, 1994.

8 Андре Мазон (Andre Mazon, 1881–1967) — известный французский славист.

85 Июнь–июль 1926 года¹

Дорогой Петр Петрович!

Посылаю Вам первую часть моего трактата о государственном строе². В этой части обосновывается принцип примата культуры. Вторая часть (в которой из этого принципа выводится наша по-

литическая идеология) уже написана, но нуждается в частичной переработке и будет прислана Вам на днях. Для ускорения отдайте, пожалуйста, первую часть в переписку уже сейчас. Переписать надо по крайней мере в 6-ти или 7-ми экземплярах. Дело в том, что я бы хотел открыть по этим вопросам дискуссию, чтобы иметь возможность дать догму, а не доксу: по-моему, сейчас настало время подводить такие итоги. К дискуссии хотел бы привлечь, кроме членов С[овета]Е[вразийства], еще нескольких лиц: прежде всего [неразборчиво] — Кошица, далее В[ладимира]Н[иколаевича] Ильина и Г[еоргия]В[ладимировича] Вернадского; не знаю, стоит ли привлекать еще и Франка, и Флоровского. Что из этого трактата сделать — напечатать ли его во «Временнике» или использовать для брошюры, это пока безразлично. На параграфы я разбил его только для удобства дискуссии: в окончательном тексте это можно уничтожить.

Начали ли Вы хлопотать об австрийской визе? Мне бы хотелось, чтобы Вы приехали за день или за два до П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого], т[о] е[сть] 14-го или 15-го. О дне и часе приезда известите заблаговременно.

Обнимаю Вас, целую ручки Вере Александровне.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

1 Датируется по содержанию.

2 См. примеч. 3 к письму Н.С. Трубецкого П.П. Сувчинскому от 4 июня 1926 г. (№ 83).

86 Июнь–июль 1926 года¹

Дорогой Петр Петрович!

Получил Ваше письмо (без даты) с жалобами на П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] (по поводу брошюры Крол[инского]²). Что разные решения «зацепляются» в П[раге], что в эту сторону приходится глядеть с опаской, что приходится все время принимать какие-то меры предосторожности, подготавливать, обхаживать, — все это, конечно, я прекрасно знаю и, вероятно, больше, чем кто-либо из нас, от этого страдаю. Но, практически, — какой же из этого выход? Расстаться с П[етром]Н[иколаевичем]С[авицким] мы не можем, а следовательно, мы должны

брать его таким, каков он есть, и учитывать его личные свойства. Раздражаться ни к чему: это не облегчает, а только затрудняет дело. Я убедился, что спокойным деловым разговором с П[етром]Н[иколаевичем]С[авицким] можно достигнуть очень многого, м[ожет] б[ыть], даже всего. Уверяю Вас, что если бы я с ним не вел постоянно таких разговоров, то зацепок и шероховатостей было бы еще в 100 раз больше. Мне уже очень многое удалось предотвратить. О брошюре Крол[инского] я узнал впервые из Вашего письма. Если бы я знал об этом раньше, то, вероятно, предотвратил бы этот инцидент. Вы объясняете поступки П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] манией величия. Изучив его, я пришел к заключению, что это неверно. Если можно говорить о какой-нибудь «мании», то не о мании величия, а о *мании преследования*. Психоаналитически это объясняется его, т[ак] ск[азать], социально-психологической изолированностью среди нас, тем, что он чувствует себя человеком другого круга и не может приспособиться к общему тону (не в смысле идеологическом, а просто бытовом). Он говорит другим языком. Не ценит остроот, «лишен чувства юмора», как говорит Катц³, шокируется похабными анекдотами Шайкинда⁴, гвардейским лоском Катца и Шайкинда, Вашим эстетическим снобизмом и т[ак] д[алее]. Чувствует, что мы воспринимаем некоторые его стороны комически, особенно его пафос. Все это создает почву. На эту почву легли факты, сами по себе, м[ожет] б[ыть], и незначительные, но в сочетании с почвой приобретающие значительность (субъективную). У него создается впечатление изолированности, одиночества и того, что «все против него». Отсюда — подозрительность, повышенная восприимчивость и обидчивость. А в результате — судороги, мешающие работе. Он несомненно неврастеник. Образ жизни его еще усугубляет все это. Когда я у него бываю, я всегда прихожу в ужас от того, как он нездорово живет: ест и спит каждый день в разное время. Ночью проснется, оденется и садится заниматься. При этом никакой личной жизни. Все это расшатывает здоровье и нервы. Сама нефть⁵ при этих условиях становится манией. Я сказал, что той мании величия, которую Вы в нем подозреваете, у него нет. По отношению к себе лично он имеет только манию преследования. Но по отношению к нефти у него есть действительно что-то вроде мании величия: ему представляется, что все о нефти только

и говорят, и думают. Словом, П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] — сложный неврастенический комплекс. Мы все так или иначе неврастеники, один больший, другой меньший. каждый в своем роде. Это нисколько не мешает работать. Все дело в том, чтобы найти правильный тон, правильный подход. С П[етром]Н[иколаевичем]С[авицким] самое главное — чтобы он почувствовал, что к нему относятся с полной искренностью, с дружбой и доброжелательностью, что к его работе и мыслям относятся не только с вниманием, но и с интересом, и что интересуются его мнением о работе и мыслях других (притом интересуются не «по долгу службы», а по существу). Этого достаточно, чтобы разрушить подпочву психологического ощущения изолированности и связанную с ним недоверчивость и обидчивость. Когда это достигнуто, ему можно говорить что угодно. Уверяю Вас, что я иногда говорил ему вещи настолько обидные и неприятные, что другой рассердился бы и прекратил бы разговор. Как это ни странно, П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] чрезвычайно покладист и мало обидчив: все зависит только от того, как к нему подойти. Говоря о воссоздании психологического единства тройки, я этим именно и хочу сказать, что Вы должны найти этот правильный подход к П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому]. Это трудно, но не невозможно. Раздражение естественно, — я тоже постоянно его испытываю, — но я научился его преодолевать. Все равно ничего не поделаешь, другого пути нет. При этом я убежден, что если Вам удастся найти правильный подход к П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому] и он почувствует в Вас ту же искреннюю благожелательность и внимательность к себе, которую чувствует во мне, — то у него исчезнет чувство изолированности, и сразу изменится вся нервность и судорожность его поведения, так мешающая совместной работе. Я считаю все это главной задачей Вашего предстоящего личного свидания с ним, и для облегчения этой задачи путем «обстановки» предлагаю устроить это свидание именно у меня (это и в финансовом отношении всего удобнее). Я знаю, что Вы не любите возиться с такими «психологизмами», и отсюда вижу, как Вы морщитесь, читая это письмо. Но поймите, что другого выхода нет. Ведь *так* это оставлять нельзя. А если не сделать предлагаемого мною усилия, то остается только вообще порвать с П[етром]Н[иколаевичем]С[авицким]. Не думаю, чтобы это было же-

лательно и даже вообще возможно. Вы упрекали меня за то, что я непрестанно стою на защите П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого]. Это — естественный результат того обстоятельства, что я единственный член С[овета] Е[вразийства], в котором П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] чувствует искреннее дружественное к себе расположение: поэтому он судорожно держится за меня, а я не могу и не хочу его отталкивать. Дайте ему почувствовать, что и Вы к нему относитесь так же, как и я, разрушьте его «манию преследования», — и стоять на его защите уже не придется, ибо он сам перестанет находиться вечно в (м[ожет] б[ыть], воображаемом) состоянии обороны, перестанет во всем заподозривать подвохи и будет со всем соглашаться, — словом, станет шелковым (уверяю Вас!). Фактопоклонничество, исхождение из реальных фактов должно быть принципом не только политики, но и личных отношений. Надо исходить из фактических свойств человека и находить способы таких подходов, при которых данные фактические свойства человека не мешали бы совместной работе. П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] — неврастеник, это несомненно. Но невращения его при известных условиях не мешает работе. Надо эти условия создать, вот и все. Я очень надеюсь, что при личной встрече Вы сумеете это сделать. В этой области никаких советов давать нельзя, ибо каждый сам должен найти свой подход к данному человеку. Мне кажется только, что к П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому] надо подходить с той стороны, которая нас с ним больше всего связывает, именно со стороны идеологической. С ним надо побольше говорить (а м[ожет] б[ыть], и переписываться) на идеологические темы. Наши курултаи в этом отношении неудовлетворительны, ибо посвящены главным образом организационным вопросам и перемежаются «гилем», при которых П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] остро чувствует свою изолированность. Такие эпизоды, как наше совместное посещение бара во время первого (венского) курултая⁶, в этом отношении, пожалуй, просто вредны (хотя для установления психологического контакта с Катцем⁷ это тогда было необходимо). Вы пишете: «Согласитесь, что Ваша опасливость симптоматична». К сожалению, не только соглашаюсь, но и страдаю от этой симптоматичности. Однако устранить эти симптомы можно только вышеуказанным путем. В своем письме Вы жалуетесь, но не указываете никаких

практических выходов из положения (под практическим выходом разумею решение, исходящее из фактов в вышеуказанном смысле). Если у Вас есть конкретное предложение, несовпадающее с моим, — напишите: давайте обсудим. Если же другого предложения и Вы не находите, то остается только подождать до личной встречи, а пока только всячески подавлять в себе чувство раздражения, которое вполне естественно (*j'en sais quelque chose!*). но вредно, ибо углубляет психологизмы и затрудняет подход к решению вопроса.

[Конец письма оборван].

1 Датируется по содержанию.

2 Имеется в виду брошюра: Зайцов А.А. Комплектование Красной Армии.

3 То есть П.Н. Малевский-Малевич.

4 То есть П.С. Арапова.

5 Евразийство.

6 Съезд евразийцев в ноябре–декабре 1924 г., на котором впервые присутствовал П.Н. Малевский-Малевич.

7 То есть с П.Н. Малевским-Малевичем.

8 Уж я об этом кое-что знаю! (*фр.*)

87 12 июля 1926 года

Дорогой Петр Петрович!

Пишу Вам, чтобы Вас успокоить. Хвативший меня Кондратий постепенно проходит. Собственно, явные симптомы длились только часа 4: забыл целый ряд слов и букв, так что не мог ни говорить, ни писать, ни читать; доктор, которого при этом вызвали, уверяет, что у меня и лицо скривилось на один бок, но домочадцы мои это отрицают. Во всяком случае, все это теперь прошло. Осталось только то, что я легко утомляюсь и что при утомлении голова слегка кружится. С каждым днем все это тоже спадает. Прописано пить йод, не курить, не заниматься, скучать. Я послушно все исполняю, но торгуюсь из-за сроков: доктора требуют, чтобы я скучал и не занимался 6 недель, я же соглашаюсь только на 3. Пока еще соглашение

не достигнуто. Из санатории, где я сейчас нахожусь, меня выпустят 20-го или 21-го июля, а на дачу я попаду, вероятно, числа 24-го. Надеюсь в конце июля или в самом начале августа видеть Вас у нас. Ви-за для Вас уже готова. Ужасно обидно, что мой «трактат» так и не уда-лось закончить, а приняться за него можно будет только дней через 10.

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне. Привет всем друзьям.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

12/VII/1926

88 26 июля 1926 года

Дорогой Петр Петрович!

Я переехал на дачу¹. Через два дня начну понемногу зани-маться. В первую очередь займусь окончанием своего трактата о примате культуры и думаю, что через 10 дней он будет готов. — Теперь уже надо окончательно устанавливать сроки съезда. Совер-шенно согласен с Вами, что Вам надо приехать дня за 3 раньше. Установите сами срок, но сообщите поскорее и заблаговременно. Тогда мы к этому закажем комнату в гостинице, а П[етра]Н[икола-евича]С[авицкого] известим, чтобы он приехал через два дня пос-ле этого срока. Известите заблаговременно, т[ак] к[ак] может слу-читься, что П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] почему-либо не может приехать к этому сроку и предложит другой срок. Выезжать Вам нужно из Парижа с Gare de l'Est в 8 ч[асов] 45 м[инут] утра (тот же поезд, с которым уезжал я в прошлом году) и ехать до Линца (Linz), куда Вы приезжаете на другой день в 11 ч[асов] 37 м[инут] утра; в Линце Вы ждете три часа и берете скорый поезд (Schnellzug Graz–Prag), отходящий в 14 ч. 45 м[инут], до станции Prägarten (первая остановка от Линца), куда Вы приезжаете в 15 ч[асов] 30 м[инут]; там вылезаете и идете к автобусу, стоящему тут же при выходе из станции, сдаете крупные вещи, а одной мелкой вещью занимаете место ~~внутри~~ лучше всего впереди, рядом с шофером (а то внутри набивается масса народа и буквально стоят друг у дру-га на ногах); билет берете до Tragwein; автобус отходит через ½ ча-са или через час (ждет Bummelzug² а³), каковое время можете про-

вести рядом, в кофейной «Zur Bahn»¹, где можно выпить кофе или пива (но следите за автобусом, чтобы он не уехал без Вас: автобус ходит раз в сутки!). В Tragwein'e мы Вас встретим. — Местность тут ничего, приличная, но условия жизни сравнительно примитивные, в чем Вы убедитесь при поездке на автобусе.

Версты получил, но еще не читал. Обратил только внимание на то, что очень многие опечатки в примечаниях к моей статье так и остались неисправленными. — Рукопись Карсавина тоже получил, но тоже еще не читал.

Обнимаю Вас.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

26/VII/1926

1 Летом семья Трубецких выезжала «на дачу» — в курортный городок Трагвайн.

2 Прогулочный поезд (нем.).

3 «У вокзала» (нем.).

89 5 августа 1926 года

Дорогой Петр Петрович!

Вот уже две недели, что я отправил Вам письмо, а от Вас все нет ответа. Вероятно, Вы моего письма не получили. В этом письме я Вас просил указать срок Вашего приезда, дабы я мог своевременно известить П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого]: т[ак] к[ак] Вы должны приехать за два дня до него, то необходимо поскорее выяснить именно срок Вашего приезда. Кроме того, мы должны заблаговременно задержать комнату в гостинице. Пожалуйста, поскорее сообщите, когда Вы сможете приехать. От П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] только что получил письмо с извещением, что он раньше 9-го августа приехать не может. — В своем письме я указывал Вам также маршрут путешествия. На всякий случай, повторяю: из Парижа выезжаете тем же поездом, каким я выезжал в прошлом году (8 ч. 45 м. утра, Gare de l'Est); в Linz прибываете в 11 ч[асов] 37 м[инут] утра на другой день; там вылезаете и в 14 ч[асов] 45 м[инут] садитесь в скорый поезд Graz-Prag и едете до станции Prägarten (первая остановка после

Linz'a), куда прибываете в 15 ч. 30 м.; там вылезаете и немедленно занимаете место в автобусе, который стоит у самой станции, крупную вещь сдаете, а мелкой занимаете сидение (лучше всего — рядом с шофером, а то внутри к моменту отхода набивается масса народа и буквально стоят на ногах у сидящих); автобус отх[одит] приблизительно через час, и это время Вы можете провести в кафе «Zur Bahn» за кружкой пива, зорко следя за автобусом, чтобы он не уехал без Вас; билет на автобус берите до Tragweip'a, а там мы Вас встретим. — Не забудьте привезти экземпляра три первой части моего трактата о примате культуры (вторая и третья часть теперь закончены, прочтем их здесь). На книги для Кролинского¹ я израсходовал 61 шилл[инг] (около двух фунтов английских) из сумм венской ячейки; очень был бы рад, если бы их мне возместили. — Скорее отвечайте.

Обнимаю Вас.

Ваш Н[иколай] Т[рубецкой].

5/VIII/1926

¹ То есть для А.А. Зайцова.

90 24 августа 1926 года

Дорогой Петр Петрович!

Мы будем очень рады, если Вы приедете с Верой Александровной. Замечу только, что в случае дурной погоды Вере Александровне будет очень скучно. Савицкий просит устроить съезд поскорей. Десятого сентября ему нужно уже быть в Праге, где начинается экзаменационная сессия. Поэтому, если получение визы для Веры Александровны может вызвать новую задержку, то лучше от этого плана, пожалуй, отказаться и ехать Вам одному. Очень надеюсь, что добыча визы пойдет гладко (ведь виза транзитная?), ибо я и моя жена очень хотели бы увидеть вас вдвоем. — Не забудьте захватить мой трактат (если можно, в трех экземплярах). Австрийских денег наменяйте уже в Париже (в крайнем случае, достаньте чек на Линц): в Трагвейне есть банк, но меняют только маленькие суммы, притом, кажется, только доллары (я пробовал

10 долл[аров]). «Человекодень» в гастхаузе обходится прибол[изительно] в 5 австрийских шиллингов.

Обнимаю Вас, целую ручки Вере Александровне.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

24/VIII/1926

91 2 сентября 1926 года

Дорогой Петр Петрович!

Вижу, что съезд наш так и не состоится. Т[ак] к[ак] я никак не мог предполагать, что дело примет такой оборот, то мне и не пришло в голову предупреждать Вас о том, когда мы отсюда должны уехать. Я думал, что съезд продлится самое большее до первых чисел сентября. Но теперь вижу, что это не так, и потому должен Вам сообщить, что дача у нас снята до 15-го. В атмосфере укладки и отъезда, конечно, устраивать съезды неудобно, и потому крайним сроком для *конца* съезда здесь надо считать 13-е. Съезд должен продлиться минимум неделю, т[о] е[сть] должен начаться никак не позднее 6-го или 7-го. А т[ак] к[ак] Вы хотите приехать за 2 дня до начала, то крайним сроком для Вашего приезда сюда является 5-е. Если 5-го Вы приехать не можете, то значит, вообще съезд здесь надо признать не состоявшимся и надо начать думать о съезде в Вене. Когда именно таковой можно будет созвать, — сейчас сказать не могу: у П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] начнутся занятия, да и я после переезда в Вену уже не буду так свободен, как был до сих пор.

О том, насколько все это психологически вредно, писать не буду: должно быть, Вы сами это понимаете. Я все реальнее и реальнее начинаю чувствовать, что нефть' вот-вот иссякнет совсем... — О том, что будто бы необходимо повидать П[етра]Н[иколаевича]М[алева] - М[алева] до съезда, надо было предупредить раньше: тогда о съезде здесь вообще и разговору не было бы. Каково бы ни было настроение Катца⁴, настроение нас трех все-таки важнее, и потому в последнюю минуту откладывать наше свидание (притом — на неопределенный срок) под *этим* предлогом — нелепо.

Я вообще воспринимаю все это как симптом острой неврастении (Вашей!). Остается только надеяться на то, что ~~в Вене удастся~~ на венском съезде удастся загладить тот психологический вред, который получился от провала нашего здешнего съезда.

Посылаю Вам это письмо одновременно с телеграммой. Надеюсь, что по телеграмме Вы выедете и что это письмо Вас уже не застанет в Кламаре.

Обнимаю Вас, целую ручки Вере Александровне.
Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

2/IX/1926

1 Евразийство.

2 То есть П.Н. Малевского-Малевича.

92 4 сентября 1926 года

Дорогой Петр Петрович! Делаю последнюю попытку¹. С громадными для себя неудобствами остаюсь здесь (Вера с детьми переезжает в Вену 15-го). П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] постарается отменить экзамены, на которых должен присутствовать. Если Вы тем не менее не приедете до 8-го сентября, я буду считать, что Вы нарочно хотите сорвать съезд.

Вы мне все нервы измотали. Если у меня будет теперь второй удар, это будет Ваша вина. Могу себе представить, в каком состоянии сейчас П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий]! И всего этого можно было избежать... Мои телеграммы были, кажется, достаточно ясны.

Обнимаю Вас.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

4/IX/1926

¹ Съезд П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого и П.П. Сувчинского в Трагвайне состоялся до 15 сентября 1926 г. На короткое время (до начала издания газеты «Евразия») Трубецкому удалось восстановить «единство тройки».

93 29 сентября 1926 года

Дорогой Петр Петрович!

Посылаю Вам письма для Булгакова и для Евлогия. Прочтите их и, если одобрите, передайте адресатам. Я точно не помню, но смутно припоминаю, что с нашего письма Булгакову мы сняли несколько копий и одну из них как будто послали Антонию. От Антония (а м[ожет] б[ыть], и от Ставровского?) эту копию и мог получить Тальберг¹. Во всяком случае, и у Евлогия, и у Булгакова должен явиться вопрос: откуда же Тальберг мог получить это письмо, если никто из евразийцев ему его не давал? Я в своих письмах этой темы совсем не касаюсь, а Вы при передаче писем должны что-нибудь об этом сказать.

Очень рад, что в Праге все было благополучно. От П[етра] Н[иколаевича] С[авицкого] давно не имею известий. На днях напишу ему.

С моей писательской деятельностью что-то неблагополучно: стараюсь писать об Украине², но ничего не выходит, — очень уж скучно! — Перечел свои «туранские элементы» и нахожу, что с «славянскими элементами» соединить их будет трудно³.

Впрочем, постараюсь.

- Как здоровье Веры Александровны?

Целую ей ручки. Обнимаю Вас.

Н[иколай] Т[рубецкой].

29/IX/1926

¹ Николай Дмитриевич Тальберг (1886–1967) — правовед, в эмиграции жил в Германии, Югославии и Австрии; после Второй мировой войны переехал в США. Общественный и церковный деятель, близок к ультраконсервативным, монархическим кругам эмиграции.

² Н.С. Трубецкой написал несколько статей об Украине. См.: *Трубецкой Н.С. К украинской проблеме* // Евразийский временник. Париж, 1927. Кн. V. С. 165–184; *Он же. Ответ Д.И. Дорошенку* // Евразийская хроника. Париж, 1928. Вып. X. С. 51–59.

³ В авторском сборнике Н.С. Трубецкого были объединены две его статьи: *Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре* // К проблеме русского самопознания. Париж, 1927. С. 34–53; *Он же. Общеславянский элемент в русской культуре* // Там же. С. 54–94.

94 4 октября 1926 года

Дорогой Петр Петрович!

Мой приятель Яковсон¹ пишет мне, что ориенталист Н.Ф. Яковлев² скоро возвращается обратно в Россию и на пути туда проведет два–три дня в Праге. Яковсон хочет воспользоваться этим случаем, чтобы устроить съезд московских филологов, и приглашает и меня приехать³. Я непременно поеду. Разговоры будут чисто филологическими, но м[ожет] б[ыть], удастся поговорить и о другом. Т[ак] к[ак] это последнее только «может быть», а не наверное, то я не считаю возможным ставить поездку на нефтяной⁴ счет и поеду на свои деньги. А по этому случаю мне очень желательно поскорее получить причитающийся мне гонорар за статью в Верстах.

Очень Вас прошу поскорей мне его выслать. Во-вторых, хорошо бы, если бы с Яковлевым почву уже подготовили. Постарайтесь либо лично повидать его, либо натравить на него Никитина, и немедленно напишите мне, какое он на Вас (или на Никитина) произвел впечатление, как он реагирует на разговоры и стоит ли с ним разговаривать. Я не знаю, когда именно он уезжает из Парижа, но кажется, что уже скоро, так что надо торопиться.

Слава Богу, что курултая не будет. ~~Читай~~ При чтении отчета Катца⁵ о поездке на Балканы у меня явилась следующая мысль. Созыв курултая безмысленен и дорог, но местным полпредам действительно надо, с одной стороны, устанавливать какой-то контакт с нами, а с другой стороны, и прямо идеологически время от времени накачиваться. Нельзя ли установить, чтобы каждый из них время от времени (скажем, два раза в год) совершал бы путешествие Прага–Вена–Париж? Каждый из нас всегда может поместить у себя на несколько дней одного человека, так что при таком способе дело обойдется дешевле, чем при курултае, когда все приезжают сразу и должны помещаться в гостинице. Пользы же, конечно, гораздо больше, ибо разговаривать в такой обстановке гораздо удобнее, чем в курултайном угаре.

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

4/X/1926

Р.С. Статью для «Верст» вышлю завтра
Н[иколай]Т[рубецкой].

1 Роман Осипович Якобсон.

2 Николай Феофанович Яковлев (1892–1974) — российский языковед, доктор филологических наук. Один из основоположников Московской фонологической школы, ученик Ф.Ф. Фортунатова. Вместе с Р.О. Якобсоном и Н.С. Трубецким считается основателем структурной фонологии; главные труды — в области общей фонетики, кавказских языков, теории орфографии. Разработал математическую формулу построения алфавита, внес большой вклад в создание письменностей для ранее бесписьменных языков народов СССР; в 1924 г. создал Комитет по изучению языков и этнических культур Северного Кавказа при Главнауке Наркомата просвещения, после ряда реорганизаций превратившийся в 1930-х гг. в Институт языков и письменностей народов СССР, где Яковлев возглавлял отдел кавказских языков. Одновременно был руководителем Технографической комиссии Всесоюзного центрального комитета нового алфавита, существовавшего до 1937 г. В 1951 г., после выступления Сталина против Н.Я. Марра, был уволен со всех постов и отошел от научной деятельности.

3 Из текстов писем Н.С. Трубецкого Р.О. Якобсону от 4 октября и 20 ноября 1926 г. следует, что встреча Р.О. Якобсона, Н.Н. Дурново и Н.С. Трубецкого состоялась в Праге. Н.Ф. Яковлев не смог приехать в Прагу и в съезде филологов не участвовал.

4 Евразийский.

5 То есть П.Н. Малевского-Малевича.

95 5 октября 1926 года

Дорогой Петр Петрович!

Посылаю Вам статью для «Верст». Она вышла намного длиннее, чем я предполагал, но «зато Вы имеете вещь»¹.

Если статья Вам покажется слишком специальной или слишком объемистой, не стесняйтесь и верните ее мне: я ее напечатаю в «Slavia». Очень Вас прошу: во-первых — прислать мне корректуру, а во вторых, дать мне штук 20 оттисков (если это будет стоить лишнее, — вычтите из моего гонорара). Дело в том, что статья эта представляет научный интерес, и ее надо будет разослать ученым, которые без этого «Верст» не прочтут. Одновременно это будет и некоторая реклама «Верстам».

Кстати, раз в «Верстах» помещаются научные филологические статьи и обзоры, Вам необходимо принять меры к тому, чтобы журнал этот стал известен заграничным славистам. Хорошо разослать им бесплатно первый №, м[ожет] б[ыть], с соответственным письмом (по-русски). Адресовать можно на соответственные университеты.

Главные слависты сейчас: Фасмер (Max Vasmer) — в Берлине, E. Berneker — в Мюнхене, Trautmann — в Лейпциге, Paul Rost — в Кенигсберге, N. van Wijk — в Лейдене (в Голландии, частный адрес Nieuwstraat 36) J. J. Mikkola и V. Mansikka — в Гельсингфорсе, R. Ekblom и Tore Torbiörnsson — в Упсале (Швеция), Olaf Brok — в Осло (Норвегия).

Целую ручки Вере Александровне.

Обнимаю Вас

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

5/X/1926

P.S. Вышли ли фотографии, которые снимала Вера Александровна? — Попросите Бердяева выслать мне «Путь»: у меня имеется только первый номер.

Н[иколай]Т[рубецкой].

1 Вероятно, речь идет о следующей работе: *Трубецкой Н. С. О метрике частушки* // Версты. 1927. Вып. 2. С. 205–223.

96 , 18 октября 1926 года

Дорогой Петр Петрович!

Чтобы не делать новых долгов, третий день питаемся исключительно вареными макаронами. Очень голодно. Когда же Вы, наконец, пришлете деньги? Ради Бога поскорей! Действительно до зарезу нужно!

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

P.S. Деньги пришлите на имя Веры.

97 23 октября 1926 года

Дорогой Петр Петрович!

Сегодня вернулся из Праги, куда ездил главным образом на свидание с Яковлевым, но кстати повидал и П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого]. С радостью могу Вас заверить, что никаких психологизмов эпизод с его диссертацией в нем не породил¹, — он принял все это именно так, как Вы ему пишете в последнем письме, никого ни в чем не подозревает и не упрекает.

Читал мне П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] статью Шмидта² для «Хроники». Статья хорошая, но то место в самом ее начале, которое П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] желает исправить, действительно в исправлении нуждается: нелепо утверждать, что большинству населения теперь живется лучше, чем до революции; под «живется лучше» обычно понимают материальное благосостояние, а что оно отнюдь не улучшилось и не повысилось, видно хотя бы из того, что официальным идеалом правительства в этой области является достижение нормы «довоенного» (т[о] е[сть], в сущности, дореволюционного) времени; т.о. утверждение, что большинству живется лучше, чем раньше, во-первых, явно неверно, а во-вторых, только дает лишний повод упрекать нас в недобросовестном сменевеховстве. Для общего хода статьи это место не имеет значения, и его вполне можно изменить в том духе, как предлагает П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий]. Ввиду того, что «Хроника» теперь будет печататься и продаваться, мы должны быть особенно осторожны. Поэтому я присоединяюсь к поправке П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] и даже считаю, что если Шмидт на эту поправку не согласен, статьи печатать нельзя. Другой смущающий меня вопрос — это подпись «И.Р.». Теперь масса народу догадалась, кто был «И.Р.», и я считаю, что этот псевдоним по отношению к «Наследию Чингисхана» теперь уже можно раскрывать³. Появление статьи Шмидта под тою же подписью может породить ряд недоразумений.

По поводу брошюры об элементах русской культуры должен сказать следующее⁴. Чем больше я об ней думаю, тем больше убеждаюсь, что это — комбинация искусственная и неудачная. Выражение «элементы культуры» в обеих статьях («туранские э.р.к.» и «славянские э.р.к.») взято в совершенно разных значениях: когда

статьи эти напечатаны в разных номерах одного журнала или даже в разных журналах, то это незаметно, но когда статьи будут стоять рядом, это будет бросаться в глаза. Далее, как ни расширять «Туранские элементы», все-таки увеличить их можно разве только на 4–5 страниц, иначе пропадет вся структура статьи; а «Славянские элементы», наоборот, сократить невозможно; поэтому при соединении этих двух статей в одну книжку, получится, что три четверти этой книжки посвящены «славянским» и только одна четверть «туранским» элементам, — т.е. впечатление, с евразийской точки зрения, совсем нежелательное. Никаким предисловием всех этих недостатков замазать невозможно. В то же время «славянские элементы р[усской] к[ультуры]»¹ так или иначе напечатать очень желательно: проф[ессор] Н[иколай] Н[иколаевич] Дурново², который ее читал, от нее в восторге и все спрашивает, когда же она выйдет, — а это в настоящее время лучший знаток русского языка. Поэтому у меня возникла мысль просто издать одну эту статью отдельной брошюрой под заглавием «О русском литературном языке» (или что-нибудь в этом роде). Если же «Туранские элементы» действительно необходимо перепечатать, то можно напечатать и их, но тоже *отдельно*. Я излагал эти свои соображения П[етру] Н[иколаевичу] С[авицкому], который с моим планом согласен. Если Вы тоже согласны, то давайте так и сделаем. Напишите мне Ваше мнение, и, если Вы согласны, то рукопись я Вам сейчас же вышлю.

Деньги (500 фр[анков]) получил и очень за них благодарю. Если Вы уж спрашиваете об этих деньгах, то скажу, что, по Вашим словам, в Трагвейне я рассчитывал получить 600 фр[анков]. Если Вам не трудно, буду очень благодарен еще за 100, но если трудно, то не надо.

Обнимаю Вас.

Ваш Н[иколай] Т[рубецкой].

1 Текст докторской диссертации П.Н. Савицкого «Географические особенности России», который П.П. Сувчинский отказался печатать во «Временнике» и вообще в евразийском издательстве, после долгих и сложных переговоров вышел в Евразийском книгоиздательстве в 1927 г.

2 Кодовое имя П.С. Арапова.

3 Под псевдонимом «И.Р.» Н.С. Трубецкой опубликовал «Наследие Чингисхана: Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока» (см. примеч. 5 к письму Н.С. Трубецкого П.П. Сувчинскому от 15 января 1925 г. (№ 36)).

4 Речь идет об авторском сборнике статей Н.С. Трубецкого, который вышел в 1927 г. под названием «К проблеме русского самопознания».

5 *Трубецкой Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре* // К проблеме русского самопознания. Париж, 1927. С. 54–94. Вероятно, Н.Н. Дурново читал черновик этой статьи.

6 Николай Николаевич Дурново (1876–1937) — выдающийся российский языковед, последователь московской лингвистической школы, специалист по вопросам общего языкознания и диалектологии. Сотрудник московской диалектологической комиссии, Дурново в соавторстве с Н.Н. Соколовым и Д.Н. Ушаковым издал известный «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением „Очерка русской диалектологии“» (М., 1915). Дурново был автором типологии аканья в русских диалектах. В 1927 г. он написал фундаментальное «Введение в историю русского языка». В 1920-х гг. активно общался с будущими «пражанами» — российскими лингвистами-эмигрантами. Вернувшись в СССР, поселился в Минске, где участвовал в организации гуманитарных наук Белоруссии; был репрессирован по делу славистов, причем одним из обвинений стало «участие в евразийской организации». См.: *Робинсон М.А., Петровский А.П.* Н.Н. Дурново и Н.С. Трубецкой: Проблема евразийства в контексте «дела славистов» (по материалам ОГПУ-НКВД) // *Славяноведение*. 1994. № 4. С. 68–82.

98 4 ноября 1926 года

Дорогой Петр Петрович!

Я не совсем согласен с Вами относительно формы использования «Славянск[их] элементов». Если бы статью эту издать отдельно, то ее можно бы просто разсылать по почте, не боясь никого скомпрометировать, и о ней были бы отзывы в специальной прессе как за границей, так и в А[ргентине]¹. Словом, через нее мы бы проникли к спецам. А в то же время она в достаточной мере соленая², так что известное понятие о нас дает и заставляет заинтересоваться нами. Если же издавать ее, как предлагаете Вы, с ярко соленым предисловием и с ударным заглавием, то можно будет только просовывать ее в окно³ и, значит, доставлять ее небольшому кругу читателей-неспецов. Главный же аргумент против Вашего плана заключается в том, что этот план требует от меня еще нового писания, а между тем я положительно сейчас «переписал» и должен пока отдохнуть. Мне до такой степени надоело писать

популярные статьи и рассуждения на общие или идеологические темы, что я, несмотря на все усилия воли, не могу заставить себя это делать. «Украинская статья» — яркий тому пример: начал писать ее, как только приехал в Вену, и вот до сих пор все еще пишу. Сажу над рукописью долго, работе посвящаю массу времени, но в результате за день оказывается написанной какая-нибудь одна страница, а когда я на другой день перечту написанное, то оказывается все настолько плохо, что приходится все уничтожить и от всей дневной работы оставить строчек пять.

Против такого психологического состояния ничего сделать нельзя, главное, не надо себя насиловать. Все это происходит оттого, что я слишком давно (со времени своей болезни) мешаю себе тем, что люблю, — чисто специальной научной работой без всякой идеологии, скажем, вопросами изменения согласных в чеченском языке. Мне такая работа просто органически необходима, я без нее долго жить не могу, начинаю разлагаться, и главное, теряю вообще всякую работоспособность. Поэтому я уже совсем решил, что вот кончу «Украинскую статью» и — Schluss⁴, по крайней мере месяца на три зарываюсь в специальную науку. А Вы от меня требуете длинной вступительной статьи к «Слав[янским] и» «Тур[анским] элементам»!... При своем теперешнем состоянии я такую статью буду писать по крайней мере месяца три... Давайте лучше сойдемся на следующем компромиссе: в брошюру войдут обе статьи из «Исхода к Востоку»⁵, далее — «Тур[анские] эл[ементы]» и «Слав[янские] эл[ементы]», а в начале будет совсем коротенькое предисловьице, так, страницы на две. Статьи из «Исх[ода] к Вост[оку]» можно печатать лишь с небольшими поправками, а «Тур[анские] эл[ементы]», по-моему, совсем менять не надо. В виде приложения, м[ожет] б[ыть], напечатать в конце ноты великорусской и двух тюркских мелодий в пятитонной гамме и родословную таблицу славянских литературных языков.

Как Вы относитесь к плану П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] издать географическую брошюру без «Континента-Океана»⁶? По-моему, это нехорошо: «Кон[тинент]-Ок[еан]» — прекрасная статья, дающая очень четкие формулы, притом касается она проблем главным образом экономических, так что она явится очень ценным дополнением к географической брошюре; важно, чтобы в одной брошюре дать как можно больше сконденсирован-

ного материала; а если «Кон[тинент]-Ок[ean]» будет гектографирован, как это предлагает П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий], то цель этим не достигнется, ибо не все читатели брошюры его прочтут (ведь брошюра поступит на рынок). Я в этом смысле написал уже П[етру] Н[иколаевичу]С[авицкому]. Конечно, весь этот план возник у него только для того, чтобы уговорить Катца⁷ дать ссуду на издание диссертации. Но я думаю, что Катц и без этого согласится, во всяком случае, пускай Катц сам начнет торговаться, а нам (первому отделу) забегать в этом отношении нечего.

Относительно брошюры Л[ьва]П[латоновича]К[арсавина]⁸ считаю, что она должна идти за его подписью (по крайней мере на мануфактурном рынке⁹).

Статья Михайловского вышла неудачной, и я ее решил не посылать. Но он напишет другую, не о конгрессе, а по поводу конгресса, где изложит самую теорию пан-Европы и даст ей оценку¹⁰. Нечто подобное он читал на моем семинаре (описанном в «Хронике») и было удачно. Если окажется прилично, то поместим не в этот, а в следующий № «Хроники».

Моя теща пишет из RR¹¹, что видела там Шайкинда¹², который ей очень понравился, но между прочим сообщает и впечатление, которое Шайкинд произвел на Драшусова: этот последний остался очень смущен «некоторыми теориями» Шайкинда и вынес впечатление, что Ш[айкинд] к религии относится свысока и смотрит на нее «как на необходимое зло» (sic!). Очевидно, Ш[айкинд] опять занимался парадоксами, стремясь только поразить слушателей и не заботясь о том впечатлении, которое потом создастся...

Книгу А[рсения]А[лександровича]З[айцова] в магазине назад не принимают и обменивать отказываются; что мне с ней делать?

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне. Как ее здоровье?

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

4/XI/1926

¹ В России.

² То есть евразийская.

3 То есть нелегально переправить через границу.

4 Конец (нем.).

5 Имеются в виду статьи: *Трубецкой Н.С.* Верх и низы русской культуры: Этническая основа русской культуры // Исход к Востоку. София, 1921. С. 86–103; *Он же.* Об истинном и ложном национализме // Там же. С. 71–85.

6 «Географическая брошюра»: *Савицкий П.Н.* Россия — особый географический мир. Прага: Евразийское книгоиздательство, 1927. «Континент-Океан» — одна из первых опубликованных в евразийских сборниках статей П.Н. Савицкого (см.: *Он же.* Континент-Океан (Россия и мировой рынок) // Исход к Востоку. С. 104–125).

7 То есть П.Н. Малевского-Малевица, который, под влиянием П.П. Сувчинского, отказывался финансировать издание диссертации П.Н. Савицкого.

8 Имеется в виду работа: *Карсавин Л.П.* Церковь, личность и государство. Париж: Евразийское книгоиздательство, 1927.

9 То есть в эмиграции.

10 Михайловский — студент Н.С. Трубецкого. Конгресс — съезд панъевропейского движения. «Панъевропа» — теория и политическое движение, созданные графом Рихардом Николаусом Кауденхове-Калерги, аристократом из габсбургской империи (в межвоенный период — гражданин Чехословакии). Один из съездов панъевропейского движения прошел в Вене.

11 R — Бельгия, RR — Брюссель.

12 То есть П.С. Арапова.

99 Ноябрь 1926 года¹

Дорогой Петр Петрович!

По просьбе П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] пересылаю Вам тезисы его предполагаемого доклада «О национал-большевизме»; ту же прилагаю и копию моего отзыва об этих тезисах². По-видимому, П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий], склоненный мной и Вами к признанию «левого курса», решил добросовестно этому курсу отдаться и, в результате, «перелевил». Меня эти тезисы прямо испугали. Я вижу в них грозный симптом. О необходимости «крена налево» я сам говорил, много и давно, — но надо же знать меру! Не знаю, как Вы отнесетесь к тезисам П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого]. Но во всяком случае прошу Вас пока никому ни этих тезисов, ни моего отзыва о них не показывать. Обсудим все это сначала внутри тройки.

В связи с этим возникает вопрос если не о пересмотре тактики, то во всяком случае о принятии некоторых предохранительных мер. Тезисы П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] (точнее, возможность появления этих тезисов) свидетельствуют о том, какие опасности грозят нам при нашем «левом курсе». Отзывы печати о вступительной лекции Л[ьва]П[латоновича]К[арсавина] на сол[янном] сем[инар]е¹ свидетельствуют о том же. Допускаю, что отзывы эти преувеличены, но уверен, что повод все-таки имелся. Это надо учесть и сделать из этого тактический вывод. Между собой мы можем говорить что угодно. Но при «выступлении» надо учитывать произведенное впечатление и твердо помнить, для чего мы выступаем. Говорить, что Ленин — народный герой, можно в тесном кругу соляников⁴ в порядке испытания, как-де он реагирует на это давление. Но говорить это публично — абсолютно нецелесообразно. Точно так же ругать эмиграцию, говорить, что близна ее платья зависит от быстроты ее ног, можно в закрытом кругу соляников, — но никак не перед широкой публикой, в которой еще к тому же сидят корреспонденты эмигрантских газет. Бессмысленно это потому, что газетчики это несомненно подхватят, мы же лишены возможности печатно защищаться. Значит, каждое такое неосторожное выражение только дает возможность отбить от нас возможных будущих агентов. Я удивляюсь Вам, Петр Петрович, что вы не проценировали предварительно речи Л[ьва]П[латоновича]К[арсавина]. Ведь его любовь к подобным эффектам нам известна, а в конце концов это может серьезно нам повредить. Надо условиться, среди кого мы сейчас вербуем своих сторонников. Вышеупомянутые фразы Л[ьва]П[латоновича]К[арсавина] точно так же, как и тезисы П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого], целесообразны лишь в том случае, если мы решили вербовать своих сторонников исключительно среди возвращенцев. Я не отрицаю того, что среди возвращенцев есть известное (очень небольшое) число людей, могущих быть для нас ценными. Но как раз этих людей можно забрать и совсем другими приемами. Главная же масса возвращенцев представляет из себя контингент совсем для нас неподходящий. Т[аким] о[бразом], тактика щеголяния нашим национал-большевизмом, способная привлечь к нам только средних возвращенцев, но зато оттолкнуть всех других эмигрантов, эта тактика в эмиграции — нецелесообразна. Полагаю, что и в России она

мало целесообразна, ибо там мы интересны только поскольку являемся противниками большевиков, а не поскольку признаем отдельные их стороны или ~~действия~~ мероприятия. Поэтому считаю, что эту тактику вообще следует решительно осудить. Если эмигрантские газеты в порядке инсинуации и клеветы будут представлять нас в виде сателлитов большевизма — то мы, конечно, против этого ничего не можем сделать. Но мы должны раз навсегда условиться, что не будем нарочно давать прессе поводов для этой травли. Кто бы из нас и где бы ни выступал, он должен с этой точки зрения взвешивать каждое свое слово.

«Славянские элементы» вышлю Вам, [неразборчиво]. Украинскую статью теперь приходится перерабатывать в связи с вышедшей в «Родном слове» статьей П[етра]Н[иколаевича] С[авицкого]¹.

Обнимаю Вас.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

1 Датируется по содержанию.

2 В связи с критикой Н.С. Трубецким и П.П. Сувчинским П.Н. Савицкого, подчеркивавшего сходство между национал-большевизмом и евразийством и утверждавшего, что евразийцы и есть настоящие национал-большевики, доклад «О национал-большевизме» не был опубликован. В докладе Савицкий пытался переопределить термин «большевик», противопоставить его термину «коммунист», причем большевики представляли собой стихийно-народную массу, новый исторический тип, вырабатанный русским народом в революции, тогда как коммунисты являлись частью организованной партийной машины. См. об этом: Н.С. Трубецкой — П.Н. Савицкому, 12 ноября 1926 г. // Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы. М., 1999. С. 255–258.

3 «Соляной семинар» — евразийский семинар, который проходил в течение 1926 г. в Париже под руководством Л.П. Карсавина. Карсавин был известен своей любовью к эпатажу, часто делал заявления, будоражившие эмигрантскую печать. В основном это были одобрительные (или, во всяком случае, неоднозначные) отзывы о руководителях большевиков и о состоянии СССР. Эти заявления Карсавина были предметом постоянных обсуждений руководителей евразийства, и Н.С. Трубецкой неоднократно критиковал Карсавина за них.

4 То есть евразийцев.

5 Речь идет о подготовке к изданию сборника статей Н.С. Трубецкого «К проблеме русского самопознания» (Париж, 1927), в который вошла

его работа «Общеславянский элемент в русской культуре» (С. 54–94). «Украинская статья»: *Трубецкой Н. С. К украинской проблеме* // Евразийский временник. Париж, 1927. Кн. V. С. 165–184. Статья Савицкого: *Савицкий П. Н. Великороссия и Украина в русской культуре* // Родное слово. 1926. № 8.

100 Ноябрь 1926 года¹

Дорогой Петр Петрович!

Посылаю Вам предисловие к предполагаемому сборнику моих статей². Покажите это предисловие Л[ьву]П[латоновичу] К[арсавину].

Как озаглавить самую брошюру? Неприятно, что в русском языке нет слова, соответствующего немецкому «Beiträge»³, а то хорошо бы озаглавить «Beiträge к русскому самопознанию». Просто «К русскому самопознанию» — нехорошо (тем более, что напоминает «К познанию России» Менделеева⁴). Во всяком случае, самопознание в заглавии должно быть упомянуто. Одновременно высылаю Вам «Туранский элемент» и экземпляр «Исхода к Востоку» с исправлениями в моих двух статьях⁵.

• В статье «Верхи и низы» то, что *подчеркнуто*, должно остаться в *старой орфографии* (так, как стоит в тексте); латинские слова, подчеркнутые мною, должны быть набраны курсивом.

Рукопись «Славянского элемента»⁶ пришлю отдельно.

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

¹ Датируется по содержанию.

² Речь идет об авторском сборнике статей Н. С. Трубецкого, который вышел в 1927 г. под названием «К проблеме русского самопознания».

³ «Beitrag» (нем., мн. Beiträge) означает отдельную статью, однако точнее смысл этого слова можно определить как «[работы] к вопросу», «заметки по вопросу» (аналог английского слова «contribution»); в заглавиях обычно не переводится.

⁴ Менделеев Д. И. К познанию России. СПб., 1906.

⁵ Имеются в виду статьи: *Трубецкой Н. С. О туранском элементе в русской культуре* // Евразийский временник. Берлин, 1925. Кн. IV. С. 351–377; *Он же. Верхи и низы русской культуры: Этническая основа русской культуры* // Исход к Востоку. София, 1921. С. 86–103; *Он же. Об*

истинном и ложном национализме // Там же. С. 71—85. Все они вошли в сборник «К проблеме русского самопознания» (Париж, 1927).

6 См. примеч. выше.

101 1 декабря 1926 года

Дорогой Петр Петрович!

Т[ак] к[ак] Вера очень занята и не может быстро пересту-
кать прилагаемое конфиденциальное письмо, прошу Вас по про-
чтении переслать его П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому] (или
снять копию — все равно).

Я в сильном душевном маразме. Главным образом из-за на-
шей здешней церковноприходской обстановки. Напишите мне, по-
жалуйста, что происходит в Париже с митрополитом и с кругами,
к нему близкими. У нас ходят слухи, но ничего определенного не
известно. Почему-то и «Посл[едние] Нов[ости]» ничего не пишут,
не реагировали даже на такой «крупный» факт эмигрантской жиз-
ни, как закрытие «Возр[ождения]», о котором у нас тоже только
ходят темные слухи.

Напишите также, что же в конце концов вышло со свадьбой
П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого]? Я разорился на телеграмму,
а вдруг через два дня получил деловое письмо от П[етра]Н[ико-
лаевича]С[авицкого], помеченное 24-м ноября и из Мокропсов!
Ничего не понимаю!

Что же, опять расстроилось?

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

1/XII/1926

1 П. Н. Савицкий собирался жениться на Вере Ивановне Симоновой,
сестре жены Г. В. Флоровского.

102 Декабрь 1926 года¹

Дорогой Петр Петрович!

Присылаю Вам рукопись Н[иколая]Н[иколаевича] Алексеева и мои замечания к ней (эти последние в двух экземплярах)². Очень прошу Вас прочесть мои замечания и соответствующие места рукописи (это, в общем, немного), чтобы быть в курсе дела. После этого рукопись и один экземпляр замечаний передайте Н[иколаю]Н[иколаевичу] Алексееву, а другой оставьте у себя. Если сочтете нужным, дайте прочесть эти замечания П[етру]С[еме-новичу] А[рапову] или еще кому-нибудь: некоторые из этих замечаний представляют принципиальный интерес.

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

¹ Датируется по содержанию.

² П.П. Сувчинский выслал Н.С. Трубецкому для редактирования рукопись Н.Н. Алексеева, которая впоследствии была издана евразийцами: *Алексеев Н.Н.* На путях к будущей России: Советский строй и его политические возможности. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1927. См. публикуемое в настоящем издании письмо Н.С. Трубецкого П.П. Сувчинскому от 3 января 1927 г. (№ 105).

103 17 декабря 1926 года

Дорогой Петр Петрович!

На днях познакомился с интересным человеком, — здешним профессором политической экономии Срапп'ом¹. Он прежде был позитивистом, чуть ли не марксистом, потом стал идеалистом, углубился в философию и стал строить социологию и политическую экономию на новых основаниях.

В результате он создал свою систему, из которой вытекает как особая трактовка чисто научных проблем, так и особый идеал государства. Совпадения с нами совершенно поразительные: примат культуры («главной задачей государства является не охрана имущества отдельных граждан, а организация культуры, Förderung des Geisteslebens»²), государство, покоящееся на

цеховых организациях (Ständische und gewerkschaftliche Grundlage³), обусловленная (функциональная!) собственность (Gebundenes Eigentum) и т[ак] д[алее]. Философия с сильным религиозным упором. В связи со всем этим отвержение современной европейской цивилизации и установка на средневековые, понимаемое по-новому и очень своеобразно: восприятие «ренессанса» как эпохи упадочной. Национализм, но без империалистических тенденций. При всем этом любопытно, что пришел он ко всему этому своим путем, с виду даже противоположным нашему: он шел, отталкиваясь от индивидуализма, и потому все свое учение называет «универсализмом». Главное, исходное положение его философии, это — что «целое (логически) раньше своих частей» (das Ganze ist logisch früher als seine Teile). В применении к социологии — общество раньше человека. Отсюда отвержение теорий, рассматривающих общество как агломерат отдельных людей, и утверждение теории органического единства общества. Впрочем, когда мы с ним разговаривали и я изложил ему наше учение о симфонической личности, он сказал, что под «целым» в социологии разумеет именно такую симфоническую личность. Главное отличие его от нас состоит, конечно, в том, что он — немец. Поэтому он все-таки не может избавиться от известной моветонности, присущей немецкому национализму (жена его, женщина немолодая и некрасивая, ходит в каком-то странном якобы древнегерманском парчовом облачении — немецкая Зазыкина). Поэтому же он не может вполне примкнуть к определенной религии. Выбирать ему, как немцу, приходится между католичеством и протестантством. Благодаря своему отталкиванию от «индивидуализма», отвержению ренессанса и упору на Средневековье, — он, конечно, должен отвергнуть протестантство. Но в то же время, католичество, очевидно, не может вполне его удовлетворить (хотя он сам — католик и ходит в церковь). Церковь в его построениях играет видную роль, и ясно, что эта церковь — не лютеранская, но в то же время эта «его» церковь лишена специфических признаков конкретного католичества, и все его построения совсем не отзываются специфическим католическим духом, — почему и получается, что эти построения стоят вне конкретной церковности. Это — недостаток, с которым у немцев часто приходится встречаться.

Spann стоит вне политики и публицистики и, сообразно своему мирозерцанию, он презирует прессу и сам себе рекламы не делает. При этом он — антисемит. Благодаря этому вся пресса его систематически замалчивает. Однако, несмотря на это замалчивание, он имеет довольно большой круг поклонников и последователей, как среди студентов, так и среди молодых ученых, притом не только в Австрии, но и в Германии. Его книги «Der Wahre Staat» и «Gesellschaftslehre» пользуются большим успехом, третья — «Kategorienlehre» специально философская и, говорят, трудно читаема¹. Льнут к нему, конечно, консервативно и национально настроенные молодые люди (die Völkischen), — что таит в себе известные опасности, но в то же время может привести и к благим результатам, ибо это наиболее активный элемент, а вместе с тем и элемент, лишенный определенной идеологии (идеология заменена эмоцией). Словом, хотя сейчас Spann не представляет из себя никакой политической величины, но со временем его учение может стать и политическим фактором.

Я посылаю Вам краткое изложение «Универсализма» (из немецкой юридической энциклопедии) и на днях вышлю «Der Wahre Staat». Мне интересно было бы услышать мнения Ваше и Л[ьва] П[латоновича] К[арсавина].

По-моему, хорошо бы, если бы кто-нибудь авторитетный (Карсавин, Франк или Алексеев²) написал о Шпанне хотя бы в «Хронике». Я же буду держать контакт с Шпанном и постараюсь через него познакомиться и с кругами тех молодых ученых, которые вокруг него группируются. Между прочим, Шпанн говорил мне, что, если бы мы пожелали выпустить что-нибудь на немецком языке, то он мог бы устроить нам издателя. У него хорошие связи с «арийскими» книгоиздательствами.

Обнимаю Вас, целую ручки Вере Александровне.

Ваш Н[иколай] Т[рубецкой].

¹ Отмар Шпанн (Othmar Spann, 1878–1950) — австрийский социолог и теоретик политической экономии; проповедовал идеи сословного государства и «третьего пути» (между демократией и марксизмом). В 1929 г. в присутствии Гитлера и Розенберга читал доклад в организации «Боевой союз за немецкую культуру», где изложил свою программу перестройки немецкого общества на основании сословного принципа. Шпанн считается

в современной исторической литературе одной из ключевых фигур, участвовавших в создании интеллектуального климата, сделавшего возможным победу нацизма в Германии. Несмотря на это, нацистская пресса примерно с 1935 г. критиковала идеи Шпанна. После аншлюса (аннексии Австрии Германией в 1938 г.) Шпанн с сыном были арестованы и отправлены на несколько месяцев в Дахау. После освобождения из лагеря Шпанну было запрещено преподавать. Н.С. Трубецкой далее в целом верно изложил основы концепции Шпанна.

2 Содействие духовной жизни (нем.).

3 Сословной и ремесленной основе (нем.).

4 Н.С. Трубецкой, скорее всего, говорит о следующих работах Шпанна: *Spann O. Gesellschaftslehre. Neubearbeitete Auflage. Leipzig, 1923; Idem. Der wahre Staat: Vorlesungen über Abbruch und Neubau der Gesellschaft, gehalten im Sommersemester 1920 an der Universität Wien. Leipzig, 1921; Idem. Kategorienlehre. Jena, 1924.*

5 Участники евразийского движения: Лев Платонович Карсавин, Николай Николаевич Алексеев и Семен Людвигович Франк. Карсавин написал краткий обзор работ Шпанна, опубликованный в «Хронике»: *Карсавин Л.П. По поводу трудов Отмара Шпана // Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. VII. С. 53.*

104 3 января 1927 года

Дорогой Петр Петрович!

Брошюра Н[иколая]Н[иколаевича]А[лексеева] мне очень понравилась¹. Она лучше, чем статья². Но все же в ней довольно много неизжитого либерализма. Прилагаю при сем список моих замечаний (для автора). Кроме этих замечаний, имею еще одно: почему во всей брошюре так ни разу и не упомянуто слово «евразийство»? В связи с этим должен сказать, что на меня произвел очень неприятное впечатление отчет о докладе Н[иколая]Н[иколаевича]А[лексеева] в евраз[ийском] семинаре, помещенный в «Посл[едних] Нов[остях]». В этом отчете говорилось, что Н[иколай]Н[иколаевич]А[лексеев] не евразиец, но что евразийцы совершенно неизвестно почему решили, будто пути их и Н[иколая]Н[иколаевича]А[лексеева] сходятся. По-моему, это недопустимо. Или Н[иколай]Н[иколаевич]А[лексеев] должен признать себя евразийцем, или он не должен рассчитывать на нас. А то выходит так, что мы ему делаем рекламу. Во всяком случае,

в тексте брошюры евразийство должно быть упомянуто: ведь в А[ргентине]³ брошюра будет распространяться в серой обложке без обозначения издательства.

Имейте в виду, что текст в типографии сильно перевертан (местами ясно, что перепутаны страницы рукописи), так что автору нужно его основательно прокорректировать. Вообще Ваша типография сильно испортилась. Опечаток за последнее время все больше и больше. В «Верстах» в этом отношении прямо ужас что делается.

Статью Пенни⁴ сегодня переправил П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому]. Откровенно говоря, статья плохая. Сочетание трюизмов с дилетантизмом и с плохо переваренной нефтяной⁵ отрыжкой. Конечно во «Временник» — нельзя. А для «Хроники» как будто слишком длинно. Впрочем, там много повторений, так что можно сократить. Тогда — в «Хронику». Но только — не во «Временник».

Трагедия Марины Цветаевой — великолепна⁶. Артем Веселый⁷ не особенно хорош: однообразно, все то же самое. Ремизов очень мил — гораздо лучше, чем в первом №⁸. Остального пока еще не читал.

- Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.
Ваш Н Т

3/I/1927 На этот раз, даже я согласен, что Марина Цветаева хороша. Н[иколай]Т[рубецкой].

P.S. Мне очень желательно было бы получать «Путь». Между тем, кроме № 1, других не получал. Замолвите при случае словечко Бердяеву

Н[иколай]Т[рубецкой].

P.S. 2. ~~То, что в~~ В прилагаемых «Замечаниях» подчеркнуто красным карандашом то, на чем я особенно настаиваю

Н[иколай]Т[рубецкой].

¹ Вероятно, речь идет о брошюре: *Алексеев Н.Н.* На путях к будущей России: Советский строй и его политические возможности. Берлин, 1927.

2 В 1927 году Н.Н. Алексеев подготовил несколько статей для евразийских изданий. О какой именно статье идет здесь речь, установить не удалось.

3 То есть в России.

4 То есть П.Н. Малевского-Малевича.

5 Евразийской.

6 Вероятно, речь идет о трагедии Марины Цветаевой «Тезей» (см.: Версты. 1927. Вып. 2. С. 5–83).

7 Артем Веселый (Николай Иванович Кочкуров, 1899–1939); опубликовано: *Веселый А.* Восстание (выдержки из романа) // Версты. 1927. Вып. 2. С. 84–91.

8 Имеется в виду: Версты. 1926. Вып. 1.

105 13 января 1927 года

Дорогой Петр Петрович!

Посылаю Вам свою «украинскую статью» (заглавия не могу придумать)'. П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] ее уже читал и сделал к ней некоторые замечания, которые я принял во внимание при окончательной редакции.

Относительно проекта разделения материала для Временника на два №№ могу сказать следующее. В принципе я, конечно, вполне согласен с Вашими аргументами: две книжки средней величины во всех отношениях лучше, чем одна большая. Но сомнения вызывает конкретное распределение имеющегося материала между двумя книжками: вторая книжка (№6) окажется совершенно обескровленной, а все самое интересное попадет в первую (№5). Подробнее критиковать Ваш прозект я не могу потому, что не знаю наизусть сколько в какой статье будет печатных страниц. Для удобства обсуждения пришлите мне (и П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому]) список имеющихся и предполагаемых статей с обозначением числа печатных страниц каждой из них. Тогда сговоримся.

Статью Пенни во «Временник» помещать очень не хотелось бы'. Ведь до сих пор рядовые евразийцы смотрели на все, помещаемое во «Временнике», как на догму, подлежащую уже только усвоению и популяризации, но не критическому обсуждению. Да и посторонняя публика смотрит так же. Нельзя же будет

разъяснять всем по секрету, что статью Пенни нам «пришлось» поместить... Вообще, все это очень ненормально. По какому праву Пенни возражает против статьи П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] о Садовском? Разве он редактор? По-моему, вообще надо перестать показывать статьи, присылаемые для «Временника». Постепенно надо эмансипироваться от опеки. Я теперь ничего не знаю о том, что делает второй отдел: никто меня об этом не информирует¹. Почему же мы должны информировать их? Автономия — так автономия.

Пожалуйста, не забудьте прислать мне ретушированный текст «Трактата Н[иколая]С[ергеевича]Т[рубецкого]», как было уговорено летом.

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

13/I/1927

1 Имеется в виду статья Н.С. Трубецкого «К украинской проблеме».

2 Речь идет о статье П.Н. Малевского-Малевича «Записка по военному вопросу» (см.: Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. IX. С. 15–16).

• 3 Вероятно, речь идет о заметке П.Н. Савицкого «Памяти Я.Д. Садовского» (см.: Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. VII. С. 58).

4 Об отделах в евразийстве см. «Введение» к настоящему изданию и примеч. 17 к письму Н.С. Трубецкого П.П. Сувчинскому от 25 апреля 1926 г. (№ 76).

106 1 февраля 1927 года

Дорогой Петр Петрович!

Давно собираюсь Вам писать, да все некогда. Хочу Вам писать про №2 «Верст». Дело в том, что этот номер мне очень не нравится¹.

О литературной части не говорю: и М. Цветаева, и Ремизов очень хороши, лучше, чем в первом номере, а перепечатки неплохи, хотя не совсем понятен выбор (А. Белый² — писатель позапрошлого тысячелетия, а Тынянов — не беллетрист, а ученый). Но статьи оставляют желать много лучшего. Статья Карсавина скучна и маловразумительна: понятно, что он ругает Ключевского (хо-

тя можно бы это сделать ярче), но непонятно, чего он сам хочет (говорю с точки зрения читателя, который других произведений Карсавина не читал)¹. Статья Бернарда Грутхейсена неглупа, но совершенно непонятно, почему она сюда попала: это опять вроде Пикельного в первом номере⁴. Статья Фернандеза безумно скучна, статья Форстера бессодержательна⁵. Статья Мирского после всего того, что до сих пор было сказано и написано им и о нем, производит впечатление, как когда зажигают отсыревшую ракету: зажгут, отбегут, ожидая выстрела, а она, вместо того чтобы выстрелить вверх, погорит-погорит, сделает «пуф!», подпрыгнет и упадет⁶. В конце статьи какие-то извинения перед критикой, что уже совсем нехорошо. К тому же у Мирского страшно испортился язык. Вообще, что с ним сделалось? Статья Богданова была бы хороша, но в ней масса промахов, делающих ее, во-первых, чрезвычайно уязвимой, а во-вторых — положительно неприятной именно для нас⁷. Ведь «Версты», хотите Вы этого или не хотите, всеми воспринимаются как журнал евразийский, а Богданов уже и в первом номере зарекомендовал себя как евразиец⁸. В его статье прежде всего (не говоря о претенциозной форме, — зачем это: «пролог», «первое действие», «второе действие»?) бросается в глаза натяжка в определении понятия «интеллигенция». Это понятие всегда определяют с разными натяжками, но именно поэтому все, что пишут об «интеллигенции вообще» обычно совершенно неубедительно. Так же неубедительно и то, что пишет Богданов. А между тем — жалко, ибо много мыслей ценных: только не надо было связывать их с термином «интеллигенция» в таком искусственном и неубедительном определении. Далее, совершенно, по моему, неправильно и, во всяком случае, прямо противоречит всем евразийским писаниям отношение Богданова к допетровской Руси. Это (точно так же, как некоторые места в брошюре Н[иколая] Н[иколаевича] Алексеева) какая-то попытка вернуться к Пыпину или примирить евразийство с Пыпиным⁹. У Богданова даже больше: неизжитое западничество самого худшего рода (восхищение перед «возрождением», т[о] е[сть] перед началом упадка романо-германской культуры!). Нам за эту статью придется еще отдуваться и всячески изворачиваться... Но что в этом номере «Верст» хуже всего и прямо ужасно — так это, простите, Петр Петрович, «Апокалипсис» Розанова и Ваше предисловие к нему.

Зачем Вы это напечатали? Розанов великолепный стилист, но нельзя же из-за одного этого перепечатывать его гадости, продукты его религиозно-анатомических поллюций. А Вы не только печатаете, но еще предпосылаете предисловие, в котором заявляете, что «только Толстой и Розанов — своим человеческим ростом — могут действительно учительствовать в будущее»¹⁰! Ведь Вы забываете, что лишь небольшое число читателей «Верст» лично знакомо с Вами и может лично у Вас справиться, как, собственно, все это надлежит понимать. Большинство поймут то, что написано: вот П[етр]П[етрович] Сувчинский, один из основоположников евразийства, рекомендует учиться у Розанова, и вот дальше печатается этот Розанов, который хулит Христа и Евангелие и проповедует, что в загробной жизни все будут непрестанно совокупляться и жить исключительно половыми органами, и что евреи очень хороший народ и хороший именно потому, что распяли Христа и не приняли Христианства. Вот что поймет *всякий* читатель. Значит, скажет он, евразийство теперь отказывается даже не то что от православия, но прямо даже от христианства. Я просто не знаю, как и что мне отвечать, когда кто-нибудь будет обращаться ко мне с недоуменными вопросами по этому поводу. Во всяком случае, своего вполне и резко отрицательного отношения к Розанову я скрывать не могу и не буду. Не дай Бог, чтобы он действительно стал «учительствовать в будущее» и соблазнял кого-нибудь из малых сих! Пускай остается в прошлом, где ему, как нововременскому фельетонисту и в тоже время «члену» (в том и в другом смысле) всяких «религиозно философских» обществ, и место...

Из всего этого, однако, следует извлечь урок для будущего. Мы должны понять, что, хотим мы этого или не хотим, но мы уже *не свободны*. Евразийство нас оковывает известными веригами, и полной свободы движений у нас быть не может: чуть неловко повернешься, — вериги больно врезаются в тело. Ни в «Верстах», ни в каком-либо другом журнале мы не можем показывать лика слишком несходного с нашим ликом во «Временнике»¹¹. Ибо всюду на нас смотрят как на евразийцев: «мы как мы» больше для читателей не существуем, а существуем только «мы как евразийцы». Что «Версты», что «Временник», — все равно: отношение публики одинаковое (см[отрите], напр[имер], передовицу в «Последних Новостях» от 24 янв[аря], где «Версты» прямо рассматри-

вается как евраз[ийский] журнал), и наше отношение должно тоже быть одинаковое. Как во «Временнике» мы тщательно взвешивали каждую фразу (и свою, и чужую), так должно быть и в «Верстах». Это — не мое требование, а требование жизни, констатирование фактического положения вещей.

Проект реформы, предлагаемой Зайцевым¹², вполне разумен и его надо учесть при редактировании «пятошестого» номера «Временника». Однако ни одной из имеющихся в запасе статей выкидывать нельзя. Поэтому реформу надо провести не одним ударом, а постепенно: раз все равно мы должны распределить материал между двумя выпусками, то распределим его так, чтобы № 5 еще вполне отвечал старому типу «Временника», а № 6 уже представлял бы тип новый. Конкретных предложений о составе того и другого №№ не могу сделать, ибо не помню наизусть числа печатных страниц каждой статьи. Во всяком случае, Зайцеву надо ответить в общем виде, не входя в детали. По-моему, П[ётр]Н[иколаевич]С[авицкий] делает ошибку, что в своем ответе Зайцеву обсуждает подробности: это — дело редакционной коллегии.

Какова судьба моего т[ак] наз[ываемого] «Трактата»? Почему-то Зайцев называет его трактатом Кошица¹³. Авторства своего от внутреннего круга евразийцев я вовсе скрывать не желаю. Подписывать полным именем я не хочу только потому, что я известен как лингвист и этнограф и вследствие этого моя подпись под государствоведческим сочинением налагает на него в глазах публики печать дилетантизма, во всяком случае дает право критике опорочить это сочинение. Но подпись Кошица в этом отношении ничем не лучше, ибо и он не государствовед. Если Вы помните, мы летом решили, что трактат мой просмотрит и исправит с точки зрения терминологической и технически-государствоведческой какой-то спец-юрист, дабы в трактате не могло быть безграмотностей, что затем, после этого просмотра, трактат будет подвергнут дискуссии внутреннего круга, и наконец, по окончании дискуссии я уже окончательно редактирую этот трактат, приняв во внимание дискуссию так, чтобы получилась не докса, а догма. Наконец, в какой же стадии он теперь находится?

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.
Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

1/II/1927

P.S. Поскорей пришлите оттиски моей статьи из «Верст».

1 По поводу этого письма Н.С. Трубецкого Д.П. Святополк-Мирский писал П.П. Сувчинскому 23 февраля 1927 г.: «...Письмо Трубецкого совершенно верное (хотя местами тон слишком хлесткий)» (The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–31 / Ed. by G.S. Smith. Birmingham: Univ. of Birmingham, 1995. P. 76).

2 Речь идет о выдержках из романа Андрея Белого «Москва под ударом» (см.: Версты. 1927. Вып. 2. С. 104–113).

3 Карсавин Л.П. Без догмата // Версты. 1927. Вып. 2. С. 129–144.

4 Бернард Грутхейсен (Bernard Groethuysen, 1880–1946), уроженец Германии нидерландского происхождения; в 1920-х гг. — знаменитый философ, ученик Дильтея. Грутхейсен участвовал в вечерах в Понтины, в которых также принимали участие русские эмигранты. Речь идет о его статье: *Грутхейсен Б. Парадокс буржуазного мирозерцания* // Версты. 1927. Вып. 2. С. 224–230 (статья была переведена Д.П. Святополк-Мирским из французского издания *Les Origines de l'Esprit Bourgeois*. См.: The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931... P. 190).

5 Рамон Фернандес (Ramon Fernandez, 1894–1944) — известный литературный критик; статья Фернандеса «Заметки о современной французской литературе» была опубликована в «Верстах» (1927. Вып. 2. С. 231–239). Эвард Морган Форстер (Edward Morgan Forster, 1879–1970) — английский литератор, автор статьи (в переводе Святополк-Мирского) «Современная английская литература» (см.: Версты. 1927. Вып. 2. С. 240–246).

6 Во втором выпуске «Верст» был опубликован знаменитый доклад Д.П. Святополк-Мирского «Векания смерти в предреволюционной литературе» (Версты. 1927. Вып. 2. С. 247–254).

7 Богданов Е. Трагедия интеллигенции // Версты. 1927. Вып. 2. С. 145–184. Под псевдонимом Е. Богданов писал известный философ, критик и историк религии Георгий Петрович Федотов (1886–1951), который в 1931–1941 гг. был редактором журнала «Новый Град», преподавал в Свято-Сергиевском институте в Париже. В 1941 г. Федотов переехал в США.

8 Тем не менее Д.П. Святополк-Мирский писал П.П. Сувчинскому 8 февраля 1926 г., обсуждая предложенное последним название «Орда»: «Между прочим, я все-таки не хотел бы давать журналу подчеркнутый Евразийский характер. Поэтому лучше без татарского имени» (см.: The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931... P. 45).

9 Александр Николаевич Пыпин (1833–1904) — литературовед, историк, общественный деятель, автор многочисленных работ по истории русской литературы и этнографии, по истории общественных движений и по истории масонства. Н.С. Трубецкой говорит о нем, поскольку Пыпин, интересуясь славянским фольклором и этнографией, тем не менее был «западником».

10 Взгляды П.П. Сувчинского на Л.Н. Толстого и В.В. Розанова явно претерпели изменения под воздействием Д.П. Святополк-Мирского. В октябре 1924 г. Мирский писал Сувчинскому: «...Я знаю, что Вы презираете Толстого, но не могу разделять этого чувства» (Ibid. Р. 31). В августе 1928 г. Мирский уже писал Сувчинскому о совместном выступлении на годовщине Толстого (Ibid. Р. 110).

11 В дальнейшем Н.С. Трубецкой вместе с П.Н. Савицким будут настаивать на более строгом следовании евразийским догмам в печати всеми, кто принимает участие в движении. П.П. Сувчинский тем не менее чувствовал себя в достаточной степени свободным от такого рода ограничений.

12 Ошибка Трубецкого в написании фамилии; имеется в виду А.А. Зайцов.

13 То есть Л.П. Карсавина.

107 8 февраля 1927 года

по прочтении уничтожить¹

Дорогие Петр Петрович и Петр Николаевич*,

Из последнего письма П[етра]П[етровича]С[увчинского] явствует, что в недалеком будущем придется порвать с Катцом². Положение, при котором фактически редактором «Временника» оказывается какой-то Зон³ и статьи двух основоположников бросаются в корзину, совершенно нетерпимо. Вообще, все положение, создавшееся благодаря т[ак] наз[ываемой] «финансовой диктатуре», точнее, благодаря организованному финансовому шантажу Катца, настолько нелепо и ненормально, что я, признаюсь, за последнее время прямо перестал интересоваться делом: дело перестало быть нашим, а следовательно, перестало быть интересным для меня. До сих пор мы поступали как страусы, прячущие головы, чтобы не видеть врага. Мы старались не думать о разрыве с Катцем.

* Письмо адресовано П.П. Сувчинскому и П.Н. Савицкому.

По-видимому, надо переменить это наше отношение к делу. Идти дальше по пути уступок невозможно, ибо в конце концов получается, что мы продаем свои убеждения. Если получение денег от Катца обставлено такими условиями, — то ну его к свиньям со всеми его деньгами. Я считаю, что в недалеком будущем нам придется поставить Катцу ультиматум — либо подчиниться авторитету тройки и перестать вмешиваться в идеологическую работу (в гарантию чего он должен перевести на имя одного из нас единовременно 2 000 фунтов), либо вовсе перестать нас финансировать и выйти из состава С[вета] н[ефти]⁴. Но, разумеется, такой ультиматум можно поставить, лишь обеспечив себе какой-то минимум в финансовом отношении. Во всяком случае, мне кажется, что сейчас главный вопрос, о котором нам следует думать, сводится к тому, как нам обойтись без катцевских денег. Тут прежде всего нужно вполне ясно отдавать себе отчет в том, какую именно сумму денег мы теряем при разрыве с Катцем. Рассматривая смету на 1927 год с этой точки зрения, прихожу к тому заключению, что все суммы, упоминаемые в этой смете, фактически делятся на две категории: такие, которые расходуются нами тремя, с согласия и под контролем Катца, и такие, которые расходуются одним Катцем, без всякого нашего контроля. Т[ак] к[ак] эта вторая категория сумм фактически находится вне сферы нашего воздействия, то она в счет не идет. Следовательно, при разрыве с Катцем, мы действительно теряем только первую категорию сумм, куда я отношу ассигновку на издательство, на организацию дела в Париже и в Праге, на содержание П[етра] П[етровича] С[увчинского], П[етра] Н[иколаевича] С[авицкого] и Л[ьва] П[латоновича] К[арсавина] и, наконец, небольшая доля (приблизительно 20%) ассигновки на разъезды и на непредвиденные расходы. В общей сложности все это вместе взятое по смете на 1927 г. составляет немного менее 1400 фунтов, — сумма, конечно, довольно солидная, но не Бог весть какая⁵. Если бы нам удалось откуда-нибудь эту сумму достать, — то можно бы было сказать, что мы ничего не теряли бы от разрыва с Катцем. Но сумма эта, по-моему, отнюдь не является минимальной. Я думаю, что мы могли бы обойтись и с меньшей суммой. Конечно, при этом пришлось бы кое в чем сократиться, свернуться, — но ведь без этого нельзя. Надо, чтобы теперь каждый из нас обдумал, что и как можно преобразовать на максимально экономи-

ческих началах. Так мы определили бы ту минимальную сумму, с которой могли бы обойтись (в сильно свернутом виде) в ближайшее время. Параллельно, разумеется, мы должны интенсивно искать денег. Конечно, я в этом деле профан, но мне кажется, что из нашего издательства можно бы сделать такое коммерческое предприятие, которое могло бы заинтересовать капиталиста. М[ожет] б[ыть], целесообразно было бы одновременно со специфически нашими книгами издавать и какие-нибудь ходкие книжки совершенно нейтрального содержания (беллетристику, книжки для детей и т[ому] п[одобное]). Далее, полагаю, что второго Голдсмита мы, конечно, не найдем, но что все-таки нечто вроде Голдсмита найти можно⁶. При этом искать следует теперь отнюдь не там, где живет Катц⁷, (ибо там как раз к нашему наименованию будут относиться с ужасом — в связи с китайскими событиями) и даже не там, куда Катц съездил в прошлом году⁸, — а в Германии. Первым шагом по этому пути было бы издание на немецком языке небольшого сборника статей с умелым изложением основных наших тезисов. Я ручаюсь, что издателя в Германии мы найдем, да даже и приличный гонорар еще получим. Статьи надо написать специально для этого назначения, применительно для немецкого читателя. Предлагаю вам обоим серьезно этот проект обдумать.

Конечно, все это не разрешает злободневного вопроса, а только подготавливает почву для будущего. Что же касается до конкретного злободневного вопроса о «Временнике», то мне кажется, что уступок нам делать нельзя. Лучше просто заявить, что «Временника» не будет. Я, во всяком случае, ставлю свое участие во «Временнике» в зависимость от того, кто фактически входит в состав редакции. Я согласен участвовать только в том случае, если состав и направление «Временника» окончательно определяется исключительно нами тремя: вами двумя и мной. Я сразу не понял, что весь проект Зона⁹ был изобретен только для того, чтобы убрать из «Временника» статью П[етра]П[етровича]С[увчинского], — а то я бы совсем не так ему ответил. Во всяком случае, если статья П[етра]П[етровича]С[увчинского] во «Временнике» напечатана не будет, то и моих статей там не будет ни одной. В области наших официальных изданий мы не можем идти на компромиссы. Дальнейшая наша уступчивость в этой области способна только повредить делу, ибо еще увеличит притязания Катца и Зона. Уже и

так я считаю прямо нахальством, что Зон мог обидеться на чрезвычайно осторожное и мягкое письмо П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] и на то, что я не сразу ему ответил. Надо дать почувствовать, что мы уступаем только до известного предела. П[етр] П[етрович]С[увчинский] мог бы, напр[имер], сказать Зону, что на П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] и на меня вмешательство второго отдела в редакционные дела производит весьма тягостное впечатление и что струну перетягивать не следует, — вообще все валить на нас.

[Приписано от руки]: Мне очень жалко, дорогой Петр Петрович, что приходится Вас огорчать, но, право же, я считаю, что уступать в вопросе о «Временнике» невозможно. Лучше уж просто совсем не издавать «Временника».

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

8/II/1927

1 Письмо отпечатано на машинке.

2 То есть с П.Н. Малевским-Малевицем.

3 То есть А.А. Зайцов.

4 Совета евразийства.

5 Согласно отчету, предоставленному П.Н. Малевским-Малевицем по результатам 1927 г., содержание П.П. Сувчинского, П.С. Арапова и Л.П. Карсавина составило 240 фунтов в год каждого, содержание П.Н. Савицкого — 156 фунтов в год. См. письмо П.Н. Малевского-Малевица членам Совета евразийства от 23 апреля 1928 г. (ГАРФ. Ф. Р-5783. Оп. 2. Д. 445. Л. 181–182). Н.С. Трубецкой слегка занижает сумму, которая тратилась под контролем Совета. Скорее, речь шла о сумме в 2000 фунтов в год. Тем не менее в 1927 г. расход по кассе составлял 3517 фунтов 19 шиллингов, что говорит о том, что Малевский действительно тратил около 1500 фунтов в год вне контроля Совета.

6 Голдсмит в переписке евразийцев — код имени Генри Нормана Сполдинга (1877–1953), британского филантропа, финансировавшего евразийство через П.Н. Малевского-Малевица; субсидируя евразийство, Сполдинг неверно представлял себе состав движения, его характер и возможности. Сполдинг учился в Оксфорде, служил в Адмиралтействе, участвовал в выборах в парламент; он был известен также как учредитель кафедр восточных религий и этики в Оксфордском университете; участник

благотворительной помощи голодающим в России в 1921 г. См. о Сполдинге также «Введение» к настоящему изданию.

7 П.Н. Малевский-Малевиц, проживавший в Англии.

8 В 1926 г. П.Н. Малевский-Малевиц совершил поездку в США с целью расширить финансовую базу евразийства. Поездка результатов не принесла.

9 То есть А.А. Зайцова, предлагавшего разделить собранный для «Временника» материал на два тома.

108 20 февраля 1927 года

Дорогой Петр Петрович!

Сведения Зона¹ совершенно верны. Эсдерс² действительно находится в А¹. Мне он тоже ничего об этом не сообщил. Когда я получил Ваше письмо, я сейчас же запросил его открыткой-экспрессом, прося ответить немедленно тоже экспрессом и заявив, что в случае неполучения от него ответа в течение двух дней буду считать, что он действительно уехал. Сегодня получил ответ от его отца⁴. Старик в панике, умоляет по этому вопросу не переписываться ни с кем впредь до возвращения Эсдерса. — Я все-таки смотрю на это дело очень мрачно. Конечно, Вы правы, что по существу, м[ожет] б[ыть], сейчас так и следовало поступить. Но факт неоповещения нас все же есть грозный симптом. До сих пор можно было утешаться тем, что по крайней мере единство тройки удалось восстановить. А теперь оказывается, что и это — иллюзия. Для предстоящей борьбы с Катцем это — плохое предзнаменование. — Теперь нам надо быстро сговориться с Вами, какой тактики держаться. Во-первых, вопрос о «Временнике» как будто решается сам собой: раз все равно надо отложить решение этого вопроса до возвращения Эсд[ерса], то уже лучше прямо перенести это решение на курултай. Итак, по-моему, «Временник» во всяком случае следует задержать. Я продолжаю стоять на своей прежней позиции: редактировать «Временник» должны либо мы, либо Зон с Катцем⁵, а на обложке во всяком случае должны стоять имена действительно настоящих, фактических редакторов. Впрочем, теперь этот вопрос пока перестал быть актуальным.

Важнее решить тактические вопросы, непосредственно связанные с поездкой Эсд[ерса]. Таких вопросов как будто два: в каком тоне мы должны говорить с самим Эсдерсом, если он, даст Бог, вполне благополучно вернется, и какова должна быть наша точка зрения на поездку Эсд[ерса] при разговорах со вторым отделом. По-моему, мы должны сделать все возможное для того, чтобы весь этот эпизод не только не разрушил тройки, но наоборот, укрепил ее внутреннее состояние и внешнее положение. Поэтому я считаю, что, несмотря на всю анархичность поступка Эсд[ерса], мы перед вторым отделом должны солидаризироваться с ним. Даже и сейчас, еще до его возвращения, мы в разговорах должны становиться на его точку зрения, которая очевидно сводится к тому, что постановление о «кредитной»⁶ поездке было принято в прошлом году и с тех пор не отменялось; что самая поездка совершилась (очевидно?) через окно Липского⁷, продолжающего быть фактически агентом второго отдела⁸ С., и что, следовательно, вся эта поездка не могла не быть известной второму отделу; что переписка с центром второго отдела по этому вопросу только затянула бы дело и усилила бы риск (как всякая лишняя переписка по таким вопросам), а решать надо было быстро и т.д. Словом, мы должны стать на сторону Эсдерса. В то же время в разговорах и в переписке лично с ним мы должны самым решительным образом осудить его поведение по отношению к нам. Больше ничего придумать не могу. — Издание «церковной записки» Л[ьва]П[латоновича]К[арсавина] отдельной брошюрой считаю очень своевременным, но высказываюсь за то, чтобы эта брошюра была подписана ее автором (это не мешает тому, чтобы поместить в начале краткую заметку от редакции, подчеркивающую нашу полную солидарность с автором)⁹. Окончательно решать этот вопрос придется опять-таки после возвращения Эсдерса. — Дай Бог, чтобы он благополучно вернулся...

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.
Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

20/II/1927

P.S. Получу ли я оттиски своей статьи в «Верстах»?

Р.Р.С. Прилагаю отрывок из только что полученного письма моей тещи из Брюсселя. Что это за новый скандал? Положительно, Степанов — идиот¹⁰.

1 То есть А.А. Зайцова.

2 П.Н. Савицкий.

3 В России. Речь идет о поездке П.Н. Савицкого в СССР перед самым крахом «Треста», произошедшим весной 1927 г. Савицкий отправился в Россию с целью проинспектировать евразийские организации в СССР. Его встречи с евразийцами и церковными деятелями в России были полностью инсценированы ОГПУ. А.А. Зайцов знал о поездке Савицкого, поскольку был не только евразийцем, но и руководил связью с «Трестом» в кутеповской организации.

4 Николай Петрович Савицкий (1867–1941), отец П.Н. Савицкого; до революции — председатель губернской земской управы в Чернигове, имел репутацию либерального деятеля; был членом Государственного совета по выборам. В эмиграции жил сначала в Нарли под Константинополем, затем переехал в Прагу.

5 А.А. Зайцов с П.Н. Малевским-Малевичем.

6 То есть идеологической.

7 То есть переход границы был совершен при содействии Ю.А. Артамонова (Липского в переписке евразийцев), резидента «Треста» и А.П. Кутепова в Варшаве, бывшего к тому же (искренно или нет) евразийцем. С.Л. Войцеховский упоминает в своих воспоминаниях, что видел Савицкого у Артамонова за несколько часов до отхода поезда к советско-польской границе. См.: *Войцеховский С.Л. Трест. Воспоминания и документы*. Лондон: Онтарио, 1974. С. 29.

8 Липский — Ю.А. Артамонов — был одной из ключевых фигур в довольно сложной схеме: он был одновременно резидентом А.П. Кутепова и «Треста» в Варшаве и участником (во всяком случае, формально) евразийского движения. А.А. Зайцов, корреспондент Артамонова по делам «Треста», руководил у Кутепова связями с «Трестом», в то же время являясь довольно активным евразийцем.

9 Речь идет о брошюре: *Карсавин Л.П. Церковь, личность и государство*. Париж: Евразийское книгоиздательство, 1927.

10 Иван Владимирович Степанов (?–1934) — выпускник Училища правоведения (1915) и Павловского военного училища (1916), офицер Семеновского полка; воевал в Добровольческой армии. В эмиграции находился в Бельгии; автор нескольких брошюр; по всей видимости, был агентом советских спецслужб. См. о нем: *Coudenys W. Leven van verleden en hoop: Russische emigranten in Belgie, 1917–1945*. Leuven, 2004.

109 2 марта 1927 года

Дорогой Петр Петрович!

У нас второй день гостит П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий]. Поездка его была очень удачной. Сам он в великолепном виде и обо всем думает так же, как Вы и я. Оказывается, он написал нам письма из «Женевы»¹ (бывшей, не помню, как ее теперь называют) и просил Липского² их отправить, но тот по каким-то соображениям этой просьбы не исполнил. Вы теперь, вероятно, уже получили это письмо (от 27 янв[аря]), которое П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] написал до своей поездки, а отправить Вам смог только теперь, по возвращении. Письмо это, вероятно, Вам не понравилось, т[ак] к[ак] оно несколько истерично. Но это объясняется, по-видимому, условиями, при которых оно писалось. Во всяком случае, хочу подчеркнуть, что в настоящее время П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] поражает своей уравновешенностью и спокойствием. Я его давно таким не видел; очевидно поездка действительно нужна была ему для разряжения каких-то накопившихся токов. В деловом отношении результаты поездки, повторяю, очень ценны.

На взаимоотношения наши со вторым отделом П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] смотрит совершенно так же, как Вы и я. Ваши опасения что он встал на сторону Катца³, совершенно неосновательны. П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] не меньше, чем Вы и я, сознает необходимость сохранения единства тройки и, по моему впечатлению, сделает все, чтобы это единство сохранить. В беседах по этому вопросу мы склоняемся к выводу о необходимости вскрытия нарыва, притом, в ближайшее время. Надо решительно поставить Катцу ультиматум о полном невмешательстве в идеологическую и издательскую работу и о переводе единовременно всей годичной ассигновки на издательство. Кроме того, в связи с результатами поездки П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] надо изменить некоторые подробности в наших отношениях к Денисову⁴. Практически мы представляем себе дело так. П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] 4-го марта возвращается к себе, а 14-го марта придет к Вам. Я тоже 14-го марта приеду к Вам. У Вас мы уже решим, что делать дальше: либо вызовем к себе Катца, либо сами поедem к нему. Последнюю возможность, во всяком случае, имей-

те в виду и постарайтесь самостоятельно (помимо Катца) *достать себе английскую визу* (у П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] таковая уже имеется, и я себе тоже достану): м[ожет] б[ыть], окажется, что имеет смысл неожиданно нагрянуть к Катцу и прижать его к стенке в отсутствие Зона¹. Впрочем, все это решим при свидании. К Вам мы оба, во всяком случае, хотим приехать инкогнито (по крайней мере, первые дни). Если в Кламаре это нельзя, то поедem в какойнибудь другой городишко.

Сложный вопрос денежный. П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] свою поездку должен был совершить на собственный счет, и для этого влез в долги. У меня нефтяных⁶ денег тоже нет. Если можете, переведите П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому] *немедленно* пять фунтов, чтобы он мог к Вам выехать, не влезая в дальнейшие долги.

Ваши взгляды на монархию П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] и я *вполне разделяем*. П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] говорит, что Денисов и все аргентинские нефтяники⁷ смотрят на этот вопрос приблизительно так же. Во всяком случае, Денисов просил, чтобы в литературе, предназначенной для А[ргентины]⁸, монархических уклонов избегать.

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.

Н[иколай]Т[рубецкой].

2/III/1927

P.S. Прилагаю письмо Шмидта⁹ ко мне, — как материал для обсуждения. Надо заметить, что Шмидт мне уже больше года не писал.

Н[иколай]Т[рубецкой].

P.P.S. Только что получили Ваше письмо от 27/II. Просим Вас поездку П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] держать в строжайшей тайне (очень важно и по техническим соображениям). Вопрос о «Временнике» решим при свидании, до которого теперь осталось уже недолго.

Н[иколай]Т[рубецкой].

¹ То есть из Варшавы. Весной 1927 г. код евразийских писем был изменен.

- 2 То есть Ю.А. Артамонова.
- 3 То есть П.Н. Малевского-Малевича.
- 4 То есть к А.А. Ланговому.
- 5 То есть А.А. Зайцова.
- 6 Евразийских.
- 7 Евразийцы в России.
- 8 То есть для России.
- 9 То есть П.С. Арапова.

110 5–6 марта 1927 года

Дорогой Петр Петрович!

П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] вчера уехал в Прагу. Через каких-нибудь 10 дней мы все трое встретимся у Вас и лично обо всем переговорим. Уроки прошлого не прошли даром, и мне кажется, что мы все исполнены твердой решимости сохранить единство тройки. Надеюсь, что в борьбе за наши права мы противопоставим нападающим на нас действительно полное единство, единый фронт. Но кроме этой борьбы с «внешним врагом» нам предстоит поработать и над самими собой, продолжать начатое уже в Траг-вайне¹ искоренение всяких травм и их причин. Поездка П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого], мне кажется, сыграет в этом отношении положительную роль. Во-первых, как я уже писал Вам, она его как-то успокоила. Сдругой стороны, он теперь второй раз уже долго не поедет, так что этот дамоклов меч отпал. Отпала и главная причина нашего недоверия (точнее, неполного доверия) к П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому]. В общем, по-видимому, поездка его была очень удачной, и П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] ничего такого не сделал, чем мог бы подорвать наше доверие к нему. Насколько я мог почувствовать по его разговорам, недоверие к Вам, которое прежде у него существовало, тоже как будто исчезло. Ко мне у него вообще недоверия никогда и не было, а наши расхождения по вопросу об активизме теперь, после его поездки, сгладились: соприкоснувшись с реальной действительностью П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] понял несостоятельность чрезмерного активизма, а против умеренной дозы активизма я и не возражаю. Таким образом, по линии «П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий]+Вы»

и по линии «П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий]+я» все, как будто, обстоит благополучно. К удивлению неблагополучие приходится констатировать только на линии «Вы+я», на которой до сих пор никогда ничего такого не бывало. Всему причиной — инцидент с моим трактатом. У меня впечатление, что Вы со мной схитрили. Трактат Вам не понравился. Вместо того, чтобы высказать это открыто, Вы повели сложный маневр. Уверяя меня, что трактат мой только «перерабатывается» Л[ьвом]П[латоновичем]К[арсавиным], Вы на самом деле просто бросили мой трактат в корзину, а Л[ьву]П[латоновичу]К[арсавину] заказали статью более или менее на ту же тему, но с совершенно иным подходом. Хитрость была, простите, неловкая. Неужели Вы думаете, что я приму самостоятельную работу — философскую статью Л[ьва]П[латоновича]К[арсавина] — за переработку моего трактата? Несмотря на мой прошлогодний удар, я все-таки настолько еще соображать могу. Статья Л[ьва]П[латоновича]К[арсавина] включает в себе несколько интересных мыслей, но, вобщем, она ничего не имеет общего с моим трактатом, за исключением двух-трех мест, где он высказывает суждения диаметрально противоположные моим и, походя, в немногих словах, опровергает мои взгляды. Не понимаю, чего Вы, собственно, хотели добиться всем этим. Мой трактат был замыслен для удовлетворения вполне определенной задачи. Он должен был дать в максимально общедоступной форме логически-убедительную и явственную систему максимально конкретных положений, причем, предполагалось, что эта система будет подвергнута дискуссии, соответственно с результатами этой дискуссии видоизменена, а затем издана в качестве не доксы, а догмы, для всех нас обязательной и всех нас связывающей. Я и сейчас живо ощущаю необходимость всего этого. Мы расхлябаны. Когда нас упрекают в том, что у нас нет системы, а есть механическая смесь, ералаш совершенно разнородных, друг с другом не связанных идей, из которых каждый может выбрать себе подходящую, — то упреки эти *справедливы*. При помощи субтильной казуистики, метафизического тумана и жонглирования удобными, но абсолютно бессодержательными философскими понятиями (вроде «всеединства»), конечно, можно примирить друг с другом самые противоречивые понятия и создать видимость системы. Но этим никого не проведешь. Здравомыслящий простой человек

прекрасно видит, что это — жульничество, и требует, чтобы ему дали настоящую (пусть элементарную с философской точки зрения или даже наивную) систему, притом систему не общих мест, а конкретных реальных представлений и понятий. Сделать это мы обязаны. Я для этой цели и написал свой трактат. Допускаю, что в этом трактате многое было неудачно, что в нем могли быть юридические безграмотности, что в отдельных местах та наивность, которая составляет силу моих лучших произведений («Наследия Чингисхана» и «Европы и Человечества») была дана в слишком большой дозе. Потому-то я и хотел подвергнуть эту работу дискуссии внутреннего круга — с чем Вы тогда вполне и соглашались. Если бы это принятое нами решение было выполнено, то мой трактат, очищенный от длиннот и от юридических промахов, прошедший через горнило дискуссии и соответственно мною переработанный, был бы в наших руках чрезвычайно важным козырем как раз теперь, при разговорах со вторым отделом. Дело в том, что, несмотря на ~~общую~~ глупость и малограмотность записки Катца² и «тезисов» второго отдела, выработанных на последнем их лондонском съезде (Ваше определение «епиходовская декламация» считаю чрезвычайно метким!), — все-таки следует признать, что за этим беспомощным лепетом скрывается и совершенно правильное ощущение того, что в нашей идеологической работе чего-то нет. А нет именно того, чего я хотел достигнуть путем моего трактата. В результате получилась только колоссальная проволочка (потеряно более полугода!)*. Статья Л[ьва]П[латоновича]К[арсавина] «Основы политики» нисколько не двинула работы, ибо это совсем, совсем не то¹. Против напечатания этой статьи я возражаю самым решительным образом, а как момент в дискуссии о моем трактате я эту статью даже рассматривать не могу, потому что в ней никакого систематического разбора моего трактата нет. Статья эта просто совсем лишняя потеря времени. А за это время мы успели бы действительно выполнить то, что постановили в Трагвайне...

Меня все это чрезвычайно неприятно поражает и, должен сознаться, расхолаживает для дальнейшей работы. А главное, как-

* Напомню, что о судьбе своего трактата я запрашивал Вас два раза письменно, и Вы мне так и не ответили. — *Примеч. Н.С. Трубецкого.*

то подрывается доверие к Вам, ибо у меня создается впечатление, что Вы были сомной неискренни и хитрили. Меня даже берет сомнение, не хитрите ли Вы и теперь, в вопросе о «Временнике»: не является ли давление Зона⁴ и мнение Клепинина⁵ только удобным прикрытием для Вашего собственного нежелания поместить во «Временнике» мои статьи и статью П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого]? Вот к чему приводит неполная искренность в наших отношениях. Это может ослабить наше единство. Я потому и считаю нужным все это Вам высказать. Между нами искренность должна быть полная. Я еще понимаю, что с П[етром]Н[иколаевичем]С[авицким] Вам (а отчасти и мне) приходится прибегать к «хитростям» ввиду особых свойств его характера и ввиду исторически сложившихся обстоятельств. Но теперь даже по отношению к П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому] это почти больше не нужно. А по отношению ко мне хитрость и окольные пути уже и вовсе никогда не были нужны.

Об остальном поговорим при свидании. — Дай Бог, все обойдется.

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

5/III/1927

P.S. Вчера вечером на имя П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] получена телеграмма от Катца⁶, спешно вызывающая его в Лондон. Сегодня я переслал эту телеграмму П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому]-у в письме экспресс, причем высказал, что, по-моему, ехать в Лондон не повидавши Вас не следует и что я советую использовать факт получения этой телеграммы для того, чтобы затребовать от Катца денег. Я даже предложил такой текст ответной телеграммы: have no money please send 50 pounds⁷ (поездка П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] обошлась в 40 ф[унтов], а на поездку в Лондон и обратно надо класть 10), и посоветовал П[Н]С по получении т[о]е[сть] требовать денег, не давая прямого ответа, поедет ли согласия на поездку в Лондон. Надеюсь, что П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] послушается моего совета. Мне кажется, что свидание его с Катцем с глазу на глаз может привести к вредным последствиям, ибо Катц подавляюще действует на П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] своим апломбом и гвардейской развязностью.

Я это прямо высказывал П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому], когда он у меня был, и он со мной согласился.

Обнимаю Вас.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

6/III/1927

1 В начале сентября 1926 г. в курортном городке Трагвайн (Tragwein) состоялась встреча П.Н. Савицкого, П.П. Сувчинского и Н.С. Трубецкого. См. об этом в настоящем издании письма Н.С. Трубецкого П.П. Сувчинскому от августа 1926 г. (№ 89–90).

2 П.Н. Малевского-Малевича.

3 Статья тем не менее была опубликована. См.: *Карсавин Л.П. Основы политики* // Евразийский временник. Париж, 1927. Кн. V. С. 185–239.

4 То есть А.А. Зайцова.

5 Николай Андреевич Клепинин (1889–1941) — участник евразийского движения. Родился в Пятигорске, закончил гимназию в Варшаве. С 1917 г. на военной службе, с 1918 — в Добровольческой армии. В 1927–1928 гг. был в США, слушал лекции по социологии в Гарварде. Вступил в евразийскую организацию в 1926 г., руководил «распространительным аппаратом» — книгопродажей, которую поставил на широкую ногу. После распада движения (выступал на стороне П.Н. Савицкого) стал руководителем парижской евразийской группы. Агент советских спецслужб с начала 1930-х гг., вернулся в СССР; проживал с семьей в Болшеве, вместе с Мариной Цветаевой и Сергеем Эфроном; арестован в 1939 г. и казнен.

6 П.Н. Малевского-Малевича.

7 Нет денег пожалуйста вышлите 50 фунтов (англ.).

III 10 апреля 1927 года

Дорогой Петр Петрович!

Сегодня, 10-го, впервые получил от Вас письмо (от 8-го). Пожалуйста, пишите чаще или поручите кому-нибудь чаще информировать меня о ходе событий. Вашу точку зрения вполне одобряю. Ничего нет глупее, как поторопиться и дать в морду «не тому», а потом извиняться. В этом смысле написал и Катцу¹.

Беспокоит меня, как бы вся эта история не отразилась пагубным образом на ходе издательской работы. Последите, пожа-

луйста, за тем, чтобы моя брошюра действительно была прокорректирована Кл[еппини]ным². Очень хотел бы перед выпуском в свет посмотреть на приложения (таблицу и ноты). Если можно, пришлите.

Пожалуйста, пришлите также, если возможно, еще несколько оттисков моей статьи о частушках (из «Верст»)³. Не забудьте напомнить Мирскому о моем гонораре.

К Muette я немножко опоздал, т.е. прибыл не в ½ 6, как мы уговаривались, а без десяти шесть, ждал полчаса, но Вы... Вы не пришли! В чем дело — не понимаю.

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

10/IV/1927

1 П.Н. Малевскому-Малевичу.

2 Речь идет о сборнике статей Н.С. Трубецкого «К проблеме русского самопознания» (Париж, 1927).

3 Трубецкой Н.С. О метрике частушки // Версты. 1927. Вып. 2. С. 205–223.

112 7 мая 1927 года

Дорогой Петр Петрович!

Я ни на что не обижен и не сержусь. Просто не о чем было писать. К тому же занят был писанием статьи для «Хроники»: Вы, должно быть, ее уже получили или скоро получите¹.

Отправку Шмита² в ДД³ считаю малоцелесообразной. Не вижу, чего, собственно, этим можно достигнуть. С другой стороны, Шмит необходим при Пенни⁴ для того, чтобы нейтрализовать вредное влияние Зона⁵. По-моему, надо предоставить Шмиту в данном случае действовать так, как ему покажется правильнее: ему виднее.

Брошюру Кошица⁶ я, если помните, не имел времени прочесть как следует. Мог только констатировать, что, по сравнению с тем текстом, который я читал 1½ года тому назад, изменений очень много, так что в сущности это почти совсем новая вещь.

Я попросил тогда Кошица показать мне отдельно те места, которые он сам считает существенно новыми. Он показал мне два-три таких места, мы их вместе обсудили, и ничего предосудительно-го в них не нашел. Однако я все-таки совершенно не могу просто («ту-кур»⁷) и без оговорок солидаризироваться с этой брошюрой, т[ак] к[ак], повторяю, целиком ее не читал. В данном же случае особенно трудно решать потому, что мне совершенно неизвестны аргументы Пенни и Шмита. Полагаю, что ошибка состояла в том, что текст вообще был подвергнут второй переработке. Как Вы помните, первоначальный текст вызвал в нашей среде горячие споры, даже полемику, в результате чего мне было поручено составить «согласительный» текст. Я это и сделал, постарался устранить и снабдить оговорками все, что вообще способно было породить недоразумения. В результате получился текст, удовлетворивший всех, в том числе и Кошица. Зачем этот текст понадобилось опять менять, — не знаю. Полагаю, что если бы этот текст был оставлен без изменений, то и недоразумений не было бы. В чем, собственно, сейчас заключается недоразумение, — не понимаю, тем более, что ведь брошюра пошла бы за подписью Кошица. Во всяком случае, положительно не могу судить об этом вопросе, не зная аргументов Пенни и Шмита и не перечитав целиком текста брошюры.

Шпанна до сих пор не было в Вене. Вернулся недавно, и я его еще не видел. Письмо Кошица я хочу ему передать лично, с тем чтобы на словах объяснить, кто такой Кошиц. Это произойдет на днях. Несколько затрудняет то, что Кошиц не имеет оттисков своих немецких статей.

Некий Dr. Erich Boehme⁸ в Берлине написал мне, прося вкратце изложить суть соли, указать литературу и проч. Я его немножко знаю. Он считается «знатоком» русского языка и литературы (между прочим, слушал в Москве лекции Фортунатова) и пописывает в разных журналах. Поэтому я ему написал в ответ «взгляд и нечто» и указал литературу. Думаю, что с пропагандной точки зрения хорошо было бы послать ему кое-что (Алексеева, И.Р.⁹, Евразийство¹⁰, «Хронику» 6 и 7) и впредь посылать ему, скажем, «Хронику»: он будет давать о нас заметки и рецензии. Адрес его: Dr. Erich Boehme, Curtius-Strasse 54, Berlin-Zichterfelde 3.

Росси" написал мне, прося прислать текст циркулярного извещения о выходе моего сборника статей. Совершенно не знаю, как это пишут. Но главное, очень беспокоюсь за самую книжку, ибо, хотя Вы обещали прислать мне корректуру приложений (таблицы и нот), но я этой корректуры так и не получил и очень боюсь, нет ли там досадных опечаток.

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

7/V/1927

P.S. Случайно узнал, кто такой Paul Bert¹²: оказывается, это был известный натуралист. А мы-то и не подозревали!...

Н[иколай]Т[рубецкой].

1 Скорее всего, речь идет о статье Н.С. Трубецкого «Общевразийский национализм» (см.: Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. IX. С. 24–31).

2 То есть П.С. Арапова.

3 В Варшаву.

4 П.Н. Малевском-Малевиче.

5 То есть А.А. Зайцова.

6 То есть Л.П. Карсавина.

7 Запросто, просто так (*фр.* tout court).

8 Эрих Бёме (Erich Böhme, 1879–данных нет) — переводчик и издатель русской литературы, историк-славист.

9 Псевдоним Н.С. Трубецкого для брошюры «Наследие Чингисхана: Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока» (см. об этом примеч. 5 к письму Н.С. Трубецкого П.П. Сувчинскому от 15 января 1925 г. (№ 36)).

10 Евразийство: Формулировка 1927 года. Прага: Евразийское книгоиздательство, 1927.

11 Константин Болеславович Родзевич (1895–1988) — участник Гражданской войны, в эмиграции проживал в Праге, где в 1923 г. сблизился с Мариной Цветаевой. С 1926 г. — один из активных участников парижской группы евразийства. Вместе с Сергеем Эфроном и Константином Чхеидзе был официальным издателем газеты «Евразия», придерживался радикально просоветских взглядов. Вступил во Французскую компартию и воевал в Испании, участвовал в Сопротивлении во Франции во время второй мировой войны; заключен нацистами в концлагерь Равенсбрюк.

12 Поль Бер (1833–1886) — известный французский натуралист, исследователь давления в организмах. Бер оставил научную карьеру, став поли-

тиком и заняв пост министра образования. Большое количество школы и колледжей во Франции носят имя Бера, в связи с чем его имя могло попасться на глаза П.П. Сувчинскому и Н.С. Трубецкому во время их встреч в Париже.

II3 11 мая 1927 года

Дорогой Петр Петрович!

Еще раз перечитал брошюру Кошица¹ и ничего предосудительного в ней не нашел. По-моему, прекрасная брошюра. Конечно, можно против нее возразить, что она мало доступна для философски нетренированного читателя. Но это не есть препятствие к напечатанию. Пишу в Лондон, прося срочно сообщить аргументы против напечатания. Как только получу ответ, срочно напишу и Вам окончательное решение.

Обнимаю Вас.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

11/V/1927

P.S. Текст брошюры мне, м[ожет] б[ыть], еще понадобится, когда получу ответ из Лондона. Поэтому задерживаю его.

1 Брошюра Л.П. Карсавина «Церковь, личность и государство» обсуждалась евразийцами в течение двух лет.

II4 23 мая 1927 года

Дорогой Петр Петрович!

Прилагаю при сем копию моего письма к П[етру]Н[иколаевичу]М[алеvскому]-М[алеvичу]. Надеюсь, что оно возымеет желаемое действие. Вы осуждаете меня за то, что я запросил мнение Катца¹ и Шайкинда². Но иначе поступить было невозможно, ибо раз два члена П[олит]Б[юро]³ протестуют против издания брошюры, то нужно по крайней мере узнать, в чем дело, т[о] е[сть] каковы именно их аргументы. Я считаю, что ошибка была сделана с самого начала, когда Вы послали им на просмотр текст брошюры: после

этого уже надо было быть последовательным и считаться с их мнением, а не просто их игнорировать; ибо раз людям дают текст на просмотр, значит, считают их мнение по этому вопросу интересным. Я надеюсь, что они не заартачатся: П[етру]С[еменовичу]А[рапо]ву я написал, чтобы он постарался не раздувать этого инцидента. Во всяком случае, «голосование» произведено, и формально нет никаких препятствий к изданию брошюры. Текст высылаю Вам завтра.

Статью Ильина¹ П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] нашел приемлемой при условии, если она будет основательно переработана, но, будучи сам страшно занят, просил меня заняться этой переработкой. Я же, прочтя эту статью, нашел ее очень плохой и неподходящей ни по форме, ни по содержанию. Для «Временника» она, по-моему, определенно не годится. Может быть, из нее можно выкроить небольшую статейку для «Хроники». В ближайшее время я этим займусь.

Письмо Л[ьва]П[латоновича]К[арсавина] Шпанну я передал. Оно его заинтересовало, и он сказал, что напишет Л[ьву]П[латоновичу]К[арсавину]. Я говорил ему о работах Л[ьва]П[латоновича]К[арсавина], и он взялся содействовать помещению отдельных статей Л[ьва]П[латоновича]К[арсавина] в журналах. Он мог бы поместить статью специально философскую и статью по философии права, каждую в размере 1–1½ листа. Конечно, это не то, что нам нужно: материально это даст очень мало, меньше ста марок. Но все же, по-моему, следовало бы на это пойти.

Очень прошу Вас спешно написать мне, что Вы думаете о письме и предложениях П[етра]Н[иколаевича]М[алевского]-М[алевича] и П[етра]С[еменовича]А[рапова] от 17 мая 1927 (об изменении устава и проч.).

Текст циркуляра, расхваливающего мою брошюру, я положительно не могу составить: сколько ни пробовал, дальше одной фразы не иду. — Корректуры клише все еще не получал.

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

23/V/1927

¹ То есть П.Н. Малевского-Малевича.

² То есть П.С. Арапова.

3 Софициальным учреждением Евразийской партии (ЕАП) в 1927 г. евразийцы создали Политбюро, состоявшее из П.Н. Савицкого, П.П. Сувчинского, П.Н. Малевского-Малевица, П.С. Арапова и Н.С. Трубецкого.

4 В 1927 г. В.Н. Ильин опубликовал две статьи: «О евразийском патриотизме» (Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. VIII. С. 11–15) и «Десница и шуица коммунизма: По поводу одного письма из России» (Там же. С. 43–44).

115 25 ИЮЛЯ 1927 ГОДА

Дорогой Петр Петрович!

Целую вечность Вам не писал. Затормошился с концом сезона. Теперь наконец переехал на дачу. Последние дни в Вене развлекался «событиями», которые, кстати сказать, в газетах кажутся гораздо страшнее и серьезнее чем в действительности. На самом деле было прежде всего страшно глупо. Австрийцы это знают и страшно конфузятся¹. Мне из-за этого пришлось задержаться в Вене дольше, чем предполагал (семья моя переехала раньше, а я — только 20-го). Зато теперь наслаждаюсь на лоне природы. Решил худеть, но пока никак не могу решиться начать какой-нибудь «режим» в этом направлении.

Кандидатура Товстолеса² мне не нравится. Он мне представляется человеком, который нуждается в постоянном надзоре, и, будучи предоставлен самому себе, легко может разложиться. На «Антигоне»³ он одно время чуть не спился; позднее, в других своих местопребываниях, он тоже постоянно испытывал подобные периоды разложения. Кроме того, факт его увлечения виноделием⁴ и, главное, его вступление в виноделы⁵ указывает на некоторую моральную неустойчивость. Между тем, ведь именно потому, что Юренева⁶ мы вполне своим никак считать не можем, необходимо, чтобы все остальные представители наши в ЗЛОНТе⁷ были максимально устойчивы, надежны и преданы.

П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] сообщил мне, что Вы просите прислать «манифест» Алексеева, который, как утверждает П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий], находится у меня⁸. Я не помню наверняка, действительно ли этот манифест находится у меня. Но в всяком случае, на дачу я с собой взял только самое необходимое

и здесь у меня его нет. Поэтому раньше второй половины сентября я Вам его прислать не могу. На что он Вам? Ведь он очень плох...

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

25/VII/1927

Мой адрес до 15 сентября: Schaftal 24 (bei H. Niedl)

Post Maria Frost bei Graz.

1 В июле 1927 г. в Вене проходили демонстрации и столкновения между сторонниками социал-демократов и объединением фронтовиков (Heimwehr), в результате которых погибли десятки человек и был подожжен дворец юстиции. Эти столкновения последовали за судебным оправданием участников насилия в городке Шатендорф, где произошли столкновения между сторонниками социал-демократов и фронтовиками.

2 Григорий Николаевич Товстолес (1887–1957) – друг и земляк П.Н. Савицкого, один из первых евразийцев, обращенных Савицким в 1920 г. Во время издания газеты «Евразия» вместе с К.А. Чхеидзе был командирован Савицким в Париж для участия в редакционной работе.

3 Вероятно, пароход «Антигона», участвовавший в эвакуации армии генерала Врангеля на Принцевы острова из Крыма в 1920 г.

4 Массонством.

5 В масоны.

6 То есть Ю.А. Артамонова, резидента «Треста» и А.П. Кутепова в Варшаве.

7 Термин «ЗЛОНТ» не упоминается ни в кодах евразийцев, ни в кодах «Треста», приводимых С. Войцеховским в книге «Трест. Воспоминания и документы» (Лондон: Онтарио, 1974. С. 185–190). Вероятно, это кодовое обозначение «Треста».

8 Речь идет о статье: Алексеев Н.Н. Евразийцы и государство // Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. IX. С. 31–39.

116 10 августа 1927 года

Дорогой Петр Петрович!

Получил Вашу посылку (литературу). Манифест Н[иколая] Н[иколаевича] А[лексеева] плох, несмотря на произведенные в нем частичные изменения. Насколько я помню, мы вообще

все высказались за то, чтобы его *не* печатать. Не понимаю, почему он все-таки оказался напечатанным. Что касается до листовок, то критиковать их можно только зная, к кому они направлены и какой конкретный эффект хотят вызвать (ведь всякое воззвание по самой природе своей максимально злободневно и утилитарно, т[о] е[сть] имеет значение только в данный момент, для данной публики и данной конкретной цели — а «воззвание вообще» нелепо). Т[ак] к[ак] я не совсем представляю себе ни аудиторию этих листовок, ни тех конкретных актов, которые от этой аудитории сейчас требуются, то мне трудно критиковать самые листовки. Скажу только, что две листовки большого формата мне больше нравятся (по содержанию). Третья листовка большего формата («Кто такие ев[разийцы]?») совершенно туманна и способна только сбить с толку (при чем тут вдруг национал-максималисты?). Менее всего нравятся мне обе листовки маленького формата. Однако, повторяю, все зависит от того, что именно мы хотим этими листовками достигнуть, — а этого я именно и не знаю, откровенно говоря. Вообще, такие листовки имеют смысл, когда ведется активная борьба, причем каждая такая листовка имеет целью вызвать вполне конкретные активные действия (забастовку, восстание и проч[ее]), необходимые именно для данного конкретного момента этой борьбы. Мы же сейчас никакой активной борьбы не ведем. Поэтому и получается какая-то несообразность, какое-то несоответствие между прокламационной формой и «безобидным» содержанием. Прочитав такую листовку, не только агент гэпэу, но и обыкновенный обыватель будет разочарован: и только? При этом, все-таки, формально это — прокламации, и, следовательно, распространение таких листовок связано с риском, с опасностью для жизни. Бросается в глаза несоответствие этого риска с содержанием. Выходит, что кто-то будет рисковать жизнью для того, чтобы кому-то передать листовку, воспрещающую принимать участие в активной борьбе и в терроре. Вы просите, чтобы и я занялся составлением листовок. Но я право не знаю, для какой цели эти листовки предназначены, а следовательно, не знаю, и что в них надо писать. Вообще, это надо было совместно обсудить, ибо это — какой-то новый метод, новый этап нашей деятельности. Между тем, я обо всем этом узнаю только теперь, *post factum*. Боюсь, что все это

задержало печатание «Хроники» и «Временника», а между тем, сейчас самое для нас важное, это — издательская работа: все прочее — журавль в небе...

В одной из листовок упоминается отъезд в отпуск какого-то хлебника² в М¹. Я ничего об этом не слышал. В чем дело? Пожалуйста, напишите.

Брошюра Л[ьва] П[латоновича] К[арсавина] производит по внешности очень хорошее впечатление. Между прочим, имейте в виду, что в СССР теперь уничтожают апострофы и опять вводят ~~ъ~~ в ~~середин~~ внутри слова (съезд, подъезд и т.д.): книги, вышедшие в 1927 г., все уже так напечатаны.

Если имеете возможность достать журнал «Новый Леф» №2 и 3, то достаньте и прочтите: много любопытного и поучительного.

Прилагаю при сем для Н[иколая] Н[иколаевича] А[лексеева] мою концепцию сочетания однопартийности с выборами.

Только что получил рукопись Н[иколая] Н[иколаевича] А[лексеева]. Постараюсь не задержать.

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.

Ваш Н[иколай] Т[рубейков].

108/VIII/1927

P.S. Машинку я сюда не захватил. Поэтому очень прошу Вас прилагаемую мою записку отдать переписать и разослать ее участникам дискуссии (П[етру] Н[иколаевичу] С[авицкому], П[етру] С[еменовичу] А[рапову], П[етру] Н[иколаевичу] М[алевскому-]М[алевичу], Л[ьву] П[латоновичу] К[арсавину]).

¹ В архиве П.П. Сувчинского сохранилось письмо Ю.А. Ширинского-Шихматова, в котором последний, в частности, пишет: «Дорогой Петр Петрович, писал Вам сегодня о неудачах в России — и связанном с сим обстоятельством настроении. Оно несколько отразилось на прилагаемом проекте — при других условиях он был бы составлен лучше. Так он — только удовлетворителен, по-моему. Я нарочно не злоупотреблял термином „Евразия“ — чтобы дать людям время к нему привыкнуть. Эта листовка — если Вы ее примете — будет началом намеченного в нашем последнем разговоре общего плана совместных действий. В тех листовках, что Вы мне показывали, — можно о нас не упоминать. Мы тоже выпускаем для Рос-

сии — даже не листовки, а маленькие наклейки „papillon“ — которые, я надеюсь, Вы не откажете присоединить к предстоящему траиспорту. Текст будет такой: „Каковы требования-минимум национал-большевиков (национал-максималистов)? 1. Свобода религии. 2. Отказ от насильственного введения коммунизма. 3. Восстановление действительного равенства всех народов СССР (против преобладающего положения евреев). 4. Немедленное улучшение материального положения армии. Комсомольцы! Краскомы! Создавайте тайные ячейки иац.-большевиков!“ Я нарочно в евразийской листовке выделил идеологов в группу „философов и ученых“ (чем не Маркс-Энгельс!), а программу изложил туманно (пусть заинтересуются!). Эта листовка — введение, так сказать „первый звонок“. Как таковую ее и рассматривайте. К тому же — набросана в ½ часа, экспромтом. Ваш отзыв будет мне очень ценен. Крепко жму руку. Ю[рий] Ширинский[-Шихматов]» (Ю.А. Ширинский-Шихматов — П.П. Сувчинскому, 22 июля [1927 г.]. // BNF. DdM. Collection Pierre Souvtchinsky. Не описано).

Юрий (Георгий) Алексеевич Ширинский-Шихматов (1890–1942), князь — журналист и политический деятель эмиграции, сын А.А. Ширинского-Шихматова, члена Высшего Монархического Совета. Участник Первой мировой войны и Белого движения, в эмиграции проживал в Париже. Был вовлечен в деятельность «Треста». Впоследствии лидер движения национал-максималистов, издатель журнала «Утверждения» (1931–1932), один из руководителей Объединения пореволюционных течений, организатор парижского Пореволуционного клуба. В 1941 г. арестован нацистами за связь с советскими спецслужбами, погиб в концлагере. Брат Ю.А. Ширинского-Шихматова, Кирилл, был сослуживцем Ю.А. Артамонова, и письмо последнего К.А. Ширинскому-Шихматову о встрече с А.А. Якушевым стало началом проникновения «Треста» в монархические круги эмиграции. Сам Ю.А. Ширинский-Шихматов (писавший под псевдонимом Г. Лукьянов) в начале 1920-х гг. исповедовал «советское народничество» и верил в возможность монархии при сохранении советской системы.

2 Евразийца.

3 В Японию.

117 20 августа 1927 года

Дорогой Петр Петрович!

Очень был рад узнать из письма П[етра]С[еменовича]А[рапова] и из Вашего письма от 14 авг[уста], что дело текущее счѣта налаживается¹ и что работа идет интенсивным темпом. До сих пор я ничего об этом не знал. Вы упоминаете о каком-то своем

предыдущем письме, в котором будто бы мне сообщали разные интересные и важные факты из этой области. Никакого такого письма я никогда не получал. Поищите хорошенько у себя: м[ожет] б[ыть], вызабыли его отправить. А то странно: почему все письма доходят, а это вдруг не дошло? Критиковать тактику или технику организации текущих счетов я, разумеется, не имею ни основания, ни права, ибо я не только мало компетентен в этом деле, но в настоящее время просто абсолютно не в курсе дела и совершенно не знаю, что происходит. Однако высказать свое мнение о тексте листовок я как будто имел право: иначе зачем же мне их прислали? Не зная, ни для кого, ни для чего эти листовки предназначаются, я только и мог высказать о них то, что высказал. И сейчас, при всем желании сделать Вам удовольствие, я никак не могу найти точки зрения, с которой можно было бы эти листовки одобрить (а некоторые из них даже хотя бы только признать целесообразными). Если они должны служить целям рекламы, то надо признать их совсем неудачными, ибо о сути хлеба они никакого представления не дают, а на свежего человека должны произвести впечатление абсолютно несерьезного дела, в лучшем случае — белыми нитками сшитой распродажи. Это, повторяю, я говорю как человек «со стороны». Возможно, что когда Вы, П[етр]С[еменович]А[рапов] или П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] при личном свидании объясните мне какие-то подробности дела, которых письменно мне до сих пор никто не объяснял, — я переменею свое мнение. Буду ждать этого личного свидания. Пока же я хочу заметить только следующее. Мы живем в разных городах и не можем очень часто лично видаться друг с другом. По необходимости нам приходится центр тяжести перекладывать на переписку. Поэтому одно из двух: или надо вообще поставить крест на организации, или не надо бояться писать друг другу *обо всем*. В перлюстрацию я не верю, — особенно если дело идет о переписке между Вами и мной. Но даже если таковая (перлюстрация) существовала, надо идти на этот риск; потому что иначе мы просто вообще работать не можем.

Манифест Н[иколая]Н[иколаевича]А[лексеева] продолжаю считать чрезвычайно неудачным и агитационно-недействительным произведением: критика капитализма и социализма явно несправедлива, а положительная часть наивна и расплывчата до такой

степени, что никого убедить не может. Очень жалко, что эту вещь напечатали: зря выброшенные деньги. Зато трактат Н[иколая]Н[иколаевича]А[лексеева] о собственности — превосходен². Я имею к нему только некоторые мелкие замечания: напр[имер], в одном месте там есть как будто противоречие с Франком, которое надо устранить, чтобы не давать недобросовестной критике повода упрекать нас в неувязке. Но в общем — первоклассное произведение.

Должен огорчить Вас по поводу французского меморандума. Оставляя в стороне язык, который действительно из рук вон плох, произведение это и по существу никуда не годится. План сумбурен, много лишнего, в то же время недостает кое-чего существенного, есть и прямо неверные утверждения. Цельного впечатления не получается, и вряд ли кому из иностранцев это все может понравиться или показаться убедительным: впечатление туманной неопределенности и неразберихи. По-видимому, автором был Л[ев] П[латонович]К[арсавин]. Надо же наконец сознать, что ему подобные вещи решительно не удаются. Заказывая ему такие вещи, мы только либо создаем поводы для конфликтов и неприятностей, кончающихся компромиссными и, в сущности, никого не *удовлетворяющими решениями, либо умножаем квазипопулярную, но, в сущности, мало для кого доступную и мало для кого убедительную литературу. Надо раз навсегда отказаться от мысли использовать Л[ьва]П[латоновича]К[арсавина] как популяризатора или сумматора (писателя сводок). В данном случае, конечно, очень жалко, что опять придется огорчать Л[ьва]П[латоновича]К[арсавина], тем более, что, по-видимому, он много повозился с языком — но, тем не менее, произведение это надо все переделать, не только в смысле языка, но и по содержанию и построению. Переводить на немецкий язык, конечно, невозможно. Лучше, пожалуй, поступить наоборот: я постараюсь написать немецкий меморандум, используя некоторые части французского меморандума Л[ьва]П[латоновича]К[арсавина], а потом этот мой немецкий текст отдадим перевести по-французски³. Хотите?

В романе Клепинина всего неприятнее для нас то, что мы (по крайней мере на ближайшее время) теряем энергичного и способного работника⁴. Сможет ли Струве⁵ (наш) его заменить? Надо будет постараться по крайней мере извлечь максимальную поль-

зу из пребывания Клепинина в Америке⁶. Постарайтесь и там не выпускать его из под Вашего надзора и влияния.

Ваше здоровье меня очень беспокоит. Немедленно покажитесь доктору и займитесь серьезно собой. Вы уже в Праге имели очень плохой вид. Конечно, поезжайте отдохнуть!

Вчера (в пятницу) получил Вашу телеграмму о визе для П[етра]С[еменовича]А[рапова]. Сегодня суббота, летом по субботам министерство закрыто. Т[аким] о[бразом], начать хлопоты о визе можно будет только в понедельник 22-го. Обычно это длится недолго: дают визу в тот же день. Но это — когда знакомый чиновник. Но, Бог его знает, не в отпуске ли он по случаю лета. Тогда дело может затянуться. С нетерпением жду объяснения телеграммы.

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

20/VIII/1927

1 «Текущий счет» — связь с подпольем в СССР.

2 Алексеев Н.Н. Собственность и социализм: Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства. Париж: Евразийское книгоиздательство, 1928.

3 По-видимому, единственным евразийским текстом Н.С. Трубецкого, опубликованным по-немецки (за исключением перевода книги «Европа и человечество»), была статья: *Troubetzkoy N.S. Die Ideokratie als Gesellschaftsordnung der nächsten Zukunft nach der Lehre der Eurasier* [Идеократия как общественный строй ближайшего будущего согласно учению евразийцев] // *Orient und Occident*. 1934. № 17. S. 6–13.

4 Вероятно, речь идет о женитьбе Н.А. Клепинина на Нине (Антонине) Николаевне Сеземан (урожд. Насоновой, дочери академика биолога Н.В. Насонова). Вместе с мужем она стала сотрудничать с советскими спецслужбами, вернулась в СССР. В 1939 г. проживала вместе с мужем, М. Цветаевой и С. Эфроном на даче в Болшеве, где и была арестована. Первый муж Клепининой — философ В.Э. Сеземан — опубликовал несколько работ в евразийской периодике.

5 Михаил Александрович Струве (1890–1949) — поэт и прозаик, в 1916–1917 гг. — участник второго Цеха поэтов. Участник евразийского движения (парижской группы), принадлежал к так называемым «молодым» евразийцам (среди них — Энден, Ставровский, Клепинин).

6 В 1927–1928 гг. Н.А. Клепинин слушал лекции по социологии в Гарвардском университете.

118 14 сентября 1927 года

Дорогой Петр Петрович!

Озеров¹ написал мне письмо (помеченное 2-м сент[ября]), в котором сообщает о своих переговорах с Николенко², излагает проект «охотничьей дискуссии» на стр[аницах] «Р[усского]В[оенного]В[естника]»³ и указывает на моральную необходимость поддержать Русанова, который терпит гонения за свою верность нам. Я написал ему длиннейшее письмо, в котором подробно говорю ему всякие неприятные истины по поводу каждого из этих вопросов. Т[ак] к[ак] машинки у меня здесь нет, то Вера сняла с этого письма копию от руки в одном только экземпляре. Копию эту я послал П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому], прося его немедленно ее перестукать и переслать Вам. Надеюсь, что Вы ее получили и уже прочли. Думаю, что пока ничего предпринимать не надо, а надо ждать ответа Озерова. В зависимости от этого ответа надо будет, м[ожет] б[ыть], проголосовать в П[олит]Б[юро] вопрос о «Р[усском]В[оенном]В[естнике]». Мне кажется, что вопрос этот надо разделить на несколько: нужен ли нам свой чисто евразийский еженедельный орган с военно-эмигрантским кругом читателей? Нужен ли нам «полусвой» такой же орган (т[о]е[сть] печатающий евразийские статьи только время от времени — как до сих пор был «Р[усский]В[оенный]В[естник]», только конечно без портретов и приказов)? В какой форме поддержать Русанова⁴? — На первый из этих вопросов я лично ответил бы отрицательно: еще если бы у нас денег куры не клевали, можно было бы позволить себе такую роскошь, но сейчас — положительно не стоит игра свеч. На второй вопрос я теперь тоже склоняюсь к отрицательному ответу: теперь нам не безразличен тот контекст, в котором наши мысли «подаются» публике; «полусвой» орган может быть нами допущен только в том случае, если он всецело будет под нашим контролем, т[о]е[сть] если он фактически будет совсем своим, — а тогда дело сводится опять к первому вопросу, на который уже дан отрицательный ответ. Всего сложнее третий вопрос, и в нем, разумеется, все дело. Что Русанов понимает под евразийством — я не знаю, но во всяком случае он сделал серьезную ставку на что-то, что по его мнению называется евразийством. Озеров, будучи членом П[олит]Б[юро], и, следовательно, в глазах Русанова лицом достаточно

авторитетным, признал Русанова евразийцем. Чувствуя себя «на верном пути», Русанов по этому пути пошел настолько далеко, что получил ультиматум от начальства и на этот ультиматум ответил разрывом с начальством. Озеров этот его шаг одобрил, — да, пожалуй, и нельзя было не одобрить, ибо уважающий себя человек только так и мог поступить. Теперь вдруг после всего этого мы просто скажем Русанову, что ни денег наших, ни статей мы в его газету не дадим, и что вообще просим об нас в этой газете не писать. Ясно, что это совершенно недопустимо. В то же время продолжать всю эту глупую историю только из-за того, чтобы не обидеть человека тоже нельзя. Помещение в «Р[усском]В[оенном]В[естнике]» статьи Антония и устройство редакцией «Р[усского]В[оенного]В[естника]» лекций Антония ясно свидетельствуют о том, что Русанов и бестактен, и в евразийстве ничего не смыслит. Те немногие статейки его, которые мне довелось читать, свидетельствуют о том же. Поручать ему ответственное евразийское дело, конечно, нельзя. Но что-то с ним сделать надо. Лучшим исходом было бы прикрыть совсем «Р[усский]В[оенный]В[естник]», Русанова переселить куда-нибудь в другое место и дать ему там работу по его силе и под хорошим контролем. Но практически я не вижу, как это осуществить. Думайте об этом: в этом суть дела.

С бельгийским еженедельником, издаваемым Гладковым⁵, конечно, надо порвать окончательно. Я думаю, что это легко исполнимо. — Книга Степанова, конечно, кошмар⁶. Впечатление, что человек просто объелся нашей литературы и потом сблевул: среди его собственной блевотины плавают непереваренные куски всех нас — тут и «месторазвитие», и «всеединство», и «народоводительство»!... Полное несварение мозгов! К удивлению, однако, в его отсебятине много просто жутко бессвязной белиберды, но *ереси* в собственном смысле слова нет. Очевидно, для создания хотя бы и ереси нужно уметь связать какое-то подлежащее с каким-то сказуемым — а такой умственный труд требует нормального функционирования мозгов, и потому не под силу Степанову. Книжка может быть вредна только тем, что у свежего человека создает впечатление, будто евразийство есть бессвязная галиматья, а это может, с одной стороны, отталкивать здравомыслящих, с другой — притягивать к нам всяких путаников и маньякальных фантазеров, которым почудится, что мы говорим как раз то самое, что и они.

Во всяком случае, надо принять меры к «локализации заразы». В М.⁷ никак нельзя эту книжку допускать. Лучше всего, если бы наш книжный склад взялся ее распространять и зажал бы...

Только что получил копию письма Пименова⁸ и письма самого П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] к П[етру]С[еменовичу]А[рапову]. По просьбе П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] присылаю Вам их. Письмо Пименова, по-моему, очень хорошее. Что касается до замечаний П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] по ~~этому~~ поводу этого письма, то с первыми двумя я совершенно не согласен. Верю, что, м[ожет] б[ыть], сейчас туда съездить и безопасно, но, кроме жеста доверия к Пименову, этот акт не имел бы никакого делового смысла. Напротив, приезд Пименова к нам был бы, по-моему, очень полезен. Я думаю, что, не повидавшись лично, нам трудно будет найти с ним правильный тон отношений после всего, что произошло между нами.

На днях получил длинное письмо от некоего Ушакова⁹, сотрудника Степанова. По всему видно, что дурак, но, вероятно, славный. Но дело не в этом. Из письма явствует, что он вовсе не евразиец, а только примыкающий (сам прямо так и пишет, что хотя-де со многим не согласен и т.д.), притом примыкающий, главным образом, к историософским нашим положениям. Между тем, мудрый Степанов дал ему прочесть наши листовки. Ушаков, конечно, в ужасе. Это его настолько потрясло, что он с разбегу излил свою душу мне, умоляя меня «опомниться». Я на днях ему отвечаю. Но вся эта история показательна в отношении Степанова. По-видимому, он совсем-совсем дурак. Я уже сообщил все это Озерову и попросил его внушить Степанову, чтобы тот *никому* наших листовок не показывал. Но этого мало: Вас я прошу никогда не посылать листовок ни Степанову, ни вообще куда-либо на склад¹⁰. Весь смысл их в том, что они якобы составлены в М.¹¹ и предназначены для М. Если же они будут гулять по складу и обсуждаться разными «примыкающими», то все это дело становится пустой игрой.

У меня только что явилась вот какая мысль. Раз Клепинин уезжает, не взяли бы Вы к себе Русанова на роль заведующего технической частью книгоиздательства? По-видимому, он в печатании некоторый толк знает и вообще парень оборотистый, раз как-никак сумел поставить свою газету. В финансовом отношении переезд его в Париж и содержание его будет во всяком случае дешевле, чем взятие «Р[усского]В[оенного]В[естника]» на наше содержание. С другой стороны, можно представить дело так, что это есть «повышение» (перевод в столицу). В дальнейшем от Вас будет зависеть сделать его приличным человеком... Отсюда я вижу, как Вы морщитесь. Но Вы не поддавайтесь первому впечатлению, а подумайте над этой комбинацией. Я другого выхода не вижу. А сделать что-то нужно. Надо как-то из нескольких зол выбирать наименьшее.

По идеологическому вопросу напишу отдельно.

L'Heritage de Gengis-Khan — великолепно. Молодец француз¹!

• Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой]

14/IX/1927

P.S. В Вену переезжаем 20-го сент[ября].

1 П.Н. Малевский-Малевич.

2 Вероятно, кодовое имя представителя РОВС.

3 О «Русском военном вестнике» см. примеч. 16 к письму Н.С. Трубецкого П.П. Сувчинскому от 5 марта 1926 г. (№ 69).

4 Кодовое имя Н.П. Рклицкого. Сотрудничество Рклицкого с евразийцами привело к тому, что П.Н. Врангель издал приказ о смещении Рклицкого с поста редактора «Русского военного вестника» 25 августа 1925 г. Тем не менее Рклицкий продолжал редактировать издание. См.: ГАРФ. Ф. Р-5783. Оп. 2. Д. 363. Л. 187.

5 Вероятно, Алексей Викторович Гладков (1887–?) — председатель Русского монархического союза в Бельгии.

6 Степанов И.В. Белые, красные и евразийство. Брюссель: Евразийское книгоиздательство, 1927.

7 В Россию.

8 Пименов — сотрудник ОГПУ А.А. Ланговой-«Денисов», выступавший как руководитель «внутреннего», то есть советского, евразийства. Вероятно, речь идет о письме Лангового, в котором он сообщает, что является сотрудником ОГПУ. Как отмечал в 1937 г. в документе, сохранившемся в архиве, Савицкий, «в письме от 2 октября 1927 года А[лександр] А[лексеевич] Л[анговой] сознался в связях с ГПУ. В каком порядке он взялся выполнить „поручение“ — на такой вопрос может ответить только архив ГПУ» (ГАРФ. Р-5783. Оп. 2. Д. 477. Л. 1). Как показывает эта запись и текст письма Н.С. Трубецкого, евразийцы были уверены, что А.А. Ланговой не был кадровым сотрудником ОГПУ, но лишь выполнял «поручение». Сам Савицкий планировал поездку в Москву для выяснения ситуации с Ланговым. См. письма П.С. Арапова П.П. Сувчинскому, публикуемые в настоящем томе.

9 Возможно, Алексей Иванович Ушаков, инженер, находившийся в эмиграции в Бельгии.

10 В эмиграцию.

11 В России.

12 Кто переводил текст Н.С. Трубецкого, неизвестно.

119 Сентябрь 1927 года¹

Дорогой Петр Петрович!

Я только что вернулся из Праги, куда ездил «на Томашевского»². П[етр]Н[иколаевич]С[авицкого] видел только на коротке, ибо он был в Берлине и вернулся только в день моего отъезда. Мы «общались» несколько часов, но в общем беспорядочно, торопясь и перескакивая с темы на тему, так что ни о чем существенном не договорились. К тому же и он и я оба — были в научном пафосе, так что делились всякими научными мыслями. Об «Р[усском] В[оенном] В[естнике]» разговор был только «в общих чертах». П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] сказал мне, что в последнем № опять появилось черт знает что, что он просто не знает, как быть, ибо инструктирование издания, по-видимому, не помогает: за адрес Марии Феодоровны он намылил голову Русанову³, тот обещал, что впредь ничего подобного не будет, а теперь — опять! П[етр] Н[иколаевич]С[авицкий] опять

говорил о своем проекте переселения «Р[усского]В[оенного]В[естника]» в Париж как о единственном выходе. Обо всем этом говорили на ходу и перескочили на другую тему. Вернувшись в Вену, я самолично прочел инкриминируемую «Р[усскому]В[оенному]В[естнику]» заметку и пришел в совершеннейший ужас. Действительно, — черт знает что!* Я написал П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому] следующее — упорное ослушание Русанова либо глупость, либо издевательство, либо результат обстановки, делающей невозможным какое-либо другое поведение. И в том и в другом случае ограничиваться одними головомойками невозможно и нецелесообразно. Поэтому я предлагаю написать Русанову: «а) что согласие наше на помещение хлебного материала в „Р[усском]В[оенном]В[естнике]“ было дано только с тем условием, чтобы остальной контекст этого органа не находился в диссонансном противоречии с духом современного хлеба; б) и что так как, несмотря ни на это и на неоднократные напоминания, в „Р[усском]В[оенном]В[естнике]“ продолжают появляться подобные мерзости, и ясно видно, что редактор *либо не хочет, либо не может* (NB! Непременно так и написать!) от этого отказаться, — мы отныне *запрещаем* помещать в „Р[усском]В[оенном]В[естнике]“ хлебный материал и какие-либо (положительные или отрицательные) отзывы о хлебе». ~~Письмо свое к П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому] я облек в форму максимальной решительной.~~ Запрещение это должно касаться только хлебного материала, а отнюдь не самого издания «Р[усского]В[оенного]В[естника]», которое должно продолжаться, но только — без хлебного материала. Мы оставляем за собой возможность со временем снять это запрещение и вновь допустить печатание в «Р[усском]В[оенном]В[естнике]» хлебного материала — но это произойдет при какой-то перемене обстановки, пока же, впредь до нового распоряжения, запрещение остается в силе.

* Кстати, характерный эпизод: злополучный номер Р[усского]В[оенного]В[естника] пришел в отсутствие П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого], так что Вера Ивановна прочла его раньше, чем П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий], и встретила П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] со словами: «Когда же вы наконец закроете эту газету? Она вас окончательно подведет!»... — *Примеч. Н.С. Трубецкого.*

Письмо свое к П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому] я облек в форму достаточно решительную. Предполагаю, что у П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] может возникнуть сомнение формального характера: можно ли такую решительную меру принимать в отсутствие Пенни⁴, официально заведующего пропагандой в складе⁵? Предвидя это, я предлагаю облечь все это в форму коллективного решения всех наличных в Европе членов П[олит]Б[юро]. Если такое решение будет единогласным, то Пенни, конечно, не будет в претензии. Поэтому очень прошу Вас, Петр Петрович, и П[етра]С[еменовича]А[рапова] спешно сообщить мне Ваше мнение по этому вопросу. Мнение это должно быть сообщено в такой форме, чтобы я мог оперировать с ним и ссылаться на него как на голосование.

С немецким меморандумом дело пока обстоит плоховато⁶. Написана только теория идеократии, т[о] е[сть] первая часть из трех; правда, эта часть будет самая большая, ~~две другие вместе~~ ~~взяты~~ так что в количественном отношении можно сказать, что написана половина всего. Писание идет туго. Но это у меня так и предполагается. Если хотите, чтобы вышло удачно, — не торопите. Я только тогда и пишу хорошо, когда пишу туго и долго. Впрочем, не пугайтесь! Постараюсь слишком не затягивать. Но форсировать тоже нельзя.

Что сжатое и систематическое (схематическое) изложение хлеба⁷ необходимо, — в этом я еще раз убедился на примере Томашевского. Он пробыл в Париже почти два месяца, с хлебниками⁸ видался очень часто, — а между тем хлебной литературы не читал вовсе и о хлебе имеет представление довольно-таки туманное. Дело в том, что ему дали целый ворох книг, а т[ак] к[ак] приехал он в Париж заниматься своей наукой и командировку получил только на короткое время, — то естественно, что ворох хлебной литературы так и остался неразрезанным. Более этого, этот ворох весь остался в Париже, ибо тащить его через границу невозможно, а выбрать из него что-нибудь самое важное было затруднительно, не прочтя всего... Если бы была у нас маленькая брошюрка, в которой все рассказано в легкой форме, — он бы прочел на сон грядущий или во время одной поездки в метро и знал бы, в чем дело. Т[аким] о[бразом], я понимаю, что меморандум необходим, и постараюсь его дать в этом году. Но только не сейчас, не на будущей неделе, как этого требуете Вы!...

В общем, Томашевский производит грустное впечатление. По-видимому, здорово тяжело работать в М⁹. Формализм, по-видимому, трещит и грозит распасться, — причем Томашевский сам объясняет это тем, что это учение не включено в более общую систему историософии и потому не выдерживает натиска даже такого несостоятельного, но цельного историософского мировоззрения, как марксизм. Идеократии боится, потому что отождествляет ее с большевизмом и не может себе представить другого идеократического типа.

В области научной я старался показать ему необходимость включиться именно в нашу историософию. В области научной вообще удалось поговорить интересно, причем, во всем существенном обнаружилось полное единодушие.

Особенно единодушны мы с Якобсоном¹⁰. В области науки это, пожалуй, самый близкий мне человек. Он теперь и насчет быта говорит «те» слова. Кажется, он собирается что-то об этом написать для «Верст». Кстати сказать, он просит не распространять, что будет участвовать в «Верстах». Вероятно, он все-таки будет писать под псевдонимом. — К сожалению, он безнадёжен не только в отношении религии, но и в отношении политической установки. Идеократии и этатизма не приемлет никак, сколько я ни стараюсь.

П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] в Цг¹¹ имел свидание с целой группой экономистов, командированных из М2¹². Частью это его товарищи по институту, частью представители следующего поколения. Беседы с ними были очень интересны. Они сильно распропагандированы и самостоятельно еще до встречи с П[етром]Н[иколаевичем]С[авицким] стали собирать хлебную литературу. Интересно, что встреча произошла по их инициативе.

Обнимаю Вас. Вере Александровне пишу отдельно.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

P.S. Если П[етр]А[рапов] у Вас, прочтите ему это письмо.

1 Датируется по содержанию.

2 Борис Викторович Томашевский (1890–1957) — филолог и литературовед, один из видных представителей формализма.

3 Н.П. Рклицкому, редактору «Русского военного вестника».

4 П.Н. Малевского-Малевица.

- 5 То есть в эмиграции.
- 6 «Немецкий меморандум» — изложение принципов евразийства для немецкой публики — не был издан.
- 7 Евразийства.
- 8 Севразийцами.
- 9 То есть в Советской России.
- 10 С.Р.О. Якобсоном.
- 11 В Берлине.
- 12 Из Ленинграда.

120 17 сентября 1927 года

Дорогой Петр Петрович!

Один из моих учеников, Х-ец, получает место переводчика в Х-ской¹ диплом[атической] миссии в М1². Наряду со своей диплом[атической] службой он думает продолжать и свои научные занятия; собственно, это даже главное, что его побудило принять это место, ибо в будущем он готовится не к дипломатич[еской], а к ученой карьере. В М1 он намеревается познакомиться с учеными кругами и вращаться, главным образом, среди них. Использовать его для таких заданий, которые мы даем напр[имер], соотечественникам Желудева³, — нельзя. Но некоторую пользу он все же мог бы нам оказать. Он везет с собой довольно большое количество книг для своих работ. Хорошо бы к этим книгам присоединить и полный набор наших изданий (за исключением, м[ожет] б[ыть] брошюры Зона⁴, двух франковских и «сомнения, науки и веры»⁵). Если ему удастся завязать сношения с научными кругами, то через него эти книги могут стать известными этим кругам. Кроме того, я хочу через него передать свою книжку («К проблеме») некоторым тамошним ученым. Уезжает он довольно скоро, в конце сентября. Поэтому прошу Вас *немедленно по получении этого письма* отдать распоряжение о высылке на *мой городской адрес* полного набора наших изданий (включая и те из «распроданных», которые еще имеются) и, м[ожет] б[ыть], еще оба выпуска «Верст». Прикажете послать все это по почте под бандеролью (а не малой скоростью, как иногда посылает наш склад!). Кроме того, одновременно прошу выслать мне 6 (шесть) экземпляров моей книжки («К проблеме»).

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.
Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

17/IX/1927

1 Х — Австрия, Х-ец — австриец, Х-ской — австрийской.

2 В Москве.

3 Лицо установить не удалось; видимо, «австриец».

4 Имеется в виду брошюра А.А. Зайцова «Комплектование Красной Армии».

5 Франк С.Л. Религия и наука. Берлин, 1925; Он же. Основы марксизма. Берлин, 1926; Карсавин Л.П. О сомнении, науке и вере: Три беседы. Берлин: Обелиск, 1923; Париж: Евразийское книгоиздательство, 1925.

121 19 октября 1927 года

Дорогой Петр Петрович!

Ваше нежелание возобновлять семинар на прошлогодний манер, конечно, подсказано совершенно верным чутьем¹. Между прочим, во время нашего летнего свидания с П[етром]Н[иколаевичем]С[авицким] и П[етром]С[еменовичем]А[раповым] кто-то из нас задал вопрос: а что же будет в нынешнем году происходить в семинаре? И все в один голос ответили, что в нынешнем году семинар вообще не нужен. Нам нужно внутренне подтянуться и укрепиться. Должен сказать, что на меня, давно ничего не знавшего о жизни Вашей группы, произвело очень тягостное впечатление, когда я начал расспрашивать П[етра]С[еменовича]А[рапова] об отдельных Ваших сотрудниках и тут оказалось, что Клепинин разложился на романической почве, Туринцев² не может выехать, потому что у него какой-то роман, а Росси³ должен уехать, потому что у него тоже какой-то роман. Все это наводит на грустные размышления. Ведь все эти романы — показатели какого-то глубокого духовного разложения эмигрантов (ведь Клеп[инин], Тур[инцев] и Росси — только частные случаи, таких десятки тысяч). В группе П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] несколько благополучнее по романической части, но зато есть другие неприглядные явления. А между тем, ведь в комсомоле та-

ких явлений быть не может: комсомольская этика противостоит, если хотите, но все-таки это своего рода этика, и она существует не только в теории, но на практике, и комсомольцы подтянуты не только внешней, но и внутренней этической дисциплиной. Иначе и не может быть при идеократическом отборе. Нам необходимо на эту сторону дела обратить самое серьезное внимание. И это тем более, что наша политическая установка вне сочетания с нравственной подтянутостью может выродиться в простой аморальный оппортунизм. В идеологии своей мы, по-моему, несколько переборщили с православием (это особенно относится к Л[ьву]П[латоновичу]К[арсавину]). По этой части мы выдали какие-то векселя, по которым не можем платить. Кроме того, как раз в этой области особенно рьяно идет работа по вульгаризации и фальсификации (Степанов, «православные трудящиеся») — что и не удивительно, ибо отвлеченность Л[ьва]П[латоновича] К[арсавина] не удовлетворяет, а попытки конкретизировать приводят неизбежно не туда, куда следует. Весь этот комплекс вопросов придется пересмотреть хотя бы уже потому, что при теперешней их постановке нам невозможно разговаривать с иноверцами (мусульманами и проч.). Нам предстоит теоретически отмежевать идеократию от теократии, секуляризировать до известной степени наши построения. Это должно быть уравновешено сильным *практическим* упором на религию и этику. Лозунг дня для нас теперь: «Поменьше религии в теории и побольше религии в практике». Это, конечно, не значит омонастырить, омонашить быт наших ячеек. Но подтянуть их в боевом отношении, преодолеть в них дух нравственной богемы необходимо. Это, конечно, только часть той работы по усилению внутренней партийной связи, о которой Вы пишете в последнем Вашем письме. Но я подчеркиваю, что часть эта необходимая. Пропаганда среди приезжающих, разумеется, должна быть нашей основной задачей. В частности, считаю, что всякие «текущие счета», связь с Пименовым⁴ и т[ому] под[обное] имеют смысл только при условии достаточно сильно развитой параллельной пропаганды среди приезжающих. Письма Родченко в «Лефе» (Вам П[етр]С[еменович] А[рапов] показывал?) свидетельствуют о том, что в этой области можно достигнуть очень многого⁵. Но кроме этого мы — помните? — говорили и о том, чтобы пощупать

в этом отношении и разных конкурентских⁶ служащих, постоянно живущих в Париже. Это не менее важно. А «шуметь», конечно, сейчас менее важно. Пошуметь все-таки нужно. Но совершенно с Вами согласен: раза 2–3, не больше. При этом, по-моему, шум надо какой то новый. Л[ьва] П[латоновича] К[арсавина] в нынешнем году, по-моему, выпускать не следует: к нему привыкли. Когда я к Вам приеду — не знаю. Только не до Рождества. Вероятно, после возвращения Пенни⁷ надо будет съехаться. Можно к этому моменту приурочить и «шум».

О брошюре Вышеславцева⁸ трудно что-либо сказать: все зависит от того, что в этой брошюре будет написано.

Считаю своим долгом сообщить Вам сплетню, по-моему, очень странную. Приезжал ко мне и к П[етру] Н[иколаевичу] С[авицкому] белградский «пред» Стороженко⁹. Поездка его носила, по-видимому, слегка дипломатический характер. Между прочим он рассказывал, что Татищев¹⁰ при проезде через Белград сообщил ему и Рклицкому две «тайны»: во-первых, будто «Имка» теперь получила возможность действовать в России, и будто бы мы решили проникать туда вместе с «Имкой» и под ее флагом; во-вторых, будто Вы хотите ценой разных уступок получить на наше дело деньги от евреев, против чего, однако, борются Пенни¹¹ и П[етр] Н[иколаевич] С[авицкий]. Эти сообщения очень смущили полуостровитян¹² и Стороженко спрашивал меня, правда ли это. Мне пришлось дезавуировать Татищева. Не понимаю, что это такое? Провокация? Выясните это.

Получили ли Вы «Рассвет»¹³ (орган Николенки в Лт¹⁴)? Какой кошмар!

. Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.

Ваш Н[иколай] Т[рубецкой].

19/X/1927

P.S. Пожалуйста, не забудьте поскорее выслать мне экземпляров 10 моей брошюры («Самопознания»). Очень желательно было бы мне получить несколько оттисков моей украинской статьи (из «Временника»), если таковые имеются¹⁵.

Н[иколай] Т[рубецкой].

1 Парижский семинар 1926 г. проходил в виде лекций и обсуждений под руководством Л.П. Карсавина и вызвал множество нареканий со стороны Н.С. Трубецкого и П.Н. Савицкого.

2 Александр Александрович Туринцев (1896–1984) — поэт, критик, участник евразийских изданий. С 1949 г. — протонерей, настоятель Патриаршего Трехсвятительского Подворья в Париже.

3 К.Б. Родзевич.

4 «Текущий счет» — связь с подпольем в СССР, Пименов — А.А. Ланговой-«Денисов».

5 Родченко А.М. Родченко в Париже. Из писем домой // Новый Леф. № 2. С. 9–21. Письма Родченко содержат пассажи, которые кажутся навеванными евразийцами. См., например, следующие фрагменты:

«Вчера, смотря на фокс-тротную публику, так хочется быть на Востоке, а не на Западе. Но нужно учиться на Западе работать, организовывать дело, а работать на Востоке.

Какой он простой, здоровый этот Восток, и это видишь так отчетливо только отсюда. Здесь, несмотря на то, что обкрадывают танцы, костюмы, цвета, походки, тип, быт Востока, все, — делают из всего этого такую мерзость и гадость, что Востока никакого не получается.

Да, но другие сидят и работают, и ими создается индустрия высокой марки, и опять обидно, что на лучших океанских пароходах, аэро и пр. будут и есть опять эти фокс-троты, и пудры, и бесконечные бэдэ» (с. 12).

«Как бы хотелось в несколько часов прилететь в Москву на Юнкерсе.

Идиоты, как они не поймут, почему Восток ценнее Запада, почему они его тоже любят, и хочется им бежать из этого шумливого, бумажного Парижа на Востоке.

Да потому, что там все такое настоящее и простое.

Зачем я его увидел, этот Запад, я его любил больше, не видя его.

Снять технику с него, и он останется паршивой кучей навоза, беспомощный и хилый.

.....

Я не люблю и не верю всему здесь и даже не могу его ненавидеть.

Он так похож на старого художника, у которого хорошо сделаны золотые зубы и искусственная нога. Вот он Париж, которым я не увлекался раньше, но который я уважал.

Странно, что все работают и что все идет хорошо, так, как бы хотелось шло у нас. Но где цель этого всего. Что будет дальше? А зачем? И, верно, тогда и правильно: лучше ехать в Китай и там лежа грезить неизвестно о чем. Гибель Европы, нет, она не погибнет. Что она сделала, все пойдет в дело, только нужно все вымыть, вычистить и поставить цель. Не для женщин же все это делается» (с. 14–15).

«И что... как раньше не было хуже быть русским, так теперь лучше нет быть гражданином СССР, но есть но... Это значит, что необходимо работать, работать и работать... Свет с Востока не только освобождение трудящихся, свет с Востока в новом отношении к человеку, к женщине, к вещам. Наши вещи в наших руках должны быть тоже равными, тоже то-варищами, а не этими черными и мрачными рабами, как здесь.

Искусство Востока должно быть национализировано и выдано по пайкам. Вещи осмыслятся, станут друзьями и товарищами человека, и человек станет уметь смеяться и радоваться и разговаривать с вещами. Вот посмотри, сколько здесь вещей, которые — снаружи украшены и холодно украшают Париж, а внутри, как черные рабы, затаив катастрофу, несут свой черный труд, проводя расправу с их угнетателями» (с. 19–20).

6 Советских, большевистских.

7 То есть П.Н. Малевского-Малевича.

8 Борис Петрович Вышеславцев (1877–1954) — философ, специалист по этике и теории права; закончил Московский университет, учился в Марбурге у Наторпа и Когена. В эмиграции сотрудничал с Н.А. Бердяевым (Берлинская академия, Богословский институт в Париже). Был редактором YMCA-Пресс. Насколько можно судить, ни одной работы Вышеславцева евразийское издательство не опубликовало.

9 Владимир Александрович Стороженко — полковник Преображенского полка, сослуживец П.Н. Малевского-Малевича, один из руководителей евразийской группы в Белграде.

10 Вероятно, Николай Дмитриевич Татищев (1902–1985), граф; занимался сербской историей и фольклором; участвовал в евразийской группе в Белграде. Впоследствии жил в Париже.

11 П.Н. Малевский-Малевич.

12 Эмигрантов на Балканах.

13 Возможно, речь идет о журнале «Рассвет: Еженедельный орган Национально-трудового и активного движения», издававшемся в Белграде А.К. Филиппенко.

14 В Белграде.

15 Речь идет о работах Н.С. Трубецкого «К проблеме русского самопознания» (Париж, 1927) и «К украинской проблеме» (Евразийский временник. Париж, 1927. Кн. V. С. 165–184).

122 27 октября 1927 года

Дорогой Петр Петрович!

Я не могу согласиться с тем толкованием роли Касаткина, которое предлагает П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий]. Это объяснение одно из возможных, но, по-моему, отнюдь не наиболее вероятное. Тем не менее, я всецело присоединяюсь к мнению П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] о том, что печатно разъяснять наше отношение к «Тресту» (особливо в чужих газетах) мы не должны. Усвоенная нами тактика неотвечания на нападки эмигрантской прессы совершенно правильна, и каждый раз, что мы от нее отступали, это к добру не приводило. В данном же случае присоединяются еще и соображения деловые. Разъяснение может осложнить наши отношения с Пименовым¹. Если нас провоцируют и хотят заставить нас сжечь свои корабли, мы на это поддаваться не должны. Итак, по-моему — молчать. — Ваши закидывания удочек к кабатчикам² и дальше вполне одобряю. — Немецкий меморандум пишу, но он затянулся и еще не скоро будет готов. Если Вы очень торопитесь, то попробуйте воспользоваться французским меморандумом, но смотрите, как бы он не отшиб от нас тех, с кем мы хотим иметь дело: уж очень сумбурно и путано изложено, на свежего человека может произвести впечатление маниакального бреда. С Эйбеллем³ я не знаком, но, конечно, познакомлюсь (хотя положительно не верю, чтобы в Вене нашелся издатель). Напишите мне, через кого он об нас узнал (поскорее).

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

¹ А.А. Ланговым-«Денисовым».

² К немцам.

³ Данных о венском издателе Эйбелле обнаружить не удалось.

123 21 ноября 1927 года

Дорогой Петр Петрович!

На прошлой неделе виделся с теперешним проректором Ленинградского университета, Борисом Леонидовичем Богаевским¹,

находящимся в заграничной командировке и собирающегося вернуться в Ленинград в начале декабря. Я не мог много говорить с ним о хлебе², но, кажется, все-таки возбудил его любопытство. Конечно, любопытство это — чисто платоническое, но и то хорошо. Я дал ему «Европу и человечество», «Географические особенности», «К проблеме русск[ого] самопознания» и «Наследие Чингисхана»³. Думаю, что хорошо было бы послать ему и кое-какие другие наши вещи, притом послать одновременно с разных сторон, чтобы произвести впечатление нашей «вездесущности» (он особенно интересовался вопросом, много ли нас, и как будто слегка стал яриться, когда я сказал, что наши ячейки имеются почти во всех городах Европы). П[етр] Н[иколаевич] С[авицкий], которого я видел мельком при его обратном проезде из Белг[рада], обещал послать Богаевскому «Географические особенности» и «Начертание русской истории»⁴. Хорошо было бы Вам послать ему пятый «Временник», восьмую «Хронику», формулировку 1927 г.⁵ и, м[ожет] б[ыть], «Евразийство» Л[ьва] П[латоновича] К[арсавина]⁶. Он — археолог, в науке поклонник Марра, а в жизни что — не знаю. Внешне похож на ...милейшего Александра Александровича⁷ (это не плохо). Л[ев] П[латонович] К[арсавин] его хорошо знает: спросите его. Адрес его (прибл[изительно] до 5-го декабря) Berlin-W, Kleiststr. 26 Pension Peters.

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.

Ваш Н[иколай] Т[рубецкой].

21/XI/1927

1 Борис Леонидович Богаевский (1882–1942) — профессор Петроградского и Ленинградского университетов, историк, специалист по истории Античности. В 1927 г. — ректор ЛГУ.

2 О евразийстве.

3 Книги Н.С. Трубецкого: «Европа и человечество», «К проблеме русского самопознания», «Наследие Чингисхана: Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока»; «Географические особенности России» — книга П.Н. Савицкого (Прага, 1927).

4 «Географические особенности» — см. предыдущее примечание; «Начертание русской истории» — Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Прага, 1927. Ч. 1. (С приложением «Геополитических заметок по русской истории» П.Н. Савицкого).

5 Евразийство: Формулировка 1927 года. Прага, 1927.

6 Карсавин Л.П. Евразийство: Опыт систематического изложения. Париж: Евразийское книгоиздательство, 1926.

7 То есть на Александра Александровича Федорова (псевдоним А.А. Якушева), представителя «Треста».

124 30 ноября 1927 года

Дорогой Петр Петрович!

Раньше 15-го ни я ни, П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] никуда выехать не можем. Раз Вам 15-го надо быть в Париже, то значит нам надо съехаться позднее. Окончательный срок, к которому мы должны съехаться, назначайте сами: я с 15-го свободен. Лучше не слишком откладывать (между 15 и 20). Присутствие Л[ьва] П[латоновича]К[арсавина] считаю излишним, точно так же, как и присутствие П[етра]С[еменовича]А[рапова]. Нам надо договориться втроем. Тем более что многолюдные съезды нам сейчас не по карману и что по возвращении Пенни¹ все равно придется съехаться. С Н[иколаем]Н[иколаевичем]А[лексеевым] я лично хочу повидаться (ведь с тех пор, как он к нам примкнул, я его ни разу не видел). Если это может обидеть кого-нибудь, то можно придать этому моему свиданию с Н[иколаем]Н[иколаевичем]А[лексеевым] сугубо личный характер.

— Напечатание статьи Н[иколая]Н[иколаевича]А[лексеева] («Евр[азийцы] и Гос[ударство]»²) в последнем № «Хроники» продолжаю считать катастрофической бестактностью. По этому поводу нам придется много и серьезно поговорить.

Обнимаю Вас. Целую ручки В[ере]А[лександровне].

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

P.S.: Одновременно пишу Голицыну о двенадцати пудах³.

¹ П.Н. Малевского-Малевича.

² Алексеев Н.Н. Евразийцы и государство // Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. IX. С. 31–39.

³ То есть Владимиру Эммануиловичу Голицыну (1884–1954), симпатизировавшему евразийцам. О двенадцати пудах — о 12 фунтах стерлингов. В.Э. Голицын проживал в Англии и был знаком с Генри Н. Сполдингом, часто служа пересыльным между ним, Малевским-Малевичем и евразийцами. Голицын принадлежал к аристократической эмиграции,

был женат на Екатерине Георгиевне, дочери князя **Георга фон Мекленбург-Серлиц**. В доме Голицыных часто бывали **ведущие евразийцы**; в качестве няни у них проживала мать П.С. Арапова.

125 1 декабря 1927 года

Дорогой Петр Петрович!

Дело было вот как. Еще осенью Вы упомянули в одном из Ваших писем, что Н[иколай]Н[иколаевич]А[лексеев] в ответ на мою записку (об отношении партдиктатуры к совсистеме) составляет другую записку, которая выходит у него очень удачно, так что ее можно будет напечатать в «Хронике». Считая, что по окончании дискуссии, дискуссионный материал (т[о] е[сть] мою записку и то, что она вызвала) напечатать будет интересно, я против этого не возражал и с любопытством ждал обещанной записки Н[иколая]Н[иколаевича]А[лексеева]. Однако записка эта попала не ко мне, а к П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому], который сдал ее в набор и только уже в конце октября прислал мне копию этой записки с пометкой «Посылаю для сведения (возвращать не нужно!) [Хр. вып. IX]. По-моему, весьма подходяще. П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] 24/X 1927». — Я стал читать и сразу пришел в ужас. Записка сама по себе недурна, мысли, хотя и спорные, но интересные. Однако все это абсолютно не для печати. Печатать такие вещи ридикюльно. Я живо вспомнил, как в Софии пресловутое «Общество единения русских в Болгарии» устроило комиссию для борьбы с голодом в Одессе на случай, если падут большевики; вспомнил, как эта комиссия выделила из себя подкомиссию для борьбы с цингой, подкомиссию транспортную и т.д.... Картина совершенно аналогичная. Если бы два–три одессита при случае за чашкой чая обменялись соображениями о том, как можно было бы помочь из Болгарии голодающей Одессе, если бы не было большевиков, — то в этом не было бы ничего предосудительного. Но когда этому разговору придали официальный и публичный характер, пригласили на него представителей русских и болгарских организаций и т.д. — вышло смешно и глупо. Так и тут: в конце концов, почему и не поговорить о разных возможностях, имеющих открыться перед нами в случае, если когда-то что-то произойдет. Конечно, по-

говорить можно, м[ожет] б[ыть], даже нужно. Но не публично! Где же это видано, чтобы люди, намеревающиеся оказывать на кого-то закулисное влияние или фактически забрать власть в свои руки, сначала громко и подробно рассказывали во всеуслышание, как они думают это сделать? Мы сами смеемся над кириллистами¹ и прочими эмигрантами, занимающимися дележом шкуры неубитого медведя, а между тем в этой записке, в сущности, производит-ся ровно то же самое, да пожалуй, с еще большей наивностью и самообольщением. Повторяю, для дискуссии во внутреннем круге все это не опасно, но для печати это недопустимо — тем более, что личные выпады против отдельных эмигрантских вождей (с. 36) непременно заставят всю эмигрантскую прессу обратить внимание именно на эту сторону статьи. Тактически недопустимыми показались мне и целый ряд отдельных мест в этой статье. Сравнение хлеба с виноделием². Утверждение, будто мы являемся орденом (еще не так давно мы отказывались вступать в братство Св[ятой] Софии, указывая на то, что это есть орден и что орден есть чисто западное, латинское изобретение). Рассуждение о том, партия ли мы (о таких вещах не рассуждают, а высказывают готовые декларативные заявления, выработанные предварительным *закрытым* обсуждением). Термину «идеократия» придан новый смысл, что способно только сбить читателей, и т.д., и т.д. ...Словом, как только я представил себе эту статью как предназначенную для печати, так для меня ясно стало, что она никуда не годится. В то же время вопросы, поднятые этой статьей, мне показались интересными и «будущими мысль», и дискуссия по этим вопросам мне представилась целесообразной. Однако именно для того, чтобы эта дискуссия была плодотворной, нужно было до окончания ее не связывать себя напечатанием этой интересной для дискуссии, но неудачной и недопустимой для печати статьи. Поэтому я сейчас же написал П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому] свое мнение и просил его не печатать статьи Н[иколая]Н[иколаевича] А[лексеева] в № IX. Написал именно ему, а не Вам, считая, что в той стадии, в которой находилось это дело (рукопись была уже сдана в набор!), она касается исключительно редактора. П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] мне ничего не ответил, ибо рассчитывал при проезде через Вену переговорить со мной по этому вопросу и уговорить меня. Но когда он был в Вене и говорил со мной, то вышло наоборот, а именно, что

я его убедил в недопустимости напечатания этой статьи. Аргументы, которые П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] приводил в пользу напечатания, были личного свойства: Н[иколай]Н[иколаевич]А[лексеев] может обидеться, т[ак] к[ак] ему уже обещано, что статья будет напечатана; все, кто статью читал (а, оказывается, ее читали уже «все», т[о] е[сть] не только члены П[олит]Б[юро], но и посторонние), ничего предосудительного в ней не нашли, и т[ак] д[алее]. В конце концов мы решили, что статья в ближайшем номере, во всяком случае, напечатана не будет, а дальнейшая ее судьба выяснится после дискуссии на поднятые в этой статье темы, какую дискуссию следует начать в Праге на съезде тройки. В первом моем письме по поводу этого предполагаемого съезда я Вам, помнится, вкратце сообщил это. П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] уехал на Балканы, решив, что окончательные распоряжения о выходе «Хроники» он успеет сделать после возвращения в Прагу, — тем более, что у него еще оставались кое-какие корректуры. Тем временем «Хронику» выпустили...

Мнения своего о напечатании статьи Н[иколая]Н[иколаевича]А[лексеева] я не переменил. В печатном виде она еще ридикюльнее. Особенно несвоевременна она именно сейчас, когда Ваше свидание с «Гривенниковым»¹ как будто открывает какие-то новые перспективы и, м[ожет]б[ыть], новый круг читателей «Хроники»... — Конечно, раз «Хроника» уже разослана по редакциям, изъять ее невозможно, и это свое требование я снимаю (сделал я его, не зная техники дела и предполагая, что, как во всех порядочных журналах, первый экземпляр показывают своему редактору, который затем и отдает распоряжение о рассылке). Но из всего этого я должен сделать практический вывод. Как ни смотреть на статью Н[иколая]Н[иколаевича]А[лексеева], она есть, несомненно, прежде всего материал для дискуссии. Принимая на себя обязанности председателя П[олит]Б[юро], я одной из главных обязанностей председателя считал руководство дискуссиями. Напечатание статей, подобных статье Н[иколая]Н[иколаевича]А[лексеева], стесняет свободу дискуссии, преждевременно выносит предмет обсуждения на улицу, чрезмерно расширяя круг участников дискуссии, предпринимает самое направление дискуссии и, наконец, гандикапирует² всех несогласных с положениями, высказанными в этой статье (поскольку до сих

пор мы держались правила друг с другом в печати не полемизировать и друг друга не дезавуировать). Словом, напечатание таких статей делает руководство дискуссией невозможным и роль председателя совершенно ненужной. Не желая быть простой бу-тафорской фигурой, я из всего этого делаю практический вывод и *слагаю с себя обязанности председателя П[олит]Б[юро]*. Это — логический вывод из происшедшего. Председатель, который последний узнает о том, что его коллегия обсуждала вопросы первостепенной важности, председатель, которому записки, подобные Н[иколая]Н[иколаевича]А[лексе]вской, посылают только «для сведения» и который не в силах помешать их опубликованию, председатель, который лишен возможности гарантировать свободу и правильное течение дискуссии, — такой председатель есть фигура комическая и совершенно излишняя. Возглавлять можно организацию. У нас же не организация, а бардак. И это — во всем. И, по-видимому, это — органически, ибо, как мы ни садимся, в музыканты мы, по-видимому, просто не годимся. Мне это надоело, и я больше играть в организацию не согласен. Бардак так бардак. Надо ставить точки над і.

П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] одновременно отказывается от поста редактора Хроники. Я его вполне понимаю. Фактически «Хроника» издается не им, а «сама собой», и никто не в силах изменить течение этого автоматического процесса: ни Вы, ни я, ни П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий]. Как и во всем остальном, так и тут — сплошной бардак. Одно из двух: или печатание «Хроники» остается в Париже, но редактирование поручается Вам — или редактирование сохраняется за П[етром]Н[иколаевичем]С[авицким], но печатание переносится в Прагу. Современное положение, во всяком случае, недопустимо.

Вообще, остается только надеяться, что у нас скоро иссякнут денежные средства, и мы закроем лавочку. Вздохну свободно. Здорово надоело...

В Праге же надо обсудить целый ряд основных вопросов. Организационные разговоры довести до минимума.

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

1/XII/1927

1 То есть над сторонниками великого князя Кирилла Владимировича, объявившего себя императором в 1924 г.

2 Евразийства с масонством.

3 Гривенников — Георгий Леонидович Пятаков (1890–1937) — высокопоставленный советский руководитель, член РСДРП с 1910 г.; на XV съезде ВКП(б) в 1927 г. исключен из партии как деятель троцкистской оппозиции, восстановлен в партии в 1928 г.; репрессирован и расстрелян в 1937 г. В 1927 г., в период пребывания Пятакова в качестве советского торгпреда во Франции, евразийцы установили с ним контакт и вступили в переговоры.

4 То есть ограничивает в возможностях.

126 8 декабря 1927 года

Дорогой Петр Петрович!

Не знаю, почему Вы решили, что я специально Вас ругаю. Я никого не ругаю и не осуждаю, а возмущаюсь тем порядком вещей, при котором возможны подобные эпизоды. Этот порядок вещей научно может быть обозначен только как дезорганизация, что в переводе на русско-копролалический язык и есть «бардак». Кто в этом виноват — разобрать трудно. Скорее всего — я сам, поскольку взял на себя возглавление этой «организации» и не сумел преодолеть ее дезорганизованности...

Я согласен с Вами, что перед нами стоят вопросы неизмеримо более важные. Надо держаться принципа, что идеологические вопросы всегда важнее тактических, а тактические, в свою очередь, важнее организационных. При этом слово «важнее» употреблено в том смысле, что решение менее важных вопросов зависит от решения более важных. Для плодотворности наших разговоров следует согласовать хронологический порядок решения вопросов с этой их классификацией по убывающей степени их важности. Иными словами, я согласен, что вопросы организационные (как-то: организация издания «Хроники», конструкция П[олит]Б[юро] и проч[ее]) следует пока отложить, т[о] е[сть] в первую очередь обсудить принципиальные вопросы (как-то выдвигаемые Вашей статьей) и только после этого приступить к решению организационных. Но совсем снять эти организационные вопросы все-таки нельзя, и притворяться, буд-

то никто ничего не сказал и никто ничего не слышал, тоже нельзя. Вы преувеличиваете нашу нервность. Уверяю Вас, что мы обо всем этом поговорим в совершенно деловых тонах, особенно если этому будут предшествовать принципиальные разговоры. Но замазывать тоже плохая тактика.

В общем, все зависит от того, как пойдут наши разговоры на принципиальные и тактические (точнее: стратегические) темы. Предупреждаю Вас, что тезисы вашей статьи (самой статьи еще не читал, она только что пришла) мне очень не нравятся¹. Во многом я стою на диаметрально противоположной точке зрения, но и самую постановку вопроса считаю в корне неправильной. Впрочем, об этом поговорим при свидании.

Самое свидание лучше всего устроить 18-го, но если Вам это очень неудобно, то можно и 15-го.

Еще раз резюмирую. Ваши предпосылки принимаю с такими изменениями: 1) отказов (по крайней мере, с моей стороны) пока еще не было, но нельзя сказать «не будет», ибо это зависит от того, как разрешаются организационные вопросы; 2) вопрос об изменении порядка издания «Хроники» подлежит *деловому* обсуждению; 3) само собою разумеется, что обострения личных отношений не было и нет, а было констатирование *факта* дезорганизации, каковую дезорганизацию следует преодолеть в порядке целесообразных реформ, а не в порядке упреков, искания виновного, суда и т[ому] под[обного] убожества. В этом же смысле пишу П[етру]Н[иколаевичу] С[авицкому].

Итак — «до скорого».

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

8/XII/1927

¹ Скорее всего, речь идет о статье: *Сувчинский П.П. Революция и власть* // Евразия. 1929. № 8. С. 2–3. Именно эта статья вызвала наиболее острую реакцию Н.С. Трубецкого и П.Н. Савицкого.

127 12 декабря 1927 года

Дорогой Петр Петрович!

«Дезорганизация» (раз Вы не любите «копролалии») продолжается. Только что я отправил Сомову¹ письмо, разъясняющее, почему я считаю его приезд в Прагу нежелательным — а вчера я получил экспресс от П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] (почему не от Вас и не от Сомова?) с сообщением, что Сомов уже у Вас и тоже едет в Прагу, причем я должен ускорить свой приезд. Еще раз подчеркиваю, что созыв курултая в настоящий момент, в отсутствие Озерова², считаю неуместной, нецелесообразной и ничем не оправданной лишней тратой денег: что такой ублюдочный курултай, не могущий вынести никаких практических решений, способен только сорвать действительно необходимый съезд редакционной тройки и придать ему нежелательный характер; наконец, что лично я могу выехать не раньше 17-го вечером. Ехать мне вообще трудно, и зря я не поеду. Уговорите Сомова не ехать! (хороша организация, в которой все держится на уговорах!... «Копролалия» напращивается сама собой).

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

¹ То есть П.С. Арапову.

² П.Н. Малевского-Малевнча.

128 10 марта 1928 года

Дорогой Петр Петрович!

Представьте себе, что кто-нибудь из нас, членов П[олит]Б[юро], стал бы помимо Вашего согласия и сведения отдавать распоряжения типографии и распоряжаться книгоиздательством. Довольны Вы были бы или нет?

Полагаю, что Вы имели бы полное право рассердиться и высказать это соответствующему лицу в достаточно неприятной форме. — В данном случае произошло следующее. На время отсутствия Пенни¹ все его казначейские функции было постановлено передать мне, и только мне. Это было постановление, против

которого Вы в свое время не протестовали. Между тем, фактически казначейские обязанности взяли на себя Вы. Злой воли тут не было, а просто какая-то органическая непривычка к организованности. Я имел полное моральное право на это рассердиться и высказать это Вам открыто. Вместо того, чтобы принять мои слова всерьез и рассмотреть с этой точки зрения Ваши действия, Вы обиделись и стали говорить какие-то горькие слова, будто я к Вам переменялся и проч[ее], — словом, перенесли вопрос в плоскость эмоциональную. Все аргументы, которыми Вы обосновываете свои действия, совершенно не выдерживают критики. Если Вы хотели ускорить получение денег, то надо было обратиться за этим к казначею, т.е. *ко мне*. Если к Вам приставал Товс[толес] и Арт[амонов], то Вы должны были переслать их письма или направить их самих к казначею, т[о]е[сть] *ко мне*. Если П[етр]С[еменович]А[рапов] представил Вам смету и попросил денег, то Вы должны были напомнить ему, что казначейские обязанности выполняю я, и направить его опять-таки *ко мне*: доверять ли ему 100 ф[унтов] или нет, это прежде всего дело казначея, т[о]е[сть] в данном случае *мое*. Наконец, если В[ладимир]Э[ммануилович]Г[олицын] по собственной инициативе переслал Вам всю полученную им сумму, то эту сумму Вы должны были переслать казначею, т.е. *мне*, в крайнем случае удержав из нее то, что требовалось на расходы по Парижу, и, во всяком случае, уведомив об этом казначея, т[о]е[сть] *меня*. Всякий свежий человек поймет это. Очень странно, что ~~Вам~~ приходится это объяснять Вам. Поставьте себя на мое место. Повторяю: представьте себе, что кто-нибудь помимо Вас стал бы таким же образом распоряжаться издательством и распр[остранительным] аппаратом, а потом поставил бы Вас перед совершившимся фактом. Неужели Вы не чувствуете уродливости положения, при которой Вы, выполнив без моего ведома все казначейские (т[о]е[сть] мои) функции и разослав всем деньги, еще спрашиваете меня, не нужны ли и мне деньги? Отставьте в сторону всякие эмоции и горькие слова, взгляните на дело объективно, и признайте, что я имел основание быть Вами недоволен, т[ак] к[ак] Вы поступили действительно антиорганизационно. Престиж тут ни при чем. Дело в самом принципе. Раз постановили, чтобы я выполнял обязанности казначея, то все денежные дела должны идти через меня, и этому порядку должны

подчиняться *все*. Кто это исполняет — тот поступает организационно, а кто не исполняет — тот поступает антиорганизационно. Кажется — понятно! А горькие слова не нужны. Мы с Вами виделись еще недавно, и, кажется, Вы могли убедиться в том, что мое отношение к Вам не переменилось...

Меня очень беспокоит то, что Вы пишете о характере материала, присланного для «Хроники». Я считаю, что такие вещи мы обязаны друг другу говорить. Если материал, как Вы пишете, не соответствует нашей теперешней политике, то напечатание его надо предотвратить, иначе это может повлечь очень неприятные последствия. Непременно напишите П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому]. По некоторым соображениям даже очень хорошо, чтобы именно сейчас он от Вас получил такое письмо...

С «Р[усским]В[оенным]В[естником]», конечно, ничего не вышло. У П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] не хватило пороха поставить вопрос так остро, как этого хотел я. Он предложил Рклицкому *альтернативу*: либо перестать печатать высочайше утвержденное убожество, либо перестать печатать евразийский материал. Рклицкий, конечно, как и следовало ожидать, еще раз обещал ничего предосудительного (вроде описания высочайших приемов) не печатать, — и на этом дело и кончилось... Т[аким] о[бразом], опять ничего не вышло. Я написал П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому] чрезвычайно неприятное письмо, на которое он, вероятно, обидится так же, как обиделись Вы на мое последнее письмо. Но дело от этого не исправится: следующий раз повторится ровно то же самое (точно так же, как и Вы, несмотря на мое последнее письмо, конечно, следующий раз поступите совершенно так же, как поступили теперь). Очевидно, мне просто надо сидеть, молчать и не рыпаться. Я — теоретик, и дело мое писать теоретические статьи. А в дела мне лучше просто не соваться: только неприятности и «обиды» всем причиняю, а толку никакого. Все равно каждый делает, что хочет, не считая себя связанным никакими уговорами и договорами...

О меморандуме много думаю, но пишется туго². Вообще, Вы себе представить не можете, до какой степени мне все это осточертело. У каждого свое призвание. Мое призвание — наука. Ею

мне заниматься легко, и я в ней чрезвычайно работоспособен. Но к публицистике и философствованию у меня никакого призвания нет. Конечно, я могу писать и публицистическо-философские вещи, вроде меморандума. Но пишу я их с невероятным усилием и страшно медленно, без всякого увлечения, а, наоборот, даже с прямой ненавистью к предмету. То время и те усилия, которые я трачу на одну страницу такого меморандума, хватило бы на целое научное исследование листа в три по лингвистике. Занимаясь писанием всего этого евразийского кошмара, я чувствую, что мог бы все это время и труд с гораздо большей пользой (и для себя и для других) потратить на науку, что отнимаю время от науки, и вместе с тем, что время уходит, что его, м[ожет] б[ыть], осталось уже не так много, и что я так и исчезну со сцены, ничего значительного в области своей науки не дав, зарыв свой талант в землю. Поймите, что это трагично. П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] занимается своей наукой, евразийство ему не мешает, а помогает, и он на евразийстве делает свою научную карьеру. Вам евразийство тоже создает положение и — оставив в стороне некоторые темные стороны, — не препятствует, а помогает тому общению с интересными людьми, к которому Вы привыкли. Вы организуете, влияете, создаете идейно спаянную среду, — т[о] е[сть] осуществляете *свое* призвание, причем без евразийства Вы вряд ли могли бы это делать. Мне же, наоборот, евразийство только мешает осуществлять свое призвание. Если бы Вы только знали, каким тяжелым бременем лежит в моем сознании этот постоянный балласт евразийских обязательств, как он мешает моей научной работе. Евразийство для меня тяжелый крест, и притом совершенно без всяких компенсаций. Поймите, что в глубине души я его *ненавижу*, и не могу не ненавидеть. Оно меня сломало, не дало мне стать тем, чем я мог бы и должен бы стать. Бросить его, уйти из него, забыть про него — было бы для меня высшим счастьем. Если я этого не делаю, то только в силу малодушия и привязанности к вам обоим — а особенно к Вам, Петр Петрович, — ибо Вы знаете, что нас с вами связывают гораздо более интимные связи и мы друг друга гораздо лучше понимаем, чем П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого]... И если иногда моя ненависть (да: ненависть) к евразийству вырывается у меня как крик души и придает особый оттенок моим письмам, то нечего это понимать как какой-то личный

выпад. Поводом для этого является объективное проявление той онтологической дезорганизованности, которая так характерна для всего евразийства (политбардак!). А т[ак] к[ак] само евразийство, как я уже сказал, лежит у меня в душе и без того уже тяжелым кошмаром, то всякий укол именно в это и без того кошмарное место вызывает особенно острую реакцию. Это как если наступить на ногу, и без того уже измученную узкой и неудобной обувью: невольно вскрикнешь и выругаешься...

Ну, вот: выложил.

Обнимаю Вас.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

1 П.Н. Малевского-Малевича.

2 Речь идет о немецком издании **евразийского меморандума** (см. примеч. 6 к письму Н.С. Трубецкого П.П. Сувчинскому № 120).

129 28 марта 1928 года

Дорогой Петр Петрович!

Если П[етр]С[еменович]А[рапов] соберется, наконец, в путь, то 1-го, 2-го и 3-го апреля я тоже могу съездить в Прагу. До и после — трудно.

Я Вам говорил, что собираюсь ехать на лингвистический конгресс в Гааге¹. Дело зависит от австрийского Министерства просвещения, которому я подал прошение о возмещении мне расходов на поездку: если откажут, — я не поеду, потому что очень дорого. Конгресс будет на нашей Страстной Неделе, кончится как раз на Пасху, 15-го. Я очень мечтаю, если уж попаду в Гаагу, проехать оттуда в Кламар, повидать Вас и свою сестру². Надеюсь, что это можно будет устроить под видом курултая. Но если курултай, как Вы пишете, в ближайшее время не нужен, то, конечно, зря его созывать нечего. Но все-таки съездить в Кламар мне очень хотелось бы. Необходимо проветриться. Думаю, что и по хлебной³ части это было бы не вредно. Нам есть о чем поговорить. Вся штука только в том, что это очень дорого.

Хлебных⁴ денег у меня почти нет: хватит только на поездку в Прагу, и то — в обрез. А просить как-то неловко, ибо, в об-

щем, эта поездка в Кламар не необходима. Конечно, П[етр]Н[иколаевич]М[алеvский-]М[алеvич] тоже иногда совершает совсем не необходимые поездки, — но ему на это ни у кого (кроме Голдсмита⁶) просить не приходится. Не знаю как быть. Посоветуй-те, или, еще лучше, помогите...

Мирскому⁶ передайте от меня, что я ему не ответил на его письмо главным образом потому, что в тот же день было некогда: а если сразу не ответишь, то потом уже не соберешься. Скажите ему, что, по-моему, единственный, кто мог бы написать историю Средней Азии, это академик Бартольд⁷ (в Ленинграде). Впрочем, пускай посоветуется с Минорским. Никитин, во всяком случае, не подходит, ибо он «знаток», но не «ученый» в настоящем смысле слова.

Правда ли говорят, будто о[тец] Сергей Четвериков переведен во Францию? Узнайте, пожалуйста, правда ли это и *как его адрес*. — У нас тут опять церковные заботы. Скандалов на этот раз никаких нет, но просто публика совсем перестала ходить в церковь и вносить взносы, так что касса пуста. Хороший священник, конечно, сумел бы подогреть прихожан, но наш никуда не годится и просто не понимает, как за дело взяться: думает помочь проповедями — а от проповедей-то публика как раз и бежит. Насилу уговорили его, по крайней мере, не говорить проповедей, чтобы не разогнать хотя бы тех немногих, кто еще ходит в церковь... Вероятно, придется закрыть приход. Виноват, конечно, Евлогий, который, несмотря на нашу не то что просьбу, а прямо мольбу о помощи, оставил у нас этого попа. Интересно, как в этом отношении обстоит дело в других приходах?...

Если я поеду в Гаагу на конгресс, встречу нескольких ученых из СССР. Желательно было бы всучить им хотя бы мою книжку. Поэтому очень прошу Вас выслать мне экземпляров 10 моей книжки. Вышлите поскорей (пускай новый заведующий распр[едельительным] аппаратом докажет свою расторопность⁸).

При сем прилагаю и письма для Веры Александровны⁹.

Обнимаю Вас. Пожалуйста, поскорей ответьте, что Вы думаете о моей поездке к Вам и постарайтесь на это раздобыть для меня деньги от Пенни¹⁰.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

28/III/1928

1 Первый международный конгресс лингвистов в Гааге состоялся 10–15 апреля 1928 г. в Лейдене, Нидерланды.

2 Сестра Н.С. Трубецкого Мария Сергеевна (1883–1934) была замужем за дипломатом графом Аполлинарием Константиновичем Бутеневым-Хрептовичем (1879–1946). В 1920 г. семья эмигрировала и проживала в Клармаре под Парижем.

3 Евразийской.

4 Евразийских.

5 Генри Н. Сполдинга.

6 Д.П. Святополк-Мирскому.

7 Василий Владимирович Бартольд (1869–1930) — один из ярких представителей петербургской школы востоковедения. Профессор Петербургского и Ленинградского университетов, с 1913 г. — академик; в основном занимался историей Средней Азии. Евразийцы высоко ценили Бартольда, и Савицкий написал некролог на его смерть (под псевдонимом П. Востоков): *Vostokov P. Une page de l'histoire de la conscience nationale russe (A la mémoire de V.V. Bartol'd) // Le Monde slave. Vol. 8 (1931). № VIII. P. 273–288.*

8 Речь идет о К.В. Родзевиче.

9 См. подробнее об отношении евразийцев к известному французскому лингвисту А. Мейе во «Введении» к настоящему изданию.

10 П.Н. Малевского-Малевича.

•

130 31 марта 1928 года

Дорогой Петр Петрович!

Не могу скрыть от Вас, что я несколько шокирован тем, что произошло с деньгами. На время отсутствия Пенни я взял на себя казначейские обязанности и, поскольку это зависело от меня, выполнял их аккуратно. Когда нужны были деньги Вам на поездку в Прагу, я их своевременно выписал. Когда в Праге выяснились еще разные необходимые траты, я тотчас же написал об этом Гол[ицы]ну, и, если вышла задержка, то не по моей, а по его вине. Наконец, когда от Вас и от П[етра]С[еменовича]А[рапова] поступили тревожные письма о том, что деньги кончились, я сейчас же написал и телеграфировал Пенни. Пенни, получив мое письмо (или телеграмму), сейчас же телеграфировал или написал Голдсмиту¹, который и перевел деньги, как только получил телеграмму Пенни. Однако вместо того, чтобы положиться на ме-

ня и ждать, Вы с П[етром]С[еменовичем]А[раповым] стали нервничать и написали от себя Голдсмиту, даже не сочтя нужным предупредить об этом меня и сообщив об этом мне только post factum. Поступок истерический и антиорганизационный, а главное, совершенно лишний: деньги были уже переведены (а раньше они и не могли быть переведены).

Далее, когда деньги оказались у Гол[ицы]на, Вы у него их перехватили. Этим вы поставили меня в самое дурацкое положение: я написал Гол[ицы]ну подробно кому сколько послать, а оказывается, Вы уже успели забрать у него все. Теперь Вы распоряжаетесь этими деньгами. Опять-таки без моего ведома и ставя меня в известность только post factum. Позвольте вас спросить, например, на каком основании вы дали П[етру]С[еменовичу]А[рапову] сто фунтов? Зная П[етра]С[еменовича]А[рапова], можно быть уверенным, что эти деньги будут профуфырены². Я собирался на этот раз поставить П[етра]С[еменовича]А[рапова] под контроль и, во-первых, потребовать у него отчета об израсходовании тех денег, которые ему были ассигнованы на поездку в Л³ еще до отъезда Пенни, во-вторых, на теперешнюю его поездку выдавать ему деньги не сразу, а по частям, причем каждую новую выдачу производить только по получении отчета об израсходовании предыдущей. Надо же наконец его подтянуть! Вместо этого Вы, не спросясь меня, совершенно *самочинно* выдали ему сразу 100 фунтов (он просил только 80!) — которых, очевидно, через неделю уже не будет.

Еще раз убеждаюсь, что у нас не организация, а бардак, и что я очень опрометчиво поступил, взяв на себя какие-то функции в этом бардаке: не имея каких-либо способов принуждения, ни возможности рассчитывать на хотя бы элементарную степень дисциплинированности других членов П[олит]Б[юро], я только ставлю себя в глупое положение.

Еще одно: Пенни написал мне письмо, в котором, между прочим, спрашивает, чем кончилась «склока в редакционной тройке по поводу „Хрон[ики]“ № IX», о которой ему писали и Вы, и П[етр]С[еменович]А[рапов]... Тоже мило!.. Значит, все, что происходит внутри тройки, сейчас же становится известным и П[етру]С[еменовичу]А[рапову], и Пенни! Жизнь при открытых дверях!.. Неужели Вы и это письмо будете всем показывать? Как Вы хотите, чтобы мы имели хоть какой-нибудь авторитет?

Очень Вами недоволен.
Обнимаю Вас, целую ручки Вере Александровне.
Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

31/III/1928

- 1 Генри Н. Сполдингу.
- 2 По свидетельству П.Н. Савицкого, П.С. Арапов вел распушенный образ жизни, что и «приводило его в самые невозможные обстоятельства».
- 3 В Югославию.

131 7 апреля 1928 года

Дорогой Петр Петрович!

Министерство наконец дало мне денег на дорогу. Дали 12 фунтов. Кроме того, беру с собой еще 3 фунта, из коих два хлебных¹. Полагаю, что этого должно хватить. Правда, Голландия — страна дорогая, но все-таки не настолько, и, кроме того, я в ней побуду всего 6 дней. Т[аким] о[бразом], если я почувствую недостаток в деньгах, то, во всяком случае, не раньше приезда в Кламар, а там у меня, кроме всего прочего, имеются и родственники. Поэтому никаких денег Вы мне не пересылайте, а, если надо будет, передадите при свидании.

Русских на конгресс, по-видимому, не пустили. Будет один Яковлев, тогда как, напр[имер], доклады Богораза² и Щербы³ будут читаны в их отсутствие.

Еду завтра. Буду в Кламаре в начале Святой. Обнимаю Вас.
Целую ручки Вере Александровне.
Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

1 Евразийских.

2 Владимир Георгиевич Богораз (Тан) (1865–1936) — писатель-народник, этнограф и лингвист, исследовал язык и культуру народов Сибири. О связях Богораза с Н.С. Трубецким см. биографию Трубецкого во «Введении» к настоящему изданию.

3 Лев Владимирович Щерба (1880–1944) — известный лингвист, ученик И.А. Бодуэна де Куртене, основатель Петербургской фонетической школы.

132 1 июня 1928 года

Дорогой Петр Петрович!

Мне очень стыдно. Я, действительно, уже месяц Вас не видел и за это время ничего Вам не написал. Но это не только Вам. Я вообще никому ничего не писал. У меня набрались вороха неотвеченных писем. Дело в том, что я все это время занимался наукой. Погрузился, весь ушел... Если бы Вы только знали, какое это наслаждение!..

О евразийстве за это время почти не думал. Книгу Голдсмита¹ просмотрел (Вера всю ее прочла). В общем изложение евразийства не плохо, даже совсем неожиданно, что так хорошо. Но зато полнейший кошмар — описание истории самого движения! Я так и не понимаю, что это: действительно ли он так верит, что мы уже так продвинулись и так сильны в М², или же это — тактика, чтобы подействовать на иностранного читателя? В обоих случаях это, по моему, — полное убожество. Эти страницы прямо ужасают своей наивностью. Всякий сколько-нибудь здравомыслящий человек, читая их, сразу поймет, что либо автор хочет его (читателя) околпачить, либо сам автор околпачен какими-то проходимцами...

• Всего неприятнее, если последнее предположение соответствует действительности, т[о] е[сть] если Пенни³ действительно внушал Голдсмиту преувеличенное представление о наших успехах и о темпе развития дела в М. Если это так, то ведь шила в мешке не утаишь, и рано или поздно произойдет для нас большой конфуз. А между тем, я уверен, что вполне можно было обойтись без этого... Впрочем, м[ожет] б[ыть], все это и не так: м[ожет] б[ыть], Голдсмит просто наивно полагал этими фантастическими перспективами воздействовать на каких-то богатых дураков. Но, даже если бы это ему удалось, надо помнить, что серьезно рассчитывать на чью-то помощь мы можем только при том условии, чтобы помогающий не делал себе никаких иллюзий на наш счет. Только при этих условиях мы сможем быть спокойны и гарантированы от всяких Арсеньевых, «открывающих глаза» обойденным нами меценатам...

Статью Уэльса⁴ читал. Интересно. Но, конечно, подход совершенно неправильный. «Открытое письмо», если писать, так пришлось бы написать очень длинным. Вопрос вообще сложный. Пытаться ли организовать что-то в интернациональном масшта-

бе? М[ожет] б[ыть], из этого что-нибудь и вышло бы. Но если начинать, так надо и вести. А хватит ли у нас на это сил? И кто именно будет это вести? Я заранее отказываюсь, — по тем же соображениям, о которых Вам уже говорил при свидании. А больше, как будто, некому... так стоит ли начинать?

Рклицкий в статье о Врангеле был приличен, но в следующем же №, в статье о «гносных насильниках, вот уже десять лет истязających нашу матушку Россию», превзошел самого себя по тупости, бездарности, пошлости и непониманию. Говорили ли Вы с Пенни об этом убожестве?

Как быть с курултаем? Пенни писал, что ему удобнее в июне. Мне все-таки приятнее было бы в июле. А где Сомов? Когда он вернется? И куда? Срок курултая зависит тогда и от этого.

Со здоровьем своим я по-прежнему вожусь. Воздерживаюсь от всего решительно. На следующей неделе уеду на пять-шесть дней в деревню на «полный покой» (т[о] е[сть] полную скуку). Кровопускание помогло ненадолго: через две недели после приезда сюда у меня уже опять было такое сильное давление, что доктор переполошился.

На будущее перспективы не особенно радужные. По-видимому, condition sine qua non является комбинация строгой диеты с «полным покоем» — вплоть до периодического «ухода из мира» без книг и без каких бы то ни было впечатлений: во всяком случае, каникулы и все свободные от занятий моменты проводить как можно скучнее; не только споров, но и сколько-нибудь интересных разговоров избегать... И все это — не на месяц или на два, а на весь остаток жизни, каковой без соблюдения всего этого «режима» окажется чрезвычайно кратковременным... Перспективочки, нечего сказать!..

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

1/VI/1928

1 То есть книгу Генри Н. Сполдинга, написанную на основе рассказов П.Н. Малевского-Малевича и П.С. Арапова. Книга вышла анонимно: Russia in Ressurrection: A Summary of the View and of the Aims of a New Party in Russia. By an English Europasian. London, 1928.

2 В России.

3 П.Н. Малевский-Малевиц.

4 О какой именно статье Герберта Уэллса идет речь, установить не удалось. В 1928 г. Уэллс опубликовал книгу «Открытый заговор», в которой осуждал революционные устремления.

5 П.С. Арапов.

133 4 июня 1928 года

Дорогой Петр Петрович!

Очень трудно что-либо Вам посоветовать. Все зависит от того, какой «листок» попал в руки Гривенникову¹, и что он считает «вульгарным контрконкурентизмом»². Наизусть не помню, но вероятно в некоторых из наших листовок были слова вроде «долой конкурентов»³, «иго конкурентов» и т[ак] д[алее]. Несомненно, тон некоторых из этих листовок ясно указывает, что мы не за конкурентов, а *против* (т[о] е[сть] «контр») них. Несомненно, к сожалению, и то, что листовки эти, как и всякие листовки вообще, убоги, т.е. «вульгарны», — таково уж свойство этого литературного жанра. Поэтому вполне возможно, что Гривенникову попался вполне подлинный документ. Но спрашивается, почему это его удивляет и на что, собственно, он рассчитывал? Ведь из того, что мы живем здесь, а не «там», уже явствует, что мы не за, а против них, и не только пассивно, но и активно против, т[о] е[сть] не только вырабатываем какие-то неихние и противоихние идеи, но и желаем эти идеи «там» пропагандировать — а ведь на их языке все это именно и называется контрконкурентизмом. Чего же он, собственно, ждал, разговаривая с Вами? С другой стороны, конечно, вполне понятно, что никакая сильная власть не может позволять у себя пропаганду, направленную против ее идейных основ. Поэтому и нам удивляться нечему. Мы и не удивляемся. Мы шли на то, что будем мандить. Шли потому, что считали этот мандеж для себя выгодным. Но почему он, Гривенников, вдруг, счел что мандеж для него невыгоден, — это непонятно. Вероятно, тут кроме листовки еще что-то есть. Достаточно ли ясно Вы с ним говорили? Не развивали ли Вы ему, напр[имер], тех мыслей, которые изложены в столь не понравившейся мне листовке (о том, что хлеб⁴ есть ис-

правленный марксизм и т[ак] д[алее])? Если да, то он действительно мог опешить от прочтения не только любой из наших прежних листовок, но и любой статьи из любого «Временника» или «Хроники». Но если при разговоре была достаточно подчеркнута идейная непримиримость хлеба и его противоположность марксизму — то ничего неожиданного для Гривенникова в факте контрконкурентской листовки быть не могло.

В каком духе Вы с ним разговаривали? Конечно, очень трудно и даже прямо невозможно подавать советы издали, тем более, что ведь Вам придется не говорить заранее приготовленную речь, а отвечать на какие-то вопросы. Тем не менее, я считаю, что надо с полной ясностью подтвердить, кто мы и что мы. «Заговоров и террористических актов мы никаких организовывать не собираемся. Подрывать экономическую мощь или вредить иностранной политике тоже не собираемся. Но мы всеми силами будем стараться, чтобы наши идеи проникали и доходили до тех, кто, по нашему мнению, может и должен их усвоить — и в этом смысле мы, конечно, ведем и будем вести какую-то нелегальную работу: это вполне естественно, иначе мы поступать не можем.

В чем наши идеи? Мы принимаем ваш строй и три четверти, м[ожет] б[ыть], даже больше, вашей политики. Но мы не принимаем вашей идеологии. Мало того, мы считаем, что с такой идеологией вы погибнете и погубите свое собственное дело. Все, что вы делали инстинктивно, по государственной интуиции — все правильно. Но все, что вы пытались делать сознательно, в угоду вашей идеологии — все это неправильно, все это гиблое дело, и это вас и губит. Вы не осознали самих себя, не поняли своего смысла и смысла того, что вы сделали и делаете. И вы не можете понять этого, пока не отрешитесь от своей идеологии. А вот мы это понимаем и свое понимание проповедуем. Мы вовсе не хотим непременно встать на ваше место, сменить вас. Всего лучше было бы, если бы вы сами оказались способны понять и воспринять наши идеи (ибо только заменив вашу идеологию нашей, вы сможете осуществить свое назначение, — назначение идеократического правящего отбора). Мы знаем, что большинству из вас это трудно, даже невозможно, но кое-кому возможно, особенно тем, кто помоложе. Вот мы к ним и обращаемся. А еще обращаемся и к тем работникам, ко-

торые, хотя участвуют в вашем строительстве, но ваших идей не разделяют и по той или иной причине в вашей партии не состоят. Вот из этих двух элементов — т[о] е[сть] из каких-то ваших молодых и из близко к вам стоящих, но к вам еще не вступивших сплотов — должен составиться тот будущий правящий слой, который мы себе представляем. Будет ли он свергать старый, теперешний слой насильственно или просто сменит его в порядке смены поколений — это нам все равно. Наше дело только открывать глаза, насаждать те идеи, которые мы нашли и которые считаем спасительными. Если вы это считаете вульгарным контрконкурентизмом — тем хуже для вас». — Вот приблизительно в каком роде, по-моему, надо разговаривать.

Если тот «листок», который попал Гривенникову в руки, есть «Р[усский]В[оенный]В[естник]» — то простое дезавуирование, конечно, помочь не может: контрразведка у них слишком хорошо поставлена, чтобы можно было от нее скрыть истинные финансовые источники той или иной газеты. Дезавуирование может привести к конфузу, ибо не исключена возможность, что в ответ на это он вынет и покажет Вам копию или фотографию расписки за подписью Русанова⁵ о получении такой-то суммы от Пенни⁶. Поэтому, мне кажется, надо сказать, что, наряду с основной задачей, у нас есть и другая — работа среди складовиков⁷, привлечение к нашему делу тех из них, кто способен принять грядущий строй. На первой стадии этой работы всего говорить, конечно, нельзя: надо применяться к психологии складовиков и к тому языку, к которому они привыкли. Вот для этой-то стадии и служит «Р[усский]В[оенный]В[естник]». Если же он скажет на это, что де у Вас значит два лица, и я де не могу знать, которое из двух настоящее, — то на это я бы ответил так: вы видите, что мы люди не глупые; так посудите сами, какое из этих двух наших «лиц» глупое и какое умное; ведь ясно, что умно только то лицо, которое я открываю вам, а то, которое показывается в «Р[усском]В[оенном]В[естнике]», явно глупое; следовательно, повернутое к вам лицо и есть наше настоящее, а то, которое в «Р[усском]В[оенном]В[естнике]», есть лишь маска, необходимая из тактических соображений; если бы было наоборот, то мы были бы такими же идиотами, как все прочие складовики, — а ведь вы видите, что на самом деле мы, во всяком случае, не идиоты. Вообще,

вульгарный контрконкурентизм есть гиблое дело и идиотство, и умный человек таким делом заниматься не станет.

Вот все, что я могу Вам посоветовать. Повторяю, ужасно трудно советовать издали, притом ничего, в сущности, не зная. Во всяком случае, желаю Вам «ни пуха, ни пера» — как говорят идущему на охоту.

Обнимаю Вас. Целую ручки Вере Александровне.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

4/VI/1928

1 Г.Л. Пятакову.

2 «Контрконкурентизм» — антибольшевизм.

3 То есть большевиков.

4 Евразийство.

5 Н.П. Рклицкого.

6 П.Н. Малевского-Малевича.

7 Эмигрантов.

134 29 июня 1928 года

Дорогой Петр Петрович!

Получил письма от П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] и от П[етра]С[еменовича]А[рапова]. Просят устроить съезд во Франции, в Evian, 15 июля.

Evian, так Evian — ничего против не имею (еще не в такие места ездили!).

Но против 15-го возражаю. У меня семья переезжает в Грац 3-го июля; я остаюсь в Вене по университетским делам до 10-го. 10-го у меня последний экзамен. Посудите сами: куда же мне деваться до 15-го? В Грац ехать — не стоит, в Вене сидеть — скучно! — Так вот нельзя ли съехаться в Evian'е не 15-го, а 11-го?

Сколько я понимаю, П[етр]С[еменович]А[рапов] и П[етр]Н[иколаевич]М[алевский]-М[алевич] сейчас у Вас. Переговорите с ними и ответьте мне. П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому] я уже написал. Отвечайте скорей.

Вера очень беспокоилась, что я опять наживу кондрашку, и уговаривала меня отложить съезд до сентября, надеясь, что за

лето я поправлюсь и сбавлю давление крови. Но я думаю, что сейчас нельзя больше откладывать съезда: надо как-то встряхнуться, а то, если продолжать долго современное состояние пребывания на мертвой точке, то, пожалуй, скоро все разложится, и будет уже поздно. Итак, съезд надо устроить именно теперь. Однако не-зачем его устраивать очень продолжительным: ни для дела, ни для моего здоровья от этого пользы не будет. А короткий съезд для дела вполне целесообразен, а здоровью моему вряд ли очень повредит.

Итак, — до скорого!

Обнимаю Вас.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

29/VI/1928

135 27 августа 1928 года

Дорогой Петр Петрович!

Получил первый № «Царского вестника»¹. Заключаю из этого, что Рклицкий от переезда в Париж и от участия в сигнале отказался. Поздравляю Вас (и нас). Все-таки, напишите подробности.

В «Возрождении» прочел рецензию Тимашева² на книгу Нольде³. По-видимому, книга (по-французски что-то вроде *l'ancien régime et la Revolution*) интересная и, насколько можно судить по рецензии, кое в чем как будто сказывается сближение с нами. Обратите внимание на это. Нольде — человек ценный. Книжку, во всяком случае, прочтите и пришлите прочесть и мне.

Арапову скажите, что я все жду от него формулировки, которую он обещал мне прислать.

Пишите, не забывайте.

Обнимаю Вас.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

27/VIII/1928

1 «Царский вестник» — монархическая газета, редактором которой в Белграде стал Н.П. Рклицкий, отклонивший предложение евразийцев о закрытии «Русского военного вестника» и переезде в Париж.

2 Николай Сергеевич Тимашев (1886–1970) — правовед, социолог, общественный деятель, профессор Политехнического института в Петрограде; в эмиграции проживал в Берлине, сотрудничал в Русском научном институте, с 1923 г. — в Праге, где стал профессором Русского юридического института; с 1927 г. проживал в Париже, преподавал во Франко-русском институте, был помощником редактора газеты «Возрождение» (1928–1936). В 1936 г. переехал в США, где преподавал в различных университетах.

3 Nolde B. L'ancien régime et la révolution russe. Paris: Librairie A. Colin, 1928. Борис Эммануилович Нольде (1876–1948), барон; специалист в области международного права, профессор Александровского лицея, Бестужевских курсов, Политехнического института. Кадет, член ЦК партии народной свободы, участник Февральской революции. В эмиграции с 1920 г., сотрудничал с группой П.Н. Милюкова. С середины 1920-х гг. занимался научной деятельностью. Автор классической работы «Формирование Российской империи» (на франц. языке). Неясно, почему Н.С. Трубецкой считал, что у Нольде есть общий подход с евразийцами.

136 1 сентября 1928 года

Дорогой Петр Петрович!

К сожалению, опять должен выражать Вам свое неудовольствие по делам издательства. Недели две тому назад Иванов¹ прислал мне переписанную на машинке набело рукопись Алексеева².

В препроводительном письме просил только сейчас же по исправлению прислать рукопись обратно. А вчера получаю от того же Иванова письмо, в котором он говорит, что остальные главы Алексеева уже набраны, и просит разрешить, если мои поправки не очень значительны, набрать и ту главу, которая у меня, с тем, чтобы поправки вносить уже в корректуру. Для меня было полной неожиданностью, что книга Алексеева уже печатается. Если бы Вы мне это сказали в Эвьяне, я бы не стал просить Вас отдать рукопись в переписку, а постарался бы проработать ее в рукописном виде. Ведь поправки, которые надо внести, *очень существенны* и ответственны. Как я Вам говорил, неудовлетворительна сама позитивная часть. По Алексееву выходит, что правящий слой должен составлять организацию, имеющую целью личное нравственное самосовершенство-

вание своих членов, причем гарантия благополучия государства именно и состоит в нравственном совершенстве правителей; в заключительных абзацах проповедуется китайское учение о государственном «неделании» и развиваются мысли, под которыми мог бы подписаться если не Керенский, то по крайней мере князь Львов¹, а м[ожет] б[ыть], и Лев Толстой. Словом, тут масса такого, что никак оставить нельзя. А вместе с тем, в общем плане изложения все это занимает настолько центральное и существенно-важное место, что просто вычеркнуть все это или изменить отдельные выражения совершенно невозможно. Нужно что-то поставить взамен этого, нужно основательно переработать соответственные места. И т[ак] к[ак] изменения эти касаются самого существа, то, конечно, это не может быть сделано просто в порядке редакционном, а должно делаться путем переговоров или переписки с автором.

Все это должно занять *порядочно времени*. А между тем — часть рукописи уже набрана, и мы опять вынуждены работать под каким-то дамокловым мечом типографии! Когда же наконец наш книгоиздательский аппарат усвоит такие простые истины, как, например, что рукописи ответственных и принципиально важных сочинений сдаются в набор не до, а после редакционного просмотра?..

Очень прошу Вас сказать Иванову, чтобы он отнюдь не отдавал в набор второй копии той части книги Алексева, которая находится у меня.

Другое мое неудовольствие касается последней фразы Вашего письма из Берлина — о том, что у Вас слишком мало денег, чтобы подождать лишний день приезда П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого]. Зная Во-первых, зная П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого], можно с уверенностью сказать, что он на это очень обидится, и будет совершенно прав, т[ак] к[ак] деньги, конечно, только отговорка, а на самом деле было просто нежелание встречи. А во-вторых и по существу, совершенно необходимо было Вам дожидаться П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] и поговорить с ним об инциденте с Рклицким: такой непосредственный разговор под свежим впечатлением этого инцидента мог бы принести самые благоприятные результаты и создать наилучшую почву для дальнейшей Вашей

с П[етром]Н[иколаевичем]С[авицким] совместной работы. Очень жалко, что Вы не преодолели своего чувства скуки...

Инцидент с Рклицким, конечно, поучителен. «Опасности» я, впрочем, никакой не вижу: уж слишком явно глупо. Кто помней, уже отшатнулись от Рклицкого — в частности, Стороженко, который некультурен, но все же не глуп. Харадаваев⁴ написал мне письмо, в котором между прочим тоже выражает возмущение по поводу Рклицкого и ~~говоря~~ ^{говоря}, главное, недоумевает, как может «мыслящий» человек на одиннадцатом году революции вдруг сменить веги именно в этом направлении. Письмо Рклицкого к П[етру] Н[иколаевичу]М[алевскому-]М[алевичу] (копию которого прислал мне Иванов по поручению ПСА) ясно доказывает, что Рклицкий — «гомерический болван». О том же, впрочем, свидетельствовали и все его статьи в «покойном» «Р[усском] В[оенном] В[естнике]», особенно за последнее время. Что касается до П[етра]Н[иколаевича]М[алевского-]М[алевича] и П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого], то, разумеется, из Ваших двух предположений (либо сами сочувствуют, либо — слепы) первое неверно, а скорее верно второе. Говорю «скорее», потому что, по-моему, здесь была не столько слепота, сколько нежелание признаться самому себе в совершенной ошибке и оттолкнуть «готового к услугам» и заискивающего человека. Замалчивать и замазывать этого инцидента, конечно, нельзя и не нужно. Но я все-таки не понимаю, чего Вы, собственно, от меня хотите: кому именно я должен написать циркулярное письмо, и о чем именно? Я запросил П[етра]Н[иколаевича]М[алевского-]М[алевича] и жду от него ответа с изложением его взгляда на происшедшее. Думаю, что в зависимости от этого ответа следует поставить мои дальнейшие шаги по этому предмету — иначе можно попасть в положение человека, взламывающего открытые двери. Я, напр[имер], не думаю, чтобы П[етр]Н[иколаевич]М[алевский-]М[алевич] ответил согласием на предложение о рассылке «Ц[арского]В[естника]» по группам. Вообще думаю, что он всей этой историей изведен более всех нас, ибо она его более других компрометирует и, кроме того, имеет и денежную сторону.

«Пресечение зла в корне» могло бы состоять только в коллективном манифесте о несовместимости хлеба⁵ с монархизмом. Я попробую предложить это П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому], но мало верю в его согласие. А между тем, если бы Вы повидались с ним в Берлине и вплотную поговорили, то возможно, что он пошел бы и на такое коллективное заявление...

Ваш новый (берлинский) знакомый почему-то кажется мне денисовцем⁶. Если начальство Денисова не глупо, оно должно теперь попробовать ловить нас на штатских, убедившись, что на военных мы больше не клюем. Но все-таки это интересно.

Обнимаю Вас.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

1/IX/1928

1 Возможно, речь идет об участии евразийского движения поэте Владиславе Дмитриевиче Иванове (ок. 1901–?), племяннике сенатора С.В. Завадского.

2 Речь идет о книге: *Алексеев Н.Н. Собственность и социализм: Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства*. Париж, 1928.

3 Александр Федорович Керенский (1881–1970) — эсер, с марта 1917 г. — министр Временного правительства, с июля 1917 г. — его председатель. Георгий Евгеньевич Львов (1862–1925), князь; во время Первой мировой войны возглавил Всероссийский земский союз, а затем стал одним из двух председателей Земгора (объединившего Земский союз и Союз городов); в 1917 г. — первый председатель Временного правительства. Для Н.С. Трубецкого оба этих деятеля символизировали безвластие.

4 Харадаваев — Эренжен Хара-Даван (1883–1942) — доктор, медик, калмык по национальности, эвакуировался с калмыцкими частями врангелевской армии. С 1927 г. состоял в переписке с евразийцами (прежде всего с Н.С. Трубецким и П.Н. Савицким). Написал несколько евразийских работ по истории монголов, в целом эклектичных и не отличавшихся оригинальностью. Проживал с семьей в Югославии.

5 Евразийства.

6 То есть агентом ОГПУ (по аналогии с псевдонимом А.А. Лангового — Денисов).

137 11 сентября 1928 года

Дорогой Петр Петрович!

Прилагаю при сем копию моего письма к П[етру] Н[иколаевичу] М[алевскому-]М[алевичу] для Вас и для П[етра] С[еменовича] А[рапова]; таковую же послал и П[етру] Н[иколаевичу] С[авицкому]. При этом П[етр] Н[иколаевич] М[алевский-]М[алевич] извещен, что копии разосланы всем членам П[олит]Б[юро].

Прошу Вас и П[етра] С[еменовича] А[рапова] по возможности срочно ответить мне по существу прилагаемого письма и предлагаемых в нем мероприятий.

Мирскому¹ взмыльте голову. Эпизод с ним поучителен в том смысле, что при нем нужно впредь быть весьма осторожным на словах². Он бестактен и органически анархичен, а потому, несмотря на свой ум, никак не годится в деятели.

Рукопись Н[иколая] Н[иколаевича] А[лексеева] и поправки к ней скоро пришлю.

Обнимаю Вас.

Ваш Н[иколай] Т[рубецкой].

11/IX/1928

1 Д.П. Святополк-Мирскому.

2 Возможно, речь идет о том, что Д.П. Святополк-Мирский, будучи в США, неодобрительно отзывался о П.Н. Малевском-Малевиче в разговорах с местными активистами евразийства, что стало известно самому Малевичу. Святополк-Мирский писал об этом инциденте П.П. Сувчинскому 31 августа 1928 г. См.: The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–31 / Ed. by G.S. Smith. Birmingham: Univ. of Birmingham, 1995. P. 110.

138 22 октября 1928 года

Дорогой Петр Петрович!

Я так долго не отвечал Вам на Ваше письмо, т[ак] к[ак] П[етр] Н[иколаевич] С[авицкий] собирался ко мне приехать, и я хотел перед тем, чтобы Вам писать, переговорить с ним.

П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] долго возился с визой и был у меня только 19-го. Разговоры с ним подтвердили некоторые мои предположения и убедили меня прежде всего в том, что атмосфера, ныне царящая, чрезвычайно мало благоприятна для начала газеты. Как я и предполагал, шероховатости, обнаружившиеся при встрече, и опыт совместной работы пражан с парижанами (инцидент с Дунаевым, «серость» Чхеидзе¹, белогвардейство Романицкого) коренятся не столько в типологическом различии людей, сколько в идеологических расхождениях². При этом, судя по письмам, которые читал мне П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] и которые он, вероятно, прочтет или изложит и Вам, пражане пугаются тех самых марксистских уклонов, о которых мы с Вами, Петр Петрович, уже так много говорили и которые Вы троекратно (прошлой зимой в Праге, прошлой весной в Париже и летом в Эвьяне) обещались искоренить. Происходит ли тут какое-то недоразумение, или Ваша группа идеологически отбилась от рук и порет отсебятину, не слушаясь Вас, — во всяком случае, Чхеидзе и Дунаев не узнают в разговорах некоторых парижских евразийцев того евразийства, которое они знают по нашим писаниям³. Вы пишете, что Чхеидзе производит серое и малокультурное впечатление. Полагаю, что в значительной мере такое впечатление объясняется тем, что он смущен разговорами, которые ему приходится слышать, и не знает, как ему на все это реагировать. Во всяком случае, я с ним несколько раз разговаривал, и разговаривал долго, и совершенно не вынес впечатления такой уж потрясающей бескультурности, которая могла бы мешать работе. Письма его к П[етру]Н[иколаевичу] С[авицкому] тоже свидетельствуют о том, что культурный уровень его вполне достаточен для того, чтобы разбираться в слышанном. Таким образом, здесь есть действительно идеологическое, а не тактическое или типологическое расхождение. Замазывать его невозможно. При таких ~~случаях~~ условиях, во всяком случае, ясно, что газеты начинать невозможно. Начать можно только в том случае, если удастся создать редакцию вполне однородную, спевшуюся, в которой никто бы друг друга не презирал ни за бескультурность, ни за беспринципность, и никто бы друг друга не заподозривал ни в тайном сменевеховстве, ни в тайном белогвардействе. Пребывание П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] и следует использовать для дости-

жения такой унификации. Что касается до самого характера предполагаемой газеты, то полагаю, что с принятием нового названия («Евразиец»)⁴ все то, что о характере этой газеты говорилось нами раньше, должно быть пересмотрено. Если газета носит такое название, она оказывается сугубо официальной и, следовательно, в идеологическом смысле не может заключать в себе никакой отсебятины, а элемент «эзотеризма» в ней должен быть доведен до минимума. Если, наоборот, мы желаем придать ей характер сугубо эзотерический, то, конечно, нужно другое название. Далее, при эзотерическом характере газеты никто из «основоположников», разумеется, официально в состав редакции входить не может. Вообще, во избежание недоразумений я считаю необходимым еще раз точно формулировать, как я понимаю эзотерическую пропаганду того типа, о котором здесь идет речь. Я допускаю целесообразность того, чтобы кто-то проповедывал наши идеи эзоповым языком, пользуясь марксистской терминологией и притворяясь марксистом. Но это допустимо только при соблюдении следующих условий: 1) — чтобы те, кто этим занимается, ясно сознавали, что все это делается только из тактических соображений, и что, на самом деле, евразийство с марксизмом ничего общего не имеет и иметь не желает; 2) — чтобы те, кто этим занимается, будучи тайными хлебниками⁵ и поддерживая с нами теснейшую связь, в своей эзотерической пропаганде себя хлебниками не называли; 3) — чтобы те из основоположников или уже литературно известных хлебников, которые ~~своими писаниями~~ примут письменное участие в этой эзотерической пропаганде, писали под псевдонимами. Без соблюдения этих трех условий эзотерическая пропаганда названного типа сделает невозможной какую бы то ни было эзотерическую работу, т[о]е[сть] работу по разработке и углублению хлебной системы как таковой (а ведь эта работа, конечно, самая главная!). Нельзя строить религиозное мировоззрение, когда рядом какие-то агенты хлеба⁶ искренне верят, что хлеб есть новая редакция материализма, и когда ярлык хлеба уже официально наклеен на какой-то неомарксизм. Невозможно, чтобы один и тот же человек за полной своей подписью в одном журнале восхвалял Маркса и Ленина, а в другом их опровергал и поносил. Все это я пишу во избежание каких-либо недоразумений и прошу выяснить оп-

ределенно, чем будет предполагаемый орган — хлебным официозом или марксоидально-экзотерическим тайнохлебным пропагандным листком. Подчеркиваю «или», ибо соединение того и другого почитаю чудовищным. На всякий случай еще раз повторяю, что в органе, в котором хлеб как таковой, названный en toute lettre⁷, будет представляться как разновидность или продолжение или усовершенствование марксизма, я никогда участвовать не буду. Я — антимарксист и антиматериалист, и ~~хлеб~~ мой хлеб ~~никогда~~ ни на какие идеологические компромиссы с марксизмом и материализмом никогда не пойдет.

Надеюсь, что в течение ближайшего месяца, в связи с пребыванием П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] у Вас, удастся выпрямить линию и достигнуть унификации хлеба⁸. Надеюсь, что так; однако, далеко не уверен в этом. Возможно, что как раз наоборот, в связи с пребыванием П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] выяснится невозможность реальной унификации. В таком случае, я считаю, что вместо замазывания щелей и устройства всяких искусственных скреп гораздо целесообразнее разделиться на две дружественные, но совершенно друг от друга независимые организации, носящие разные названия. Конечно, *стремиться* к такому разделению нечего, ибо это все-таки будет болезненной операцией. Надо сделать все возможное, чтобы достигнуть единства, но именно *достигнуть* его, а не сохранить современное положение фактического разъединения при лишь наружном, словесном единстве. Но если этого достигнуть невозможно, то не нужно и бояться разделения. В этом случае разделение явится хотя и болезненной и, м[ожет] б[ыть], даже опасной операцией, но все-таки единственным средством для предотвращения неминуемой гангрены и разложения. Ведь лучше, чтобы разделение было произведено в порядке полюбовного соглашения и размежевания, чем в порядке раскола и междоусобной брани; лучше, чтобы оно было произведено сверху, чем снизу. Конечно, о подробностях, о «технике» и о самых принципах разделения пока еще преждевременно говорить, но учитывать эту возможность, по-моему, все же следует. Я говорил об этом с П[етром]Н[иколаевичем]С[авицким], теперь говорю Вам. Пусть это пока останется между нами тремя. Копию этого письма посылаю П[етру]Н[иколаевичу]С[авицкому].

Статью для первого номера газеты мне трудно писать, не зная, какова будет эта газета, и будет ли она вообще. Тем не менее, я над этим думаю, кое-что придумал и в ближайшее время, вероятно, статью напишу, но пошлю ее не раньше, чем картина выяснится⁹.

Дальше — без копии. Искренне вхожу в Ваше положение, дорогой Петр Петрович, и очень жалею Вас, как за то, о чем Вы пишете в первой («сугубо личной») части Вашего последнего письма, так и за то, что Вам теперь придется выдержать тяжелую работу по унификации. Но надо наконец этот вопрос так или иначе *окончательно* разрешить. Иначе «низы» решат его за нас и мы окажемся у них в поводу. Да поможет вам обоим Бог найти правильный выход. Постарайтесь найти окончательный *modus vivendi*, либо — честное единство, либо — честное разделение. От этих взаимных жалоб друг на друга меня совсем тошнит. Надо наконец ~~в последний раз~~ что-то сделать, чтобы все это было в последний раз.

Сердечно Вас обнимаю. Господи благослови!
Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

22/X/1928

¹ Константин Александрович Чхеидзе (1897–1974) — уроженец Моздока, выпускник Полтавского кадетского корпуса и Тверского кавалерийского училища; участник Гражданской войны, был личным адъютантом командира Кабардинского конного полка (Дикой дивизии) князя В.А. Бековича-Черкасского. Находясь в эмиграции в Праге, учился на Русском юридическом факультете, затем преподавал в Русском народном университете. В евразийстве с середины 1920-х гг., ученик и преданный союзник П.Н. Савицкого. По окончании Второй мировой войны арестован Смершем, провел десять лет в лагерях, затем вернулся в Прагу. Покончил жизнь самоубийством. Был известен как литератор, автор произведений по мотивам кавказского фольклора; оставил воспоминания.

2 Осенью 1928 г. П.Н. Савицкий откомандировал в Париж группу пражских евразийцев (П.И. Дунаева, К.А. Чхеидзе и А.Г. Романицкого) для участия в подготовке и издании газеты «Евразия». Это было сделано в связи с тем, что Н.С. Трубецкой и П.Н. Савицкий опасались промарксистских наклонностей П.П. Сувчинского и его группы. Официально редакторами-издателями «Евразии» числились С.Я. Эфрон, К.Б. Родзевич (оба — члены парижской группы и оба просоветски настроены) и К.А. Чхеидзе («пражанин», консервативный евразиец). В процессе работы над газетой выяснились многочисленные противоречия между «пражанами» и «парижанами», в связи с чем Сувчинский начал жаловаться Трубецкому и Савицкому на алкоголизм Дунаева, серость Чхеидзе и «белогвардейские наклонности» Романицкого. Чхеидзе в своих отчетах Савицкому, в свою очередь, писал о том, как он был шокирован прокоммунистическими взглядами Родзевича и Эфрона, а также тем, какой роскошный образ жизни вел Сувчинский на евразийские средства. См.: К.А. Чхеидзе — П.Н. Савицкому, 6 сентября 1928 г. // ГАРФ. Ф. Р-5783. Оп. 2. Д. 449. Л. 152; а также отчет П.И. Дунаева о работе в Париже: Там же. Л. 49. Подробнее об этом см. часть I настоящей книги.

3 Так, К.А. Чхеидзе писал П.Н. Савицкому, что С.Я. Эфрон и К.Б. Родзевич говорили ему: «Представьте, что мы находимся в Москве, занимаем в отношении ВКП оппозиционную позицию и ставим своей задачей образование легальной оппозиции в политических кругах...» (Там же. Л. 153). Приводимые здесь примеры разногласий свидетельствовали о начале конца единого евразийского движения, которое держалось лишь усилиями основателей и их желанием избежать развязки.

4 П.Н. Малевский-Малевиц сообщал Н.С. Трубецкому, что было решено издавать еженедельник «Евразиец», посвященный культуре и политике, под редакцией С.Я. Эфрона, К.Б. Родзевича и К.А. Чхеидзе. См.: П.Н. Малевский-Малевиц — Н.С. Трубецкому, 30 сентября 1928 г. // Там же. Д. 363. Л. 240–245.

5 Евразийцами.

6 Евразийства.

7 Полностью, открыто (*фр.*).

8 Речь идет о попытках добиться единой позиции участников евразийского движения, прежде всего в отношении марксизма и коммунизма, а также сохранить единство движения.

9 В первом и втором выпусках газеты «Евразия» вышла статья Н.С. Трубецкого «Идеократия и пролетариат» (Евразия. 1928. Вып. 1. С. 1–2; Вып. 2. С. 1–2).

139 Октябрь 1928 года¹

Дорогой Петр Петрович!

И рад бы Вам помочь статьями, да не могу. Совсем не умею писать коротко. Вы мне скажите точно — сколько строк (или знаков), и о чем, и в каком тоне. Попробую, м[ожет] б[ыть], что-нибудь и выйдет. Но вряд ли. Ведь я и раньше говорил: для газеты я писать не умею².

Прилагаю при сем статью — не статью, а так, нечто³. Для газеты она велика, да и по существу я не стал бы публиковать такой статьи, ибо слишком мало знаком с литературой предмета, а халтурить не желаю. Но как мысль и конструкция это может пригодиться, — особенно для «унификации»⁴. Прочтите и обсудите это вместе с П[етром]Н[иколаевичем]С[авицким] и с кем пожелаете. М[ожет] б[ыть], кто-нибудь сумеет из этого сделать и статью для газеты. Я на авторстве не настаиваю. Только если будет моя подпись, то прошу поставить меня в известность об изменении текста.

Я в тяжелом настроении. Венское одиночество меня все более и более угнетает. Очевидно, больше известного срока человек одиночества не выдерживает. Я остро тоскую и не могу работать. На фоне этой безотрадной серой скуки всякая мелочь повышенно раздражает и отвлекает внимание. Я увяз в липкой мрази местной беженской грызни, которая, за неимением другого подходящего места, ведется вокруг Церкви под предлогом спора евлогиян с антониевцами⁵. Чувствую себя мухой, попавшей на лист бумаги с клеем. Хочу отлепиться, отклеиться, но не могу. Клей противный, липкий, крепкий... Называется «смерть мухам»... Действительно, смерть!.. Я тут погибну, долго не выдержу. Здоровье тоже неважно.

М[ожет] б[ыть], когда-нибудь станет лучше. Но пока большой помощи от меня не ждите. Повторяю, я парализован безысходной тоской, связанной с моим одиночным заключением. Прежде я как-то преодолевал это, а теперь больше не могу...

Ну вот. Теперь о «деле», точнее, о деньгах. В Прагу скоро приезжают два формалиста⁶. Считаю необходимым их повидать, во-первых — чтобы проветриться, во-вторых, чтобы не терять, а по возможности еще и упрочить связь с этим направлением, которое

нам может пригодиться. Нельзя ли мне получить денег на поездку? Если П[етр]Н[иколаевич]М[алевский]-М[алевич] у Вас, просите его выслать мне фунтов 10, записав их либо в разъездные, либо «на представительство». Если его нет у Вас, то *срочно* известите меня, где его можно письменно достать.

По вопросам, затронутым в Вашем последнем (личном) письме, напишу особо.

Обнимаю Вас,

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

1 Датируется по содержанию.

2 П.П. Сувчинский обратился к Н.С. Трубецкому с просьбой написать статью для первого номера газеты, впоследствии названной «Евразия». Первый номер вышел в ноябре 1928 г.

3 Скорее всего, речь идет о статье Н.С. Трубецкого «Идеократия и пролетариат» (см. выше).

4 То есть для восстановления единства евразийского движения, оказавшегося под угрозой в связи с тем, что разногласия между П.Н. Са-вицким и П.П. Сувчинским достигли пика осенью 1928 г., в период подготовки издания газеты.

5 Речь идет о конфликте сторонников митрополита Евлогия (Георгиевского), который перешел под юрисдикцию константинопольского патриарха, и последователей митрополита Антония (Храповицкого), возглавлявшего «карловацкий» (по месту резиденции) Синод Русской зарубежной церкви (см. также примеч. 11 к письму Н.С. Трубецкого П.П. Сувчинскому от 26 февраля 1922 г. (№ 2)).

6 27 октября 1928 г. Р.О. Якобсон пригласил Н.С. Трубецкого принять участие в неформальном съезде в Праге, куда приехали Ю.Н. Тынянов и Г.О. Винокур. По свидетельству Якобсона, Винокур уехал из Праги до приезда туда Н.С. Трубецкого. См.: N.S. Trubetzkoy's Letters and Notes / Prepared for publication by R. Jakobson, with the assistance of H. Baran, O. Ronen and M. Taylor. The Hague, Paris: Mouton, 1975. P. 118.

140 2 ноября 1928 года

Дорогой Петр Петрович!

Раз продолжение издания газеты было решено вами тремя¹, то, разумеется, я не могу возражать: решения у нас принимаются большинством голосов. Я только вторично подчеркиваю, что

в ближайших номерах (до курултая или свидания тройки) не должно быть никаких статей, могущих произвести на свежего читателя впечатление апологии марксизма. Если таковые статьи все-таки будут, я оставляю за собой право еще до созыва курултая печатно отмежеваться от газеты. Подумайте о том, что если даже я Вас, как Вы полагаете, «не понимаю», то тем более не может понять Вас незнакомый с Вами непредвзятый «свежий» читатель. Газетные статьи должны писаться так, чтобы читатель мог понять мысль автора, не дожидаясь следующего номера и не наводя справок о личности автора или о его прежних писаниях.

Утверждение, что «евразийство не есть сложившаяся система», для меня равносильно признанию, что вся моя работа до сих пор была толчением воды в ступе.

Обнимаю Вас.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

2/XI/1928

1 То есть П.П. Сувчинским, П.С. Араповым и П.Н. Савицким.

141 11 ноября 1928 года

Дорогой Петр Петрович!

Все Ваши поправки к своей статье я принимаю. Печатайте! —

Я написал П[етру]Н[иколаевичу]М[алевскому-]М[алевичу], прося его прислать мне 10 фунтов, написал уже давно, но ответа не получил. Очень волнуясь, ибо один из м[осков]ских гостей уже приехал в Прагу, другой приезжает на днях, а у меня нет денег, чтобы туда ехать¹. Боюсь, что я написал П[етру]Н[иколаевичу] М[алевскому-]М[алевичу] по неверному адресу (у него их столько, что я никогда не знаю, по которому же писать): я писал 56 Warwick Rd., м[ожет] б[ыть], его там нет? Умоляю Вас, телеграфируйте ему (по верному адресу), чтобы он поскорее выслал мне 10 фунтов.

Обнимаю Вас.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

1 Речь идет о планировавшейся встрече с Б.М. Эйхенбаумом и Г.О. Винокуром.

142 26–27 ноября 1928 года

личное

Дорогой Петр Петрович!

Я уже писал Вам, что газету можно издавать только в том случае, если удастся достигнуть действительной и искренней унификации е[вразий]ства. На этой точке зрения я продолжаю стоять и сейчас. А т[ак] к[ак], судя по всем письмам, полученным мной за последнее время, теперь уже достаточно выяснилось, что действительная и искренняя унификация недостижима, то я считаю, что *газеты издавать нельзя*. Нельзя говорить от имени е[вразий]ства «tout court»¹, когда фактически такового больше нет, а есть два (а м[ожет] б[ыть], даже и три, и больше) течения, претендующие на это имя, но друг с другом несовместимые. При таких условиях издание газеты повлечет за собой неминуемо ее дезавуацию, т.к. рано или поздно представители отдельных течений, ныне еще по инерции объединяющихся под общим именем е[вразий]ства, вынуждены будут официально и публично заявить о том, что просят их не смешивать с редакцией газеты, присвоившей себе имя «Е[вра]зия». Это будет гораздо больший скандал, чем простой невыход первого номера газеты «по независящим обстоятельствам». Не об издании газеты нам теперь надо думать, а о том, как в наименее болезненной форме организационно оформить и зафиксировать то разъединение, которое фактически существует в настоящее время и которое делает какую бы то ни было работу как того, так и другого течения е[вразий]ства совершенно невозможной. Для того, чтобы обе стороны получили возможность плодотворно работать и развиваться, им необходимо организационно освободиться друг от друга, т[о] е[сть] прежде всего перестать носить одно общее имя и окончательно снять с себя всякую ответственность за слова и деятельность другой стороны. Надо наконец иметь смелость взглянуть правде в глаза. Валить все на манию преследования, манию величия и проч. — это только затушевывание действительности. В действительности

существует идеологическое расхождение. Пора наконец это признать и сделать из этого практические выводы. Пока эти выводы сделаны не будут, *никакой газеты издавать нельзя*.

Перехожу к Вашей злополучной статье («Революция и Власть»)⁴. Если читать ее с точки зрения непредубежденного читателя, ничего не знающего ни о Ваших прежних писаниях, ни о е[вразий]стве вообще (а именно такого читателя мы и должны всегда иметь в виду в газетных статьях), то иного впечатления, как апологии коммунизма и марксизма⁵, получиться не может. Вы констатируете, что только в коммунизме проблема революции и власти нашла удовлетворительное разрешение, констатируете, что эта проблема в русской жизни была центральной и что благодаря ее удачному разрешению коммунизм и является органическим и основным фактором новой России. На этом Вы ставите точку. Имеет ли коммунизм и марксизм кроме этой «положительной» стороны еще и какие-нибудь другие, отрицательные стороны, — об этом Вы ничего не говорите, и ни по тону, ни по содержанию Вашей статьи помянутый непредубежденный «свежий» читатель не способен догадаться, что вы не сторонник, а противник марксизма и коммунизма. Вы ничего марксизму не противопоставляете. Слова «независимо от перехода к новой миросозерцательной системе» в предпоследней фразе как будто заключают в себе какой-то намек, но намек настолько робкий и неясный, что он остается незаметным, тем более, что синтаксически эти слова оказываются, так сказать, не под ударением. К тому же, раз даже при переходе к новой миросозерцательной системе «формула Ленина» должна остаться в силе, значит ясно, что та новая миросозерцательная система, которую автор имеет в виду, незначительно отличается от системы Ленина — непредубежденный читатель только так понять эти слова и может. Поставьте себя на место «тамошнего читателя». Если он не коммунист, то на каждом шагу самым болезненным образом ощущает все зло и несостоятельность марксистской системы — ощущает это зло и несостоятельность прямо физически в виде голода и морально в виде постоянного тормоза в практической работе (если он спец-практик) и в виде реакционного пресса в теоретической работе (если он спец-теоретик). Что он вынесет из Вашей статьи? Впечатление апологии, больше ничего.

Вы скажете, что это — недоразумение, что Вы совсем не то хотели сказать, что, м[ожет] б[ыть], неудачно выразились, наконец, что для предотвращения недоразумений Вы согласны вставить одну-две фразы, не оставляющие сомнения в Вашем отрицательном отношении к сущности марксизма. Однако этим вопрос не разрешается. Факт тот, что почему-то подобные недоразумения случаются только с Вами, а никогда ни со мной или с П[етром] Н[иколаевичем] С[авицким]. И это, конечно, не случайно. Выражение «марксизмоцентризм», которое применяет к Вам П[етр] Н[иколаевич] С[авицкий], не есть простой плод мании преследования, а имеет за собой некоторые реальные основания в Вашей теперешней психологии. С некоторого времени Вы, дорогой Петр Петрович, действительно одержимы каким-то навязчивым комплексом, который можно назвать «марксизмоцентрическим». Вы как бы загипнотизированы значительностью марксизма, и внимание Ваше настолько этим занято, что в конце концов проблема противопоставления марксизму иной системы для Вас совершенно отошла на задний план. Величие марксизма занимает Ваше воображение гораздо больше, чем мысль о том, что должно быть противопоставлено марксизму, что должно прийти ему на смену. Исторически это состояние духа произошло у Вас, конечно, потому что Вам пришлось упорно отталкиваться от окружающей эмигрантщины. Но, как ни как, марксизмоцентрический комплекс у вас образовался и играет в Вашем сознании выдающуюся роль. Вот Вы сучок из глаза брата вытаскиваете и анализируете психологию П[етра] Н[иколаевича] С[авицкого], а бревно в своем глазу не замечаете. Я с Вами о марксизме говорил много и писал, и Вы мне писали¹. Впечатление у меня создалось определенного психического комплекса. Его можно на некоторое время размассировать, он исчезает, но потом всплывает вновь. Я Вам много раз повторял, что все эти мысли неплодотворны. Если бы Вы отчетливо представляли себе какие-то положительные решения, то стоило бы огород городить. Но на самом деле этого нет. Марксизм Вас гипнотизирует, притягивает, но в то же время Вы не марксист и стать таковым не хотите. Чего Вы хотите, Вы, собственно, и сами не знаете. Что-то чувствуете, но не знаете, и в словах выразить не можете. Когда пытаетесь выразить словами, то дальше совершенно неопреде-

ленных и туманных выражений не идете. Отчетливость появляется у Вас только тогда, когда Вы начинаете говорить о заслугах марксизма, о силе марксизма. Эта тема для Вас заслонила все прочее, в том числе и главную, основную тему: тему о том, что же надо поставить на место марксизма и какова будет та система, в которой положительные элементы марксизма соединятся с чем-то иным, не марксистским. Поэтому всякое Ваше рассуждение о марксизме практически сводится к его апологии: вторую часть, то есть вскрытие отрицательных сторон марксизма и противопоставление ему какой-то положительной новой системы Вы всегда забываете написать или сказать; забываете. Конечно, неслучайно, а потому, что эта часть у Вас вне поля сознания, Вы ей гораздо менее интересуетесь, чем первой. Что такое умонастроение не может не отразиться определенным образом и на Вашем ближайшем окружении, — это само собой очевидно. В конце концов, ~~это есть плод среды, в которой~~ люди подбираются по соответствующим признакам и, действуя друг на друга как резонаторы, взаимно друг в друге усиливают одни и те же определенные обертона. Не буду говорить о том, что это путь скользкий. Во всяком случае, идя этим путем, никуда прийти нельзя, ибо затемнено самое сознание цели пути.

Возвращаясь к Вашей статье, замечу, что формальный подход к марксизму (-коммунизму) имеется и у меня в моей схеме идеократии, но там ~~этот~~ формальность подхода ясно подчеркнута, и ~~не остается никаких сомнений~~ в ясно также, почему коммунизм неудовлетворителен и где искать выхода. Не желая связывать себя никакими нашими прежними конструкциями, Вы решили подойти к вопросу совсем по-новому. Это обязывало Вас к более подробному раскрытию основных понятий, с которыми вы оперируете. В конце концов, у Вас ни понятие «революции», ни понятие «власти» не определены. Революцию Карсавин определил как смену правящего слоя, и я использовал это определение для своей конструкции идеократии. Правда, с Вашей точки зрения перманентной импровизации евразийских положений вне связи с ранее высказанными положениями, с этим определением ~~Карсавиным~~ революции считаться нечего. Но какое бы иное определение понятия революции Вы не дали, сопряжение революции с системой власти не может быть мыслимо как длительное и стабильное

состояние, а лишь как переходный момент. То, что под словом «революция» разумеете Вы (~~«индивидуаль»~~ («имманентная потребность человека индивидуально и непосредственно рваться к тому, что он считает правдой»)) на самом деле вовсе не есть революция, а искание правды. Если же в Вашу формулу вместо «революции» вставите это «искание правды», то получается Алексеевское «государство правды», государство, ставящее себе положительные моральные задачи, иными словами — моя идеократия. Т[аким] о[бразом], при внимательной логической разработке Вашей формулы большевизма получается давно уже нами установленное положение, что большевизм есть своего рода идеократия. Но в том виде, как это положение формулирую я, оно ~~теоретически~~ прагматически и диалектически плодотворно. ибо сразу заключает в себе не только определение явления, но и указание на его оценку и на путь к его исправлению. В Вашей же формулировке нет ни четкости, ни стимула к плодотворному разрешению проблемы, нет собственно даже и самой проблемы (поскольку отсутствует момент антиномичности, «идеократии, ~~теоретически~~ отрицающей самое себя»). А ~~сверх всего~~ вместо всего этого есть совершенно неудачная фразеология и построение статьи, неизбежно долженствующее вызвать в читателе представление об апологии марксизма. Сверх всего этого, в конце статьи еще реверансы перед Лениным, производящие фальшивое и неприятное впечатление. Статья редко неудачная. А поскольку она, как указано выше, не может породить в непредвзятом свежем читателе иного впечатления, чем апологии марксизма, она даже и прямо вредна. И это — несмотря на то, что она в сущности повторяет положение о том, что ~~большевизм есть~~ сущность большевизма — в идеократическом его характере. Хуже, двусмысленнее и неудачнее выразить эту мысль просто невозможно...

В своем большом письме ко мне Вы выразили свое отношение к попыткам построить систему е[вразий]ства. Выходит, что системы вообще никакой быть не должно, потому что система связывает, а мы должны быть свободны¹. У нас не должно быть догматов. Мы не должны ссылаться на ранее высказанные положения, не должны

избегать противоречий с этими положениями. Таким образом, е[вразий]ство есть непрерывный ряд логически друг с другом не связанных импровизаций. Объединять их друг с другом должна не логика (Боже упаси!), а общий стиль, тон, а кроме того и то, что все эти импровизации должны быть парадоксальны. Я, м[ожет] б[ыть], несколько утрирую Ваши мысли, но в общем передаю их верно. К сожалению, Вы и не только в этом письме проявляли такое же отношение к е[вразий]ству. Говорю «к сожалению», ибо это и есть то главное и основное, что делает нашу совместную работу невозможной. Я с самого начала считал, что нашей задачей является создание единой стройной логической системы, утопии, логически связанной с определенной философией истории и с общей системой наук. Я почитал эту задачу единственной, ибо большевистской практике мы своей практики противопоставить не можем, но теоретической системе большевизма свою теоретическую систему противопоставить можем и должны. Работу я представлял себе в двух направлениях. С одной стороны — логически разрабатывать известные теоретические положения, прикрепляя к ним новые положения, логически с ними связанные, и строя т[аким] о[бразом] единую теоретическую систему. С другой стороны — толковать конкретные явления реальной жизни с точки зрения упомянутой теоретической системы, подбирая таким образом иллюстрацию этой системы (в политике) и единообразно систематизированный компендиум знаний (в науке). Вся моя работа в е[вразий]стве на это и была направлена. Если я никогда не считал нашу систему законченной, то потому, что некоторые части ее оставались еще логически не разработанными. Но при разработке этих частей я считал обязательным устанавливать логическую связь с другими частями и со всем целым. «Ев[разий]скими» я считал только те положения, которые логически увязываются с общей системой. Парадоксальны они или нет — это меня при этом совсем не интересовало. Так вышло, что часто получались парадоксы. Но это было случайно. Нарочно я их никогда не искал. Подбирая одно положение к другому, как камень к камню, я строил ев[разий]скую систему как единое здание — с трудом, ибо работа это нелегкая. И вот потому-то меня особенно всегда огорчало отношение некоторых из нас к этой созидательной работе. Особенно П[етр] С[еменович] А[рапов] часто проявлял к ней совершенно непозволительно легкомысленное от-

ношение, рассматривал е[вразий]ство как белый лист бумаги, в который можно написать все, что угодно, с тем чтобы потом вновь вычеркнуть и вписать как раз противоположное. Много вредил в этом отношении и Л[ев]П[латонович] К[арсавин] со своими фокусами, создающими впечатление действительно неограниченной емкости е[вразий]ских схем, в которые путем казуистики и ловкости рук можно втиснуть что угодно. Но особенно грустно то, что такое же легкое отношение к е[вразий]ской системе проявляется и у Вас, Петр Петрович. Вы не хотите чувствовать ответственности за прежде высказанные положения, считаете, что мы развиваемся психологически, а не логически. Такое отношение к делу у Вас проявляется все чаще и чаще, а в упомянутом большом письме ко мне Вы прямо выражаете осуждение привязанности к созданной системе. Ничто меня так не огорчает и не раздражает. Мое охлаждение к е[вразий]ской работе в значительной мере объясняется именно этим. Нет никакой охоты работать, когда знаешь, что результат этой работы будет всеми забыт через месяц после его появления на свет и новые положения будут высказываться вне всякой связи с тем, что высказано и принято сегодня. П[етр]С[еменович]А[рапов] как-то сказал мне, что все наши писания надо рассматривать как леса, а самое здание еще не видно. У меня никакой охоты нет строить леса. Я хотел строить дом, такой, чтобы в нем жили. А оказывается, это не дом, а только леса? Так ну вас совсем! Стройте сами, а меня оставьте в покое! Я умею работать только так, чтобы одно вытекало из другого, чтобы была связь, система. А Вам нужно, чтобы кто-то ежемесячно импровизировал друг с другом несвязанные парадоксы «помоднее». Сегодня мода на Ленина, завтра на Геккеля, м[ожет] б[ыть], послезавтра на Краснова — кто вас разберет. Раз отрицается самый принцип логически преемственной и единой системы, то нет гарантии ни от каких сюрпризов. Серия таких сюрпризов действительно как будто началась...

Следует с полной откровенностью признать, что мы под е[вразий]ством стали понимать совершенно разные вещи. Для меня е[вразий]ство — та система логически друг с другом связанных положений, которую мы до сих пор разрабатывали. Е[вразий]ским я признаю всякое положение, логически вытекающее или выводимое из этой системы и ее органически пополняющее, — совершенно независимо от того, кем это положение высказано. Для Вас

е[вразий]ство есть то, что в настоящее время говорите Вы и Вами одобряемые знакомые, совершенно независимо от того, противоречит ли это все нашим писаниям или нет. Сейчас Вы, как я уже сказал, загипнотизированы значительностью марксизма и только на эту тему и думаете. Вы ходите вокруг марксизма, подходите то с одной, то с другой стороны, войти туда не хотите, а отойти не можете. Я свой взгляд на марксизм высказал, и менять его не собираюсь. Мало того, полагаю, что иное отношение к марксизму логически несовместимо с той системой идей, которую я называю е[вразий]ством. Для Вас же сейчас именно это хождение вокруг да около марксизма, любовование им и заигрывания с ним кажется современной формой е[вразий]ства. И все потому, что е[вразий]ство для Вас не система идей, а система лично Вами переживаемых эмоций. Мне кажется, что из всего этого следует сделать вывод: раз под словом е[вразий]ство Вы и я разумеем две разные вещи, то значит е[вразий]ство есть фикция и на самом деле мы принадлежим к двум разным идеологическим течениям.

Я уже давно этим положением тягочусь. В конце концов, выходит какая-то глупая, бесцельная и бесконечная комедия. Пора наконец ее окончить. Совместно с П[етром]Н[иколаевичем] С[авицким] Вы работать не можете. Я вообще отказываюсь работать в е[вразий]стве. Значит и признаем, что каждый из нас троих отныне должен идти своим путем, не озираясь на других. А для того, чтобы организационно закрепить и оформить это положение, упраздним общее название «е[вразий]ство», которое в настоящее время фактически стало совершенно бессодержательным, и вместо него введем новые названия для каждого течения: Вы назовитесь «социал-е[вразий]ством», П[етр]Н[иколаевич]С[авицкий] — «национал-е[вразий]ством», а я пока обойдусь без всякого названия, т[ак] к[ак] в ближайшее время я все равно «выступать» не намерен и ухожу всецело в науку. Свою систему мы «поделим» без труда: за мной остается идеократия, за П[етром]Н[иколаевичем] С[авицким] — «особый мир», вся национальная историософия и т[ак] д[алее], а Вам по вашим собственным словам никакой системы не нужно. Труднее поделить финансы. Но их осталось уже настолько мало, что, пожалуй, и делить нечего: поблагодарить Голдсмита⁶ и вернуть ему остаток обратно.

Словом, это все подробности. Суть же дела остается. В этом смысле я и принимал предложение о созыве курултая: этот курултай должен положить конец мифу о единстве е[вразий]ства и организационно закрепить и оформить свободное и независимое существование двух разных е[вразий]ских течений (возглавляемых одно — Вами, другое — П[етром]Н[иколаевичем]С[авицким]), и одного, т[ак] ск[азать], третьего, подпочвенного, не выходящего наружу течения (моего).

Впредь же до созыва курултая газету, по-моему, издавать невозможно.

Мне очень жалко, дорогой Петр Петрович, что приходится Вас огорчать. Я продолжаю искренне Вас любить. Но ничего не поделаешь. Надо ставить точки над і, надо смотреть правде в глаза. Вы помните, прошлой весной в Париже, возвращаясь с Вами откуда-то днем на автомобиле, я Вам говорил: «Бросьте Вы заигрывать с марксизмом, не дразните меня, это плохо кончится». Вот и кончилось. Знаю, что Вы, как дети говорят, «не нарочно», что Вы искренне действительно не можете ни о чем другом писать, потому что только об этом и думаете. Но это и создает между нами пропасть. Поверьте, что мне констатировать этот разрыв с Вами очень тяжело. Но искусственное закрывание глаз на этот факт ни к чему.

Обнимаю Вас.

Ваш Н[иколай]Т[рубецкой].

26–27 ноября 1928 года.

P.S. Только что получил первый № газеты. Надеюсь, что он еще не поступил в продажу. Если не поступил, задержите. — Номер сам по себе приличен, хотя закулисная борьба в нем отразилась. Но вот Вам образец того, что получается, если не считаться с логическими противоречиями: в моей статье говорится, что сущность русской революции в образовании государства управляемого не классовым а идеологическим правящим слоем, а внизу, в статье Л[ьва]П[латоновича]К[арсавина]⁷, говорится, что ~~сущ~~ основной

особенностью русской революции является выделение правящего слоя из определенного класса, именно пролетариата. Мирский говорит, что мы, е[вразий]цы, должны видеть в Толстом великого учителя мысли⁸; я — е[вразие]ц, но этого в Толстом не вижу, Л[ев] П[латонович] К[арсавин], кажется, тоже не видит, по крайней мере раньше не видел...

Это письмо — «личное». Письмо же «безличное» с копией всем членам П[олит]Б[юро] сейчас даю отстукать и отправлю завтра. Оно заключает в себе критику вашей статьи, признание факта раскола и предложение прекратить издание газеты вплоть до созыва курултая в декабре.

Н[иколай] Т[рубецкой].

1 Просто (*фр.*).

2 См. об этой статье П.П. Сувчинского выше.

3 П.П. Сувчинский часто жаловался на непонимание или упрощенное понимание его статей, на радикальные выводы, которые делались из его текстов: «Я говорю, а потом получаются какие-то чертovy рожи» (П.П. Сувчинский — Н.С. Трубецкому, сентябрь 1928 г. // ГАРФ. Ф. Р-5783. Оп. 2. Д. 354. Л. 121).

4 Еще в 1927 г. в письме Н.С. Трубецкому П.П. Сувчинский обещал покончить с марксистским уклоном в парижском евразийстве (Там же. Л. 123).

5 По свидетельству П.Н. Малевского-Малеви́ча, еще на встрече в Эвиане Савицкий предложил определение евразийства — «систематическое россиеведение». Малевский-Малеви́ч протестовал против ограничения евразийства пределами России, поскольку считал, что у него должна быть всемирная задача, тогда как П.П. Сувчинский возражал против самого термина «систематический», утверждая, что евразийство должно непрерывно развиваться, что это не есть устоявшаяся система идей (П.Н. Малевский-Малеви́ч — П.Н. Савицкому, П.П. Сувчинскому и Н.С. Трубецкому, 16 сентября 1928 г. // Там же. Д. 363. Л. 240).

6 Генри Н. Сполдинга.

7 В первом номере газеты «Евразия» была опубликована статья Л.П. Карсавина «О смысле революции» (Евразия. 1928. № 1. С. 1–3).

8 *Святополк-Мирский Д.П.* О Толстом // Евразия. 1928. № 1.

О взглядах Сувчинского на Толстого и их изменении под влиянием Святополк-Мирского см. примеч. 10 к письму Н.С. Трубецкого П.П. Сувчинскому от 1 февраля 1927 г. (№ 107).

Из писем Н.С. Трубецкого П.Н. Савицкому

I 25 мая 1923 года

Дорогой Петр Николаевич!

Я приложу все усилия к тому, чтобы выехать в четверг 31-го или пятницу 1-го, но уверенности нет, т[ак] к[ак] надо выполнить уйму формальностей, и все по утрам, а утром у меня лекции. Об окончательном дне приезда буду телеграфировать Сувчинскому. Во всяком случае, надеюсь в промежутке между 31-м и 10-м быть в Берлине, но только очень ненадолго.

Пока обнимаю Вас, Ваш Н. Трубецкой.

Baden b/Wien, Wienerstrasse 24.

2 10 июня 1923 года, открытка

Милый Петр Николаевич!

Я наконец получил квартиру в Вене (Wien I, Dorotheestr. 12, II Stock). Сутулкой и возней, связанной с переездом, и объясняется мое «смерти подобное» молчание. Со всеми проектами согласен и очень доволен «новым курсом» нашего дела. Время с 4-го до 10-го августа для меня вполне удобно, и я постараюсь достать визу именно на 3-е, чтобы 4-го быть уже в Берлине. Не знаю только, где там остановиться. На всякий случай напишу Сувчинскому, чтобы он заготовил какое-нибудь помещение. Статью постараюсь набросать. Бумагу в подписанном виде отправлю Меллеру завтра же'. Вам, Г[еоргию]В[асильевичу] Фло-

ровскому] и [Георгию Владимировичу] Вернадскому имею передать привет и благословение митрополита Антония, который прислал мне открытку по поводу «России и Латинства»¹ в очень сочувственных выражениях.

Обнимаю Вас. Привет всем. Ваш Н. Трубецкой.

1 «Бумага» для Меллера — договор об учреждении издательства Eurasia-Verlag, которое было основано в Берлине П.П. Сувчинским, П.С. Араповым, А.В. Меллером-Закомельским, П.Н. Савицким и Н.С. Трубецким.

2 Сборник «Россия и латинство» (см. примеч. 7 к письму Н.С. Трубецкого П.П. Сувчинскому от 27 сентября 1922 г. (№ 6)). О подготовке сборника см. «Введение» к настоящему изданию.

3 30 декабря 1923 года

Дорогой Петр Николаевич!

Статью Вашу прочел и присылаю Вам ее обратно. В общем статья очень хороша и, мне кажется, для американского сборника подходяща¹. Но, прежде всего, последнее примечание (пророчество о будущей судьбе Англии) надо удалить. Кроме того, я вообще не разделяю Вашего (и Г[еоргия]В[асильевича Флоровского]) благожелательного взгляда на Америку, но ради ихних долларов, которые нам очень нужны, согласен не протестовать против того, чтобы от имени евразийцев польстить американскому национальному самолюбию. Однако мне все-таки кажется, что Вы в этом отношении немного переборщили. Ведь все же нельзя забывать того, что пока что Америка является самой типичной представительницей всех отрицательных сторон романо-германской цивилизации. В Европе такой же страной является Германия, но характерно, что, когда хотят выразить это свойство новой Германии (бисмаркской, в отличие от ширрско-гетовской), то говорят, что она «американизировалась». Сейчас Америка хуже Европы, ибо в Европе есть хотя бы воспоминания Средневековья. Ваши надежды на то, что Америка преодолеет воинствующий экономизм мне представляются мало основательными: заметьте, что социализм-коммунизм вовсе не есть единственная форма апогея воинствующего экономизма...

Итак, по-моему, прогноз культурной миссии Америки следовало бы выразить осторожнее. Далее, безусловно, не следует вводить в эту перспективу «англосаксонскую расу». Раса, откровенно говоря, прескверная и вреднейшая. Если из Америки когда-нибудь выйдет толк, то толк потому, что эта страна не чисто англосаксонская и только поскольку она не чисто англосаксонская. — Таковы мои замечания. Конкретных поправок и изменений текста не предлагаю, т[ак] к[ак] это всегда должен делать сам автор (кстати: в статье Садовского во «Временнике» вставка о трагической сути еврейского вопроса так бросается в глаза контрастом с общим тоном и стилем статьи)¹.

По просьбе Меллера пишу краткий очерк русской истории с точки зрения вреда европеизации. Писать скучно. Выходит длинно и неинтересно. Надеюсь, когда все будет написано, сократить и «оживить».

Пока до свидания. Обнимаю Вас.

Ваш Н[иколай]Трубецкой.

30/XII/1923

Р.С. По-моему, не только «Устоев», но и специального номера «Временника» с подзаголовком «Догм[ат] и Твор[чество]» издавать не надо, а просто по мере накопления статей, предназначавшихся для сборника, печатать их в очередных №№ «Временника» наряду с другими статьями¹. Аргументы свои я изложил в письме к П[етру]П[етровичу]Сувчинскому]. — По-моему, Ваша статья о подданстве идеи в Берлине была лучше: Вы ее ослабили вставками². Впрочем, люди, не слышавшие ее раньше, находят ее сильной и в таком виде. Экономическая Ваша статья прекрасна и очень «на месте». Пожалуй, можно было выпустить то, что в ней предназначалось специально для чехов...³

Как Вы отнесетесь к следующей антропогеографической схеме: основной стержень Евраз. континента — система малолесистых или совсем безлесных равнин (-степей), тянущаяся непрерывной цепью с востока до запада и окаймленная с севера широкой полосой лесов, а с юга — системами горных цепей⁴. Т[ак] к[ак] ни леса, ни горы не являются *Verkehrstrass'*ами⁵, то все сообщение востока и запада Евразии осуществляется системой степей, т[о] е[сть]

Verkehrstrasse от востока к западу — одна. Весь евраз[ийский] континент в меридиональном направлении перерезывается несколькими системами больших рек, которые и осуществляют сообщение севера с югом, — т[о] е[сть] Verkehrstrass' от севера к югу — несколько. Отсюда следствие: кто владеет системой степей, владеет всем евраз[ийским] континентом, а кто владеет одной из речных систем, владеет только ограниченной частью этого континента и всегда подвержен опасности быть подавленным или попасть в зависимость от властителя степи. Сначала в Евразии существовали только речные государства — киевско-новгородское («путь из варяг в греки»), болгарское, хазарское, уйгурское и проч[ие], и все они постоянно ущемлялись и разрушались владельцами степей. Но и сами эти степные владельцы были не объединены и не организованны, владея только отрезками степи, а не всей системой. Затем Чингисхан овладевает всей степной системой, и все речные государства сразу гибнут: объединение Евразии осуществлено. Но ошибка Чингиса (как и вообще всех великих туранских завоевателей) заключалась в том, что он «с разбегу» выскочил за естественные границы Евразии и покорил слишком много сразу. Страны неевразийские (а просто азийские, как Китай, Индия, Персия) или европейские очень скоро вышли из объединенного царства монголов, а внутри этого царства начался опять речной сепаратизм (казанское, астраханское, западно-сибирское, туркестанское и т[ак] д[алее] ханства). Россия опять осуществила объединение, и на этот раз прочно, ибо системе степей, кроме значения Verkehrstrasse, придала и новое экономическое значение — земледельческого района. Правильно ли это?

Н[иколай]Т[рубецкой].

1 «Американский сборник» — планировавшийся евразийцами в 1923 г. сборник статей о евразийстве на английском языке для выпуска в США.

2 Садовский Я.Д. Оппонентам евразийства // Евразийский временник. Берлин, 1923. Кн. III. С. 149–174. Речь в конце статьи идет об отношении евразийства к антисемитизму. Эта вставка была написана П.Н. Савицким и доработана Н.С. Трубецким.

3 После публикации в 1923 г. «антикатолического» сборника «Россия и латинство» евразийцы планировали издание сборника статей о православии «Догмат и творчество». Издание не состоялось.

4 *Савицкий П.Н.* Подданство идеи // Евразийский временник. Кн. III. С. 9–17.

5 *Савицкий П.Н.* Производительные силы России // Там же. С. 125–148. Статья была написана на основе доклада, прочитанного Савицким в Праге перед чешской аудиторией, и в ней много внимания уделялось возможному участию чехов в восстановлении российской экономики.

6 В географической концепции П.Н. Савицкого, изложенной в 1921 г. в рецензии на книгу Н.С. Трубецкого «Европа и человечество», выдвигалась идея единой «скрепы» — зональной полосы чернозема, протянувшейся «от Подолии до степей Минусинска». См.: *Савицкий П.Н.* Европа и Евразия. (По поводу брошюры кн. Н.С. Трубецкого «Европа и Человечество») // Русская мысль. 1921. Вып. 2. С. 199–138. О теории широтных зон см. подробнее в части I настоящей книги (раздел «Империя пространства: месторазвитие и системная география»).

7 *Verkehrstrasse* — магистральная дорога, шоссе (нем.).

8 июня 1924 года

Дорогой Петр Семенович!

Вы не совсем правильно поняли мои выражения «тактика» и «идеологическая лаборатория»¹. Мы физически не в состоянии пропагандировать наши идеи внутри рубежа и принуждены эту работу предоставлять другим. Как эти другие выполняют эту работу, как они будут излагать наши идеи, что в этих идеях подчеркнут и что умолчат, — всего этого мы фактически проконтролировать не можем. Гарантию того, что наши идеи не будут искажены, мы получим только в том случае, если люди, которым мы предоставим пропаганду, будут вполне искренно наши. Вся наша задача, следовательно, сводится к тому, чтобы найти таких действительно вполне наших людей. А можно это сделать, только предлагая разным таким людям наши идеи в их подлинном виде без всяких тактических маскировок, без всякого применения к среде или прислушивания к настроениям. Мы должны рассказать откровенно то, что мы думаем, и спросить: согласны вы с нами или нет?

Если «да», то пропагандируйте это так, как сочтете нужным, в технику и тактику вашей пропаганды мы вмешиваться не будем. Если же вы с нами не согласны или согласны, но не вполне, то не смейте себя называть нашим именем, ибо имейте в виду, что мы в угоду вам своих взглядов ни на йоту не изменим. — Вот как я представляю себе нашу роль. А потому вся наша «тактика» должна направляться не к тому, чтобы представить свои взгляды в при-

емлемой для широких масс форме, а к тому, чтобы с нами соглашались и шли на работу с нами только люди действительно вполне свои. Мы должны искать формулы, исключающие возможность недоразумений.

Выдвижение вперед монархии¹ может значительно расширить круги наших *номинальных* приверженцев, но мы от этого ничего не выиграем, т[ак] к[ак] большинство этих приверженцев окажутся привлеченными по недоразумению и мы не будем иметь гарантии в том, что они при пропаганде не исказят наших идей в совершенно нежелательном для нас направлении. — Полагаю, что только при таком взгляде на дело мы и можем сохранять независимое и господствующее положение. Как только мы встанем на другую точку зрения и будем стремиться к тому, чтобы при помощи тактических приемов завербовать побольше людей, носящих нашу кличку, так мы попадем во власть нашего распространительного аппарата. Ведь сведения о течениях и настроениях будут идти именно от этого аппарата, так что не он будет служить нам, а мы ему. Лабораторией мы являемся в любом случае, ничем другим мы быть фактически не можем. Но одно дело распространительный аппарат при лаборатории, а другое — лаборатория при распространительном аппарате.

П[етр]П[етрович Сувчинский] писал мне, что А[лександр] А[лександрович Федоров]¹ на него произвел тяжелое впечатление, а особенно — спутница А[лександра]А[лександровича Федорова]⁴. В письме П[етра]П[етровича Сувчинского] есть фраза, почти текстуально совпадающая с тем, что я писал Вам по поводу Вашего разговора с А[лександром]А[лександровичем Федоровым]: «этот А[лександр]А[лександрович Федоров] просто не понимает и вряд ли является характерным человеком для современной России...». Кончает П[етр]П[етрович Сувчинский] словами: «нам все-таки нужно держаться за „Трест“, но с другой стороны *ни в чем* решительно не поступаться».

Одно можно считать выяснившимся. Наша декларация, в том виде как она имеется сейчас, — неудачна. Ее критикуют все и с разных точек зрения. П[етр]П[етрович Сувчинский] предлагает составить не одну, а две, разграничив темы. Думаю, что это правильно. Но вместе с тем, думаю, что не все этим будет исправлено. Недостатки декларации в значительной мере зависимы от

того, что мы недостаточно ясно определили, для какой публики и для какой цели она предназначается. С этого следует начать, и тогда, м[ожет] б[ыть], выяснится, что над не две, а три, четыре и т[ак] д[алее].

То, что Вы пишете о каменщиках⁵, очень интересно. Характерно, что Ваш знакомый сначала был их страстным противником. Это очень часто бывает. При отсутствии твердого религиозного устоя и сознательного религиозного мирозерцания, ясно вскрывающего антихристианскую, богопротивную, сатанинскую сущность самой техники масонской работы, противники масонства б[ольшей] ч[астью] приходят к идее создания «контр-масонства», «белого интернационала» или использования масонства для национальных или патриотических целей. Эти идеи, как внутренне противоречивые, обречены на неудачу. Враждующие друг с другом течения в масонстве всегда существовали. Но в то же время существование разных «loges-sœurs», «frères-garants»⁶ и т[ак] д[алее] поддерживает постоянную связь между ложами разных толков, так что за внешними дроблениями скрывается внутреннее единство. Даже во время войны, когда большинство лож в воюющих странах стали на патриотическую точку зрения и ложи стран Антанты прекратили общение с ложами центральных держав, — общение фактически продолжалось через ложи нейтральных государств. В настоящее время значительная часть (а м[ожет] б[ыть], и большинство) лож совершенно открыто поддерживает большевиков. При этих условиях наивно думать, чтобы борьба части лож с большевизмом могла быть успешна. — Для нас, как бы то ни было, сотрудничество с масонством, разумеется, kommt gar nicht in Betracht⁷. Даже с шпионскими целями нельзя вступать в ложи. Но иметь наблюдение за русскими, принимающими посвящение, следует. Во Франции, где все это происходит открыто, это довольно легко осуществимо. — между прочим, интересно было бы выяснить, как во всем этом держатся великие князья. Нет ли, напр., у Дм[итрия] Павл[овича]⁸ связей с масонами? Ведь в России он, Юсупов и т[ак] д[алее] занимались оккультными науками, а это один из обычных путей к масонству. Лично меня интересует еще, как я Вам уже говорил, князь Путятин (муж М[арии] П[авловны])⁹. Справились ли Вы об нем? Знаю, что когда Половцев по какому-то случаю проезжал через Вену, то он вызвал Путятину и имел с ним какое-то сви-

дание. Путятин с большим уважением и сочувствием говорит о Половцове и о возглавляемом им офицерском союзе¹⁰. Между прочим, по словам Путятина, этот союз имеет связь с французскими организациями фашистского типа и с *camelots du roi*¹¹. Интересно, не связаны ли эти организации с масонством? — Вопрос о масонстве чрезвычайно интересен; изучение и наблюдение работы масонов способно совершенно поглотить, так что люди, занимающиеся этим, часто превращаются в каких-то маньяков. С этим связаны и величайшие опасности, из которых главная — идея «заимствовать у противников их методы борьбы». Это — удочка, на которую очень часто попадаются. Единственное, что может предохранить от этого соблазна — ясно осознанное и твердое религиозное миро-созерцание.

Пока — до свидания. Надеюсь увидеть Вас в Вене на «слете», который придется организовать в сентябре. Я на днях (15-го) переезжаю в Штирию. Мой адрес до начала сентября будет: Schaftal 24 bei Hans Niedl, Post Maria Frost bei Graz.

Искренне уважающий Вас, Н[иколай]Тр[убецкой].

8/VI/1924

1 Предложения П.С. Арапова состояли в том, чтобы адаптировать евразийские идеи к воззрениям большинства граждан СССР (как эти воззрения описывали представители «Треста»). Так, речь шла о минимальном упоминании религии, признании определенных советских институтов. Отсюда концепция «идеологической лаборатории»: по Трубецкому она означала, что евразийцам следовало ограничиться выработкой идеологии и не вмешиваться в подпольную деятельность, по Арапову — что евразийцам следует заниматься адаптацией своих взглядов к реальностям СССР.

2 «Трест» выступал как организация монархическая и создавал у эмигрантов впечатление, что монархизм чрезвычайно распространен в СССР.

3 А.А. Якушев, представитель «Треста», агент ОГПУ.

4 Мария Владиславовна Захарченко, резидент А.П. Кутепова в Москве.

5 То есть о масонах. См. письма П.С. Арапова П.П. Сувчинскому от 25 июня 1924 г. (№ 22) и от 28 июня 1924 г. (№ 23).

6 «Ложи-сестры», «братья-поручители» (*фр.*).

7 Совершенно не рассматривается (*нем.*).

8 Дмитрий Павлович Романов (1891–1942), великий князь, сын великого князя Павла Александровича. Вместе с князем Ф.Ф. Юсуповым принимал участие в убийстве Распутина; Феликс Феликсович Юсупов, князь, граф Сумароков-Эльстон (1887–1967) — офицер, был организатором и участником убийства Г. Распутина. Жена — Ирина Александровна Романова (1895–1970) — племянница Николая II. В 1919 г. эмигрировал, жил во Франции.

9 Сергей Михайлович Путятин (1893–1968), князь — капитан лейб-гвардии 4-го Стрелкового императорской фамилии полка. В 1917–1923 гг. женат на великой княгине Марии Павловне (1890–1958), внучке Александра II, двоюродной сестре Николая II. Жил в эмиграции в Вене.

10 Петр Александрович Половцев (1874–1964) — генерал, в 1917 г. — командующий войсками Петроградского военного округа; председатель Русской секции Лиги солдат-комбатантов (Париж) — объединения ветеранов Первой мировой войны во Франции; в 1922–1928 гг. масон.

11 Camelots du Roi — молодежное течение, связанное с националистическим и роялистским движением Action française; руководитель — Максим Реаль дель Сарт.

•

•

Из писем П.С. Арапова П.П. Сувчинскому

I 4 декабря 1922 года

Глубокоуважаемый Петр Петрович!

Хочу Вас побеспокоить, чтобы узнать, как обстоят дела со сборником¹? Получили ли Вы ответ от Кн[язя] Н[иколая] С[ерге-евича] Трубецкого?

Если есть необходимость, как Вы это предполагали, моего приезда в ближайшее время, то мне было бы удобнее всего приурочить приезд мой к следующей субботе 9 декабря, т[ак] к[ак] я по субботам свободен от университетских занятий². Я был бы Вам очень обязан, если бы Вы мне сообщили, должен ли я приезжать. В таком случае я был бы в Берлине в половине восьмого утра на Bahnhof Zoo, и я думаю, что за день мы бы все успели сделать. Очень просил бы Вас тогда назначить час и место, где я мог бы Вас встретить, а также окончательно имя типографии, где вы решили печатать, дабы я успел бы еще в срочном порядке написать в Париж относительно чека на 250.000 [марок].

Извините еще раз за беспокойство.

Прошу принять уверение в моем глубоком уважении и преданности.

Петр Арапов.

¹ Имеется ввиду сборник «Россия и латинство». Молодым офицерам, присоединившимся к евразийству в 1922 г., было поручено изыскать средства на его издание.

² П.С. Арапов посещал лекции в Кенигсбергском университете.

2 12 декабря 1922 года

Дорогой Петр Петрович!

Мне страшно стыдно, что я в воскресенье так опоздал в гимназию на rendez-vous с Вами. Я пришел в половине седьмого, но уже никого не было, кто бы мог мне сказать, куда Вы ушли. Очень прошу Вас меня извинить. У меня здесь ряд неприятностей в полиции, и очень возможно, что мне придется еще раз приехать в Берлин, дабы хлопотать там в Министерстве народного просвещения. Очень надеюсь, что Вас тогда увижу и что, может быть уже, удастся что-нибудь начать в печатании антикатолического сборника.

Папа что-то волнуется и, говорят, собирается выпустить энциклику, где, признавая мимоходом любовь к миру, еще раз усиленно подчеркивает первенство католической церкви.

Должен кончать, т[ак] к[ак] тороплюсь на лекции. Очень надеюсь на днях Вас увидеть и еще раз прошу принять мои самые большие извинения за мое опоздание в воскресенье.

Глубоко уважающий Вас,

Петр Арапов.

3 23 февраля 1923 года

Дор[огой] Петр Петрович!

Как обстоят дела со вторым вопросом? Очень беспокоюсь за его судьбу — хотя как будто и кажется, что оттяжка может принести определенную пользу. Во всяком случае отсюда боюсь советовать. Собираюсь приехать в будущую субботу, третьего марта, на несколько дней и надеюсь тогда же Вас увидеть на всеобщей. Видали ли Вы последние «подогретые экскременты» — «Русскую мысль» книга VIII–XII? Там помещен выпад против евразийства какого-то сукина сына под фамилией Билимовича' — [из] Любляны? Статья называется «Богоискатели, евразийцы и материальная культура» и эпиграфом служит изречение... Прочитую для примера несколько характерных мест: «Рассуждения о „религиозных озарениях“ и „евразийских свершениях“ в то время, когда наш народ умирает от казней, эпидемий и голода,

когда народ доведен революцией и большевиками до того, что в XX-м веке возродилось помнимое по старым сказкам людоедство, — как хотите, но это духовное извращение». Или еще: «Однако если взять русских, то мне кажется, что кн[язь] Н[иколай] С[ергеевич] Трубецкой напрасно унижает(?) свой народ перед другими европейцами. Ибо в некоторых отношениях — литература, музыка, живопись, сценические искусства — мы обогнали Зап[адную] Европу, и наш художественный „экспорт“ был в последнее время больше „импорта“. Экспортируемые нами искусства вовсе не были восточной экзотикой, а настоящими европейскими искусствами в самом подлинном и высоком смысле. Какая, например, экзотика Тургенев(?), Толстой(?), Достоевский(?), Чайковский (поэтическая симфония!), Рахманинов(?), Репин(?), Васнецов(?), московские художественники? (?)». Как Вам нравится? Вот сволочь! Какой *salade Olivier*! Все это оканчивается достойной фразой, разящей за три версты керенщиной: «я извиняюсь (!!!), что местами резко выражаю эти мысли». Все это доказывает, что Бернардыч¹ поместил эту статью со злости! Инда плакал царь Додон, инда забывал и сон! Пока скопец (Ал.Д. Билимович) принес ему не золотого, правда, петушка, а свои экскременты, которые Бернардыч со злости подогрел. В этом же номере глупое стихотворение Глеба Струве: «Евразийцу» П.Н.С. (Савицкому?) Не могу даже Вам посоветовать прочесть все это. Тут даже слишком много сказать: *guarda e tassa*! Очень надеюсь увидеть Вас в субботу,

Глубоко уважающий Вас, Петр Арапов.

¹ Александр Дмитриевич Билимович (1869–1963) — экономист, профессор; выпускник Киевского университета. Во время Гражданской войны участвовал в администрации генерала Деникина, возглавлял Управление земледелия и землеустройства; был автором законопроекта аграрной реформы в России. В 1920 г. эмигрировал в Югославию (г. Любляна), после Второй мировой войны переехал в Германию, затем в США. Участвовал в создании Народно-трудового союза российских солидаристов (НТС).

² П.Б. Струве.

4 2 апреля 1923 года

Христос Воскресе

Дор[огой] Петр Петрович!

Мне очень совестно, что я Вас так поздно поздравляю. Я здесь ужасно обленился от чудной весны. Сегодня узнал от Арсеньева следующую новость. При «Русской Мысли» создается издательство — специально религиозно-философского направления — для него ищут фунты и приглашают А[нтон] В[ладими]ровича] Карташева редактором: «так как он пользуется известностью в Англии и ему легче дадут, чем кому либо другому, деньги». Кажется, Карташев отказывался, но теперь склоняется принять предложение. Не возражая по существу против подобного издательства (оно между прочим намеревается переиздать Леонтьева и пр[очих]) я вижу в этом опять разбрасывание средств, которые нам надлежало бы канализировать в наше русло через того же Карташева. Как Ваше мнение по этому поводу? Нельзя ли зондировать в Берлине, в чем там дело, и, если возможно, предпринять соответствующие шаги. Какие результаты поездки Петра Николаевича¹ в Вену? И как обстоит дело с записками, которые он должен был составить? Я получил вчера письмо от «М[еллера-]З[акомельского]» (!) который пишет, что нашел какого-то «американского евразийца» (!?), миллиардера с которого намеревался накачать много денег² — но тот как раз уехал до получения письма кн[язя] Н[иколая] С[ергеевича]. Однако письмо ему послано вдогонку и есть надежда на успех³. Меллер приезжает на будущей неделе, и я его крепко предупредил: в смысле, беру и привезу с собой в Берлин. Поцелуйте от меня ручки Анне Дмитриевне. Глубоко уважающий Вас, Петр Арапов.

¹ П. Н. Савицкого.

² Речь идет о Генри Клузе-младшем.

³ Г. Клуз-младший вначале обещал выделить на евразийство деньги, затем переменял свое решение и обещал издать на свои средства сборник евразийцев в США. Однако это издание не было осуществлено.

5 13 мая 1923 года

Дорогой Петр Петрович!

Только что получил Вашу статью. Должен сказать, что она представляет громадные затруднения для перевода — ввиду массы технических выражений. Надеюсь, однако, успеть до четверга набросать черновик. Я намереваюсь приехать в пятницу утром в Берлин. Ваша статья чрезвычайно интересная и полезная для французов. У меня, однако, возникли новые соображения относительно механического начала, которые я надеюсь Вам изложить при свидании. Арсеньев только что получил от знакомого профессора из Варшавы: Prof. M. Zdziechowski книгу последнего «Europa—Rossia—Azia»¹. Заинтересовавшись содержанием книги, мы сразу нашли в ней главу под названием «Euraziatism Rosyjski». Пока еще подробно не выяснена общая точка зрения книги. Но в главе называются евразийцы, и, в частности, упоминается про Вас — Pan Suwtschinski, — «который, несмотря на свое польское имя, такой фанатик России, что приходит к восхвалению большевистской революции, находя ее более значительной, чем французская». В сноске цитируется «Исход к Востоку». Арсеньев предлагает послать ему «На путях»². Стоит ли метать бисер перед свиньями? Арсеньев прочел статью В.Н. Ильина³ и нашел ее неудачной, в частности, он усмотрел там ряд неточностей. Простите что неудачно оборвал бумагу. Очень надеюсь в пятницу Вас увидеть. Напомнили ли Вы Черкасскому⁴ насчет продажи бумаги? И как обстоят дела с десятью долларами?

Глубоко уважающий Вас, Петр Арапов.

¹ Zdziechowski M. Europa, Rosja, Azja. Szkice polityczno-literackie. Wilno, 1922.

² Сборники евразийцев: «Исход к Востоку» (София, 1921) и «На путях» (Берлин, 1922).

³ Вероятно, речь идет о статье: Ильин В.Н. К проблеме литургии в православии и католицизме // Россия и латинство: Сб. ст. Берлин, 1923. С. 117–219.

⁴ О каком именно Черкасском идет речь, установить не удалось.

6 24 мая 1923 года

Дорогой Петр Петрович!

Только что получил Ваше письмо со вложением письма Петра Николаевича¹. Все устраивается великолепно. К несчастью, 31 я никак не могу освободиться (я занят до 3 ч.) — но думаю, что если мы сговоримся все 4 июня, то нам время хватит для того, чтобы обо всем досконально переговорить. Жаль, что Петру Николаевичу надо быть только 10-го июня в Праге. Меллера засадим за письмо кн[язю] Н[иколаю] С[ергеевичу] Трубецкому — напишите и Вы ему — атакем стрех сторон ему придется уступить. Деньги на приезд обоих, я думаю, мы достанем, если они не могут приехать сами, — чего я не мог выяснить из письма П[етра] Н[иколаевича] Савицкого. Сейчас же пишу Петру Николаевичу, прося его приехать в четверг утром в Берлин. Сам же приезжаю, как Вам уже писал 26 в субботу утром, вместе с Меллером. Зайду к Вам в 11 часов утра, чтобы сговориться, где встретиться, так как у меня в субботу будет масса скучных дел. Меллера надо будет страшно обрабатывать, но я думаю, что с ним это может быть не бесполезно. Он смотрит оптимистично на вопрос о средствах для будущего и отказывается от разбрасывания и меценатства — что уже большой успех.

Арсеньев ругает наши сборники и в особенности статью кн[язя] Трубецкого — ему только страшно нравится статья Флоровского². Об этом расскажу Вам подробно.

Надеюсь, до скорого свидания, поцелуйте, пожалуйста, ручки Анне Дмитриевне,

Глубоко уважающий Вас, Петр Арапов.

¹ П. Н. Савицкого.

² См. об отношении Н. С. Арсеньева к евразийским сборникам примеч. 3 к письму Н. С. Трубецкого П. П. Сувчинскому от 1 января 1923 г. (№ 7).

7 13 июня 1923 года

Дорогой Петр Петрович!

Забыл оставить Вам наш устав, который Вы обещали дать переписать и послать Меллеру¹. Пересылаю его Вам. В пятницу пошлю статью. Как и следовало ожидать, Арсеньев начал артаться по вопросу о сборнике «Догмат и творчество». Надо, чтобы Савицкий действовал на Флоровского, так как возможно, что мой Wagner² начнет ему писать. Впрочем, если он не уймется, его надо послать к чёрту!

Написал Толстому³, чтобы он зашел по приезде своем к Вам. Не забудьте ему указать, что делать с деньгами, которые ему надо получить в «Логосе» за 275 экземпляров⁴. Я не помню, что же мы окончательно решили по этому вопросу? Как обошлось дело с платежом Кучерову⁵? Хватило ли 2 фунта?

Пока всего наилучшего,

Ваш П. Арапов.

1 Скорее всего, речь идет об уставе издательства Eurasia-Verlag, учрежденном П.Н. Савицким, П.П. Сувчинским, Н.С. Трубецким, П.С. Араповым и А.В. Меллером-Закомельским.

2 П.С. Арапов, как и Н.С. Арсеньев, жил в Кенигсберге, где композитор Рихард Вагнер (1813–1883) был директором оперного театра в 1836–1837 гг.

3 О каком именно Толстом идет речь, установить не удалось.

4 «Логос» — книготорговое акционерное общество, связанное с издательством «Слово», которым руководил И.В. Гессен; директором «Логоса» был Яков Григорьевич Фрумкин (1876–1971) — юрист, историк, еврейский общественный деятель.

5 Вероятно, Самуил Львович Кучеров, руководивший берлинским издательством «Мысль» в 1921–1925 гг.

8 17 июня 1923 года

Дорогой Петр Петрович!

Бога ради простите меня и верните мне данное «евразийское» слово. Я чувствую всю гнусность своего поступка, но, ей-богу, не в состоянии перевести Вашу статью. Бился над ней

и потерял много времени, но в результате выходит так скверно, что уничтожил сделанное. Если еще есть, то пошлите ее Меллеру, дабы он немедленно передал в Баден Михаилу Ивановичу Барилевичу' (пусть он спросит свою мать) и напомнил бы Барилевичу, что тот обещал мне ее перевести, когда вернется из Швейцарии (вероятно, он сейчас уже вернулся). Что Вы думаете предпринять с деньгами, которые мы должны получить от «Логоса»? При теперешнем курсе надо что-то предпринимать решительное. Я не помню, что мы окончательно решили относительно бумаги? Если ее покупать, то при теперешнем курсе купить, не теряя времени, я думаю, можно очень выгодно. Для этого надо опять подковать Меллера. Простите еще раз за мое свинство и не поминайте лихом.

Ваш П[етр] Арапов.

1 Данных нет.

9 21 ИЮНЯ 1923 ГОДА

Дорогой Петр Петрович!

Прилагаю при сем скудные «материалы» к переводу Вашей статьи. Больше ничего собрать не мог, так как часть уничтожил уже до получения Вашего письма, а начало было как раз уже переписано. Предостерегаю Вас от моего перевода *ce n'est pas français!* Тут есть какая-то неуловимая тонкость, которая нам может показаться ничтожной, но для французов будет поводом достаточным, чтобы не принять мысли, так излагаемые. Упреки Ваши бьют по больному месту, но надеюсь, что Вы меня простите. Вы мне ничего не писали, получили ли Вы мое первое письмо с копией устава общества? Как обстоит дело с деньгами и с бумагой? Явился ли Толстой?

Простите еще раз,

Глубоко уважающий Вас.

П[етр] Арапов.

1 Это не французский! (фр.)

10 7 июля 1923 года

Дорогой Петр Петрович!

Συνηκα! Одна местная «жена-переписчица» взялась за Леонтьева¹. Ей придется только заплатить 400.000 т[ысяч] марок. Я считаю, что затрату эту надо сделать, как и все последующие, сопряженные со срочным изданием «Византизма и Славянства». Это будет во всех отношениях блестяще — начать наше евразийское книгоиздательство с этой вещи. «Устои» должны в прошлом иметь на что опереться². Необходимо только написать кому-нибудь Вам, Петру Николаевичу [Савицкому] или кн[язю Н.С.] Трубецкому — вступительную статью. Это, конечно, можно обсудить при съезде. Сейчас же, если Вы согласны, можно отдавать в печать. Вступительная статья может быть напечатана после. Надо только обговорить это с [неразборчиво].

Жду срочно Вашего письменного согласия. Надо ковать железо, пока горячо. Деньги всегда будут, было бы желание. Завтра утром еду к Елизавете Владимировне Исаковой³ в Zoppot⁴. Может быть, она что-нибудь даст на Леонтьева!? (Это между нами!) Напишите мне, пожалуйста, сейчас же, Zoppot bei Danzig Wilhelmstrasse 66 Frau v. Issakof fñg имя. Только, пожалуйста, сейчас же, я там останусь до пятницы. Узнайте только, пожалуйста, у Струве⁵, как обстоят дела с их переизданием Леонтьева. Я уверен, что при их «старческом маразме», столь характерном для «Русск[ой] мысли», они провозятся десять лет, тем более что этим делом занят козел Ольденбург⁶! Жду Вашего ответа в Zoppot, так как считаю это страшно важным. Быстрота и натиск!

Жму Вашу руку,

Ваш П. Арапов.

P.S. Бумага всегда будет, деньги также, а Леонтьев только раз! Ceterum censeo Europam delendam esse⁸!

1 Эврика! (др.-греч.)

2 Речь идет о работе К. Леонтьева «Византизм и славянство», издать которую планировали евразийцы.

3 См. об «Устоях» примеч. 5 к письму Н.С. Трубецкого П.П. Сувчинскому от 12 февраля 1923 г. (№ 9).

4 Елизавета Владимировна Исакова — сестра А.В. Меллер-Закомельского. Периодически субсидировала евразийские издания до 1924 г.

5 Сопот (город в Польше; нем.).

6 П.Б. Струве.

7 Речь идет о Сергее Сергеевиче Ольденбурге (1888–1940) — историке, публицисте, участнике Белого движения; с 1920 г. находился в эмиграции в Берлине, с 1922 г. — в Праге. Автор истории царствования Николая II, в эмиграции придерживался консервативных взглядов; член редакционного комитета газеты «Россия и славянство» (1928–1934).

8 А кроме того, он думает, Европа должна быть разрушена! (лат.; перифраза слов сенатора Катона Старшего, которыми он завершал каждую свою речь в римском сенате во время III Пунической войны 149–146 гг. до н.э.: «А кроме того, я думаю, Карфаген должен быть разрушен!»).

II 9 июля 1923 года

Дорогой Петр Петрович!

Только что Арсеньев переслал мне Вашу телеграмму. Дело в том, что послать книгу Арсеньев отказывается. Так как это единственный экземпляр и в случае пропажи нельзя будет его возместить. Но я уже Вам писал, что нашел даму, которая берется переписать статью за 400.000 т[ысяч] марок. Дам ей ее, так как, по-видимому из Вашей телеграммы, возможность печатать есть. Я считаю еще раз, что это было бы полезно. Но надо, чтобы кто-нибудь написал бы вступительную статью, потому что там все же есть многое, что сейчас покажется неважным. Надо все освежить евразийским спором. Совершенно между нами говоря, я здесь узнал у Е[лизаветы] В[ладимировны] Исаковой, что деньги, получаемые нами от Меллера, — наполовину ее. Меллер ей написал, что для того, чтобы поставить издательство на ноги, надо на первых порах пятьдесят фунтов. Что сейчас он всю сумму дать не может, а что предлагает ей распределить пополам: 25 он и 25 она! Не вдаваясь в дурной «психологизм», я могу только констатировать тот факт, что, следовательно, за вычетом 5 фунт[ов] плюс 15 фунт[ов] последней присылки, итого 20 ф[унтов]. Мы можем рассчитывать, по-видимому, еще на 30 фунтов. Следовательно, хватит и на Леонтьева, и на первые «Устои» — так что бумага есть, (а Леонтьева также не надо издавать в большом числе — 1 500 экземпляров достаточно). Все это, конечно, «совершенно кон-

фиденциально». Жду от Вас ответа. Теперь я здесь остаюсь до пятницы, а может быть, и до следующего вторника.

Жму Вашу руку,

Глубоко уважающий Вас, П[етр] Арапов.

12 10 ИЮЛЯ 1923 ГОДА

Дорогой Петр Петрович!

Только что получил Ваше письмо. Недоразумение произошло вот в чем: я Вам писал, что Арсеньев отказывается книгу посылать по почте ввиду редкости и соглашается только дать ее, если я ее сам отвезу и привезу назад. Я не могу сейчас этого сделать на свои средства по финансовым соображениям ибо постоянные посылки в Берлин расстроили окончательно мой бюджет. Я думал, что дешевле обойдется дать перепечатать статью на машинке (не зная о невозможности такого приема!), и потому переговорил с одной местной дамой. Теперь я это отставляю. Но, по-видимому, придется отказаться от мысли печатать Леонтьева, так как посылать его нельзя и новых средств, кроме тех пятидесяти фунтов (из которых двадцать уже истрачено), о которых я Вам вчера писал, нигде доставать. Очень жалко. Во всяком случае, я сделал много выписок из Леонтьева и привезу их Вам в Берлин. Они будут в Вашем распоряжении на случай какого-либо их использования. Петру Николаевичу [Савицкому] напишу. Мне бы очень хотелось, если можно было бы, собрать всех к 28-му! Как Вы на это смотрите? Напишите, пожалуйста, с Вашей стороны П[етру]Н[иколаевичу Савицкому] и князю Труб[ецкому]. Как Ваш адрес в деревне? На всякий случай, если что-либо экстренное понадобится. Артамонов¹ застрял в Варшаве, так как поляки запретили выезд всем иностранцам, проживающим в Польше, на три недели! Боюсь, что это помешает ему приехать. Во всяком случае, я ему еще раз написал.

Жму Вашу руку,

глубоко уважающий Вас, П[етр]Арапов.

¹ Ю.А. Артамонов, соученик П.С. Арапова по Александровскому лицезу, резидент А.П. Кутепова и «Треста» в Варшаве. См. о нем «Введение» к настоящему изданию.

13 5 сентября 1923 года

Chessington Hall,
Chessington, Surrey.

Дорогой Петр Петрович!

Вчера наконец приехал к своим¹. Простите, пожалуйста, что все это время Вам не писал. Очень надеюсь, что к Вам зайдут или уже зашли А[лександр]А[лександрович Федоров]² и Артамонов, который, по моим сведениям, сейчас в Берлине. Напишите мне, пожалуйста, о результатах Ваших разговоров и какое впечатление на Вас произвел Артамонов³. Как идут дела со сборником? В Париже А[лександр]А[лександрович Федоров] остался очень доволен своим свиданием и [Великим князем]Н[иколаем Николаевичем], который, по тому, что А[ртамонов] мне рассказывал, видимо, действительно здраво смотрит на вещи. Это, может быть, и к худшему, потому что А[ртамонов] увлекся чисто «политическим» решением всего «дела»⁴. Нам, однако, надлежит все же, по-моему, не бросать наше сотрудничество, памятуя, что политика есть всегда комбинирование идеологии с действительностью. Пусть даже они частицу идеи затаaskaют, но тем самым она где-то уже выйдет как реальная слагающая. В Париже не нашел желательных для нас агентов, здесь, кажется, так же скучно в смысле людей. Мирский⁵, оказывается, в Париже, я это только перед самым моим отъездом узнал и не успел его повидать. Очень буду ждать от Вас известий с подробностями Ваших разговоров с А[лександром]А[лександровичем Федоровым] и Артам[оновым], если таковые были.

• Поцелуйте ручки Анне Дмитриевне.

Жму Вашу руку.

Ваш П[етр]А[рапов].

1 Родные П.С. Арапова (его мать и брат) проживали в доме князей Голицыных под Лондоном.

2 А.А. Якушев, представитель «Треста» и агент ОГПУ.

3 Реакция П.П. Сувчинского была осторожно-негативной, в частности потому, что он всегда оставался противником монархизма, а также поскольку представители «Треста» утверждали, что религия утратила свою привлекательность для населения России. См. письма Н.С. Трубецкого П.П. Сувчинскому выше.

4 Представители «Треста» проповедовали полный отказ от террора и интервенции, настаивали на подчинении эмигрантских организаций «Тресту» и предлагали ждать переворота внутри России.

5 Д.П. Святополк-Мирский.

14 9 сентября 1923 года

Дорогой Петр Петрович!

Вчера получил Ваше письмо. Мне кажется, что я здесь ничего не смогу сделать. Публика здесь такая, что ни гроша не даст. Очень легко приехать к старым друзьям и сказать им: «так мол и так, давай десять фунтов»; но к людям, которых не знаешь хорошо, так подойти нельзя. Здесь же все люди, которых я очень поверхностно знаю. В Лондоне я еще не был, кроме первого дня моего приезда, и никого не видел. Ездить туда (час поезда) дороже, нежели от Кенигсберга в Берлин и обратно. Попаду я туда на неделю, вероятно, только под конец месяца. Мой брат, который местный житель, также очень пессимистично настроен, что касается далее двадцати пяти фунтов. Одним словом — дело дрянь! А между тем я, конечно, понимаю, что это было бы «*lamentabile sine exhibu*»¹, как говорит Булла Пия X о модернистах! Ломаю себе голову, чтобы что-нибудь придумать. По-моему, если бы Меллер сюда приехал, ему бы легче было что-нибудь сделать, так как он имеет здесь много старых друзей. Был ли у Вас А[лександр]А[лександрович Федоров]? Если Вы его еще увидите, попробуйте ему кое-что намекнуть относительно денег! Так, осторожно. Какая это замечательная статья, которую прислал Н[иколай]С[ергеевич Трубецкой] и про которую пишет Меллер? «Вавилонская башня» или другая? Жду от Вас писем. Здесь замечательно. Красиво, хорошо и отдохновительно после Германии.

Поцелуйте ручки Анне Дмитриевне.

Жму руку, Ваш П[етр]Арапов.

P.S. Но главное — не откладывайте печатание! Деньги всегда будут, в этом я по-прежнему убежден!

¹ «Пусть печальное уйдет» (лат., искаженное).

2 Пий X (Джузеппе Мельхиоре Сарто, 1835–1914) — папа римский с 1903 г. Папская энциклика *Pascendi Dominici Gregis*, критикующая модернизм, была издана 8 сентября 1907 г. «Модернисты» — реформаторское течение в католической церкви Италии в первой декаде XX в. Течение стремилось к трансформации католической церкви, приспособлении ее к реалиям XX в., основываясь на гуманистическом наследии и идеях Просвещения.

15 13 сентября 1923 года

Дорогой Петр Петрович!

только что получил Ваше письмо. Очень рад, что Вы виделись несколько раз с Ю[рием]А[лександровичем Артамоновым] и А[лександром]А[лександровичем Федоровым]. Что касается их лица, то я, конечно, с Вами совершенно согласен. Одна надежда на время. Может быть, та эволюция, которую я замечал в пределах самой организации с начала этого года, пойдет, органически развиваясь, дальше, и тогда, я думаю, они поймут, что одними политическими паллиативами ничего не сделаешь. Они, в частности, А[лександр]А[лександрович Федоров] и Юрий Ширинский, которого я встретил в Страсбурге, нас упрекают в мечтательном идеализме и непрактичности. Посмотрим, кто практичнее, тот ли, который логичен до конца в тех выводах, которые он делает из всего прошлого и настоящего, или тот, который не видит дальше своего носа и говорит о том, что «политика есть всегда компромисс». Что это они в эпохе упадка, я согласен, но если мы верим в грядущий расцвет Российской культуры, мы на этом оставаться не можем. Очень Вам советую приналечь на Артамонова, он человек podatливый и молодой, если его совсем обратить — будет хорошим работником. Если А[лександр]А[лександрович Федоров] еще не уехал, попробуйте поговорить с ним о деньгах. Здесь пока безнадежно. Написал в разные стороны... Я думаю вернуться не раньше 1 октября. Дали ли Вы в печать? Деньги всегда найдем, как и в прошлый раз. Как адрес Артамонова? Написал ему, что до сих пор ответа не имею.

Жму Вашу руку,
Ваш П[етр]А[рапов].

16 10 января 1924 года

Дорогой Петр Петрович!

7-го послал тел[еграмм] Ю[рию]А[лександровичу] Артамонову] следующего содержания:

returnée Berlin depend arrivée Denisoff¹ [три слова неразборчивы] получил 8го ответ [неразборчиво] jour arrivée me (in)connu². Таким образом, по-видимому, если у Вас нет иных сведений непосредственно от Ю[рия]А[лександровича] Артамонова], вероятно, свидание состоится по проекту П[етра]Н[иколаевича] Савицкого] в феврале. Со своей стороны, я, вероятно, приеду в ближайшее время. Послал Вам одновременно статью из revue de Paris. Эта оценка, соответствующая действительности, которая за последнее время все больше начинает проникать во французскую печать снова, — очень завлечены Россией и большевиками. Сегодня завтракаем второй раз у Мирского³ (завтракали у него и на прошлой неделе). Много с ним говорим. Он все-таки замечательный человек. В общем, я не вижу его разногласий с нами, если не считать, может быть, отсутствия темперамента бойца и крайний индивидуализм.

Среди юнкерцев⁴ полный маразм. Зингер⁵ ведет сильное на них наступление и, по-видимому, выигрывает. Денег, впрочем, в Америке не достать. С Бородиным⁶ у меня полный контакт. Он, кажется, окончательно разочаровался в Юнкере. Книги он разослал. Пришлите, если можете, срочно еще пять экземпляров.

Получил письмо от Татищева. Его надо обязательно вызывать по возможности в Берлин. По-видимому, переписка его с П[етром]Н[иколаевичем] Савицким] его не удовлетворяет. Надо его свести со всеми вами лично. Сделал здесь кой-какие приобретения кроме Т[атищева]. Бородин — он отпал, кажется, впрочем, не совсем. Но к реальной работе не годен. Как Ваши дела с визой? Напишите по моему поводу!

Жму руку.

Ваш П[етр]А[рапов].

¹ «Возвращение в Берлин зависит от приезда Денисова» (фр.; правильно — retourpée). Денисов — А.А. Ланговой.

² «День приезда мне (не)известен» (фр.).

3 Д.П. Святополк-Мирского.

4 Юнкер — великий князь Николай Николаевич, «юнкерцы» — его сторонники.

5 Зингер — великий князь Кирилл Владимирович. Между Николаем Николаевичем и Кириллом Владимировичем шла борьба за право возглавить монархическую эмиграцию. В 1924 г. Кирилл Владимирович объявил себя императором.

6 Бородин — А.П. Кутепов. Александр Павлович Кутепов (1882–1930?) — военный деятель, генерал (1920); в 1906–1914 гг. заведовал учебной ротой Преображенского полка; участник Первой мировой и Гражданской войн. После эвакуации из Крыма командовал частями, расквартированными в Турции, в лагере под Галлиполи, где ввел жесткую дисциплину; был чрезвычайно популярен среди офицерского корпуса. В эмиграции проживал сначала в Болгарии, затем в Югославии и Париже; руководил боевой организацией Общевоинского Союза, который возглавил с 1928 г.; в 1930 г. был похищен агентами ОГПУ на улице в Париже; операция «Трест» в значительной степени была направлена против организации Кутепова.

17 19 апреля 1924 года

Дорогой Петр Петрович!

Вчера много говорил с Денисовым¹ и доволен как им, так и Артамоновым. В частности, в вопросе династии Ден[исов] всецело на нашей точке зрения, и идеологически и тактически, Артам[онов] идеологически также, но тактически не склонен придавать этому вопросу большого значения². Ден[исов] очень был заинтересован тем, что евраз[ийство] захватывает и передовые круги музыкального мира. Я ему сказал, что и Прокофьев, и Стравинский относятся сочувственно³. Он считает, что следовало бы заинтересовать и музыкальные круги в М⁴. Там, по его словам, есть больше последователей Агп. Schoenberg'a⁵ (кто уже!). Ден[исов] просит меня срочно Вам написать с просьбой написать письмо к знакомым Вам музыкальным кругам в М. Пожалуйста, сделайте это сейчас же. Не пишите ничего ни про «Трест», ни вообще политического характера, а скорее и исключительно *общее идеологическое*. Это важно во многих отношениях. В частности, для установления непосредственной связи евраз[ийства] с музыкаль-

ными кругами в М. Вы мне говорили, что Вам кто-то оттуда писал и делал даже кой-какие предложения. Письмо должно быть в форме декларации евраз[ийства] по вопросам искусства. Очень Вас прошу сделать это сейчас с таким расчетом, чтоб письмо это было здесь числа 28, *не позже*. Не могу Вам сейчас объяснить, отчего надо и именно в такой срок, во всяком случае, очень прошу это сделать. Все объясню при свидании.

Думаю, что моя поездка затянется и что я вернусь не раньше 15 мая⁶. Очень хотел бы, чтобы к этому времени Петр Ник[олаевич Савицкий] приехал бы в Берлин. Вероятно, придется сейчас же принять ряд важных решений. Если, даст Бог, все обойдется хорошо, мы сможем с Вами к концу мая поехать в Париж. Напишите об этом П[етру]Н[иколаевичу Савицкому], хотя я и сам ему об этом пишу. Эфрон⁷ переменял адрес: Wileze 56 v 19, пишите на его имя — мне. На Е[лену]В[ладимировну]Ис[акову] в смысле дела надежды мало. Нажимайте на Т[атьяну]Н[иколаевну Родзянко]⁸ и на П[етра]Н[иколаевича Савицкого]. В случае чего помните, что я взял еще 40 долларов у Гагарина⁹. Пока всего хорошего. Жду письма по вопросам музыки и искусства и вообще известий от Вас. Познакомился с [неразборчиво] Войцеховским¹⁰. Буду иметь с ним ряд разговоров.

Пока всего хорошего. Поцелуйте ручки Анне Дмитриевне.
Ваш П[етр]А[рапов].

1 А.А. Ланговым.

2 Ланговой-«Денисов» выступил как «молодой» представитель «Треста», который, в отличие от «старых» руководителей, отошел от монархизма и якобы разделял убеждения евразийцев. В результате евразийцы сделали его своим представителем в СССР, он возглавил «внутреннее движение».

3 Оба великих композитора были в течение многих лет близки с П.П. Сувчинским.

4 В России.

5 Арнольд Шёнберг (Arnold Schönberg, 1874–1951) — австрийский композитор, педагог, музыкальный теоретик и дирижер, глава так называемой «новой венской школы». Яркий представитель музыкального экспрессионизма, основоположник атональной музыки (в связи с чем обычно называют финал Второго струнного квартета Шёнберга 1908 г.). В начале 1920-х гг. разработал двенадцатитоновую систему — додекафонию, которой

пользовался и Стравинский, наряду с которым Шенберг может быть назван самым модернистским композитором первой половины XX в.

6 Речь идет об одной из нелегальных поездок П. С. Арапова в Москву.

7 Сергей Яковлевич Эфрон (1893–1941) — участник Первой мировой войны и Белого движения; муж поэтессы М. И. Цветаевой (с 1912 г.); с ноября 1920 г. находился в эмиграции в Константинополе, затем в Праге. Опубликовал несколько статей и рассказов; участник евразийского движения, соредaktor журналов «Своими путями» (1924–1926) и «Версты» (1926–1928), один из официальных издателей газеты «Евразия». С 1925 г. проживал в Париже, сотрудничал с иностранным отделом ОГПУ (с 1931 г.), генеральный секретарь парижского Союза возвращения на родину. В октябре 1937 г. бежал из Франции в СССР в связи с делом об убийстве советского перебежчика Рейса; жил в подмосковном Болшеве с семьей. Арестован в октябре 1939 г. и расстрелян.

8 Татьяна Николаевна Родзянко (урожденная княжна Яшвиль, 1892–1933), дочь княгини Н. Г. Яшвиль, известной своим участием в делах института Кондакова в Праге; супруга Г. М. Родзянко, сына бывшего председателя Государственной Думы. В начале 1920-х гг. — активная участница евразийского движения, помогала находить финансовые средства для движения. Т. Н. Родзянко присоединилась к евразийцам в 1922 г., вместе с А. В. Меллер-Закомельским и П. С. Араповым.

9 О каком именно Гагарине идет речь, установить не удалось.

10 Сергей Львович Войцеховский (1900–1984) — участник Гражданской войны, эмигрант, журналист, проживал в Варшаве (затем в Германии и Канаде); принимал активное участие в событиях вокруг «Треста», часто замещал в Варшаве Ю. А. Артамонова на посту резидента А. П. Кутепова и «Треста», о чем оставил чрезвычайно ценные воспоминания. См.: *Войцеховский С. Л. Трест: Воспоминания и документы*. Лондон: Онтарио, 1974.

18 24 апреля 1924 года

Христос Воскресе!

Дор. Петр Петрович!

Сейчас остался с Ю[рием] А[лександровичем] Артамоновым] один, так как Д[енисов]' выехал на несколько дней и возвращается лишь послезавтра. Из создавшейся обстановки я убедился, что нам совершенно необходимо выработать конкретную программу. Так как Вы мне на этот счет давали разрешение действовать, то за время отсутствия Д[енисова] я взял Ю[рия] Алек-

сандровича] Ар[тамонова] и «докладчика В»² и мы наспех состряпали программу. Спешность объясняется тем, что на днях Д[енисов] уезжает и что мы предполагаем, что, имея программу в руках, Д[енисову] будет легче разговаривать с правлением «Треста». План наш заключается в том, что если Д[енисову] и не удастся сразу убедить «Трест» принять нашу программу, то, по крайней мере, удастся создать внутри него официальную им («Трестом») признанную, группу нефти³, цель которой будет мирное завоевание «Треста». На первых порах будет хорошо, если мы официально закрепим за собою право пользования линией связи и организационным аппаратом. Программа наша будет носить временный характер и будет подлежать пересмотру совещания из представителей обеих группировок, долженствующего быть созванным в конце месяца. Как только она будет готова, вышлю ее Вам и П[етру] Н[иколаевичу]. Надо немедленно поручить Я[кову] Д[митриевичу] Сад[овскому] ее разработать и отредактировать вместе с П[етром] Н[иколаевичем] Савицким]. Здесь имеется в виду еще одно предприятие, о котором сейчас никак не могу Вам писать, но которое, если удастся, чревато большими последствиями, посему просьба моя, чтобы П[етр] Н[иколаевич] приехал к 15 мая в Берлин, остается в силе. Я убедился здесь в реальной силе Треста, с другой стороны, и Ар[тамонов], и Д[енисов], по-видимому, в очень хорошем духе, лучше даже, чем я мог ожидать. В самом «Тресте» положение сейчас чрезвычайно тяжелое и критическое вследствие особого нажима конкурентов⁴, встревоженных шумихой, поднятой у нас! Вот к чему это приводит. Мерзавцы могут погубить все дело.

Вчера был на концерте Куссевицкого⁵, играли 6 симфонии Чайковского. Варшава симпатична и все же чем-то напоминает Россию. Получили ли Вы мое письмо с просьбой прислать письмо-статью о музыке для Д[енисова]? Как идут дела Т[атьяны] Н[иколаевны] Родзянко с деньгами? Пора нажимать.

Пока всего хорошего. Поздравьте Анну Дмитриевну от меня с праздниками.

Жму Вашу руку,

Ваш П[етр] А[рапов].

- 1 А.А. Ланговой.
- 2 Возможно, имеется в виду С.Л. Войцеховский, который составлял для «Треста» доклады о положении в эмиграции.
- 3 Евразийства.
- 4 Большевиков.
- 5 Сергей Александрович Кусевицкий (1874–1951) — дирижер и контрабасист; основал симфонический оркестр (1908) и Российское музыкальное издательство (1909). С 1920 г. — в эмиграции. Организовал в Париже «Симфонические концерты Кусевицкого» (1921–1928). Руководитель Бостонского симфонического оркестра (1924–1949); пропагандировал русскую музыку, сочинения современных авторов; автор произведений для контрабаса. Был близок с П.П. Сувчинским, состоял с ним в переписке.

19 3 июня 1924 года

Дорогой Петр Петрович!

Только что получил телеграмму от Федорова¹, что он завтра будет проездом три часа по дороге к Вам. Завтра же выясню относительно меня самого. Во всяком случае, пожалуйста, сейчас же возьмите его по приезде в сильнейший оборот и подробнее обо всем переговорите. Буду телеграфировать Вам его адрес, если его узнаю завтра; дам ему Ваш. Получил также сегодня письма от брата и Эндена². Адрес моего брата 55 rue de Verneuil V arrond[issement] chez mademoiselle Yastrovsky. Брат просит ему сообщить, но не заходить, так как он только что туда поступил на место шофера. Энден прислал верноподданническое письмо. Между прочим, спрашивает и про Ставровского.

Главное же то, что мой брат сообщает мне адрес Меллера³, «который поселился здесь в Париже dans un hotel très chic rue Boissy d'Anglas „Hotel Vouillemont“»⁴. Rue Boissy d'Anglas параллельно rue Royale от Place de la Amende к Madeleine: захватите его скорее «dans un hotel très chic» au saut du lit⁵. Буду ждать с нетерпением Ваших впечатлений и результатов свиданий с Федоровым, Меллером, Энденом, моим братом и проч. Можете себе представить, что до сих пор от Т[атьяны]Н[иколаевны Родзянко] и П[этра]Н[иколаевича Савицкого] ни слова. Я им по просьбе Мукалова⁶ опять телеграфировал вчера, но так ответа и не получил. Между тем, Мука-

лов сидит здесь⁷, проедает деньги и начинает меня злить некоторыми манерами, которыми в свое время злил Ставровский. Пока всего хорошего.

Жму руку,

Ваш П[етр]А[рапов].

1 То есть от А. А. Якушева.

2 Михаил Николаевич Энден (1901–1975), в эмиграции с 1920 г. во Франции; окончил юридический факультет Парижского университета и Школу политических наук. Один из младших евразийцев-парижан.

3 А. В. Меллер-Закомельского.

4 «В очень шикарном отеле, рю Буасси д'Англа, „Отель Вуймон“» (фр.).

5 «„В очень шикарном отеле“ в теплой постели» (фр.).

6 Григорий Николаевич Мукалов — один из младших евразийцев. По свидетельству Савицкого, в 1924 г. был отправлен в Россию для связи с «Трестом». Как сообщает Савицкий, «Мукалов отказался вернуться в Прагу, прервал с нами деловую связь и остался в Ленинграде. Там его и застали трагические события весны 1927 г. [Раскрытие «Треста». — С. Г.]» (ГАРФ. Ф. Р-5783. Оп. 2. Д. 445. Л. 131). Запись сделана Савицким 5 января 1937 г.

• 7 То есть в Варшаве, где находился перевалочный пункт «Треста», которым руководил Ю. А. Артамонов.

20 4 ИЮНЯ 1924 ГОДА

Дорогой Петр Петрович!

Только что провел три часа между поездами с Алекс[андром] Алекс[андровичем Федоровым]¹. За это время, конечно, особенно ни о чем подробно переговорить не мог. А[лександр]А[лександрович Федоров] пробудет в Пар[иже] не более двух-трех дней. Постарайтесь обязательно с ним переговорить подробнее о программе. Она была им прочтена в Женеве, где была получена накануне его отъезда. И первый и второй проект вызывают в нем очень существенные возражения. Он протестует весьма энергично против придавания «чрезмерного» значения фактору православия и религии вообще. Пункт о православии он назвал елейным и прямо говорил о том, что большинство, громадное, русского народа

этим не интересуется и будет шокировано придаванием этому такого значения. В особенности же он резко выступал против возможности предоставления Церкви влияния на государственную жизнь. Все остальное (Вы скажете, вероятно, что ничего, следовательно, не осталось, однако это не совсем так) он принимает всецело: т[о] е[сть] и историософскую концепцию начала, т[о] е[сть] необходимость создания новой культуры, и «фактопоклонство», и «первозданность», и сов[етский] строй и пр[очее] и пр[очее]. В особенный спор за недостатком времени не вдавался, предоставляя это Вам. Боюсь, что здесь напортил Артам[онов], который, по-видимому защищал все это с точки зрения «чистого православия» и, по-видимому, на этой почве сильно повздорил с А[лександром] А[лександровичем Федоровым]. Конечно, как я неоднократно говорил при составлении программы, мое мнение среднее между Вашим и А[лександра] А[лександровича Федорова]. Я также считаю, что опасно в программе чересчур выделять религиозный элемент. Это надо сделать, во всяком случае, иначе, чем это сделано в обоих проектах. Убежден, что более удачная и действительно менее елейная, в некоторых местах, редакция не вызовет возражений никого. Гораздо хуже, и с этим я уже не согласен, некоторое недовольствие А[лександра] А[лександровича Федорова], когда он говорил, что «этим вопросом» в Р[оссии] никто не интересуется. В чем же дело? Ведь они все уверяли, что рел[игиозный] вопрос существует. Постарайтесь все это выяснить. Относит[ельно] монарх[изма] А[лександр] А[лександрович Федоров] молчал на мои явно антимо[н]архические речи, бывшая же с ним дама (очень энергичная и, кажется, толковая: советую и с ней познакомиться)² мне сильно возражала и говорила, что есть только одна дилемма, либо монархия — либо республ[ика]. Tertium non datur³, а потому надо открыто держаться за одно либо за другое. Вопрос о невозможности перехода от СССР к России и необх[одимости] системы Е[диной] Е[вразийской] Р[еспублики] очень понравился обоим и вызывает их полное сочувствие. Относительно Ллойда⁴ самое отрицательное отношение. А[лександр] А[лександрович Федоров] скрывает свой приезд от них и, кажется, вообще собирается прекратить всякие отношения. К Юнкеру⁵ — тактика использования для доставки средств — не больше. Пока всего хорошего. Жду известий. Я остаюсь здесь.

Ваш П[етр]А[рапов].

Сообщите, пож[алуиста], скорее адрес Ник[олая] Серг[еевича] Тр[убецкого] Забыл его записать.

1 То есть с А.А. Якушевым.

2 Скорее всего, речь идет о М.В. Захарченко.

3 Третьего не дано (*лат.*).

4 Высшего Монархического Совета.

5 Великому князю Николаю Николевичу.

21 14 июня 1924 года

Дорогой Петр Петрович!

До сих пор от Вас ничего не имею и знаю лишь от Ал[ександра] Ал[ександровича Федорова]¹ и от моего брата, что Вы были, по крайней мере еще к моменту отъезда А[лександра]А[лександровича Федорова], в Париже. После вторичного проезда здесь А[лександра]А[лександровича Федорова] некоторые решения, сообщенные, вероятно, Вам А[лександром]А[лександровичем Федоровым], были нами изменены. Пока я собираюсь через несколько дней поехать в Англию и, как Вам телеграфировал, буду в середине будущей недели проездом в Париже. Необходимо Вас повидать и переговорить. Здесь был только что Арсеньев² (он ездил на конференцию кружков, куда приезжали Еп[ископ] Вениамин и Зеньковский из Праги). Арсеньев меня поразил тем, что яро критиковал (насколько он это, конечно, может) всю атмосферу бердяевско-франковского благодушия и очень хвалил Карсавина. Причем говорил, что последнего надо обязательно использовать. Я взял с него обещание, что он об этом напишет Вам и Ник[олаю] Серг[еевичу Трубецкому]. Я показал Арс[еньеву] программу декларации и имел с ним двукратный и продолжительный обмен мнений. Должен сказать, что относительно второй декларации у меня возникает все больше и больше сомнений. Не говоря о редакционной части и о том, что в ней не чувствуется логического единства, я считаю, что многие возражения Алекс[андра] Алекс[андровича Федорова] относительно нежелательности внесения вопросов Церкви и религии в такой документ правильны и долж-

ны быть учтены. Я считаю, во-первых, что сомнительной является сама возможность уравновесить «демагогию» религиозным и даже церковным оправданием ее. Уравновешение «демагогии» должно быть произведено в иной плоскости, и я все более и более прихожу к заключению, что это может быть сделано только в определении характера верховной власти. То, что мы во второй программе исключили вопрос о царской власти, является большой ошибкой. Не исключать и обходить молчанием надо их, а разработать этот вопрос с нашей точки зрения наиболее конкретно и остро. В том виде, как рисуется государственный строй будущего в проекте №2 разница его с настоящим строем в России заключается, кажется, только в персональном укомплектовании верхов партии — «верхушки». В этом случае ясно, что приходится для оправдания такой замены прибегать к эксплицитному внесению религиозного элемента в программу. Между тем в идее царской власти и в ее форме религиозный элемент, «православие» присутствует имплицитно, что неизмеримо ценнее и прагматичнее. Я по-прежнему не отказываюсь от схемы децентрализации, скрепляемой центрированной единой партией, но думаю, что «царь» этому не противоречит. Повторяю, вопрос только в соответствующей разработке. Между прочим, Карсавин об царской власти говорил на съезде ~~причем~~ к великому негодованию Бердяева и Франка¹. Не поручить ли ему по этому вопросу сер[ьезную] статью? Получил вчера письмо от С[ергея] Л[ьвовича] Войцех[овского] и от Липского⁴. Первый, излагая разговоры в Женеве⁵ с А[лександром] А[лександровичем] Федоровым, говорит: «Оказывается, что идеология нефтяников, как она нашла себе отражение в декларации, неприемлема для подавляющего большинства трестцев по той же причине, по которой я не считаю себя вполне нефтяником, т[о] е[сть] ввиду исключительности и непримиримости нефтяников⁶ в религиозной области. Приехавшая вместе с А[лександром] А[лександровичем] Федоровым племянница Бородина⁷ выражала совершенно атеистические воззрения. А[лександр] А[лександрович] Федоров их слегка корректировал, говоря о наличии религиозных настроений, но определенно протестовал против вмешательства религии в дела кесаревы». Липский всем этим, по-видимому, удручен «с точки зрения чистого православия», однако, и он говорит: «Я согласен выкинуть все пункты, где говорится

о церкви, православии и христианстве, но сполна все выкинуть. Составляй программу только светскую, выброси элементы веры вообще...», а дальше: «Федоров говорит, что христианство антигосударственно, пора доказать обратное». — Приблизительно такие же разговоры были и здесь. Я, между прочим, усиленно возражал против жонглирования термином «христианство» и говорил, что знаю только «православие». После долгих разговоров доказал им, по-видимому, что «православие не антигосударственно», однако под конец Федоров и его спутница объявили мне, что будучи согласны с такой точкой зрения, они все же считают ее парадоксальной и не ортодоксально христианской.

Пока, всего хорошего,
Ваш П[етр]А[рапов].

1 То есть от А. А. Якушева.

2 Николай Сергеевич Арсеньев.

3 Речь идет о съезде Русского студенческого христианского движения в Пшерове в конце 1923 г.

4 Ю. А. Артамонов.

5 В Варшаве.

6 Евразийцев.

7 «Племянница» — кодовое имя Марии Владиславовны Захарченко; Бородин — А. П. Кутепов.

22 25 июня 1924 года

Дорогой Петр Петрович!

Уезжаю сегодня в Англию. Пишите туда. Видел и слышал массу интересного, о чем напишу подробно из Англии. Между прочим, впервые в жизни видел и имел некоторые авансы от масона. Это оказался один очень уважаемый мною и лично близкий человек. Уверял меня, что это белое масонство и что устроено оно нарочно, чтобы бороться с масонством настоящим. С другой стороны, беседовал с членами нового антибольшевист[ского] Интернационала, устроенного Auber'ом, защитником Конради'. Кажется, что русской секцией этого Инт[ернационала] заправляет стар[ый] герцог Лейхт[енбергский]¹ (с которым долго бесе-

довал), Карташев (его мне не удалось видеть) и д[окто]р Ладыженский¹ (провел с ним вечер). У них только что был здесь съезд представителей всех стран. Между прочим узнал что в организ[ацию], возглав[ляемую] Лейхт[енбергским], вошел и Меллер²!! Новое engagement³! Лейхтенб[ергский], Ладыженский и масон очень сочувственно отзывались о евразийств[е]. О всем этом напишу подробнее. Считаю, что если бы Вы могли, Вам бы стоило проехать назад через Париж⁴ и еще раз подробнее переговорить с Карташевым.

Пока, всего хорошего, привет. П[етр]А[рапов].

¹ См. примеч. 6 к письму Н.С. Трубецкого П.П. Сувчинскому от 7 июня 1924 г. (№ 31).

² Князь Г.Н. Романовский, герцог Лейхтенбергский.

³ Юрий Ильич Лодыженский (1888–1978) — врач, в 1920–1930-х гг. — глава Международного комитета «Pro Deo» («Во имя Бога») в Женеве, организованного для помощи беженцам из коммунистических стран, уполномоченный РОКК в Швейцарии. Он представлял эту организацию при Международном комитете Красного Креста, был членом Бюро Лиги Обера по борьбе с III Интернационалом, созданной в 1924 г. Придерживался крайне консервативных взглядов.

⁴ А.В. Меллер-Закомельский.

⁵ Связь, увлечение (фр.).

⁶ Письмо адресовано П.П. Сувчинскому, находившемуся на курорте в Ницце.

23 28 июня 1924 года

Дорогой Петр Петрович!

Третьего дня приехал сюда. Сегодня утром говорил по телефону с Мирским¹. Он едет в среду в Париж и далее на юг и надеется Вас очень увидеть. Если он на юг не попадет, то было бы очень хорошо, чтобы Вы проехали на обратном пути через Париж и его бы там повидали. Я с ним сговорился завтракать в «Спутник[е]». Постараюсь его предварительно обработать и сообщу Вам как о содержании разговора, так и о том, где он будет и где Вы его сможете повидать. Теперь я Вам уже писал о том, что я в Париже столкнулся с масоном. Это один мой хороший знакомый (воен-

ный). Человек достойный и не глупый. В Константинополе был ярым антимасоном и всюду заподозривал масонские козни. Он говорил теперь мне, что решил поступить в ложу, потому что изверился в какие-либо средства борьбы с большевиками. Между тем, после того как большевики запретили масонство в России, последние стали их яркими врагами и единственной силой, могущей бороться с ком[мунистическим] интернационалом. Засим он мне объяснил, что в Париже есть два русских масонских течения: одно, новонародившееся, называется «Русским масонством», оно причисляет себя к «шотландскому ритуалу», не принимает жидов и враждует с Grand Orient de France⁴, от которого зависит другое масонское русское течение ~~среди русских~~. К этому второму принадлежат ряд лиц, бывших еще раньше до революции причастными к масонству. Во главе «Русского масонства» стоит Половцев (ген.). Состоит оно главным образом из людей «приличных» и ставит своей целью (тайной, конечно) борьбу с Grand Orient. Между прочим, кажется (имен мне мой знакомый ни за что не хотел говорить), что к этому масонству принадлежит и Карташев. Я совершенно верю, что мой собеседник искренно пошел в масонство, веря во все вышеизложенное, однако, при раскрывающейся картине не думаете ли Вы, что все это только западня и все эти на вид различия и даже борющиеся друг с другом организации руководятся единым центром? Я начинаю этому верить! Должен сказать, что мне стало несколько жутко, когда мой приятель начал описывать силу и распространенность масонства. Между прочим, я Вам уже вкратце писал, что в Париже было только что учредительное собрание нового Интернационала, организованного защитником Полунина (процесс Конради) Auber'ом. На этот съезд приехали представители Франции, Швейцарии, Бельгии, Англии, Швеции, Норвегии и России. ~~Из русских~~ В русской секции большую роль играет д[окто]р Лодыженский (замешанный в процесс Конради), участвуют герцог Георгий Лейхтенб[ергский] (отец молодого), Карташев, Кутепов, (Н[иколай]Н[иколаевич]!!)' и пр. Я беседовал с д[окто]р[ом] Лодыженским. Он, между прочим, очень сочувственно говорил о евразийстве, но, как всегда, упрекал в неясности формулировок и в пассивности. По-видимому, он лично — сторонник террора. На другой день я зашел к герц[ог]у Лейхт[енбергскому] и имел с ним очень длинный разговор с глазу

на глаз. Я, между прочим, усиленно возражал против самой идеи интернационала. На это он мне сказал, что они постановили на учредительном съезде, что так как их основная задача борьба с Коминтерном, а борьба эта может протекать только с методами, противоположными методам Коминтерна, то принципом их должна быть поддержка национальных сил каждой страны. На это я ему возразил, что, во-первых, это ~~явное~~ грешит внутренним противоречием, а во-вторых, отметил невозможность примирить хотя бы национальные силы таких стран, как Франция и Германия. Лейхт[енбергский] мне сказал, что он теперь едет в Германию, где будет пытаться в переговорах с правыми немецк[ими] кругами найти соответствующее решение. Средства у них кой-какие есть и они уже выпустили воззвания, призывающие к жертвованиям. Между прочим, большую роль играет в бюро интернационала и Ливен⁴, с которым в тесной связи находится Павлов⁵, так что, по-видимому, здесь и не без последнего. Хотя мне говорили, что он совсем скис и сам больше на поводу у Ливена, чем наоборот. Бюро находится в Женеве, председатель его Auber, а секретарь Лодыженский. Теперь, когда я обо всем этом говорил с моим масоном, он мне заявил не без усмешки: «Ну, они все будут у нас в руках. Ведь Auber — масон».

Пример моего приятеля показывает, во всяком случае, что чрезвычайно опасно, якобы для того чтобы бороться с ними, поступать к масонам. Я полагаю, что нам это не следует пробовать. Однако интересно, что Карташев? Не мешало бы Вам еще раз проехать к нему и пощупать его. Что касается того, что у них происходит в ложах, то, конечно, мой знакомый мне ничего не говорит подробно. Однако я мог из его рассуждений понять, что занимаются там между прочим и оккультными науками. Причем не раз упоминалась моим приятелем религия будущего, которая должна явиться синтезисом христианства и религий Индии и Востока вообще. Политикой якобы занимаются мало. Виделся с Энден⁶ом и свел его со Ставровским. Энден в деле, хотя пугает меня своими склонностями к «розовому христианству». Ширинского видел перед отъездом и также познакомил его со Ставровским. Они остались после моего ухода (я слышал) вдвоем, и Ставровский, пришедший на вокзал меня провожать, говорил мне, что Ширинс[кий] произвел на него чрезвычайно растерянное впечат-

ление: он, по-видимому, ищет поддержки и теперь скоро будет *esui a fruit*⁶. Это хорошо. На другой день после Вашего отъезда был в балете. К несчастью, давали только французские вещи, и довольно слабые. Видел в публике Стравинского⁷ — да толку в этом мало. Пока всего хорошего. Пишите. Сообщаю все это Трубецк[ому] и Савицк[ому]

Ваш П[етр]А[рапов].

1 С Д. П. Святополк-Мирским.

2 Французская ложа «Великий Восток» (*Grand Orient de France*) — одна из крупнейших и наиболее влиятельных масонских лож, была чрезвычайно активна также и в России.

3 Великий князь Николай Николаевич; к нему был близок А. П. Кутепов.

4 Анатолий Павлович Ливен (1862–1937), светлейший князь — курляндский помещик, публицист, военный и общественный деятель, монархист, после революции в эмиграции в Берлине, соиздатель сборников «Белое дело» (1926–1933), участник ультраконсервативной националистической организации Братство Русской Правды.

5 Имеется в виду лейтенант флота А. Павлов, в эмиграции возглавлявший Братство белого креста, см. выше.

• 6 Созреет (*фр.*).

7 Игорь Федорович Стравинский был близок с П. П. Сувчинским.

24 1 ИЮЛЯ 1924 ГОДА

Дорогой Петр Петрович!

Только что получил Ваше письмо со вложением письма П[етра]Н[иколаевича Савицкого]. Я, конечно, принципиально согласен с идеей привлечения более широких кругов в целях обеспечения займа и, в частности — Липского и Эндена (я уверен, что оба согласятся)¹. Обо мне просто нечего и говорить, это само собой разумеется. Гораздо труднее представляется мне нахождение сумм (даже для займа) здесь. Я убедился лишний раз, что разговоров и обещаний масса, а когда дойдет до дела, то ничего никто не дает. Попытаюсь еще раз, но за результат не ручаюсь. Вернее будет обратиться к американцам Т[атьяны]Н[иколаевны Родзянко] и, может быть, к Волкову² — что и сделаю. Насчет ста-

тей еще раз напишу в Бостон и намекну еще насчет денег¹. Предложение Меллера надо, конечно, принять только в крайнем случае — надо вообще его снобировать теперь. Что касается меня, то, конечно, несмотря на все, я поеду и в Ригу, и в Варшаву. Все-таки (дело Мук[алова]⁴ — лишний пример в этом отношении) «Трест» является пока единственным органом сношений и порывать с ним нельзя. Да и к тому же интересно повидать кого-нибудь и кроме А[лександра]А[лександровича Федорова] — надо искать в самом «Тресте» людей. Я остаюсь здесь еще до 8-го. Ответьте мне сюда. Посылаю Вам при сем статью из «Вечерн[его] Времени» о докладе эсера Бунакова⁵. Он, вероятно, из группы Степуна? По-моему, надо на них обратить серьезное внимание. Это Вам легче будет в Париже. Написал Эндену, чтобы он послал этот номер «Веч[ернего] Вр[емени]» П[етру]Н[иколаевичу Савицкому], так что эту вырезку оставьте у себя. Вы мне ничего не пишете о Вас[илии] Алекс[андровиче]⁶? Мною предпринят большой план его обработать. Он мне очень нравится. С интересом набросился на выписки. Вышлите ему, пожалуйста, целый «Временник» и, если найдется, «Европу и Чел[овечество]» по адресу: Н[is] Н[ighness] Prince Vassili of Russia, Princes Gate 2 London S.W. Пока, всего хорошего. Поцелуйте ручки Анне Дмитриевне. Поймайте скорее Шотта⁷, а то он уедет. Относительно Шотта, Ллойда⁸ и нас — конечно, кое-что они знают, но открыто это говорить Ллойд пока не надо, в частности, не говорите о том, что письма для Ллойда прочитывались нами.

Ваш Петр Арапов.

1 Ю.А. Артамонова.

2 Вероятно, речь идет о Николае Александровиче Волкове (1870–1954), контр-адмирале (с 1913 г.), военно-морском атташе в Англии. После революции Волков оставался в Лондоне морским агентом белых русских правительств и продолжал жить в Лондоне в эмиграции, возглавляя Общество морских офицеров; в его доме одно время жил А.В. Малевский-Малевич. Дочь Н.А. Волкова, Анна Волкова (Wolkoff, 1902–1973), одно время входила в группу лондонских евразийцев, в дальнейшем стала активной сторонницей нацистов, осуждена в 1940 г. в Британии за шпионаж в пользу Германии.

3 Вероятно, речь идет о контактах с американцем Генри Клузом-младшим.

4 Об инциденте с Г.Н. Мукаловым см. примеч. 6 к письму П.С. Арапова П.П. Сувчинскому № 19.

5 Илья Исидорович Фундаминский (литературный псевдоним — Бунаков) (1880–1942) — известный эсер; учился в Гейдельберге и Берлине. Эмигрировал во Францию в 1919 г. Историк, публицист, редактор журнала «Современные записки». Один из организаторов Лиги православной культуры (1930). Вместе с женой А.О. Фундаминской (дочерью чаеоторговцев Высоцких) оказывал благотворительную помощь многим русским эмигрантам во Франции. Участник Русского студенческого христианского движения (РСХД) и Православного дела. Перед приходом в Париж нацистов отказался покинуть Францию и погиб в немецком концлагере.

6 Василий Александрович Романов (1907–1989), великий князь, племянник Николая II и внук Александра III; сын великой княгини Ксении Александровны и великого князя Александра Михайловича. Проживал в Англии, возглавлял впоследствии родственное объединение Романовых.

7 Ю.А. Ширинского-Шихматова.

8 Ллойд — Высший Монархический Совет, ультрареакционная эмигрантская монархическая организация, поддерживавшая великого князя Кирилла Владимировича.

25 3 июля 1924 года

Дорогой Петр Петрович!

Два дня провел в Лондоне. Просидел оба раза от 11 до 6 в библиотеке British Museum, вход в которую мне устроил Мирский¹. Обложил себя Леонтьевым и всем, что о нем имеется. Последнего (то есть Леонтьев весь, но литературы о нем), к несчастью, немного. Нашел сборник «Памяти Леонтьева», выпущенный в 1911 году, где, между прочим, имеются статьи митрополита Антония (довольно поверхностная) и В. Розанова². Эта последняя интересна. В конце этого сборника большой перечень библиографии, относящейся до Леонтьева. Там, между прочим, цитируются и две статьи Лескова: 1) «Граф Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский как ересиархи» напеч[атана] в жур[урнале] «Новости» от 1 и 3 апр[еля] 1883 г[ода] № 13 и 2) «Золотой Век. Утопия общественного переустройства. Картины жизни по программе Леонтьева» в тех же «Новостях» от 22 и 29 июня 1883 г. Т[ома] 80 и 87.

Достать эти статьи не мог в Brit[ish] M[useum]. Не знаете ли Вы, как знаток Лескова, каково было отношение последнего к Леонтьеву? Это очень интересно.

С Мирским завтракали третьего дня вместе с Мейендорфом¹. Последний, кажется, очень антиевразийски настроен. Мирский сам уверяет, что он не переменял ничуть отношения своего к евразийству, но считает, что в настоящее время евразийство полезно. Однако по прочтении программы сказал, что он не вернется в Россию, когда мы сделаем переворот! Он считает, что вообще единой доктрины евразийства нет, и что у отдельных авторов выражены взгляды порой настолько различные, что они не сводимы, не обязательно идут вместе и не составляют единого стройного целого.

Выражал ошибочный взгляд (на что я ему сильно возражал), что евразийцы эволюционируют, и что основная разница, отделяющая нас от Леонтьева, в том и состоит, что последний понимает историю статически, а мы якобы динамически. Мирский выставляет как большое преимущество и здравость релятивизм Леонтьева. На это я ему возражал в том смысле, что и мы в некотором смысле релятивисты (то есть в том, как это понимал Леонтьев, который не был безбрежным релятивистом). В общем, разговор носил все время несколько шуточный характер. Поймите его обязательно в Париже либо на юге: он вчера утром уехал. Статью о Ремизове он не написал, но по-прежнему готов это сделать. Теперь насчет Парижа. Получил подробное письмо от Эндена, написанное после его свидания с Бородиным⁴. Пересылаю его одновременно Вам. Вы из него увидите, что Эндена, которого Бородин привлек к своей работе, смущает совмещение работы по линии нефти⁵ с работой по линии «Треста». Я ему на это написал буквально следующее: «Мне кажется, что Вы не должны смущаться совмещением работы по линии нефти с работой по линии „Треста“. Я нахожусь совершенно в том же положении, что и Вы, и разрешаю это приблизительно так, как, я думаю, разрешает для себя эту проблему масон, состоящий в какой-нибудь правительственной или иной организации. Вся задача заключается именно в том, чтобы из „Треста“ сделать нефтяную организацию, то есть, вернее, организацию, способствующую достижению нефтяных целей. Так как по существу „Трест“ является очень хорошим механизмом, но без души, то та-

кой механизм может явиться орудием в руках любой группировки, цели которой внешне совпадают с чисто „практическими“ целями „Треста“ — то есть свержением ком[мунистической] власти и установлением мон[архии]. — Нам надлежит этим орудием воспользоваться. — Когда я ездил в Женеву⁶ на свидание с приехавшим из Варшавы⁷ Купцом⁸, то мы полагали, что мы создадим как в Польше⁹, так и здесь, нефтяное торговое дело, которое внутри самого „Треста“ будет иметь вполне зафиксированное, легальное положение и будет пользоваться его аппаратом. Между нами (Купец сам — ярый нефтяник) была поставлена задача постепенно захватить весь „Трест“ в нефтяные руки. В настоящее время я пришел к заключению, что для достижения этой цели предположенная нами тогда тактика неправильна. В самой же Варшаве¹⁰, по-видимому, „отцы“ не совсем отнеслись сочувственно к нашему плану, видя в нем попытку (и не без оснований) создать государство в государстве и опасаясь того самого захвата, о котором я Вам пишу выше. Я считаю поэтому, что нам сейчас надо перейти на тактику масонов: то есть не торговое дело, самостоятельное, а группы, члены которых проникают постепенно во все возможные и любые торговые дела. — Я думаю, что Вы согласитесь со мной, что это представляет во всех отношениях большие преимущества и вместе с тем не ставит нас на опасный путь „прямого“ (т[о] е[сть] непосредственного) политиканства. Здесь, конечно, нужна величайшая осмотрительность в выборе людей. Причем надо иметь в виду, что всегда есть опасность, что тот или иной человек может поддаться и не ради нефтяного дела, а за совесть начать работать в том или ином направлении. Поэтому и можно разрешать идти на такое совмещение только людям испытанным. В общем же Ваша работа совместно с Бородиным может быть чрезвычайно полезной, как в смысле создания соответствующей атмосферы вокруг Юнкера¹¹, что всегда не мешает, так и в смысле информации нефти». (?)

Думаю, что Вы в общем согласитесь с этими положениями, хотя они в некотором смысле по-новому определяют нашу тактику. Из различных разговоров, размышлений и писем я убедился в настоящее время, что, пожалуй, тактически наиболее сильной будет позиция, предлагаемая мной в этом письме. Очень прошу Вас мне подробно сообщить Ваши соображения на этот счет. В самом деле, становясь на вышеизложенную позицию, мы: во-первых, удачно от-

ходим от соблазнов стать партией и вовлечься в общую межпартийную стряпню. Во-вторых, мы приобретаем возможность действовать во всех направлениях, выгодных нам — (фактически мы и до сих пор так делали: с[оциалисты]-р[еволюционеры] (!!)) если бы мы сразу стали партией, мы бы эту выгоду потеряли). В-третьих, разрешается как нельзя лучше вопрос с программами и декларациями. Очевидно, что нам надо теперь *для себя* создавать ~~декларацию~~ программу эзотерического характера. Так называемая негласная политич[еская] тактич[еская] прогр[амма] деклараций будет нами создаваться специально для «Треста» — который до сих пор своей программы не имеет — таким образом, в соответствующей степени мы будем иметь и «Трест» в своих руках (при условии, конечно, что мы и туда (в центр) пропихнем кого-нибудь ответственным членом нашей группы). В-четвертых, отпадают тем самым сомнения и споры относительно пресловутой формулы: «лаборатория мысли». — (Я между прочим провел третьего дня вечером около трех часов у нашего общего знакомого Б.¹² Разговор был очень интересен, но Б., по-видимому, окончательно убежден в том, что только конкуренты¹³ способны осуществить нац[иональное] призв[ание] Рос[сии]. О какой-нибудь работе против них говорит с усмешкой и считает это немыслимым и даже нежелательным. Говорил с ним о Павлове¹⁴. Он его всерьез не берет и считает ненормальным... Об этом подробно напишу Вам в другой раз, так как это надо изложить подробно изто, в общем, и не к спеху.) Кстати, если мы встаем на предлагаемую мною позицию, то и здесь мы сможем влиять иначе и, пожалуй, сильнее. Пока, всего хорошего. Пишите. Получили ли Вы мое последнее письмо о масонах? Сообщаю все содержание настоящего письма Савицкому. Труб[ецкому] не пишу подробно, так как он Эндена не знает. Напишите ему подробно о всем этом.

Ваш П[етр]А[рапов].

1 Д.П. Святополк-Мирский.

2 Памяти Константина Николаевича Леонтьева. СПб., 1911.

3 Возможно, что речь идет об Александре Феликсовиче Мейендорфе (1868–1964), бароне, приват-доценте по кафедре прибалтийского права Санкт-Петербургского университета, одном из основателей октябристской партии и бывшем депутате Государственной Думы; с 1919 г. находился в эмиграции в Англии, преподавал в London School of Economics и, таким образом, был коллегой Д.П. Святополк-Мирского.

- 4 Бородин — кодовое имя А. П. Кутелова.
- 5 Евразйства. Михаил Энден был смущен тем, что его вовлекали в работу подпольной монархической организации, которая не разделяла евразийских убеждений.
- 6 В Варшаву.
- 7 Из Москвы.
- 8 Купец — А. А. Ланговой-«Денисов».
- 9 В России.
- 10 В Москве.
- 11 Великого князя Николая Николаевича.
- 12 Лицо установить не удалось.
- 13 Большевики.
- 14 Вероятно, имеется в виду лидер Братства белого креста, см. о нем выше.

26 9 июля 1924 года

Дорогой Петр Петрович!

Необходимость нераздельного [неразборчиво] евразийского центра для меня совершенно ясна, и в этом отношении я считаю, что если мы только примем «масонскую» тактику, то мы обязаны еще больше следить за сплочением евраз[ийского] центра и стремиться к еще большей дисциплине. Относительно Юнкера¹ — согласен, однако думаю, что Эндену — «отпускную» дать надо. Написали ли Вы от себя ему что-либо? Если нет, то напишите.

Финансовая сторона дела нашего меня очень по-прежнему беспокоит. Однако надежды на Англию очень мало. Русские не дают, а англичане тратят 300 фунтов на какой-то общественный теннис (один знакомый англичанин пожертвовал 300 ф[унтов]!), но на евразйство ни копейки не дадут. Скорее еще на какую-нибудь политическую организацию с ошутительными «результатами» в духе пресловутого «интернационала»². Волкову уже написал. Чего он будет делать в Ницце? И есть ли на него вообще хоть какая-либо надежда в каком-либо отношении? Что Вам говорил Мирский³ о евразйстве? Пока, всего хорошего. Что нового в Берлине? Поцелуйте ручки Анне Дмитриевне.

Ваш П[етр]А[рапов].

P.S. Получил открытку от П[етра]Н[иколаевича Савицкого]. Он согласен на «масонскую» тактику. Писали ли Вы об этом Труб[ецкому]?

1 Великого князя Николая Николаевича.

2 Речь идет о Лиге по борьбе с III Интернационалом во главе с Т. Обером.

3 Д.П. Святополк-Мирский.

27 16 июля 1924 года

Дорогой Петр Петрович!

Пересылаю Вам последнее письмо Эндена. Пожалуйста, заставьте «Логос»¹ передать ему несколько экземпляров «Временника», и, если у Вас есть, пошлите ему несколько экз[емпляров] и «На Путиях»². То же самое было бы очень желательно послать и в Варшаву³, плюс еще 20 экз[емпляров] «России и латинства»⁴ [разорвано] я думаю, можно не посылать. Относительно моего путешествия ничего не слышно пока, Артам[онов] пишет, что А[лександр]А[лександрович Федоров] собирается на ярмарку в К[енигс]берг в августе и что думает поэтому, что пока мое путешествие откладывается⁵; в таком случае скоро приеду. В смысле финансовом довольно все скверно. Меня обещают познакомить с одной богатой англичанкой, которая якобы может пожертвовать при удачном стечении обстоятельств. Но что это за кустарщина! Нам надо настоящий источник дохода. Т[атьяна]Н[иколаевна Родзянко] пишет, что надеется на поездки Мук[алова] - обкрутить свою «птицу». Последнее время вижу каждый день местную русскую компанию во главе с двумя младшими сыновьями Ксении Александровны⁶. Все это шушера непролазная. Единственное исключение — младший сын Кс[ении]Ал[ександровны] Василий⁷. Очень симпатичный и милый, но хулиган зато невозможный и погибает в негодной компании снобов и прихлебателей. В общем грустно и паршиво. Читаю усиленно Леонтьева и что-то пишу. Вокруг Леонтьева сплошное недоразумение, да и он сам «смятенный лик» Революционера — он апологет консерватизма (по ошибке). Все — беспросветное время;

он сам — «диктатор без диктатуры», так сказать, кто-нибудь проигравший в карты в провинциальном городишке. «Вы все дураки», как говорил про Л[еонтьева] Василий Розанов. Боюсь, что изложить систему Леонтьева невозможно, настолько она парадоксальна и противоречива, но ее можно и должно выстрадать и найти волю и власть, чтобы ее воплотить не на бумаге, а в жизни!

Пока, всего хорошего.

Ваш П[етр]А[рапов].

1 Книготорговая фирма в Берлине (см. выше), занимавшаяся распространением евразийской литературы.

2 Сборник «На путях».

3 В Москву.

4 Сборник «Россия и латинство».

5 То есть поездка П.С. Арапова в Москву.

6 Ксения Александровна Романова (1875–1960), великая княгиня, сестра Николая II.

7 Великий князь Василий Александрович.

28 21 июля 1924 года

Дорогой Петр Петрович!

Только что получил Ваше письмо от 19 [июля 1924 года]. Как мне не жаль оставаться одному в Берлине, но должен сказать, что, конечно, при создавшейся обстановке как Вашей личной, так и в той же мере деловой, Ваш переезд в Париж представляется мне несомненно желательным. Контакт с профессорскими кругами теперь, очевидно, легче будет поддерживать в Париже, так как они все туда переезжают. Вместе с тем Ваше присутствие там облегчит контроль над действиями Эндена, Ставровского и проч. Что касается «Временника», то твердо убежден, что деньги будут, хотя пока конкретного источника не вижу. Волкову напишу. Здесьведу подкопы в разные стороны. Результатов еще не видно ни в ту, ни в другую сторону (то есть ни в сторону неуспеха, ни в сторону успеха) — так что надежда еще есть. Послали ли Вы через «Логос» экземпляры «Врем[енника]» и «Рос[сии] и Лат[инства]» в Варшаву

и Париж? Теперь у меня следующая большая и срочная просьба. Пришлите мне по два экземпляра оттисков: 1) «Подданства идеи» 2) «К преодолению революции» 3) «Реакция? Революция?» 4) «Подв[иг] Власти» и 5) «Оппонентам Евразийства»¹. Я здесь усиленно обрабатываю, пока исподволь и больше на личной почве (не подумайте дурного!), младшего из внуков Императ[рицы] Марии Фе[доровны] Василия. Я Вам уже писал, что он очень хороший и т[ак] к[ак] оч[ень] молод, то может быть подготовлен. Надежда у меня увеличилась после того, как он на днях объявил мне при разговоре (хотя ранее об этом речи никогда не было и он не знал даже моего отношения к делу), что мы, русские, не европейцы, а евразийцы (!!). Перед отъездом вручу ему на прочтение 5 названных статей, если Вы их пришлете. Сборник давать не стоит, т[ак] к[ак] читать он его не будет — слишком громоздко для младенца. Если оттисков нет, то пришлите сборник, я вырву здесь сам.

Пока, всего хорошего, поцелуйте ручки Анне Дмитриевне. Костюм куплю обязательно. О статьях американца ни слуху ни духу².

Жму руку,

Ваш П[етр]А[рапов].

Жду до 31 ответа от А.А.

¹ Речь идет о следующих статьях: *Савицкий П.Н.* Подданство идеи // Евразийский временник. Берлин, 1923. Кн. III. С. 9–17; *Сувчинский П.П.* К преодолению революции // Там же. С. 30–51; *Трубецкой Н.С.* У дверей: Реакция? Революция? // Там же. С. 18–29; *Шахматов М.В.* Подвиг власти: Опыт по истории государственных идеалов в России // Там же. С. 55–80; *Садовский Я.Д.* Оппонентам евразийства: (письмо в редакцию) // Там же. С. 149–174.

² Речь идет о проекте публикации сборника статей евразийцев в США на средства Генри Клуза-младшего.

29 24 июля 1924 года

Дорогой Петр Петрович!

Только что получил известие о том, что я должен ехать на свидание с Федоровым¹ в Ригу. Уезжаю, вероятно, 31. Получил известие от Шотта², что он должен в августе месяце ехать на шесть

недель в Голландию. Очень прошу Вас, во-первых, поговорить с ним относительно финансовых возможностей (в Голландии деньги есть). Во-вторых, пусть Шотт Вас познакомит с лицом, через которого идет почта от Артам[онова]. Это необходимо сделать на всякий случай. Я написал Артам[онову], чтобы он после отъезда Шотта не пользовался этой линией для общения с Ллойдом (зная, что Вы не хотите иметь с последним дела), однако, может, быть понадобится общаться прямо Вам с Артам[оновым], а потом, конечно, в экстренном случае, Вы не постесняйтесь и передать что-нибудь Ллойд¹ (я думаю что это не придется совсем делать). Считаю это необходимым (т[о] е[сть] Ваша связь с Артам[оновым]), дабы в случае отъезда Шотта и моего отсутствия, связь не попала бы в чужие руки. К тому же это пригодится для моей переписки с Вами. Артам[онову] я об этом уже написал. Шотт велел передать Ллойд² в случае своего отъезда, что я на днях возвращаюсь и что до моего приезда им надо ждать. Повидайте Шотта обязательно и еще раз скажите ему, чтобы он дождался пакет от Артам[онова], который он должен передать Ллойд³, дабы это не пришлось делать Вам. Очень прошу Вас подождать до окончания моей поездки с Вашим переездом в Париж. Адрес Щелгачева⁴: Reval Narva mut 10 к 9 для Философа⁵.

Пока, всего хорошего. Буду держать Вас в курсе. Пишите еще сюда. Пишите только сразу и подробнее обо всем: общую инструкцию.

Ваш П[етр]А[рапов].

1 С.А.А. Якушевым, представителем «Треста».

2 Ю.А. Ширинского-Шихматова.

3 Высшему Монархическому Совету. Братья Юрий и Кирилл Ширинские-Шихматовы были связаны с этой организацией, куда входил их отец.

4 Всеволод Иванович Щелгачев (годы жизни не установлены), штабс-капитан, с 1921 г. — резидент П.Н. Врангеля, а затем А.П. Кутепова в Ревеле, один из ключевых игроков в операции «Трест».

5 Философов — одно из кодовых имен П.С. Арапова.

30 9 августа 1924 года

Дорогой Петр Петрович!

Очень обрадовался Вашему письму с известием, что есть надежда на Меллера'. Волкову я и со своей стороны написал, прося его собрать сумму денег и снести по этому вопросу с Вами. Что касается меня, то я прямо не знаю, что делать, ибо до сих пор нет ни визы, ни известий о задержке. Моя статья о Леонтьеве не готова, хотя собран большой материал, и если бы у меня было несколько покойных дней, то я мог бы ее написать. К несчастью, здесь какой-то сплошной шабаш, да притом все милые люди, так что трудно урвать свободную минуту. В библиотеке же занимаюсь хотя и очень часто, но все больше выписками, а не собственным «творчеством». Об отношении к «евразийству» здешней молодежи* могу отметить следующее. Считается само собой разумеющимся, что: «мы» евразийцы и к неевразийцам относятся со снобизмом и презрением. Но толку от этого никакого, ибо евразийство это совершенно не продуманно и носит скорее эмоциональный характер, и вызвано «состоянием запальчивости и раздражения» на европейцев как главным двигателем. В этом хорошо следующее: во-первых, слово «евразийство» ходит по устам и фиксирует какое-то определенное отношение ко всему, во-вторых, все эти люди в нужный момент будут обрамлены движением и сделают свое дело. Но это-то обязывает нас также формулировать свои положения и скорей приступить к изданию своей декларации. Я, между прочим, вчера брал в библиотеке «Коммунистический манифест» К[арла] Маркса и просматривал его. Документ этот может служить и нам некоторым прообразом. Он объемлет 39 страниц (мелким шрифтом), разделен на 4 главы, из которых I, 16 страниц: «Буржуазия и Пролетариат» — историко-софски-идеологическая, начинается классической фразой: «Вся история общества была до сих пор историей борьбы классов». II, 10 страниц, «Пролетарии и коммунисты». III, 11 страниц, «Социалистическая и коммунистическая литература» — критика различных «псевдо»-социалистических течений. IV, «Отношение коммунистов к различным оппозиционным партиям» — тактиче-

* Два младших сына Ксении Алекс[андровны] и их окружение.

ская — всего лишь 2 стран[ицы](!). «Программы» в настоящем смысле слова вовсе нет. Слог непростой и с различными научными терминами (вероятно, для 48 года частью совершенно новыми). Не увлекаясь, конечно, подражанием, считаю, можно все же попытаться в некотором смысле составить подобный документ. Я бы считал, что лучше бы всего его составил кн[язь] Тр[убецкой] — один, а затем бы подверг его всестороннему обсуждению общим собранием. Материалы для составления подобного манифеста есть в достаточном количестве (их было меньше у Маркса — ибо «Капитал» и вся «Соц[иал-]Дем[ократическая]» литер[атура] гораздо более позднего времени).

О Юнкере¹ и его атмосфере имею массу чрезвычайно верных и интересных сведений от совершенно беспристрастного (даже наоборот, преданного ему) человека. Он говорит, что все это «мыльный пузырь». Что Юнкер неумен и не имеет такую волю, как это предполагает широкая публика. Атмосфера семейная из-за «жены-черногорки»² отвратная. Есть сведения, что жена Юнкера стала «каменщицей»⁴ для того, чтобы «добиться своего»³(!)

Меньшие «племянники» Юнкера (младший, с которым я много говорил) его ругают и не верят также во все дело. Пока всего хорошего.

Пишите сюда.

Ваш П[етр]А[рапов].

1 А.В. Меллер-Закомельского.

2 О великом князе Николае Николаевиче.

3 Великий князь Николай Николаевич был женат на дочери князя (впоследствии короля) Черногории, Анастасии (Стане).

4 Масонкой.

31 II августа 1924 года

Дорогой Петр Петрович!

Наконец получил визу. Возможно, что поеду через Берлин, чтобы с Вами повидаться. Получил вчера доклад Эндена о «софийской» конференции¹. Боюсь, что Энден несколько поддался «розовому христианству» и «настроению». Но что он пишет

о Карташеве — хорошо. Необходимо его взять Вам в оборот, когда Вы переедете в Париж. Вообще в Париже, думается, есть много дела. Ставр[овский] делает какие-то планы, но пока их мне подробно еще не обнаруживал. Боюсь, что «ставровщина» действительно отвращает больше, нежели обращает. Так как я еще здесь останусь несколько дней, то очень Вас прошу написать мне еще сюда; на всякий случай, если я поеду сушей через Париж, сообщите, какие указания дать Эндену и Ставровскому. Последний требует все время дела. Но какое же дело ему можно поручить? Такое же обращение за инструкциями и объявление о принятии «евразийского» подданства получил от Татищева. Я Вам уже говорил, что он очень ценный человек и что его надо обязательно взять. Войдите, если можете, с ним в переписку. Я сейчас не могу по понятным Вам причинам за это серьезно взяться. Адрес его: Grafu Tatischevu Financijska Sretka Uprava Benkovac Dalmatija Jugoslavia. Попросите и П[етра]Н[иколаевича Савицкого] с ним списаться. Я его уже просил об этом, но он пока еще ничего не сделал. Что Вы думаете о том, что я Вам писал о «Ком[мунистическом] Манифесте» 48 года? Что-то разговоры о нашей декларации заглохли. А она больше чем когда-либо нужна. Пока, всего хорошего. Жду известий,

Ваш П[етр]А[рапов]. Что Меллер?

1 Возможно, речь идет о пражской встрече участников Братства Св. Софии, прошедшей в первой половине 1924 г.

32 19 октября 1924 года

Chessington

Дорогой Петр Петрович!

Приготовьтесь к самой невероятной новости; вот что пока могу сообщить на основании первых сведений и не переговоривши еще с Мал[евичем]¹, который приедет завтра. Сумма, находящаяся в распоряжении М[алеви́ча], равна десяти тыс[ячам] фун[тов]! Дана она одним англич[анином]² на евраз[ийство]!

Сам Мал[евич], по словам местных жителей, исповедует себя евраз.[ийцем] и ставит все в наше распоряжение. Это, конечно,

выяснится только при свидании. Во всяком случае, масштабы настолько превышают то, что мы ожидали, что я прошу *срочно* прислать Ваше мнение о новом возможном бюджете на основ[ании] нового расчета. Это надо скорее. То же прошу и П[етра] Н[иколаевича Савицкого], здесь сам уже составляю приблизительную свертку обоих проектов бюджета³. Для свидания по этому вопросу времени нет. Надо делать скорее. При таких обстоятельствах Мел[лер] теряет вовсе интерес, и о нем пока нечего заботиться. Думаю, что Америка, однако, остается интересной, и поэтому по линии Витт-мора⁴ буду действовать, как было решено. Сейчас, во время моих переговоров с Мал[евичем], нам необходимо держать самую тесную связь, потому прошу Вас мне чаще и подробнее отвечать на мои запросы.

Получили ли Вы письмо Эндена⁵, которое я просил его Вам написать. Прошу Вас очень А[лександр]у А[лександр]ов[ичу Федорову] не *говорить* о желании Сергеева меня видеть⁶. В Пар[иже] вообще меня раздирали. Энден в очень хорошем тоне. Ставр[овский] — кается и обещает не грешить более. Между прочим, Энден говорил мне о желательности в настоящее время некоторой иерархизации и *разграничения функций*. Думаю, что это правильно. В частности, невозможно Эндену, напр[имер], по вопросам тактически-организационным и политическим все время сноситься со всеми нами. Надо установить одно лицо, ведающее этими вопросами и ответственное перед тройкой⁷. Ответьте, пожалуйста, по этому вопросу. Засим, как Вы думаете, в зависимости от настроений Мал[евича] и в связи с размерами средств — не стоит ли принять также решение о приглашении его — Мал[евича] — в Вену⁸? Прошу и по этому вопросу срочного ответа.

Между прочим, в Пар[иже] уже намечается тенденция Вами предсказанная и стремящаяся примирить Зингера с Юнкером с целью создать единый фронт⁹. Здесь узнал (то же слышал и в Париже) о связи Зингера с Ватиканом и о деньгах, идущих оттуда. Меллер¹⁰ совершенно невозможен. Такого говна я не ожидал. Объяснил мне, что он считает, что евразийство умерло, и что все это чепуха. Кроме всего этого, по-видимому, он действительно вел зимой такой курс, что теперь ему приходится сматывать удочки. Пока всего хорошего. Жду ответа...

Ваш П[етр] А[рапов].

- 1 С.П.Н. Малевским-Малевичем.
- 2 Имеется в виду Генри Н. Сполдинг.
- 3 В архиве П.Н. Савицкого сохранился черновик письма П.С. Арапову с изложением бюджета.
- 4 Витимор — псевдоним некоего Фараонова, вероятно, участника евразийского движения.
- 5 Михаил Николаевич Энден.
- 6 Речь идет об Александре Александровиче Якушеве (Федорове), представителе «Треста». Сергеев — кодовое имя П.Н. Врангеля в переписке евразийцев.
- 7 Тройка — П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский и Н.С. Трубецкой, оставшиеся после ухода Г.В. Флоровского основатели движения.
- 8 В декабре 1924 г. в Вене прошел съезд руководителей евразийства (Венский конгресс), в котором, помимо «тройки», приняты участие П.С. Арапов и П.Н. Малевский-Малевич. На съезде были определены направления деятельности движения, утвержден бюджет расходования полученных от Сполдинга средств и определены ответственные за различные направления деятельности.
- 9 Юнкер и Зингер — великие князья Николай Николаевич и Кирилл Владимирович, конфликтовавшие из-за положения официального главы императорской фамилии. Симпатии большинства монархической эмиграции были на стороне Николая Николаевича, именно его прочили в «национальные вожди».
- 10 А.В. Меллер-Закомельский.

33 1 ноября 1924 года

Дорогой Петр Петрович!

Провел четыре дня с Мал[евичем]¹ у нашего англ[ичанина]². Этот последний нечто вроде английского Арсеньева³! Наивен и восторженный до крайности. Мал[евич] очень хорош, но с приличными средствами. Его надо обязательно в Вену. Напишите *категорически* по этому поводу Н[иколаю]С[ергеевичу] и П[етру]Н[иколаевичу]. Видали ли Вы А[лександра]А[лександровича]Федорова⁴? Или нет еще? Напишите, пожалуйста, мне в Париж по адресу Эндена. Выезжаю туда во вторник! До сих пор не имею точных данных, где А[лександр]А[лександрович]Федоров⁵, хотя знаю, что он добрался до Липского⁶. От П[етра]Н[иколаевича]Савицкого⁷ получил письмо, в котором он меня просит устроить приезд Мук[алова]⁸ в Париж к Бородину⁹... ничего не понимаю??

Ведь мы решили, что это ни к чему, и соответственно с этим я Мук[алову] тогда и написал. В чем же дело? И каково Ваше мнение по этому вопросу?

Пишите вообще, что нового? Поцелуйте ручки Анне Дмитриевне. Жму Вашу руку. Ваш П[етр]А[рапов]

P.S. Бога ради, наладили ли Вы через Шотта⁷ связь с Липским!!!??
Это надо обязательно сделать.

1 С.П.Н. Малевским-Малевичем.

2 То есть у Генри Н. Сполдинга.

3 Имеется в виду Н.С. Арсеньев, евразийский «идеал» мягкотелости.

4 То есть до Ю.А. Артамонова, резидента «Треста» и А.П. Кутепова в Варшаве.

5 Григория Николаевича Мукалова.

6 То есть к А.П. Кутепову.

7 То есть с Ю.А. Ширинским-Шихматовым.

34 8 ноября 1924 года

Дорогой П[етр]П[етрович]!

Задержка с визами австрийскими ужасна¹. Подумайте, во-первых, сколько времени пройдет, пока запрос дойдет до Вены, а мне нельзя оставаться в Париже дольше конца недели будущей, т[ак] к[ак] моя французская виза подойдет к концу, во-вторых, неужели тактически мы так слабы, что не можем даже наладить получение виз без запроса. Это было бы для Малевск[ого-Малевича], например, показателем нашей организованности, и я на это рассчитывал. А теперь приходится ему писать, что, мол, не выходит, и т[ак] д[алее]. Пожалуйста, нажмите еще раз на Н[иколая] С[ергеевича Трубецкого], может быть, он найдет возможность что-нибудь сделать. И я, и Мал[евский-Малевич] (вероятно) скажем, что мы едем по семейным делам, (т[ак] к[ак] другое потребовало бы доказательств), и укажем на родство с Н[иколаем] С[ергеевичем Трубецким]. П[етр] Н[иколаевич Савицкий] отчего-то все хочет оттянуть до конца месяца наше венское свидание. Я считаю [это] неудобным, а мне фактически и невозможным, поэтому прошу категорически спешить. Деньги (200 фунтов) должен

был уже получить П[етр] Н[иколаевич Савицкий]. А[лександр] А[лександрович Федоров] и Медведев¹ уезжают сегодня. О результатах здешних свиданий напишу. Денег от них не получить, да к тому же мне кажется, что-то интерес их к евраз[ийским] делам ослаб. Это значит только наша вина, т[ак] к[ак] мы недостаточно развернулись. Думаю, что сейчас это нам удастся сделать. Гипотеза N1, по-моему, совершенно верна (я в этом почти убедился); подумайте, что Бородин² совершенно самостоятельно говорит то же самое (я его, конечно, разубеждал). Все это подтверждает необходимость энергичной работы. Может быть, Вы увидите в Берлине Медведева (А[лександр] А[лександрович Федоров] проедет прямо)⁴. Если увидите, то напишите Ваши впечатления. Пока всего хорошего.

Ваш П[етр]А[рапов].

1 Речь идет о визах для П.С. Арапова и П.Н. Малевского-Малевича для участия в съезде руководителей евразийства в Вене.

2 А.А. Федоров — А.А. Якушев; Медведев — Николай Михайлович Потапов (1871–1946) — генерал-лейтенант Генерального штаба, сменивший на посту начальника Генштаба генерала Архангельского после Октябрьского переворота 1917 г. Потапов стал сотрудничать с большевиками, принял активное участие в инсценировке «Треста», выступал как начальник штаба «Треста», будучи агентом ЧК-ОГПУ.

3 А.П. Кутепов. В чем именно состоит «гипотеза № 1», неизвестно.

4 Речь идет о поездке А.А. Якушева и Н.М. Потапова в Европу летом–осенью 1924 г. для установления связей между «Трестом» и военными организациями эмиграции, прежде всего организацией А.П. Кутепова. Потапов выступал в этой поездке как живое свидетельство того, что «Трест» имеет широкие контакты среди высшего командования Красной армии.

35 14 ноября 1924 года¹

Дор[огой] Петр Петрович!

Получил Ваше письмо и телеграмму Н[иколая]С[ергеевича Трубецкого]. Очень прошу Вас еще раз нажать на Н[икол]а[я]С[ергеевича Трубецкого], чтобы он скорее сам выслал бы нам визы. Я еще не заходил в консуль[ство], ибо как определить, еду

ли я по семейным делам или по-коммерческим, не зная, что скажет в Вене Тр[убецкой]? Пусть он сам вышлет визу, думаю, что это ему не невозможно. Мне можно теперь писать и телеграфировать по адресу Меллера²: ставя его фамилию для меня 14 rue Raynouard Paris XVI.

Пожалуйста, ответьте также по следующему вопросу: здесь с благословения митр[ополиита] Евлогия основывается, как Вам известно, академия — Сергиевское подворье³. Им не хватает 200 тысяч франков — это две тысячи фунтов. Если бы мы внесли эти деньги, то академия очутилась бы в наших руках, и мы могли бы выставить ряд условий касательно Булгакова, Бердяева и Софийцев⁴ вообще. Как Вы на это смотрите? Пока всего хорошего. Поцелуйте ручки Анне Дмитриевне.

Ваш П[етр]А[рапов].

P[ost] S[criptum] Вчера приехал сюда Сергеев⁵, созвавший срочное свидание с А[лександром] А[лександровичем Федоровым] и Медведевым [и] Юнкером⁶. А[лександр] А[лександрович Федоров] и Медведев уехали, не дождавшись его, — я думаю, что тут, конечно, [влияние] юнкеровского окружения, желающего монополизировать сношения с «Трестом»⁷. Пока еще не видел Сергеева, но безусловно увижу и тогда подробно напишу уже в Вену.

Вы меня спрашиваете, какие отношения Мал[евского-]М[алевица] с Меллером⁸. Никакие решительно! К Бородину⁹ же Мал[евский-]М[алевиц] относится скорее враждебно.

1 Дата в письме указана без года, год определен по содержанию.

2 А.В. Меллер-Закомельского.

3 Имеется в виду Богословский институт в Париже, располагавшийся в Свято-Сергиевском подворье.

4 То есть участников Братства Св. Софии.

5 Сергеев — кодовое имя П.Н. Врангеля.

6 Федоров — А.А. Якушев, Медведев — генерал Н.М. Потапов, Юнкер — великий князь Николай Николаевич.

7 По утверждению Л. Никулина, автора романа «Мертвая зыбь», основанного на документах из архивов ЧК-ОГПУ-КГБ и интервью с оставшимися в живых участниками провокации, одной из целей «Треста» являлось разжигание и поддержание конфликтов среди руководителей эми-

грации и ее военных организаций. В частности, особенно упоминались П.Н. Врангель, великий князь Николай Николаевич и генерал А.П. Кутепов. См. об этом подробнее «Введение» к настоящему изданию.

8 С.А.В. Меллер-Закомельским.

9 К.А.П. Кутепову.

36 19 ноября 1924 года¹

Дорогой Петр Петрович!

Вы мне ничего не отвечаете насчет Академии?² Если деньги не внесут до четвертого декабря, то участок закупленный отбирается. Это будет скандал и окончательно подорвет престиж митр[ополита] Евлогия. Не считаете ли Вы возможным, чтобы мы внесли сумму заимообразно, с тем чтобы нам выплачивали по мере поступления пожертвований. Можно поставить к тому же условия устройства Вас и хотя бы Карсавина в число лекторов и членов совета. Это будет полезно и для нас, и для Академии. Разрешит вместе с тем в положительном смысле вопрос о Вашем переезде в Париж. Тогда бы и я сюда перебрался, и у нас было бы вроде настоящего бюро.

Ответьте, пожалуйста, срочно. Ваш П[етр]А[рапов].

1 Дата в письме указана без года, год определен по содержанию.

2 Богословский институт, располагавшийся в Свято-Сергиевском подворье в Париже.

37 9 декабря 1924 года¹

Дорогой Петр Петрович!

Прибыли благополучно. П[етр Николаевич]М[алевский-Малевич] в хорошем тоне, в контексте личной обстановки вижу, насколько он изменился к лучшему за «Венский Конгресс»². Он очень доволен последним и его результатами. С Бородиным³ имел уже беседу и, кажется, имел ее в надлежащем тоне, что, впрочем, проверю завтра при личном разговоре с Бородиным. Эндена вызвал на следующий день после моего приезда и так намылил ему голову, что сам

испугался результатов. Думаю, однако, что все обойдется хорошо, в случае письма от него постарайтесь это сгладить. Получил, между прочим, письмо от Мар[ии] Вл[адиславовны Захарченко]⁴. Вот что эта стерва между прочим пишет: «Последнее время я тщетно искала две книги: „Научно обоснованное учение монархизма“ и „Критику Марксизма“, но ничего удовлетворяющего не нашла. Неужели ничего, кроме допотопного Тихомирова, нет?» Если Вы знаете какой-либо научный труд, указывающий превосходство (sic!) монархического образа правления, не основывая его при этом исключительно на религии (для большинства это уже устарело), то будьте добры сообщите мне...» (Lebhafte Pfui Rufe!!!⁶) Вот блядь!

Что нового у Вас? По-видимому, кредиты Бородину прекратятся к 1-му апрелю!

Здоровье мое было довольно скверное в дороге, но сейчас, в общем, лечусь вольно, так что есть кой-какая надежда. Жму руку.

Пишите лучше по адресу Меллера⁷. Поцелуйте ручки Анне Дмитриевне.

Ваш П[етр]А[рапов]. Вышлите мне, пожалуйста, по адресу Энд.[ена] штук десять «Врем[енников]». Бородин обещал их пустить в дело⁸.

1 Дата в письме указана без года, год определен по содержанию.

2 Во время съезда евразийцев в Вене в конце ноября — начале декабря 1924 г. обсуждалось развитие движения в связи с получением средств от Сполдинга. На этом съезде в работе евразийцев впервые принял участие П.Н. Малевский-Малевиц, который, по мнению евразийцев, еще не совсем «освободился» от своих консервативных и монархических воззрений.

3 То есть с А.П. Кутеповым.

4 Мария Владиславовна Захарченко (кодовые имена: «племянница», «Шульц», «Павлов») — активная участница «Треста», резидент А.П. Кутепова в СССР.

5 Речь идет о труде: Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1905.

6 Сушее отвращение!!! (нем.; у Арапова ошибка, правильно: «leibhafter Pfuiruf»).

7 А.В. Меллер-Закомельского.

8 По каналам кутеповской организации и «Треста» в СССР переправлялась евразийская литература.

38 12 декабря 1924 года¹

Дорогой Петр Петрович!

О Флехнере² имел еще месяц тому назад сведения от Второва³, что он рижский агент К[ириллы] В[ладимировича]⁴ и что в свое время он заставил архиеп[ископа] Николая⁵ написать К[ириллу] В[ладимировичу] письмо, в котором уверял последнего, что в Р[оссии] только все его и ждут. Вообще он, по-видимому, темнейшая личность, но в Кир[илловской] организа[ции] играет довольно видную роль. Письмо его — сильная безвкусица. Думаю, однако, что осторожные с ним сношения не лишены некоторого интереса в развитие того, что мы об этом говорили еще в Вене. Через кого и как он к Вам обратился? Втянитесь с ним в легкую полемику, чтобы дать ему кое-что высказать. Видели ли Вы Бель[гийцев]? Если нет, то это необходимо также сделать. Сегодня виделся с Бородиным⁶, который проявлял заметно повышенный интерес к нефти⁷, что надо приписать П[етру] Николаевичу М[алевскому-Малевичу]. Обещал еще раз разослать наши «Временники». Вышлите скорей и побольше по адресу Эндена. Что касается П[етра] Николаевича М[алевского-Малевича], то он сегодня утром выехал прямо к Голдсмиту⁸ в очень хорошем виде. Подогревайте его письмами, дабы жар и впредь не остыл. Третьего дня мне была по почте вручена копия послания Эндена к Вам и П[етру] Н[иколаевичу] Савицкому]. По существу рассматриваю это как жалобу на меня, но и не касаясь этого, нахожу, что и это письмо бестактно и глупо. Сегодня видел его, но не поднимал больше разговоров, так как все равно ни к чему. Прошу и Вас не слишком его ругать. Что бы там ни было, а нам, по-видимому, здесь нужны иные люди. Это манда на цыпочках! Повидаю на днях Шир[инского-Шихматова].

Пока что лечусь вовсю, но чувствую себя довольно скверно, так что в общем с трудом остаюсь в строю.

Жму руку,

Ваш П[етр] А[рапов].

¹ Дата в письме указана без года, год определен по содержанию.

² Вероятно, Арапов ошибся в написании, и речь идет об Александре Фехнере, арестованном и высланном правительством Латвии в 1927 г.

за связи с военной белоэмиграцией. См.: Балтийско-русский сборник. Кн. II: Материалы по истории русской жизни в Риге и Каунасе. Из Архива Гуверовского института / Под ред. Б. Равдина, Л. Флейшмана. Stanford: Department of Slavic Languages and Literatures, Stanford University, 2007 (= Stanford Slavic Studies, Vol. 28). С. 223; 233–234.

3 Вероятно, Борис Николаевич Второв (1892–1971), сын крупного московского промышленника Н.А. Второва (1866–1918), с 1920 г. — в эмиграции во Франции.

4 Великого князя Кирилла Владимировича.

5 Видимо, Николай Павлович Добронравов (1861–1937) — с 1924 г. архиепископ Владимирский и Суздальский. Окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия; в 1917–1918 гг. член Священного собора Российской православной церкви. Резко выступал против восстановления патриаршества, однако после избрания патриарха Тихона взгляды на патриаршество у него изменились. Пострижен в монахи 13 августа 1921 г. и рукоположен в епископа Звенигородского, викария Московской епархии; был одним из ближайших сподвижников патриарха Тихона. Неоднократно подвергался аресту, расстрелян в 1937 г.

6 А.П. Кутеповым.

7 Евразийству.

8 Генри Н. Сполдингу.

39* 27 декабря 1924 года¹

Дорогой Петр Петрович!

Вот только что полученная записка Липского² и «Треста». Вдруг ...!!

А в предыдущем письме говорилось, что недостаток денег заставляет сворачиваться в эмбриональное состояние, хотя добавлялось, что пока это касается внутренних отделов; что же касается заграничных представительств «Треста», то пока они будут по-прежнему снабжаться деньгами.

Считаю страшно важным свидание приурочить и к приезду Денисова³. Думаю, что касается меня, то приеду хоть и умирающим. Относительно расширения — мне кажется, что надо привлечь и Малевского[-Малевича]. Не надо бояться! Ведь здесь идет дело, где надо рисковать. Ответьте немедленно мне по этому поводу. Думаю, что в Вене устраивать свидание неудобно, так как ведь Вам надо с П[етром]Н[иколаевичем Савицким] быть в Берлине, чтобы присутствовать при родах нового «Временника».

Завтра исполню Ваше поручение относительно Ставрогского и Бородина¹.

Меллер² кланяется и шлет сердечный привет к праздникам. Пишите скорее, П[етр]А[рапов].

¹ Дата в письме указана без года, год определен по содержанию.

² То есть Ю.А. Артамонова.

³ То есть А.А. Лангового.

⁴ То есть А.П. Кутепова.

⁵ А.В. Меллер-Закомельский.

40 3 января 1925 года

Дорогой Петр Петрович!

Получил Ваше письмо, которое, по-видимому, разошлось с моим: писал я Вам о том же! Я очень советую пригласить Малевского и прошу по этому поводу мне дать скорый ответ. Вообще расширенное совещание было бы очень желательно. Я имел в виду так, что Вы хотите вызывать Бр.¹, привезти отсюда еще одного человека сейчас окончательно объевраз[ился] — он спец по так[тическим] делам². Что касается Мал[евского-Малевича], то имею от моей матери сведения, что он сейчас совершенно объевр[азился] и в восторге от Вены. Приезд Денисова³ считаю чрезвычайно желательным. Прошу Вас, со своей стороны, о всем этом написать — П[етру] Н[иколаевичу Савицкому]. Что касается Вашей визы, то про Меллера⁴ нечего и говорить — устроить он ничего не может⁵. Вам надо действовать через Белкина⁶, это самый верный способ, здесь прошения заваливаются! Причем вы должны говорить, что Вы денежно обеспечены, что Вы работу не ищите и что Ваш род занятий *homme de lettres*⁷. Виз не дают главным образом людям, ищущим работу.

Между прочим, за последнее время заметил пропажу как мне так и от меня адресованных писем. Давайте введем для проверки нумерацию писем с начала года. Отдельную нумерацию с каждым корреспондентом. В прошлое воскресенье о[тец] Булгаков читал здесь лекцию и между прочим говорил о «безбрежной свободе православия». За *gromet beaucoup*⁸! Из Лондона получил истерические дамские письма совершенно в восторге от Булгакова, я уже разным лицам написал: чтобы парировать яд. Надо обязательно

послать Малевскому[-Малевичу] [неразборчиво] материал на софийцев, чтобы у него было «оружие» в руках.

Еще раз прошу вызвать Малевского[-Малевица]. Ответьте срочно по всем вопросам. Поздравляю Вас и Анну Дмитриевну с праздником Рождества Христова.

Жму руку, Ваш П[етр] А[рапов].

1 Лицо установить не удалось.

2 Скорее всего, П.С. Арапов предлагает привезти на евразийское совещание полковника А.А. Зайцова, который присоединился к евразийцам в 1925 г. в качестве руководителя «военной секции». В то же время Зайцов являлся ключевой фигурой в «Тресте» и организации А.П. Кутепова, заведя у последнего связь с «Трестом».

3 То есть А.А. Лангового.

4 Про А.В. Меллер-Закомельского.

5 Речь идет о визе для переезда П.П. Сувчинского в Париж.

6 Лицо установить не удалось.

7 Литератор (фр.).

8 Это многое обещает! (фр.)

41 • 8 мая 1925 года*

Kingston-on-Thames

Дорогой Петр Петрович!

Образом сего паровоза заклинаем Вас приехать сюда и нажать на Н[иколая] С[ергеевича Трубецкого] и П[етра] Н[иколаевича Савицкого].

П[етр] М[алевский-]М[алевич] и П[етр]А[рапов].

42 24 августа 1926 года

Дор[огой] П[етр]П[етрович]!

Пишу Вам наспех перед отъездом — чтоб сказать, что:

1. Письмо М.Е.¹ будет отправлено на днях, и я озабочусь лично тем, чтобы оно было доставлено по назначению, а также от-носительно ответа.

* Совместное письмо П.С. Арапова и П.Н. Малевского-Малевица.

2. Экземпляр «Верст»², который Вы мне дали, я отправляю Денисову¹, ибо считаю, что это полезно, и очень Вас прошу взамен его отправить экземпляр моей матери.

«Версты» встречают большие нарекания. Читали ли Вы критику? «Руль»? «Возрожд[ение]»? и т[ак] д[алее]. В общем, возмущение вызывает главным образом первая, литературная, часть, и даже среди людей, близких к евразийству.

Как Ваше здоровье? Я слышал перед отъездом из Берлина от П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого], который-таки приехал ко мне, что Вы были больны? П[етра]Н[иколаевича]С[авицкого] я нашел в хорошем состоянии, и у меня есть надежда, что можно восстановить прежнее согласие. Когда же Вы все съедетесь?

Я сам совершенно разболелся — почечная непонятная болезнь — не знаю, как доеду. Даст Бог, все сойдет хорошо.

Сердечно обнимаю, Ваш П[етр]А[рапов].

1 Лицо установить не удалось.

2 Журнал «Версты», выходивший в 1926–1928 гг. (всего вышло три номера), издавался П.П. Сувчинским и Д.П. Святополк-Мирским.

3 А.А. Ланговому.

Указатель имен*

А

Абрикосов В.В. 293, 296
Авалов (Авалишвили) З.Д. 343
Аврил М. 10
Акацатов Н.Е. (псевд. М. Антонов)*
316-317, 360
Аксаков К.С. 167, 340
Александр II 566
Аелксандр III 597
Александр Невский 349
Алексеев Н.Н. 22, 147, 298, 417, 457,
459-462, 464, 483, 487-488,
490, 492-493, 511-515, 534-535,
538, 551
Алексинский Г.А. 316-317
Аллой В. 9
Анастасий (Грибановский А.А.)
56-257
Андреев Н.Е. 40-41, 158
Анкерман Б. 87
Антоний (Храповицкий А.П.) 189,
230, 232, 234-235, 245, 256-257,
261-262, 311, 374, 382, 443, 496,
545, 558, 597
Антонов М. см. Акацатов Н.Е.
Арапова Д.П. 43

Аристотель 49
Арнаутов М. 28
Арсеньев Н.С. 42, 206-209, 211,
222-223, 227, 231, 243-248, 254,
261, 265, 268, 274, 277-278, 281,
283-284, 286-287, 382, 570-573,
576-577, 589, 591, 610-611
Артамонов Ю.А. (в переписке:
Липский, Юренев) 22, 40, 42, 45,
70, 134-137, 139, 142, 145,
321-322, 362-364, 369, 376-377,
397-400, 409, 473-475, 477,
487-488, 491, 519, 577-578,
580-581-582, 584-585, 587,
590-591, 595-596, 602, 605,
610-611, 617-618
Артузов А.Х. 134
Асафиев Б.В. 31
Ахматова А. 32

Б

Байссвенгер М. 10, 370
Барилевич М.И. 574
Барсов Д. 300
Барт Р. 96
Бартольд В.В. 523-524
Батый, хан 410
Батюшков К.Н. 384
Баушев В.Н. 110
Бахтин М.М. 378
Бахтин Н.М. 376, 378
Безобразов С.В. 260
Безобразов С.С. 245, 249, 259-260,
265-268, 276
Беккер С. 10
Бекович-Черкасский В.А. 542
Балли Ш. 377
Белецкий И.С. 100
Белый А. 180-181, 463, 467
Беме Э. 483-484

* В указатель не включены имена Н.С. Трубецкого, П.П. Сувчинского, П.Н. Савицкого и П.С. Арапова.

Бер П. 484–485
 Берар К. 190
 Берг Л.С. 18, 102, 108, 171, 379,
 382–383
 Бердяев Н.А. 50, 58–59, 206, 208,
 213–214, 218, 240, 242, 248, 251,
 265–266, 277, 292–293, 299, 310,
 312, 320, 323, 343, 380–381, 446,
 461, 508, 590, 613
 Бердяева Л.Ю. 214, 218, 278
 Берлин И. 41
 Бибииков Д.М. 319
 Билимович А.Д. 568–569
 Бицилли П.М. 23, 178, 183, 187,
 244, 250, 268, 272, 340, 344,
 410
 Бисмарк О. фон 221
 Блок А. 32, 36, 76, 155, 178–179,
 384
 Блуменфельд Ф.М. 31
 Богаевский Б.Л. 509–510
 Богаевский П.М. 180, 184
 Богданов Е. см. Федотов Г.П.
 Бодуэн де Куртене И.А. 526
 Бокль Г.Н. 162
 Бональд Л.Г. де 94
 Бопп Ф. 107
 Бромберг Я. 169
 Бругман К. 27
 Брюс Г. 260
 Бубрих Д. 110
 Булгаков С.Н. 50, 52, 58–59, 205,
 218, 226, 229–230, 232, 235, 239,
 243–245, 248, 254–255, 259,
 261–262, 265, 267, 274, 286, 310,
 312, 443, 613, 619
 Бунаков И.И.
 см. Фундаминский И.И.
 Бунин И.А. 271
 Бутенев (Хрептович-Бутенев) А.К.
 311–312, 524
 Бэссин М. 10, 113

В

Вагнер Р. 573
 Вайц Т. 88
 Ванчаков А. 299
 Васнецов В.М. 369, 569
 Вениамин (Федченков И.А.)
 191–192, 360, 589
 Вернадский В.И. 39, 104, 116, 153,
 249, 370
 Вернадский Г.В. (в переписке:
 Бенедиксен) 14, 21–22, 40, 95,
 101, 130, 147, 151, 157, 172, 229,
 246, 249, 251, 265–266, 272, 276,
 365, 370, 409–411, 415–416, 433,
 558
 Веселый А. 461–462
 Видеркейр Ш. 10
 Виллатт Э. 10
 Вильсон В. 68, 78
 Вильямс Р. 149
 Виндельбанд В. 276
 Виндиш Э. 27
 Виноградский Ю.С. 37
 Винокур Г.О. 545, 547
 Виньковецкий И. 10
 Виппер Р.Г. 26, 249
 Вишняк А.Г. 125, 197
 Войцеховский С.Л. 40, 44, 134–135,
 137, 140, 296, 409, 474, 488,
 583–584, 586, 590
 Волков Н.А. 595–596, 603
 Волкова А. 596
 Волконский А.М. 233, 235
 Волошин М. 204, 260
 Воровский В.В. 282
 Врангель М.Д. 158
 Врангель П.Н. (в переписке:
 Сергеев) 14, 38, 42–44, 52, 121,
 127, 134, 136, 188, 204, 249,
 256–257, 302–303, 305–307,
 309–310, 312, 390, 423, 488, 498,
 528, 605, 609–610, 613–614

Второв Б.Н. 616–617
Второв Н.А. 617
Вышеславцев Б.П. 298–299, 506, 508

Г

Ганди М. 92–93
Гегель Г.В.Ф. 16, 62, 64, 242
Геккель Э.Г. 553
Геллнер Э. 168
Георгиевский А.П. 110, 225–226
Герасимов И. 10
Гердер И.Г. 64
Гессен И.В. 573
Гессен Ю.В. 181, 185, 288
Гитлер А. 36, 459
Гладков А.В. 496, 498
Гоголь Н.В. 383
Голицын В.Э. 43, 127, 511–512, 519, 524–525, 578
Голицына Е.Г. 43, 127, 512, 578
Гордон Г.О. 255, 257
Горный С. см. Оцуп А.А.
Горький М. 9, 35, 48, 143, 205
Гребнер Ф. 87
Григорьев В.В. 82
Григорьев Н.А. 316–317
Гримм Э.Д. 180, 183, 189, 218, 314, 323
Гриневич А.Г. (в переписке: Гончаров) 321–322
Грутхейсен Б. 464, 467
Гудзь Б.И. 136
Гулькевич К.Н. 37
Гумбольдт А. фон 114
Гумбольдт В. фон 87, 106
Гумилев Л.Н. 14, 40
Гурко В.И. 186–188, 190–191, 259
Гус Я. 110
Гучков А.И. 33, 139, 187, 189, 347–348
Гучкова (Трайл) В.А. 33, 100, 156, 189, 347–348, 359, 362, 372, 376,

382, 387–388, 396, 399, 407, 415, 422, 424, 426, 428–429, 431, 433, 438, 440–444, 446, 451, 455–457, 459, 463, 467, 471, 473, 476, 480, 482, 484, 486, 488, 490, 494, 498, 502, 504, 506, 509–511, 515, 517–518, 523, 525–526, 528, 532

Д

Данилевский Н.Я. 18, 66, 86, 113, 167–168, 379, 383
Дарвин Ч. 86–87
Дедю И. 158
Деникин А.И. 257, 260, 390, 569
Державин Г.Р. 383
Держановский В. 31
Деррида Ж. 9, 36
Дзержинский Ф.Э. 371
Дильтей В. 467
Диодор (Колпинский) 291–293, 299, 360–362, 389
Дионисий 299
Дмитрий Ростовский 208
Добронравов Н.П. 616–617
Докучаев В.В. 39, 101, 104, 111–112, 117–118
Дорошенко Д.И. 29
Достоевский Ф.М. 180, 234–235, 569, 597
Драшусов Е.Е. 388–389, 396, 451
Дугин А. 14
Дукельский В. 9
Дунаев П.И. 144, 539, 543
Дурново Н.Н. 140, 445, 448–449
Дьяков А. 299
Дюмезиль Ж. 116
Дягилев С.П. 260

Е

Евлогий (Георгиевский В.С.) 189, 201, 204, 210, 245, 256–258, 261–262, 291, 293, 299–300,

361–362, 385, 443, 523, 545,
613–614

Ежов Н. И. 348

Ельчанинов А. В. 231–232

Ж

Жекулин Н. С. 13, 32, 124

З

Завадский С. В. 537

Зайончковский А. М. 136

Зайцев Б. 298

Зайцев К. И. (в переписке:

Евразайцев) 54–55, 160–161,
180, 184

Зайцов А. А. (в переписке: Зон,
Кролинский) 43, 58, 129, 142,
319, 342–343, 362, 364, 369, 374,
376–377, 382, 385, 388–389,
398–400, 405–409, 414–415,
417, 421, 423, 427–428, 431–434,
440, 451, 466, 468, 470–472, 474,
476–477, 480–482, 484,
503–504, 519

Зарубин В. М. 398, 400

Захарченко М. В. (Михно,
в переписке: Спутница,
Племянница) 136–137, 279–280,
282, 296, 563, 565, 588–591, 615

Зеленин Д. К. 110

Зеньковский В. В. 215, 218, 230, 235,
251, 259, 589

Зернов Н. М. 416, 418

Зиммель Г. 16

И

Иванов В. Д. 534–537

Иванов В. Н. 320

Иванцов Д. Н. 413, 417

Иванцов-Платонов А. М. 413, 417

Извольский П. П. 204

Изгоев А. С. 255, 257

Илиодор (Труфанов С.) 262, 266

Ильин В. Н. 212–213, 218, 244, 249,
251, 295, 297–298, 300, 308, 325,
379, 433, 486–487, 571

Ильин И. А. 50, 208–209, 212, 217,
220, 227, 256–257, 273, 286, 309,
349

Ионин Ю. Л. (псевд. Ю. Ракитин)
196–197

Исакова Е. В. 126, 158, 575–576, 583

Й

Йохельсон В. И. 26, 30

К

Калемин Ю. А. 201, 204

Каплуновский А. 10

Капнист А. П. 312

Капнист О. Ф. 312, 314, 346

Карамзин Н. М. 164

Карпович М. М. 151

Карсавин Л. П. (в переписке:
Кошиц) 9, 21–22, 33–35, 42, 50,
133, 142–146, 153–154, 260, 273,
276, 278, 281, 291, 300–301, 303,
320, 322, 325, 339, 348–351,
357–359, 367, 371–372, 376,
380–381, 385, 388, 398–401,
407–409, 411, 414–415, 417,
420–428, 433, 439, 451, 453–455,
459–460, 463–464, 466,
468–469, 471, 473, 478–479,
482–486, 490, 493, 505–507,
510–511, 550, 553, 555–556,
589–590, 614

Карсавина М. Л. 33, 276, 348

Карсавина Т. П. 259–260

Карташев А. В. 23, 55, 58, 160, 164,
177–178, 182, 187, 206, 208, 210,
222, 227, 230, 239, 244, 246, 250,
256, 258, 265, 271, 274, 278, 281,
570, 592–594, 608

Карцевский С. О. 376–378

- Катон М.П. 576.
 Катков М.Н. 162
 Кауденхове-Калерги Р. 89, 225, 452
 Кайзерлинг Г. фон 219–223, 231–232
 Керенский А.Ф. 367, 535, 537
 Кизеветтер А.А. 249, 288–289, 323, 382
 Клепинин Н.А. 22, 147, 417, 480–482, 493–494, 498, 504
 Климович В.К. 421, 423
 Клуз Г. 225
 Клуз-мл. Г. 126, 225–226, 236, 238, 570, 596, 604
 Ключевский В.О. 249, 289, 463
 Ключников Ю.В. 185–186, 188
 Ковалевский П.Е. 431–432
 Коген Г. 508
 Кожевников А.В. 21
 Козелков Н.Е. (в переписке: Шубин) 366–368, 370, 378–379, 398, 400
 Козовой В. 8, 156
 Конради М.М. 282, 591, 593
 Константин Великий 349
 Копецкий Л.Е. (в переписке: Коренев) 140, 304–305, 320–322
 Костомаров Н.И. 65
 Коханская С. 32, 156
 Коханский П. 32
 Коцюбинский М.М. 37
 Красинский З. 217–218
 Краснов П.Н. 202, 204, 553
 Крейн Ч. 180, 183–184
 Кречетов С.А. 200, 204
 Кристева Ю. 9, 36
 Кузнецов С.К. 26, 30, 155
 Кузьмин-Караваев Д.В. 206–208
 Курындин Г.Г. 196–197
 Кусевицкий С.А. 585–586
 Кускова Е.Д. 41
 Кутепов А.П. (в переписке: Бородин) 21, 44–45, 121, 134–137, 139, 142, 257, 282, 290, 310, 312, 376–377, 408–409, 474, 488, 565, 577, 581–582, 584, 590–591, 593, 595, 598–599, 601, 605, 610–619
 Кучеров С.Л. 573
- Л
- Лавджой А. 85
 Лазаревский А.М. 37
 Ламанский В.И. 86, 113, 167
 Ланговой А.А. (псевд. Давыдов, Денисов, Купец, Пименов) 22, 130, 134, 138–142, 272, 282, 320–321, 362–363, 367, 369–370, 397, 399–401, 415, 418, 475–477, 497, 499, 505, 507, 509, 537, 581–586, 599, 601, 617–620
 Ланговой А.П. 138, 272
 Ландау Г.А. 187, 189
 Ларюэль М. 10
 Леви-Стросс К. 97–98, 111, 116
 Ленин В.И. 51, 276, 453, 540, 548, 551, 553
 Леонов Л.М. 375, 377, 380
 Леонов М. 377
 Леонтьев К. 30, 66–67, 92, 108, 345, 362, 570, 575–577, 597–598, 602–603, 606
 Лескин А. 27
 Лесков Н.С. 179, 209, 234, 431, 597–598
 Ливен А.А. 13–14, 33, 38, 48, 177, 181–182, 188, 192, 196, 217, 270, 296
 Ливен А.П. 594–595
 Ливен С.А. 160
 Линднер М. 27
 Ллойд Джордж Д. 185
 Лодыженский Ю.И. 592–593
 Локоть Т.В. 204
 Лукьянов Г. см. Ширинский-Шихматов Ю.А.

Луначарский А.В. 32
 Лурье А.С. 32, 155-156
 Львов Г.Е. 367, 535, 537
 Львов Л.И. 221
 Львов Н.Н. 277, 279
 Ляцкий Е.А. 181, 185, 382

М

Мазон А. 432
 Майорова О. 10
 Максим Исповедник 247, 249
 Малевский-Малевич А.В. 596
 Малевский-Малевич Н. 290
 Малевский-Малевич П.Н. (в переписке: Пенни, Озеров, Катц) 21-22, 42-43, 58, 127-129, 133, 141-142, 145, 147, 289-291, 305, 311-313, 319-322, 328, 331-332, 338, 346-347, 363-365, 369, 374, 376-377, 388-389, 391-396, 399-409, 415, 418-419, 422-423, 434, 436-437, 441-442, 444-445, 451-452, 461-463, 468-472, 474-477, 479-487, 490, 495-498, 501-502, 506, 508, 511, 518, 522-525, 527-529, 531-532, 536, 538, 543, 545-546, 556, 608-616, 618-619
 Малевский-Малевич С.С. 128, 290
 Малиновский Б. 88-89, 168
 Маннгейм К. 46
 Маркс К. 162, 491, 540, 606-607
 Марр Н.Я. 445, 510
 Мартынов М.Н. 40
 Масарик Т.Г. 222-223
 Маяковский В. 46, 110, 156, 177, 384
 Мейе А. 100, 524
 Мейендорф А.Ф. 598, 600
 Мекленбург-Серлиц Г. фон 512
 Меллер-Закомельский А.В. 21, 33, 58, 126-127, 141, 158, 198-200, 202-204, 207, 217-219, 224-225,

236, 248, 253-254, 557-559, 570, 572-574, 576, 579, 584, 586-587, 592, 596, 606-610, 615, 618-619
 Менделеев Д.И. 39, 101, 455
 Мережковский Д.С. 271
 Местр Ж. де 94
 Миллер В.Ф. 26, 30, 259-260
 Милуков П.Н. 234, 534
 Минорский В.Ф. 386-387, 523
 Мирский Д. 202
 Мицкевич А. 217-218
 Младенов Ст. 28
 Могильнер М. 10
 Модзалевский В.Л. 37, 157
 Моллов Р.Г. 13, 124, 180, 183, 188, 196
 Морозов М. 250
 Морозова М.К. 247, 250
 Мукалов Г.Н. (в переписке: Михайлов) 140-141, 321-322, 346-347, 586-587, 596-597, 602, 610-611
 Муссолини Б. 73, 272

Н

Набоков В. 16
 Наживин И. 204
 Найт Н. 82
 Наносов Н.В. 494
 Наполеон I 62
 Наторп П.Г. 508
 Недзельский Е.Л. 432
 Неклюдова В.В. 201, 204
 Нестьев И.В. 155
 Нечволодов А.В. 257
 Нижинский В. 260
 Никитин А. 381, 386-387, 389
 Никитин В.П. 22, 380, 384, 386-387, 389-390, 402-404, 415, 444, 523
 Николай II 24, 249, 257, 566, 576, 597
 Никон 237
 Никулин Л.В. 42, 134, 296, 370, 613

Нил Сорский 247
Новгородцев П.И. 224, 226–227, 265,
275–276, 417
Новиков М.М. 382
Нольдэ Б.Э. 13, 17, 150, 165, 533–534

О

Обер Т. 281–282, 591–594, 602
Оболенский А. 247
Оболенский А.Д. 250
Олсуфьев Д.А. 312–313
Ольденбург С.С. 245, 249, 575–576
Ольденбург С.Ф. 249
Омарчевски С. 192, 197
Осоргин М.М. 286–287, 311
Оцуп А.А. (псевд. С. Горный) 260
Оцуп Г.А. 260
Оцуп Н.А. 260

П

Павлов А. 256–257, 594–595,
600–601
Пайпс Р. 8, 151, 160
Пастернак Б.Л. 9, 30, 36, 125, 157,
374
Пафнутий Боровский 380
Петерсон М.Н. 203, 205
Петлюра С.В. 38
Петр I 63–64, 294
Петров В.П. 380, 384
Пий X 579–580
Платон 49
Плюшков А.И. (псевд. Н. Угрюмов)
44
Покровский М.М. 26
Половцев П.А. 564–566, 593
Полунин А. 282, 593
Попова А.Д. 156, 181, 185, 188, 212,
217, 223, 225, 228, 234, 236–238,
248, 256, 260, 262, 266, 271, 276,
279, 283–284, 287, 289, 292–293,
295, 299, 301–302, 312, 348, 570,

572, 578–579, 583, 585, 596, 601,
604, 611, 613, 615, 619
Порецкий Н.М. (псевд. И. Рейсс) 147
Поржезинский В.К. 25–27
Порциг В. 109
Поснов М.Э. 186, 189
Потапов Н.М. (в переписке:
Медведев) 612–613
Прокопович С.Н. 323, 325
Прокофьев С.С. 9, 31, 36, 582
Прутков К. 415
Пуанкаре Р. 164
Пузицкий С.В. 134
Путятин С.М. 564–566
Пушкарёв С.Г. 229, 340–342, 410,
415–416
Пушкин А.С. 179, 349, 383–384
Пыпин А.Н. 464, 468
Пэрс Б. 128
Пятаков Г.Л. (в переписке:
Гривенников) 143, 156, 514, 516,
529–532

Р

Радкевич Г.Н. 136, 282, 296
Раев М. 10
Ракитин Ю. см. Ионин Ю.Л.
Распутин Г. 266, 566
Рассел Б. 41
Ратцель Ф. 87, 113, 168
Рахманинов С.В. 569
Реаль дель Сарт М. 566
Рейсс И. см. Порецкий Н.М.
Ремизов А.М. 21, 73, 125, 181, 184,
234–235, 463, 598
Ренненкамф Н.Н. 215, 218
Репин И.Е. 369, 569
Рклицкий Н.П. (в переписке:
Русанов) 385, 495–496,
498–500, 502, 506, 520, 528,
531–536
Римский-Корсаков А.Н. 31

Родзевич К.Б. (в переписке: Росси)
144, 147, 484, 504, 507, 523–524,
543
Родзянко Г.М. 584
Родзянко Т.Н. 131, 204, 583–586,
595, 602
Родченко А.М. 505, 507–508
Рождественский А.П. 180, 184
Розанов В.В. 464–465, 468, 597, 603
Розенберг А. 459
Романицкий А.Г. 144, 539, 543
Романов А.М. 597
Романов В.А. 596–597, 602–603
Романов В.К. 36
Романов Д.П. 564, 566
Романов К.В. (в переписке: Зингер)
256–257, 285, 296, 377, 516,
581–582, 609–610, 616–617
Романов Н.Н. (в переписке: Юнкер,
Юнкерс) 136–137, 256–257, 310,
312, 316–317, 343, 578, 581–582,
588–589, 593, 595, 599, 601–602,
607, 609–610, 613–614
Романова И.А. 566
Романова К.А. 597, 602–603, 606
Романова М.П. 564, 566
Романова М.Ф. 180, 184, 499, 604
Романова С.А. (царевна Софья) 64
Романовский Г.Н. 202, 204–205,
591–594
Ростовцев М.И. 249
Рэм Х. 10
Рябушинский С.П. 279
Рязановский Н.В. 56, 162, 164

С

Савинков Б.В. 77, 164
Савицкий Г.Н. 38
Савицкий Н.П. 37–38, 48, 472, 474
Садовский Я.Д. 233, 235, 259, 268,
272, 320, 341, 463, 585
Саид Э. 80–83, 87, 165, 167

Самарин Ю.Ф. 167
Санфельд К. 108
Сартак, хан 410
Сахаров Н. 201
Святополк-Мирский Д.П. 9, 21–22,
34–36, 44, 48, 129, 143–144, 147,
156, 205, 217, 377, 381, 384, 388,
396–397, 408, 416, 464,
467–468, 482, 523–524, 538, 556,
578–579, 581–582, 592, 595,
597–598, 600–602, 620
Сеземан В.Э. 494
Сеземан Н.Н. 494
Селищев А.С. 110
Семенов А. 10, 167
Серафим (Ляде К.Г.А.) 300
Серафим (Соболев Н.Б.) 188–189,
295–296
Сергий (Королев А.Д.) 291–292
Сергий Радонежский 349
Серио П. 10, 93, 97, 102–103, 170
Сеше А. 377
Симеон Новый Богослов 208, 247,
249
Симонова В.И. 456
Симонова К.И. 192
Сирин Е. 56
Скоропадский П.П. 317
Словацкий Ю. 217–218
Смит Дж. 128, 156
Соколов К.Н. (псевд. К. Дверницкий)
180, 183, 218
Соколов Н.Н. 449
Сократ 102
Соловьев В. 24, 30, 59, 82, 116, 197,
210, 232, 242, 247, 277, 323
Соссюр Ф. де 97, 100, 104, 108, 377
Спенсер Г. 162
Сполдинг Г.Н. 33, 40, 43, 127–130,
132, 141, 146–147, 260, 290,
470–472, 511, 523–525, 527–528,
554, 556, 608, 610–611, 615–617

- Ставровский А.В. 132, 271, 273, 278,
443, 494, 586–587, 594, 603,
608–609, 618
- Стамболийский А. 197
- Сталин И.В. 35, 143, 147, 445
- Степанов И.В. 474, 496–497, 505
- Степун Ф.А. 56, 73, 160, 165, 274,
276, 286, 596
- Стороженко В.А. 506, 508
- Стравинский И.Ф. 9, 16, 21, 36, 156,
342–343, 369, 582, 584, 595
- Струве Г. 569
- Струве М.А. 493–494
- Струве П.Б. (в переписке:
Сукинский, Сучков) 13–14, 33,
37–38, 44, 49–50, 52–55, 59, 67,
83, 101, 137, 151, 160–161, 178,
182, 184, 209, 223, 242, 249, 257,
265, 309–310, 314–315, 323, 325,
339, 341, 343, 363, 412, 417, 569,
575–576
- Стырне В.А. 133
- Сувчинская А.И. 31, 181, 185, 188,
208, 212, 217, 223
- Сувчинская В.А.
см. Гучкова (Трайл) В.А.
- Сувчинская М.Л. 8
- Суперфин Г. 10
- Сухраварди Х.Ш. (Сукраварди Ш.)
202–203, 205
- Сухотин Л.М. 197–198
- Сухотина Т. 197
- Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. 10
- Т
- Тагор Р. 202–203, 205
- Тальберг Н.Д. 443
- Тан-Богораз В.Г. 25, 526
- Татищев Н.Д. (в переписке:
Соломон) 301–304, 309–310,
312, 314–315, 317–318, 341–342,
394, 396, 506, 508, 581, 608
- Тимашев Н.С. 533–534
- Тихомиров Л.А. 615
- Тихон (Лященко Т.) 208–209
- Тихон 189, 359, 617
- Тихон Задонский 208
- Товстолес Г.Н. 487–488, 519
- Толстой Л.Н. 383, 465, 468, 535, 556,
569, 597
- Тольц В. 10
- Томашевский Б.В. 133, 499, 501–502
- Трайл Р. 348
- Тредголд Д. 41
- Трубецкая В.П. 188, 190–192, 197, 214,
217, 225, 229, 236, 259, 262, 283,
290, 299, 304, 314, 318, 343–344,
348, 359–360, 381, 384, 415, 429,
431, 440, 442, 446, 456, 495, 527
- Трубецкая Д.Н. 287, 289, 430
- Трубецкая (Исаченко) Е.Н. 287, 289
- Трубецкая М.С. 312, 522
- Трубецкой А.Е. 197–198
- Трубецкой Г.Н. 25, 50, 159, 224, 226,
256–257, 264–265, 268, 300, 316,
346–347, 376, 378, 415, 418
- Трубецкой Е.Н. 25, 197–198
- Трубецкой С.Н. 24, 30, 102, 116, 197,
312
- Тургеиев И.С. 569
- Туринцев А.А. 504, 507
- Тынянов Ю.Н. 463, 545
- У
- Угрюмов Н. см. Плюшков А.И.
- Уманский Д.А. 234–235
- Унгаретти Дж. 71
- Уппелинш Э.О. (в переписке:
Опперпут, Стауниц, Касаткин)
134, 137, 294–297, 301, 509
- Уркварт Л. 126, 203
- Урусов Л.В. 359, 362, 374
- Устрялов Н.В. 34, 73, 178, 182,
185–186, 320

Ухтомский Н.П. 365, 369
Ушаков А.И. 497, 499
Ушаков Д.Н. 449
Уэллс Г. 28, 77, 124, 527, 529

Ф

Фасмер М. 446
Федоров А.А. см. Якушев А.А.
Федоров Н. 35, 147
Федотов Г.П. (псевд. Е. Богданов)
464, 467

Фернандес Р. 464, 467

Фехнер А. 616–617

Филиппенко А.К. 508

Фихте И.Г. 161–162

Флоровская К.В. 344, 347

Флоровский Г.В. 13, 21–22, 33, 39,
52, 57–58, 83, 149, 153, 161, 169,
177–178, 180, 182–183, 185,
191–193, 199, 201, 203, 205–206,
209, 214–215, 218, 222, 224,
226–233, 235, 237–238, 240–247,
250–252, 255, 265, 267, 271,
323, 325, 341, 347, 365, 379, 392,
433, 456, 557–558, 572–573

Фортунатов Ф.Ф. 205, 445, 483

Фостер Э.М. 464, 467

Фрайк С.Л. 21, 50, 265–266,
338–340, 342, 380–381, 388,
424–425, 433, 459–460,
590

Фробениус Л. 87

Фрумкин Я.Г. 573

Фуко М. 97, 169

Фундаминская А.О. 597

Фундаминский И.И.
(псевд. И.И. Бунаков) 596–597
Фюлеп-Мюллер Р. 234–235

Х

Халид А. 82

Хальперин Ч. 10

Хара–Даван Э. (в переписке:

Харадаваев) 169, 536–537

Харитон (Дроботов) 299

Хвольсон О.Д. 379, 383

Хеймсон Л. 151

Херф Дж. 151

Хетцш О. 191

Ходасевич В. 156

Хомяков А.С. 284–287, 293, 360,
369, 424–425

Хлебников В. 32

Ц

Цветаева М. 9, 21, 30, 34, 36, 63–64,
125, 134, 147, 156, 461–463, 471,
484, 494, 584

Ч

Чаадаев П.Я. 62

Чайковский П.И. 212, 569, 585

Чеботарева Т. 10

Челищев П.Ф. 9, 188, 190–192

Чепинская М.В. 158

Четвериков С.И. 57, 291–292, 523

Чехов А.П. 179, 181, 384

Чингисхан 289–290, 560

Чхеидзе К.А. 22, 144, 147, 484, 488,
539, 542–543

Ш

Шавельский Г.И. 180, 184

Шаляпин Ф.И. 31

Шапиро Л. 41

Шахматов М.В. 244–246, 248, 323

Шаховской Д.А. 381–382, 384

Шелига-Сувчинский П. 31

Шенберг А. 582–583

Шеповалов А.А. 100, 430, 432

Шептицкий А. 296

Шимановский К. 156

Ширинский-Шихматов А.А. 491

Ширинский-Шихматов К.А. 136,
491

Ширинский-Шихматов Ю.А.
 (псевд. Г. Лукьянов) 490-491,
 580, 594-597, 604-605, 611, 616
 Шкуро А.Г. 390
 Шлейхер А. 106-107
 Шмидт В. 87, 110-111, 167
 Шмидт К. 417
 Шнеерсон Г.М. 31
 Шпанн О. 457-460, 486
 Шпенглер О. 66, 79, 87
 Шульгин В.В. 323
 Шурупов Н. 188-189

Щ

Щапов А.П. 65
 Щелгачев В.И. 605
 Щелгачев В.Ф. 135-136
 Щерба Л.В. 526

Э

Эйлер А.А. 251, 254
 Эйхенбаум Б.М. 547
 Энгельс Ф. 491
 Энден М.Н. 57, 132, 494, 586-587,
 594-596, 598, 600-603,
 607-610, 615-616

Эренбург И.Г. 36, 125, 193-194,
 196-197
 Эфрон С.Я. 43, 134, 144, 147, 348,
 471, 484, 494, 543, 583-584

Ю

Юдина М.В. 9, 36
 Юсупов Ф.Ф. 564, 566

Я

Яблоновский А.А. 271, 273
 Ягич В. 29
 Якобсон Р.О. 8, 20-23, 26-29, 35, 39,
 46, 68-69, 76, 79, 93, 95-101,
 103, 105, 108-111, 115-116, 118,
 120, 124, 154, 156, 162, 165, 223,
 260, 374, 376-377, 383, 444-445,
 502-503, 545
 Якобсон С.О. 190-191
 Яковлев Н.Ф. 444-445, 447, 526
 Якушев А.А. (псевд. А.А. Федоров)
 33, 44-45, 135-137, 270,
 272-273, 279-282, 491, 510-511,
 563, 565, 578-580, 586-591, 596,
 602, 604-605, 609-610, 612-613
 Яшвилль Н.Г. 584

СЕРГЕЙ ГЛЕБОВ
ЕВРАЗИЙСТВО
МЕЖДУ ИМПЕРИЕЙ И МОДЕРНОМ
ИСТОРИЯ В ДОКУМЕНТАХ

РЕДАКТОР
Майя Лавринович
ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР
Татьяна Трофимова
КОРРЕКТОРЫ
Мария Смирнова, Елена Елочкина
ВЕРСТКА
Тамара Донскова
ПРОИЗВОДСТВО
Семен Дымант

Новое издательство
119017, Москва
Пятницкая улица, дом 41
телефон / факс (495) 951 6050
e-mail info@novizdat.ru
<http://www.novizdat.ru>

Подписано в печать 16.02.2010
Формат 60×90/16
Гарнитура Ostava
Объем 39,5 усл. печ. л.
Бумага офсетная
Печать офсетная
Заказ № 4
Отпечатано
с готовых диапозитивов
в ООО «Типография Момент»
141406, Московская область
город Химки,
Библиотечная улица, дом 11